Новое Слово

журналъ

научно литературный
и
политическій

годъ II. кн. 1.

Октябрь 1896.

Издатель Гр.

1896 г.—Октябрь № 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ЗАБЫТЫЙ ПОНОМАРЬ. (Повѣсть). Н. Потапенко. . . . . 1— 49
2. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . . 50— 65
3. СИРОТКИ. Кота-Мурлыки. . . . . 66— 82
4. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ГРАМОТНОСТИ ВЪ РОССІИ. В. Петрова . . . . . 83—113
5. ИСКОРКИ. Н. Рубакина. . . . . 114—135
6. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ РЕПЕТИТОРА. Новелла Генриха Сенкевича. Переводъ Мих. Гербановскаго. . . . . 136—151
7. ЛИСТКИ ИЗЪ ЖИЗНИ. Стихотвореніе. П. Я. 152
8. БРИШАНТО. (Очерки изъ жизни французскаго актера). Жюля Клареси. Пер. О. П. I—III. . . . . 153—188

---

9. КУСТАРИ НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ. А. Погосской. 1— 19
10. ВСЕРОССІЙСКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ. К. Т—ина. . . . . 20— 47
11. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕРЕВЕНСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ. В. Сѣровой. . . . . 48— 62
12. КЪ ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ ВО ФРАНЦІИ ДО И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІИ. И. Лучицкаго. . . . . 63— 89
13. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. П. О. . . . . 90—102

---

14. НОВЫЯ КНИГИ.

Изящная словесность. Критика. Исторія литературы. Ѳедоръ Сологубъ. Тяжелые сны. Спб. 1896 г.—А. Краснцкій. Въ туманѣ тысячелѣтія. Спб. 1896 г.—Сочиненія Людвига Берне въ переводѣ Петра Вейнберга. Спб. 1896 г.—**Историческія, общественныя и юридическія науки.** И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Варшава 1896 г.—И. В. Лучицкій. Крестьянская поземель-

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ II. КН. 1.

ОКТЯБРЬ

1896.

27299
Пров. 50

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1896 г.—Октябрь № 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ЗАБЫТЫЙ ПОНОМАРЬ. (Повѣсть). Н. Потапенко. . . . . 1— 49
2. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . . 50— 65
3. СИРОТКИ. Кота-Мурлыки. . . . . 66— 82
4. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ГРАМОТНОСТИ ВЪ РОССІИ. В. Петрова . . . . . 83—113
5. ИСКОРКИ. Н. Рубакина. . . . . 114—135
6. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ РЕПЕТИТОРА. Новелла Генриха Сенкевича. Переводъ Мих. Гербановскаго. . . . . 136—151
7. ЛИСТКИ ИЗЪ ЖИЗНИ. Стихотвореніе. П. Я. 152
8. БРИШАНТО. (Очерки изъ жизни французскаго актера). Жюля Клареси. Пер. О. П. I—III. . . . . 153—188

---

9. КУСТАРИ НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ. А. Погосской. 1— 19
10. ВСЕРОССІЙСКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ. К. Т—ина. . . . . 20— 47
11. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕРЕВЕНСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ. В. Сѣровой. . . . . 48— 62
12. КЪ ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ ВО ФРАНЦІИ ДО И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІИ. И. Лучицкаго. . . . . 63— 89
13. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. П. О. . . . . 90—102

---

14. НОВЫЯ КНИГИ.

Изящная словесность. Критика. Исторія литературы. Ѳедоръ Сологубъ. Тяжелые сны. Спб. 1896 г.—А. Красницкій. Въ туманѣ тысячелѣтія. Спб. 1896 г.—Сочиненія Людвига Берне въ переводѣ Петра Вейнберга. Спб. 1896 г.—**Историческія, общественныя и юридическія науки.** И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Варшава 1896 г.—И. В. Лучицкій. Крестьянская поземель-

ная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ. 1896 г.—Землевладѣніе и сельское хозяйство.—Промышленность. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. Москва. 1896 г.—Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. VI. Спб. 1896 г.—Альфонсъ Дюнанъ. Народное законодательство въ Швейцаріи. Спб. 1896 г.—**Педагогія. Книги для народа.** М. И. Демковъ. Исторія русской педагогіи Ревель, 1896 г. — Эдмондъ Дэмоленъ. Какъ воспитывать нашихъ дѣтей Переводъ съ французскаго. Изданіе Б. Н. Лебедева. — Кон. Вентцель. Основныя задачи нравственнаго воспитанія. М. 1896 г.—Изданія Спб. Комитета Грам. 1896 г.—Народный театръ. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. М. 1896 г. — **Философія, психологія и этика.** Генри Друммондъ. Прогрессъ и эволюція человѣка. М. 1896 г.—М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Вып. I и II. Спб.—Генри Джоржъ. Прогрессъ и бѣдность. Пер. А. Г. Сахаровой подъ ред. А. К. Шеллера. Спб. 1896 г. . . . . 103—124

15. ДМИТРІЙ НАРКИСОВИЧЪ МАМИНЪ. **А. Скабичевскаго.** . . 125—142

16. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. Интересы дня. Скромныя европейскія торжества. — Открытіе статуи Борнса въ Пэзли.—Постановка гранитной доски на домѣ, гдѣ родился Ренанъ.—Столѣтній юбилей старѣйшаго въ свѣтѣ журнала.—Устройство народнаго театра въ Бюссанѣ.—Смерть творца шведской конституціи, отца норвежскаго языка и англійскаго поэта-соціалиста.—Конгрессы.—Защита уголовной антропологіи ея главами, Ломброзо и Ферри.—Допущеніе Россіи и Турціи въ международную парламентскую конференцію мира. . . . . 143—159

II. Между журналами и газетами. **В. Т.** . . . . . 160—167

17. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

КЪ ВОПРОСУ О ПЕРЕОЦѢНКѢ НЕДВИЖИМЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ **А. Ш.** . . . . . 168—172

ВОЛОСТНОЙ БЮДЖЕТЪ БЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ. **Кл. В—ва.** 172—176

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Донской области. (Экономическое положеніе донского казачества). **С. Харитонова.**—Изъ Воронежа. (Пробужденіе воронежскаго губернскаго земства). **И. Николаевскаго.**—Изъ Череповца. (Что представляетъ изъ себя Череповскій уѣздъ и что ему нужно?) **К. Левина.** . . . . . 176—200

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. **Н. П—аго.** . . . . . 201—206

18. ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. **С. К.** . . . . . 207—220

19. ОБО ВСЕМЪ. **О. Барановой.** . . . . . 221—228

20. УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ «НОВОЕ СЛОВО» за 1-й годъ изданія. . . . . 229—240

21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

22. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерина** . . . . . 113—144

Новые подписчики, подписавшіеся на журналъ до 1 января 1897 г., при одной изъ книжекъ послѣ 1 января получатъ вышедшіе 7 листовъ сочиненія Жюссерана «Исторія англійскаго народа въ его литературѣ». (Прилож. къ «Новому Слову» 1895—1896 года).

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ЗАБЫТЫЙ ПОНОМАРЪ.

(повѣсть).

I.

Это случилось въ срединѣ лѣта. Жара стояла невыносимая, какая бываетъ только въ Новороссіи, гдѣ на разстояніи десятковъ и сотенъ верстъ тянутся однообразныя поля, изрѣдка только оживляемыя поселкомъ съ наполовину вызженными солнцемъ фруктовыми садиками; гдѣ жалкія рѣченки въ лѣтнюю пору высыхаютъ до дна, а лѣса никогда не росли; гдѣ малопригодную для питья воду достаютъ изъ глубоко вырытыхъ колодцевъ, при помощи высокихъ, тонкихъ „журавлей“, одно присутствіе которыхъ говоритъ о засухѣ и безводіи и наводитъ уныніе и тоску.

Леонидъ скинулъ полукафтанье и, оставшись въ бѣлой рубахѣ, всученной въ широкіе серпянковые шаровары, которые, въ свою очередь, были втиснуты въ голенища сапогъ, трудился надъ полсотней житныхъ сноповъ, собранныхъ съ его десятины. Онъ страшно торопился и оттого весь обливался потомъ. Жалкая косичка, въ которую онъ, ради удобства, собралъ всѣ остатки своихъ сѣдыхъ волосъ, въ началѣ работы довольно игриво подпрыгивавшая на затылкѣ при каждомъ взмахѣ цѣпомъ, теперь насквозь промокла потомъ и, прилипнувъ къ вороту рубахи, немного влѣво, смиренно притаилась.

Было уже порядкомъ за полдень, а работы еще оставалось много. Между тѣмъ, Леонидъ долженъ былъ во что бы то ни стало сегодня кончить. Своего тока (гумна) у него не было. Съ дозволенія отца дьякона, онъ пріютился на току при церковномъ домѣ, но отецъ дьяконъ самъ завтра принимался за молотьбу. Ну, значитъ, или кончай сегодня, хотя бы пришлось махать цѣпомъ всю ночь, или откладывай на добрыхъ три недѣли, потому что у отца дьякона цѣлыхъ пять вонъ какихъ стоговъ стоитъ, и дѣло будетъ серьезное.

Но Леонидъ былъ не одинъ. Дѣвчонка лѣтъ двѣнадцати, въ ситцевой юбкѣ, въ бѣлой холщевой сорочкѣ, босая, съ низко остри-

женной головой, дѣйствовала то граблями, то вилами, встряхивая на воздухѣ солому, чтобы изъ нея получше высыпалось на землю зерно, отгребая въ сторону уже вымолоченную, подкладывая новые снопы, предварительно развязавъ и снявъ съ нихъ „перевясла". Солнце безпощадно палило ей голову. и темные, густые волосы, торчавшіе ежикомъ, блестѣли, какъ сталь.

Погруженные въ работу, старикъ и дѣвчонка не обратили вниманія на то странное обстоятельство, что отецъ дьяконъ, вообще, благодаря своей комплекціи, тяжелый на подъемъ и не любившій слишкомъ быстрыхъ передвиженій, теперь не шелъ, а прямо-таки бѣжалъ по направленію къ церковному дому. Лицо его было совершенно красно и покрыто крупными каплями пота, пышные волосы растрепались, полы кафтана разошлись въ обѣ стороны, открывая вполнѣ не слишкомъ щепетильный интимный туалетъ отца дьякона, а рясы на немъ совсѣмъ не было.

— Фу!—съ глубокимъ вздохомъ произнесъ онъ, подойдя къ досчатой изгороди тока и поднявъ правую ногу, чтобы перелѣзть черезъ нее, такъ какъ это было сдѣлать легче и скорѣе, чѣмъ развязывать отъ столба ворота и отворять ихъ.—Ну, Леонидъ, просто не знаю, какъ и быть.

Онъ уже перелѣзъ черезъ заборъ и стоялъ около Леонида, который, въ увлеченіи работой, поднялъ цѣпъ надъ самой его головой.

— Да ты постой,—прибавилъ отецъ дьяконъ:—я вѣдь не снопъ жита, меня молотить не для чего...

— Откуда вы взялись, отецъ дьяконъ?—спросилъ, чинно опустивъ свое оружіе, Леонидъ:—да еще такіе, что даже не знаю, что и подумать... Оно вамъ даже вредно въ такую жару... Шея-то у васъ короткая, отецъ дьяконъ... Не дай Богъ чего...

— А, ну тебя, съ твоей шеей!.. Не до шеи тутъ... Съ отцомъ Анастасіемъ бѣда...

— Съ отцомъ Анастасіемъ? А что такое съ отцомъ Анастасіемъ?

— Худо, говорю, худо. Вдругъ это сдѣлалось, какъ бы въ родѣ удара...

— Да что вы говорите?

— То и говорю, что есть... Пошелъ я къ нему, самъ знаешь, зачѣмъ. На хуторѣ старый Щебнякъ померъ, такъ завтра просили хоронить... Ну, и засталъ его ничего себѣ, сидѣлъ въ сѣняхъ—это для прохлады—и квасъ лимонный, что матушка такъ хорошо дѣлаетъ, пилъ... Одно только: никогда, говоритъ, отъ жары такъ не страдалъ, какъ сегодня, и даже, говоритъ, головокруженіе чувствую. Это онъ сказалъ. Одначе, продолжалъ разговоръ и даже назпа-

чилъ завтра утречкомъ въ шесть часовъ, въ прохладѣ чтобы, на хуторъ ѣхать. А Леонида, говоритъ, тревожить не будемъ, потому что у него жаркая работа. Только смотрю: у него какъ бы въ глазахъ помутнѣніе, а самъ это краснѣетъ, да все больше и больше, да вдругъ рукой замахалъ передъ собою, а другой воротъ рубахи разрываетъ, а устами—такъ видно, что усиліе дѣлаетъ что-либо сказать да не можетъ. Вижу, дѣло плохо, матушку покликалъ... Поддержали. Работникъ Ѳома прибѣжалъ... Подхватили его втроемъ да на диванъ перенесли, а онъ и чувствъ лишился...

У Леонида выпалъ изъ рукъ цѣпъ и ударилъ его самого по ногамъ.

— Такъ это что же?.. Конецъ, что-ли?—спросилъ онъ оторопѣвшимъ голосомъ.

— Конецъ не конецъ, а плохо... совсѣмъ плохо!.. Привели въ чувство да того... языкомъ не владѣетъ... Такъ что-то лопочетъ, а понять невозможно. И лѣвой ноги не чувствуетъ... Дрянное дѣло, Леонидъ...

— Фу ты, Господи!.. Жалко!.. Ей-ей жалко!..

— Да какъ же не жалко? Хорошій человѣкъ! Какъ тутъ не жалко?

— Да вы меня прямо сразили, отецъ дьяконъ! О. Анастасій! Такой здоровый былъ человѣкъ... И не пилъ онъ такъ, чтобы ужъ чрезмѣрно... Ну, я теперь даже и молотить не могу... Руки опустились!..

— Гдѣ ужъ... Брось... Завтра, пожалуй, день тебѣ подарю... Тамъ за докторомъ послали въ городъ... Сорокъ пять верстъ! Пока пріѣдетъ... Эхъ!

О. дьяконъ махнулъ рукой и этимъ жестомъ досказалъ свою мысль.

Леонидъ ужъ больше не подымалъ цѣпа.—Сгреби это, Марина!—сказалъ онъ дѣвчонкѣ, и пока та работала граблями, сгребая недомолоченную солому въ кучу, онъ вмѣстѣ съ дьякономъ направился въ домъ.

Тутъ дьяконъ повторилъ свой разсказъ дьяконшѣ и всѣмъ своимъ многочисленнымъ чадамъ. Дьяконша тотчасъ же сняла засаленный фартукъ, наскоро собрала волосы и заключила ихъ въ сѣтку и вообще привела себя въ болѣе приличный видъ и затѣмъ, какъ женщина столь же сердобольная, сколь и любопытная, поспѣшно отправилась соболѣзновать и помогать матушкѣ ухаживать за больнымъ.

Дьяконскія дѣти не испытали особеннаго потрясенія при из-

вѣстіи о болѣзни о. Анастасія и, высыпавъ гурьбою во дворъ, продолжали прерванную игру. Марина, хотя и добросовѣстно помогавшая отцу въ молотьбѣ, но не испытывавшая отъ этого никакого удовольствія, съ большой живостью присоединилась къ нимъ.

Дьяконъ и Леонидъ остались вдвоемъ. Оба были разстроены и довольно долго не могли сказать другъ другу ничего дѣльнаго, а все произносили восклицанія, изъ которыхъ можно было понять, что участь о. Анастасія была для нихъ неожиданна и что оба они были искренно огорчены. Дьякону первому пришли въ голову практическія мысли.

— И полагаю я, что онъ ужъ болѣе не встанетъ, нашъ о. Анастасій!..—заявилъ дьяконъ.

— Не встанетъ!—какъ эхо повторилъ Леонидъ.—А бываетъ, что и поправляются... Особенно ежели съ жары... А у него это съ жары.. Ужъ такая сегодня жара, я думаю, что и въ адѣ не жарче... Ужъ на что я—сухой человѣкъ, а и то въ голову ударяло, о. дьяконъ!

— Можетъ и встанетъ, да только не будетъ годенъ... Члены отнялись, вотъ что плохо!..

— Жалость какая!

— За штатъ уйдетъ!..

— Что-жъ... Домишко у него свой, достатокъ малый есть, даже землицы своей собственной тридцать двѣ десятины имѣетъ. А матушка у него—хозяйственная. Дѣтей малыхъ нѣту, а семинаристовъ на казенный коштъ возьмутъ... Проживутъ!..

— Такъ-то оно, такъ, Леонидъ... Да я не объ этомъ...

— А объ чемъ же, о. дьяконъ?

— А объ томъ я, что ежели о. Анастасій въ заштатъ уйдетъ, такъ намъ другого назначатъ...

— И я думаю, назначатъ! Какъ же иначе? Ну, и пускай себѣ!—откликнулся о. Леонидъ.

— Ты говоришь, пускай? Гм... А вѣдь неизвѣстно, какой еще будетъ! О. Анастасій добрый, а тотъ—Богъ его знаетъ. Вотъ про что я говорю.

— Эхъ, о. дьяконъ! Для чего ему недоброму быть? Зла мы ему не будемъ дѣлать, ну, значитъ,—и онъ къ намъ обязанъ быть по человѣчеству...

— Эхъ, Леонидъ, Леонидъ! Старъ ты человѣкъ, а умомъ все младенецъ... Не приходится мнѣ наводить тебя на это, а надо... Забылъ ты, что-ли, а?

— О чемъ это вы, о. дьяконъ?

— Ну, вотъ, я же говорю, что ты умомъ младенецъ. Вѣдь но-

вый-то; когда будетъ ѣхать сюда, я думаю, въ консисторіи справится, какой у насъ штатъ положенъ...

— А пускай себѣ справляется!

— Да какъ же пускай? Справится онъ и узнаетъ, что тутъ полагается настоятель и псаломщикъ, и болѣе никого. А какъ псаломщицкую вакансію замѣщаю я, то и выходитъ, что ты какъ бы тутъ не при чемъ!

— Какъ же я не при чемъ? Жить же мнѣ надо, какъ вы полагаете объ этомъ, о. дьяконъ?

— Вотъ ты опять свое! Жить надо, конечно, всякому надо жить, да какъ вакансіи нѣтъ? Какъ тутъ быть?

— Вотъ вѣдь вакансіи и теперь нѣтъ, а живу же я?

— Ну, такъ ты окончательно глупъ, Леонидъ. Ты какъ будто ничего и не помнишь. Знаешь же ты, что назадъ тому восемь лѣтъ, по указу консисторіи, во всей губерніи нашей пономари были уничтожены. Всѣмъ пономарямъ было велѣно либо держать экзаменъ на псаломщика, либо подавать за штатъ. И какъ твоя должность была пономарская, то она была тѣмъ указомъ уничтожена. Вотъ ты тогда и пришелъ къ о. Анастасію и говоришь:—что же я теперь буду дѣлать?—А у тебя какъ разъ въ то время жена скончалась, и ты остался одинокъ, съ Мариной на рукахъ, и былъ ты въ великомъ горѣ. О. Анастасій и говоритъ:—подавай на псаломщика, держи экзаменъ!—А ты ему: гдѣ мнѣ? Развѣ я могу? Какая моя ученость?—Ну, тогда въ заштатъ, говоритъ о. Анастасій. А ты плакать началъ, потому была у тебя Марина, пятилѣтка, ты и говоришь:—какъ же я ее прокормлю, о. Анастасій?—Ну, вотъ, о. Анастасій, видя твою нужду и какъ ты впалъ въ отчаяніе, и говоритъ мнѣ:—знаешь что, дьяконъ... Жили мы доселѣ втроемъ, и намъ хватало, будемъ и впредь такъ жить...—А я еще спросилъ его:—а какже указъ?—А онъ отвѣчаетъ:—ну, что жъ такое, что указъ? Ежели мы по своей волѣ желаемъ съ нимъ дѣлиться, такъ это никому не обидно. Указъ себѣ указомъ, а Леонидъ пускай доживаетъ свой вѣкъ пономаремъ. Мы просто ничего объ этомъ писать не будемъ, да и только. А благочинный пріѣдетъ и посмотритъ на это сквозь пальцы.—Такъ и сдѣлали. И жилъ ты.

— Такъ оно и есть, о. дьяконъ!—просто и спокойно согласился Леонидъ.

— Гм!.. Такъ оно и есть. Но вѣдь такъ оно не будетъ! О. Анастасій мнѣ мою псаломщицкую долю отдаетъ, съ каждаго рубля по тридцать копѣекъ, потому иначе мнѣ съ моей кашей (при этомъ онъ кивнулъ головой по направленію ко двору, гдѣ играли его дѣти)

прожить нельзя, а кромѣ того изъ своей настоятельской доли—тебѣ отдѣляетъ десять копѣекъ... Такъ вѣдь это же его добрая воля, а другой этого дѣлать не обязанъ... Ты вникни, Леонидъ, вникни...

— Чудные вы, о. дьяконъ. Да что же намъ звѣря, что-ли, пришлютъ? Вѣдь человѣкъ же онъ будетъ, человѣкъ!

Дьяконъ съ минуту выразительно смотрѣлъ на Леонида, потомъ покачалъ головою, махнулъ рукой и сказалъ:

— Съ тобою говорить только время тратить! Ты будто не человѣкъ, а духъ. Сказать бы, молодъ былъ, неопытенъ, а то—сѣдовласъ, на двухъ женахъ женатъ былъ и отъ первой претерпѣлъ много страданій... А все въ жизни ничего не понимаешь. Счастливый ты человѣкъ, Леонидъ, какъ я погляжу!

— А чѣмъ нѣтъ? Я никогда и не жалуюсь...

— Счастливый! Все тебѣ въ лучшую сторону показывается... Тебѣ ежели бы каменный дождь съ неба падалъ, а ты бы говорилъ: манна небесная! Какъ же ты не счастливый? Такъ молотить сегодня не будешь?—прибавилъ дьяконъ уже вполнѣ дѣловымъ тономъ.

— Если говорите, что завтра можно, такъ ужъ воздержусь. Тяжко какъ-то! Очень взволнованъ я отцомъ Анастасіемъ. Пойду вотъ къ нему да справлюсь, не лучше-ли. И доктора изъ города дождусь...

Леонидъ надѣлъ полукафтанье, поправилъ косичку, водрузивъ ее какъ разъ посерединѣ затылка, покрылъ голову черной шляпой, отъ времени утратившей свой первоначальный фасонъ и не пріобрѣвшей новаго, и вышелъ изъ дома. Проходя мимо игравшихъ дѣтей, онъ остановился, погладилъ по бѣловолосой головѣ четырехлѣтняго дьяконскаго Веніамина и сказалъ своей Маринѣ:

— Я къ о. Анастасію! Къ обѣду приду, а коли не приду, кушайте съ Дарьей безъ меня... А молотить нынче не будемъ...—и пошелъ деревенской дорогой.

II.

О. Анастасій жилъ въ своемъ домѣ, который построило и подарило ему общество въ тотъ годъ, когда праздновалось двадцатилѣтіе его службы на приходѣ. Раньше онъ жилъ въ старомъ церковномъ домѣ, нынѣ уже совсѣмъ развалившемся. Отъ церкви надо было пройти съ полъ-версты. При домѣ былъ палисадникъ, высокіе сарай и обширный токъ, на которомъ стояли длинныя скирды сѣна и круглые, желтые стоги еще не умолоченнаго хлѣба. Домикъ, одноэтажный, аккуратненькій, съ зелеными оконными рамами, съ хорошо подстриженной камышевой крышей, на которой въ помѣ-

стительномъ кругломъ гнѣздѣ ютилось семейство аистовъ, былъ, какъ и всѣ деревенскія хаты, построенъ изъ соломы, камыша и глины. Неподалеку извивалась узкая ложбина—высохшее за лѣто русло рѣчки; но весной оно наполнялось водой, которая на зиму превращалась въ ледяной катокъ. Тутъ ребятишки съ утра до вечера „скользались", устроивъ себѣ коньки изъ высохшихъ реберъ дохлой овцы. Зимой это было самое веселое мѣсто во всей деревнѣ, а теперь солнце палило здѣсь, какъ и вездѣ.

Около дома о. Анастасія высился длинный столбъ, на самой верхушкѣ котораго былъ поперечно водруженъ другой такой же; одинъ конецъ его съ привязаннымъ къ нему деревяннымъ ведромъ, носящимъ названіе „бадьи", смотритъ прямо въ небо, другой, съ тяжелымъ камнемъ, припалъ къ землѣ. Это—журавль, при помощи котораго вытаскиваютъ воду изъ колодца. А колодецъ тутъ же, подъ журавлемъ, узкій и глубокій; со дна его вѣетъ прохладой и, если наклониться надъ нимъ и произнести какое-нибудь слово или кашлянуть или чихнуть, то тамъ, въ этой зеркальной глубинѣ, въ которой отражаются и журавль съ бадьей, и небо съ бродящими по немъ бѣлыми облачками, звукъ этотъ повторяется цѣлымъ хоромъ таинственныхъ голосовъ — звонкихъ, крикливыхъ, протяжныхъ. Оттого-то ребятишки такъ любятъ заглядывать въ этотъ колодецъ и потому-то жерло его прикрыто тяжелой дву-створчатой дверцей, запертой большимъ желѣзнымъ замкомъ, и всякій разъ, когда надо достать изъ него воды какому-нибудь проѣзжему человѣку, чтобы попоить лошадь и самому освѣжиться холодной влагой, приходится обращаться за ключемъ къ самой матушкѣ.

Леонидъ шелъ быстрой походкой, но его часто останавливали мужики, молотившіе хлѣбъ на своихъ токахъ. О. дьяконъ, проходя этой же дорогой часъ тому назадъ, многимъ сообщилъ о несчастіи, постигшемъ о. Анастасія. И теперь мужики, видя духовное лицо, опускали свои цѣпы и озабоченно спрашивали:

— А что, Леонидъ Марковичъ, правда, что съ нашимъ батюшкой такая бѣда стряслась?

— Самъ не видалъ еще, а о. дьяконъ говоритъ, что такъ!—отвѣчалъ Леонидъ.

Мужики сочувственно качали головою и не сразу послѣ этого продолжали работу. Леонидъ подвигался дальше, и его останавливалъ тотъ же вопросъ. Такимъ образомъ его не длинное по разстоянію путешествіе затянулось, и когда онъ подходилъ къ дому о. Анастасія, солнце уже изрядно подалось на западъ и дневная жара видимо ослабѣла.

Собаки, лежавшія за воротами, ни на минуту не усомнились въ Леонидѣ. Онѣ отлично знали эту длинную поджарую фигуру въ черной шляпѣ и въ узкомъ кафтанѣ, утратившемъ отъ времени сколько-нибудь опредѣленный цвѣтъ. Поэтому онѣ даже не подняли головы, а только привѣтственно постучали хвостомъ по землѣ. Только одна Юзька, съ гладкою шерстью шеколаднаго цвѣта, отличавшаяся льстивымъ характеромъ, поднялась и начала въ честь Леонида извиваться всѣмъ своимъ туловищемъ, словно ее щекотали.

Леонидъ вошелъ во дворъ. Работникъ Ѳома несъ въ конюшню охабку сѣна для лошадей. Увидѣвъ Леонида, онъ остановился и хотѣлъ-было снять шапку, но вдругъ вспомнилъ, что у него обѣ руки заняты сѣномъ и пошелъ дальше. Во дворѣ больше не было ни души. Онъ вошелъ въ сѣни и былъ удивленъ необычайной тишиной въ комнатахъ. Тутъ онъ повернулъ не направо, гдѣ былъ кабинетъ о. Анастасія, а налѣво, гдѣ помѣщалась столовая и гдѣ скорѣе всего можно было встрѣтить матушку.

Но матушки онъ здѣсь не нашелъ. За столомъ сидѣла и приготовляла горчишникъ діаконша.

— Тише, Леонидъ!—шепотомъ произнесла она, и Леонидъ сейчасъ же сталъ на цыпочки и со всею осторожностью притворилъ за собой дверь.

— А что? Какъ о. Анастасій?—спросилъ онъ.

— Должно быть, что плохо... Присядь! Фершалъ сказалъ, что рука и нога отняться должны...

— Фершалъ? Да онъ развѣ понимаетъ? Фершалу вѣрить нельзя. Онъ пьяница. Онъ ничего не понимаетъ. Я ему курицу лѣчить не довѣрилъ бы... Это горчишникъ?

— Фершалъ велѣлъ на спину поставить...

— Это ему надо поставить въ одномъ мѣстѣ... Какъ же можно въ такомъ дѣлѣ этого пьяницу слушать? Можетъ, онъ отъ этого самаго горчишника умретъ!..

— Не знаю... Мнѣ матушка приказала: растирай, говоритъ, діаконша, горчицу...

— Такъ матушка же теперь головы лишилась и на все бросается... Какъ же можно?.. Надо доктора подождать...

— Не знаю, Леонидъ, не знаю...

Вошла матушка съ опухшими отъ слезъ глазами.—Охъ, Леонидъ, и ты здѣсь! Охъ!—простонала она:—спасибо добрымъ людямъ... Не одна я!..

— Вы, матушка, никогда одна не будете! не разстраивайтесь!—

сказалъ Леонидъ.—А только этого пьяницу, Конопляненка, прогоните!..

— Охъ, все же онъ по лѣчебной части... Все же!..

— Говорю же вамъ, матушка, онъ по пьяной части, единственно по пьяной... Вы же знаете, что онъ со мною сдѣлалъ... Покойницу мою, Лукьяну, кто погубилъ, какъ не онъ, да еще вотъ этими самыми горчишниками! Докторъ потомъ сказалъ: ежели бы не горчишники, непремѣнно отходили бы!..

— Охъ, Леонидъ, не пугай хоть ты меня!.. Вѣдь я женщина, что я понимаю? Онъ говоритъ: горчишникъ кровь оттягиваетъ, а у него, у о. Анастасія, кровь.. Какъ же тутъ быть?..

— Не вѣрьте вы ему, не вѣрьте, матушка, и не вѣрьте!..

Въ это время вошелъ изъ внутреннихъ комнатъ фельдшеръ—высокій, плечистый, кудластый малый съ смуглымъ, загорѣлымъ лицомъ.

— Вотъ теперь въ самый разъ!—сказалъ онъ, можетъ быть, еще не видя Леонида, и прямо направился къ діаконшѣ, усердно растиравшей горчицу.

— Что это такое въ разъ?—сурово спросилъ Леонидъ и почему-то вмѣстѣ съ своимъ стуломъ придвинулся къ діаконшѣ.

— А это ужъ намъ предоставьте, Леонидъ Марковичъ!..—сразу воинственнымъ тономъ отвѣтилъ фельдшеръ.

— Нѣтъ, ты, братецъ, это оставь, оставь!—внушительно посовѣтовалъ ему Леонидъ.

— Да почему такое—оставь? Вѣдь вы не докторъ, Леонидъ Марковичъ!..

— Оставь, говорю...

— Кто-нибудь одинъ долженъ тутъ лѣчить, либо я, либо вы!..—гордо заявилъ фельдшеръ.—Какъ прикажете, матушка?

— Ахъ, развѣ же я знаю! Ра-звѣ же я зна-ю!—рыдая воскликнула матушка:—дѣлай уже, какъ знаешь...

— Такъ-то лучше будетъ!—промолвилъ фельдшеръ и рѣшительнымъ движеніемъ захватилъ обѣими руками горчицу.

Тутъ и Леонидъ вскочилъ на ноги.

— А я тебѣ говорю,—промолвилъ онъ съ сверкающими глазами, но сдержанно, стараясь говорить какъ можно тише:—а я тебѣ говорю—оставь... И уходи ты, уходи... Ради Бога, уходи, непотребный ты человѣкъ! Ну! Уходи!

Богъ знаетъ почему, но фельдшеръ спасовалъ. Чувствовалъли онъ себя неправымъ, не будучи достаточно увѣренъ въ пользѣ своихъ горчишниковъ, которые онъ ставилъ при всѣхъ болѣзняхъ,

или такъ подѣйствовали на него сверкающіе глаза Леонида, но онъ быстро отставилъ отъ себя тарелку съ горчицей, словно она была горяча и обожгла ему руки, и сказалъ:

— Какъ угодно! Я навязываться не могу! Только ежели что,— прибавилъ онъ, направляясь къ сѣнямъ,—я не буду причиненъ!..

— Уходи, уходи!

Но фельдшеръ и безъ этого новаго приглашенія вышелъ и до того былъ побѣжденъ, что даже не хлопнулъ дверью, а осторожно притворилъ ее. Матушка плакала, діаконша еще не рѣшила, какъ посмотрѣть на это.

— Простите, ради Бога, матушка,—мягко и виновато сказалъ Леонидъ:—а только невозможно этому душегубцу вѣрить... Онъ мнѣ такимъ же манеромъ мою Лукьяну погубилъ... Не будь онъ, не послушайся я его, губителя, жила бы еще она, моя голубка... жила бы!.. Что же о. Анастасій?

— Сходи къ нему... Я ужъ изстрадалась... Не могу безъ слезъ смотрѣть!..

— Да вы къ нему со слезами и не ходите!.. Это хуже всего! Отъ одного этого виду человѣкъ можетъ заболѣть... Ну, я пойду...

И Леонидъ, пригладивъ волосы и поправивъ косичку, что онъ всегда дѣлалъ въ важныхъ случаяхъ жизни, пошелъ.

Онъ хорошо зналъ расположеніе комнатъ въ домѣ батюшки. Надо было пройти спальню, потомъ гостиную, потомъ залу — все это были небольшія комнаты, уставленныя незатѣйливою мебелью и носившія эти названія довольно произвольно; наконецъ, вошелъ въ кабинетъ. Это была квадратная комната въ два окна, одно изъ нихъ выходило на улицу, другое въ палисадникъ и было открыто. Высокій кустъ георгины съ любопытствомъ просунулъ въ него вѣтку, словно желая разузнать о здоровьѣ о. Анастасія. Весь уголъ до потолка былъ заставленъ и завѣшанъ образами, на угольникѣ теплилась лампада. На письменномъ столѣ, среди бумагъ и книгъ, лежала камилавка. Можетъ быть, о. Анастасій приготовилъ ее, чтобы идти куда-нибудь, и тутъ его застигла бѣда, а про камилавку всѣ забыли.

На диванѣ лежалъ о. Анастасій, вытянувшись на спинѣ, грузный, тяжелый, такъ что казалось, что дивану должно быть больно отъ этой тяжести. Его гигантское тѣло было недвижно, одна рука лежала на груди, другая свисала къ полу. Длинная, на половину сѣдая борода важно поконилась на груди, длинные, вьющіеся волосы стлались по подушкѣ, окаймляя его лицо.

Когда Леонидъ вошелъ, о. Анастасій поднялъ вѣки и посмо-

трѣлъ на него своими большими, сѣрыми глазами и нѣсколько разъ одобрительно потрясъ головою.

Леонидъ подошелъ къ дивану и сѣлъ на свободномъ пространствѣ около ногъ.

— Э, ничего, о. Анастасій, ничего!—бодрымъ, почти веселымъ голосомъ промолвилъ Леонидъ:—это случается, случается!..

О. Анастасій поднялъ руку, которая свисала съ кровати, и указалъ на свой ротъ.

— Пл-ло-хо!—съ великимъ усиліемъ проговорилъ онъ.

— И это вернемъ, о. Анастасій! И это вернемъ... Вотъ докторъ изъ города пріѣдетъ, и вернемъ. А только вы лежите смирно и не старайтесь говорить, потому это вредно, о. Анастасій, вредно! Я буду говорить, а вамъ не надо. Я вотъ сейчасъ изгналъ Конопляненка... Ну, да, изгналъ.

Послѣдняя прибавка была, очевидно, отвѣтомъ на взглядъ о. Анастасія, выражавшій изумленіе.

— Изгналъ я его, потому ему невозможно вѣрить!—продолжалъ Леонидъ.—Пьяный онъ человѣкъ, о. Анастасій, и ничего въ своемъ дѣлѣ не понимаетъ... Я и матушкѣ такъ объяснилъ. И при матушкѣ я его и изгналъ. Какъ же можно? Вдругъ—горчишникъ... И онъ всегда горчишникъ. У него ежели лихорадка—горчишникъ, въ животѣ какъ-бы сказать непорядокъ—горчишникъ... У моей покойницы Лукьяны, о. Анастасій, брюшное воспаленіе было, то-есть, какъ бы сказать, въ кишкахъ... Такъ что жъ вы думаете? Онъ и ей горчишники поставилъ,—такъ всю, голубку мою, и облѣпилъ, и послѣ этого у нея градусы поднялись, больше сорока, и съ этого самаго она духъ испустила. И просто не могу я его видѣть, этого злодѣя... И гнать его слѣдуетъ, гнать... Сколько онъ вреда дѣлаетъ народу, такъ это и не перечесть... И за что только держатъ человѣка при этакомъ-то опасномъ дѣлѣ!.. Такъ-то! А вотъ и бубенцы звенятъ, о. Анастасій... Должно быть, докторъ! Такъ и есть!—прибавилъ онъ, вставъ и заглянувъ въ окно:—Иванъ Ѳедорычъ. Онъ самый... Вотъ-таки пріѣхалъ, добрѣйшій человѣкъ.

„Добрѣйшій человѣкъ Иванъ Ѳедорычъ“ слѣзалъ съ брички и отбивался отъ собакъ, которыя его, какъ рѣдкаго гостя, встрѣтили далеко не такъ дружелюбно, какъ Леонида. Съ виду это былъ человѣкъ еще довольно молодой, съ обросшимъ, загорѣлымъ лицомъ, невысокій, худощавый. На немъ былъ длинный, до самой земли, балахонъ изъ толстой парусины, пыльнаго цвѣта—онъ и предназначался для защиты отъ пыли, такъ какъ Иванъ Ѳедо-

рычъ, въ качествѣ земскаго врача, постоянно разъѣзжая по уѣзду, имѣлъ право считать своимъ главнымъ врагомъ дорожную пыль.

Леонидъ хотѣлъ-было отворить окно и крикнуть собакамъ, чтобы онѣ унялись, но вспомнилъ, что это могло бы обезпокоить о. Анастасія. Притомъ же Иванъ Ѳедорычъ уже скрылся во дворѣ, да и собаки стихли, изъ чего можно было заключить, что кто-то вышелъ изъ дома и повліялъ на нихъ.

Тогда и Леонидъ рѣшилъ, что ему придется оставить доктора наединѣ съ больнымъ и пошелъ въ столовую.

Когда онъ входилъ туда, то разслышалъ кое-что изъ разговора, который завязался между Иваномъ Ѳедоровичемъ и дамами.

— Да Боже васъ сохрани! Боже васъ сохрани!—энергично говорилъ докторъ:—это самое худшее, что вы могли бы сдѣлать!

Леонидъ прислушивался, стараясь понять, о чемъ рѣчь. Ужъ онъ понялъ, что дѣло не можетъ идти ни о чемъ другомъ, какъ только о горчишникахъ, но еще не зналъ, въ какомъ смыслѣ.

— Ну, такъ кто же правъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Ивану Ѳедоровичу.

— Да вы не то, что правы, а можно сказать святы!—отвѣтилъ докторъ:—горчишникъ тутъ былъ бы ядомъ...

— Ага! Вотъ то-то и оно! Я же говорю, что онъ просто губитель и пьяница, и больше ничего! Ну, такъ идите же, Иванъ Ѳедоровичъ, къ о. Анастасію да поскорѣе утѣшьте насъ...

Иванъ Ѳедоровичъ скинулъ свой балахонъ, съ котораго посыпались во всѣ стороны тучи пыли, и отправился къ о. Анастасію.

Добрыхъ полчаса просидѣли въ столовой матушка, діаконша и Леонидъ въ тяжеломъ ожиданіи. Наконецъ, появился Иванъ Ѳедоровичъ. По лицу его нельзя было заключить ничего. Лицо у него было мало выразительно. Къ нему бросились съ разспросами.

— Вещь серьезная!—сказалъ онъ:—но все же поправимъ...

— И будетъ годенъ человѣкъ?—спросилъ Леонидъ.

— Для службы?.. Этого нельзя сказать утвердительно... Можетъ быть и другое!..

И при этихъ словахъ Иванъ Ѳедоровичъ искоса взглянулъ на матушку, которая уже принялась плакать.

Немного погодя, Леонидъ уловилъ моментъ, когда можно было отвести доктора въ сторону. Онъ спросилъ тихонько:—худо?

— Да, не хорошо!—былъ отвѣтъ:—это я такъ сказалъ для матушки, чтобы не сразу... а... ужъ для службы... куда тамъ. Разбитый человѣкъ. Въ конецъ разбитый...

У Леонида какъ-то сама собою поникла голова. Опечаленный, медленной походкою отправился онъ въ церковный домъ, чтобы повѣдать горестную вѣсть дьякону. По дорогѣ онъ сообщилъ ее и мужикамъ, которые все еще махали и стучали своими цѣпами.

Солнце было уже близко къ закату. Съ поля возвращался скотъ и вѣяло вечерней прохладой.

III.

Прошло двѣ недѣли. Леонидъ уже давно смолотилъ свой стожокъ, да и работа дьякона приходила къ концу. Только дьяконъ самъ не махалъ цѣпомъ, а нанималъ для этого двухъ работниковъ. Въ церковномъ домѣ преобладало грустное настроеніе. Дѣти бѣгали, шумѣли и возились со своими играми, но взрослые смотрѣли скучно и мало говорили между собою. Случалось, что дьяконъ съ Леонидомъ по два часа кряду просиживали на завалинкѣ, и при этомъ никто изъ нихъ не ронялъ ни одного слова.

Но въ этотъ день у каждаго изъ нихъ было въ головѣ нѣчто такое, о чемъ нельзя было не говорить.

— Читали, о. дьяконъ?—спросилъ первый Леонидъ.

— Я думаю!.. Какъ же не читалъ? Читалъ...—отвѣтилъ дьяконъ.

— Слѣдственно, нашему о. Анастасію—крышка?

— Что жъ подѣлаешь, когда человѣкъ не можетъ!.. Приходу нельзя оставаться безъ священника... Вотъ мы только всего двѣ недѣли не служимъ, а сколько требъ накопилось. Щебняка безъ іерейской службы закопали, и недовольство было. Потому зажиточный мужикъ любитъ, чтобы торжественность была и все по чину церковному.... Зажиточный мужикъ желаетъ помирать, какъ слѣдуетъ. А отъ него мы только и питаемся, Леонидъ. Вотъ осенью, когда хлѣбъ умолотится, и ты, и я возьмемъ по ведру водки да и поѣдемъ на хутора зажиточныхъ хозяевъ почтовать; оно, глядишь, и насобиралъ воза два зерна разнаго; вотъ нашему брату и облегченіе въ жизни... А мнѣ, Леонидъ, съ моей оравой, на одинъ церковный доходъ не прожить, самъ знаешь... Нѣтъ, зажиточнаго мужика огорчать нельзя.

— Да кто же его огорчаетъ, о. дьяконъ?

— А вотъ: двѣ недѣли прошли безъ попа, и уже огорченье. Крестить-ли, домъ-ли освятить, помолебствовать—всему отказъ. Вонъ отъ Шаповаленка младенца въ Чихачи возили крестить, потому младенецъ былъ слабъ. А легко-ли это въ горячую пору, когда всякая минута мужичку дорога...

— Н-да... Оно такъ, оно такъ!..—неохотно согласился Леонидъ:—а все обождать бы лучше. Чего торопиться? Вотъ о. Анастасій теперь языкъ получилъ—то еле-еле слово могъ вымолвить, а нынче все выговариваетъ, какъ слѣдуетъ быть. Только что ходить не можетъ безъ помощи,—такъ вѣдь и это можетъ пройти...

— Не можетъ... Иванъ Ѳедоровичъ сказалъ: это уже такъ и останется. И трясеніе правой руки тоже останется, а съ этимъ трясеніемъ ужъ никакъ служить невозможно,—ну, значитъ, надо и оставить...

— Твердое у васъ сердце, о. дьяконъ... Какъ вы можете такъ говорить?

— Ну, а у тебя, Леонидъ, не сердце, а прямо, можно сказать, масло. Что же съ того, что я говорю? Не отъ словъ моихъ заболѣлъ о. Анастасій, и отъ словъ не станетъ ему хуже... Какъ дѣло есть, такъ и говорю. Я о. Анастасія люблю и почитаю и о болѣзни его сожалѣю, а тоже вѣдь и мнѣ съ семействомъ жить надобно. А ты подумай, за эти двѣ недѣли, что о. Анастасій боленъ, великъ-ли нашъ доходъ былъ? Въ двухъ молебствіяхъ отказали; старшина новую засѣку выстроилъ, освятить хотѣлъ, тоже пришлось отказаться, а ужъ про малыя требы я даже и не говорю. И вышло, что за двѣ недѣли намъ изъ кружки пришлось полтора рубля... Съ этимъ не проживешь...

— Э, Богъ вамъ пошлетъ, о. дьяконъ!..

Леонидъ помолчалъ. Онъ думалъ въ это время о томъ, какъ дьяконъ можетъ такъ легко относиться къ человѣку, съ которымъ прослужилъ на приходѣ больше двадцати лѣтъ. Вѣдь добрый человѣкъ о. Анастасій, и самъ же дьяконъ тысячу разъ признавалъ это. А теперь первымъ долгомъ заговорилъ о доходѣ. И дался ему этотъ доходъ. Не умретъ же онъ съ голоду, и семья его не умретъ. Не дадутъ. Прихожане у нихъ щедрые и уважительные, духовныхъ особъ почитаютъ и дѣлятся съ ними. Правда, въ селѣ нѣтъ вовсе богачей, но всѣ съ порядочнымъ достаткомъ, а хуторяне, такъ тѣ прямо богатые люди. Они получаютъ отъ города въ аренду по нѣсколько десятковъ десятинъ земли и садятъ картошку, капусту и другую овощь, а также садами промышляютъ и много наживаютъ отъ этого.

Но мысли его не могли идти въ стройномъ порядкѣ: имъ мѣшала та назойливая мысль, благодаря которой они начали съ о. дьякономъ разговоръ. И Леонидъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, сказалъ:

— И что же тамъ пишутъ, о. дьяконъ?

— Что пишутъ? А то и пишутъ, что, вслѣдствіе донесенія благочиннаго о священникѣ Анастасіи Богоявленскомъ, что оный Богоявленскій, по причинѣ своей неизлѣчимой болѣзни, не можетъ продолжать служеніе на приходѣ, таковой отчисляется въ заштатъ, а на его мѣсто назначается новорукополагаемый студентъ богословія Сергій Антидоровъ. Ну, вотъ и все...

— Значитъ, онъ еще сана не получилъ?

— Сказано: новорукополагаемый; надо полагать, когда писалось это, онъ еще не былъ въ санѣ. И къ тому же—студентъ богословія, слѣдственно изъ новыхъ... Охъ, не люблю я этихъ новыхъ!

— Что же въ нихъ нехорошаго, о. дьяконъ? За что ихъ не любить? Люди, какъ люди!..

— Ну, какъ же, разсказывай: люди! Люди, да не тѣ... Нѣтъ, братецъ, въ нихъ той простоты нѣтъ, что была у стариковъ. Вотъ ты, примѣрно, съ о. Анастасіемъ по простотѣ. Нужно тебѣ что, взялъ да и пошелъ къ нему, да прямо въ кабинетъ: такъ и такъ, молъ, то да это, и дѣлу конецъ. А онъ... Погляди-ко, какъ онъ тебя принимать станетъ...

— Фу, ты, Господи. Да какъ же? Полагаю, такъ само, какъ и о. Анастасій...

— А ты не полагай, а меня спроси, такъ я тебѣ скажу. У меня въ Арнаутовкѣ пріятель—дьяконъ Усаченко... Знаешь его. Онъ мнѣ также и кумъ приходится. Такъ вотъ у нихъ старый-то настоятель, о. Іеронимъ, померъ,—тоже вотъ такая простота былъ, какъ нашъ Анастасій,—ну, и къ нимъ назначили изъ новыхъ—богословъ и благочиннаго любимчикъ... Да. Такъ, братецъ ты мой, съ нимъ, когда говорить, надо цѣлый день духу набираться. Сперва надо случаемъ встрѣтить и спроситься: дескать, можно-ли будетъ обезпокоить? Дѣло, молъ, есть. А потомъ на домъ придти. Сейчасъ горничная:—что угодно? Коли по дѣлу, такъ матушкѣ доложу, а уже матушка самому докладъ сдѣлаетъ. А онъ сидитъ себѣ въ кабинетѣ, какъ князь какой-нибудь, и книжки читаетъ. И ты думаешь, душеспасительныя? Какъ бы не такъ. Свѣтскія книжки, братецъ ты мой... И умный онъ, это что и говорить, уменъ, очень уменъ. Ну, глядишь, и соблаговолитъ, допуститъ. Вотъ какая церемонія.

— Всякіе люди есть, о. дьяконъ. Тотъ такой, а этотъ, можетъ, по иному будетъ...

— Всѣ они одинакіе. Наука, братъ, даромъ не проходитъ. Отъ нея, отъ науки, сердце твердѣетъ. А вотъ я съѣзжу въ городъ да поразузнаю, что онъ за птица такая... У меня тамъ есть

человѣчекъ. Священникомъ въ купеческой церкви служитъ. Ужъ онъ знаетъ. Такой человѣкъ, что все знаетъ, чтобы ни дѣлалось въ духовномъ мірѣ... Завтра и поѣду.

— Зачѣмъ вамъ ѣхать, о. дьяконъ? Ужъ назначили, такъ все одно не иначе, какъ съ нимъ жить. Какой бы ни былъ, а все пріѣдетъ... Вотъ тогда и узнаешь его...

— Нѣтъ, ужъ ты, Леонидъ, меня своей безпечности не учи... Ты вотъ все будешь ждать да ждать, а потомъ волосы на головѣ рвать станешь...

— Я-то?

Леонидъ добродушно разсмѣялся. Плохо, должно быть, знаетъ его о. дьяконъ, коли такія слова говоритъ, даромъ что столько лѣтъ прожили рядомъ.

Дьяконъ всталъ и посмотрѣлъ на него холодно. Видно, у него что-то было противъ Леонида, но онъ ничего не сказалъ, а молча пошелъ въ домъ.

За что былъ недоволенъ дьяконъ на Леонида? Нельзя даже и думать, что Леонидъ обидѣлъ его чѣмъ-нибудь. Этотъ добродушный человѣкъ, еслибы и хотѣлъ кого-нибудь обидѣть, не смогъ бы. Его строгій поступокъ съ фельдшеромъ Конопляненкомъ нельзя было разсматривать, какъ обиду. Конопляненко занималъ въ его сердцѣ особое положеніе. Еслибы онъ его увидѣлъ въ какой-нибудь другой обстановкѣ, то, можетъ быть, и обошелся бы съ нимъ деликатно. Но эти горчишники напоминали ему о злодѣйствѣ, которое фельдшеръ, благодаря своему глубокому невѣжеству и помраченію, которое онъ всегда чувствовалъ въ головѣ отъ чрезмѣрнаго пьянства, совершилъ надъ его женой. Къ тому же, въ этихъ горчишникахъ онъ видѣлъ великую опасность для о. Анастасія. Все это вмѣстѣ вывело его изъ себя и заставило поступить съ фельдшеромъ сурово.

Но о. дьякону онъ никогда еще въ жизни не сказалъ ни одного обиднаго слова. За что же гнѣвался дьяконъ на Леонида? Дьяконъ тоже вѣдь былъ добрый человѣкъ и искренно любилъ своего стараго товарища, и справедливъ онъ былъ, такъ что не могъ охладѣть къ нему безъ достаточной причины. А вся бѣда была въ томъ, что предстояло сказать Леониду непріятность. Вотъ эта-то непріятность, которую надо было сказать во что бы то ни стало, и портила все дѣло. Она сидѣла въ душѣ дьякона, и онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто проглотилъ какую-нибудь гадость. Нѣтъ ничего мучительнѣе этого ощущенія, когда ты долженъ огорчить человѣка, котораго любишь. Дьяконъ уже много дней обдумывалъ,

какъ бы это сдѣлать полегче, у него была тайная надежда, что Леонидъ самъ догадается и самъ выскажетъ вслухъ то, что долженъ высказать ему дьяконъ. И въ отрывочныхъ разговорахъ онъ наводилъ его на эту мысль. Но Леонидъ упорно отказывался понимать. Не было у него никакой смекалки на огорченіе. Все доброе онъ пойметъ и сообразитъ съ двухъ словъ, но что-нибудь такое, что по головѣ бьетъ, ему надо разжевать и въ ротъ положить.

Не понимаетъ Леонидъ своего положенія. А между тѣмъ оно было такъ ясно. Дьякону оно было ясно. „Ну, что жъ,—думалъ дьяконъ, потерявъ уже надежду, что тотъ пойметъ когда-нибудь,—не понимаешь, такъ я самъ скажу. Только не теперь. Зачѣмъ? Скажу, когда придетъ на то время. И хуже еще тебѣ будетъ оттого, что ты не пожелалъ догадаться, хуже будетъ. Ну, самъ и виноватъ, себя только и вини“...

Едва-ли, однако, дьяконъ вполнѣ искренно такъ думалъ. Кажется, онъ чувствовалъ, что тутъ есть немножко и его вины. И потому-то на душѣ у него было неспокойно, а отсюда уже получился тотъ холодный взглядъ, которымъ онъ окатилъ Леонида.

— Надо велѣть Антону, чтобы завтра утречкомъ привелъ домой гнѣдого,—сказалъ онъ женѣ, войдя въ комнату.

— А зачѣмъ?—спросила та.—Поѣдешь куда, что-ли?

— Поѣду въ городъ. Надо поразвѣдать, что за птица такая этотъ новоназначенный нашъ настоятель.

— О. Сергій?

— Да, можетъ, онъ еще не отецъ. Сказано въ бумагѣ: новорукополагаемый студентъ богословія. Ну, значитъ, его только теперь рукополагать будутъ... Все же не мѣшаетъ знать, чего отъ него ожидать можно. Къ Сидонскому, о. Павлину поѣду. А ты тутъ... Можетъ, случай будетъ... Какъ-нибудь намекни Леониду на счетъ квартиры...

— Ахъ, ужъ я не берусь... Богъ съ нимъ...

— Ну, вотъ. Не берусь... Такъ и мнѣ же не легко это... Ты какъ-нибудь черезъ Дарью, либо, случится, черезъ Марину... Такъ, невзначай... А ужъ она передастъ. Она бойкая дѣвчонка... Что жъ подѣлаешь, когда онъ не догадывается? Я ужъ пробовалъ: и такъ, и этакъ, ничего понимать не желаетъ. Привыкъ напрямикъ дѣйствовать... Такъ ты скажи Антону на счетъ лошади, а я схожу къ о. Анастасію, не будетъ-ли какой передачи благочинному, либо сыновьямъ!..

Дьяконъ отправился къ о. Анастасію.

IV.

Солнце уже спускалось, когда дьяконъ подходилъ къ дому отца Анастасія. Отецъ Анастасій сидѣлъ во дворѣ въ широкомъ, развалистомъ креслѣ, протянувъ передъ собой обѣ ноги. Передъ нимъ лежали костыли. Дьяконъ, уже дня два не видавшій его, въ первую минуту остановился и даже слегка отступилъ, до такой степени похудѣвшимъ и осунувшимся показался онъ ему.

— Добрый вечеръ, отецъ Анастасій! —какъ-то нерѣшительно промолвилъ дьяконъ. Онъ хотѣлъ, по обыкновенію, подойти подъ благословеніе, но въ ту же минуту у него явилась мысль, что отецъ Анастасій теперь плохо владѣетъ рукой и что изъ этого, пожалуй, выйдетъ только лишнее огорченіе. И онъ остался на мѣстѣ, только слегка, въ знакъ привѣтствія, наклонивъ голову.

— Это ты, дьяконъ? —промолвилъ отецъ Анастасій замѣтно ослабѣвшимъ голосомъ, не безъ усилія поднявъ голову, чтобъ посмотрѣть на гостя.—Я радъ тебѣ. Что такъ долго не приходилъ? Леонидъ, тотъ, нѣтъ-нѣтъ, да и заглянетъ. А ты... занятъ, должно быть? Вѣдь у тебя молотьба! Ну, найди себѣ стулъ и садись.

Дьяконъ оглядѣлся, ища глазами стулъ, но, не найдя его, взялъ табуретъ, стоявшій неподалеку, пододвинулъ ближе и сѣлъ.

— Да, много дѣла, отецъ Анастасій. Горячая пора, сами знаете!

— Да, да, знаю. А я вотъ, видишь, поневолѣ бездѣльничаю. Оплошалъ.

Дьяконъ почувствовалъ, что тутъ ему слѣдовало бы сказать отъ себя что-нибудь сочувственное, но у него языкъ не повернулся. Очень ужъ плохъ былъ съ виду отецъ Анастасій, сильно его подкосило. Тутъ что ни скажешь, все худо будетъ, всякимъ словомъ можно разбередить рану. И потому онъ молчалъ.

— Ну, что же, дьяконъ, разскажи что-нибудь хорошенькое!— молвилъ отецъ Анастасій.

— Ничего нѣтъ такого. Вотъ въ городъ собираюсь завтра утречкомъ, такъ пришелъ вамъ сказать.

— А, въ городъ? Что жъ тамъ, дѣла какія нибудь?

— Да, дѣла... Придумалъ себѣ новую бричку заказать, такъ хочу прицѣниться!—солгалъ отецъ дьяконъ.

Отецъ Анастасій усмѣхнулся:

— Новую бричку? Что жъ, это хорошо. Кстати, посмотри тамъ и новаго настоятеля.

Дьяконъ нерѣшительно поднялъ на него глаза и посмотрѣлъ ему въ лицо; онъ думалъ, что отецъ Анастасій долженъ произ-

нести это съ недобрымъ чувствомъ, но ничего такого не нашелъ. Все же онъ почелъ своимъ долгомъ осторожно возразить.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Это не мое дѣло.

— А отчего бы и нѣтъ?—совершенно спокойно и добродушно продолжалъ отецъ Анастасій.—Это въ порядкѣ вещей. Съ нимъ тебѣ служить придется. Я думаю, надо же посмотрѣть, каковъ онъ изъ себя.

— Да вы, дастъ Богъ, еще поправитесь, отецъ Анастасій,— сказалъ дьяконъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ по обязанности.

Отецъ Анастасій покачалъ головой.

— Нѣтъ, голубчикъ ты мой, не поправлюсь я уже. Ужъ это я навѣрно знаю.

Опять произошло короткое молчаніе. Дьякону было неловко. Онъ радъ былъ бы встать, раскланяться и уйти, но не привыкъ онъ такъ мало сидѣть у отца Анастасія. Всегда у нихъ находился разговоръ, и они могли болтать о дѣлахъ часа по два. А теперь вотъ и разговора не находится, и отъ всего дѣлается тяжко.

— Такъ я поѣду, отецъ Анастасій,—сказалъ дьяконъ просто, чтобъ не молчать.—Можетъ, сыновьямъ вашимъ что-нибудь передадите.

— Э, что имъ передавать. Вотъ сколько уже времени прошло, что я безъ ногъ, а все не могу никакъ имъ написать правды... Жалко. Пожалуй, подговори ихъ деликатно, намекни этакъ, можетъ и сами догадаются. Вѣдь на казенный коштъ придется имъ переходить, не сладко это. Да и любятъ они меня, это надо сказать.

Во время этого разговора изъ загона, гдѣ въ это время собирались доить коровъ, появилась матушка, остановилась и съ сокрушеніемъ глядѣла на нихъ и слушала ихъ разговоръ.

Дьяконъ поднялся и началъ прощаться. Теперь ему стало еще болѣе неловко, по поводу того, что онъ не могъ подойти къ отцу Анастасію подъ благословенье. Это ужъ совсѣмъ было не въ обычаѣ. Онъ поклонился ему и матушкѣ и тихо пошелъ со двора.

Тяжелое чувство не покидало его все время, пока онъ шелъ до дому. Дома онъ спросилъ жену:

— Ну, что, не было случая?

— На счетъ чего?

— Да на счетъ разговора! Помнишь, я же говорилъ... Съ Леонидомъ...

— Пробовала, ничего не понимаетъ... Э, говоритъ, Богъ не безъ милости.

Дьяконъ махнулъ рукой.

*

— Ну и Богъ съ нимъ; какъ себѣ онъ хочетъ. Нѣтъ-ли чего тамъ закусить? Спать пойду, чтобы завтра пораньше въ городъ выѣхать.

Утромъ, когда работникъ запрягалъ лошадь, а дьяконъ, совсѣмъ уже готовый къ отъѣзду, вышелъ во дворъ, выползъ изъ своей квартиры и Леонидъ съ заспаннымъ лицомъ.

— А я слышу, что вы тутъ возитесь, отецъ дьяконъ, и думаю: выйду проводить. Ну, счастливой вамъ дороги, отецъ дьяконъ!

— Эхъ, Божій человѣкъ, — подумалъ про себя дьяконъ: — счастливой, говоритъ, дороги. Тебѣ-то отъ этой дороги счастья не предвидится.

Дьяконъ поѣхалъ и всю дорогу дремалъ, поклевывая носомъ въ спину кучера. Только когда показался вдали городъ, онъ встряхнулся и оживился.

— Къ отцу Павлину, знаешь? — сказалъ онъ кучеру, толкнувъ его кулакомъ въ спину.

— Еще бы не знать! — отвѣтилъ кучеръ, и въ самомъ дѣлѣ отца Павлина зналъ не только кучеръ, но и лошади. Онъ былъ вдовый, служилъ на богатомъ приходѣ священникомъ, получалъ большой доходъ и пользовался почетомъ среди прихожанъ и духовенства. Съ дьякономъ они были товарищи, когда-то вмѣстѣ учились, только дьяконъ былъ неудачникъ, ему не удалось кончить курса, а Павлинъ Сидонскій кончилъ, и даже очень хорошо. Жилъ онъ холостякомъ, дѣтей у него не было, квартира ему полагалась помѣстительная и теплая. Обставилъ онъ ее уютно, красиво и мягко; кухарка у него была искусная, потому что онъ любилъ тонко поѣсть. Отъ всего этого, должно быть, у него и видъ всегда былъ такой довольный и счастливый, и когда онъ шелъ по улицѣ, то съ нимъ было пріятно встрѣтиться.

Онъ стоялъ у окна и глядѣлъ на улицу въ то время, какъ трясучая бричка отца дьякона подъѣхала къ его дому. Онъ сейчасъ же пошелъ въ переднюю, чтобы встрѣтить товарища, котораго любилъ и всегда былъ очень доволенъ, когда тотъ пріѣзжалъ къ нему.

— А, дьяконе! Вотъ хорошо, что ты пріѣхалъ! — воскликнулъ онъ, привѣтствуя гостя, затѣмъ помогъ снять рясу, всю запыленную въ дорогѣ, и повелъ его во внутреннія комнаты: — Что новаго? Впрочемъ, — возразилъ онъ самъ себѣ, — какія же у васъ могутъ быть новости?

— Да, это правда, — отвѣтилъ дьяконъ. — Какія же у насъ новости? Онѣ всѣ тутъ, въ городѣ. А я къ тебѣ не безъ дѣла прибылъ, — прибавилъ дьяконъ.

— А что такое? Ежели услуга, я готовъ.

— Нѣтъ, услуги особенной не надо, а ты мнѣ вотъ что скажи: не знаешь-ли ты Сергія Антидорова?

— Какъ же не знать? Знаю! Онъ въ архіерейскомъ хорѣ теноромъ пѣлъ. Этакій — невысокаго роста, широколицый. Знаю, знаю. А на что-жъ онъ тебѣ?

— Да вѣдь онъ къ намъ назначенъ.

— Какъ? А отецъ Анастасій? Развѣ онъ переводится?

— Какой тамъ переводится? Развѣ ты не слыхалъ? Отецъ Анастасій теперь совсѣмъ разбитый человѣкъ.

— Какъ разбитый?

— А такъ, параличъ у него. Нога и рука. Одно время языкомъ не дѣйствовалъ, а теперь это прошло.

— Вотъ какія дѣла! Нѣтъ, этого я не слыхалъ. Экій бѣдняга отецъ Анастасій, а! Жалко, ей Богу жалко! славный былъ старикъ. Какъ же онъ теперь будетъ? За штатъ, значитъ?

— За штатъ и есть! Ужъ и указъ прислали. Отца Анастасія за штатъ, а на его мѣсто вотъ этого самаго Сергія Антидорова.

— Не поздравляю! нѣтъ, не могу поздравить! — замѣтилъ отецъ Павлинъ.

— А что? — тревожно спросилъ дьяконъ. — Развѣ плохъ человѣкъ?

— Да нѣтъ, не то... А пѣвчимъ онъ былъ. А эти пѣвчіе, знаешь, они всѣ хапуги...

— Ну?

— Да ужъ такъ. Я ихъ хорошо знаю. Собственно, чтобы про него навѣрняка говорить, ничего такого дурного сказать не могу... Не настолько близко знакомъ... Такъ вотъ какъ отецъ Анастасій!. Э, да я вѣдь всегда говорилъ ему: вамъ, говорю, надо отъ толщины лѣчиться. А онъ всякій разъ рукой это махнетъ... Вотъ и домахался.

— А какъ ты думаешь, отецъ Павлинъ, не будетъ дурно, ежели я ему представлюсь?

— Да зачѣмъ? Вѣдь, все равно, увидишь, когда пріѣдетъ,— тогда и представишься.

— Такъ-то оно такъ, да хочется узнать раньше, каковъ онъ есть человѣкъ.

— Эхъ, нетерпячка ты.

— Нѣтъ, не то, отецъ Павлинъ, а... я больше на счетъ Леонида.

— Леонида? А что же онъ? Развѣ и ему плохо?

— То-то и есть, что плохо. Вѣдь онъ у насъ, какъ бы сказать, забытый пономарь. Вѣдь пономарей ужъ давно не полагается на приходахъ, а онъ все числится, такъ, по снисхожденію отца Анастасія. А будетъ-ли и этотъ имѣть къ нему снисхожденіе, это вопросъ...

— Ну, наврядъ. Кажись, онъ не таковъ... Экія у васъ дѣла въ самомъ дѣлѣ, а я сижу и ничего не знаю.

Отецъ Павлинъ хорошо зналъ Леонида и очень любилъ этого старика. Онъ посовѣтовалъ:

— А то, пожалуй, сходи. Можетъ, что нибудь и узнаешь.. А гдѣ живетъ онъ, я тебѣ это сейчасъ разузнаю. Его только надняхъ рукоположили. А тутъ у насъ есть такой причетничекъ, который все знаетъ. Эй, Марья,—крикнулъ онъ прислугу,—сходика за Синюхинымъ, кликни его сюда, скажи: дѣло есть...

Явился Синюхинъ, очень тоненькій и, повидимому, юркій человѣчекъ, крайне неопредѣленнаго возраста. На немъ былъ узенькій кафтанъ темносѣраго цвѣта, волосы на лицѣ росли неохотно, маленькіе глазки все бѣгали по сторонамъ. Онъ остановился у порога, и отецъ Павлинъ допустилъ его тамъ остаться, а не пригласилъ сѣсть.

— Вотъ, Синюхинъ, отцу дьякону надо знать, гдѣ живетъ Сергій Антидоровъ. Не знаешь-ли ты?

— Какъ же!—живо отвѣтилъ Синюхинъ:—Антидоровъ, котораго въ прошлое воскресенье рукополагали... Онъ женатъ на дочери отца Антонія Елеонскаго, третьяго священника въ соборѣ, и живетъ въ соборномъ домѣ, у него.

— Ну, вотъ и прекрасно, туда тебѣ и идти, отецъ дьяконъ. А ты, Синюхинъ, ступай себѣ съ Богомъ. Больше ты намъ не нуженъ.

Синюхинъ скрылся, а дьяконъ собрался уходить.

— Да ты приходи обѣдать,—сказалъ ему на прощанье отецъ Павлинъ,—да кстати, поразскажешь о своемъ настоятелѣ.

— Ладно,—отвѣтилъ дьяконъ и вышелъ.

V.

Дьяконъ шелъ довольно спокойно и не торопясь, но, подойдя къ соборному дому, онъ ощутилъ нѣкоторую робость и какъ будто даже сталъ меньше ростомъ. Въ этомъ домѣ жили все тузы, отъ каѳедральнаго протоіерея до самаго послѣдняго чина. Всѣ они получали большіе доходы и пользовались всѣми благами город-

ской жизни. Самый маленькій дьячекъ изъ живущихъ въ этомъ домѣ не помѣнялся бы своимъ мѣстомъ съ сельскимъ священникомъ. Съ точки зрѣнія дьякона, это были счастливцы.

Пройдя въ подворотню, онъ остановился, не зная, куда ему направиться. Тутъ проходила баба, у которой онъ и освѣдомился о томъ, гдѣ живетъ отецъ Антоній Елеонскій. Ему указали. Онъ нашелъ флигель, поднялся во второй этажъ и сказалъ горничной, что ему надо видѣть отца Сергія.

— Я доложу!—отвѣтила горничная.

Отцу дьякону вспомнился при этомъ разсказъ его пріятеля про молодого священника, которому обо всемъ надо было докладывать. Пока онъ объ этомъ думалъ, горничная вернулась и попросила его зайти. Его ввели въ гостиную, уставленную мягкой, красивой мебелью и устланную ковромъ. Тотчасъ же вышелъ живой и веселый молодой батюшка, у котораго, какъ показалось дьякону, все было коротенькое: иряска, и бородка, и носъ, и даже руки и ноги.

— Что прикажете?—веселымъ теноркомъ спросилъ онъ у дьякона.

— Я изъ села Крутые,—отвѣтилъ дьяконъ:—изъ того самаго, куда вы имѣете отбыть на приходъ...

— Такъ вы оттуда?—радостно воскликнулъ Антидоровъ:—вотъ и отлично! Такъ садитесь и раскажите, что за приходъ, много-ли дохода? Мнѣ говорили, что приходъ хорошій. Сколько тамъ земли?..

„Ого,—сразу!“—подумалъ дьяконъ.

— Да, приходъ ничего, жаловаться нельзя.—Тутъ онъ далъ еще нѣкоторыя объясненія, болѣе подробныя, на счетъ дохода и количества земли.

— Ну, что жъ,—замѣтилъ Антидоровъ:—это все недурно. Если все такъ, какъ вы говорите, то приходъ дѣйствительно ничего себѣ. А мужики какъ? есть зажиточные? Это важно, это очень важно! А помѣщики имѣются? И какъ они относятся къ духовному чину?

Дьяконъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, а самъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Собственно говоря, въ его словахъ не было ничего такого, изъ чего можно было бы заключить о его дурномъ характерѣ. Даже, напротивъ, онъ видимо веселый и добродушный человѣкъ. Онъ чрезвычайно просто обращался съ нимъ, человѣкомъ ему подчиненнымъ. И тѣмъ не менѣе что-то такое было въ немъ, что сразу оттолкнуло отъ него дьякона. Оно, пожалуй, какъ-то странно, въ первый разъ увидѣвши человѣка и не успѣвъ даже пожать ему руку, заговорить о доходѣ, да о землѣ, да о богатыхъ мужикахъ!

Дьяконъ всталъ.

— Когда же угодно вамъ будетъ прибыть на приходъ?—скромно спросилъ онъ.

— Въ субботу, непремѣнно въ субботу! Въ субботу же будемъ вечерню служить, а въ воскресенье обѣдню. Вы такъ и оповѣстите. Я очень радъ, что вы пришли, это съ вашей стороны хорошо. Все-таки я кое-что узналъ. А то, знаете, неизвѣстность какая-то, ѣдешь и самъ не знаешь, куда..

Дьяконъ ушелъ съ довольно мрачными мыслями. „Вотъ тебѣ и Леонидъ! Плохо его дѣло, плохо!“—думалъ онъ. Съ этой минуты онъ былъ совершенно уже увѣренъ, что дѣло Леонида прогоритъ. Отсюда онъ зашелъ въ семинарію, но сыновей отца Анастасія повидать ему не удалось. Они были чѣмъ-то заняты.

— Ну, что?—спросилъ его отецъ Павлинъ, когда онъ вернулся и попалъ прямо къ накрытому столу для обѣда.

Дьяконъ, вмѣсто отвѣта, махнулъ рукой и сѣлъ въ уголъ.

— Ну, вотъ,—промолвилъ отецъ Павлинъ, правильно понявъ его жестъ:—я же говорилъ, что отъ пѣвчаго не жди добра. Ну, садись же, дьяконъ, выпьемъ и закусимъ на дорогу.

Дьяконъ и выпивалъ, и закусывалъ безъ всякой охоты, а потомъ всю дорогу чувствовалъ, что у него на душѣ лежитъ камень.

Когда онъ пріѣхалъ домой, то засталъ у себя въ квартирѣ Леонида.

— Вотъ, отецъ дьяконъ,—добродушно сказалъ тотъ:—развлекаю вашу супругу. Ну, что, какъ съѣздили? Не хорошо тамъ въ городу, душно, пыльно... Эхъ, а у насъ-то воздухъ какой нынче, какое-то благорастворенiе особенное...

Дьяконъ слушалъ его и ему было больно. „Кажется,—думалъ онъ,—Леонида ежели бы въ аду поджаривали, а онъ все бы говорилъ: хорошо да хорошо. Да онъ и въ адъ не попадетъ, его туда не примутъ“.

Леонидъ ушелъ.

— А что,—спросилъ дьяконъ у жены:—заговаривала?

— Съ Дарьей былъ разговоръ,—отвѣтила дьяконша.

— Какимъ же родомъ?

— Она бѣлье у рѣчки стирала. Я это увидала и пошла туда и говорю: вотъ, говорю, Дарья, новый настоятель къ намъ ѣдетъ.—А мнѣ что? говоритъ.—Какъ, говорю, что? а онъ нашу квартиру возьметъ.—А она опять: а мнѣ, говоритъ, что?—Какъ что? говорю: а намъ придется вашу взять.

— Такъ прямо и сказала?—какъ бы удивляясь ея рѣшимости, спросилъ дьяконъ.

— А какъ же? Надо же сказать какъ-нибудь!

— И что же она?

— Сперва не поняла, а потомъ глаза выпучила. — А мы же, говоритъ, куда? — А я говорю: объ этомъ, говорю, спроси у Леонида. Тутъ я погналась за гусакомъ, который какъ разъ въ это самое время пробѣжалъ мимо. И до гусака-то мнѣ дѣла не было, да такъ какъ-то неловко было оставаться съ ней. Ну, подумала я себѣ, теперь она скажетъ Леониду и, значитъ, непріятность пойдетъ.

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ дьяконъ.

— И что жъ ты думаешь? Этакъ черезъ полчаса встрѣчаетъ она меня уже на дворѣ нашемъ и смотрю я на нее: она смѣется. — Эхъ, вы, говоритъ, шутники! — Какъ такъ, говорю? — Да я, говоритъ, сказала Леониду это самое, про что вы говорили, а онъ и отвѣчаетъ: невозможное это дѣло, Дарья, чтобы человѣка выселить. Ужъ куда ни на есть, да помѣстятъ... Ну, думаю себѣ, какъ же это надо мной подшутили!

Дьяконъ махнулъ рукой: ну, и пусть ихъ, какъ себѣ знаютъ, я больше ни слова не скажу: — пусть себѣ.

Наступила суббота. Дьяконъ проснулся очень рано и съ этого же момента началъ испытывать тревогу. Что-то будетъ? Уже онъ на этотъ разъ даже не думалъ о судьбѣ Леонида, а больше о своей. Вѣдь какъ никакъ, а придется ему переселяться въ Леонидову квартиру, а у Леонида всего-на-всего двѣ маленькихъ комнатки да крошечная кухонька. Какъ же онъ помѣстится тамъ съ своей оравой? Но главное дѣло въ томъ, что солнце подымалось все выше и выше и надо было думать о томъ, чтобы дѣлать дѣло. Новый батюшка съ часу на часъ можетъ пріѣхать, а пріѣхавши, онъ не станетъ ждать, квартира ему понадобится тотчасъ же. Значитъ, такъ или иначе, а надо выселить Леонида. Но у дьякона руки не подымались для этого. Какъ сказать ему, какъ намекнуть, коли онъ ничего и понимать не хочетъ?

А солнце уже стало изрядно припекать. Дьяконъ все ходилъ по двору въ крайней нерѣшительности. Вышелъ изъ своей квартиры и Леонидъ.

— А вотъ и я, отецъ дьяконъ, — съ своимъ обычнымъ добродушіемъ промолвилъ Леонидъ: — добраго вамъ утра! Что это вы такой пасмурный, отецъ дьяконъ?

Дьяконъ молчалъ, и такъ молчалъ, что Леониду показалось, что это не спроста. „Горе у него, что-ли, какое?“ — подумалъ Леонидъ и рѣшилъ разговорить товарища.

— Да нуте, отецъ дьяконъ, что это вы? Что-нибудь случи-

лось? Да ужъ навѣрно не важность какая-нибудь! Экій вы, право, какой! Вотъ вы на меня смотрѣте—я никогда горю не предаюсь. Все равно, коли оно наступитъ, то и такъ наступитъ, будете-ли вы горевать или не будете...

Дьяконъ, наконецъ, почувствовалъ, что больше молчать нельзя; его прорвало, и онъ заговорилъ прямо и рѣшительно.

— Послушай, Леонидъ, а ты знаешь, что сегодня отецъ Сергій пріѣдетъ?

— Знаю, — сегодня суббота! — отозвался Леонидъ. — Ну, да, знаю, пріѣдетъ.

— Ну?

— А что жъ такое?

— Такъ вѣдь ему надо же будетъ жить гдѣ-нибудь!

— Само собою.

— Такъ слѣдственно онъ займетъ мою квартиру, и я долженъ ее очистить.

— Какъ же это такъ? Какъ же такъ очистить? А вы гдѣ будете?

— Гм!.. экій ты непонятливый. Ну, хоть бы разъ въ жизни самъ догадался. Думаешь, легко мнѣ тебя на умъ наводить?

— Фу ты, Господи, чего жъ вы сердитесь, отецъ дьяконъ?

— Да я вовсе не сержусь, а только какъ же ты, Леонидъ, не понимаешь? Ежели мнѣ квартиру оставить, такъ надо твою взять! Понялъ?

Леонидъ на минуту задумался, а потомъ сказалъ:

— Такъ вы говорите, отецъ дьяконъ.. значитъ, мою!.. А и правда, это такъ и будетъ!—повидимому, размышлялъ онъ самъ съ собою.

— Ну? наконецъ-то ты понялъ!

— Понялъ, понялъ отецъ дьяконъ. Такъ какъ же мнѣ-то быть?

— Гм... догадался! Такъ вѣдь я же тебѣ цѣлую недѣлю объ этомъ говорилъ, а ты все никакъ въ толкъ не можешь взять...

Леонидъ вдругъ какъ-то ослабѣлъ, опустился на заваленку и поникъ головой. „Такъ куда же я дѣну мою Маринку?“ спрашивалъ онъ самъ себя въ раздумьи.

Дьяконъ молча ходилъ по двору. Онъ вздрагивалъ всякій разъ, когда вдали слышался стукъ колесъ и тревожно осматривался. Ему было тяжело, но онъ не находилъ ни одного утѣшительнаго слова. Вдругъ Леонидъ всталъ.

— Ну, что жъ, отецъ дьяконъ,—промолвилъ онъ, кажется, уже совсѣмъ спокойно:—берите мою квартиру, перебирайтесь! оно такъ и должно быть. Иначе и не можетъ быть...

— А какъ же ты?

— Да ужъ я какъ-нибудь... Въ сторожкѣ пристроюсь! Тамъ двѣ комнатки. Одна будетъ сторожу Гришкѣ, а другая мнѣ.. Мнѣ что! Мнѣ только чтобы Маринкѣ было гдѣ спать, а я хоть и на паперти... Оно даже, знаете, пріятно, отецъ дьяконъ, на свѣжемъ воздухѣ. И звѣзды надъ тобой, и мѣсяцъ, и тихій вѣтерокъ вѣетъ, и церковныя врата близко—все же значитъ къ Богу ближе.. право!

И онъ уже весь оживился; опять на лицѣ его появилось обычное спокойное добродушіе; все горе его, казалось, прошло, а мысль, что онъ будетъ спать на свѣжемъ воздухѣ подъ звѣздами и мѣсяцемъ и близко у церковныхъ вратъ, казалась ему даже заманчивой.

— Вѣдь спитъ же Гришка-сторожъ, даже до поздней осени спитъ на паперти, и ничего. Иной разъ его будишь и не добудишься. Значитъ, хорошо спать на паперти... Такъ я пойду, отецъ дьяконъ...

— Куда?

— Вытаскивать свои пожитки. А вы перебирайтесь, отецъ дьяконъ. Уже это такъ и будетъ. Другого дома вѣдь нѣту...

— Постой! Можетъ... Эхъ, право, и ума не приложу!—молвилъ дьяконъ въ сильномъ замѣшательствѣ, какъ бы желая смягчить жестокое положеніе, но не видя къ этому никакой возможности.

— Да что вы, отецъ дьяконъ! Эхъ, право! И что тутъ? Ужъ коли надо, такъ надо. Я же вамъ говорю, что ничего... Мнѣ лишь бы Маринку, это главное. Такъ вы сбирайте свой скарбъ, а мнѣ мой не долго...

И Леонидъ скрылся за низенькой дверью своего обиталища.

Дьяконъ задумался. „Что за человѣкъ такой!—думалъ онъ про Леонида:—никакого для него и горя нѣтъ на свѣтѣ: погрустилъ минутку, а тамъ и отошелъ, утѣшился. И чѣмъ тѣшится: свѣжимъ воздухомъ! Да вѣдь однимъ свѣжимъ воздухомъ не напитаешься!“— и онъ продолжалъ безпокойно ходить по двору, не рѣшаясь приняться за какое-нибудь дѣло.

Леонидъ вошелъ въ свою квартиру и просто обратился къ Дарьѣ, которая возилась съ чѣмъ-то въ крошечной кухнѣ.

— Ну, Дарья, надо собирать пожитки. На новую квартиру переѣдемъ...

— Такъ это, выходитъ, правда?—сказала Дарья.

— А какъ же не правда? правда!

— Гдѣ же жить-то будете?

— А въ сторожкѣ. Подѣлимся пополамъ съ Гришкой.

— Что дѣлить-то? Двѣ конуры!..

— Ну, а все жъ—двѣ. Значитъ, по одной на брата.

Дарья нахмурилась. Марина въ это время играла съ дьяконскими дѣтьми и ничего не подозрѣвала. Леонидъ съ необыкновенной энергіей принялся собирать свой скарбъ. Дарья подчинилась ему, но все время ворчала: „это прямо хоть пропадай!—говорила она.—Какъ же это такъ? Жилъ человѣкъ, служилъ, и всякій его почиталъ и вдругъ его выбрасываютъ. Гдѣ жъ это водится? Вѣдь этакъ и съ самымъ послѣднимъ человѣкомъ не обходятся!“

— Эхъ, Дарья! ты ничего не понимаешь!—отвѣчалъ ей на это Леонидъ.—Что жъ такое, что служилъ? Ну, служилъ и отслужилъ. Это всегда такъ бываетъ: служитъ человѣкъ, а потомъ не годится, ну, значитъ, другой на его мѣсто... все равно, какъ кафтанъ: былъ онъ когда-то новымъ и носилъ я его, носилъ, а тамъ, глядишь, по немъ дырья пошли, вотъ онъ ужъ и не годится, и на мѣсто его надо новый дѣлать. Э, что тамъ! Тащи-ка, тащи!

— Да какъ же мы помѣстимся?

— А тамъ видно будетъ.

И онъ, при помощи Дарьи, собиралъ всѣ свои вещи и стаскивалъ ихъ поближе къ порогу. Имущество его было крайне несложно: въ миніатюрныхъ двухъ комнатахъ и кухонкѣ, которая прежде была чуланомъ, такъ какъ квартира эта была выдѣлена отъ квартиры дьякона,—помѣщались диванъ, на которомъ спалъ Леонидъ, дѣтская кровать, два стола, какой-то причудливой формы шкафъ, образа, горшки, сита, лохань. Вытащить все это и перенести хоть на край свѣта не представляло особенныхъ затрудненій.

Въ это самое время дьяконъ стоялъ посреди двора и душевно мучился. Конечно, онъ никакъ не могъ считать себя виноватымъ. Вѣдь надо же и ему жить гдѣ-нибудь. И какъ это скверно устроено на свѣтѣ: чтобы одному жить гдѣ-нибудь, надо другого согнать съ мѣста. Какъ будто мало для всѣхъ мѣста на землѣ!

А тутъ еще, какъ на грѣхъ, по двору стали бѣгать дѣти и съ ними Маринка, которая была для него живымъ укоромъ. А тамъ въ квартирѣ возился Леонидъ, и дьяконъ слышалъ, какъ онъ громыхалъ комодомъ и столомъ, и горшками. И вотъ, изъ низенькой двери выглянулъ уголъ стола, а тамъ и весь столъ, а за нимъ появился и самъ Леонидъ. Дьяконъ отвернулся, что-то стиснуло ему сердце, а Леонидъ между тѣмъ весело кряхтѣлъ и приговаривалъ:

— Ну, ну, Дарьюшка, поворачивайся живѣе, вишь—солнце какъ высоко поднялось, надо торопиться...

Вещь за вещью, скоро и весь скарбъ Леонида лежалъ уже среди двора. Дьяконъ сидѣлъ на заваленкѣ, Леонидъ хлопоталъ,

дьяконша не рѣшилась выйти, потому что ей было больно глядѣть на все это. Прибѣжали дѣти, Маринка остановилась надъ кучей скарба и вопросительно глядѣла на нее.

— Что это, тятя?—спросила она, и въ голосѣ ея слышалось что-то грустное. Она какъ будто чувствовала что-то неладное.

— Перебираемся, Маринка, перебираемся на новую квартиру!—веселымъ говоркомъ отвѣтилъ ей Леонидъ.

Она съ недоумѣніемъ смотрѣла на всю его возню, и ея дѣтское личико становилось все печальнѣй.

Случайно подошелъ писарь Яковенко и остановился тутъ же.

— Куда это вы, Леонидъ Марковичъ?—спросилъ писарь, заинтересовавшись необычнымъ движеніемъ въ церковномъ дворѣ.

— Хе-хе!—уже совсѣмъ весело отвѣтилъ Леонидъ. — Въ самую Москву... Митрополитомъ назначенъ... Ей-ей. А вы думали какъ?

— Вотъ оно что?—сказалъ писарь:—Митрополитомъ!

— То-то и оно! а вы думали какъ?

А дьяконъ все сидѣлъ, отвернувшись, и, казалось, боялся, чтобъ къ нему не обратились съ вопросомъ и не попросили бы разъяснить, въ чемъ дѣло.

Проходили мимо и другіе обыватели и всѣ останавливались и поражались необычайнымъ явленіемъ. Леонидъ всѣмъ весело говорилъ, что его назначили митрополитомъ въ Москву, и всѣ не знали, что и подумать. Они, конечно, понимали, что это была шутка, что митрополитомъ Леониду никогда не бывать, но все-таки это имъ ничего не объясняло. А дьяконъ сидѣлъ потупившись. Очень ему тяжело было глядѣть на все это, а въ особенности мучительно отражалось на немъ веселое настроеніе Леонида.

— Ну, братіе,—обратился Леонидъ къ собравшейся публикѣ:—что стоять-то такъ? помогайте-ка! Тащите каждый что-нибудь,—такъ мы мигомъ переѣдемъ.

— Въ самую Москву?—спросилъ писарь.

— Вонъ въ ту самую Москву, въ которой живетъ церковный сторожъ Гришка.

Ага! теперь всѣ сразу поняли, что Леонидъ перебирается въ сторожку. Началось переселеніе. Мужики забрали все, что кому попалось, и понесли въ церковную ограду.

Сторожъ Гришка встрѣтилъ ихъ съ крайнимъ недоумѣніемъ. Леонидъ объяснилъ.

— Что дѣлать, Григорій, ужъ какъ нибудь потѣснимся!

— Да какъ же это такъ?—протестовалъ сторожъ.

— А такъ. Что подѣлаешь! Надо и Леониду съ Маринкой гдѣ-нибудь жить. Новый настоятель ѣдетъ, такъ первое дѣло ему жить надо; онъ возьметъ квартиру отца дьякона. А второе дѣло, отцу дьякону жить надо, онъ возьметъ мою квартирку; а третье дѣло намъ съ тобой, Григорій, жить надо, такъ ужъ мы пополамъ подѣлимся.

— Да какъ же я могу? а жену куда дѣну? а ребятишекъ у меня трое!

— Ну, нечего, нечего тебѣ ворчать. Одну хатенку освободи, и я ее займу.

Сторожъ, однако, не могъ сразу примириться съ новымъ положеніемъ и пошелъ къ дьякону за разъясненіемъ. Онъ нашелъ дьякона все на томъ же мѣстѣ, во дворѣ.

— Какъ же это оно будетъ, отецъ дьяконъ?—молвилъ сторожъ, почесывая затылокъ:—значитъ, мнѣ окончательно дышать негдѣ будетъ...

Дьяконъ строго посмотрѣлъ на него и не далъ ему даже договорить.

— А ты, братецъ, не разсуждай и дѣлай то, что тебѣ велятъ. Пошелъ сейчасъ и освободи комнату для Леонида.

Григорій вернулся и сталъ мрачно вытаскивать свои пожитки, и та единственная комнатка, которая осталась на его долю, совершенно наполнилась скарбомъ. Самъ онъ, жена его, трое ребятъ и весь скарбъ превратились въ одну кучу, въ которой ничего нельзя было разобрать.

— То-то вотъ,—шутилъ Леонидъ:—не заводи большого богатства! Ишь какъ разбогатѣлъ, что даже и помѣстить некуда. А ты смотри вотъ на меня: какъ ни мала комнатка, а все у меня мѣста много, потому ничего лишняго нѣтъ. Такъ-то, братецъ!.. Ну,—обратился онъ затѣмъ къ мужикамъ, которые помогали ему перебираться:—теперь хоть и по домамъ идти впору!

Мужики двинулись изъ ограды и отправились къ дьякону. Они разсчитывали получить отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія. Посыпались вопросы:

— Какъ же будетъ отецъ Анастасій? А каковъ изъ себя новый попъ и будетъ-ли завтра служба и не заведутся-ли какіе-нибудь новые порядки?

Дьяконъ отвѣчалъ на все такимъ мрачнымъ и убитымъ тономъ, какъ будто у него случилось какое-нибудь несчастье. Получивъ разъясненіе, хотя и недостаточное, всѣ разошлись. Вышла изъ дома дьяконша и сѣла рядомъ съ мужемъ. Они молчали, имъ было какъ бы неловко другъ передъ другомъ.

— Что жъ,—сказалъ, наконецъ, дьяконъ:—надо и намъ перебираться.

Онъ повернулъ лицо къ ней и увидѣлъ, что дьяконша плачетъ.

— Съ чего это ты?

— Да какъ же? —вытирая слезы, отвѣчала дьяконша:—сколько лѣтъ жили по христіански, а тутъ принуждены тѣсниться, какъ сельди въ бочкѣ! И что я только буду дѣлать въ этихъ двухъ коробочкахъ? Ахъ, горе мое, горе! И Леонида прогнали, да и самимъ не лучше.

Дьяконъ махнулъ рукой. То-ли еще будетъ? Вотъ пріѣдетъ и неизвѣстно еще, какимъ себя окажетъ. Можетъ, такіе порядки заведетъ, что отъ нихъ за тысячу верстъ убѣжать захочется.

Дѣти сидѣли въ сторонкѣ. На нихъ тоже напала какая-то вялость. Послѣ того, какъ они видѣли Маринку, грустно стоявшей надъ скарбомъ и затѣмъ какъ она пошла за отцомъ въ ограду, и имъ стало грустно, и они присмирѣли.

Между тѣмъ солнце уже приблизилось къ полудню.

— Скоро, пожалуй, и пріѣдетъ!—замѣтилъ дьяконъ, поднявъ голову къ небу:—надо перетаскиваться.

Начали выносить вещи во дворъ. Всѣ дѣлали это сумрачно и глядѣли внизъ. Дьяконша рѣшительно въ каждомъ уголкѣ роняла слезы. Когда она вошла въ квартиру Леонида, теперь пустую и жалкую, то въ глазахъ ея потемнѣло и она даже слегка пошатнулась.

— Гдѣ я ихъ помѣщу тутъ, гдѣ я ихъ помѣщу?—спрашивала она, обращаясь къ стѣнамъ, низенькому потолку и дырявому полу.

Десять разъ она отшвыривала отъ себя въ сторону разные предметы, которые случайно были у нея въ рукахъ, и говорила, что не станетъ перебираться, и пусть съ ней дѣлаютъ, что хотятъ. Но твердый, хотя и молчаливый, взглядъ дьякона всякій разъ заставлялъ ее смиряться и продолжать работу. Двѣ комнаты были наполнены всякимъ скарбомъ, но много еще оставалось во дворѣ, потому что хозяйство дьякона не помѣщалось въ этой маленькой квартиркѣ. Дьяконша сидѣла на табуретѣ и рыдала. Дѣти забрались во вторую комнату и сидѣли тамъ смирно, собравшись въ кучу, какъ цыплята, накрытые ситомъ.

А дьяконъ глядѣлъ, глядѣлъ на всю эту драму, да, наконецъ, махнулъ рукой и ушелъ со двора. Сперва онъ и самъ не зналъ, куда идетъ, а потомъ замѣтилъ, что безсознательно плелся по направленію къ дому отца Анастасія, который казался въ это время ему единственнымъ прибѣжищемъ.

VI.

Онъ нашелъ во дворѣ матушку. Оказалось, что отецъ Анастасій какъ разъ въ это время спалъ.

— Ну, что скажешь, отецъ дьяконъ?—спросила его матушка.

Дьяконъ казался страшно взволнованнымъ, и это такъ и было: онъ волновался и за себя, и за Леонида.

— Да что,—отвѣтилъ онъ просто:—не знаю, что и говорить. Нынче ждемъ новаго настоятеля. Ну, и переборка такая у насъ пошла, что просто хоть сквозь землю провались. Леонида загнали въ сторожку, а свой скарбъ перетащили въ его квартиру, а тамъ и двумъ человѣкамъ негдѣ помѣститься, не то что моему многочисленному семейству. Дьяконша моя реветъ... Леонидъ хотя и шутитъ, да отъ того никому не легче, а я вотъ просто взялъ да и убѣжалъ, чтобы только не видѣть всего этого.

— А наше положеніе, думаешь, лучше?—тоскливо заговорила матушка. —Что у насъ такое есть теперь? Хозяйство? Да много-ли оно дастъ, это хозяйство? Хозяйство хорошо вести, когда есть подспорье, а какое у насъ теперь можетъ быть подспорье? Никакого.

Такъ они печально стояли другъ противъ друга во дворѣ, изливая свои скорби. Въ это время изъ дома вышла горничная и сообщила: матушка, батюшка проснулись.

— Ну, вотъ и отлично! Такъ ты зайди къ нему, отецъ дьяконъ, побесѣдуй съ нимъ, а то ему скучно.

— Эхъ, только бесѣда моя невеселая будетъ!

Дьяконъ пошелъ въ кабинетъ и нашелъ отца Анастасія полулежащимъ на диванѣ. Онъ, разумѣется, разсказалъ своему старому начальнику всѣ событія этого дня.

— Понимаю я васъ, други мои,—говорилъ ему на это отецъ Анастасій:—да ты чего же отъ меня желаешь, дьяконъ?

— Ничего, отецъ Анастасій. Такъ, душу отвести пришелъ!—отвѣтилъ дьяконъ.

— Ну, что жъ, давай выпьемъ квасу... Хотя мнѣ докторъ и не велѣлъ, да все едино никуда не гожусь, и хуже ужъ навѣрно не будетъ... Еще слава Богу, что домикъ собственный имѣю, а то бы на улицу выбросили, вотъ какова наша судьба. Служишь, служишь, а придетъ невзгода, такъ словно ты и не человѣкъ. Знаешь, дьяконъ, сколько я пенсіи буду получать? Семьдесятъ два рублика въ годъ. Какова сумма, а? Развѣ на костыли хватитъ... Гм!.. Ну, что жъ мнѣ съ вами дѣлать? Не можешь же ты, знаю я, что не можешь, съ своимъ семействомъ ютиться въ двухъ клѣткахъ; не

птица вѣдь ты, дьяконъ, не канарейка. И Леониду тяжело жить въ сторожкѣ... Эхъ, какъ круто нашему брату приходится!

А Леонидъ въ это время устраивался. Видъ у него былъ довольно беззаботный. За то Дарья смотрѣла на него такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣла убить его. Безъ сомнѣнія, ея взглядъ относился не къ нему, а къ неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, заставившимъ ихъ перебраться въ эту лачугу.

Дарья была странная женщина. Въ семьѣ Леонида она появилась внезапно. Это было тяжелое время. Покойная Лукьяна занемогла вдругъ для всѣхъ неожиданно. Она была совсѣмъ здорова, и никто не ожидалъ для нея бѣды. Но заболѣвъ, стала съ поразительной быстротой чахнуть. Леонидъ растерялся, на него напала убійственная тоска. Марина была совсѣмъ маленькая, и онъ не умѣлъ съ нею обращаться, не зналъ, что съ нею дѣлать. Въ это время въ домѣ появилась баба, которую никто прежде не видалъ. Она даже не была изъ этого села, а какая-то пришлая. Увидала она Леонида съ Мариной, и стало ей жалко, и она просто начала помогать имъ. Разъ помогла, два, Марина ея не дичилась, а сразу пошла къ ней. И какъ-то незамѣтно, мало-помалу, она сдѣлалась своей. А съ Лукьяной бѣда все хуже и хуже, она умерла, и Дарья осталась въ домѣ, какъ хозяйка. Исторія ея проста. Жила она верстъ за двѣсти отсюда, была крестьянской женой, овдовѣла, потеряла ребенка, осталась одинокой. Потомъ пошла на заработки и зацѣпилась здѣсь, въ домѣ Леонида. Съ виду суровая, строгая, молчаливая, она обладала мягкимъ привязчивымъ сердцемъ.

Леонидъ любовно устраивалъ въ самомъ углу кроватку Марины. Наконецъ, онъ устроилъ тамъ все, какъ слѣдуетъ.

— Ну, вотъ главное сдѣлано и слава Богу! — говорилъ онъ Дарьѣ.

— А гдѣ же вы будете?—спрашивала его Дарья.

— Ну, тамъ гдѣ-нибудь. Гдѣ Богъ дастъ. А ты вотъ тутъ, около этой стѣнки. Мы тебѣ этакія нары пристроимъ... Плотника Авдѣя позовемъ, и онъ мигомъ смастеритъ...

— А варить, гдѣ будемъ?

— Варить?

Леонидъ задумался. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ они будутъ варить? Въ комнатѣ не было даже простой печи, такъ что неизвѣстно, чѣмъ она будетъ отапливаться зимой. Но задумчивость Леонида всегда очень скоро проходила. Онъ вышелъ въ сѣни и встрѣтилъ тамъ Григорія.

— Эй, Гриша, ты гдѣ себѣ обѣдъ варишь? — спросилъ онъ.

— Въ кабыцѣ! —отвѣтилъ Григорій и показалъ на уголъ, гдѣ, на темномъ полу, было свѣтлое пятно. Въ миніатюрныхъ сѣняхъ въ углу было сдѣлано небольшое углубленіе, надъ которымъ подымалась труба, выходившая прямо въ небо; подъ ней было выжженное мѣсто: тутъ ставился треножникъ, а на него котелокъ или сковорода, на которыхъ и варились кушанья,— это и была кабыца.

— Ну, что жъ, вотъ и мы тутъ будемъ варить... Эхъ, Дарья, коли Богъ не захочетъ, то и не дастъ пропасть...

Но Дарья смотрѣла мрачно. Вѣрила она и въ Бога, и въ то, что коли Богъ не захочетъ, то и пропасть не дастъ, но все же ее возмущала людская несправедливость. Вѣдь она слишкомъ хорошо знала Леонида и видѣла его чистую, дѣтски довѣрчивую душу, и ей казалось, что такого человѣка обижать ужъ совсѣмъ грѣшно.

Пришла и дьяконша съ своими слезами и, усѣвшись на скамейкѣ, продолжала и здѣсь плакать. Она была неутѣшна. Всѣ были обижены—и дьяконша, и Григорій съ женой, и Дарья, только Леонидъ ходилъ среди нихъ и добродушно напѣвалъ себѣ подъ носъ свою обычную пѣсню: „благослови, душе моя, Господа, благословенъ еси Господи!“ Онъ старался всѣхъ утѣшить, хотя самому ему было, можетъ быть, хуже всѣхъ.

Дьяконъ съ отцомъ Анастасіемъ давно уже молчали. Отецъ Анастасій сидѣлъ теперь въ развалистомъ креслѣ, куда помогъ ему перебраться дьяконъ, а самъ дьяконъ у окна на стулѣ. Они молчали и не испытывали при этомъ никакой тяжести. Они умѣли это дѣлать. Люди, которые провели вмѣстѣ много лѣтъ и слились въ общей дѣятельности, въ мысляхъ и чувствахъ, могутъ, сидя съ глазу на глазъ, молчать по многу часовъ, не ощущая неловкости. Они даже не замѣчаютъ, что молчатъ, мысли ихъ тихо текутъ въ томъ же направленіи, и имъ кажется, что они думаютъ вмѣстѣ, что каждый видитъ думы другого и они понимаютъ другъ друга.

Дьяконъ инстинктивно оглядѣлся и посмотрѣлъ въ окно.

— Что это за подводы?—воскликнулъ онъ, вглядываясь сквозь стекло въ какія-то повозки, медленно двигавшіяся по дорогѣ: — со скарбомъ... ихъ четыре и плетутся одна за другой, шкапы, столы, вонъ даже зеркало... Да ужъ не новый-ли это настоятель?

— А кому же иному быть?—откликнулся отецъ Анастасій: — онъ и есть. Должно быть, и самъ скоро будетъ. Ступай же, отецъ дьяконъ, и приготовься къ встрѣчѣ. Надо его встрѣтить, какъ должно... Иди, иди. А вечеркомъ ко мнѣ загляни и разскажешь, что за птица...

— Пойду!—сказалъ дьяконъ, и у него сдѣлался такой видъ, будто онъ шелъ на исповѣдь съ тяжкимъ грѣхомъ на душѣ.

Опять у него явился порывъ взять у отца Анастасія благословеніе, и опять его сдержало опасеніе, что у того будетъ дрожать разбитая ударомъ рука, и это доставитъ ему излишнее огорченіе.

Онъ вышелъ. Матушка стояла за воротами и слѣдила глазами за подводами.

— Видно, богатый!—сказала она дьякону:—должно быть, богатую жену взялъ.

— А какъ же. Соборнаго священника дочка. Въ соборномъ домѣ не бѣдные люди живутъ!—отвѣтилъ дьяконъ и прибавилъ, очевидно, торопясь:—прощайте, матушка. Пойду. Надо полагать, скоро и самъ пріѣдетъ. Надо старосту церковнаго позвать, чтобы въ церкви все въ порядокъ привелъ...

Дьяконъ постарался нагнать подводчиковъ.

— А что, это отъ отца Сергія должно быть?—спросила онъ.

— Отъ него,—отвѣтили ему.

— А самъ скоро будетъ?

— Должно быть, что скоро. Мы вѣдь съ утра плетемся.

— Такъ.

— А куда тутъ будетъ дорога?—спросили его подводчики.

— А такъ и поѣзжайте прямехонько, а около самой церкви остановитесь.

И дьяконъ быстрой походкой отправился домой.

Въ оградѣ онъ нашелъ старосту, сторожа Григорія и Леонида. Они, повидимому, не знали, что дѣлать, въ ожиданіи какихъ-нибудь приказаній отъ человѣка свѣдущаго. Дьяконъ тотчасъ же произвелъ среди нихъ тревогу.

— Вонъ ужъ возы показались!—сказалъ онъ:—везутъ настоятельскій скарбъ, значитъ, и самъ скоро будетъ.

Староста, сторожъ и Леонидъ заволновались и подняли страшную возню въ церкви. Самъ дьяконъ пошелъ въ церковный домъ и руководилъ установкой мебели въ квартирѣ новаго настоятеля. Онъ какъ бы забылъ уже о своемъ горѣ, объ изгнаніи его изъ квартиры и энергично хлопоталъ около мебели, помогая подводчикамъ устанавливать ее въ томъ самомъ помѣщеніи, откуда его только что выгнали. Онъ безсознательно чувствовалъ свою зависимость отъ человѣка, который сядетъ на его мѣсто, и какъ бы на всякій случай старался угодить ему.

Дьяконица совсѣмъ не раздѣляла его чувствъ и не двинула пальцемъ о палецъ для настоятеля.

*

— Пусть-ка самъ управляется! — говорила она. — Пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Чтобъ я еще ихъ устраивала? Они же меня крова лишили, и я же для нихъ хлопотать должна.

Леонидъ дѣятельно старался въ церкви. Принявъ во вниманіе, что сторожъ Григорій глубоко огорченъ стѣсненіемъ, которое причинилъ ему Леонидъ, отнявъ у него одну комнату, онъ самъ схватилъ метлу и дѣйствовалъ ею, хотя это была прямая обязанность сторожа. Староста все стоялъ у свѣчного столика и раскладывалъ по кучкамъ свѣчи разной величины, стараясь, чтобы вышло какъ можно художественнѣй. Тутъ же, неизвѣстно зачѣмъ, торчалъ писарь, который какъ бы считалъ себя обязаннымъ присутствовать при столь торжественномъ событіи, и, само собою разумѣется, полдюжины доброхотныхъ бабъ сидѣли на паперти и почему-то вздыхали.

Староста кончилъ уборку свѣчей и лицо его приняло озабоченный видъ.

— Не зажечь-ли паникадило, Леонидъ Марковичъ?—спрашивалъ онъ, взглядывая наверхъ, гдѣ висѣло паникадило съ хрустальными подвѣсками.

— А для какой же это надобности?—довольно спокойно возразилъ Леонидъ.

— Да ужъ такъ, для виду, чтобы ярче было въ церкви!

— Нѣтъ, этого не полагается.

Гришка уже разъ семь взлѣзалъ на колокольню и все высматривалъ, не виднѣется-ли вдали на степной дорогѣ городская коляска. Послѣ восьмого раза онъ уже не сошелъ, а сбѣжалъ съ колокольни.

— Ѣдетъ, ѣдетъ!—запыхавшись, кричалъ онъ, вбѣгая въ церковь:—не протрезвонить-ли, Леонидъ Марковичъ?

— Что ты, голубчикъ? Да, вѣдь онъ не архіерей!—отвѣтилъ Леонидъ.

Произошло сильное движеніе. Дьяконъ сбѣгалъ къ себѣ и облачился въ свѣженькую рясу. Леонидъ, впрочемъ, ограничился тѣмъ, что причесалъ и пригладилъ волосы и наново заплелъ косичку. У него не было другого кафтана. Этотъ онъ носилъ уже лѣтъ шесть и разсчитывалъ проносить его еще столько же. Староста наскоро, впопыхахъ опустилъ два пальца въ лампадку и затѣмъ смазалъ свою шевелюру лампаднымъ масломъ. Церковная дверь была открыта настежъ и все было приготовлено для службы, какъ будто новый настоятель, пріѣхавъ, сейчасъ же начнетъ отправлять вечерню.

Было около трехъ часовъ дня, когда въ ограду прибѣжалъ бѣлоголовый мальчуганъ, безъ шапки и босой и, едва переводя духъ, объявилъ:

— Ѣдетъ, самъ видѣлъ, сейчасъ мостъ черезъ рѣчку переѣхалъ!

Откуда мальчуганъ получилъ свѣдѣнія о предстоящемъ событіи—неизвѣстно. Должно быть, почувствовалъ.

Всѣ вышли изъ церкви и потомъ изъ ограды и тихимъ шагомъ направились къ церковному дому. У дьякона лицо было растерянное и крайне взволнованное. У Леонида почтительно-спокойное. Дьяконъ былъ безъ шапки, такъ какъ оставилъ ее въ домѣ. Леонидъ же прикрылъ голову своей поярковой шляпой, давно уже утратившей какой бы то ни было цвѣтъ.

Наконецъ, появилась коляска. Она была совсѣмъ такая, въ какихъ ѣздятъ въ городѣ важныя лица,—раскидистая, блестящая, съ цвѣтными колесами. Впереди бѣжалъ тотъ самый мальчуганъ—безъ шапки и босой. Онъ, сообщивъ свои свѣдѣнія въ церкви, успѣлъ вернуться на дорогу и добровольно взялъ на себя роль провожатаго. Онъ бѣжалъ впереди и такимъ образомъ показывалъ дорогу. Кучеръ былъ одѣтъ въ кафтанъ и кучерскую шапку, опять-таки совершенно такъ, какъ въ городѣ. Въ коляскѣ сидѣли, кромѣ кучера, отецъ Сергій и ужасно молоденькая попадья.

Коляска остановилась у двери, выходившей на церковную площадь. Всѣ присутствовавшіе сняли шапки.

— Такъ это и есть церковный домъ?—молвилъ отецъ Сергій, осматривая свое будущее жилище:—Ну, что жъ, домъ, кажется, хорошъ... А чьи же это стоги хлѣба и сѣна стоятъ? Можетъ, это тоже настоятелю причитается?

И онъ въ это время вылѣзалъ изъ экипажа. Дьяконъ не зналъ, что отвѣчать на эти слова, не понимая, серьезно-ли говоритъ это настоятель или въ шутку. Онъ такъ и не отвѣтилъ, а просто подошелъ къ о. Сергію и взялъ у него благословеніе.

Староста помогалъ матушкѣ сойти на землю. Маленькая, блѣднолицая, худенькая, она казалась ребенкомъ.

Отецъ Сергій сразу разочаровалъ всѣ ожиданія. Въ его фигурѣ чего-то недоставало. Ноги были коротки что-ли, но вообще всѣ замѣтили, что ему не хватаетъ представительности.

— Ну, что же наша мебель?—спросилъ отецъ Сергій...

— Привезли!—отвѣтилъ дьяконъ:—уже давненько привезли и даже всю снесли въ комнаты и уставили.

Дьяконъ растворилъ двери и пригласилъ въ темныя сѣни.

— Какъ темно!—воскликнула матушка.

— Да, ужъ это дѣйствительно!—согласился о. Сергій. Онъ сейчасъ же прибавилъ:—но здѣсь вѣдь можно продѣлать окошко.

„Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ про себя дьяконъ,—какъ оно просто: взять да и прорубить окошко. А я столько лѣтъ страдалъ отъ темноты, и мнѣ и въ голову не пришло этого. А вотъ онъ такъ сразу догадался объ этомъ. Умный, должно быть".

Они вошли въ квартиру.

— Боже, какъ это все странно поставили!— промолвила матушка и сдѣлала недовольную мину.

Дьяконъ, разставляя мебель руководствовался тѣмъ самымъ планомъ, который былъ въ его квартирѣ, совершенно позабывъ, что у него главнымъ населеніемъ были дѣти, а у отца Сергія ихъ не было.

— Ужъ извините пожалуйста,—молвилъ онъ въ смущеніи:—наскоро знаете... Да оно можно переставить... Это мы мигомъ сдѣлаемъ.

Онъ страшно извивался передъ настоятелемъ и его женою, совершенно забывъ и о своемъ возрастѣ, и о комплекціи, и, наконецъ, о своемъ горѣ. Леонидъ тоже былъ любезенъ и почтителенъ, но онъ умѣлъ это дѣлать какъ-то спокойно и сдержанно. Онъ смотрѣлъ на дьякона и думалъ:—„и откуда это у отца дьякона эта живость появилась? То ему лѣнь съ мѣста сдвинуться, а тутъ, словно ему двѣнадцать годковъ".

Молодая матушка сняла накидку и шляпку и осталась въ голубенькомъ платьѣ изъ французскаго ситца. Она была мила и вела себя совсѣмъ по-дѣтски. Когда они вышли во дворъ, то она гонялась за всѣми цыплятами и утками и умилялась, когда ей удавалось брать ихъ въ руки. Все, что она видѣла кругомъ, было для нея ново и удивляло ее.

— Такъ чье же это сѣно?—вторично спросилъ отецъ Сергій, указывая уже теперь прямо на токъ.

Дьяконъ крайне сконфузился, какъ будто это было преступленіе.

— Это мое, отецъ Сергій,—промолвилъ онъ почти подавленнымъ голосомъ.

— Такъ вы занимаете весь токъ?

— По необходимости, отецъ Сергій!—съ еще большей подавленностью отвѣтилъ дьяконъ:—другого мѣста нѣтъ.

— А что же я займу при надобности?

— Потѣснимся.

— Гм... это, знаете, неудобно.

Сараи всѣ были заняты хозяйствомъ дьякона. Отецъ Сергій заглядывалъ въ каждый уголокъ и лицо его все больше и больше принимало строгій видъ.

— Эту бричку, знаете, надо выкатить,—сказалъ онъ:—да и конюшню придется освободить. Надобно, знаете, мнѣ поставить свою коляску и лошадей.

— Тутъ можно помѣститься пока!—робко отозвался дьяконъ.

— Нѣтъ ужъ, знаете, я этого не люблю. А скажите пожалуйста, гдѣ же вы собственно живете?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да я вотъ тутъ!—отвѣтилъ дьяконъ и нерѣшительнымъ жестомъ указалъ на низенькую дверь, которая вела въ его новую квартиру.

— Какъ? въ одномъ зданіи? Ну, это, знаете, неудобно... И это ваши дѣти?—прибавилъ онъ, указывая на задумчиво стоявшую группу потомства отца дьякона.

Дьяконъ подтвердилъ.

— И они тутъ постоянно будутъ бѣгать?

— Они тихіе у меня!—промолвилъ дьяконъ противъ своего убѣжденія, потому что никогда не считалъ своихъ дѣтей тихими, а наоборотъ, всегда называлъ ихъ разбойниками.

— Ну, знаете, это положительно неудобно. Это надо какънибудь иначе.

— Но какъ же можно иначе, отецъ Сергій?

— А ужъ я не знаю... А развѣ вы не можете нанять себѣ хату?

— Изъ какихъ же средствъ, отецъ Сергій?

— Ну, ужъ это, знаете, не мое дѣло. Мнѣ, знаете, въ консисторіи сказано, что церковный домъ будетъ въ моемъ пользованіи... И тамъ вовсе не сказали, что не весь домъ, а часть.

— Консисторіи, конечно, неизвѣстно...—началъ было, запинаясь, дьяконъ, но отецъ Сергій внушительно перебилъ его:

— Нѣтъ, извините, консисторіи все извѣстно, и мы должны исполнять ея предписанія.

Дьяконъ поджалъ хвостъ. Его предупредительность мало-помалу начала покидать его. Въ сердцѣ его что-то такое закипало. Затронутъ былъ его кровный интересъ, и онъ чувствовалъ себя способнымъ стать на защиту. Можетъ быть, онъ и не выдержалъ бы, еслибы отецъ Сергій продолжалъ разговоръ на эту же тему. Но отецъ Сергій сказалъ:

— Впрочемъ, это тамъ видно будетъ. Я съ полчасика отдохну,—прибавилъ онъ, направляясь въ комнату:—а потомъ прикажите благовѣстить, и мы начнемъ вечерню. Мы и утреню съ вечера отслужимъ.

— Отецъ Сергій, у насъ утреню заведено утромъ служить!—возразилъ дьяконъ.

— Кѣмъ же это заведено? позвольте спросить!

— Отцомъ Анастасіемъ.

— Отецъ Анастасій мнѣ не указъ.

— Прихожане такъ желали... И такъ ужъ они привыкли, потому вечеромъ они еще работу кончаютъ, а утромъ въ праздникъ всѣ желаютъ быть въ церкви.

— Ну, знаете, въ три часа вставать я не согласенъ. Это покорно благодарю. Такъ мы отслужимъ утреню съ вечера!—прибавилъ онъ уже почти начальническимъ тономъ. — Лиля, Лиля! кричалъ онъ въ томъ направленіи, гдѣ была матушка, которая пыталась поймать какого-то молодого гусенка:—пойдемъ въ комнату... У насъ вѣдь есть кое-что закусить? А нельзя-ли,—обратился онъ къ дьякону:—нельзя-ли у васъ сдѣлать, напримѣръ, яичницу?

— Яичницу?—спросилъ дьяконъ, какъ будто не сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ былъ погруженъ въ размышленія.

— Ну, да, яичницу.

— Это, ежели... — началъ было дьяконъ, но потомъ прибавилъ рѣшительно:—яичницу можно, отецъ Сергій.

— Такъ вы распорядитесь пожалуйста.

Отецъ Сергій и матушка ушли въ домъ.

Они привезли съ собой узелокъ съ пирожками, колбасой и сдобными печеньями. Матушка развязала и разложила все на столѣ. Но отецъ Сергій хотѣлъ чего-нибудь горячаго и терпѣливо ждалъ яичницу.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:—это крайне неудобно жить въ одномъ домѣ. Такая куча дѣтей у него, у этого дьякона, что рѣшительно не будетъ покоя! Потомъ этотъ скотъ, птица, вѣдь это постоянно будетъ путаться съ нашими, и я увѣренъ, что они будутъ вѣчно жарить нашихъ цыплятъ и выдавать ихъ за своихъ. Какъ это удивительно, что въ консисторіи такой безпорядокъ! Увѣряютъ, будто цѣлый домъ въ моемъ распоряженіи, а оказывается, что тутъ живетъ и дьяконъ. Но этого терпѣть нельзя. Надо, знаешь, сразу ихъ приструнить... А то они заберутъ насъ въ лапы.

— Какіе здѣсь низкіе потолки!—жалобно восклицала матушка, которую этотъ вопросъ интересовалъ больше:—здѣсь дышать нечѣмъ будетъ.

— Ну, это пустое. Въ деревнѣ всегда дома такъ строются. А вотъ нехорошо, что стѣны загажены, должно быть здѣсь жилъ кто-нибудь. Надо справиться.

— По всей вѣроятности, прежній священникъ!—высказалась матушка.

— Нѣтъ, у него свой домъ. Должно быть, этотъ дьяконъ съ его многочисленнымъ потомствомъ. А вотъ я заставлю-ка его выбѣлить стѣны на свой счетъ... Вѣдь этого онъ не имѣлъ права дѣлать—жить въ помѣщеніи для священника. Это вѣдь противузаконно.

Дьяконъ пришелъ домой сумрачный, а дьяконша посмотрѣла на него, какъ изъ-за грозовой тучи.

— Ну, что, накланялся?—съ злостнымъ сарказмомъ спросила она его. Она видѣла въ окно, какъ дьяконъ лебезилъ передъ отцомъ Сергіемъ.

Дьяконъ ни слова не отвѣтилъ на эту выходку.

— Вотъ надо яичницу сдѣлать!

— Что? Это для кого же?

— Да настоятель просилъ.

— Это я стану ему яичницу дѣлать? Какъ бы не такъ. Выгналъ изъ дому, да еще я же кормить его буду? Пусть-ка сама эта сахарная попадья станетъ у плиты. Растопится, я думаю, а?!

— А, брось ты, пожалуйста, свои бабьи разговоры!—сердито отвѣтилъ ей дьяконъ.—Говорю тебѣ: яичницу просилъ сдѣлать, ну и сдѣлай.

— Не стану, не стану и не стану!—рѣшительно отвѣтила дьяконша.

— Такъ что же, я, что-ли, буду дѣлать?

— А дѣлай, коли есть охота.

— Авдотья!

— Знаю, что Авдотья! А никакой яичницы для нихъ не стану дѣлать. Что, небось, посулилъ тебѣ много добра?!

Дьяконъ и на это не отвѣтилъ.

— Гдѣ яйца?—угрюмо спросилъ онъ.

— А поищи. Въ кухнѣ гдѣ-нибудь. Теперь все будетъ въ кучѣ. Ни чулана, никакого закоулка.

Дьяконъ снялъ рясу, закаталъ рукава кафтана и принялся мастерить яичницу. Въ кухнѣ, въ крошечной печкѣ, уже былъ разведенъ огонь. Кажется, развела его еще Дарья, а дьяконша дополнила. Надо же было что-нибудь сварить дѣтишкамъ. Яйца онъ нашелъ въ ситѣ съ другими хозяйственными мелочами. Онъ поставилъ сковороду, положилъ въ нее масло и выпустилъ туда яйца. Въ домѣ было глубокое молчаніе. Дьяконша какъ бы и не видала его возни. Она наклонилась надъ узломъ и перебирала бѣлье. А дьяконъ злился и на отца Сергія, и на нее, и на судьбу. Но все же неукоснительно жарилъ яичницу, какъ бы исполняя обязанности подчиненнаго передъ начальникомъ. Потомъ онъ кликнулъ

дѣвчонку, которая служила у нихъ, и велѣлъ ей снести сковороду къ батюшкѣ. Черезъ минуту онъ и самъ вошелъ туда.

— Тамъ староста дожидается!—доложилъ онъ.—Не пожелаете-ли церковь осмотрѣть?

— Ну, не сейчасъ-же!—отвѣтилъ отецъ Сергій:—послѣ всенощной или завтра. Что за торопливость такая! А теперь вы можете благовѣстить.

Дьяконъ объявилъ о рѣшеніи настоятеля старостѣ и сторожу. Староста былъ недоволенъ. Даромъ пропали всѣ его художественныя старанія.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Сталъ тихо подходить народъ.

VIII.

Никогда еще въ селѣ не бывало такой службы.

Передъ самой вечерней дьяконъ вошелъ въ алтарь и, почтительно поклонившись отцу Сергію, промолвилъ: угодно, чтобы я облачился?

— Да вѣдь дьякона въ приходѣ не полагается,—отвѣтилъ отецъ Сергій.

— Оно такъ, но обыкновенно служу...

— Нѣтъ, я самъ буду служить...

Дьяконъ сталъ на клиросѣ вмѣстѣ съ Леонидомъ. По мѣрѣ того, какъ шла служба, они каждую минуту съ изумленіемъ посматривали другъ на друга. Отецъ Сергій служилъ такъ быстро, что они не успѣвали перевести духъ. Онъ не ходилъ по церкви, а бѣгалъ, и молитвы читалъ такъ, что нельзя было уловить ни одного слова. Не смотря на новизну дѣла, онъ зналъ всю службу наизусть и ни разу не прибѣгалъ къ помощи книги. Еще солнце не зашло, какъ всенощная была кончена, и народъ, ничего не понимая, съ недоумѣніемъ сталъ расходиться по домамъ.

Вечеромъ кое-кто изъ лицъ, близкихъ къ церкви, собрался въ церковной оградѣ около сторожки и дѣлились впечатлѣніями.

— Ничего въ немъ нѣтъ духовнаго, — говорилъ дьяконъ: — Ему бы аблакатомъ быть, а не пастыремъ.

— Нельзя такъ судить, отецъ дьяконъ, — возражалъ на это Леонидъ.—Можетъ, онъ и добрый пастырь. Неизвѣстно, что еще окажется. Пусть поживетъ съ нами, увидимъ. Иной разъ человѣкъ съ виду бываетъ несообразенъ, а по душѣ—ангелъ.

Дьяконъ, по обыкновенію, махнулъ рукой.

— Самъ ты ангелъ, Леонидъ, и всѣ тебѣ кажутся ангелами. Пойдемъ-ка къ отцу Анастасію!

Леонидъ согласился, и они вышли изъ ограды, а затѣмъ двинулись по дорогѣ къ дому стараго настоятеля. Уже стемнѣло. Съ поля пришелъ скотъ и бабы загнали уже своихъ коровъ и доили ихъ. Кое-гдѣ въ разныхъ концахъ села подвывали собаки, чуя приближеніе ночи. Въ воздухѣ была разлита осенняя свѣжесть.

Въ домѣ отца Анастасія свѣтилось; сквозь незакрытыя ставни проглядывали огоньки. Они застали матушку въ столовой, за чайнымъ столомъ.

— Ну, слава Богу, что вы пришли,—встрѣтила ихъ матушка:— Христомъ Богомъ просить перевести его въ столовую, а я сама не въ силахъ.

— Мы это живымъ манеромъ, матушка!—отвѣтили причетники и направились въ кабинетъ.

— Скучно мнѣ тутъ сидѣть, тамъ все же народъ. Ну, вотъ хоть съ вами поболтаю,—говорилъ отецъ Анастасій.

Они перевели его въ столовую и усадили въ кресло передъ столомъ и начались распросы.

— Вотъ, отецъ Анастасій, даже мою малую квартиру отнять желаетъ. Вотъ каковъ онъ. И токъ, говоритъ, мнѣ весь отдайте, чтобы смѣшенія не было. Такой, говоритъ, указъ есть изъ консисторіи, чтобы ему весь домъ занимать, а что, говоритъ, до васъ, такъ мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Вотъ какой онъ. И опять же насчетъ службы церковной. Я, говоритъ, въ три часа вставать не намѣренъ. Какое же это духовное лицо?

Отецъ Анастасій внимательно слушалъ и не перебивалъ его; онъ сказалъ сдержанно и спокойно:

— Держитесь, дѣти мои, одно только и могу сказать вамъ. Будь твердъ, дьяконъ, не уступай. Всякому человѣку жить надо. Конечно, онъ настоятель, но, однакожъ, такихъ правъ ему не дано. Невозможное дѣло, чтобы причетникъ остался безъ квартиры. И это онъ напрасно на консисторію ссылается, и консисторія ему такихъ правъ не дастъ. Ну, а ты что скажешь, Леонидъ?

— Я что жъ, отецъ Анастасій, я ничего. Со мной даже двухъ словъ не сказалъ, да оно и лучше. Видите, съ отцомъ дьякономъ онъ разговаривалъ, и отъ этого ему одно огорченіе.

Отецъ Анастасій ничего на это не сказалъ, но подумалъ о томъ, что Леонидъ не избѣжитъ еще большаго огорченія. Такой типъ, это видно ужъ по первымъ шагамъ.

На другой день около церкви произошло странное явленіе. Вокругъ ограды стояли возы и повозки прихожанъ, пріѣхавшихъ съ хуторовъ спозаранку, когда еще солнце не всходило. Даль-

ніе прихожане были поражены, увидя, что церковь заперта, благовѣста не слышно, въ самой церкви темно и народа нѣтъ. Они привыкли, чтобы обѣдня кончалась рано. Въ восемь часовъ они уже возвращались домой и садились за трапезу. Все это привело ихъ въ уныніе. Они распрягли лошадей и воловъ и сонные бродили вокругъ церкви. Наконецъ, началась обѣдня. Прежде всего молящихся удивило отсутствіе дьякона. Всѣ привыкли, чтобы онъ служилъ вмѣстѣ со священникомъ, и имъ казалось, что служба не полная, чего-то недостаетъ въ ней. А затѣмъ странной показалась скорость, съ которой отецъ Сергій кончилъ обѣдню. Не успѣли опомниться, какъ уже пора было выходить изъ церкви. И прихожане выходили изъ церкви какъ-то подавленные.

Хуторовскій богачъ Стецько Ковтунъ имѣлъ намѣреніе заказать молебствіе, по случаю того, что онъ выгодно продалъ партію жита, но, увидѣвъ новые порядки, раздумалъ. У него какъ-то духу не хватило. „Богъ его знаетъ, можетъ, и молебствіе-то будетъ не настоящее!“ — подумалъ онъ. Такъ онъ и уѣхалъ безъ молебствія.

Когда, послѣ обѣдни, дьяконъ вошелъ въ алтарь, отецъ Сергій спросилъ его:

— Скажите, отецъ дьяконъ, что за личность и по какому случаю онъ на клиросѣ поетъ и въ алтарь ходитъ?

— Кто такой, отецъ Сергій?—спросилъ дьяконъ, не сразу поняв въ чемъ дѣло.

— Я говорю про эту личность, которая вмѣстѣ съ вами на клиросѣ поетъ.

„Личность! Ишь ты каковъ! — подумалъ дьяконъ: — это Леонидъ-то—личность!“

— Это причетникъ, пономарь, Леонидъ Понурый!—отвѣтилъ дьяконъ.

— Что же, онъ за штатомъ, или какъ?

— Нѣтъ, не за штатомъ. Онъ, какъ бы сказать... онъ служитъ.

— Но вѣдь штатъ состоитъ лишь изъ священника и псаломщика...

— Точно. Но какъ онъ уже служилъ здѣсь давно, то отецъ Анастасій его и не тревожилъ.

— Что же, онъ слѣдственно изъ любви къ искусству служитъ?

— Я не понимаю, что это означаетъ!—откровенно отвѣтилъ дьяконъ.

— Ну, то-есть, безкорыстно?!

— Какъ же безкорыстно, отецъ Сергій? Онъ только этимъ и живетъ. Ему часть идетъ отъ всего.

— Гм! Часть? Вотъ какъ! Я вижу, что у васъ тутъ никакихъ законовъ не признаютъ. Ну, мы объ этомъ еще поговоримъ. Въ алтарѣ, оно, знаете, какъ-то неприлично говорить о житейскихъ дѣлахъ... А, скажите,—прибавилъ онъ еще:—могу я нанести свой визитъ отцу Анастасію? Какъ онъ старый, и притомъ больной, то я долженъ сходить къ нему.

— Это можно,—сказалъ дьяконъ, искренно изумившись такой любезности. Это какъ бы не согласовалось съ надменностью и холодностью о. Сергія.

— Это когда вамъ будетъ угодно,—отвѣтилъ дьяконъ.—Отецъ Анастасій, по своей болѣзни, всегда дома.

— Такъ я послѣ чаю и съѣзжу къ нему. Кажется, его домъ тамъ, при въѣздѣ въ село?

Дьяконъ подтвердилъ и вышелъ. Леониду онъ не сказалъ ни звука о своемъ разговорѣ съ о. Сергіемъ. А къ о. Анастасію послалъ дѣвчонку сказать, что у него новый настоятель хочетъ быть съ визитомъ.

Послѣ обѣдни дьяконъ вернулся домой. У него со вчерашняго дня было какое-то тяжелое чувство въ присутствіи жены. Оба они хранили угрюмое молчаніе, какъ враги, но у обоихъ болѣло сердце и хотѣлось высказаться. Они сѣли вмѣстѣ обѣдать, и тутъ ужъ никакъ нельзя было хранить долѣе молчанія.

— Не знаю, что и будетъ!—первый сказалъ дьяконъ.—Такой, оказывается, крѣпкій человѣкъ, что съ нимъ и не сладишь. Все передѣлать хочетъ. Ужъ просто и не знаю, какъ съ нимъ быть. И сѣно на току его безпокоитъ, и что мы въ этомъ домѣ живемъ—тревожитъ его. И ничего слушать не хочетъ.

Дьяконица очень твердо промолвила на это:

— Да хоть бы меня батогомъ гнали, не пойду; не стану я въ наемномъ домѣ жить и ни капли я его не боюсь. Никогда такого закона не было, чтобы причетника гнали на улицу. Еще Леонидъ—другое дѣло, потому онъ забытый... Онъ какъ бы сверхъ должности. А мы по штату положены, и потому ничего онъ съ нами не сдѣлаетъ.

Между тѣмъ у церковнаго дома уже стояла коляска. Кучеръ, какъ и вчера, надѣлъ кафтанъ и восьмигранную шапку. Лошади были далеко не породистыя и не особенно подходили къ коляскѣ, которая была совершенно новая, съ красивыми рессорами, съ желтыми колесами.

Въ церковномъ домѣ давно уже старались рѣшить вопросъ, слѣдуетъ-ли ѣхать отцу Сергію вмѣстѣ съ матушкой или одному.

Лиля—полное имя ея было Елизавета Антоновна,—склонялась къ тому, чтобы ѣхать вмѣстѣ, но безъ всякихъ доводовъ, а больше потому, что ей было скучно оставаться одной. Отецъ Сергій полагалъ, что съ этимъ надо обождать, ибо еще неизвѣстно, какія выйдутъ отношенія со старымъ настоятелемъ.

— Я, конечно, обязанъ сдѣлать ему визитъ, дабы меня не обличали въ неуваженіи къ старшимъ. Но ты вовсе не должностное лицо, и такой обязанности у тебя нѣтъ. Подождемъ: ежели они окажутся любезны, тогда и поѣдемъ.

Его мнѣніе взяло перевѣсъ, и онъ поѣхалъ одинъ.

Нѣсколько странно казалось присутствіе этой коляски съ такимъ важнымъ кучеромъ на деревенской дорогѣ, среди стоговъ соломы и полускирдъ сѣна, среди низенькихъ хатъ съ камышевыми крышами. Въ особенности несоотвѣтствіе становилось очевиднымъ, когда на встрѣчу попадались возы, запряженные волами, и мужики, недоумѣвая, снимали шапки и кланялись.

Матушка, получивъ извѣстіе отъ дьякона, не смотря на неособенно благопріятныя вчерашнія вѣсти о новомъ настоятелѣ, все же приготовилась встрѣтить его. Она не хотѣла ударить лицомъ въ грязь, поэтому облачилась въ широкое шелковое платье темно-коричневаго цвѣта съ отливомъ, а на шею накинула шаль съ разводами.

Отецъ Анастасій сказалъ:

— Ну, а мнѣ позволительно просто въ полукафтаньѣ посидѣть: я человѣкъ разбитый.

На всякій случай за угломъ крыльца шипѣлъ самоваръ и были на готовѣ кое-какія закуски.

Когда коляска остановилась у воротъ, на нее свирѣпо набросилась стая собакъ. Изъ двора выбѣжалъ мальчуганъ, кухаркинъ сынъ, и сталъ махать на нихъ руками и ловить ихъ за хвосты. Отецъ Сергій не рѣшался вылѣзть изъ экипажа до тѣхъ поръ, пока мальчишка окончательно не усмирилъ собакъ. Но онѣ ворчали и все порывались броситься на незнакомца.

— А куда тутъ пройти къ отцу Анастасію?—спросилъ у мальчугана о. Сергій.

— Да прямехонько во дворъ, а тамъ налѣво!—отвѣтилъ мальчуганъ.

— А ты собакъ-то попридержи,—крикнулъ онъ мальчугану и вошелъ во дворъ, повернулъ налѣво и у крыльца встрѣтилъ матушку, которая, увидѣвъ его въ окно, вышла и поджидала у крыльца.

Отецъ Сергій подалъ ей руку какъ-то поспѣшно, точно избѣгая, чтобы она не попросила у него благословенія.

— Очень рады, очень рады!—довольно привѣтливо говорила матушка:—пожалуйте! А что же матушка, супруга ваша? Я думала, и она прибудетъ.

— Она извиняется. Не такъ-то здорова, знаете. Послѣ дороги... Все-таки верстъ сорокъ будетъ, а она не привыкла, никогда изъ города не выѣзжала... Не обезпокою я отца Анастасія своимъ визитомъ? Вѣдь онъ нездоровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, отецъ Анастасій будетъ радъ. Пожалуйте.

Она ввела его въ гостиную и потомъ показала на дверь въ кабинетъ. Отецъ Сергій вошелъ, остановился у порога и трижды перекрестился на образа, а потомъ уже подошелъ къ отцу Анастасію, наклонился къ нему и взялъ у него благословеніе.

— Священникъ Сергій Антидоровъ, — назначенъ на здѣшній приходъ и почелъ первымъ долгомъ посѣтить васъ.

— Мнѣ это очень пріятно, садитесь, прошу васъ, — сказалъ сдержанно отецъ Анастасій.

Отецъ Сергій сѣлъ.

— Хорошія у васъ здѣсь мѣста!—молвилъ онъ,—кажись, и воздухъ хорошъ, и разныя красоты природы. Мнѣ кажется, что и прихожане—народъ добрый.

— Прихожане, я вамъ скажу, отецъ Сергій, всегда бываютъ добры къ тѣмъ, кто съ ними добръ!—отвѣтилъ отецъ Анастасій:—когда они видятъ простоту въ обращеніи и доброту, такъ сказать, отеческую сердечность, они готовы сдѣлать все, что угодно.

— Оно такъ,—возразилъ отецъ Сергій,—но я полагаю, что иногда приходится становиться, такъ сказать, въ противорѣчіе...

— То-есть, какъ же это?

— Да, напримѣръ, ежели окончательно спускать имъ, такъ они никакого уваженія не будутъ имѣть.

— То-есть, какъ это спускать? Что вы разумѣете?

— Да, напримѣръ, относительно требъ... Ежели не стоять твердо, такъ они избалуются и станутъ давать гроши... а жить вѣдь все-таки чѣмъ-нибудь надо.

— Не знаю,—отвѣтилъ на это отецъ Анастасій:—я никогда не упирался, всегда сговорчивъ былъ, а жилъ. Вотъ даже и домишко пріобрѣлъ и хозяйство имѣю, и скотъ, и лошаденки, и птицу, и никогда не жаловался.

— А кстати, я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться, — перемѣнилъ разговоръ отецъ Сергій:—по поводу дома церковнаго. Какая несообразность! Мнѣ въ консисторіи, знаете, объявили, что церковный домъ будетъ въ моемъ полномъ распоряженіи, а ме-

жду прочимъ оказывается, что въ томъ же домѣ живетъ псаломщикъ.

— То-есть дьяконъ!—поправилъ его отецъ Анастасій.

— Ну да, но я говорю по штату... По штату вѣдь онъ псаломщикъ.

— Такъ вѣдь другого дома не имѣется, отецъ Сергій.

— Но это, какъ бы сказать... до меня не можетъ касаться. Мнѣ предоставлено пользованіе домомъ, и я имѣю на то право.

— Вы развѣ хотите, чтобъ причетникъ жилъ на улицѣ?

— Ужъ это, право, его дѣло; я не могу заботиться обо всѣхъ.

— Ну, въ этомъ мы съ вами расходимся, отецъ Сергій. По моему мнѣнію, настоятелемъ васъ не для того только сдѣлали, чтобы вы получали доходы.

— А то какъ же? Я думаю не для того же, чтобы я раздавалъ ихъ.

— Конечно, нѣтъ. Но получать доходы, это ваше право, отецъ Сергій, а есть и обязанности, и одна изъ обязанностей очень важная — заботиться о подчиненномъ вамъ причтѣ. А выбрасывать ихъ на улицу, ужъ это, извините, это не по настоятельски и не по христіански. Вы меня простите, отецъ Сергій, я человѣкъ старый и разбитый, что съ такого взыщешь? Говорю, что думаю. Ну, а впрочемъ, не думайте, что я желаю вмѣшиваться. Боже сохрани! Это я такъ къ слову. Не угодно-ли вамъ будетъ закусить, отецъ Сергій?

— Нѣтъ, благодарю васъ, только что дома закусилъ.

— Такъ, можетъ, угодно чаю? Моя попадья васъ угоститъ.

— И чай пилъ. Очень вамъ благодаренъ. Нѣтъ, ужъ я не смѣю васъ больше утруждать... Вамъ нуженъ покой.

Онъ поднялся и поклонился, но на этотъ разъ уже не взялъ благословенія.

— Надѣюсь, — сказалъ онъ, — что будемъ жить въ мирѣ и согласіи.

— Что-же, почему намъ и не жить въ мирѣ? Дѣлить намъ ничего не придется. Я свою службу кончилъ, а вы начинаете. Живите и вы также ладно съ народомъ, какъ я жилъ, и въ то же время съ своимъ причтомъ, какъ я прожилъ съ ними много лѣтъ, и повѣрьте,—всѣмъ хорошо будетъ.

Отецъ Сергій еще разъ поклонился и вышелъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ матушку.

— Очень пріятно будетъ познакомиться съ вашей супругой! — сказала ему матушка, провожая его.

— Ей тоже было бы очень пріятно! — отвѣтилъ отецъ Сергій, — но, знаете, она у меня совсѣмъ еще дикая, она еще ребенокъ. Сейчасъ только кончила курсъ въ епархіальномъ училищѣ и жизни совсѣмъ не понимаетъ. Но все же, разумѣется, она сочтетъ своимъ долгомъ....

— Очень буду рада, милости просимъ.

Матушка проводила его за ворота и смотрѣла, какъ онъ усаживался въ своей роскошной коляскѣ и какъ затѣмъ укатилъ.

„Какой же онъ важный!—подумала она, провожая его глазами:—я такихъ поповъ еще и сроду не видала".

Она вернулась въ домъ и вошла въ кабинетъ.

— Нѣтъ, не хорошъ, не хорошъ!—отозвался отецъ Анастасій о только что уѣхавшемъ гостѣ: — не видно въ немъ простоты душевной... Нѣтъ, не видно, и не хорошо съ нимъ будетъ жить дьякону... А ужъ о Леонидѣ я просто даже и думать боюсь. Для него окончательно ничего добраго не жду.

— Что-то и мнѣ онъ не показался!—замѣтила матушка: — что-то въ немъ есть такое.

— А то, что хапуга онъ будетъ и прижимальщикъ, и болѣе ничего!—отвѣтилъ отецъ Анастасій. —Это ужъ видно, это сразу видно, по всей его повадкѣ.

И. Потапенко.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина.

(ихъ переписка).

1-е апрѣля.

О, еслибъ вырваться изъ этой толпы! О, еслибы перелетѣть это пространство, и обнять его, и пасть къ ногамъ его!.. Николай! Братъ мой, почему я не могу поцѣловать руки твоей, которая принесла столько счастія ему? Почему не могу обнять колѣнъ твоихъ, зачѣмъ эти слезы не льются на твою грудь?.. О, Александръ! о, мой ангелъ Александръ, что принесло сегодня мнѣ письмо твое! О, ты знаешь, знаешь безъ словъ; взгляни на небо,—тамъ вѣрнѣе изображена душа твоей Наташи; что на землѣ выразить ея состояніе?.. Не къ тебѣ, нѣтъ, для тебя довольно, къ Нему, къ Нему! излить всю благодарность, все небо, весь рай души. Свѣтло, свѣтло, мой ангелъ, на душѣ, вся душа свѣтъ!

И *она* достойна *его!* Тяжелыя цѣпи спали съ души, *онъ счастливъ*, но довольно, довольно не могу болѣе!

Черезъ нѣсколько часовъ.

И кто же для меня на свѣтѣ первый по тебѣ, какъ не онъ? Онъ, столько тебѣ близкій, родной—кто меня пойметъ болѣе? оцѣнитъ любовь къ тебѣ?..—«*Онъ* и *ты*, понимаешь-ли раздвоеніе... *меня?*» Я половина тебя, онъ другая, онъ и я—ты! Какъ же близки мы, какъ не раздѣльны? Троица!..

Ночь.

Какъ всѣ мы, родные, разсѣяны по землѣ, когда же соберемся въ одну семью? и ты Ог.! и ты Витбергъ! и всѣ вы!.. иль, окончивъ странствованія, соединимся уже тамъ на родинѣ, у Отца? Кто въ темницѣ, кто въ цѣпяхъ, кто утомленъ на пути страданья, кто распятъ на крестѣ? Отче нашъ! Мы дѣти твои, да будетъ съ нами воля Твоя!

Трудовъ, трудовъ, ранъ, страданья, муки и дверь *туда*!.. Вотъ Престолъ Его, вотъ Онъ,—вотъ вѣнецъ—родные!—Вознесите крестъ Его, пойдемте за Нимъ, по пути Его, онъ ведетъ одесную!

Александръ! Николай! и вы, сестры и братья!

2-е апрѣля.

Почти всю ночь не спала,—сердце бьется, волнуется грудь, хочется на небо, тамъ пересказать, тамъ подѣлиться съ ангелами. Безпрерывно я о немъ думаю и эти думы были мрачны, перемѣшаны съ сомнѣньемъ (и простительно-ли оно *намъ* въ *его* выборѣ?), искала случая говорить о

немъ, хоть слышать—а это слышанное, вмѣсто того, чтобы приносить облегченіе, терзало мою душу, увеличивало мракъ и страданье, потому что, что ни говорили мнѣ о немъ, или было двусмысленно, или обѣщало болѣе дурное, нежели хорошее, и—о, Боже! какъ это меня огорчало,—не одинъ разъ я принуждена была выйти во время разговора, чтобъ скрыть слезы. Часто и долго смотрѣла я на письмо и будто въ этихъ обыкновенныхъ, всемірныхъ словахъ можно угадать что-нибудь, найти малѣйшій лучъ души, его молчанье, неизвѣстность о немъ—я воображала, какъ тебѣ это тяжело, и свинцомъ давило грудь и желѣзо проходило сквозь сердце, тупое, ржавое. Теперь все это исчезло — жду письма его, ежели еще ты не списалъ, прошу тебя, Александръ, непремѣнно, непремѣнно пришли.

3-е.

«Двадцать пять лѣтъ прожито и ничего не совершено», говоришь ты, Александръ, какъ, неужели это сознаніе истинное? Двадцать пять лѣтъ—много; я увѣрена, что ни одинъ изъ обыкновенныхъ людей не терялъ столько втунѣ, а какъ же сказать это тебѣ? Ты не совершилъ громкаго, славнаго передъ людьми, но сколько можетъ совершилъ великихъ подвиговъ передъ Богомъ! Сколько посѣяно должно быть въ эти годы и какихъ плодовъ должно ждать въ будущіе! Какъ еще молодъ ты, Александръ; какое поле предъ тобою! Можетъ, оно въ иныхъ мѣстахъ будетъ сухо, черство, закостенѣло—сколько запасти силъ надо, труда будетъ много, много, можетъ въ кровь превратится потъ — и какъ непостижима счастлива та, которая будетъ приносить отдохновеніе этимъ трудамъ! Ангелъ мой, какъ я постигаю чувства Дѣвы Маріи при благовѣстіи Архангела! Это смиреніе, этотъ ужасъ, это блаженство. Да, какъ могло бы быть!.. но я раба Господня!..

Широкое поле! Какъ залубенѣло ты, какою дичью поросло! и какъ уныло ты, какъ мрачно, сиротливо... И стада птицъ не вьются надъ тобою, на тебѣ нѣтъ для нихъ ни зернышка, и звонкихъ пѣсенъ ихъ не слыхать, онѣ летятъ далеко отъ мѣстъ, гдѣ ждетъ ихъ смерть голодная, и слѣда людского не видно на тебѣ, люди боятся трудовъ, которыми ты грозишься имъ (боятся, быть можетъ, и плодовъ!), но, не тоскуй ты, поле широкое, не грусти,—не долга твоя кручина, сиротство твое и безжизненность: соха *его* вспашетъ, разобьетъ твою окаменѣвшую землю, и камень разсыпется въ рукахъ его, и посѣянное имъ окропитъ Господь дождемъ, и изъ далекихъ странъ придутъ за хлѣбомъ. Александръ! не ищи славы земной, ищи службы Богу, и я обмою ноги твои слезами и оботру волосами головы моей. Ты видишь это поле, ты знаешь его болѣе меня, болѣзнуешь болѣе—тебѣ, тебѣ предназначено превратить камень смерти въ хлѣбъ жизни и напитать тысячи... изломится желѣзо сохи—останутся руки, утомишься, изнеможешь—тебя ждетъ твоя Наташа, приди къ ней и найдешь покой и отдохновеніе и почерпнешь новыя силы и довершишь начатое!

*

Александръ, можетъ другой цѣлою жизнью не пріобрѣлъ ничего, можетъ достигъ славы, увѣнчанъ былъ лаврами... и сошелъ одинокій въ могилу, и ни одна слеза, истинно горячая, не канула на запылившійся вѣнокъ, и вся жизнь безцвѣтно протекла въ одиночествѣ; а ты, тебѣ только 25 лѣтъ и уже извѣданы море дружбы и любви! уже найдено сердце, душа, которыя полны однимъ тобою, живутъ однимъ тобою, для одного тебя! Вотъ тебѣ залогъ будущаго!

Каждый часъ, каждая минута твоей жизни должны быть полны и велики; на пять талантовъ пріобрѣтены другіе пять, и иначе я думать не могу.—Тебѣ 25 лѣтъ, а уже ты другъ, спаситель, ангелъ, жизнодавецъ.

5-е.

Да! и послѣ этого люди скажутъ, что нѣтъ на землѣ счастья совершеннаго! Но вѣдь это люди... не довольно-ли для человѣка—въ какомъ бы онъ положеніи ни былъ, сколько-бъ его ни угнетали обстоятельства—не довольно-ли для облегченія всѣхъ страданій вспомнить, что онъ созданъ для славы Его, что онъ *можетъ* прославить Его! А когда сверхъ этого счастья, которое можетъ пріобрѣсть каждый, кто захочетъ сбросить съ себя иго нерадѣнія,—Господь посылаетъ непостижимое блаженство! Ты, Александръ... о, мой ангелъ! Какъ часто, какъ часто, занявшись чѣмъ-нибудь обыкновеннымъ, иногда даже нужнымъ, вдругъ я бросаю все, какая-то невидимая сила несетъ меня въ мой уголокъ, я не чувствую тогда ногъ и въ восторгѣ, въ слезахъ бросаюсь на землю, я ничего не говорю, и что бы сказать мнѣ? Но кажется небо отверзто, *Онъ* слышитъ и видитъ душу мою, Онъ озаряетъ божественнымъ свѣтомъ, даетъ силъ выносить эту жизнь, даетъ надежды, ты, ты являешься мнѣ въ открытомъ небѣ.... Господи! Пусть этотъ часъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, ежели я *его* недостойна! Ежели я достойна быть рабой его,—оставь меня на землѣ, продли жизнь, насколько она будетъ нужна ему! Другъ мой, жить для тебя, не значитъ-ли жить для Него?... О, Александръ! Александръ!

Что за ночь! Вспоминаешь-ли ты меня въ эти часы, при сіяніи луны, подъ небомъ, осыпанномъ звѣздами? Можно-ли равнодушно смотрѣть на эту природу-красавицу, а ты не раздѣленъ у меня со всѣми красотами. Не твоя-ли душа это синее небо, какъ полно оно щедроты и гнѣва, какъ полно тайны для смертныхъ!.. Тягостны, невыносимы цѣпи, которыя не даютъ летѣть туда, въ это небо, ясное и грозное, въ этотъ яхонтъ!..

Ангелъ мой, вѣдь сны ничего не значатъ, особенно на яву, но это моя слабость,—я люблю сны, я вѣрю, что ихъ Богъ посылаетъ для того, чтобы поддержать человѣка, подкрѣпить силы, утѣшить. Вижу! ты пріѣхалъ и никого лишняго при свиданіи; входитъ папенька съ письмами въ рукахъ, плачетъ и обнимаетъ насъ...—ни слуху, ни духу земли, и ты человѣкъ! ежели сольешься съ этой лазурью, ежели будетъ свѣ-

тить свѣтомъ звѣзды, ежели не будетъ на тебѣ ни пылинки—тогда ты будешь доступенъ насъ, а теперь далѣе, далѣе и отъ изголовья, на которое слетѣла небесная греза! Ахъ, зачѣмъ онѣ ходятъ мимо меня, зачѣмъ смотрятъ на меня,—всегда у меня навертывались слезы, когда крестьянка, взятая изъ деревни, смотря вверхъ, говорила: «кабы крылья да пушокъ, улетѣла бъ какъ душокъ!» улетѣла бъ, улетѣла бъ и я изъ этого *верха*, вонъ туда, гдѣ такъ горитъ звѣздочка!.. Не дѣтство мечты, мой Александръ, пожалуй, какъ хочешь назови ихъ, только дай помечтать, полетать надъ тобою, подсмотрѣть взоръ, подслушать то, что еще не выходило изъ устъ, дай, дай, посмотрѣть вотъ такъ прямо въ очи....

Устаю! грустно, пріѣзжай! ничто не радуетъ, не веселитъ, устала, Александръ,—дай отдохнуть, пора, пора!

6-е.

Вчера меня насмѣшила К. Я была въ другой комнатѣ, а она проситъ Льва Алек. сыскать *какого-нибудь добренькаго секретаря, богатенькаго* мнѣ въ женихи! Видно я имъ надоѣла, а можетъ быть, изъ доброжеланья пристроить при себѣ! Я не постигала, почему Е. И. всегда упрекалъ меня въ томъ, что я скрывала отъ него мою любовь къ тебѣ, и еще болѣе не постигаю, зачѣмъ пишетъ объ этомъ къ тебѣ,—никогда, ни отъ кого въ свѣтѣ не скрывала, не скрываю и не намѣрена скрывать ничего, ибо я чувствую (можетъ, и ошибаюсь), что въ душѣ у меня нѣтъ такого, что бы боялось свѣта, тѣмъ болѣе любовь и любовь къ кому же? и какая?.... ну есть-ли тутъ возможность думать, что я ее скрывала *тому, кто понимаетъ* и меня, и ее, и тебя! Святотатство! А то, что я сама не начинала ему говорить о ней, то, что я молчала, когда онъ съ ироніей давалъ мнѣ намеки о тебѣ—если можно назвать *скрывала*, тогда и я скажу—скрывала! только не долго, ибо я ему, наконецъ, написала и, кажется, еще и маменька не знала. Ежели я не ошибаюсь, то, кажется, вся причина этому та, что не онъ *первый* узналъ, какъ и самъ онъ говорилъ мнѣ это, упрекая, что ужъ *даже* и Emilie знала, а онъ—нѣтъ, и еще называетъ это такъ, какъ я бы *никому* не позволила тебѣ сказать — что *я водила его за носъ*! всего описывать много, скажу только, Александръ, тебѣ, что я во всю жизнь не претерпѣла ни отъ кого столько, какъ отъ него,—это былъ первый страшный, вѣроятно, и послѣдній обманъ въ человѣкѣ. Благодарна за все, что онъ дѣлалъ для меня, желала бъ заслужить ему, еслибъ ему это было нужно, а равнодушно видѣть его не могу, это *крестъ*, посланный мнѣ Богомъ, и онъ, вѣрь мнѣ, какъ ни тяжелъ—я несу его невинно. Ежели бы чувствовала хоть тѣнь угрызенья—я бы уничтожилась. Жаль мнѣ Егора Ив., всей душой жаль, но что же могла я для него, что могу? Одно—молитва! Можно-ли было чистосердечнѣе предаваться чувству привязанности и благодарности, и что же вышло!.. Онъ былъ самымъ мрачнымъ облакомъ моей жизни, чѣмъ-то будетъ?

Вотъ скоро и девятое апрѣля! Приближеніе этого дня имѣетъ дивное

вліяніе, становишься святѣе, изящнѣе. Праздникамъ Праздникъ! Преображеніе. Два года, два года не вижу тебя, не слышу, и два года вижу и слышу тебя болѣе, нежели когда-нибудь!..

Тогда было на третій день Свѣтлаго Воскресенья, а нынѣ еще до Страстной недѣли, какъ все это ярко на душѣ! Да можетъ-ли когда потускнѣть то, что начертала любовь, Богъ! Ты пишешь, можетъ въ этотъ день придетъ вѣсть освобожденья; не имѣется вѣры! страшно, невѣроятно и то, что «еще черный годъ пройдетъ». О Ты! Вѣдующій все, услыши меня! Да, и я часто думаю, какъ больно будетъ Витбергу, Полинѣ, да и всей Вяткѣ разставаться съ тобой, особенно Витбергу; можетъ, и его страданье прекратится, мы вмѣстѣ будемъ молиться о немъ.

Прощай! пошлю къ маменькѣ, можетъ, завтра она будетъ къ тебѣ писать. Не отъ меня ты такъ долго не получалъ моихъ писемъ, но мнѣ равно грустно и это.

Твоя Наташа.

Полинѣ желаю..—..—..—.

25-е марта.

Тебѣ, тебѣ, ангелъ мой, посвящаю я этотъ день; онъ великъ для тебя, также какъ мнѣ 22 октября. Другъ мой, сестра, тобою узналъ я, что и здѣсь доля блаженства райскаго— нельзя оцѣнить того, что ты сдѣлала мнѣ, но чему же дивиться, — чистый ангелъ, ангелъ Божій и могъ только воскресить Абадонну, о! и во мнѣ было прежде все непомеркнуто, чисто, какъ въ твоей душѣ, иначе ты не любила бы твоего Александра, онъ не былъ бы твоимъ—ты возвратила мнѣ небо, великъ твой подвигъ, но велика и любовь моя, ей нѣтъ предѣловъ, это не любовь та, *которая проходитъ.* Умри — и твой Александръ явится туда къ тебѣ съ той же любовью, онъ не можетъ еще разъ любить, судьба рѣшена; но зачѣмъ эти пятна на моей душѣ, которыя я такъ хотѣлъ бы соскоблить, и которыя, какъ кровь, опять выступаютъ. Какъ хотѣлъ бы я чистымъ юношей заключить тебя въ мои объятья, но прошедшее «вѣчно нѣмо» — оно прошло и поправки сдѣлать невозможно. Вотъ я вижу тебя, ты думаешь обо мнѣ, нѣтъ не думаешь, думать это что-то холодное, думать можно и объ Макашиной, нѣтъ ты, ты... я, ты тутъ со мной, о дай же я прижму тебя къ груди, эта грудь много волновалась, много страдала, но въ ней все поглощено тобою. Прощай, идутъ.

29-го марта.

Ты права, положеніе наше въ Москвѣ будетъ ужасно, и именно ужасно своей мелочностью; грандіозное, высокое исчезаетъ въ несчастіяхъ, и останутся непріятности гадкія, подлыя. О, вы—и вы смѣете иногда называть себя родными.

Конечно, преодолѣвъ такія огромныя несчастія, мы побѣдимъ ихъ, но хуже всего—это самая ничтожность всѣхъ гадостей, которыя бу-

дутъ дѣлать противъ насъ. Это похоже на зубную боль: болѣзнь вовсе не опасна, а дѣлаетъ мученій болѣе иной смертельной болѣзни. И надобно до времени *имъ* покориться, я первый склоню голову; не смѣшно-ли: я, выдержавшій натискъ столькихъ непріязненныхъ силъ твердо, смѣло, долженъ смиренно вынесть капризъ Макашиной. Но есть Богъ! Впрочемъ, мы и такъ можемъ переписываться, хотя я далеко не ставлю рядомъ живую рѣчь съ мертвымъ письмомъ. О нѣмецкомъ языкѣ не заботься, была бы охота и лишь бы я былъ въ Москвѣ.

Ты совершенно права насчетъ службы, но вѣдь и одной литературной дѣятельности мало, въ ней недостаетъ *плоти*, реальности, практическаго дѣйствія, ибо, право же, человѣкъ не созданъ быть писателемъ, письмо есть уже отчаянное средство сообщить свою мысль. Какъ же быть—объ этомъ поговоримъ послѣ, кое-что я придумалъ, но все это хаосъ, сбродъ проектовъ, мнѣ нуженъ О., его глубокій взоръ, его высокая душа пусть рѣшитъ — покамѣстъ онъ за путешествіе тѣломъ и душой. A propos, списка съ его письма не пошлю, прочтемъ его вмѣстѣ, я отвѣчаю по этой почтѣ, я ей писалъ о тебѣ. Что? Сама догадаешься.

Зачѣмъ ты противъ свадьбы Emilie, ежели она полагаетъ, что *любовь проходитъ*; впрочемъ, и я увѣренъ, что любовь безъ уваженія можетъ *пройти*. А какое уваженіе могла она имѣть къ S., который къ прекрасному лицу въ прибавокъ имѣлъ душу хорошую, но безъ всякаго характера. Она гораздо выше его. Сверхъ того, стало не было тутъ перста Божія, ежели и онъ нашелъ средство, чтобъ *любовь прошла*...

31-го марта.

Ангелъ мой, прости, что мало пишу, опоздалъ. Цѣлую тебя, милый другъ, моя Наташа. Вспомни, что сегодня 2 года, какъ читали намъ сентенціи. Еще, еще цѣлую.

3-го апрѣля 1837 г. Вятка.

Мартъ прошелъ въ безпрерывныхъ ожиданіяхъ. Ежели что будетъ, то непремѣнно до половины мая; и такъ—опять ожиданіе, волненія, надежды, трепетъ радости и трепетъ страха. Хуже всего, что я теперь не могу ровно ничѣмъ заниматься. Возьму книгу—и мысль свиданія, вѣчная мысль о тебѣ, останавливаетъ, и я бросаю книгу, и все такъ любимое мною въ занятіяхъ кажется теперь сухо, холодно, мертво, кажется мыслью любви — но это пройдетъ, я дѣятеленъ по характеру, и какъ будто самая любовь похожа на dolce farniente итальянцевъ, которые любятъ ни о чемъ не думать. Нѣтъ, она сообщаетъ всему бытію какой-то взглядъ особый, изящный, она развиваетъ даже въ чертахъ лица поэзію и блаженство. Наташа, есть люди, которые никогда не любили; это дурные люди или дураки, которымъ глупость загородила душу отъ всѣхъ чувствъ, или холодные эгоисты, которые собою загородили отъ себя весь міръ. Говорятъ, что были

люди, которые съ открытыми объятіями, съ теплой душой вступили въ міръ и не нашли привѣта — я не совсѣмъ вѣрю этому; конечно, толпа можетъ хохотомъ принять живое чувство, но будто не найдется *одна душа* симпатическая, а развѣ не довольно одной души,—твоей души мнѣ, моей души тебѣ? Можетъ, были въ самомъ дѣлѣ, какъ исключеніе, такіе несчатливцы, но не такъ, какъ говорятъ нынѣшніе поэты. Тассо былъ очень несчастенъ, любя принцессу Элеонору, но онъ былъ наружно несчастенъ: Элеонора любила его, и онъ собственно былъ несчастенъ оттого, что, сынъ страны полуденной, не могъ подняться до любви безтѣлесной, идеальной, которая была у одного Данте, и то потому, что Беатриче умерла, когда Данте былъ въ первой юности. Кстати, между тысячами дурачествъ, которыя всѣ повторяютъ, находится общее правило всѣхъ романовъ: «путешествія усиливаютъ любовь». Что за жалкій народъ, говорящій подобныя сентенціи. Какъ будто стройное, гармоническое чувство, спокойно, величественно развивающееся ниже, слабѣе бѣшенаго, сломаннаго чувства, въ которомъ звукъ отчаянія пересѣкаетъ звукъ блаженства. Какъ будто океанъ въ тихую минуту менѣе изященъ, нежели потокъ, сердящійся на колесо мельницы. А можетъ, эти путешествія и нужны для душъ безъ энергіи, чтобъ ихъ расшевелить. Плохіе поэты пьютъ водку для того, чтобы придти въ восторгъ. Но геній, Гёте, Шекспиръ — не унизитъ себя до насильственнаго средства, да оно ему и не нужно такъ, какъ не нужно костыля здоровому. Толпа имѣетъ свои аформизмы, свой катехизисъ, гдѣ все по ихъ мѣркѣ, все пригнано къ ихъ уродству, къ кривымъ глазамъ, къ горбамъ на ихъ душахъ. И они вѣрятъ въ свои правила твердо, незыблемо, и этихъ правилъ тьма у нихъ на всѣ случаи. Слыхала-ли ты отъ нихъ, что послѣ брака любовь простываетъ, это pendant къ предыдущему, и опять въ своемъ отношеніи они правы: ежели въ *женѣ* видѣть одну физическую *женщину*, ежели любовь основывается на одномъ хорошенькомъ личѣ—то правило вѣрно. А развѣ у нихъ бываетъ другая любовь? Но что тутъ и толковать, дай Богъ, чтобъ толпа поправила свою уродливую душу — это и будетъ, но когда?..—«Что вы находите такъ много и часто писать въ Москву, это страсть марать бумагу», сказалъ Витбергъ. Я улыбнулся, и не сказалъ ни слова,—онъ не знаетъ о моей любви, онъ не знаетъ тебя, прощаю ему. Впрочемъ, ежелибъ и зналъ, онъ всего не оцѣнилъ бы: ему 50 лѣтъ и его жена—хорошая, добрая, очень неглупая женщина, такъ, какъ бываютъ женщины хорошія, добрыя и очень неглупыя. Ее можно любить, цѣловать, холить — но дѣлить съ ней душу, всякую мысль нельзя, она не подымется на твою высоту, я былъ бы несчастливъ съ такой женой. Онъ счастливъ, погруженный весь въ одну мысль своего дивнаго труда и своихъ несчастій, онъ, такъ сказать, однѣ минуты отдыха дѣлитъ съ нею. Горе, ежели онъ когда-нибудь потребуетъ болѣе! А ты сравнивала себя съ Вѣринькой Полеваго —

и черезъ нѣсколько дней сердилась на меня, что я сказалъ, что ты прибавила мнѣ чистоты твоей небесной фантазіей. Будто ты не знаешь, какъ сходны, созвучны наши думы? Я знаю, что ты меня любишь со всѣми недостатками, словомъ, такъ, какъ я есть—такъ любитъ Ог. меня, и признаюсь, я не могу полной дружбой платить тѣмъ, которые любятъ мои таланты, а не меня самого; чтобъ любить достоинство настоящее, нѣтъ нужды быть другомъ, на это надо умѣнье оцѣнить. Но при всемъ томъ, ты не можешь знать многихъ недостатковъ и пороковъ во мнѣ и, сверхъ того, какъ естественно, тому, что мы любимъ придать еще и еще достоинства. Я себя, напр., никогда не сравнивалъ съ Phoebus Chateaupero (въ Notre Dame de Paris), а ты не побоялась унизить себя до Вѣриньки. Кто правъ, mademoiselle??.. Вѣрь же, вѣрь, мой ангелъ, что мой выборъ, т.-е. выборъ Провидѣнія былъ не ошибоченъ: ты все, чего требовала моя душа, все и еще болѣе, нежели я требовалъ.

Полина все такъ же мила, все такъ же отъ всей души любитъ тебя и кланяется всякій разъ. Да, я хотѣлъ тебѣ написать: въ прошломъ письмѣ ты спрашиваешь о *Соколовѣ*, т.-е. о Скворцовѣ. Вниманье къ друзьямъ, которые и здѣсь отогрѣваютъ мою душу! Скоро 9 апрѣля, большой праздникъ въ нашемъ календарѣ, крестъ въ кружкѣ, это *Благовѣщенье* нашей жизни.

Прощай, иду къ губернатору обѣдать, опять будни, опять душу застегнуть, униженія. Но у меня есть ты..

6-е апрѣля.

Какъ ты хороша, ангелъ мой, вся эта душа, чистая и развитая одной любовью, выражена на твоемъ прелестномъ лицѣ, въ твоихъ глазахъ. Я такъ хорошо, такъ хорошо видѣлъ тебя во снѣ. Мы сидѣли на диванѣ—я долго смотрѣлъ на тебя и прижалъ къ своей груди. Весь день носится этотъ образъ передо мною. Кто поспоритъ со мною въ счастьѣ! А вотъ я тебѣ разскажу вздорный случай, но я былъ отъ него въ восторгѣ. На-дняхъ одинъ знакомый, шутя, началъ раскладывать карты, надобно было загадать нѣсколько дамъ; я загадалъ тебя на червонной дамѣ и 4 раза легъ червонный валетъ подлѣ нея. Повторили гаданье и вышло опять тоже; признаюсь, я былъ внѣ себя отъ радости. И тутъ, и тутъ воля Его должна была подтвердиться.

Однакоже *будущія* московскія непріятности часто приходятъ мнѣ въ голову; доселѣ я не предвижу ни малѣйшаго средства пособить этому, а вѣдь грустно намъ будетъ иногда отъ этихъ мелочей, очень грустно! Ты пишешь: «скорѣй къ концу, скорѣй рѣшенье». Да какъ, гдѣ же возможность? Или я твердой волей разобью песочные камни капризовъ и предразсудковъ—не смѣю надѣяться; ты права, въ наружномъ отношеніи мы несчастны, но наружное преходяще, а внутреннее вѣчно, какъ наша любовь, а съ нею и блаженство. Наташа, неужели отецъ можетъ отвергнуть горячую, пламенную просьбу сына, неужели отецъ своею рукою можетъ изъ рукъ сына вырвать чашу

питья небеснаго и заставить его пить изъ лужи. Разумѣется, я чашу не пущу изъ руки, но горько же видѣть руку отца, протягивающуюся для того, чтобъ отнять ее—а можетъ, она протянется, чтобы благословить! Можетъ быть,—а плохо вѣрится. «Не захочетъ огорчить сестрицу». Ха, ха, ха! Это было бы похоже на то, чтобъ врачъ, боясь разбудить спящаго, не пошелъ бы на помощь умирающему. Досадно, черная туча подымается тамъ, гдѣ я хотѣлъ бы одно яхонтовое небо, свѣтлое, какъ твое чело, голубое, какъ твои глаза.

7-е апрѣля.

Душа моя, я сейчасъ писалъ письмо къ княгинѣ и приписку къ тебѣ и мнѣ такъ было смѣшно, что я могъ бы написать цѣлый листъ глупостей.

Мочи нѣтъ смѣшно, я, твой Александръ, я моей милой, прелестной подругѣ, моей Наташѣ, пишу деликатно вѣжливое письмо.

Я передалъ Эрну твое воспоминаніе о немъ; его маменька кланяется тебѣ, она истинно добрая, прелестная старушка, любитъ меня отъ всей души, холитъ какъ сына, бранитъ какъ сына и помнитъ тебя, а кто хоть разъ видѣлъ тебя, тотъ уже въ моихъ глазахъ имѣетъ огромныя права. Прощай моя . . . . да какъ бы тебя назвать, все мало, моя божественная Наташа, мой Серафимъ, мой Ангелъ Хранитель!

Нѣтъ еще свѣтлой вѣсти о свободѣ. Ахъ, и страшно, да лишь бы тебя обнять, лишь бы впить въ себя свѣтъ твоихъ глазъ, какъ пьетъ подсолнечникъ лучи солнца.

Прощай! Полинино кольцо уже начинаетъ осыпаться, не смотря, что она его вставила въ золото; браслетъ всегда со мною, но не на рукѣ—чтобъ глаза *толпы* не смѣли видѣть.

Александръ.

1837. 7-е апрѣля.

Чувствовалъ-ли ты, мой Александръ, вчерашній вечеръ, что о тебѣ такъ много было говорено, что твоя Наташа *отдыхала*?... Мы были у Боборыкиныхъ, и два часа слишкомъ я была съ *ней*! отдохнула!—Тебѣ посылаетъ она salut d'amitié, что за душа! вообрази, Александръ, тогда какъ у нея единственное счастье—дружба, одна отрада жизни—со мною, нѣсколько словъ, написанныхъ моей рукой; она умоляетъ не отнимать у тебя ни минуты и пожертвовать для нея, зная, что они рѣдки. Не любить и понимать такъ любовь? и неужели жизнь ея будетъ вся такъ безцвѣтна, одинока?.. Что для нея свѣтъ, богатство, семья — все бы кинула она, разсталась бы со всѣми, чтобъ бѣжать со мной на край свѣта, куда-нибудь въ глушь, чтобы жить одной дружбой, одной молитвой, а я развѣ могу?.. Прежде, когда еще твоя любовь не освятила мою душу, я бы не поняла Сашу, я бы сама не могла подняться до нея, а теперь, теперь — благодарю Бога за ниспосланіе такого друга, дивлюсь въ ней *Его* созданью, благоговѣю предъ Его воплощенной мыслью, но еще это далеко отъ тебя, о, ты!!!—

8-е.

Сколько передумаешь и перечувствуешь въ одинъ часъ, сколько пролетитъ тайныхъ, невѣдомыхъ міровъ, прекрасныхъ, дивныхъ, какъ насмотрится тамъ душа, сколько свѣта принесетъ оттуда на бѣдную землю, сколько животворныхъ капель на завянувшихъ людей.... въ одинъ часъ, а дни цѣлые проходятъ безъ того, чтобъ перелить тебѣ хоть одну мечту, и всѣ онѣ отлетаютъ безъ отзыва опять туда, къ своему источнику, хотя бы и люди были столько милостивы, дали бы просторъ писать;—но развѣ мертвое слово, которое Богъ знаетъ въ чьихъ не было устахъ, кѣмъ не было писано — есть сосудъ, могущій вмѣстить столько жизни и свѣта? можетъ-ли ограниченное до такой степени обнять неограниченное?.. достаточно-ли храма, созданнаго вѣками, тысячами людей—дать понятіе о молитвѣ?.. Что предпринимаетъ человѣчество, чтобъ выразить *любовь*?..

Ангелъ мой, я забыла писать. Гдѣ я сижу, оттуда не видно ничего, кромѣ неба и чуть-чуть краевъ кровель домовъ. Наши куда-то уѣхали, передо мною твой портретъ. «Что предприметъ человѣчество, чтобъ выразить любовь?» Эта мысль такъ заняла меня, я положила перо, черты твои слились съ небомъ, съ солнцемъ... забудь, забудь хоть на минуту все, и представь себѣ, вообрази... но какъ же назвать это, я не умѣю выразить, Александръ, и слова такого нѣтъ... но все равно, какъ не скажу, ты поймешь меня! И такъ, все забудь, никуда не смотри, кромѣ вотъ на это небо, на солнце. Что прекраснѣе ихъ въ природѣ! Вообрази теперь, какъ черты твои, изображенныя карандашомъ на бумагѣ, отдѣляются... свѣтлѣютъ, — горятъ... горятъ огнемъ святой любви, о какъ горятъ... сливаются съ голубымъ свѣтомъ, съ огненными лучами... и вотъ, ты небо, ты солнце, солнце и небо твой образъ! Скажи, можешь-ли ты это представить себѣ? Вся природа твой ликъ, огненный, лучезарный. Не видно ни растеній, ни горъ, ни морей, ни людей,—все ты, твое око. Я не могла сносить свѣта, закрыла глаза, не могла выносить своего ничтожества, заплакала, и эти капли слезъ еще не высохли, вотъ онѣ на полу.—Прощай, ѣдутъ.

Вечеръ.

Нѣтъ, никто, даже и ты, мой преизящный, не можешь постигнуть, что было давича со мною—самой мнѣ это кажется сномъ. Но видѣнье это останется въ душѣ навѣки. Любовь! Александръ! туда! туда!..

Позднѣе.

Какъ грустно, какъ грустно; отчего же мнѣ нѣтъ письма? Другъ, милый другъ, какъ это тяжело, я такъ ждала сегодняшняго дня, такъ была увѣрена... отчего ты не пишешь? Ахъ, вотъ ужъ и праздникъ скоро... что, мой другъ, надежды только насъ манятъ, о, Господи, долго-ли это будетъ? Душа моя, Александръ, да зачѣмъ же нѣтъ письма мнѣ? какъ это больно! Прощай, когда такъ, мнѣ смертельно

стало грустно, о, жизнь моя! Завтра *девятое*! Прощай, цѣлую тебя, обнимаю тебя.

Девятое апрѣля, пятый часъ пополудни!

Александръ! Александръ!

Вотъ мрачный корридоръ... вотъ Васильевъ съ веселымъ лицомъ... пунцовая ермолка... и тюрьма, храмъ, земля, небо, какъ хочешь назови, назови все равно для меня, потому что это маленькое пространство, огражденное четырьмя толстыми стѣнами, темное, сырое, для меня было вся вселенная, и въ ней—ты, мое *все*!

Вотъ *взоръ*... голосъ неба, благовѣствующій спасеніе, преображеніе, вознесеніе. О, мой ангелъ благовѣститель!..

Да, въ этомъ часу два года тому назадъ *совершившися*!

Сумерки, чуть, чуть видно, тогда, въ 35 году, въ это время я, исполненная чѣмъ-то тайнымъ, пренебеснымъ, тайнымъ мнѣ самой, одна долго ходила и думала о всемъ уже иначе, смотрѣла иначе, и все казалось не такъ, какъ было прежде... да, вотъ ужъ два года, какъ я *живу*! Два года знаю небо, рай, знаю Бога, тебя!.. Отецъ мой, Александръ!

Не вижу болѣе, прощай!

Вечеръ.

Милый другъ мой, ангелъ мой, какъ все это живо! Каждое слово, каждый взглядъ, пожатіе руки и *тотъ взглядъ*...

Вотъ какъ провела я нынѣшній день: проснулась рано и отправилась на Крутицы... столько воспоминаній свѣтлыхъ, дивныхъ наполнило душу въ одинъ мигъ, тяжело не раздѣлить ихъ—и я написала Сашѣ Б., что сегодня *девятое*, — полегче! Потомъ къ обѣднѣ, никогда въ нашей церкви не пѣли такъ хорошо, какъ сегодня, давно и не молилась я такъ... но вдругъ вошло въ голову, что будетъ черезъ годъ, въ этотъ день? И при этой мысли душа вздрогнула, какъ бы задернуло все облакомъ... Въ эту минуту запѣли: «сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ предадимъ Христу Богу», на душу слетѣло успокоенье и потомъ—«нынѣ житейское отложимъ попеченіе» исцѣлило совершенно. Ты писалъ, что, можетъ быть, сегодня придетъ вѣсть исполненія надеждъ... Господи! ужели ты не услышишь гласа моего? Ужели исполненіе молитвы моей противно Провидѣнію Твоему и Святой волѣ Твоей!.. Скоро услыши меня, Господи! или пошли силы мнѣ новыя и крѣпость! Но какъ Ты хочешь, Богъ мой.

11-е.

Лишь открыла вчера глаза, мрачныя воспоминанія, толпою, будто окрыленныя, слетѣлись и захватили душу. 10-е апрѣля... два года тому—приготовленіе, укладываніе въ дорогу, прощаніе, чувства твои, послѣднія ко мнѣ строки, послѣдній взглядъ на Москву, тамъ, гдѣ... облако пыли, горькій плачъ колокольчика, послѣдній звукъ и копытъ, и колесъ и колокольчика,—молчаніе! И послѣ всего этого я, я сирота,

чужая всѣмъ, съ кѣмъ осталась, лишенная уже всего... О, это ужасъ, ужасъ! Будто небо для того отверзлось, чтобъ послѣ въ большій ужасъ привесть чорною тучею; но ужъ два года горькихъ прожито, сколько-то остается еще въ чашѣ?

Отъ всѣхъ этихъ воспоминаній такъ стѣснило грудь, такъ больно, тяжело стало, невыносимы сдѣлались мнѣ и *они*, и домъ и все! Хотѣлось бы уйти куда-нибудь дальше, дальше, и тамъ, на свободѣ, выплакать весь свинецъ, давившій душу, иль растопить его въ пламенную молитву... я выпросила позволеніе ѣхать въ Кремль; но ни вѣковыя стѣны соборовъ его, ни полы ихъ, истертые стонами вѣрныхъ, ни чудотворныя иконы, ни святая святыхъ не облегчили души мнѣ,—и тамъ было душно, тѣсно, *мои два года* казались мнѣ и длиннѣе, и мрачнѣе *ихъ вѣковъ*. Вечеромъ ушла въ свою комнату и долго, долго сидѣла у открытаго окна. Что-то тамъ, въ этой сторонѣ?.. И вотъ блеснула звѣздочка на сѣверо-востокѣ, повѣялъ вѣтеръ—онъ взглянулъ въ даль, въ небо же можетъ быть, онъ вздохнулъ! Не помню, что было послѣ.

Вечеръ.

Да что же тутъ удивительнаго, какъ не понять ей, моей Сашѣ, родной сестрѣ души моей, какъ не понять все, что говоритъ твой портретъ! Я ожидала этого, я знала, что это будетъ такъ, отчего же забилось такъ мое сердце, когда я подала ей портретъ и увидѣла слезы на глазахъ ея, и восторгъ, и умиленье, отчего въ эту минуту она казалась мнѣ еще выше, еще святѣе, казалось, я болѣе полюбила ее?.. Александръ, нѣтъ другой Саши! Еслибъ она ненавидѣла меня, и тогда бы я преклонилась предъ ней, а эта необъятная дружба... Она говоритъ, что душа ея не можетъ вмѣстить болѣе любви, что весь міръ ея, вся жизнь, вся душа—дружба. Еслибъ видѣлъ ты, какъ благодаритъ она меня за одну строчку, за одну минуту, посвященную ей—ты не можешь не любить ея, ангелъ мой, такую близкую, родную душу души твоей Наташи. И ни въ комъ, ни въ комъ нѣтъ столько самоотверженія, столько неба!

О, мой Александръ! что жъ не пишешь ты? Что же не ѣдешь ты?..

Вечеръ 12-го числа.

Письмо! Благодарю Бога, благодарю тебя. Но мнѣ уже становится мало этого листа, исписаннаго тобою — прочту, перечитаю, и поцѣлую его и прижму крѣпко, крѣпко къ груди и еще перечитаю... много, много, ангелъ мой, тутъ, *много!* но не *довольно*; освѣтится душа, но не вся, есть много мѣстъ темныхъ, больныхъ, глубоко вдавленныхъ разлукой, и письмо не можетъ ихъ исцѣлить! Да, вотъ письмо твое,— а мнѣ грустно, и жалѣю, и стремлюсь... ничего теперь не придумываю, *какъ* ты пріѣдешь, *какъ* намъ видѣться, — лишь пріѣзжай! Только не надобно, Александръ, Бога ради не надобно, какъ ты говоришь, «склонить голову»—избави Господи! *Тебѣ* склонить *твою* голову предъ ними... а зачѣмъ? что изъ этого? меньше одной непріятностью, меньше

однимъ угрожающимъ взглядомъ, и для этого тебѣ склониться? Никогда! Ежели Богъ судилъ *имъ* препятствовать намъ, такъ и земной нашъ поклонъ ничего не выиграетъ, а ежели они сами себя судили на это—то стоитъ-ли и взоръ на нихъ склонять, не только голову предъ *ними!* Ахъ какъ все это ничтожно, мало, погляжу я, будто только и жить, что на землѣ, съ людьми, будто и вѣчности нѣтъ,—а устала я ужасно, Александръ!

Вечеръ 14-го.

Можетъ быть, ты говѣешь эту недѣлю, можетъ, теперь уже исповѣдывался,—*ты говѣешь, ты исповѣдуешься*—тутъ не то говѣнье и не та исповѣдь, которыми готовятся къ причастію бѣдные, земные христіане... но кому *дано* много, отъ того и *взыщется* много. Думая, что ты говѣешь—эти дни я умерщвляла и себя, сколько стало силъ; умереть, то-есть, сойти съ неба на землю—родиться для тебя, нести крестъ—жизнь для тебя, распяться за тебя, перейти въ вѣчность, чтобъ ждать туда тебя... о, ты!.. Какъ не любить *Ему* тебя, какъ не излить цѣлое небо щедротъ своихъ на тебя, какъ не направить шаги твои, какъ не указать путь тебѣ?.. какъ не принять хоть одно изъ моихъ пламенныхъ моленій?.. Возьми все отъ меня, уничтожь меня, лишь бы онъ... О, Всевѣдущій!—встрепенулась, воспрянула душа твоя при слышаніи—«Се женихъ грядетъ во полунощи?» Пѣла-ли она съ родною ея—«Чертогъ твой вижду, Спасе мой?» Ежели Онъ не просвѣтилъ ее благодатію Своею—она свѣтла была огнемъ молитвы моей и согрѣта имъ.

6-й часъ утра 17-го апрѣля.

Страстная суббота. И солнце позднѣе встало, медленнѣе вышло изъ за тучи, блѣдное, грустное, и опять покрылось тучей, и все что-то грустно, и отъ всего вѣетъ грустью и увеличиваетъ мою. Я одна шла за плащаницей. Можетъ быть, въ то время ты видѣлъ меня во снѣ. Отрадно, другъ мой, въ то время, какъ ты усталый, измученный трудами дня, отдыхаешь—идти въ церковь молиться о тебѣ, просить новыхъ силъ въ новыхъ трудахъ, твердости въ превратностяхъ, свѣта и указанія Его на пути темномъ и бурномъ! Отраднѣе еще, ангелъ мой, встрѣчать душу твою тамъ, куда возноситъ молитва мою! Но со всѣмъ тѣмъ, что я безпрерывно съ тобой душой, что праздную духовно Воскресеніе Христово, мнѣ грустно, всѣ приготовленія къ весельямъ наводятъ на меня уныніе. Когда дождусь того, какъ буду съ тобою, мой Александръ! О, тогда вся жизнь будетъ Свѣтлое Воскресенье.—Завтра я всѣхъ обниму, но кого же обниму я съ радостью?.. Слеза благодарности Александру Лаврентьевичу канетъ на портретъ, но слезы разлуки потопятъ ее. Иногда я такъ забудусь, что мнѣ кажется, что у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ портрета, что ты весь тутъ, но стекло такъ холодно—и я, вздрогнувъ, бѣгу, сама не зная куда. Прощай, скоро встанутъ, я пока согрѣюсь немного; не спавши со второго часа, ужасно озябла.

10-й часъ вечера.

Никогда, во всю жизнь мою не было мнѣ весело въ это время: ребенкомъ плакала о томъ, что никто мнѣ завтра не подаритъ куклы и не похристосуется нарядным яйцомъ, но больше плакала о томъ, что я всѣмъ чужая, что никто не приласкаетъ меня; еще побольше... не знаю о чемъ!.. но все это слезы дѣтскія, почти глупость. А теперь, — о, какъ бы желала я хоть бы нѣсколькими каплями уменьшилось горькое море, потопившее душу мою!.. Но нѣтъ, каждая капля превращается въ желѣзный длинный гвоздь и пронзаетъ насквозь мое сердце. Ангелъ мой, какъ тяжко!.. но со всѣмъ этимъ какъ я счастлива! О, кто, кромѣ тебя, мой братъ, пойметъ это соединеніе страданія съ блаженствомъ, ибо кто испыталъ его, кромѣ насъ? Воообрази это сердце, пронзенное несмѣтнымъ множествомъ орудій, все окровавленное и полное любовью, такъ что каждая капля крови, падая на землю, напояетъ любовью и ее, и воздухъ, и согрѣваетъ ихъ и дымится до самаго неба... Прощай, стану читать Евангеліе, у меня ихъ два: Христово и твое. Господь далъ мнѣ твое, и оно указало и открыло мнѣ Господне, и такъ они нераздѣльны, одно безъ другого не существуетъ для меня.

Пробило 12 часовъ, ударили вездѣ въ колоколъ... Христосъ Воскресе!

Пойдемъ вмѣстѣ въ храмъ, мой Александръ, тамъ мы ближе, тамъ ничто насъ не разлучаетъ, одинъ Богъ съ нами. Ежели мы пойдемъ не рука съ рукою—то съ одной душой. Я заснула немного и видѣла тебя, только что-то неясно, смутно, но перестанемъ грустить, обнимемся радостно душами.

4 часа утра.

Ну что, мой ангелъ, развѣ мы не вмѣстѣ встрѣтили Христово Воскресеніе, развѣ не вмѣстѣ молились, радовались? Пусть раздаются громкіе поцѣлуи, они только звучны, но звукъ ихъ такъ же нѣмъ и пустъ, какъ звукъ чугунной доски, въ которую сторожъ бьетъ ночью. А нашъ поцѣлуй—онъ былъ тихъ, не виденъ и не слышенъ никому, даже намъ самимъ, но души наши его чувствовали, это поцѣлуй ангельскій. Прощай, можетъ увижусь во снѣ съ тобой.

8 часовъ.

Насталъ и день—вотъ теперь-то будетъ грустно! Лучше быть больной и здѣсь, наверху, одной, нежели тамъ, въ этой лужѣ. Ты скоро отправишься также съ поздравленіями; жаль мнѣ тебя, какъ, я думаю, непріятны эти визиты! Какой дождь льетъ.

Пополудни 3 часа.

Все нарядилось, насуетилось, разговѣлось и улеглось спать,—вотъ ихъ праздникъ! Брани меня, Александръ, за то, что я такъ много вижу дурного въ людяхъ и осуждаю, къ чему это? «Не осуждай, не осужденъ будешь». Да, часто желала бъ я быть слѣпа и глуха, мнѣ кажется это легче, нежели ихъ окаменѣніе. Я часто заслуживаю вы-

говоры, а ты, мой духовникъ, такъ рѣдко ихъ дѣлаешь мнѣ. Зачѣмъ не воскресаютъ они душою, зачѣмъ сердца ихъ не горятъ такъ молитвой и не таятъ такъ въ восторгѣ, какъ свѣчки, которыя они зажигаютъ съ такимъ усердіемъ, зачѣмъ не радуются Воскресенію Христа и тому, что прошелъ постъ? Все это мнѣ больно, обо всемъ этомъ я не могу молчать. Священникъ прощаетъ мнѣ это осужденіе, онъ называетъ его духовною ревностью [1]), а ты?

Мнѣ начинало становиться чрезмѣрно грустно, тѣмъ болѣе, что я надѣялась получить отъ тебя письмо и не получила, никто ни слова о тебѣ, будто ты не существуешь, а одинъ идеалъ, одна мечта живетъ въ душѣ—будто я сама мечта!

Состояніе это тяжело; приходилъ Василій Васильевичъ; я имѣю къ нему что-то особенное, хотя мало знаю его черезъ тебя; онъ спрашивалъ о тебѣ, желалъ твоего возвращенія,—довольно! Хоть одно существо, одинъ знакомый голосъ, и я стала приходить въ себя.

Пріѣзжаетъ Саша Б. Какое согласіе душъ, какая симпатія! Послѣ послѣдняго нашего свиданія она много претерпѣла и тутъ почерпнула утѣшеніе и запаслась новыми силами—станетъ-ли ихъ до другого свиданія!?.

И мнѣ стало полегче, она много говорила о тебѣ. Душа моя, говорятъ, ты будешь на праздникахъ—кто-то пріѣхалъ, прощай!

10-й часъ.

Какъ я устала! Цѣлый день безпрестанно, ежели не должна была сама говорить, то слушать и смотрѣть. Александръ, вѣдь это нехорошо, это похоже на самолюбіе, не желать быть съ тѣми, отъ которыхъ я не надѣюсь получить ни одной мысли, ни одного звука, думать, что уже много сдѣлала для нихъ, сказавъ съ ними нѣсколько словъ, наконецъ люди сами будутъ бѣгать отъ меня, считать за многое взглянуть на меня—ахъ, что-жъ! это прекрасно! Какой просторъ тогда, какая воля! Мнѣ даже непріятно, когда на меня глядятъ съ примѣчаніемъ! Закрылась бы, еслибъ можно было. Я не увѣрена, что это дурно, скажи мнѣ, и я буду стараться перемѣниться, но это трудно будетъ.

Вчера не было минуты даже взяться за перо, смертельно устала. Ахъ, что это какъ мнѣ грустно, письмо твое еще отъ 31-го марта, не въ дорогѣ-ли ты?.. о, какъ будто въ дорогѣ писать нельзя? Отчего нѣтъ письма, отчего? Не знаю, что написать, такъ грустно мнѣ, прощай!

Твоя, твоя, твоя Наташа.

Правда, можно бы пожелать Emilie замужества, но надо знать, *кто онъ?* Избави Богъ, ежели изъ огня да въ полымя!

Свѣтлое Воскресеніе было темно для меня, я думала, что и вся

---

[1]) Апостолъ Павелъ говоритъ: «праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя!»

святая недѣля будетъ грустна—нѣтъ, я видѣлась съ маменькой! И сколько еще впереди мнѣ удовольствій—сейчасъ получу твое письмо, завтра поѣду на именины къ Сашѣ Б., а послѣ завтра маменька обѣщала быть у меня и съ Машей Эрнъ!.. Вотъ сколько принесъ ужъ мнѣ нынѣшній праздникъ, что же принесетъ будущій?.. К... твоимъ письмомъ сначала была довольна, а какъ увидѣла что ты даже и Костеньку вспомнилъ, а *Мак*... нѣтъ, то и мнѣ досталось. Отъ поклоновъ твоихъ всѣ въ восхищеніи, и каждая за каждый приноситъ тысячу, *особенно Саша*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СИРОТКИ.

(ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЙ СЛУЧАЙ).

I.

На лугово-каменской желѣзной дорогѣ, въ мѣстѣ глухомъ и пустынномъ, въ лѣсу, стояла желѣзнодорожная будка.

Въ ней жила Агафья, вдова сторожа, съ двумя маленькими дочками. Мужъ ея, Гаврило, отецъ дѣвочекъ, мѣсяца два тому назадъ погибъ при маневрахъ поѣздовъ. Онъ понадѣялся, что пробѣжитъ въ то время, когда локомотивъ съ запасными вагонами проходилъ мимо. Но пробѣжать ему не удалось. Локомотивъ смялъ его, и ему пришлось ампутировать обѣ ноги.

— Ну, ужъ безъ ногъ-то какой же онъ сторожъ?—говорили на станціи, и всѣхъ громче говорилъ и убѣждалъ Кузьма Савельевъ, сторожъ, жившій за штатомъ на станціи и дожидавшійся вакансіи.

— Вотъ!—говорили на станціи: — тебѣ теперь и открылась вакансія.

Кузьма ничего на это не сказалъ. Онъ самъ зналъ это и только думалъ и сторожилъ, какъ бы кто не перебилъ ему дороги. Но мечтамъ его не суждено было осуществиться, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени.

На третій день послѣ операціи то, чего опасались въ госпиталѣ, совершилось. У Гаврилы сдѣлался антоновъ огонь, затѣмъ воспаленіе брюшины, и не прошло и трехъ дней, какъ онъ, въ нестерпимыхъ мученіяхъ, отдалъ Богу душу....

Тогда всѣ на станціи рѣшили, что Кузьма Савельевъ будетъ съ мѣстомъ и приставали къ нему за „угощеньемъ“.

— А вотъ, погодите,—говорилъ Кузьма:—какъ выйдетъ приказъ, такъ я сейчасъ же и того.....

— Извѣстно, когда выйдетъ приказъ. Что безъ толку торопиться-то!—говорила Алена, жена Кузьмы.

Но приказъ запоздалъ, а Агафья на третій день послѣ похоронъ мужа поставила вмѣсто себя сторожить Вѣруньку, старшую,

очень умную, смышленую дѣвочку, а сама отправилась прямо къ начальнику станціи. Уходя, она указала дѣвочкѣ, въ какіе часы проходятъ поѣзда, и наказала строго-на-строго быть неотлучно и выйти съ флагомъ, когда поѣздъ будетъ проходить мимо...

— Да я знаю, мамка!—увѣряла Вѣра:—въ 9 часовъ пройдетъ товарный изъ Грузовки, въ 12 часовъ курьерскій, а въ 2 часа почтовый.

И Агафья ушла, а Вѣрка съ серьезнымъ, задумчивымъ лицомъ принялась за должность сторожа. Сестра ея, Любка, не отходила отъ нея и поправляла ее въ то время, какъ поѣздъ медленно, съ грохотомъ и дымомъ, пыхтя, проѣзжалъ мимо.

— А ты не такъ!.. Ты не такъ!—поправляла Любка.—Мамка всегда такъ держитъ... впередъ... Во какъ!..—и она, быстро взявъ изъ рукъ сестры флагъ, показывала, какъ мамка держитъ.

— Ну! теперь баста! Идемъ картошки ѣсть...—сказала Вѣрунька.

И, поднявъ шлагбаумъ надъ дорогой, по которой почти никто никогда не ѣздилъ, дѣвочки побѣжали въ будку.

II.

Начальникъ станціи былъ уже посѣдѣвшій, маленькій старичекъ, пользовавшійся безграничнымъ покровительствомъ какого-то весьма важнаго лица. Начальство очень хорошо понимало, что важный и отвѣтственный постъ нельзя ввѣрить такому субъекту, какъ Петръ Петровичъ Размолиновъ, и полагало поправить этотъ недостатокъ, приставивъ къ нему помощника, очень дѣятельнаго и даже черезчуръ благоразумнаго, Ивана Ѳедоровича Гачинскаго.

Но отъ этой поправки образовалось нѣчто еще худшее, чѣмъ опредѣленіе Петра Петровича на должность начальника станціи. Иванъ Ѳедоровичъ самъ мѣтилъ на эту должность и игралъ двойную роль, т.-е. помогалъ Петру Петровичу для вида, а на дѣлѣ наталкивалъ его на разные промахи и упущенія, выгодные для себя, а въ душѣ всѣми силами жаждалъ быть на мѣстѣ начальника станціи.

Агафья, придя на станцію, кинулась въ ноги Петру Петровичу и молила его оставить ее въ будкѣ.

— Я ужъ постараюсь! Будете мной довольны. Будьте отцомъ, милостивцемъ! Мнѣ бы только до весны продержаться, а тамъ я къ своимъ въ деревню уйду.

— Какъ же я тебя оставлю замѣсто сторожа?.. — говорилъ Петръ Петровичъ:—какъ же ты будешь обходить участокъ?.. Вѣдь ты того... вонъ какая болѣзная... а дѣло трудное... вовсе не женское.

При этомъ Иванъ Ѳедоровичъ прищурилъ свои небольшіе, сѣрые глаза и, наклонясь къ Петру Петровичу, проговорилъ вполголоса:

— Что же, мы можемъ приставить къ ней Ваську Нефедьева... Вдвоемъ-то они, можетъ быть, и справятся....

А Васька Нефедьевъ былъ мальчикъ лѣтъ 18, который жилъ на станціи въ качествѣ посыльнаго.

Петръ Петровичъ посмотрѣлъ пристально на Ивана Ѳедоровича и подумалъ: „развѣ это возможно!?“ Но все-таки согласился.

„Тамъ посмотримъ, — думалъ онъ: — не выбрасывать же на дорогу больную женщину съ дѣтьми“.

Въ тотъ же день вечеромъ вся поѣздная прислуга собралась въ зало третьяго класса. Это зало было нѣчто въ родѣ клуба, куда вся эта прислуга сходилась по свободнымъ часамъ поболтать и покалякать. Всѣ мелкія, обыденныя происшествія ея жизни вносились на обсужденіе въ это собраніе. Обыкновенный привычный ея контингентъ состоялъ изъ двухъ запасныхъ кондукторовъ — Соргина и Дементьева, помощника машиниста Ивана Петровича Кригина и, наконецъ, изъ безсмѣннаго члена этихъ собраній Кузьмы Савельева.

— Ну, братъ! — закричалъ Дементьевъ Савельеву, который только что черезъ стеклянную дверь входилъ въ залу:—съ носомъ!.. Просолилъ... просолилъ... мѣсто-то...

— А что?—спросилъ Савельевъ, слегка поблѣднѣвъ.

— Да вотъ, Иванъ Григорьевичъ сказываетъ,—и онъ указалъ на Соргина,—что онъ видѣлъ сегодня Агафью у начальника... и когда она уходила, то начальникъ сказалъ: ничего, ничего, оставайся, молъ... Время терпитъ... а тамъ увидимъ... Такъ и отпустилъ съ надеждой. Прогулялъ, братъ, мѣсто-то... прогулялъ!..

Кузьма покраснѣлъ и, погодя немного, озлобленно сказалъ, махнувъ рукой:

— Пущай!.. Я пойду прямо на Шепчиху..

— О-о-о!..—закричали всѣ.—Ступай, ступай!..—и только Соргинъ посмотрѣлъ на него и тихо, вразумительно спросилъ:

— Что ты?!.. Сбрендилъ, что-ли?!..

— Вотъ что я думаю, братцы,—сказалъ помощникъ машиниста съ краснымъ обвѣтрившимся лицомъ и длиннымъ носомъ. Онъ сидѣлъ за отдѣльнымъ, маленькимъ столикомъ и осушалъ уже восьмую кружку пива:—какая вакансія ни на есть... Она закрывается и открывается съ высшаго соизволенія...

— Ну!—махнулъ на него Дементьевъ, статный, красивый брюнетъ:—у тебя все по высшему, а у насъ по низшему...

— Эхъ, братцы,—сказалъ Кригинъ:—на все предопредѣленіе...

Это ужъ доподлинно такъ...—и, обратясь къ Кузьмѣ, быстро спросилъ его:—ты служилъ-ли молебенъ-то?.. надо вѣдь Сергію Путнику молебенъ отслужить... Безъ этого нельзя!..

Впрочемъ, должно сказать, что Кригинъ только совѣтовалъ другимъ молиться, а самъ былъ „отпѣтый безбожникъ“, какъ отзывались о немъ товарищи.

— Что же, братцы,—сказалъ Соргинъ:—вѣдь и Агафьѣ надо жить...

— Такъ это баба управится за сторожа?—закричалъ на него Кузьма.—Нѣтъ!.. Этого еще не видано, чтобы т.-е. баба да была на мѣсто сторожа... Имъ и мундера никакого не полагается... А теперь, если что случится... и-и-и!..

Соргинъ только развелъ руками и сказалъ вполголоса, какъ бы самому себѣ:

— Тоже вѣдь ребятки, чай, пить и ѣсть надо, а сама немочная, болѣзная...—И потомъ тотчасъ же громко прибавилъ:

— Вотъ и разсуди...

— Чего же разсудить?—спросилъ его озлобленно Кузьма:—тутъ и разсудить-то нечего... Сказано — вакансія... вакансія и есть...

Всѣ замолки и посмотрѣли на Кузьму. Всѣ какъ бы сравнивали про себя этихъ двухъ конкуррентовъ и не могли дать себѣ отчета, почему сердце и чувство ихъ тянуло къ Агафьѣ и почему отворачивалось отъ сердитаго и суроваго Кузьмы.

III.

Былъ уже 10-й часъ вечера, когда Агафья вернулась со станціи въ будку. Дѣти выбѣжали далеко за полверсты ей навстрѣчу. Онѣ запыхались, бѣжавши, и съ радостнымъ крикомъ кинулись ее обнимать.

Но мамка едва плелась, едва тащила плетенку, висѣвшую у нея на спинѣ, и усиленно опиралась на длинную палку. На мигъ при встрѣчѣ дѣтей радость охватила всѣ ея чувства. Она забыла объ усталости и цѣловала то ту, то другую дѣвочку.

— А мы караулили,—докладывала ей Любка:—только Вѣрка держала флагъ не такъ, какъ ты. Ты вѣдь держишь прямо, а она... она...

Но дѣвочка остановилась и смотрѣла на мамку, которая закашлялась. Она кашляла усиленно, сосредоточенно и кровь выступила на ея губахъ.

— Вишь, какъ умаялась,—проговорила она болѣзненно.

Дѣвочки смотрѣли на нее и думали: „когда же перестанетъ этотъ

надоѣдный кашель?“ Онѣ успѣли достаточно привыкнуть къ нему и даже не замѣчали, что этотъ кашель день ото дня становился все сильнѣе и сильнѣе. Но грудь Агафьи весьма это замѣчала, и силы ея убывали съ каждымъ днемъ.

Она считала этотъ кашель за ничто, да и не съ кѣмъ было ей посовѣтоваться. Дорожный докторъ сказалъ, что этотъ кашель ничего, что въ эти года (въ 32 года) съ этакимъ кашлемъ живутъ десятки лѣтъ.

Агафья, однако, на другой день слегла.

— Больно ужъ я вчера примаялась,—говорила она.

— Ничего, мамка! Ты лежи... Я за тебя выйду на дорогу,—сказала Вѣрунька.

Мамка легла, а Вѣра съ Любкой засѣли въ уголъ и принялись ухаживать за своими куклами, сшитыми изъ свернутыхъ тряпочекъ. Но имъ пришлось не долго сидѣть. Вдали засвистѣлъ паровозъ, и Вѣрка вскочила, схватила флагъ и бросилась вмѣстѣ съ сестрой на дорогу, къ шлагбауму.

На третій день Агафья поднялась съ постели слабая, шатающаяся. Въ урочный часъ, при помощи Вѣрки и Любки, она вышла на свой постъ и продержала дрожащей рукой зеленый флагъ.

И съ этихъ поръ она уже не могла поправиться. Послѣдній походъ ея на станцію окончательно сломилъ ея силы. Она едва ходила и большею частью лежала. Любка и Вѣрка, какъ два добрыхъ генія, суетились и сами справляли за нее всѣ дѣла. Онѣ должны были сами варить въ русской печкѣ горячее и вообще стряпать себѣ обѣдъ, разумѣется, подъ наблюденіемъ Агафьи, которая все имъ указывала.

Между тѣмъ на станціи въ это время случилось несчастіе: товарный поѣздъ столкнулся съ пассажирскимъ. На послѣднемъ былъ убитъ машинистъ, и всѣ на станціи были всецѣло поглощены этимъ случаемъ. Начальникъ движенія пріѣхалъ для разбора дѣла. Объ этомъ случаѣ судили и толковали цѣлую недѣлю; объ Агафьѣ и ея дѣткахъ совершенно забыли. Помнилъ объ нихъ только Иванъ Ѳедоровичъ, но помнилъ только про себя, и никакихъ распоряженій по этому поводу не сдѣлалъ.

„Вѣдь я не начальникъ же станціи,—думалъ онъ.—Чего же мнѣ хлопотать и заботиться?“ Даже Васька Нефедьевъ не былъ посланъ.

IV.

Въ воскресенье, за недѣлю до Рождества, вечеромъ, въ залѣ III-го класса собралась обычная компанія. На этотъ разъ присут-

ствовала и Алена, жена Кузьмы. Это была баба здоровая и зычная.

— На-кось! Поди-кось!—ораторствовала она, расхаживая по залѣ, не обращаясь ни къ кому спеціально и размахивая руками съ засученными рукавами:—другая бы совѣсть знала... А она третью недѣлю... валяется... а тутъ майся изъ-за нея...

— Да она нѣшто виновата?..—оправдывала ее толстая помощница буфетчицы:—вѣдь тоже человѣкъ...

— Да и мы тоже люди!.. Милая моя...—повернулась къ ней быстро Алена:—у меня третью недѣлю дѣти на полу валяются... Коли больна, такъ ложись въ больницу, а не мѣшай честнымъ людямъ жить и служить, какъ слѣдоваетъ... Легко-ли дѣло: я больше мѣсяца теперь маюсь... На свои деньги живу... А провизія-то дорожаетъ... сами знаете!.. Нѣтъ, если-бы я была начальникомъ станціи, такъ безъ церемоніи вышвырнула бы ее изъ будки и съ помѣтомъ ея... Будка казенная... въ ней надо служить, какъ слѣдоваетъ, дѣло свое сполнять, а не валяться съ утра до ночи...

— Это вы справедливо, Алена Яковлевна, — подтвердилъ Дементьевъ:—служба казенное дѣло... Третьеднесь... такой былъ лютый да строгій вѣтеръ... Такъ прямо въ лицо и хлещетъ... А ты изволько стоять на платформѣ, пока уклонъ идетъ... Гляди въ оба, не зѣвай!..

— Да ты что же углядишь?—прервалъ его Соргинъ:—тутъ гляди, не гляди... все равно, ничего не подѣлаешь... Все дѣло въ нихъ.—И онъ сердито указалъ на помощника машиниста.

— Да!—подхватилъ Кригинъ:—наша служба... бѣда, братцы! Вонъ! Вонъ!.. и онъ указывалъ пальцемъ на отмороженныя мѣста на лицѣ:—вишь какъ отвертѣло... А ты стой и смотри за машиной, да не мигай... А какъ не мигать?.. Снѣгъ такъ и хлещетъ!..

— Эхъ, братцы!—прервалъ его Соргинъ:—гдѣ ни служить, а служба даетъ себя знать... Это вѣрно!.. Каждый отъ нея пищитъ да стонетъ... Притомъ надо и совѣсть свою беречь... Попробуй-ка ты проштрафиться... И-и-и!.. Такъ оштрафуютъ, что любо дорого...

— Къ чему же ты тутъ совѣсть-то приплелъ?—спросилъ его Дементьевъ.—Къ чему она? гдѣ она?

— По нонѣшнимъ дѣламъ совѣсть-то въ карманъ надо спрятать... Нонѣ каждый долженъ себя строго содержать... и совѣсть... ни, ни... всегда на арканѣ держать... Коли можешь служить, такъ служи, а нѣтъ, такъ те въ шею, въ три помела...

— Вѣрно, вѣрно! — подтвердилъ Кузьма, который при этихъ самыхъ словахъ вошелъ въ залъ:—правильно!.. Коли не можешь служить, такъ другого на мѣсто пусти...

— Да! Ты вотъ такъ и пустишь на свое мѣсто... Нѣтъ... Коли мѣсто-то есть, такъ за него и руками, и зубами... И никто его не нюхай... не глазѣй и рта не разѣвай... А не то пришибу!..—И при этихъ словахъ Соргинъ ударилъ по столу такъ, что кружки, стоявшія на немъ, подпрыгнули.

Онъ былъ на этотъ разъ немного навеселѣ.

— Извѣстно дѣло,—сказалъ Кузьма:—кому же лестно уступить свое мѣсто другому!.. Коли мое мѣсто, такъ оно и есть мое — собственное...

V.

До Рождества оставалось нѣсколько дней.

Агафья уже не могла вставать съ постели. Она съ трудомъ говорила и двигалась, и что-то страшно, постоянно клокотало въ ея груди. Дѣти совсѣмъ присмирѣли. Люба нѣсколько разъ принималась хныкать, но Вѣра тотчасъ же останавливала ее. Разъ она сказала:

— Давай Богу молиться... Можетъ быть, Богъ и поможетъ мамкѣ.

И обѣ дѣвочки стали на колѣни и прочли „Отче нашъ“, и „Богородицу“ и кончили молитву, успокоившись на мысли, что Богъ непремѣнно поможетъ мамкѣ. На людей имъ нечего было разсчитывать. Онѣ были совершенно одиноки и безпомощны.

Цѣлый день онѣ были заняты тѣмъ, чтобы не пропустить поѣзда и выбѣжать съ флагомъ на дорогу. Въ этомъ ожиданіи теперь было все ихъ развлеченіе и все ихъ занятіе. Мамка постоянно хрипѣла.

Одинъ разъ она подозвала ихъ едва слышно и сказала:

— Вы идите... къ теткѣ Акулинѣ...

Акулина была жена одного сторожа, будка котораго стояла за десять верстъ отъ будки Гаврилы.

Вѣра разспрашивала мать: когда, зачѣмъ идти? Но Агафья уже не могла связно и толково отвѣтить. Она махала рукой, молчала и хрипѣла. Можетъ быть, она вспомнила о родной сестрѣ, какъ единственномъ человѣкѣ, который можетъ пріютить дѣвочекъ въ случаѣ ея смерти. Какъ-то лѣтомъ, еще при жизни мужа Гаврилы, она вмѣстѣ съ дѣвочками была у сестры, ночевала, и та ихъ угощала чаемъ и сотовымъ медомъ.

Дѣвочки сидѣли въ уголку и молчали. Обѣ похудѣли въ эти дни, и у Любки черные, блестящіе глаза стали какъ будто еще больше. А на переносьѣ у Вѣрунькн явилась глубокая морщинка. У обѣихъ сердца ныли и тосковали, и болѣе потому, что онѣ обѣ

инстинктивно чуяли бѣду и не знали и не умѣли чѣмъ помочь. „Если послать Любку на станцію, позвать доктора,—думала Вѣрунька:—то какъ же она добѣжитъ, а вѣтеръ такой лютой да студеный".

И дѣйствительно, на дворѣ была снѣжная мятель. Вѣтеръ рвалъ и металъ и наносилъ цѣлые сугробы. Зги не было видно. Къ вечеру вьюга еще сильнѣе завыла. Она стучала ставней и со злобой обдавала снѣгомъ небольшое оконце.

Любка тихонько плакала.

— А ты не плачь,—говорила Вѣрунька:—чего плакать? Ишкни!.. Прилягъ ко мнѣ.—И она пригнула ея голову къ своимъ колѣнямъ. Любка заплакала еще сильнѣе. Вѣра гладила ея головку, перебирала волосики. И мало-по-малу Любка успокоилась, притихла и задремала. А Вѣрунька еще долго сидѣла неподвижно, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить сестренку, и чутко прислушивалась къ хрипѣнію матери. Этотъ несносный хрипъ сталъ какъ будто стихать. Вѣрунька, измученная безпокойствомъ и горемъ, крѣпко заснула. Вдругъ до ея слуха достигъ рѣзкій свистокъ. Она вскочила, какъ бѣшеная. Голова Любки скатилась на полъ и стукнулась. Но Вѣрунька не обратила на это никакого вниманія. Она начала соваться и искать фонарь. Наконецъ нашла, кое-какъ зажгла его, схватила флагъ и выбѣжала какъ разъ въ то время, когда пассажирскій поѣздъ, выпуская бѣлые клубы пара и неистово скрипя по рельсамъ, медленно приближался къ будкѣ.

— Я тебѣ дамъ опаздывать!.. Я тебѣ дамъ опаздывать!.. Сволочь этакая!—грозилъ ей машинистъ. Но она не слыхала его угрозы за грохотомъ поѣзда.

Было уже восемь часовъ утра. Тонкій утренній свѣтъ разливался въ морозномъ воздухѣ. Она, проводивъ поѣздъ глазами, вся дрожа отъ холода и волненія, вернулась въ будку.

Тамъ было темно и тихо. Хрипы прекратились.

— Мамонька, милая... Уснула, видно полегчало,—подумала она и, перекрестясь большимъ крестомъ и тихонько твердя: „слава тебѣ Господи! Слава тебѣ!" на цыпочкахъ подошла съ фонаремъ и направила яркій свѣтъ выпуклаго стекла на лицо матери. Лицо было мертвенно блѣдно, ротъ широко раскрытъ, и остолбенѣлые, потусклые глаза какъ будто съ вопросомъ смотрѣли на Вѣруньку.

Она дико вскрикнула и уронила фонарь. Онъ потухъ. А она, вся дрожа и плача, принялась шарить кругомъ, искать спичекъ, и только послѣ долгихъ усилій снова зажгла его.

Въ это время Любка проснулась... и заплакала.

— Ништни, дурная!..—крикнула на нее, сквозь слезы, Вѣрунька.—Мамка-то померла!..

VI.

Дѣвочки подошли къ кровати матери и начали цѣловать ея холодное тѣло. Люба съ плачемъ приговаривала:

—Мама, вставай!.. Милая вставай!.. Сейчасъ курьеръ пройдетъ!..

Вѣрунька вспомнила, какъ хоронили тетку Арину изъ Шепчихи, и начала причитать надъ покойницей, какъ причитали надъ Ариной. Затѣмъ вдругъ остановилась и сказала:

— Надо вѣдь обмыть ее.

Она вспомнила, какъ обмывали тетку Арину. И обѣ засуетились. Въ представленіи обѣихъ долгъ всталъ выше горя. И обѣ, дрожа и плача, съ усердіемъ занялись своимъ дѣломъ.

Онѣ съ большимъ усиліемъ стянули тѣло Агафьи на полъ. Нагрѣли воды въ котелкѣ и, раздѣвъ тѣло, начали обмывать его. Вѣра цѣловала ея ноги и плакала. Люба также съ плачемъ повторяла все, что дѣлала сестра ея.

Въ это время вдали загудѣлъ рѣзкій свистокъ. Это шелъ товарный поѣздъ. Съ нимъ ѣхалъ кондукторъ Дементьевъ.

Ему было приказано отъ начальника станціи осмотрѣть будку, въ которой жила Агафья съ дѣвочками, такъ какъ до начальника дошли уже вѣсти, что Агафья вовсе не сторожитъ, а съ флагомъ къ поѣзду выбѣгаютъ дѣвочки.

Дементьевъ промерзъ, а тутъ еще надо передать приказъ начальства и ругнуть этихъ паскудъ, что затрудняютъ начальство.

Весь обмерзлый, онъ, не торопясь, соскочилъ съ поѣзда. Вѣра и Любка съ заплаканными глазами стояли у шлагбаума съ флагомъ.

— Вы что это здѣсь дѣлаете?—закричалъ Дементьевъ.—Гдѣ Агафья-то?

— Она тамъ,—сказала Вѣрунька сквозь слезы и кивнула на будку.

— Ты что же это—непутящая... Дѣвочекъ за себя съ флагомъ пущаешь?—загремѣлъ Дементьевъ, выпуская громадные клубы бѣлаго пара и входя въ будку. Но тутъ же замолкъ и остановился на порогѣ.

Передъ нимъ лежало голое тѣло Агафьи. По всему полу текла струйками вода. Отъ нея мѣстами шелъ паръ. Ближе къ двери эта вода уже замерзла.

— Вишь ты!.. Преставилась,—подумалъ онъ.

И, отвернувшись, быстро зашагалъ къ поѣзду. Но на ходу перекрестился машинально и прошепталъ:

— Упокой, Господи, душу новопреставленной рабы Твоей Агафьи.

И при этомъ думалъ и соображалъ, какой эффектъ произведетъ на станціи разсказъ о смерти Агафьи, какъ обрадуется этому извѣстію Кузьма Савельевъ и какъ онъ угоститъ ихъ всѣхъ, всю поѣздную прислугу.

„Чай, меньше ведра не выставитъ... Нѣтъ! И думать нельзя".

Черезъ полчаса онъ былъ на станціи и произвелъ эффектъ.

Всѣ встрепенулись, завозились, бабы собрались съ слѣдующимъ поѣздомъ ѣхать въ будку.

— Надо вѣдь все обрядить,—говорили онѣ:—исполнить по-христіански.

Но, когда настали сумерки и все, что нужно было бабамъ переговорить, было уже переговорено, тогда напала на нихъ неохота отправляться въ морозный вечеръ за пять верстъ, и онѣ рѣшились отправиться завтра съ утра съ товарнымъ поѣздомъ.

VII.

А между тѣмъ дѣвочки продолжали возиться съ тѣломъ матери. Съ большимъ трудомъ, черезъ силу, онѣ одѣли ее въ чистую рубаху и въ единственное, бывшее у ней, сѣрое шерстяное платье. Но положить тѣло снова на лавку у нихъ не достало силенки. Онѣ сильно хлопотали, чтобы закрыть мамкѣ ротъ и лѣвый глазъ, но это имъ никакъ не удалось.

Пришло утро, прошелъ и курьерскій, и пассажирскій, и почтовый поѣздъ. Дѣвочки выбѣгали съ флагомъ къ каждому поѣзду.

Вѣра сказала:

— Давай готовить обѣдъ.

Но Любка отказалась.

— Мнѣ не хочется,—сказала она, повернувъ голову, и заплакала.

Наступила ночь. Дѣвочки сидѣли въ уголку за печкою, и у обѣихъ сердца сжимались ужасомъ, при мысли, какъ онѣ проведутъ эту ночь однѣ, въ будкѣ, посреди лѣса.

Когда прошелъ послѣдній вечерній поѣздъ и замолкъ его далекій свистъ, когда онѣ, вернувшись, снова усѣлись въ теплый уголъ, то наступила однообразная, гнетущая тишина. И все имъ казалось, что вотъ, вотъ что-то случится страшное среди этой наступившей томительной тишины, придутъ волки, кикиморы... Имъ чудилось уже завываніе волковъ.

Но благодѣтельный сонъ мало-по-малу одолѣлъ усталыя го-

ловки, и онѣ, склонясь одна къ другой, заснули, всхлипывая во снѣ, заснули все въ томъ же тепломъ углу за печкой.

Утренній холодъ разбудилъ ихъ. Тихій свистокъ раздался въ морозномъ воздухѣ. Вѣра вскочила, кинулась спросонья сперва направо, затѣмъ налѣво, наткнулась на тѣло матери, чуть не упала и наконецъ нашла флагъ и бросилась съ нимъ вонъ. Люба крѣпко спала.

Къ будкѣ подъѣхалъ небольшой поѣздъ. Это былъ экстренный поѣздъ съ однимъ багажнымъ вагономъ. Онъ былъ посланъ со станціи, чтобы взять и привезти тѣло Агафьи.

Пріѣхавшихъ за этимъ поѣздомъ было немного. Пріѣхали жандармъ и два станціонныхъ мужика, жена Дементьева и экстренный кондукторъ, который исправлялъ на станціи просто должность ламповщика.

Всѣ толковали, говорили, судили и рядили, разспрашивали дѣвочекъ, когда и какъ умерла Агафьи, охали и ахали.

Наконецъ, въ привезенный гробъ уложили тѣло Агафьи. Поставили его въ пустой багажный вагонъ и уѣхали.

Люба ревѣла и рвалась въ этотъ вагонъ, но ее отцѣпили и просто сбросили съ платформы прямо въ сугробъ снѣга. Вѣрунька помогла ей вскарабкаться въ будку и утѣшала ее.

— Дурная!.. Куда же ты?..—говорила она:—куда!?. Вѣдь мы должны оставаться здѣсь и сторожить... Кто же безъ насъ будетъ сторожить, выходить съ флагомъ... Насъ просто прогонятъ со службы и намъ ни пить, ни ѣсть нечего будетъ... Мы просто съ голоду помремъ...

Любка понемногу успокоилась и оторвалась отъ поѣзда, за которымъ слѣдила глазами и который уносилъ тѣло ея мамки.

VIII.

Въ тотъ же день къ вечеру приползъ товарный поѣздъ съ длинной вереницей вагоновъ - платформъ, наполненныхъ бревнами. Онъ медленно подъѣхалъ къ будкѣ. Въ немъ былъ Кузьма Савельевъ съ своей семьей. Дѣвочки вышли на встрѣчу поѣзду съ флагомъ.

— Гляди, гляди, Алена!.. Каки сторожа,—кричалъ Кузьма.— Ха! ха! ха!.. Вишь каки лягушки!..

И всѣ трое дѣтей Кузьмы хохотали, глядя на дѣвочекъ...

Поѣздъ высадилъ пріѣзжихъ и медленно, скрипя и визжа по обмерзшимъ рельсамъ, пошелъ дальше. Кузьма и семья его пошли въ будку.

— Это что же,—злобно дивилась Алена:—это въ экой-то тѣснотѣ намъ жить-то... Любезное дѣло, неча сказать!..

У Алены былъ очень крупный недостатокъ. Она была не только „баба сварливая“ и „взъѣдливая“, но была съ норовомъ. Всякое, едва замѣтное препятствіе ея „ндраву“ вызывало въ ней вспышки необузданнаго гнѣва, вызывало настоящій аффектъ, въ которомъ всякій присяжный призналъ бы ее „невиновной“.

— Да я и дня не останусь въ экой тѣснотѣ,—продолжала она вскипать все сильнѣе да сильнѣе:—гдѣ мы положимъ ребятъ-то?.. На полу, что-ли?!.

Кузьма, съ своей стороны, считалъ себя въ полномъ правѣ относиться пренебрежительно къ дѣвочкамъ. Онѣ, по его мнѣнію, опошлили, уронили должность желѣзнодорожнаго сторожа. Онъ, кажется, безъ всякаго состраданія истребилъ бы ихъ. И одно воспоминаніе объ этихъ „лягушкахъ“, о томъ, какъ онѣ съ флагомъ встрѣчали поѣздъ, приводило его въ сильнѣйшій гнѣвъ.

— Это все вонъ!.. сейчасъ же вонъ!..—командовала Алена, бросая всѣ вещи сиротокъ, которыя попадались ей подъ руку:—чтобъ и духу вашего не было здѣсь...

И она бросила двѣ кружечки, изъ которыхъ дѣвочки пили чай, бросила безъ всякой жалости, прямо на полъ. Кружечки разбились.

— За что же бьете?..—запротеставала Вѣрунька.—Не ваше добро-то, такъ и швырять его надо...

Этотъ слабый протестъ окончательно взволновалъ Алену. Она съ поднятыми кулаками накинулась на дѣвочку.

— Да ты что?.. Мразь!.. Учить меня вздумала?.. Ахъ ты, поскуда...—и она начала хлопать дѣвочку по чемъ попало.

Люба заревѣла, завизжала и закричала:

— Не тронь!.. Не троньте!.. Не троньте!..

Алена схватила Вѣруньку за косы и, не смотря на ея сопротивленіе, выкинула дѣвочку вонъ. Затѣмъ сдѣлала то же съ кричащей неистово Любкой и тотчасъ же заперла дверь.

— Вотъ! Подите-ка!.. Поохладитесь тамъ...—прокричала она со злобой.

Вслѣдъ затѣмъ она начала собирать все, что принадлежало дѣвочкамъ и выбрасывать изъ будки. Всю одежду, мѣшки и мѣшочки, коробки и ящики—все выкидывала она съ наслажденіемъ. И прежде всего выбросила небольшой новенькій самоварчикъ. Она подняла его надъ головой и сразмаху хватила его объ полъ, такъ что онъ зазвенѣлъ, загремѣлъ и измялся.

Затѣмъ она заставила Кузьму вытащить за дверь и сундукъ

дѣвочекъ... Вѣрунька прибирала все, что выбрасывала Алена, и складывала въ одно мѣсто. Люба съ плачемъ помогала ей...

Прошло минутъ десять, пятнадцать. Дѣвочки продрогли. Онѣ были въ однихъ ситцевыхъ сарафанчикахъ. Вѣра вытащила изъ узла ватное пальто Агафьи и укрыла имъ Любу.

Между тѣмъ въ будкѣ устраивалась семья Кузьмы. Прежде всего онъ принесъ огромное беремя дровъ и натолкалъ полную печку. Онъ любилъ тепло, и самымъ лучшимъ его наслажденіемъ было лежать на полу въ полушубкѣ передъ жарко топившейся печкой и курить трубочку.

Курилъ онъ немилосердно и почти не переставая. Не прошло и десяти минутъ, какъ онъ водворился въ будкѣ, и всѣ вещи въ ней проникли тяжелымъ запахомъ самой ѣдкой махорки.

IX.

Между тѣмъ дѣвочки пріютились на полу около дверей будки. Онѣ притащили сундукъ къ стѣнкѣ, сложили на него всѣ вещи и сами усѣлись.

Въ воздухѣ сильно морозило. Было не меньше двадцати градусовъ, и хотя Вѣрунька укутала сестру мамкинымъ капотомъ и сама надѣла заячью шубенку, но морозъ не давалъ имъ покоя. Люба плакала и стонала.

Въ это время дверь будки отворилась, и бѣлый паръ повалилъ изъ нея. Вышла Алена въ куцавейкѣ, закутанная пуховымъ платкомъ и съ гадливостью посмотрѣла на дѣвочекъ, которыя сидѣли, прижавшись другъ къ другу. Любка плакала и стонала, не переставая.

— Тетынька! А тетынька!.. — сказала Вѣрунька дрожащимъ голосомъ:—пусти Любку-то погрѣться... Вишь, какъ она застыла...

Алена посмотрѣла на нихъ, подумала и сказала:

— Идите! Да подметите и вымойте полъ!..

И дѣвочки тотчасъ же отправились въ будку. Ихъ обдало теплымъ воздухомъ, который такъ ласково и нѣжно, какъ родная мать, обхватилъ ихъ послѣ суроваго мороза.

Вѣра тотчасъ же схватила помело и начала мести полъ. Любка уцѣпилась за ея платье и ходила вмѣстѣ съ ней, косясь по сторонамъ. Трое мальчиковъ смотрѣли на нихъ, гримасничали и смѣялись.

Между тѣмъ Алена Яковлевна разсматривала всѣ постройки будки. Она нашла сзади нея маленькій чуланчикъ, который теперь былъ пустъ.

„Вотъ и отлично,—подумала она:—„здѣсь можно будетъ по-

мѣстить дѣвочекъ, пока не порѣшатъ ихъ на станціи. Чай, не болѣ двухъ денъ протянутъ".

И въ тотъ же день вечеромъ Вѣруньку и Любку перевели въ этотъ чуланчикъ. Въ него Кузьма снесъ ихъ сундукъ и весь ихъ скарбъ. Отъ этого въ чуланчикѣ стало еще тѣснѣе, но тутъ, думали дѣвочки, имъ можно будетъ спать на сундукѣ, а не на полу, молча перебрались и устроились.

Ихъ накормили, когда всѣ наѣлись.

Къ вечеру морозъ еще больше закрѣпчалъ. По обѣимъ сторонамъ краснаго, заходящаго солнца встали высокіе, красные столбы—„уши", какъ зоветъ ихъ народъ.

Наконецъ, морозъ добрался и до дѣвочекъ.

— Вѣра!—плакала Люба.—Пойдемъ къ тетѣ Аринѣ... Она насъ пріютитъ...

— Что ты вздумала?!. дурная!.. Въ экой морозъ куда мы пойдемъ?..

Но все-таки это приглашеніе идти заинтересовало Вѣруньку. Она стала обдумывать его. Но къ тетѣ Аринѣ было десять верстъ, а до станціи только пять... Тамъ не то, что здѣсь въ будкѣ... Тамъ большія комнаты... теплыя... Мы пойдемъ скоро, скоро и добѣжимъ, пока еще не успѣетъ стемнѣть...

Это разсужденіе было очевидно неправильно. Но оно сложилось подъ вліяніемъ жестокаго холода и, укутавъ Любку въ мамкину шаль, а сама, укутавшись въ куцавейку и платокъ и надѣвъ на руки варежки, Вѣра вывела Любку изъ чуланчика, и обѣ дѣвочки побѣжали на станцію.

„Мы духомъ добѣжимъ,"—думала Вѣрунька, когда морозный, леденившій кровь воздухъ обдувалъ ее и сестру.

Дорога, прямая и пустынная, шла по опушкѣ хвойнаго лѣса. Кругомъ не было ни души. Солнце уже сѣло, и какая-то сѣрая мгла окружала ихъ.

Дѣвочки уже проходили другую версту. Впереди былъ большой желѣзнодорожный мостъ надъ широкой рѣкой.

Дойдя до него, дѣвочки остановились и на минуту задумались. Проходить его было очень трудно, такъ какъ почти никакихъ приспособленій для пѣшеходовъ на немъ не было, и даже проходъ для нихъ по этому мосту былъ запрещенъ. Дѣвочки знали это, но идти въ обходъ, на перевозъ, было далеко и, онѣ рѣшились идти по желѣзнымъ листамъ, которые выдавались надъ рѣкой изъ-за краевъ моста. Вѣра шла съ краю и берегла Любу, чтобы она не оборвалась и не упала со страшной высоты въ рѣку. Вѣ-

теръ свистѣлъ сквозь желѣзныя рѣшетины моста и вылъ по телеграфнымъ проволокамъ. Идти по желѣзнымъ тротуарамъ было скользко и страшно. Голова у Вѣры кружилась, но мысль, что она должна оберегать сестру постоянно ободряла ее. Дѣвочки скользили, спотыкались, но шли, торопились. Вотъ уже изъ десяти арокъ онѣ миновали шесть, затѣмъ семь, восемь... осталось двѣ арки... Подъ ними уже чернѣла земля... Наконецъ весь мостъ былъ пройденъ. Дѣвочки вздохнули и перекрестились.

Снова забѣлѣла передъ ними прямая, скучная дорога, уходящая въ сѣроватый, морозный сумракъ ночи. Бѣлый, серебристый паръ отъ дыханья дѣвочекъ окружалъ ихъ головки.

Любка начала уставать.

— Вѣра!.. хныкала она:—Скоро-ль мы дойдемъ?..

— Погоди, погоди!.. Сейчасъ дойдемъ... духомъ дойдемъ...

Но Любка ужъ не могла идти. Она устала. Она цѣлый день суетилась и теперь падала отъ усталости.

— У!.. Дурная!..—проворчала Вѣра, подняла сестру на руки и зашагала быстрѣе.

Но на первыхъ же шагахъ зашаталась, задохнулась... и присѣла на лежавшія шпалы. Такъ хорошо было отдохнуть хоть немного.

Ноги и руки ея ныли. Въ головѣ шумѣло. Въ ушахъ раздавалась какая-то музыка, точно вѣтеръ гудѣлъ въ телеграфныя проволоки. А кругомъ была тишь, широкій просторъ жгучаго морознаго воздуха. Любка прикорнула головенкой къ ея плечу и заснула.

Прошло минутъ двадцать. Морозный, ледяной воздухъ все крѣпче и крѣпче обхватывалъ Вѣруньку. Она начала дрогнуть.

— Любка!..—встряхнула она сестру:—Вставай!.. Теперь ужъ малость осталась до станціи... Духомъ добѣжимъ!..

Но Любка не двигалась. Она лежала на плечѣ сестры, какъ мертвая глыба.

— Любка!..—тормошила ее Вѣра:—слышь! вставай!..

„Она замерзла“!—догадалась Вѣра и оледенѣла отъ ужаса. Она бросилась бѣжать съ Любкой до станціи. Но на первыхъ же шагахъ опять задохнулась и упала.

„Я лучше одна добѣгу“,—подумала она, встала, донесла сестру опять до шпалъ и бережно положила ее на шпалы. Затѣмъ сняла съ себя кацавейку и прикрыла сестру.

„Вотъ такъ!.. она не замерзнетъ“,—подумала она и побѣжала.

Но на первыхъ же шагахъ ее остановила мысль, мелькнувшая въ ея отуманенной холодомъ и усталостью головкѣ.

„Господи!—подумала она.—Что же я дѣлаю?!. Вѣдь она около меня грѣлась... а теперь совсѣмъ застынетъ...“

И она снова вернулась и, припавъ къ сестрѣ, обняла ее.

Морозъ жегъ ее и останавливалъ дыханье. Она крѣпче и крѣпче прижимала сестру и наконецъ начала дремать. Ей казалось, что она уже на станціи вмѣстѣ съ мамой и что мама хлопочетъ, чтобы скорѣе послали за ними дрезину или даже экстренный поѣздъ... и онъ ѣдетъ, ѣдетъ, гудитъ въ ушахъ, стучитъ въ голову... сердце сжимается съ странной болью... и все заволакивается туманомъ... такъ легко, хорошо...

А морозъ все крѣпнетъ и усиливается. Бревна, заготовленныя для шпалъ, раскалываются и гулко трескаются въ сухомъ, морозномъ воздухѣ...

. . . . . .

На другой день дѣвочекъ нашли замерзшими въ двухъ верстахъ отъ станціи. Вѣра обхватила тѣло сестренки и закоченѣла на немъ.

X.

На станціи распространился тревожный слухъ: ревизоръ ѣдетъ!

Все прибралось, подтянулось. Машинисты тщательнѣе осматривали локомотивы. Кондуктора строже смотрѣли за собой и за соблюденіемъ правилъ.

Наконецъ, ревизоръ, объѣзжавшій всѣ станціи, пріѣхалъ.

Это былъ полный, рослый мужчина, съ краснымъ безбровымъ лицомъ безъ всякаго выраженія.

— У васъ безпорядки!—сказалъ онъ строго начальнику станціи:—у васъ женщины и дѣти замѣняютъ сторожей. Гдѣ, въ какомъ уставѣ вы, милостивый государь, нашли такой параграфъ, который допускалъ бы подобное безобразіе?..

— Я, ваше превосходительство, въ данномъ случаѣ согласовалъ долгъ службы съ человѣколюбіемъ...

— А кто вамъ, милостивый государь, разрѣшилъ дѣлать такія согласованія... Вы вѣдь знаете службу? Не первый годъ служите... У васъ былъ заштатный служитель Кузьма Савельевъ... А вы поручили должность сторожа женѣ умершаго Гаврилы Семенова... На какомъ параграфѣ, позвольте васъ спросить, вы основывали такія беззаконныя дѣйствія?.. Гдѣ у васъ оправдательные документы?..

— Во многихъ мѣстахъ,—оправдывался робко начальникъ станціи: — во многихъ мѣстахъ, ваше превосходительство, женщины исполняютъ должность барьерныхъ сторожей... Даже въ Германіи...

— Прошу васъ оставить Германію въ покоѣ,—прервалъ его ре-

визоръ, возвышая голосъ.—Въ Германіи свои порядки, а въ Россійской имперіи другіе. Вы служите... Вы должны дѣйствовать по правиламъ, какъ винтъ или пружина въ механизмѣ. Еслибы вы служили въ какомъ-нибудь филантропическомъ учрежденіи, тамъ ваши поступки имѣли бы оправданіе, а здѣсь никакихъ, никакихъ-съ... Вы наносите ущербъ обществу и правительству. Еслибы произошелъ какой-нибудь несчастный случай или убытокъ отъ вашихъ филантропическихъ распоряженій... за это отвѣтило бы общество. въ этомъ обвинили бы правительство... Понимаете-ли вы всѣ послѣдствія вашей неблагоразумной добросердечности?!. Я долженъ, я обязанъ сдѣлать вамъ строгое внушеніе съ занесеніемъ въ вашъ послужной списокъ... и я это сдѣлаю...

И ревизоръ стукнулъ рукой по столу. Начальникъ станціи стоялъ передъ нимъ блѣдный и дрожащій. Въ это время съ шумомъ и грохотомъ подкатилъ поѣздъ и свистокъ засвистѣлъ оглушительно...

Начальнику показалось, что въ его ушахъ раздается одно слово, одно только слово:

„Машина! Машина! Машина!„

Черезъ недѣлю онъ былъ смѣненъ и на мѣсто его опредѣленъ Иванъ Ѳедоровичъ Гачинскій.

Котъ-Мурлыка.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ГРАМОТНОСТИ ВЪ РОССІИ.

(КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІИ НАРОДА КЪ ГРАМОТѢ).

«Раньше считалось, что выгодно быть грамотнымъ, теперь же считаютъ, что невыгодно быть неграмотнымъ».

(И. П. Боголѣповъ—«Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста», стр. 76).

I.

Какъ относится народъ къ грамотѣ, для чего ищетъ онъ грамотности, т.-е. хочетъ-ли онъ, обучая дѣтей своихъ, дать имъ въ руки, какъ это принято называть, «орудіе образованія», или же намѣревается обезпечить ихъ извѣстнымъ только умѣньемъ, доставляющимъ собою нѣкоторыя удобства въ практической жизни, и т. д.,—все это такіе вопросы, важность которыхъ очевидна сама собою. И если, тѣмъ не менѣе, изслѣдователи различныхъ сторонъ народной жизни мало останавливались надъ разрѣшеніемъ такого рода вопросовъ, то это, безъ сомнѣнія, происходило только потому, что для окончательнаго выясненія ихъ не имѣлось достаточнаго матерьяла. Но при всемъ томъ очень многіе изъ этихъ изслѣдователей, хотя и вскользь, все-таки касались этихъ вопросовъ, дѣлали относительно ихъ тѣ или иныя замѣчанія, основываясь на изученныхъ ими данныхъ, или просто сообщали такіе факты, которые отчасти разъясняли характеръ отношенія народа къ грамотности въ ту или другую эпоху его исторической жизни.

Такого-то рода указанія и факты, разсыпанные на страницахъ различныхъ изслѣдованій, отчетовъ, докладовъ и статей по народному образованію, и послужили матерьяломъ для настоящей статьи, которая имѣетъ задачею—выяснить, по возможности, то, какъ относился народъ къ грамотѣ раньше и чѣмъ характеризуется взглядъ его на грамоту теперь.

Всматриваясь въ тѣ факты изъ исторіи народнаго образованія и грамотности, которые имѣютъ отношеніе къ предмету настоящей статьи, не трудно замѣтить, что предъидущая исторія народа, съ точки зрѣнія его отношенія къ грамотѣ, въ самыхъ существенныхъ чертахъ разбивается на два періода; характернѣйшею съ этой стороны частью перваго изъ этихъ періодовъ является время отъ введенія христіанства

до закрѣпощенія, которое если и не повліяло замѣтно на характеръ отношенія народа къ образованію вообще и къ грамотѣ въ частности, то подавляюще подѣйствовало на ихъ развитіе и распространеніе. Второй періодъ въ дѣлѣ отношенія народа къ грамотѣ обнимается исключительно почти настоящимъ столѣтіемъ.

Первое извѣстіе объ отношеніи къ грамотѣ народа, или, вѣрнѣе, той части его, которой прежде другихъ пришлось столкнуться съ грамотностью, мы находимъ въ Лаврентьевской лѣтописи, гдѣ подъ 988 годомъ читаемъ слѣдующее: «и нача (Владиміръ) ставити по градомъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селамъ. *Ославъ нача поимати* у нарочитое чади дѣти и даяти нача въ ученье книжное, *матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ*, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но *акы по мертвецы плакахуся*. Симъ же раздаянномъ на ученье книгамъ сѣбыстся пророчество на Рустѣй земли глаголюще: во оны дніи услышатъ глусіи словеса книжная и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Си бо не бѣша преди слышали словесе книжнаго, но по Божію строю и по милости своей помилова Богъ, якоже рѣче пророкъ: помилую его же аще помилую. Помилова бо ны пакы банею бытья и обновленьемъ духа, по изволенью Божью, а не по нашимъ дѣломъ» [1]).

Это мѣсто лѣтописи едва-ли не самое интересное изъ всѣхъ лѣтописныхъ указаній, относящихся къ исторіи образованія и грамотности въ Россіи. Въ немногихъ строкахъ мы видимъ здѣсь указанія на главную причину возникновенія грамотности, на ея характеръ, на условія ея распространенія, на отношеніе къ ней народа въ началѣ ея введенія; тутъ же видно и отношеніе къ грамотѣ самого лѣтописца, представителя позднѣйшаго поколѣнія.

Касаясь условій возникновенія у насъ грамотности, большинство изслѣдователей полагаетъ, что главнѣйшею причиною введенія ея была потребность въ наставникахъ только-что принятаго христіанства, т.-е. въ церковнослужителяхъ [2]). Нѣкоторые полагаютъ, что насаждаемая въ то время грамотность, вмѣстѣ съ приготовленіемъ церковнослужителей, имѣла и болѣе широкую задачу: распространить книжное ученіе въ народѣ. Но, каковы бы ни были мотивы введенія грамотности въ Россіи, во всякомъ случаѣ, она «не была внутренней потребностью народа, но являлась, особенно вначалѣ, одною изъ мѣръ правительственныхъ» [3]). Этимъ-то именно и объясняется возможность и необходимость «поимати у нарочитое чади дѣти», или собрать ихъ у новгородскихъ поповъ и

---

[1]) «Полн. собр. лѣт.» Лаврентія лѣтописца, стр. 51.

[2]) См. Забѣлинъ «Характеръ др. нар. обр. въ Россіи», «От. Зап.» 1856 г. № 3, стр. 9. Такого же рода указанія у Соловьева, Костомарова, Лебедева, Окольскаго и др.

[3]) М. Д. Хмыровъ: «Училища и образов. на Руси до Петра» въ «Народн. Шк.» 1864 г., (№№ 4—10).

старостъ для того, чтобы отдать этихъ дѣтей въ «наученіе книгамъ божественнаго разума»; это—съ одной стороны, а съ другой—не менѣе понятнымъ является и вызванный этими мѣрами протестъ, то пассивный и мирный, выраженный слезами матерей, которыя, какъ мертвецовъ, оплакивали дѣтей своихъ, отнятыхъ для спасительнаго ученія, то активный, какъ это, напримѣръ, мы видимъ въ Ростовѣ, гдѣ (въ 992 г.) народъ, вооружась чѣмъ ни попало, хотѣлъ убить св. Леонтія, который призывалъ младенцевъ къ церкви и, кормя «сладостно кутіею», училъ ихъ и крестилъ.

Причина такого отношенія къ ученью уже указывалась, но еще яснѣе видна она изъ цитированныхъ выше словъ лѣтописи: «еще бо не бяху ся утвердили вѣрою», т.-е. единственнаго мотива, который въ то время могъ заставить обучаться и обучать дѣтей «книгамъ», еще не было, а потому, конечно, и въ «книжномъ ученіи» никакой потребности у громаднаго большинства народа еще не ощущалось.

По мѣрѣ упроченія христіанства, мѣнялось и отношеніе къ ученію книжному: правительству уже не нужно было прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ для насажденія «книжнаго разума»; но самый характеръ этого ученья оставался тѣмъ же: подъ «ученьемъ» подразумѣвалось исключительно только изученіе книгъ богослужебныхъ, церковныхъ; подъ «книгою»—исключительно книга божественнаго писанія, а подъ ученостью—ученость религіозная, знаніе «божественныхъ» книгъ.

Слѣдующія выписки дадутъ нѣкоторое понятіе о томъ, что именно подразумѣвалось тогда подъ ученостью и образованіемъ:

«Въ лѣто 6732. Поставленъ бысть митрополитомъ въ святой Софьѣ, Кыевѣ, блаженный Кириллъ Грьчинъ, мѣсяца генваря въ 6, въ праздникъ Богоявленья, учителенъ зело и хытръ ученью божественныхъ книгъ»;—или: «представися Іоаннъ митрополитъ, бысть же Іоаннъ мужъ хытръ книгамъ и ученью», а о другомъ лицѣ, умершемъ въ томъ же году, говорится, что—«бѣ же се мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ». Говоря объ Ярославѣ, лѣтопись указываетъ, что онъ засѣялъ «книжными словесы сердца вѣрныхъ людей» и хвалитъ этого князя, между прочимъ, за то, что онъ—«книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне»; наоборотъ, о Димитріи Донскомъ говорится, что онъ не былъ «книгамъ» ученъ; въ Несторовскомъ житіи пр. Феодосія, между прочимъ, сообщается, что преподобный просилъ родителей своихъ—«да дадутъ его въ наученіе Божественныхъ книгъ»; точно также въ житіи Евфимія Новгородскаго указывается, что «отроку ростущу и времени приспѣвшу вданъ бываетъ родными его учитися божественнымъ книгамъ», и т. п. Такимъ образомъ, книжность и грамотность были въ то время понятіями совершенно тожественными, при чемъ слова эти употреблялись въ томъ значеніи, въ какомъ въ настоящее время употребляется слово—образованность. Рисуя «характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи», Забѣлинъ говоритъ, что

«старинную до-петровскую нашу образованность можно весьма вѣрно опредѣлить тѣмъ же словомъ, которымъ она сама себя опредѣляла: *книжность*—книжность именно въ томъ частномъ смыслѣ, въ какомъ она означаетъ только *начитанность*. Главный характеръ этой книжности былъ духовный, потому что и самое слово *книги* означало въ древнее время единственно только священное писаніе и книги церковныя вообще». И только въ концѣ XVII столѣтія «въ эту книжность вошли нѣкоторые посторонніе предметы, сочиненія историческія, географическія, средневѣковыя повѣсти, романы; но они по существу своему не въ силахъ были измѣнить общаго направленія книжности, ибо это не были науки, а были отрывочныя, безсвязныя свѣдѣнія, исполненныя сродневѣковыхъ басенъ» [1]). Не могло повліять введеніе этихъ предметовъ на состояніе народнаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на характеръ отношенія къ грамотѣ народа, еще и по другой причинѣ: народъ, перенесшій неурядицу и экономическую тяжесть татарщины, вынесшій на своихъ плечахъ всѣ тѣ мѣры, которыя принимались князьями-собирателями въ цѣляхъ этого «собиранія», народъ этотъ въ концѣ XVI столѣтія потерялъ уже не только экономическую, но и свою личную свободу и ему, конечно, было уже не до книжнаго ученія.

Отмѣчая тотъ фактъ, что старинная книжность и грамотность носили исключительно религіозный характеръ, мы не имѣли въ виду возбудить предположеніе, что предки наши относились къ грамотѣ, какъ къ знанію, имѣющему узко спеціальныя задачи и значеніе. Совершенно напротивъ: почти всѣ изслѣдователи, касавшіеся настоящаго предмета, полагали нужнымъ особенно рѣзко отмѣтить, что тѣ училища, которыя тогда существовали, были отнюдь не церковными, а общеобразовательными и даже свѣтскими [2]).

На современный взглядъ можетъ представиться довольно страннымъ считать общеобразовательною или свѣтскою школою такую, въ которой изучались исключительно книги религіознаго или церковнаго характера, а между тѣмъ такой взглядъ, дѣйствительно, можетъ быть признанъ совершенно правильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, только въ самый ранній періодъ своего существованія школы предназначались преимущественно для приготовленія церковнослужителей; вслѣдъ затѣмъ, грамотность, не теряя своего характера, стала переходить въ народъ, распространяясь и въ быту гражданскомъ; кромѣ того, духовенство

---

[1]) «Отеч. Зап.» 1856 г. № 3, стр. 18.

[2]) Смотр. Хмырова—«Училища и образ. на Руси до Петра» въ «Нар. Шк.» 1864 г., № 5, стр. 64; Лешкова—«Русск. народъ и государство», стр. 418—419. Влад. Буданова — «Госуд. и нар. обр. въ Россіи» въ «Журн. М. Н. Пр.» 1873 г., № 11, стр. 38; Миропольскаго—«Школа и государство», стр. 9, 10, 24; ст. Велич—аго—«Историческ. очеркъ общ. образ. въ Россіи» въ «Русск. Педагог. Вѣстникѣ» 1861 г., № 4, стр. 58.

того времени еще не было выдѣлено въ особое сословіе: въ священники могъ поступить каждый и въ особенности грамотный членъ прихода, а причетники нанимались общиною. Такимъ образомъ, существовавшая тогда школа давала одинаковое образованіе каждому, не заботясь о томъ, займется-ли лицо, получившее это образованіе, духовной или гражданской дѣятельностью; да это было и излишне, потому что высшіе чины духовенства того времени, архіереи и митрополиты, обладали точно такими же знаніями, какими обладали и высшіе чины гражданскіе и великіе князья; тѣми же знаніями обладали нерѣдко и простолюдины, начетчики и школьные учители. «Дѣти первостепеннаго боярина,—говоритъ Забѣлинъ,—обучались точно такъ же и по тѣмъ же книгамъ, какъ и дѣти простолюдина» [1]). «Въ Московской Руси XV—XVII вѣковъ,—утверждаетъ также профессоръ А. И. Соболевскій [2]),—образованность для всѣхъ сословій во всѣхъ отношеніяхъ была одна и та же. И княжескій сынъ, и поповскій, и крестьянскій учились въ одни и тѣ же годы одному и тому же, по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей и достигали въ школьномъ образованіи приблизительно одного и того же—умѣнья читать и писать»,—хотя, конечно, возможностью получить такое образованіе они обладали далеко не въ одинаковой степени: попасть въ училище сыну князя или боярина было несравненно легче, нежели сыну холопа или крестьянина, особенно въ XVI или XVII столѣтіяхъ. Основываясь на приведенныхъ данныхъ, не трудно видѣть, насколько вѣрно утвержденіе, что до-петровская школа была общеобразовательною.

Въ самомъ дѣлѣ, если признать, что *общею* образованностью можно назвать обладаніе тѣмъ кругомъ знаній, который вообще доступенъ и желателенъ для современниковъ той или другой эпохи, то нельзя не признать существованія до XVII столѣтія школъ—общеобразовательными; онѣ давали тѣ знанія, въ которыхъ нуждалось и которыхъ требовало современное общество; въ знаніяхъ другого рода нужды еще не ощущалось, а потому и знаній этихъ жизнь той эпохи еще не требовала.

Разсматривая особенности постановки до-петровскихъ школъ съ этой точки зрѣнія, нельзя также отрицать и свѣтскости этихъ школъ. Въ сущности говоря, школу того времени нельзя назвать ни свѣтскою, ни духовною: термины эти выработались уже позднѣйшею практикою, когда образовался типъ школы профессіональной, имѣющей задачею служить для образованія духовенства, а потому и названной—духовной, въ отличіе отъ остальныхъ школъ, получившихъ названіе свѣтскихъ. Но если имѣть въ виду, что въ школахъ тогдашнихъ учили не одни только духовные, но и «мастера», и «простые мужики»,

[1]) «Отеч. Записк.» 1856 г., № 3., стр. 9.

[2]) «Образованность Моск. Руси XV—XVII ст.», стр. 21.

а также, если принять во вниманіе, что насадителями и главными поборниками и распространителями книжности были не святители церкви, а лица великокняжескаго рода, которыя имѣли достаточныя средства для того, чтобы пріобрѣтать книги и учебныя пособія, тогда еще очень дорогія [1]), то въ этомъ отношеніи нельзя будетъ и признать существовавшую тогда школу свѣтскою, хотя, конечно, нельзя отрицать и того, что заботливость князей, направленная въ эту сторону, имѣла основаніе исключительно религіозное.

Насколько была велика и безкорыстна заботливость нѣкоторыхъ князей о насажденіи и распространеніи книжности, показываетъ извѣстный примѣръ Романа Ростиславича, князя Смоленскаго, который, по свидѣтельству Татищева, «былъ вельми ученъ всякихъ наукъ и къ ученію многихъ людей понуждалъ, устрояя на то училища», и который такъ истощилъ на это свою казну, что по смерти его смоляне должны были «сребро и куны давать по изволенію каждаго» на его погребеніе [2]). Такая заботливость въ дѣлѣ насажденія и утвержденія грамотности или «наученія книжнаго» вполнѣ понятна, такъ какъ чтеніе, ученіе и самая эта дѣятельность считались настолько же душеспасительнымъ дѣломъ, какъ и устройство церквей, какъ забота о распространеніи христіанства и вообще какъ дѣло, освящаемое религіей и церковью. Заключеніе это вполнѣ подтверждается Лаврентьевской лѣтописью, гдѣ въ заслугу кн. Владиміру ставится одинаково какъ то, что онъ ставилъ «по градомъ церкви и попы» и «люди на крещенье приводилъ по всѣмъ градомъ и селамъ», такъ и то, что онъ привлекалъ дѣтей къ ученью. Ярославъ также прославлялся за то, что онъ—«любя церковные уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризцѣ и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне и собра писцѣ многы и прокладаше отъ грекъ на Словѣнское писмо и списаша книгы многы, и списка, ими же поучающея вѣрніи людье, наслаждаются ученья божественнаго. Яко же бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣетъ, ины же пожинаютъ и ядятъ пищу бескудну; тако и сь—отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекши крещеньемъ просвѣтивъ; сѣ жь насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное» [3]). Отсюда видно, что любовь къ попамъ и черноризцамъ въ то время прославлялась наравнѣ съ любовью и прилежаніемъ къ книгамъ, а насажденіе «книжныхъ словесъ» полагалось настолько же важнымъ, какъ и «просвѣщеніе» людей крещеніемъ. Примѣры эти, конечно, не единственные; подобнаго же рода указанія находимъ мы въ извѣстіяхъ о дѣтяхъ и внукахъ Ярослава, о Галицкомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ (Осмомыслѣ), о дочери Всеволода Ярославича Аннѣ и т. д.

[1]) Хмыровъ—«Училища и образов. на Руси до-петровской», стр. 64.
[2]) «Истор. Россіи», II, стр. 239.
[3]) «Полн. собр. русск. лѣт.» Лавр. лѣт., стр. 66.

Такъ относились къ грамотѣ лица великокняжескаго происхожденія, но, какъ это указывалось уже выше, такимъ же характеромъ отличалось отношеніе къ грамотности лицъ и другихъ классовъ тогдашняго общества. Какъ для князей, такъ и для другихъ лицъ грамота имѣла тогда совершенно одинаковое значеніе.

Родившись на почвѣ не экономической и матерьяльной, а только духовной потребности, грамотность того времени имѣла задачею служить почти исключительно духовнымъ интересамъ; а эти послѣдніе, будучи въ то же время интересами вѣры и религіи, были совершенно одинаковы, какъ у князя, такъ и у простолюдина. Разницы въ этомъ отношеніи между высшимъ и низшимъ классомъ народа не замѣчалось, и, по мѣткому замѣчанію Лешкова, древняя Русь представляла изъ себя въ этомъ отношеніи такую же равнину, какъ и въ отношеніи физическомъ [1]).

II.

Кромѣ разсмотрѣнной уже особенности, но въ тѣсной связи съ нею, наша старинная грамотность въ значительной степени отличалась также догматичностью, основанной на характерѣ той религіозности, которую внесло принятое изъ Византіи христіанство. «Восточно-византійская доктрина, — говоритъ А. Щаповъ: — имѣла своей задачей не интеллектуальное, не научно-мыслительное развитіе русскаго народа, а одно нравственно-религіозное воспитаніе... въ программу ея не входило ни возбужденіе всеобщей самодѣятельности мышленія, разума, ни распространеніе такихъ способовъ развитія мыслительныхъ способностей народа, какъ классическая литература и наука и т. п.»; при чемъ «истинно-христіанское начало стѣснялось односторонней догмой» [2]).

Причины, опредѣлившія догматичность древняго обученія, вмѣстѣ съ этимъ обусловили взглядъ на обученіе, какъ на воспитательное воздѣйствіе, и на училища, какъ на воспитательныя учрежденія (взглядъ, какъ извѣстно, имѣющій своихъ сторонниковъ и понынѣ), а вмѣстѣ съ тѣмъ, причины эти ограничили кругъ древняго обученія изученіемъ книгъ исключительно религіознаго характера и установили тотъ взглядъ на грамоту и книгу, въ силу котораго самое занятіе ученьемъ считалось знаменательнымъ и душеполезнымъ. Въ сущности говоря, это было даже не ученье, въ теперешнемъ смыслѣ этого слова, а изученіе тѣхъ немногихъ книгъ священнаго писанія, которыя тогда имѣлись, и притомъ такое, которое основывалось не на внимательномъ чтеніи и обсужденіи читаемаго, а главнымъ образомъ — на буквальномъ выучиваніи этихъ книгъ. Этимъ-то, быть можетъ, и объясняется легкость, съ которою пользовались текстами св. писанія древніе наши начетчики.

---

[1]) «Русск. народъ и государство», стр. 446.

[2]) «Соціально-педагог. условія развитія русскаго народа», стр. 12—24.

Извѣстно также, что почти до послѣдняго времени такой способъ изученія книгъ, и даже не одного св. писанія, твердо сохранялся въ начальныхъ школахъ и особенно въ бурсѣ и въ семинаріяхъ, гдѣ все училось «на зубокъ»; при чемъ и основанія въ пользу такого способа изученія, по характеру своему, были очень близки понятіямъ допетровскаго времени: «умнѣе книжнаго не скажешь, а исказивши текстъ, пожалуй, и еретическое мнѣніе выскажешь».

Боязнь исказить не только мысль, но даже каждое слово св. писанія, боязнь эта, сохранившаяся и доселѣ въ извѣстной части старообрядчества, была особенно сильна у нашихъ предковъ (припомнимъ, напримѣръ, споръ о томъ, какъ слѣдуетъ писать: Іисусъ, или Исусъ, электоръ или алекторъ, повторять-ли данное слово два раза (сугубить) или три раза (трегубить) и т. д.). До какой степени догматично относились тогда ко всякому слову св. писанія, показываетъ извѣстный споръ, возбужденный, при исправленіи Потребника въ 1615 году, уничтоженіемъ (и при томъ, какъ оказалось впослѣдствіи, вполнѣ основательнымъ) словъ—«и огнемъ» въ молитвѣ при водоосвященіи: лица, осмѣлившіяся вычеркнуть эти слова были брошены въ тюрьму, гдѣ и страдали цѣлый годъ, а одного изъ нихъ—Діонисія, кромѣ того, еще душили «дымомъ въ палатахъ», морили голодомъ и съ позоромъ водили въ кандалахъ на торжища, гдѣ въ него, какъ еретика, кидали грязью.

Измѣненіе словъ, даже перестановка ихъ, не измѣнявшая смысла текста «божественныхъ книгъ» были равносильны оскорбленію Божества и легко могли вызвать обвиненіе не только въ «суемудріи», но даже и въ еретичествѣ [1]).

Мало этого, боязнь исказить букву писанія или отступить отъ установившейся и освященной церковью традиціи нѣкоторые ревнители благочестія распространяли такъ далеко, что считали грѣховнымъ не только исправленія (хотя бы и согласныя съ здравымъ смысломъ) книгъ или необычное толкованіе какого-либо текста, но даже отступленіе отъ той послѣдовательности, въ которой шло обычное обученіе и изученіе книгъ священнаго писанія.

---

[1]) Есть основанія полагать, что такого рода отношеніе къ книгѣ и ученію, даже долго спустя послѣ указаннаго времени, все еще сказывалось въ нѣкоторыхъ указахъ высшаго духовенства, постановленіяхъ, правилахъ и т. п. Намъ лично, напримѣръ, пришлось видѣть въ библіотекѣ Московской Синодальной типографіи экземпляръ — повидимому, корректурный—азбуки, изданной въ 1801 году подъ заглавіемъ «Начальное ученіе Россійскому церковному и гражданскому чтенію» (каталога библ. № 5702), гдѣ, среди различныхъ корректурныхъ поправокъ, около зачеркнутыхъ славянскихъ складовъ, имѣется, между прочимъ, такая помѣтка: «Церковные склады всѣ набрать по прежней азбукѣ *въ силу указа*»; такая же помѣтка сдѣлана и сбоку напечатаннаго въ этомъ букварѣ катехизиса. Нельзя, конечно, настаивать на безусловной основательности только что высказанной догадки, но едва-ли не опрометчиво было бы и отрицать ее.

Характерный примѣръ такой вѣрности традиціи представляютъ собою, вызванныя новшествами Ѳеофана Прокоповича, замѣчанія Дм. Кантеміра (отца сатирика А. Кантеміра). Въ возраженіяхъ своихъ Кантеміръ опирался на авторитетъ «промышляющей мати церкви соборной» [1]), которая «можетъ быть пріемши отъ самыхъ апостоловъ (якоже древность употребленія показуетъ) своимъ чадомъ, ученію письменъ приложитися имущимъ, *образъ и правила показала и уставила, что имъ первѣе, что же послѣжде слушати и отъ какого ученія... начинати подобаетъ*»; при чемъ писатель этотъ указывалъ, что согласно тому «расположенію», которому учитъ церковь, ученику, приступающему къ ученью, слѣдуетъ «отъ учителя своего во-первыхъ слышати имя и призываніе святаго и животворящаго креста, второе—во имя Отца и Сына и св. Духа; третіе: алфавиту или азбукѣ учимы бываютъ; четвертое: изучаютъ молитву, яже глаголется св. Отецъ, т.-е. «За молитвы св. Отецъ» и проч.; пятое: Богородице, дѣво радуйся. Такъ бо отъ низшаго степени возводятъ къ высшимъ умъ отроковъ... Шестое: Царю небесный; седьмое: Трисвятое; восьмое: Слава Отцу; девятое: Пресвятая Тройце; десятое: Отче нашъ; одиннадцатое: пріидите поклонимся; двѣнадцатое: Вѣрую во единаго Бога... Сія бо суть основанія, или (мы мочь будетъ рещи) стихіи катехизиса, яже мати св. Церковь сыномъ своимъ во-первыхъ къ наученію предложила». Указавши, что послѣ изученія этихъ «стихій катехизиса» должно слѣдовать по порядку: ученіе вечернихъ и утреннихъ молитвъ, а «также и всего церковнаго чина», чтеніе октоиха, ученіе «царскихъ и пророческихъ псалмовъ», апостола, а въ концѣ концовъ и «художества грамматическаго», Кантеміръ затѣмъ прибавляетъ, что если кто-нибудь рѣшилъ бы примѣнить другой «чинъ», т.-е. изученіе указанныхъ предметовъ, то былъ бы заподозрѣнъ, какъ «древняго обычая истребитель, и презираемъ былъ бы».

Такимъ образомъ, отличаясь съ внѣшней стороны догматичностью и всеобщностью, наша старинная грамотность имѣла въ виду исключительно почти задачи духовно-нравственныя, религіозныя.

Кромѣ тѣхъ указаній, которыя уже были представлены, эта особенность прежней грамотности и характеръ отношенія къ ней народа отчетливо оттѣняются также тѣми данными, которыя говорятъ о господствовавшемъ тогда способѣ обученія грамотѣ. Въ виду этого, а также и потому, что тотъ процессъ, съ помощью котораго образовался старинный грамотникъ, представляется очень любопытнымъ и интереснымъ, едва-ли будетъ лишнимъ нѣсколько остановиться надъ разсмотрѣніемъ и этой стороны дѣла.

III.

Вотъ что говоритъ о старинномъ методѣ обученія одинъ изъ изслѣ-

[1]) Цитир. по ст. Д. Извѣкова «Букварная система обученія въ исходѣ XVII и началѣ XVIII ст.», въ журн. «Семья и Школа» 1872 г. № 5, стр. 1070—1072.

дователей, г. Ив. Григорьевъ: «Грамотѣ въ тѣ времена обучали не только не такъ, какъ мы теперь обучаемъ, но и не такъ, какъ обучаютъ ей въ нашемъ простонародьѣ. Объ азбукѣ въ смыслѣ школьнаго учебника нѣтъ и помину до конца XV вѣка». Въ различныхъ памятникахъ говорится объ отдачѣ прямо въ «наученіе книжное», книгамъ учитися, «грамотѣ учиться», учити книжному писанію и т. п.,—но нигдѣ ни слова объ азбукѣ... Наконецъ, что особенно важно, отъ древности нашей не осталось ни одной азбуки. Изслѣдователь этотъ полагаетъ, что въ то время «обученіе грамотѣ совершалось такимъ образомъ: ученикъ сначала заучивалъ первый и послѣдующій за нимъ псалмы, глядя только въ книгу и слѣдя глазами за указкой учителя (повторяя, конечно, слова учителя); потомъ, при помощи учителя, ученикъ сличалъ одинаковыя слова, одинаковые слоги и наконецъ одинаковыя буквы, распознавая сначала гласныя, а потомъ и согласныя. Учебнымъ руководствомъ при этомъ служила псалтирь, послѣ нея переходили къ чтенію евангелія, дѣяній и посланій апостольскихъ, наконецъ, житія святыхъ; знаніе ветхаго завѣта считалось тогда еще роскошью и ставилось въ особую честь пріобрѣтшимъ его» [1]).

Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло обученія происходило именно такъ, какъ это предположено Григорьевымъ; но едва-ли не вѣрнѣе будетъ допустить, что такое руководство учителя, помогающаго ученику сличать сначала одинаковыя слова, потомъ слоги и т. д., въ большинствѣ случаевъ отсутствовало: для этого потребовалось бы такъ много педагогическаго навыка, умѣнья, находчивости и даже талантливости со стороны учителя, что едва-ли можно было этого требовать отъ «простыхъ мужиковъ», «мастеровъ» или учителей того времени [2]).

Гораздо вѣрнѣе предположить, что ученикъ самъ, выучивая подъ руководствомъ учителя псалтирь, привыкалъ мало-по-малу ассоціировать извѣстное начертаніе того или другого слова съ его звуковымъ произношеніемъ; чѣмъ чаще встрѣчалось какое-либо слово, тѣмъ, конечно, скорѣе привыкалъ ученикъ узнавать его; мало-по-малу, выучивши наизусть псалтирь, а иногда, кромѣ того, и часовникъ, ученикъ могъ читать и другія книги: быстрота обученія такимъ образомъ зависѣла не отъ быстроты соображенія, а отъ качества зрительной и слуховой памяти и отъ прочности ассоціацій зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій. И вотъ почему, конечно, обучавшіеся далеко не одинаково успѣвали въ изученіи грамоты. Изъ расходной книги царевича Алексѣя видно, что онъ началъ учить часословъ 6-го сентября 1635 года;

---

[1]) «Замѣтки по исторіи книжнаго просв. въ Россіи», въ «Эпохѣ» 1864 г. № 8, стр. 16 и 19.

[2]) Подобный методъ примѣнялся въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія швейцарскимъ педагогомъ Оливье; даже для этого талантливаго учителя преподаваніе по этому методу доставляло, очевидно, значительныя затрудненія.

псалтирь 21 февраля 1836 года, апостолъ 28 мая того же 1636 года; такимъ образомъ часословъ былъ выученъ въ пять съ половиною мѣсяцевъ, причемъ, повидимому, было достигнуто и искусство чтенія, такъ какъ дальнѣйшее ученье пошло быстрѣе. Разсматривая этотъ фактъ, не надобно, конечно, забывать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно исключительнымъ случаемъ по своей обстановкѣ, способствующей быстротѣ обученія; обыкновенно же дѣло шло гораздо мѣшкотнѣе: такъ, напримѣръ, даже такой незаурядный по уму человѣкъ, какъ Іосифъ Волоцкій, и тотъ учился грамотѣ гораздо дольше; но, по свидѣтельству его біографа, Саввы, Іосифъ «учашася разумно и *всѣхъ сверстниковъ превзыде единымъ годомъ изучи псалмы Давыдовы* и на другій годъ вся божественная писанія навыче»; цѣлый годъ, слѣдовательно, понадобился для того, чтобы выучить всю псалтирь, а съ тѣмъ вмѣстѣ научиться и чтенію. Но и такая быстрота обученія была исключительною; очень многіе и вовсе не могли научиться чтенію, хотя, быть можетъ, и пріобрѣтали знаніе псалтири или часослова, любое мѣсто которыхъ могли цитировать наизусть. Этимъ же объясняется и такое явленіе, какъ умѣнье читать только «выученную» книгу безъ умѣнья прочесть всякую другую: «А се приведутъ ко мнѣ мужика (ставленика), — жалуется Геннадій Новгородскій въ посланіи своемъ къ Симону митрополиту всероссійскому, — и язъ велю ему апостолъ дати чести, и онъ *не умѣетъ ни ступити*, и язъ ему псалтырю дати, и онъ и по тому едва *бредетъ*». Въ этомъ же посланіи находимъ мы и другое свидѣтельство, указывающее на тогдашній способъ обученія: «А се мужики невѣжи учятъ робятъ, да рѣчь ему испортятъ, да *первое изучитъ ему вечерню*, — ино то мастеру принести каша да гривна денегъ; а *завтреня* также, а и свыше того; а часы — то особно, да и тѣ поминки опроче могорца (могарыча), что рядилъ отъ него». Неумѣнье читать «незнакомую», не «выученную» книгу встрѣчалось долго спустя и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже на нашей памяти [1]).

Введеніе въ курсъ обученія грамотѣ азбуки, о которой едва-ли не одно изъ первыхъ извѣстій находимъ въ томъ же посланіи Геннадія, ничуть, повидимому, не измѣнило укоренившагося метода обученія чтенію. Она изучалась такъ же догматически, какъ псалтирь, и есть основаніе полагать, что ученики учили наизустъ даже тѣ отдѣлы этихъ азбукъ и букварей, которые предназначались спеціально для учителя. Да и самый алфавитъ изучался, повидимому, не въ качествѣ элементовъ словъ: можно думать, что самыя названія буквъ имѣли, между прочимъ, задачею доставлять извѣстныя моральныя заключенія, существованіе которыхъ заставляютъ подозрѣвать такія сочетанія, какъ «рцы слово твердо», «нашъ онъ покой», «како люди мыслете» и т. п.

[1]) См. въ «Русск. Стар.» 1875 г., т. XIII, оперу, написанную въ 1780 г. Я. Соколовымъ (стр. 293—297), «Обзоръ 25-лѣтн. дѣят. моск. земства по нар. обр.», стр. 15, а также «Докл. вологод. губ. земск. упр.» 1870 г., стр. 177.

Вотъ, повидимому, довольно вѣрная картина, рисующая первый приступъ къ обученію грамотѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поясняющая отчасти и его методъ: «Съ 1-го декабря наши предки начинали учить дѣтей своихъ грамотѣ. Для сего заранѣе условливались съ приходскимъ дьячкомъ или другимъ лицомъ. Все семейство отправлялось въ церковь, гдѣ, кромѣ обѣдни, служили молебенъ, испрашивая благословеніе на отрока. Учитель являлся въ назначенное время въ домъ родителей, гдѣ его встрѣчали съ почетомъ и ласковымъ словомъ, сажали въ передній уголъ съ поклонами. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передавалъ его учителю съ просьбами: научить уму разуму и за лѣность угощать побоями. Мать, по обыкновенію, стоя у дверей, должна была плакать: иначе худая слава пронеслась бы во всемъ околоткѣ. Ученикъ, приближаясь къ учителю, долженъ былъ сотворить ему три земные поклона. Послѣ сего учитель ударялъ осторожно своего ученика по спинѣ три раза плеткой. Мать сажала сына за столъ, вручала ему узорчатую костяную указку, учитель развертывалъ азбуку и начиналъ великомудрое ученіе: *азъ, земля, еръ,—азъ*. Мать усугубляла свой плачъ и умоляла учителя не морить сына за грамотой. На одномъ *азъ* оканчивалось первое ученье. Учителя послѣ трудовъ угощали, чѣмъ Богъ послалъ, и дарили подарками» [1]).

Тутъ, какъ видно, въ рукахъ учителя была азбука съ указаніемъ названія буквъ: Азъ—А, Буки—Б, и т. д. Ученикъ такъ и училъ: азъ, земля, еръ,—азъ. Буки, у—бу, како, иже, и—ки,—буки, и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ азбукѣ, рядомъ съ буквами, были помѣщены слова, начинающіяся этими буквами, все такъ подъ рядъ и училось: Азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, буки—Богъ, Божество, Богородица и т. д. Если въ букварѣ помѣщалось предисловіе, то ученикъ, еще не приступившій къ изученію азбуки, выучивалъ и его. «Для теперешняго читателя,—говоритъ Д. Извѣковъ,—странно и непонятно, зачѣмъ въ началѣ букваря помѣщены наставленія, которыхъ неграмотныя дѣти не въ состояніи прочитать и усвоить. Но въ старинной школѣ все прочитывалъ учитель и дѣти дословно учили и зубрили читанное, хотя и «не сладостно», при чемъ «ученики нараспѣвъ и механически повторяли сотни разъ то, что говорилъ имъ учитель и постоянно повторяли зады, чтобы потихоньку простираться «въ предняя» [2]).

---

[1]) Сахаровъ—«Сказанія русск. народа», II, кн. VII, стр. 67.

[2]) «Букварная система обученія въ исходѣ XVII и нач. XVIII ст.» въ «Семьѣ и Шк.» 1872 г., №° 4, стр. 738. О способѣ изученія складовъ, а затѣмъ и словъ читаемъ слѣдующій совѣтъ Епифанія Словенецкаго: «Внятно требуетъ учити; сице первое сложи два письмена, гласное съ согласнымъ и рцы, *буки азъ*; таже сотвори препятствіе гласомъ, или отдохновеніе и рцы слогъ *ба*; паки и два письмена совокупи, сице *вѣди азъ*, и паки содѣлай препинаніе гласа, также рцы слогъ *ва*; сице

Послѣ азбуки ученикъ приступалъ къ изученію псалтыри, которое велось такъ же, какъ и до примѣненія азбуки. Припомнимъ, какъ учился Митрофанъ Простаковъ:

«*Кутейкинъ*: (открываетъ часословъ, Митрофанъ беретъ указку). Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмъ червь.

Митрофанъ: Азъ же есмъ червь...

Кутейкинъ: Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмъ скотъ.

Митрофанъ: Азъ есмъ скотъ...

Кутейкинъ: (Учебнымъ голосомъ). А не человѣкъ...

Митрофанъ: А не человѣкъ...

Кутейкинъ: Поношеніе человѣковъ...

Митрофанъ: Поношеніе человѣковъ...» и т. д.

Легко представить, насколько тяжелъ, какъ томительно-однообразенъ былъ такой способъ обученія. Съ утра до вечера сидѣлъ ученикъ у дьячка или у «мастера» и нараспѣвъ училъ, много разъ повторяя одно и то же, одну и ту же строчку складовъ или псалтыри. Приходилъ учитель, или подходилъ «старшой» (тоже ученикъ, но уже вкусившій книжной премудрости), «прослушивалъ» ученика, проговаривалъ нараспѣвъ же новую строчку и опять начиналъ ученикъ монотонно вытягивать одно и то же.

Можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы у дѣтей 7, 8 или даже 10 лѣтъ хватало столько силъ и энергіи, чтобы не утомиться этимъ однообразіемъ, не потерять бодрости и той доли воспріимчивости, которая необходима даже и при такомъ способѣ обученія. Это и дѣйствительно было бы невѣроятнымъ, еслибы у нашихъ старинныхъ учителей не было въ рукахъ того педагогическаго средства, которое не давало ученикамъ погрузиться въ гипнотическое состояніе. Средствомъ этимъ была столь любезная сердцу педагоговъ того времени *розга*, которая, по ихъ наблюденію, «умъ острила, память возбуждала» [1]). Не говоря о томъ, что обученіе, основанное на страхѣ «жезла» и учителя, вполнѣ соотвѣтствовало педагогическимъ понятіямъ нашихъ предковъ, розга, повидимому, была въ то время необходимой и со стороны чисто практической: въ самомъ дѣлѣ, какими средствами наши старинные педагоги могли обострить умъ ученика, отупѣвшій за день монотоннаго повторенія одного и того же, или чѣмъ также могли они возбудить память, заснувшую подъ однообразный шумъ школы, еслибы не было подъ руками розги. Другія средства не были

и приписьменные слоги слагай: *слово люди азъ* и стани, также рцы слогъ: *сла*; паки слагай: *вѣди люди ю*, и отдохнувъ рцы слогъ: *влю*. По семъ глаголи все рѣченіе купно—*славлю*. тако и прочая по сему учи» (Ibid).

[1]) Относительно значенія въ древней педагогіи *розги* см. упомянутыя ст. Забѣлина въ «От. Зап.», Извѣкова въ «Семьѣ и Школѣ», Лавровскаго въ «Чт. въ Имп. Общ. истор. и древн.» 1861 г., т. III; Хмырова въ «Нар. Школѣ», которая цитируется ниже.

извѣстны, и вотъ, быть можетъ, почему такъ любовно относились къ розгѣ школьные учителя въ «доброе старое время». «Благослови, Боже, оные лѣса,—восклицаетъ, напримѣръ, одинъ изъ этихъ педагоговъ,—иже розги добрыя родятъ на долгія времена»; «Цѣлуйте розгу,—требуетъ другой,—бичъ и жезлъ лобзайте: та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте», и т. п. Старинные азбуковники, какъ извѣстно, наполнены стихотвореніями, прославляющими розгу. И есть основаніе полагать, что стихотворенія эти такъ же добросовѣстно выучивались учениками, какъ и помѣщенныя въ азбукѣ молитвы, заповѣди и т. п.

Едва-ли не единственнымъ достоинствомъ примѣненія при обученіи чтенію азбуки составляло въ это время то, что въ періодъ изученія книги, ученикъ скорѣе приходилъ къ сознанію, что многочисленныя попадающіяся ему слова состоятъ изъ небольшого числа знаковъ, а затѣмъ, конечно, мало-по-малу приходилъ къ сознанію того, что этимъ знакамъ соотвѣтствуютъ опредѣленные звуки голоса, послѣ чего ученикъ могъ уже сознательно отнестись къ искусству чтенія и читать уже всякую книгу. Есть прямыя указанія на то, что такое пониманіе было, дѣйствительно, присуще чтецамъ того времени. Такъ, напримѣръ, въ букварѣ, изданномъ въ 1701 г. [1]), читаемъ слѣдующее: «Чего ради писмена зовутся — ова убо гласная, ова согласная, ова же—припряжногласная? Гласныя зовутся, понеже безъ приложенія согласнаго писмене гласъ издаютъ, и слогъ творятъ чрезъ себѣ самыя, яко *а* (а не азъ), е (а не есть), і», и т. д. [2]). Но такое пониманіе значенія буквъ, какое мы видимъ у составителей букварей и которымъ, безъ сомнѣнія, обладали многіе, если не всѣ учителя, ни къ чему, конечно, ихъ не обязывало, и ученики продолжали учиться такъ, какъ это было установлено вѣковой традиціей, и, почемъ знать, можетъ быть, наизусть заучивали тѣ строки букваря, которыя приведены на этой страницѣ и предназначались исключительно для учителя.

Такимъ образомъ, при томъ способѣ обученія, который тогда практиковался, прежде чѣмъ научиться читать, ученикъ долженъ былъ выучить наизусть не только азбуку и склады, но и массу апофегмъ, много различныхъ изрѣченій изъ книгъ свящ. писанія, молитвъ, наконецъ, псалтирь, а иногда еще и часовникъ; говоря иначе, въ самый періодъ обученія грамотѣ, но еще не обучась ей, ученикъ невольно получалъ то, что входило въ кругъ тогдашняго образованія или составляло первую ступень его—знаніе наизусть псалтири, часослова и многихъ текстовъ; а если это такъ, то едва-ли парадоксомъ будетъ сказать, что въ то время не грамотность (въ теперешнемъ смыслѣ слова), т.-е. не умѣнье читать, предшествовала образованію, а наоборотъ —

---

[1]) «Букварь славяно-греко-латинскій» — въ библіотекѣ при москов. синод. типогр.; каталога № 99.

[2]) Въ скобкахъ замѣчанія наши.

извѣстная степень образованія предшествовала грамотности. Отсюда, между прочимъ, дѣлается понятнымъ и смыслъ извѣстной старинной пословицы: «ученье свѣтъ, а неученье—тьма»; самый актъ ученья грамотѣ тогда доставлялъ уже нѣкоторый «свѣтъ», такъ какъ до извѣстной степени способствовалъ уже душеспасительному просвѣщенію, а это-то именно и составляло цѣль тогдашняго образованія.

Старинная грамотность, вызванная не матерьяльными потребностями жизни, а исключительно почти духовными ея интересами, была поэтому особенно тѣсно связана съ этими послѣдними. Однако, и соціально-экономическія условія жизни народа, съ своей стороны, тоже не могли не имѣть извѣстнаго значенія: опредѣляя извѣстный уровень благосостоянія, они опредѣляли широту и силу распространенія грамотности. Но эта связь экономическихъ факторовъ съ грамотностью въ древній періодъ нашей исторіи имѣла, такъ сказать, только внѣшній, механическій характеръ. Отсюда дѣлается вполнѣ понятнымъ значеніе въ исторіи грамотности и тѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ числѣ которыхъ первое по времени мѣсто занимаетъ татарское владычество. Выясняя, какъ повліяло это послѣднее на нашу грамотность, прежде всего приходится убѣдиться, что на характеръ отношенія народа къ грамотѣ татарщина едва-ли оказала какое-либо воздѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ: ни христіанство вообще, ни церковность и духовенство въ частности татарами не преслѣдовались, а напротивъ, духовенство, какъ извѣстно, освобождалось татарами отъ дани и притѣсненій, «чтобы духовные не проклинали хана, но въ покоѣ за него молились» [1]); а если это такъ, то очевидно, что татарщина не могла оказать прямого вліянія на характеръ отношенія къ грамотѣ, который опредѣлялся исключительно почти религіозно-нравственными понятіями.

Совершенно противоположное приходится отмѣтить, разсматривая вліяніе татарскаго владычества на ростъ грамотности. Уже одно то, что народъ, экономически обездоленный и угнетенный, не могъ имѣть тѣхъ средствъ, которыми пользовался онъ ранѣе съ цѣлью удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, уже одно это способно было затормазить развитіе грамотности. Затѣмъ самая мысль народа и выдающихся его представителей направлена была теперь крайне односторонне: освободиться отъ татарскаго гнета, или съ помощью татаръ же добиться сколько-нибудь независимаго существованія,—вотъ тѣ задачи, которыя занимали сильнѣйшіе умы того времени; все остальное имѣло значеніе менѣе, чѣмъ второстепенное. И вотъ почему, вѣроятно, грамотностью и образованностью не отличались даже выдающіяся личности этой эпохи; извѣстно, напримѣръ, что Дмитрій Донской «изученъ книгамъ не былъ», а Василій Темный не былъ «ни книженъ, ни грамотенъ». По мѣрѣ того, однако, какъ освобожденное отъ татар-

[1]) Соловьевъ. «Исторія Рос. съ древн. вр.», т. IV, стр. 275.

ской зависимости государство становилось на путь болѣе безпрепятственнаго развитія; по мѣрѣ того, какъ оно укрѣплялось и политически и экономически,—стала распространяться и грамотность.

Но въ это же самое время стало проявляться вліяніе новаго врага народнаго образованія, врага болѣе страшнаго, чѣмъ внѣшняя татарская зависимость, вліяніе зависимости крѣпостной. Вполнѣ законченное прикрѣпленіе крестьянъ почти вовсе оторвало ихъ отъ грамотности; знаніе грамоты въ громадномъ большинствѣ случаевъ не могло имѣть для крѣпостного никакого практическаго значенія; что же касается до удовлетворенія потребности духовной, то крѣпостное право не предоставляло для этого возможности.

Совершенно иное значеніе стала въ то же самое время пріобрѣтать грамотность въ правящихъ классахъ государства. Усложненіе различныхъ сторонъ государственной жизни приводило къ тому, что для правительства грамотность становилась необходимою уже и практически: для управленія государствомъ нужны были тысячи грамотныхъ людей, явилась надобность въ цѣлыхъ учрежденіяхъ, требующихъ того или иного круга знаній или умѣній, что въ концѣ концовъ и привело къ учрежденію различныхъ профессіональныхъ училищъ, для поддержки которыхъ правительство не щадило ни средствъ, ни усилій, пользовалось и поощрительными и понудительными мѣрами. Образованіе же народа оставлено было на произволъ судьбы: «Низшій классъ народа, остававшійся тогда въ крѣпостной зависимости,—говоритъ Окольскій, давая оцѣнку положенію дѣла народнаго образованія въ этотъ періодъ русской исторіи, на столько тогда принимался, вообще говоря, во вниманіе, на сколько, уплачивая подати, онъ доставлялъ матерьяльныя средства государству, на сколько въ рекрутской повинности уплачивалъ свой долгъ крови государству. Для управленія народомъ необходимо было кое-какое просвѣщеніе, но для исправнаго взноса податей, для того, чтобы устоять противъ врага на полѣ брани, не требовалось по тогдашнимъ понятіямъ образованія» [1]). То же самое по этому же поводу, но только другими словами, отмѣчаетъ и другой изслѣдователь исторіи образованія—Владимірскій-Будановъ.

И вотъ почему, конечно, документы, относящіеся къ исторіи образованія въ Россіи въ XVI—XVIII вѣкахъ, почти не касаются положенія образованія громаднаго большинства народа и почти ничего не говорятъ объ отношеніи его къ грамотѣ. Можно думать, однако, что въ данномъ отношеніи за это время не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій; это видно и изъ того, что даже въ концѣ XVIII столѣтія исторія народнаго образованія отмѣчаетъ факты, дающіе основаніе полагать, что даже въ это, сравнительно недавнее время, потребность въ грамотѣ ощущалась большинствомъ, какъ и ранѣе, лишь по

[1]) «Отношеніе госуд. къ нар. обр.», стр. 171.

стольку, по скольку она удовлетворяла религіозно-нравственнымъ его потребностямъ. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію данныхъ, рисующихъ вообще положеніе дѣла народнаго образованія въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, хотя этотъ предметъ и выходитъ изъ рамокъ нашей статьи.

IV.

Въ 1775 году забота объ учрежденіи училищъ возложена была на «приказы общественнаго призрѣнія». Но такъ какъ у «приказовъ» не было для этого ни необходимыхъ средствъ, ни знанія дѣла, ни даже желанія вести его, то въ 1782 г. была назначена коммиссія, на которую возложено: 1) составить общій планъ и уставы училищъ, 2) составить учебныя книги, 3) изыскать мѣры для приготовленія учителей и 4) изыскать средства для устройства школъ по всей имперіи. Коммиссія нашла необходимымъ учредить училища, раздѣлить ихъ на «главныя» и «малыя»; методомъ для первоначальнаго обученія рекомендовала ланкастерскую систему; для приготовленія же учителей предполагалось открыть особое училище. Въ 1786 году изданъ былъ, наконецъ, и «общій уставъ *народныхъ училищъ*», и въ теченіе 2 лѣтъ открыты главныя народныя училища въ 26 губернскихъ городахъ, причемъ въ Петербургѣ отъ главнаго народнаго училища отдѣлена была особая семинарія, подъ названіемъ учительской, имѣющая цѣлью снабжать учителями главныя училища, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ учреждены «малыя народныя училища» [1]).

Тутъ мы впервые встрѣчаемъ названіе «народнаго училища»; но терминъ этотъ означалъ въ данномъ случаѣ вовсе не то, что подъ нимъ подразумѣвается въ настоящее время: школы эти предназначались только для городовъ и только для «городскихъ» сословій.

Учреждаемыя училища, состоя въ вѣдѣніи главной коммиссіи, подчинены были «приказамъ общественнаго призрѣнія» и поручены попечительству губернаторовъ.

Предначертанія правительства потерпѣли, однако, полную неудачу: порученіе училищъ «приказамъ» и губернаторамъ оказалось самой неудачной мѣрой. «Приказы» этимъ были совсѣмъ не заинтересованы; еще относительно «главныхъ» училищъ они прилагали нѣкоторую заботу, но заботу о «малыхъ» училищахъ поспѣшили свалить на городскія думы. А такъ какъ жители городовъ вовсе были не расположены къ тому, чтобы посылать дѣтей своихъ въ подобныя школы, то, «вмѣсто заботъ объ открытіи новыхъ училищъ, городскія думы входили съ предложеніемъ о закрытіи тѣхъ училищъ, которыя уже существовали» [2]). Число учащихся въ этихъ школахъ, не смотря на

[1]) Н. А. Лебедевъ—«Историческій взглядъ на учрежденіе училищъ...», стр. 118—122.

[2]) Миропольскій—«Школа и государство», стр. 51.

заботливость оффиціальныхъ радѣтелей училищъ, не увеличивалось. «Губернское начальство «наиприлежнѣйше рекомендовало какъ можно стараться о пріумноженіи числа учениковъ, внушая гражданамъ происходящую отъ ученья пользу»; городничіе заботились о томъ же. Но число поступавшихъ не возростало, и многіе учившіеся выбывали по разнымъ причинамъ. Смотритель углицкаго училища просилъ городскую думу призвать упорныхъ родителей «для внушенія имъ сугубой пользы отъ ученія происходимой». Родители были призваны, но одни изъ нихъ отговаривались болѣзнями дѣтей, другіе своею бѣдностью. Нѣкоторые купцы сказали, что они своихъ дѣтей въ училище отпускать не желаютъ, «ибо-де они преподанными учебными предметами довольны, въ дѣтяхъ же своихъ имѣютъ нужность для обученія промысла и торгоборства». Иные сказали, что «запримѣчаютъ дѣтей своихъ къ ученью неспособными». Нашлись и такіе, которые прямо объявили, что берутъ дѣтей своихъ потому, что видятъ чрезвычайно мало успѣховъ, а дѣти ихъ терпятъ отъ учителей притѣсненія и побои, притомъ же они нужны имъ «для обученія купецкой коммерціи». Посадская вдова, подтвердивъ, что сынъ ея не былъ въ классѣ 1.154 раза, прибавила: «сына своего болѣе учить не желаю, сочтя себя преподанными науками довольною» [1]).

Какъ видимъ, придумывались и приводились всевозможные мотивы, которые, будто бы, препятствовали посадскимъ людямъ обучать своихъ дѣтей въ малыхъ народныхъ училищахъ. И только одинъ изъ этихъ мотивовъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія,—это именно тотъ, который говоритъ о малыхъ успѣхахъ учениковъ и о претерпѣваемыхъ ими обидахъ отъ учителей. Дѣйствительно, не смотря на то, что оффиціально было предположено назначать въ открываемыя школы учителей, умѣющихъ учить по «опробованному способу» и по спеціально для того составленнымъ книгамъ, учители этихъ школъ были плохи и обученіе велось очень дурно. Новый способъ обученія, въ разработкѣ котораго главное участіе принималъ спеціально для этого приглашенный австрійскій педагогъ Янковичъ-де-Меріево,—способъ и въ самомъ дѣлѣ неудобопонятный,—не могъ быть усвоенъ учителями, не получившими для этого ни достаточнаго образованія, ни развитія. Положеніе ихъ было крайне безправное; они получали такъ мало содержанія и жили такъ бѣдно, что единственное утѣшеніе большинство ихъ находило въ водкѣ [2]). Требовать отъ нихъ разумнаго примѣненія какого-либо метода обученія, кромѣ того, съ помощью котораго они обучались сами, было прямо невозможно. И если учителя народныхъ училищъ учили азбукѣ, замѣняя прежнее «трудное и для нѣжныхъ нервовъ тягостное

[1]) Сухомлиновъ—«Замѣтки объ училищахъ и народн. образ. въ Яросл. губ.», въ «Журн. Мин. Н. Просв.» 1863 г. № 1 (т. CXVII), стр. 126.

[2]) А. Вороновъ—«Историко-статист. обозрѣніе учебныхъ завед. Спб. округа», стр. 14, 15 и 119.

буквъ названіе» другимъ, т.-е., вмѣсто азъ, буки, вѣди, стали учить: а, бе, ве и т. д., то отъ этого сущность дѣла измѣнилась очень мало: ученіе велось такъ же догматично и механически, какъ и прежде. а результаты обученія въ этихъ школахъ были не лучше тѣхъ, которые получались при обученіи у дьячковъ, отставныхъ солдатъ и пр., которые учили и не по «опробованному способу».

Но эти-ли недостатки были причиною того, что учрежденныя правительствомъ школы вызывали пассивное противодѣйствіе населенія? Можно думать, что—нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, если населеніе было недовольно порядками и результатами обученія въ новыхъ школахъ, то развѣ старыя были лучше? Вотъ, напримѣръ, какую картину даетъ намъ въ своихъ запискахъ артиллеріи маіоръ Даниловъ объ его ученіи у дьячка Филиппа Бурдастаго: «Памятно мнѣ мое ученіе у Бурдастаго и поднесь, по той, можетъ быть, причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобы во мнѣ тогда была лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Бурдастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученье претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція—меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе» [1]).

Припомнимъ далѣе школу такого же типа (хотя существовавшую въ болѣе позднее время), въ которой учился поэтъ Шевченко, въ которой—въ цѣляхъ лучшаго усвоенія четвертой заповѣди — существовали поголовныя субботнія порки. Результаты обученія въ этихъ школахъ, очевидно, тоже едва-ли были блестящи. Но, въ такомъ случаѣ, чѣмъ же объясняется, что эти послѣднія школы, не смотря на ихъ преслѣдованіе, продолжали успѣшно конкуррировать со школами новыми, заводимыми правительствомъ, которое всѣми мѣрами старалось привлечь къ нимъ учениковъ? Достаточное объясненіе этому даетъ слѣдующее указаніе «ордера», полученнаго въ 1793 году смотрителемъ нѣжинскаго училища и городничимъ: «Высочайшая воля есть, чтобы юношество обучаемо было по вновь изданнымъ книгамъ, и на тотъ конецъ завести народныя училища съ немалымъ отъ казны содержаніемъ. Хотя взяты были (вѣроятно, «при содѣйствіи полиціи», какъ это можно предположить по другимъ строкамъ того же ордера)

---

[1]) Вороновъ—«Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Меріево, или народныя училища въ Россіи при имп. Екатеринѣ II», стр. 64—65.

отъ дьячковъ и приведены въ училище, но пробыли тамъ одинъ только день и потомъ болѣе мѣсяца никто изъ нихъ не являлся. Причиною тому—дьячки, кои обучаютъ гражданскихъ дѣтей по старому методу; родители почитаютъ въ томъ только науку, что дѣти ихъ въ церквахъ читать могутъ псалтырь... Внушить (предлагаетъ поэтому ордеръ), что въ праздничный день должны водимы быть учителемъ въ церкву, гдѣ обученные могутъ пѣть и читать по церковнымъ книгамъ, чѣмъ и свершится ихъ удовольствіе» [1]). И такъ, основная причина предпочтенія, отдаваемаго школѣ дьячковской передъ школою правительственною: дьячковская школа давала то традиціонное «книжное ученье», которое давалось школами XI и XII вѣковъ. Требованіе такой именно школы и именно такого ученія исходило изъ того же основного мотива: какъ въ XI, такъ и въ XVIII вѣкѣ обыкновенному среднему человѣку грамота была нужна, главнымъ образомъ, только для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ потребностей; практическаго значенія (въ грубомъ смыслѣ этого слова), по крайней мѣрѣ для значительнаго большинства даже городского населенія, грамота еще почти не имѣла и въ XVIII столѣтіи.

До какой степени сильно было предубѣжденіе противъ новыхъ школъ и какъ сильна была привязанность къ школамъ старымъ, видно изъ того, что въ цѣляхъ насажденія своей школы власти должны были пойти на далеко не лестные для нихъ самихъ компромиссы. Такъ, не ограничиваясь тѣми мѣрами, которыя были указаны выше и которыя, очевидно, не казались еще настолько надежными, чтобы удержать въ школахъ учащихся, цитированнымъ выше ордеромъ предлагалось назначить «для ученья въ училищѣ — понедѣльникъ, вторникъ и среду—до обѣда, а среду—послѣ обѣда, четвергъ, пятницу и субботу—учиться у дьячковъ по церковнымъ книгамъ и пѣнію по ирмологію».

Сказанное въ настоящей главѣ относилось къ постановкѣ школьнаго дѣла въ городахъ и рисовало отношеніе къ грамотѣ людей посадскихъ и городскихъ. Но если и для этихъ послѣднихъ «совершалось удовольствіе» только въ томъ, что дѣти могутъ пѣть и читать по церковнымъ книгамъ, то тѣмъ съ большимъ правомъ можно сдѣлать такое заключеніе по отношенію къ массѣ населенія сельскаго; для него грамота въ то время не могла имѣть и той доли практическаго значенія, которую все-таки имѣла она для жителей посадовъ и городовъ. Соображеніе это достаточно подтверждается характернымъ примѣромъ Черниговской губерніи, гдѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія насчитывалось до 370 школъ и гдѣ введеніе крѣпостнаго права, а главнымъ образомъ правительственная опека, предписывавшая учить по «опробованнымъ» способамъ, по указаннымъ книгамъ, въ опредѣ-

---

[1]) Сухомлиновъ—«Училища и нар. образ. въ Черниговской губ.», въ «Журн. Минист. Нар. Просв.» 1864 г., т. CXXI, стр. 9.

ленные часы, подчиняться такимъ-то начальникамъ и т. д., сдѣлали то, что число школъ стараго типа стало быстро уменьшаться, и онѣ вовсе почти уничтожились [1]).

V.

Царствованіе императора Александра I въ дѣлѣ народнаго образованія отличается полнымъ затишьемъ; въ началѣ XIX столѣтія сельскихъ училищъ почти совсѣмъ не было, и только уставомъ 1804 года опредѣлено было заводить приходскія училища во всѣхъ селеніяхъ, такъ чтобы каждый приходъ или, по крайней мѣрѣ, два вмѣстѣ имѣли по одному училищу. Содержаніе ихъ возлагалось на счетъ прихожанъ въ казенныхъ селеніяхъ и на счетъ помѣщиковъ — въ помѣщичьихъ. Но такъ какъ крестьяне не имѣли надобности въ грамотѣ, а помѣщики не считали нужнымъ тратить деньги на обученіе крестьянъ, то проекту этому и не суждено было исполниться. И хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (какъ, напримѣръ, въ Новгородской, Олонецкой и Архангельской) и были открыты сельскія школы, но существованіе ихъ было недолговѣчно; большинство ихъ позакрылось въ теченіе первыхъ же двухъ, трехъ лѣтъ.

Въ теченіе второй половины царствованія Александра I, если не считать проектовъ библейскаго общества, забота о народномъ образованіи ничѣмъ не проявилась. Подъ вліяніемъ боязни политическихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Западной Европѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, заботы правительства почти исключительно направились на высшее образованіе, которое всячески ограничивалось и регламентировалось. «Постоянною темою совѣщаній главнаго управленія училищъ было водвореніе въ общественномъ воспитаніи началъ вѣры и монархизма, торжества Откровенія и покорности властямъ надъ порывами разума и воли... Отвергая свободу научнаго изслѣдованія и увлекаясь крайнею нетерпимостью, отрицали построеніе наукъ на независимыхъ основаніяхъ, и научный элементъ даже въ сферѣ богословія считали несовмѣстимымъ съ идеей чистой, неиспытующей вѣры» [2]). Вмѣстѣ съ геологіей изъ области наукъ изгонялась даже герменевтика. Профессору анатоміи предписывалось «находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію своему», а профессоръ математики, отрекомендовывая эту науку съ лучшей стороны, указывалъ слушателямъ, что между математикою и богословіемъ имѣется много общаго: какъ тамъ, такъ и здѣсь основаніемъ служитъ Единое, а гипотенуза, соединяющая низменное съ возвышеннымъ и горнее съ дольнимъ,—ясно представляется прообразомъ Христа.

---

[1]) Тамъ же, стр. 8.

[2]) «Матерьялы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I», стр. 3.

При такомъ направленіи энергіи и дѣятельности правительства ему, конечно, было не до заботъ о народномъ образованіи. Болѣе широкое развитіе этого послѣдняго представлялось едва-ли даже желательнымъ государственнымъ людямъ этого времени. Такъ, напримѣръ, министръ Шишковъ въ рѣчи, произнесенной 11 сентября 1824 года въ главномъ правленіи училищъ, сравнивая науку съ солью, замѣтилъ, что «науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и продаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ. Излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ противны истинному просвѣщенію. Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы» [1]). Развивая далѣе свою мысль, министръ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, «при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній, отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое высшее, но потребности людей тѣхъ состояній, которые должны получить въ нихъ окончательное образованіе». Замѣчаніе это интересно въ томъ отношеніи, что оно ясно высказало тотъ принципъ, который былъ положенъ въ основу дѣятельности по народному образованію въ слѣдующее царствованіе.

Съ 1828 года въ школьномъ дѣлѣ «вводится новый принципъ—«совершеннаго уравненія» или «единообразія учебищъ», попросту принципъ совершеннаго обезличенія школы, идеаломъ для которой признавалось единообразіе канцелярій и военнаго устройства. Самыя школы распредѣлены были по рангамъ, причемъ «приходскія училища должны были существовать преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ, промышленнаго низшаго класса, уѣздныя—для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ»... и т. д. Въ 1830 году въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ (забота объ образованіи крестьянъ помѣщичьихъ лежала на помѣщикахъ) заведены были такъ называемыя «волостныя училища», имѣвшія цѣлью, между прочимъ, «приготовлять способныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей».

Въ 1843 году задача этихъ учебищъ нѣсколько расширяется, хотя характеръ ея остается тѣмъ же: «Приходскія училища вѣдомства государственныхъ имуществъ, кромѣ общей цѣли—религіозно-нравственнаго образованія крестьянъ, назначаются для приготовленія лучшихъ изъ воспитанниковъ въ волостные и сельскіе писаря, въ фельдшера и землемѣрскіе помощники. Приходскія же училища вѣдомства удѣльнаго преслѣдуютъ также, кромѣ доставленія крестьянамъ необходимаго образованія, и цѣль спеціальную—приготовленіе писарей въ удѣльные конторы и приказы» [2]). Какъ видимъ, учрежденіе школъ имѣло

[1]) А. Вороновъ—«Историко-статист. обозр.», стр. 221.

[2]) «Проектъ устава общеобразов. учебн. завед. Министерства Нар. Просвѣщенія» стр. 96.

здѣсь своею задачею удовлетвореніе извѣстныхъ государственныхъ, или, вѣрнѣе говоря, правительственныхъ потребностей. Разница между этою мѣрою и тѣми, которыя практиковались въ XVIII столѣтіи, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что, въ предшествовавшія царствованія, исключительное вниманіе правительства обращало на себя образованіе людей «свободныхъ состояній», теперь же забота эта расширилась и въ первый разъ послѣ трехсотлѣтняго перерыва столкнулась съ интересами народа. Но такъ какъ самъ народъ не ощущалъ еще надобности ни въ тѣхъ школахъ, которыя для него заводились, ни въ томъ обученіи, которое ему предлагалось, то въ результатѣ этого столкновенія оказалось почти то же, что наблюдалось и ранѣе, при насажденіи школьнаго образованія для высшихъ сословій. Добровольно отдавать своихъ дѣтей въ школы охотниковъ почти не нашлось, и власти должны были прибѣгать къ набору, вродѣ рекрутскаго.

«Родители отдавали дѣтей въ училище, словно въ рекруты: богатые у властей откупались, а бѣдныхъ назначали. Бѣдняки являлись къ самому учителю съ яйцами, поросятами и другими припасами, умоляя его ослобонить дѣтей отъ ученья... Если иной разъ коммиссаръ являлся человѣкомъ честнымъ и, не желая брать взятокъ съ богатыхъ и притѣснять невольнымъ выборомъ дѣтей бѣдныхъ, не позволялъ того же дѣлать волостнымъ властямъ и предоставлялъ сельскимъ сходамъ самимъ выбирать ребять, то и сходы не прочь были отъ взятокъ[1]). Кромѣ того, «нерѣдко приходилось видѣть на спискахъ (выбранныхъ учениковъ), которые представлялись на утвержденіе чиновниковъ, такія отмѣтки: «Анна Харитонова—глуха и нѣма», «Степанида Карпова—подслѣповата», «Сергѣй Ивановъ—отъ природы дуракъ» и т. п.

Злоупотребленія при наборѣ со стороны волостныхъ правленій бывали особенно часты: «если волостному правленію поручалось набрать 10 мальчиковъ,—оно ихъ записывало 30 и болѣе, заставляло ³/₄ изъ нихъ выкупаться, а посылало учиться самыхъ бѣдныхъ. Зачастую случалось, что спустя нѣсколько времени, когда уже мальчикъ нѣсколько недѣль ходилъ въ училище, втягивался въ грамоту, родитель сколачивался со средствами, вносилъ выкупъ волостному правленію, и ребенка отпускали... Не успѣвши выкупить и вымолить сына изъ училища, крестьянинъ зачастую нанималъ изъ бѣдной семьи мальчика рублей за 20, и наемный учился за его мальчика». Ф. М. Бороздинскій, одинъ изъ лучшихъ учителей, по отзыву г. Семевскаго, представилъ этому послѣднему о ввѣренномъ ему училищѣ обстоятельную записку, въ которой, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее: «начинался курсъ, а правленіе не высылало ребятъ. Начиналась объ этомъ переписка, ребятъ высылали по одному, по два съ промежуткомъ цѣлыхъ недѣль;

[1]) Семевскій — «Грамотность въ деревн. госуд. крестьянъ Псковской губ.», стр. 8 и 10.

учитель долженъ былъ съ каждымъ начинать съизнова; походилъ мальчикъ недѣли 2, вдругъ онъ исчезаетъ, вмѣсто него является новый; что за причина?—Да отецъ парнишку замѣнилъ наемнымъ за 8 руб. серебромъ; такъ же мѣняется и дѣвочка: отецъ ея справился съ деньгами и за 15 руб. нанялъ другую». Бывало и такъ: сегодня идетъ мальчикъ, завтра является сестра его, такъ братъ съ сестрой и чередуются. По справкѣ учителя у крестьянина, почему онъ такъ посылаетъ дѣтей своихъ, тотъ отвѣчаетъ: «Да вишь мальчикъ-то *подюжный* ходить въ ученье, а дѣвочка потолковѣй перенимать науку, пускай такъ и ходятъ» [1]). А въ другихъ случаяхъ, когда зимой много въ семьѣ пряжи, вмѣсто дѣвочки, посылается мальчикъ.

Выше, въ отзывѣ г. Бороздинскаго, указывалось на то, что въ школѣ этого учителя, хотя и немного, но были ученики и добровольные; но школа эта была исключительною: Семевскому встрѣчались и такія школы, въ которыхъ за время 23 лѣтъ не было ни одного добровольно отданнаго ученика.

Приведенныя выписки рисуютъ положеніе дѣла въ Псковской губерніи, но тѣ факты, которые здѣсь отмѣчались, были также наблюдаемы и въ другихъ губерніяхъ. Въ Екатеринославской губерніи, напримѣръ, «по закону никогда не существовало обязательнаго обученія грамотѣ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ; но такъ какъ волости безпрерывно получали приказанія убѣждать крестьянъ посылать дѣтей въ школу и «наблюсти» за тѣмъ, чтобы убѣжденія волостного начальства были исполняемы—«и о послѣдующемъ донести», то на практикѣ установился обычай, что только тѣ семейства не были обязаны посылать дѣтей въ школу, у которыхъ были одиночки». Затѣмъ, «въ 1855 году послѣдовало распоряженіе высшаго начальства «*назначать» изъ сиротъ* постоянныхъ учениковъ, и годомъ раньше воспрещено было родителямъ, помѣстившимъ дѣтей въ школу, брать оттуда дѣтей своихъ раньше окончанія курса» [2]). То же самое находимъ мы и у крестьянъ удѣльнаго вѣдомства: такъ, въ Костромской губерніи, «въ сороковыхъ годахъ въ каждой волости удѣльнаго вѣдомства было открыто училище. Число учащихся въ нихъ полагалось до 30 человѣкъ. Учащіеся получали пособіе отъ мѣстныхъ обществъ въ размѣрѣ 10—18 руб. въ годъ. По окончаніи учебнаго года, учитель, по заведенному порядку, сообщалъ о числѣ вышедшихъ изъ училища мѣстному волостному правленію, которое (а въ первое время—приказъ) и распоряжалось наборомъ новыхъ мальчиковъ для замѣщенія выбывшихъ изъ училища и часто брало дѣтей противъ воли ихъ родителей. На пособіе, выдаваемое отъ общества учащимся, крестьяне смотрѣли какъ на жалованье за ихъ труды въ училищѣ». Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, въ шко-

---

[1]) Тамъ же, стр. 13, 46, 54.

[2]) «Отчетъ чл. александровск. уѣзд. уч. совѣта., бар. Н. А. Корфа», 1867 г., стр. 13.

лахъ удѣльныхъ крестьянъ комплектъ учениковъ опредѣленъ былъ въ 40 человѣкъ. «Ежегодно по приговору общества дѣти крестьянъ той или другой деревни извѣстной волости *выгонялись* (буквальное выраженіе крестьянъ) въ то или другое волостное училище, и случалось нерѣдко, что болѣе зажиточные родители, вмѣсто своихъ дѣтей, нанимали дѣтей бѣдныхъ того селенія, въ которомъ помѣщалось волостное училище для исправленія этой повинности натурою» [1]).

Въ селеніяхъ удѣльныхъ крестьянъ Симбирскаго уѣзда, какъ разсказываетъ г. А. Анастасіевъ [2]), «пріемъ учениковъ въ училища производилъ приказный голова вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ... Приказный голова, послѣ набора дѣтей изъ селъ и деревень своего района, обыкновенно возвращался домой въ сопровожденіи нѣсколькихъ подводъ съ разными хозяйственными припасами и съ достаточной суммой денегъ... Голова, для набора мальчиковъ по селамъ и деревнямъ, бралъ съ собою законоучителя и учителя школы, которые возвращались домой тоже не съ пустыми руками... Получивъ откупъ съ богатыхъ крестьянъ, у которыхъ дѣти были школьнаго возраста, приказный голова набиралъ въ школу установленное число мальчиковъ, преимущественно изъ дѣтей бѣднѣйшихъ крестьянъ, не имѣвшихъ возможности откупиться. Избранныхъ дѣтей провожали въ храмъ обученія всѣмъ селомъ или деревней; при этомъ проливалось много горькихъ слезъ, особенно матерями дѣтей».

Нежеланіе отдавать своихъ дѣтей въ школы было у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ такъ сильно, что они завидовали положенію крестьянъ помѣщичьихъ, у которыхъ школъ обыкновенно не было: «въ уѣздахъ Порховскомъ, Новоржевскомъ, Псковскомъ, Холмскомъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ,— разсказываетъ г. Семевскій,— крестьяне въ задушевной бесѣдѣ обращались ко мнѣ съ такими вопросами: «за что насъ обижаетъ начальство?»—«Въ чемъ же оно обижаетъ васъ?» спрашивалъ я. — «Какъ въ чемъ, батюшка, *у помѣщичьихъ* крестьянъ *воля дадена*: учи или не учи ребятъ, съ нихъ не взыскиваютъ, а вотъ у насъ по 20-ти, по 30-ти лѣтъ маютъ училищами-то; все давай, да давай въ нихъ ребятъ» [3]).

Но что же собственно отталкивало крестьянъ отъ этихъ школъ? Разрѣшеніе этого вопроса представляется тѣмъ болѣе интереснымъ, что одновременно со школами казенными продолжали существовать школы стараго типа, при чемъ многіе предпочитали обученію въ школахъ — домашнюю выучку, или отдавали дѣтей своихъ причетникамъ, дьякономъ и другимъ грамотѣямъ [4]).

---

[1]) «Матерьялы по вопросу о введеніи обязат. обученія въ Россіи, т. I, стр. 157.

[2]) Ст. «Изъ исторіи одной удѣльной школы», въ «Русск. Шк.», 1890 г. № 10.

[3]) «Грамотность въ деревн. госуд. кр. Псковск. губ.», стр. 61.

[4]) Сухомлиновъ—«Замѣт. объ училищахъ и народн. образованіи въ Ярославск. губ.», въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1863 г., стр. 144.

Видѣть причину этого въ томъ, какъ это склоненъ предполагать Сухомлиновъ, что въ этихъ послѣднихъ школахъ ученіе шло успѣшнѣе, такъ какъ въ нихъ меньше было учениковъ, едва-ли основательно. Объ школы немногимъ разнились между собою: особымъ многолюдствомъ не отличались и казенныя школы; контингентъ учителей, состоящій частью изъ сельскаго духовенства, частью же изъ прогнанныхъ со службы чиновниковъ, отставныхъ солдатъ, писарей и т. д., былъ почти одинаковъ, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ школахъ; одинаковы были въ этихъ школахъ и педагогическіе пріемы учителей: все училось механически, на память, обыкновенно безъ пониманія выучиваемаго; вся разница, главнымъ образомъ, сводилась къ тому, что въ однѣхъ школахъ дѣти учили наизусть «блаженъ мужъ» и т. п., а въ другихъ не менѣе старательно и съ одинаковымъ пониманіемъ заучивали, что «нуль, знакъ самъ по себѣ ничего незначащій, употребляется только вмѣсто неимѣющихся налицо знаменующихъ цифръ, дабы сіи цифры на настоящихъ своихъ мѣстахъ стоять могли» и т. п. Тѣмъ не менѣе, въ неоффиціальныя школы дѣти отпускались.

Главнѣйшимъ условіемъ, отталкивавшимъ крестьянъ отъ казенной школы, обыкновенно считается то, что школа эта имѣла своею задачею, между прочимъ, приготовленіе волостныхъ и сельскихъ писарей и т. п., и, такимъ образомъ, отнимала дѣтей отъ родителей и отдавала ихъ въ распоряженіе «палаты» или «удѣла». Не отрицая значенія этого условія, едва-ли, однако, только въ немъ одномъ можно видѣть причину нежеланія крестьянъ учить своихъ дѣтей въ казенныхъ школахъ; это видно отчасти изъ того, что такое отношеніе къ школѣ наблюдалось и послѣ отмѣны указанной мѣры—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, обученіемъ дѣвочекъ въ этихъ школахъ крестьяне были недовольны едва-ли не болѣе, чѣмъ обученіемъ мальчиковъ. «Особенно намъ обидно, что дѣвочекъ обучаютъ,—жаловались крестьяне г. Семевскому,—хоть бы дѣвочекъ-то ослобонили, а то время проводятъ въ училищѣ, а мать бы ихъ обучала ставы ставить, пряжу прясть, коровъ доить,—къ хозяйству бы пріучала». «Не по закону ее взяли,—жаловался другой крестьянинъ,—изъ нашей семьи рекрутъ былъ ставленъ» [1]). Очевидно, обученіе въ школѣ считалось для дѣвочекъ ненужнымъ. И едва-ли такой взглядъ былъ неправиленъ: для женщины, съ рожденья и до самой смерти обреченной не выходить изъ круга семьи и заботъ о домашнемъ хозяйствѣ, грамота не могла имѣть никакого практическаго примѣненія; для удовлетворенія же какихъ-либо духовныхъ потребностей грамота не могла служить тоже: читать выучившимся было и некогда, и нечего. Это послѣднее замѣчаніе представляется особенно справедливымъ въ примѣненіи къ той грамотѣ, которая давалась казенною школою: школа эта не давала своимъ ученикамъ никакого обра-

[1]) «Грамотность въ дер. госуд. крестьянъ Псковск. губ.», стр. 62.

зованія и никакого направленія для ихъ любознательности; она давала имъ одну только голую грамотность, т.-е. простое орудіе, не указывая къ чему слѣдовало бы приложить его. Совершенно иное положеніе въ мнѣніи крестьянскаго населенія занимала школа неоффиціальная, «старинная». Школа эта, какъ и раньше, должна была обучить учениковъ «книгамъ божественнаго разума», т.-е. дать имъ извѣстное образованіе, дать средство для удовлетворенія извѣстной духовной потребности. Чтобы достигнуть этого, стоило претерпѣть и муку ученія, и побои, и все то, что создало пословицу, указывающую, что корень ученія горекъ; горечь этого ученія переносилась потому, что существовало убѣжденіе, что плодъ такого ученія сладокъ. Что же касается до ученья въ школахъ казенныхъ, то народъ не видѣлъ, чтобы оно давало какой-нибудь плодъ, и потому старался избавить дѣтей своихъ отъ горькаго корня.

Создавая свои школы, правительство исходило изъ желанія удовлетворить извѣстныя нужды государства, т.-е. изъ соображеній такого порядка, который былъ совершенно чуждъ тогдашнему крестьянству; крестьяне же подъ школою понимали только то, что признавали школою ихъ предки, а ученіе принимали только такое, которое удовлетворяло ихъ религіозно-нравственное чувство. Отсюда взаимное непониманіе, масса недоразумѣній и вся та неурядица, которой отличалась постановка дѣла народнаго образованія во второй четверти настоящаго столѣтія.

VI.

Забота объ обученіи помѣщичьихъ крестьянъ, какъ объ этомъ упоминалось ранѣе, предоставлена была помѣщикамъ. Но такъ какъ послѣдніе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, въ крестьянской грамотности не нуждались, то и тратить средства на образованіе крѣпостныхъ, въ видахъ удовлетворенія какихъ-либо потребностей самихъ крестьянъ, не считали ни нужнымъ [1]), ни желательнымъ. Если же иногда и раздавались голоса, доказывавшіе необходимость обученія и для «подлыхъ» людей, то въ большинствѣ случаевъ такія заявленія исходили изъ принциповъ, которые съ образованіемъ — въ широкомъ смыслѣ этого слова — ничего общаго не имѣли. Такъ, частная коммиссія, вырабатывавшая проектъ устава для народныхъ училищъ (въ царствованіе Екатерины II), полагала необходимымъ, чтобы при помощи училищъ и обученія «среди крѣпостныхъ поддерживалась мысль о необходимости безропотнаго подчиненія господамъ»; составители проекта заботились о водвореніи «христіанскихъ добродѣтелей состоящихъ въ должности подданныхъ къ государю, въ безпрекословномъ повиновеніи государственнымъ узаконеніямъ, въ послушаніи и подчиненіи господъ

[1]) См. А. Щаповъ — «Соціально-педагогич. условія умственнаго развитія русскаго народа», стр. 86.

своихъ и другихъ установленныхъ властей» [1]). Чтобы упрочить эти «христіанскія добродѣтели», «писались даже особыя книги и руководства, которыя обязательно прочитывались въ церквахъ; книги эти для вящаго назиданія раздавались безграмотному народу, а священникамъ вмѣнялось въ обязанность при исповѣди свидѣтельствовать, каждый-ли въ цѣлости хранитъ свою книгу» [2]). Школа въ помѣщичьемъ имѣніи была явленіемъ очень рѣдкимъ; устроенныя въ немногихъ и притомъ наиболѣе обширныхъ имѣніяхъ, онѣ и здѣсь большею частью свидѣтельствовали не о заботѣ помѣщика объ образованіи своихъ крѣпостныхъ, а о желаніи имѣть своихъ конторщиковъ, а можетъ быть, и грамотныхъ лакеевъ. Обучать же грамотѣ всѣхъ крестьянъ казалось излишнимъ даже такимъ помѣщикамъ, какимъ былъ Рычковъ—одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей XVIII столѣтія. Жалуясь на то, что «у насъ существуютъ не только небольшія, но и огромныя деревни, въ которыхъ нѣтъ ни одного человѣка, умѣющаго читать и писать», и указывая, что «даже татары, въ нашей имперіи живущіе и содержащіе законъ магометанскій, въ томъ насъ посрамляютъ», онъ въ то же время требовалъ, чтобы «только наиболѣе понятныхъ и надежныхъ мальчиковъ обучать письму, и то, однакожъ, столько, чтобы въ деревнѣ, имѣющей 100 душъ, писать умѣющихъ крестьянъ болѣе 2 или 3 человѣкъ не было» [3]); мотивомъ такого ограниченія Рычковъ выставлялъ то, что умѣющіе писать крестьяне, злоупотребляя своимъ умѣньемъ, станутъ, пожалуй, писать фальшивые паспорта, т.-е. будутъ дѣйствовать въ ущербъ благосостоянію помѣщиковъ.

Такого рода боязнь крестьянской грамотности высказывалась и въ позднѣйшій періодъ существованія крѣпостного права.

Неизвѣстный авторъ статьи «Русское православное духовенство, обвиненія противъ него и его цивилизаторская дѣятельность», помѣщенной въ журн. «Христіанское Чтеніе» за 1862 г., доказывая, что духовенство, за время существованія крѣпостного права, еслибы даже и хотѣло, не могло проявить заботы объ образованіи крестьянъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Дѣло распространенія грамотности въ народѣ долгое время встрѣчало препятствіе въ крѣпостномъ правѣ, по которому время и взрослыхъ и малолѣтнихъ крестьянъ считалось собственностью помѣщика. Школа отнимала бы, конечно, нѣсколько чернорабочихъ, хотя молодыхъ и слабыхъ рукъ у помѣщика, да, пожалуй, могла бы еще научить эти руки писать просьбы и искать правды у власти противъ притѣсненій помѣщика»... «Вы научите, батюшка,—говорилъ помѣщикъ отцу автора,—писать ихъ, такъ тамъ и возись съ ними, на помѣщика же напишутъ кляузу» [4]). Примѣръ этотъ

[1]) В. И. Семевскій—«Крестьяне въ царств. Имп. Екатерины II», стр. 249—250.
[2]) Миропольскій—«Школа и государство», стр. 59.
[3]) А. Щаповъ—«Соціально-педагог. условія...», стр. 87.
[4]) «Христіанск. Чт.» 1862 г., стр. 654 и 655.

вовсе не единственный; а нѣкоторые помѣщики принимали противъ школъ и болѣе энергичныя мѣры.

Встрѣчались, конечно, и среди помѣщиковъ исключительныя личности, въ самомъ дѣлѣ заботившіяся объ обученіи и образованіи крестьянъ, которыя устраивали школы и даже сами учили въ нихъ; но и эти отрадные факты ничуть не дѣлаютъ свѣтлѣе ту мрачную картину, въ которой рисуется положеніе образованія народа въ періодъ господства крѣпостного права: крестьяне не довѣряли даже наилучшимъ изъ господъ своихъ и добровольно не отпускали дѣтей своихъ въ господскія школы. Статьи, касающіяся вопроса о постановкѣ дѣла народнаго образованія въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, изобилуютъ такими фактами, которые показываютъ и это недовѣріе, и эту боязнь помѣщичьей школы: тутъ мы находимъ и слезы, и причитанья матерей при отправкѣ дѣтей ихъ въ школу, и просьбы съ земными поклонами объ избавленіи отъ училища, и нежеланіе тушить загорѣвшуюся школу, и т. д. [1]). Недовѣріе крестьянъ въ этомъ отношеніи было такъ велико, что пережило даже моментъ освобожденія, и факты, подобные указаннымъ выше, продолжали встрѣчаться почти до половины 70 годовъ. Такъ, въ Полтавской губерніи, «послѣ обнародованія положенія 19 февраля, въ нѣкоторыхъ деревняхъ губерніи мальчики перестали собираться для ученія въ школы, заведенныя помѣщиками. Когда помѣщики захотѣли узнать, отъ чего это произошло, то оказалось, что отцы учениковъ и сами ученики считали обученіе грамотѣ за панщину и, получивъ волю, не считали уже нужнымъ и ходить въ помѣщичью школу» [2]). То же самое сообщаетъ и Н. Барсовъ въ своей статьѣ: «О народныхъ школахъ въ средней Россіи» [3]). «Во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ были заведены училища по желанію и на счетъ владѣльцевъ. Иногда, за неимѣніемъ особыхъ учителей, въ нихъ преподавали сами помѣщики и ихъ семейства. Школы эти шли довольно порядочно, по крайней мѣрѣ, въ нихъ были постоянные ученики (до 30 и болѣе), посѣщавшіе ихъ аккуратно. Освобожденіе крестьянъ произвело въ нихъ перемѣну и не къ лучшему. Многія изъ нихъ закрыты, другія замѣтно ослабѣли. Причину этому обыкновенно полагаютъ въ томъ, что до уничтоженія крѣпостнаго права крестьяне, будто бы, видѣли въ помѣщичьей школѣ что-то въ родѣ повинности, и если даже дѣти ихъ ходили въ

---

[1]) См. цитир. выше статью Сухомлинова—«Замѣтки объ училищахъ и народн. образов. въ Ярослав. губ.», стр. 76; ст. Щербины—«О народн. грамотности» въ «Русск. Вѣстникѣ» 1863 г. № 5, стр. 240, 241; Семевскаго—«Грамотность въ деревн. временно-обяз. кр. Псковск. губ.», стр. 9, 16, 37 и 65; такого же рода указанія часто встрѣчаются въ статьяхъ и замѣткахъ по народному образованію или о положеніи духовенства, помѣщенныхъ въ журналахъ: «Православное Обозрѣніе», «Духовный Вѣстникъ», «Христіанское Чтеніе» и «Странникъ» за 1860—1865 гг.

[2]) И. Щаповъ—«Соціально-педагог. условія...», стр. 89.

[3]) «Отеч. Записки» 1863 г. № 12, стр. 496.

школу, то только потому, что этого требовалъ помѣщикъ». «Крѣпостное право,—говоритъ Щаповъ,—цѣлыхъ 20 мил. народа лишало умственной жизни, естественнаго права высшаго ученія и мышленія и, проповѣдуя военно-крѣпостную дисциплину тупоумія, естественно убивало въ нихъ и всякую охоту и любовь къ ученію и знанію».

И могъ-ли крестьянинъ смотрѣть на ученіе въ помѣщичьей школѣ иначе, какъ на барщину?

Даже въ тѣхъ, безъ сомнѣнія, крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда крестьянскій ребенокъ успѣшно оканчивалъ курсъ помѣщичьей школы, хотя бы и хорошо обставленной, онъ пріобрѣталъ не болѣе, какъ простую грамотность, т.-е. умѣнье хорошо читать и болѣе или менѣе удовлетворительно писать. Но какое же приложеніе могла имѣть грамота у крѣпостного крестьянина? Не говоря уже о томъ, что книгъ, кромѣ развѣ псалтири или часовника, для чтенія не было; но еслибы даже онѣ у него и были, имѣлось-ли достаточно досуга для ихъ чтенія? Очевидно, нѣтъ. Нельзя отрицать, конечно, что и въ періодъ крѣпостного права встрѣчались крестьяне, знакомые хотя бы съ «божественными» книгами и имѣющіе возможность пріобрѣтать ихъ, но такія личности составляли исключеніе. Да и сколькимъ благопріятнымъ условіямъ нужно было столкнуться, чтобы создалась такая возможность для крѣпостнаго крестьянина! Учить же дѣтей въ надеждѣ, что авось-либо для нихъ такая возможность найдется, было, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. А если такъ, то какой же смыслъ могло имѣть для крестьянъ обученіе ихъ? Что же касается до того соображенія, что крестьянинъ могъ примириться съ обученіемъ дѣтей въ виду практической полезности грамоты, то, оглядываясь назадъ, приходится сдѣлать заключеніе, что и такого соображенія не могло быть у крестьянина. Дѣйствительно, изъ числа профессій, обязательно требовавшихъ въ то время знанія грамоты, можно указать профессіи конторщика, писаря и немного другихъ и притомъ все такого рода профессій, занятіе которыми вызывалось не условіями крестьянской жизни, а обыкновенно совершенно чуждыми крестьянину нуждами помѣщика, удовлетвореніе которыхъ нерѣдко отрывало такого грамотника и отъ семьи, и отъ дома. Сознательно же готовить такую судьбу своему сыну едва-ли могъ какой-либо крестьянинъ, безъ особаго принужденія помѣщика; оставаясь же дома при обычныхъ своихъ занятіяхъ, крестьянинъ неминуемо долженъ былъ позабыть все то, чему онъ научился въ школѣ. Справедливость этихъ соображеній подтверждается и фактическими данными: А. А. Философовъ, командированный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для ознакомленія съ состояніемъ дѣла народнаго образованія въ губерніяхъ Московской, Тульской и Пензенской, нашелъ, что «въ помѣщичьихъ имѣніяхъ грамотныхъ крестьянъ весьма мало, или, вѣрнѣе, вовсе нѣтъ», а въ имѣющихся кое-гдѣ школахъ обучаются, большею частью, *дѣти дворовыхъ людей*; крестьяне же,

въ особенности въ Тульской губерніи, неохотно и рѣдко безъ принужденія посылаютъ дѣтей своихъ учиться. Если же при особой заботливости помѣщиковъ и случается, что многіе изъ крестьянскихъ мальчиковъ выучиваются читать и писать, то большею частью *они вскорѣ забываютъ, чему ихъ научили, по совершенному недостатку приложенія грамотности въ настоящее время въ деревняхъ*» [1]).

И такъ, анализируя, какое значеніе имѣла грамотность для помѣщичьихъ крестьянъ, мы видимъ, что по крайней мѣрѣ для громаднаго большинства крѣпостныхъ, единственною причиною, заставлявшею ихъ посылать дѣтей своихъ въ школы, была боязнь ослушаться барина или, въ лучшихъ случаяхъ, желаніе исполнить его приказаніе, т.-е., какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, отбыть извѣстную повинность, барщину.

В. Петровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Подлинное донесенія г. Философова намъ найти не удалось; приводимая же выписка заимствована нами изъ ст., написанной по поводу результатовъ поѣздки г. Философова; ст. эта помѣщена въ отдѣлѣ «хроники» журн. «Странникъ» за декабрь 1860 г., стр. 148.

ИСКОРКИ.

Изъ лѣтнихъ экскурсій.

...Ночевать намъ пришлось въ деревнѣ. Чтобы не мучить лошадей во время дневной жары, мы должны были пуститься въ дальнѣйшій путь не позднѣе полуночи. Какъ всегда бываетъ при такихъ путешествіяхъ по россійскимъ градамъ и весямъ, кости наши болѣли, голова трещала, а настроеніе что ни день, то измѣнялось къ худшему... Интересъ къ окружающей жизни,—жизни самыхъ глухихъ и по общеходячему представленію самыхъ мертвыхъ, заскорузлыхъ уголковъ святой Руси,—куда-то исчезъ... Вездѣ все то же, вездѣ лишь безконечно разнообразныя проявленія общихъ условій, безконечнѣйшія слѣдствія однѣхъ и тѣхъ же причинъ, всѣмъ извѣстныхъ и переизвѣстныхъ, обсуженныхъ гласно и негласно, про себя и для другихъ... Однообразная панорама какъ будто начинала надоѣдать; временами даже казалось, что ради видѣннаго и слышаннаго не стоило пускаться за сотни и даже тысячи верстъ изъ насиженнаго петербургскаго угла: вѣдь можно было и тамъ сидѣть, строя логическіе выводы изъ заранѣе установленныхъ тезисовъ, по всѣмъ фигурамъ аристотелевской логики: barbara, celarent, bamalip и т. д. Правда, жизнь иногда бываетъ нелогична и порождаетъ иной разъ такіе факты, которые не только не предусмотрѣны сводомъ законовъ, но и здравымъ смысломъ... Но вѣдь у «неожиданностей» есть своя классификація, есть свои категоріи... Неужели же еще не всѣ эти категоріи намъ извѣстны? Ворочаясь въ душномъ углу крестьянской избы, куда намъ пришлось забраться ради ночевки, изъ боязни испареній отъ окружающихъ болотъ, я мысленно отвѣчалъ на этотъ вопросъ: все то же, все то же, вездѣ и всегда все то же; есть и темное, есть и свѣтлое;—нѣтъ лишь должнаго *количества* этого свѣтлаго... И, перебирая въ умѣ длинную вереницу картинъ и всякихъ впечатлѣній, собранныхъ во время нашей экскурсіи, я не видѣлъ въ нихъ и признаковъ того, что это свѣтлое накопляется съ тою быстротой, какая способна сдѣлать для меня, россійскаго «обывателя», мою собственную жизнь интересной, способна вселить въ меня надежду, что и я еще поживу, и доживу, и поработаю... Говоря языкомъ математиковъ, свѣтлые факты жизни, быть можетъ, и представляютъ изъ себя прогрессію ариѳметическую, но уже навѣрное, казалось мнѣ, они не представляютъ прогрессіи геометриче-

ской... Вотъ эту таинственную геометрическую прогрессію жизни или, вѣрнѣе сказать, лучшаго будущаго мнѣ и хотѣлось найти. Но я тщетно искалъ ее въ моихъ странствованіяхъ по селамъ и деревнямъ. Искалъ и не видѣлъ. Я видѣлъ какіе-то обрывки, какія-то частности, но не видѣлъ того свѣтлаго и мощнаго, что могло бы и ободрить утомленныхъ живыхъ, и оживить мертвецовъ, которыхъ среди насъ не мало...

Ровно въ полночь мы уже сидѣли на своей «трясучкѣ» или тарантайкѣ, запряженной жалкими, полуободранными лошаденками, принадлежавшими къ зоологической разновидности «одровъ». Возница неистово гикалъ и кричалъ на нихъ, громко свистѣлъ надъ ними своимъ кнутомъ, лишь изрѣдка рѣшаясь опускать его на костлявую, изъѣденную слѣпнями и комарами лошадиную спину... Мы едва двигались. Время тянулось убійственно медленно. Воздухъ былъ сырой и холодный. По сторонамъ сначала тянулись болота и луга. Затѣмъ лошади съ трудомъ втащили насъ на довольно крутую, песчаную гору, и мы сразу почувствовали, что сырой, холодный туманъ, пронизывавшій насъ до костей и казавшійся со сна еще холоднѣе, остался внизу, позади насъ. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ подъ горою словно озеро, бѣлой скатертью разстилавшееся на огромномъ пространствѣ. Въ этомъ озерѣ, какъ въ волнахъ, потонула и несчастная деревенька, гдѣ мы ночевали, и копны сѣна на лугахъ, и кустарники, разросшіеся по краямъ дороги, и поскотина, непрочно и неуклюже устроенная изъ жердей. Изъ этого моря тумана въ двухъ-трехъ мѣстахъ мелькали огоньки; кое-гдѣ высокія деревья поднимали изъ него свои верхушки; далекіе холмы казались островками, а вдали синѣлъ дремучій лѣсъ, точно берегъ этого воздушнаго и холоднаго моря... На всей этой картинѣ, освѣщенной голубоватымъ, серебрянымъ свѣтомъ луны, лежалъ отпечатокъ чего-то таинственнаго, отпечатокъ какого-то сказочнаго царства.

— И что это, гдѣ они деревушку свою построили!—спросилъ мой спутникъ молодого паренька, правившаго лошадями.—Что бы имъ вотъ здѣсь, на горкѣ, се выстроить, куда туманъ не хватаетъ?..

Этотъ же вопросъ вертѣлся въ головѣ и у меня. Но нашъ возница, очевидно, человѣкъ привычный къ разнаго рода страннымъ неудобствамъ, какъ мнѣ казалось, довольно-таки насмѣшливо отвѣчалъ:

— А что бы имъ здѣсь не строиться, коли бы эта земля ихъ была... Оно, конечно, здѣсь не въ примѣръ лучше...

— Чья же это земля?

— Казенная...

Мы ѣхали по казенному, заповѣдному лѣсу, одному изъ тѣхъ не-

многихъ счастливцевъ-лѣсовъ, которые были охранены самимъ закономъ отъ возмутительнаго хищничества человѣка. Почва была песчаная; дорога широкая. Подъ колесами нашей таратайки шурчалъ сыпучій песокъ; слышно было, какъ песчинка хрустѣла о песчинку. Копыта лошадей и колеса постукивали о корни деревьевъ, мощною сѣтью разстилавшихся по землѣ. Другая, зеленая, кружевная сѣть висѣла неподвижно надъ нами; на голубомъ фонѣ прозрачнаго неба она казалась почти черной; лишь озаренныя луной верхушки деревьевъ играли зеленовато-синими лучами. Мощные стволы дубовъ и березъ чернѣли по сторонамъ дороги. На верху все вѣтви и листья, а надъ ними опять и опять вѣтви и листья, то черные, то освѣщенные луной,— чудная перспектива зелени, висящей надъ головою, неподвижная и вмѣстѣ съ тѣмъ полная жизни; и ночь, и тишина, и душистый воздухъ, и какіе-то таинственные звуки, которые неслись изъ лѣсу, не то шумъ, не то гулъ, не то близкій, не то далекій, словно аккомпаниментъ рѣзкимъ крикамъ ночныхъ птицъ, — все это производило на насъ чарующее впечатлѣніе какого-то таинственнаго величія. Мы ѣхали часъ, ѣхали другой и не уставали слушать гулъ лѣса и слѣдить за мерцаніемъ далекихъ звѣздъ, то появлявшихся, то исчезавшихъ и снова появлявшихся изъ-за листвы деревьевъ. Мѣрное шаганье лошадей, единственныхъ живыхъ существъ, не раздѣлявшихъ нашего настроенія и съ трудомъ вытаскивавшихъ ноги изъ сыпучаго песка, трепыханье таратайки — приводило насъ въ полусонное гипнотическое состояніе. Время тянулось незамѣтно. Изъ него вывелъ насъ возница.

— Лѣсу-то скоро конецъ,—сказалъ онъ.—Тамъ пойдетъ ровно. Деревушка будетъ. Передышку бы лошадямъ надо сдѣлать... А тамъ опять будетъ лѣсъ верстъ на пять.

Мы очнулись отъ нашего полузабытья и, насколько было можно, старались расправить онѣмѣвшія руки и ноги. Часа черезъ два долженъ былъ уже наступить разсвѣтъ. Кое-какія птицы уже проснулись. Ихъ пѣніе раздавалось и вблизи, и вдали. А къ гудѣнію пѣсни лѣса присоединился еще какой-то особый шумъ. Я скоро различилъ его и отчетливо выдѣлилъ изъ общаго хора природы. Это было не то громыханіе, не то звонъ, не то стукъ и грохотъ множества молотковъ, особый звукъ, не поддающійся описанію, но рѣзкій и непріятный. Онъ составлялъ полную дисгармонію съ другими волнами звуковъ, наполнявшихъ глубины лѣса, и, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, становился все сильнѣе и сильнѣе. Въ этомъ звукѣ я уже скоро сталъ различать нѣсколько тоновъ, такихъ же рѣзкихъ и непріятныхъ, но разнаго тембра. Деревья стали рѣдѣть, но темнота не уменьшалась. Небо было по прежнему прозрачно—прозрачно, какъ безконечность, хотя луны уже не было видно.

И вдругъ изъ-за деревьевъ раздвинувшейся, развернувшейся въ

ширь опушки лѣса промелькнулъ въ листвѣ желтый огонекъ, за нимъ другой и третій. Эти огоньки представляли такой неожиданный контрастъ съ серебрянымъ блескомъ луны и звѣздъ и электрической синевой неба, что показались намъ тоже какой-то непріятной дисгармоніей съ окружающей природой. Эти огоньки такъ же нарушали краски природы, какъ рѣзкіе, непріятные звуки нарушали ея тишину... Мы уже ясно видѣли межъ деревьевъ, что огоньки расположены длиннымъ и правильнымъ рядомъ; затѣмъ можно было отличить и другой рядъ, и еще, и еще,—четыре ряда огоньковъ одинъ надъ другимъ.

Тамъ, вдали, передъ нами возвышалось громадное зданіе, освѣщенное сверху до низу, не смотря на глухую лѣтнюю ночь. Изъ него-то и неслись и заполняли всю окрестность, нарушая ея сонъ и тишину, тѣ звуки, которые такъ поразили нашъ слухъ.

— Что это за фабрика?—спросилъ возницу мой товарищъ.

— Носилковская мануфактура!—отвѣчалъ тотъ.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на приближавшееся чудовище. Такъ вотъ она, эта громадная мануфактура, бывшая два съ половиной года тому назадъ ареной крайне непріятныхъ недоразумѣній. У меня въ памяти было еще свѣжо появившееся во всѣхъ газетахъ описаніе этихъ недоразумѣній и слѣдовавшаго за тѣмъ судебнаго процесса. Гдѣ-то теперь тѣ восемьсотъ человѣкъ, которые не были приняты тогда обратно на работу? Почувствовала-ли ихъ отсутствіе эта фабрика, эта громадная машина, состоящая изъ тысячъ другихъ машинъ и требующая и отъ человѣка такой же неустанной, машинной работы?

Я всматривался въ длинный рядъ корпусовъ и другихъ фабричныхъ строеній, въ длинную вереницу высокихъ и низкихъ трубъ, чернѣвшихъ на темно-голубомъ фонѣ неба, и мысленно рисовалъ себѣ тѣ тяжелыя событія, свидѣтелями которыхъ были эти кирпичныя стѣны, эти почернѣвшія трубы, эти безстрастныя машины и тысячи мыслящихъ и чувствующихъ людей, теперь забывшихся на нѣсколько часовъ сномъ или стоящихъ у тѣхъ же станковъ въ освѣщенной громадѣ ткацкаго отдѣленія за работой. Въ отворенныя окна вырывались на воздухъ изъ духоты безконечныя волны звуковъ; оглушительныя постукиванья ткацкихъ станковъ, громыханье шестерней, лязганье безконечныхъ приводовъ. Не трудно было вообразить, какой адъ звуковъ царитъ за этими каменными стѣнами, если они оглушаютъ и поражаютъ за нѣсколько саженей отъ нихъ...

Дорога шла мимо самаго корпуса, освѣщеннаго во всѣхъ этажахъ. Я сталъ считать окна и насчиталъ пятьдесятъ шесть оконъ въ длину. Затѣмъ потянулся длинный рядъ какихъ-то зданій, раздѣленныхъ небольшими промежутками одно отъ другого. Изъ этихъ зданій рѣзко выдѣлялось кочегарное отдѣленіе, въ отворенныхъ воротахъ котораго блестѣли, какъ глаза какихъ-то звѣрей, топки котловъ. До насъ донеслось глухое гудѣнье кипящей воды въ котлахъ и свистъ воздуха въ тошкѣ...

— Смотрите, смотрите, какъ красиво,—вдругъ воскликнулъ мой спутникъ, указывая на громадную трубу, выбрасывавшую столбы чернаго густого дыма. Эта труба царила надъ всей мануфактурой.

Тамъ и сямъ, возвышалось множество другихъ трубъ, но всѣ онѣ казались передъ этою какими-то малютками, едва выдѣлявшимися на прозрачной, глубокой синевѣ безлуннаго, звѣзднаго неба.

Я поднялъ голову вверхъ и тоже не могъ удержаться отъ восторженнаго восклицанія. Картина была дѣйствительно великолѣпна.

Небесный сводъ былъ какъ-то особенно прозраченъ. Милліоны звѣздъ блестѣли на немъ серебряными огоньками. Безконечное множество такихъ огоньковъ тонуло въ необъятной глубинѣ, образуя собой чудную перспективу серебряныхъ искръ на темно-голубомъ фонѣ. Двѣ широкихъ полосы перерѣзывали небесный сводъ: одна—бѣлая, неподвижная, блестящая матовымъ блескомъ—млечный путь; другая—черная, извивающаяся, мѣняющая свое направленіе—то наклоняющаяся внизъ, то взлетающая наверхъ—туча дыма, изрыгаемая высокой фабричною трубою. И въ этой черной тучѣ мелькали какія-то красныя, огненныя точки, множество огоньковъ-искорокъ, которыя вырывались изъ узкой трубы, неслись въ тучу, падали изъ тучи книзу и, блистая, скользили по голубому фону неба, какъ бы состязаясь въ красотѣ съ серебряными искорками звѣздъ. Въ воздухѣ пахло гарью, къ которой примѣшивались ѣдкіе пары хлора. Лошади были окружены облакомъ пыли и едва, едва тащились. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого огненнаго дождя искръ. Эти искорки мнѣ казались живыми. Изъ черной фабричной трубы онѣ словно рвались на волю. Онѣ взлетали выше и выше, уносимыя мощнымъ потокомъ, который одинаково увлекаетъ въ вышину и эти живые огоньки, и мертвыя частички сажи. Черный столбъ дыма изгибался громадной дугой, расширяясь и исчезая гдѣ-то высоко и далеко. А искорки летѣли, летѣли и сыпались золотымъ дождемъ, однѣ крупнѣе, другія мельче. Я пробовалъ слѣдить за причудливыми зигзагами, какіе онѣ вычерчивали на прозрачномъ фонѣ хрустальнаго неба,—и рѣшительно не могъ этого сдѣлать. Вылетая изъ черной тучи дыма, искорка то плавно опускалась къ землѣ, то вдругъ, подхваченная какой-то невѣдомой силой, быстро взлетала на верхъ, вычерчивая кривыя линіи всѣхъ наименованій,—спирали, параболы, циклоиды и другія траэкторіи, названій которымъ математики еще не придумали. По временамъ казалось, что искорка исчезала гдѣ-то въ вышинѣ, но нѣтъ, она появлялась снова, а если не она, то вмѣсто нея десятки, сотни, тысячи новыхъ; казалось, одна искорка порождала множество другихъ, и тѣ, разсыпавшись блестящимъ дождемъ, заняли цѣлый клочекъ неба, летѣли внизъ, неслись въ разныя стороны, опять взлетали вверхъ—исчезали, появлялись снова, разсыпаясь огненнымъ дождемъ. Искорки какъ будто иногда натыкались одна на другую; но нѣтъ, это только казалось... Иныя безъ всякихъ зигзаговъ

спускались по параболѣ внизъ, плавно, спокойно, какъ бы скользя по воздушному своду. Были такія, которыя гасли, еще не долетѣвъ до земли; другія настойчиво и упорно свѣтились, блестѣли, даже упавъ на песокъ. Во всемъ этомъ движеніи красноватыхъ, свѣтящихся точекъ было что-то стихійное, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то мощное и жизненное... Я не могъ оторвать глазъ отъ этого зрѣлища, тогда какъ мой товарищъ-техникъ, большой прозаикъ, увидѣлъ въ этой игрѣ искръ совсѣмъ другую сторону.

— Неладно, неладно устроено!—проворчалъ онъ.—Вотъ и видно—дрянная фабрика. Развѣ полагается, чтобы котельныя топки были такъ плохи? Чортъ знаетъ что такое! И еще эти маклаки милліонные обороты дѣлаютъ!

И обращаясь къ возницѣ, онъ спросилъ:

— Давно это здѣсь такъ?

— А еще бы,—отвѣтилъ тотъ улыбаясь:—кажись, уже съ годъ.

— И пожары небось бывали?

— Бывали! Не безъ того!

— Вотъ видите, видите!—разгорячился мой пріятель, обращаясь ко мнѣ.—Все отъ дурного устройства происходитъ,—куда ни посмотри. Ну, чѣмъ виновата искорка, что она искорка, а смотришь—и пожаръ надѣлала. Узды, узды у насъ нѣтъ этимъ маклакамъ.

— Искоркамъ-то что,—зафилософствовалъ, въ свою очередь, нашъ возница.—А вотъ мужикамъ-то плохо. Этто здѣсь два овина съ хлѣбомъ сгорѣли, И какъ вѣдь далеко летятъ-то! Вонъ гдѣ, покосъ,—а вѣдь и тамъ сѣно отъ искоръ-то загорѣлось... Было дѣло!.. Оно извѣстно, куда попадетъ.

— А засухи у васъ часты здѣсь?

— И-и какъ часты. Какъ лѣсовъ не стало, такъ и пошли.

— Что же мужики?

— Ходили къ дилехтору, да тотъ все отшучивается: строимъ, строимъ, говоритъ, новую кочегарку, а до тѣхъ поръ потерпите, голубчики, да застрахуйтесь хорошенько...

— А они бы судомъ съ фабрики-то.

— Подавали земскому. Только съ энтими каши не сварить нашему брату. Такъ ничего и не вышло. А летятъ-то, ишь, какъ здорово...

Громадная фабричная труба то замирала и какъ будто уставала выбрасывать дымъ, то выбрасывала его съ новою силою. Искорки то исчезали, то сыпались настоящимъ дождемъ, поражая глазъ безконечнымъ разнообразіемъ своихъ движеній. Иная искорка висѣла въ воздухѣ почти неподвижно, напоминая собою красновато-огненную звѣздочку, потомъ вдругъ срывалась, падала внизъ, кружилась, продѣлывала причудливые скачки и—исчезала, гдѣ?—вверху-ли, внизу—неизвѣстно... Я слѣдилъ за этимъ своеобразнымъ танцемъ краснова-

тыхъ огоньковъ, я впился въ него глазами и, по прежнему, не могъ оторваться.

А издали доносились до нашего уха стукъ и грохотъ неустанно работающихъ машинъ. И этотъ потокъ искръ, эти неумолкающіе звуки представляли рѣдкій контрастъ съ мертвой тишиной окружающихъ полей и луговъ.

Наша дорога описывала широкій полукругъ и уже удалялась отъ фабрики. Но еще долго мы видѣли и освѣщенный корпусъ ткацкаго отдѣленія, и высокую трубу, выбрасывающую облака чернаго дыма, въ которомъ. какъ мнѣ казалось, еще можно было разглядѣть мельканіе золотыхъ искорокъ; еще долго доносилось къ намъ гудѣніе и стукъ машинъ. Но за поворотомъ какого-то пригорка, и фабрика, и трубы, и звуки,—все исчезло...

Вдоль дороги потянулись ровные и однообразные поля и луга. Дорога стала какъ будто бы ровнѣе; таратайка покачивалась, но не особенно тряслась. И подъ это далеко не мѣрное покачиваніе, мы, утомленные дорогой, измученные впечатлѣніями, а главное, размышленіями минувшаго дня, сползли со своего сидѣнья въ глубину телѣги и скорчившись и съежившись тамъ, какъ только могли, заснули.

Сколько мы провели въ такомъ состояніи—неизвѣстно. Вѣроятно, часа полтора или два. Меня разбудили многочисленные голоса, цѣлый хоръ молодыхъ, свѣжихъ голосовъ, громко распѣвавшихъ знакомую пѣсню, вѣрнѣе, стихотвореніе одного изъ нашихъ поэтовъ, положенное на музыку. Я прислушался къ этимъ голосамъ, къ этой пѣснѣ и сразу даже не понялъ, гдѣ это я нахожусь. Слова пѣсни хватали за душу; не смотря на то, что звуки ея были протяжные, даже мучительно-унылые, — она возбуждала во мнѣ воспоминаніе чего-то далекаго, далекаго, но свѣтлаго, хорошаго, бодраго... Уже много-много лѣтъ я не слышалъ этой пѣсни, и тѣмъ пріятнѣе была она для меня теперь... Я не отдавалъ себѣ *отчета, гдѣ я нахожусь, кто* можетъ здѣсь пѣть эту пѣсню?..

Да, да, это та самая пѣсня, которую и мы во времена студенчества, собравшись въ какой-нибудь тѣсной каморкѣ, пѣвали не разъ,— и какъ пѣвали? Хотя эстетики и не были довольны нашимъ пѣніемъ, за то мы сами всегда были довольны имъ. Правда, не совсѣмъ дружно иногда выходило, особенно, когда какая-нибудь самостоятельная курсистка брала на полтона или на цѣлый тонъ выше, чѣмъ прочіе, и вела мелодію въ этомъ тонѣ; правда, такихъ самостоятельныхъ пѣвцовъ всегда у насъ находилось достаточно, за то сколько было души въ этомъ нестройномъ пѣніи, сколько стремленій, какъ горѣли лица пѣвцовъ, какъ бились ихъ сердца!.. И не такъ вѣдь давно все это было, а кажется ужъ давнымъ давно... И вдругъ та же пѣсня, распѣваемая съ тѣмъ же чувствомъ и въ этой глуши. Я протиралъ глаза и съ

удивленіемъ ворочалъ во всѣ стороны головой, чтобы дать себѣ отчетъ—не сплю-ли я еще, не сонъ-ли все это?..

Но нѣтъ. Рядомъ со мной лежалъ, свернувшись въ клубокъ, мой товарищъ. Таратайку потряхивало по прежнему. Возница сидѣлъ на козлахъ и клевалъ носомъ чуть не въ самый хвостъ коренной лошади. Налѣво, вдоль дороги, тянулось, убѣгая куда-то вверхъ и вдаль, поле ржи, направо разстилались луга, на которыхъ уже кончали сѣнокосъ.

Здѣсь, на небольшомъ пригоркѣ близъ дороги, недалеко отъ сплетеннаго на скорую руку изъ зеленыхъ вѣтокъ шалаша я увидѣлъ цѣлую группу деревенскихъ парней, подростковъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ въ яркіе, очевидно праздничные костюмы. Они сидѣли рядомъ на разрытой копнѣ сѣна, еще покрытой утреннею росою. Загорѣлыя, здоровыя лица, непринужденныя, своеобразныя позы, сила, красота, молодость,—я всматривался въ эту группу деревенской молодежи и все больше и больше находилъ въ ней что-то особенно привлекательное, свѣжее, бодрое.

Пѣли всѣ. Пѣли дѣвушки, выводя высокія ноты довольно-таки рѣзкими голосами; парни подтягивали имъ. Надъ хоромъ особенно выдѣлялся довольно сильный, пріятный теноръ. Онъ доминировалъ надъ всѣми, остальные голоса какъ бы пристраивались къ нему, соображались съ нимъ.

— Это что за штука такая!?—вскочилъ удивленный мой пріятель, протирая заспанные, опухшіе глаза:—кто это поетъ?

— Митро-овскіе,—какъ бы нехотя отвѣчалъ возница.

— Какіе такіе митровскіе?—Пріятель все теръ глаза и, повидимому, не понималъ, что ему говорятъ.

— А тутошніе. Деревушка тутъ—Митровской прозывается, такъ оттуда.

— Чего же они распѣлись здѣсь спозаранку?—спросилъ я.

— Видишь, изъ церкви идутъ отъ ранней обѣдни.

Только теперь я вспомнилъ, что сегодня воскресенье. Тѣмъ не менѣе, и встрѣча, и пѣсни были столь неожиданны, что я все еще не могъ придти въ себя отъ изумленія.

— Какія пѣсни теперь начинаютъ пѣться на Руси!—сказалъ мой пріятель.—Не смотрите, что мы въ глушь такую залѣзли... Сколько верстъ до города-то отсюда?

— Да верстъ сорокъ будетъ.

— А отъ мануфактуры,—той, что мы проѣхали?

— Да верстъ пятнадцать...

— Извольте видѣть!.. И ты эту пѣсню знаешь?—продолжалъ спрашивать я у возницы.

— Знаю.

— И по душѣ она тебѣ?

— А то что же? Какъ впервой-то ее услышалъ—вотъ какъ ухватило,—простодушно отвѣчалъ парень.

— Да онъ врядъ-ли ее понимаетъ,—сказалъ мнѣ вполголоса мой пріятель. Тѣмъ не менѣе парень услышалъ и—обидѣлся.

— Что вы, господинъ,—полунасмѣшливымъ, полуобиженнымъ тономъ сказалъ онъ:—какъ же такой пѣсни не понимать?

А пѣсня все еще раздавалась за нами, звонко разливаясь въ утреннемъ воздухѣ. Словъ пельзя было уже разобрать. Пѣвцы скрылись за пригоркомъ, а унылые, хватающіе за душу звуки все неслись и неслись. Мнѣ казалось, что не люди, а сама земля поетъ эту пѣсню.

— Я и весь *стихъ о мужикѣ* читалъ,—продолжалъ словоохотливый парень:—вотъ хорошій стихъ. Читаешь, читаешь, слова-то все простыя такія, а вотъ за душу такъ и беретъ. Дюже хорошо!

— Какой такой «стихъ о мужикѣ»?—спросилъ я.

— А того же писателя, какъ и эта пѣсня...

— Ты и писателя этого знаешь?

— Знаю! Видалъ его книгу... Вотъ такая большая, печать мелкая...

— Гдѣ же ты эту книгу видалъ?

— У Яфима... Паренекъ тутъ одинъ есть, у Парамона Михеева при машинѣ состоитъ.

Паренекъ Яфимъ, имѣющій сочиненія Некрасова, батракъ при какой-то машинѣ; Парамонъ Михеевъ, владѣлецъ этой машины, здѣсь, въ глуши; наконецъ, самый возница, восемнадцатилѣтній дѣтина, съ такимъ выразительнымъ, умнымъ лицомъ и проницательно-насмѣшливыми глазами, что называется «себѣ на умѣ», читавшій «Кому на Руси жить хорошо»,—опять это было для меня нѣкоторою неожиданностью.

Къ нашему возницѣ я сразу почувствовалъ какую-то особенную симпатію. Очевидно, это былъ одинъ изъ тѣхъ, которые вѣчно чего-то ищутъ, побуждаемые естественной, живою пытливостью. Изъ такихъ-то людей и вырабатываются мало-по-малу *деревенскіе интеллигентные дѣятели*. Мнѣ и раньше приходилось встрѣчать вновь нарождающихся представителей молодой деревни; съ иными приходится переписываться и до сихъ поръ. Нарожденіе этого типа не такое явленіе, чтобы говорить о немъ мимоходомъ, и когда-нибудь я поговорю о немъ подробно. Врядъ-ли можно сомнѣваться, что этого типа лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ въ деревнѣ еще не было. Было время, когда лучшіе люди деревни чего-то ждали, на что-то надѣялись и только и дѣлали, что «приспособлялись» къ окружающей средѣ; теперь они уже не ждутъ пріѣзда барина, который всѣхъ разсудитъ и начинаютъ мыслить все болѣе и болѣе критически и поступаютъ уже нѣсколько иначе: они запасаются знаніями и пониманіемъ «про себя и для себя» и ищутъ *своего* выхода, кто гдѣ можетъ, кто какъ можетъ: иной въ переселеніи на новыя мѣста, иной въ какой-

нибудь «новой вѣрѣ», иной прилагаетъ все умѣнье и всѣ старанія, чтобы уйти изъ своей среды, путемъ-ли полученія дальнѣйшаго образованія или иначе какъ. И какъ ни разнородны, какъ ни разнообразны всѣ эти выходы, вездѣ, во всѣхъ нихъ, лежитъ одно и то же стремленіе—измѣнить къ лучшему то, что есть, нежеланіе относиться къ окружающей средѣ пассивно, принимая всевозможные ея дары, такъ сказать, съ раскрытымъ ртомъ и закрытыми глазами. Общая относительная пассивность деревенской массы не исключаетъ активности этихъ отдѣльныхъ людей. Когда-то они стояли какъ будто въ сторонѣ отъ этой массы; мало-помалу они сближаются, сливаются съ нею и, при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ жизни становятся впереди другихъ.

Правда, новый деревенскій типъ еще не распространенъ; тѣмъ не менѣе, онъ уже существуетъ, а отдѣльныя его черточки, иной разъ слабыя, едва замѣтныя, встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу. Я не могъ не узнать ихъ даже по тѣмъ немногимъ словамъ, которыя были сказаны моимъ возницей. Такіе люди, какъ этотъ паренекъ, уже научились думать,—до малаго онъ самъ додумывается; онъ умѣетъ и *слушать*, и даже въ отдѣльныхъ фразахъ, отдѣльныхъ, повидимому, незначителкныхъ словахъ онъ слышитъ то, что ему *нужно* слышать, и эти отдѣльныя фразы и слова получаютъ въ его умѣ особый смыслъ и значеніе, прилаживаясь одно къ одному въ общей картинѣ россійской дѣятельности. Рядомъ съ критической работой мысли идетъ работа синтетическая.

— А ты читать любишь?—спросилъ я парня.

— Страсть люблю! — отвѣчалъ онъ. — Только бы читать да читать!

— А книжки гдѣ достаешь?

— А у Яфима! У него много книгъ. Онъ и даетъ.

— Вотъ ты все говоришь: Яфимъ, да Яфимъ... А кто онъ такой?—продолжалъ я.—Здѣшній онъ, что-ли, изъ твоей деревни?

— Яфимъ то?—какъ-то особенно горячо воскликнулъ паренекъ:—не здѣшній онъ, а я его вотъ какъ люблю! Почитай, какъ брата родного люблю!

— А вотъ онъ какой человѣкъ,—началъ парень:—года три назадъ къ намъ его въ деревню по этапу привели. Говорили за воровство. И онъ тоже говорилъ... Идетъ это онъ—помню, зимой дѣло было—и сапожишки рваные, и пальтишко рваное, идетъ да трясется. Привели къ намъ въ деревню, да тамъ и оставили,—живи молъ тутъ, какъ знаешь. Яфимъ туда да сюда въ работники просится. Ну, кто-жъ его возьметъ? Деревушка наша, видѣлъ, какая бѣдная. Не то, что работниковъ держать, а и самимъ-то работать не надъ чѣмъ. Вотъ голодалъ онъ и бѣдствовалъ—страсть. И чѣмъ только питался человѣкъ—Господь его знаетъ. Раза два, кажись, ему только откуда-то деньги присылали,—рубля по два или по три. На эти деньги онъ всю зиму жилъ.

— Это въ голодную-то зиму?—съ удивленіемъ спросилъ мой пріятель.

— Вотъ-вотъ! И радъ бы его иной кормить, да у самого ничего нѣтъ. Верстъ за пять отъ насъ столовую открыли. Пошелъ онъ было туда. Ужъ только не знаю почему, а дня черезъ три назадъ пришелъ и пол-хлѣба принесъ,—барыня дала, та, которая столовую устраивала. Вотъ тутъ-то и сдружились мы съ нимъ. Пришелъ онъ къ намъ на ночь, хмурый такой. Какъ брякнетъ фуражкой объ полъ и говоритъ:—ну, чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, вѣрно ужъ мнѣ тутъ и помирать придется!—Сѣлъ и замолчалъ. Долго онъ такъ-то сидѣлъ. Я съ нимъ и говорить даже боялся. Все смотрю на него, и жалко мнѣ его—страсть... Мамка моя на печи больная тогда лежала. Она и кричитъ ему оттуда:—Яфимъ, а Яфимъ,—дай хлѣбца-то дѣткамъ. Вишь они, болѣзныя, совсѣмъ изголодались.—Яфимъ посмотрѣлъ это такъ на нее и слова не сказалъ—весь хлѣбъ отдалъ. И видно, что человѣка злость внутри разбираетъ. Сидитъ этакъ, сидитъ, да какъ стукнетъ этакъ по скамейкѣ—даже самъ испугается. И все о чемъ-то думаетъ, думаетъ. Я лежу на лавкѣ и посматриваю на него. Вижу—горитъ человѣкъ.

— Что же съ нимъ такое случилось?—спросилъ я.

— Ужъ не знаю что. Надо быть, не сладкое. Да и у насъ въ деревнѣ ему не сладко жилось. Онъ какъ будто все сторонкой держался, да и наши-то деревенскіе—народъ тугой. А мальчишки такъ даже его «арестантомъ» дразнили, потому по этапу пришелъ человѣкъ... И случилось тутъ у насъ большое горе,—пожаръ. Восемь дворовъ погорѣло. Людей едва повытаскали. Вотъ съ этого-то дня и дружба наша началась съ Яфимомъ, и деревенскіе наши къ нему добрѣе стали.

— Съ чего же это?

— Ужъ больно хорошо Яфимъ на пожарѣ работалъ. Себя не жалѣлъ! Кричитъ, бѣгаетъ, вездѣ поспѣваетъ. Все дѣло поворотилъ. Мужики его команды слушаться стали. Еслибъ не Яфимъ, такъ и нашей избѣ не сдобровать. Тутъ мы всѣ увидѣли, что парень-то съ головой. А какъ весна пришла и новыя избы кое-кто строить сталъ, тутъ ужъ Яфимъ въ гору пошелъ. Такой онъ ловкій работникъ—страсть! Онъ и плотникъ, и столяръ, и кузнечить можетъ. Все, что хошь! Онъ и замокъ починитъ, и топоръ справитъ. Дядя Митрій—нашъ кузнецъ—самъ видитъ, что ему до Яфима далеко. Жалованье ему положилъ, на харчи взялъ. А тутъ Парамонъ Михеевъ машину завелъ и крестьянамъ сталъ напрокатъ давать.

— Какую такую машину?

— Да паровую молотилку. Завести-то ее завелъ, а справиться и не можетъ съ нею. Поломалъ въ ней что-то — не дѣйствуетъ молотилка, хоть нѣмца изъ Москвы зови! А Яфимъ ему и машину справилъ, такъ что до сихъ поръ дѣйствуетъ! Жохъ этотъ Парамонъ, міроѣдъ настоящій. Почитай у него теперь полдеревни нашей въ долгу. И сталъ онъ съ тѣхъ поръ Яфима къ себѣ сманивать.

— И что же, Ефимъ пошелъ къ нему?

— А чего-жъ не идти? Пять рублевъ въ мѣсяцъ получать сталъ, а теперь восемь получаетъ. Теперь онъ у насъ парень хоть куда! Хорошо живетъ!..

Положительно, этотъ Ефимъ все больше и больше интересовалъ меня. Что деревенскіе кулаки кое-гдѣ стали покупать дорого стоящія сельскохозяйственныя машины и отдавать ихъ напрокатъ крестьянамъ, разумѣется, за хорошую цѣну, это для меня уже не было новостью. Машины мало по-малу проникаютъ и въ деревню. Извѣстны даже примѣры, что деревенскіе богатѣи покупаютъ и локомобили. Я знаю случай, что дорогую молотилку и локомобиль купили вскладчину сами мужики. Меня интересовало не это. Мнѣ хотѣлось выяснить отношеніе Ефима къ мужикамъ и ихъ отношенія къ нему. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ этимъ бѣднягой, занесеннымъ въ чужіе, далекіе края, въ совершенно чуждую ему обстановку.

— А для тебя-то что Ефимъ сдѣлалъ, если ты такъ любишь его?— спросилъ мой пріятель парня.

Отъ этого вопроса мой паренекъ даже встрепенулся. Онъ какъ-то подернулъ плечами, сдѣлалъ полоборота на своемъ сидѣньѣ и, повернувъ свое лицо, заговорилъ одушевленно и съ такою горячностью, какой я не могъ въ немъ даже предполагать. Глаза его заблестѣли, руки нервно задергались.

— Яфимъ что сдѣлалъ? Ишь ты, баринъ, чего спрашиваетъ! Видно, что и вправду—ваше житье не наше житье! Да безъ Яфима я и свѣта никогда бы не увидалъ! Сидишь тутъ, сидишь, живешь тутъ, живешь! Знаешь, что свѣтъ-то великъ, и дѣла тамъ великія дѣлаются. А какія дѣла, а какой такой свѣтъ—и самъ не знаешь! Вотъ посидѣли бы вы такъ-то хотя двѣ зимы—такъ узнали бы! И понятіевъ раньше у меня настоящихъ не было: смотрѣлъ да не понималъ, то да не то. Больно—такъ больно, ну, терпишь; горе, такъ горе — ну, переносишь кое-какъ. А отчего оно таки на тебя идетъ, такъ и неясно было... Даже грѣхъ-то какой на мнѣ тогда былъ: всѣ бѣды, всѣ напасти я на Бога взваливалъ. Думалъ: все Богъ да Богъ на насъ посылаетъ.

— А кто же?—спросилъ мой пріятель.

— Онъ, Милостивый, никогда зла не посылаетъ. Зло отъ людей идетъ, а не отъ Бога,—наставительнымъ тономъ сказалъ паренекъ:—съ Богомъ не справишься. Съ Богомъ и тягаться грѣхъ. А съ людскимъ зломъ какъ же не справиться?

Двѣ нотки, прозвучавшія въ наивно-откровенныхъ рѣчахъ парня, особенно привлекли мое вниманіе. Уже который разъ въ этихъ рѣчахъ проскальзывало это противопоставленіе: «мы» и «вы». Проскальзывало оно очевидно вполнѣ непроизвольно, само собою, т.-е. лежало глубоко въ душѣ парня. Поразила меня и своеобразная религіозность парня.

— Ну, гдѣ же съ людьми-то справиться? Что ты тамъ такое мелешь? — спросилъ мой спутникъ.

Парень опять быстро обернулся къ нему, какъ-то особенно выразительно посмотрѣлъ на него и — сразу замолкъ. Онъ лишь стегнулъ лошадей возжами и даже о Ефимѣ дальше не сталъ разсказывать. Видно было по всему, что мой спутникъ сильно пришелся ему не по душѣ. Пареньку даже какъ будто бы очень хотѣлось поговорить съ проѣзжими «чистыми господами», и если онъ замолчалъ, такъ на это имѣлъ свои особенно важныя причины. Но то, что имъ было не досказано, въ сущности, было понятно само собою. Въ эту деревенскую глушь книги были занесены никѣмъ инымъ, какъ Ефимомъ. Первымъ начитаннымъ, «книжнымъ» человѣкомъ, съ которымъ удалось поговорить на своемъ вѣку способному, любознательному парню, случайно научившемуся грамотѣ у какого-нибудь солдата или причетника, былъ Ефимъ. Отъ него же черпались знанія, образы, впечатлѣнія, идеи, эмоціи...

* * *

Впрочемъ, продолжать разговоръ было и некогда. Изъ-за пригорка показались какія-то сѣрыя, полуразрушенныя строенія, покрытыя соломой, обросшія мохомъ, наполовину вросшія въ землю и выглядывавшія оттуда словно въ испугѣ за свое несчастное существованіе. Мы въѣзжали въ Дмитровку, гдѣ должны были сдѣлать передышку и покормить лошадей. По случаю праздничнаго дня, на завалинкахъ, а то и просто на травѣ, покрывавшей улицы, сидѣли бабы и старики. Молодежи почти не было видно, такъ какъ она, вѣроятно, еще не возвратилась изъ церкви. При нашемъ появленіи какая-то старушка, худая, сгорбленная, высохшая, словно мощи, стала на крыльцо, посмотрѣла, посмотрѣла на насъ изъ-подъ ладошки и принялась низко кланяться. Мы поклонились тоже. Начался обмѣнъ поклоновъ и съ мужиками. Какой-то пузырь лѣтъ трехъ или четырехъ, въ грязной ситцевой рубашенкѣ и безъ штановъ, съ шапкой бѣлыхъ волосъ, выстриженныхъ въ кружокъ, растопырилъ ножки, выпятилъ брюхо впередъ и уставился на насъ серьезно-внимательными и удивленными глазами. Наша таратайка подъѣхала къ большому двухъэтажному дому, на которомъ висѣла красная вывѣска. У этого дома стояло нѣсколько такихъ же таратаекъ и телѣгъ. Лошади, уныло понуривъ головы, флегматично жевали сѣно. Въ навозѣ копошились цыплята. Подъ ногами лошадей, переваливаясь и покрякивая, бродили утки. У крыльца стояло нѣсколько мужиковъ, повидимому, уже подвыпившихъ. Они громко разсуждали о чемъ-то, а одинъ выкрикивалъ, энергично ударяя себя въ грудь:—«Нѣтъ, ты скажи! Нѣтъ, ты скажи, правильный-ли я человѣкъ?» Словомъ, передъ нами открылась одна изъ обыденныхъ россійскихъ картинъ деревенскаго трактирнаго благополучія. Веселые лучи лѣтняго солнца придавали и этой картинѣ отпечатокъ своего рода идилліи.

Мы только что расположились пить чай на задворкахъ, куда намъ вынесли столъ и скамейки, какъ ко мнѣ подошелъ паренекъ, нашъ возница. Онъ смущенно переминался съ ноги на ногу и мялъ въ рукахъ фуражку. Я предложилъ ему выпить чайку. Онъ отказался и, помявшись, наконецъ, сказалъ:

— Дозвольте, господа, мнѣ здѣсь остаться, а въ село N-ское (цѣль нашей поѣздки) васъ одинъ мужичекъ знакомый свезетъ.

Я очень удивился такой просьбѣ.

— А ты-то чего?—спросилъ я у него.

— Да Яфимъ тутъ теперя. Поговорить кой о чемъ хотѣлось бы... А назадъ мы съ вами опять поѣдемъ,—быстро добавилъ онъ, какъ бы въ оправданіе себѣ.

— Какъ знаешь, — сказалъ я: — оставайся, если хочешь. Только смотри, покажи и намъ своего Ефима.

Этотъ Ефимъ интересовалъ меня все больше и больше. Паренекъ нашъ засмѣялся, скороговоркой буркнулъ «счастливо оставаться» и въ одну минуту куда-то исчезъ.

— Парамонъ Михеичъ, эй, Парамонъ Михеичъ,—вдругъ раздался надъ нашими головами, въ окнѣ, довольно-таки визгливый женскій голосъ:—попотчуй господъ-то моимъ пивцомъ—авось понравится.

Мы чувствовали такую усталость и были такъ голодны, что положительно намъ нравилось все: и копорскій чай, и черствѣйшій ситникъ, и недопеченный хлѣбъ. Я тотчасъ же мысленно рѣшилъ разспросить Парамона Михѣича о его работникѣ Ефимѣ, и когда изъ-за угла показалась жирная, приземистая фигура хозяина съ большой, широкой головою, успѣвшею облысѣть, съ массивными чертами лица, на которомъ особенно бросались въ глаза рыжая борода и толстый красный носъ,—я обратился къ нему съ вопросомъ:

— А вы тутъ машину держите паровую, какъ я слышалъ?

Парамонъ самодовольно улыбнулся, показывая при этомъ черные, гнилые и похожіе на кабаньи клыки зубы.

— Оно точно-съ,—проговорилъ онъ,—паровую молотилку имѣемъ... Нужно же чѣмъ-нибудь на хлѣбъ дѣтямъ зарабатывать...

— И даетъ она вамъ барышъ?

— Не очень чтобъ очень, а себя покрываетъ съ небольшими процентами.

— А кто же у васъ ею управляетъ?

— Парнишка тутъ одинъ непутевый, — слесарь онъ или кузнецъ, что-ли. Съ голоду умиралъ, такъ я его къ молотилкѣ приставилъ.

— Зачѣмъ же вы непутеваго держите? Вѣдь молотилка денегъ стоитъ, а ну если онъ вамъ ее испоритъ?

— Да нѣтъ, дѣло-то онъ свое знаетъ... Ужъ онъ два года у меня работаетъ.

— Такъ чѣмъ же онъ непутевый, если работаетъ хорошо?

— Да такъ... человѣкъ-то онъ непутевый. Положиться на него нельзя. Все разсужденіе да разсужденіе, не то, чтобы хозяина слушать: сказано такъ, ну, и дѣлай такъ. Такъ нѣтъ—человѣкъ злобный!..

— Такъ, значитъ, онъ разсуждаетъ плохо, что-ли?

— Да нѣтъ, парень-то онъ съ головой, — немного помявшись пробормоталъ Парамонъ Михеичъ и вдругъ, возвышая голосъ, произнесъ:—да вотъ какой онъ человѣкъ: плутъ человѣкъ. Раза два я его ловилъ, что онъ на моей молотилкѣ даромъ хлѣбъ одной тутъ старушкѣ вымолотилъ, тайкомъ отъ меня. «Воръ ты этакій,—говорю я ему:—каналья ты этакая! Нешто не понимаешь ты, дрянь, что за молотилку-то я свои кровныя деньги платилъ?» А онъ вотъ какой человѣкъ грубіянъ, каналья. Не смотритъ, что съ нимъ хозяинъ разговариваетъ.—«Кровныя, говоритъ, платили, да не ваши кровныя!» И пошелъ, и пошелъ. Я ему слово, а онъ мнѣ десять, да и мудреныхъ такихъ словъ. И откуда у него злоба такая, Господь его знаетъ. Слушалъ я его, слушалъ. Плюнулъ и ушелъ, только пригрозилъ, чтобы больше этого не было. Да ему что ни говори—онъ все свое...

— Какъ,—еще было?

— Было, еще бы-съ!

— Такъ чего же вы его держите?

Хозяинъ опять помялся и потомъ сказалъ:

— Да чего же? Пока что... Жалко парня-то. Съ голоду околѣетъ безъ меня. Приспособился...

Я взглянулъ на жирныя, лоснящіяся щеки Парамона Михеича, на его свиныя глазки на выкатѣ и не могъ не улыбнуться. Ужъ очень не походила такая фигура, какъ его, къ роли благотворителя голодныхъ и сирыхъ...

— А непутевый—совсѣмъ непутевый. И деньгамъ цѣны не знаетъ. Лежатъ у меня, лежатъ его заработанныя денежки—все не беретъ. А потомъ вдругъ все спроситъ—и прощай денежки.

— Развѣ онъ пьянствуетъ?

— Пить-то пьетъ съ нашими парнями, да не очень. Такъ, промежъ рукъ бросаетъ. Разъ пять или шесть книгъ повыписывалъ, да вѣдь что вы думаете? Рубли на нихъ бросалъ, цѣлыя посылки ему сюда присылали съ книгами. И книжки-то все непутевыя—не божественныя. Купитъ, кое-что у себя оставитъ, а больше все нашимъ деревенскимъ раздастъ. Да что, сударь, и говорить-то о немъ не стоитъ. Возьметъ этакъ книгу какую ни на есть тамъ, соберетъ парней, дѣвокъ, а то и мужики придутъ, а онъ имъ и читаетъ, они слушаютъ. Смотрѣлъ я, смотрѣлъ, и говорю ему: брось это дѣло, Ефимъ, не хорошо. Береги деньгу—свое хозяйство заведешь, трактиръ откроешь (ей-Богу, я ему отъ души добра желаю). А онъ вотъ какой каналья: въ глаза засмѣялся мнѣ и говоритъ:—«Мои деньги, что хочу, то и дѣлаю».—Да ты бы, Ефимъ, хоть отцу бы и матери послалъ!—А онъ

этакіе злые глаза сдѣлалъ—я даже испугался. «Моего, говоритъ, отца машиной убило, а мать въ больницѣ умерла. Нѣтъ у меня отца и матери. И могилки ихъ гдѣ—не знаю!» Совсѣмъ безчувственный человѣкъ... Да что о немъ и говорить...

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите, пожалуйста.

— Этта, въ декабрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ, еще что Ефимъ придумалъ: смотрю, по почтѣ два денежные пакета посылаетъ. Читаю на пакетѣ: на такую-то фабрику, такой-то губерніи и уѣзда, такому-то слесарю.

— Ахъ, штобъ тебѣ. Спрашиваю Ефима: родственнику посылаешь, что-ли?—«Нѣтъ, не родственнику», говоритъ и самъ смѣется. Такъ чего же ты зря свои деньги-то сѣешь.—«А зря-ли, не зря, это ужъ мое дѣло,—дерзко такъ вѣдь говоритъ-то.—Вы, говоритъ, по моей должности съ меня что хотите спрашивайте, а ужъ о другомъ прочемъ вы мнѣ не судья, и правовъ у васъ такихъ нѣтъ». Вотъ арестантъ какой! Не даромъ его по этапу въ нашу волость привели. Ему добра желаютъ, по-отечески, а онъ «права да права!»...

— Ну, а вы что-же?

— Вѣрьте, сударь, вотъ какъ руки у меня чесались, чтобы его поколотить. Грѣхи съ нимъ одни. Слѣдовало бы мнѣ его прогнать, да куда-жъ онъ безъ меня дѣнется?

— Ну, а другой пакетъ онъ куда послалъ?—спросилъ я.

— А что бы вы думали? Въ газету. Вѣдь «вѣдомости» теперь получаетъ, вотъ какъ. Шутка-ли сказать: девять рублей трудовыхъ денегъ на газету отдалъ. Это господамъ деньги легко даются, а не намъ. И читаетъ вѣдь онъ эту газету, читаетъ. И вотъ какой человѣкъ: выищетъ что худое, и ну разсказывать. А мужичье наше—дураки, какъ есть. Уши развѣсятъ—слушаютъ это, слушаютъ.

— Ну, и что-же?

— А то-же и вышло, что онъ эту погань, газету, у насъ въ деревнѣ развелъ. Максимъ Матвѣевъ—тутъ богатый такой мужикъ есть—смотрѣлъ на него, смотрѣлъ, да по его совѣту и выписалъ другую какую-то газетину. И къ чему это газета намъ, и понять не могу. Живемъ себѣ да живемъ, тихо, благородно А тутъ вдругъ тебѣ въ ухо жужжатъ, что вотъ, молъ, какъ на свѣтѣ все худо, вотъ, вотъ смотри. Ну, пускай бы книжки читали, ну, божественныя тамъ, что-ли, ну, сказки... А нѣтъ таки: газету развелъ. Да что о немъ толковать—просто непутевый человѣкъ...

— Да вамъ-то что? Пусть себѣ читаютъ! По крайней-мѣрѣ узнаете, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается.

— Да на что намъ это? То, что нужно, и въ волости узнаешь. Туда ужъ всякая бумага нужная придетъ—не минуетъ!., Да еще и то сказать: боишься, какъ бы и грѣха какого съ этимъ Ефимомъ мнѣ не вышло.

— Какой же грѣхъ?—спросилъ я.

Парамонъ Михеичъ многозначительно посмотрѣлъ на меня.

— А какіе грѣхи бываютъ? Знаете? То-то оно и есть, этто думалъ я думалъ и сказалъ уряднику: посмотри, братъ, Иванъ Асеичъ, такъ, промежъ себя, по знакомству, что это за книжки такія у моего Ефима. Какъ бы не того,—смятенія какого не вышло. Ну, Иванъ Асеичъ-то свой человѣкъ—мою просьбу завсегда уважитъ. Пришелъ, посмотрѣлъ, записалъ, что слѣдуетъ. Ефимъ ничего—все по дружбѣ, смотри говоритъ, сколько хочешь. А какъ кончилъ Иванъ Асеичъ, тогда-то Ефимъ и на дыбы: вотъ какая каналья. «Теперь, говоритъ, я на тебя, Иванъ Асеичъ, жалобу подамъ за превышеніе власти. Правовъ, говоритъ, у тебя такихъ нѣтъ, чтобы ты въ моихъ книжкахъ рылся.» Да столько наговорилъ, да такихъ мудреныхъ словъ, что и Иванъ Асеичу какъ будто, того, неловко стало. Ужъ какъ они сдѣлались промежъ себя не знаю. Только потомъ Иванъ Асеичъ клялся и божился мнѣ, что все у Яфима по закону... Зубастый человѣкъ, каналья!.. Ну а мнѣ что? Отгрызнулся Ефимъ, и слава тебѣ, Господи. Мнѣ бы только себя очистить... на всякій случай, а я ближнему зла не желаю!..

«Хорошъ!—подумалъ я про себя,—нечего сказать». Признаюсь, въ эту минуту и безъ того противная рожа Парамона Михеича показалась мнѣ еще противнѣе.

— Вижу, вижу, что человѣкъ-то вы добрый,—сказалъ я насмѣшливо, не будучи въ силахъ себя сдержать. Парамонъ Михеичъ и мои слова принялъ за чистую монету и улыбнулся еще самодовольнѣе.

— И что же придумалъ мой Яфимъ? Мѣсяца такъ полтора послѣ того, иду я этакъ по улицѣ,—вижу мужики на бревнышкѣ сидятъ у старостиной избы, и Яфимъ тутъ, читаетъ имъ что-то. Я къ нему. «Ты это что, Ефимъ?» А вотъ,—говоритъ,—садись, Парамонъ Михеичъ, да послушай. Досугъ мнѣ съ ними сидѣть! «Да ты, что читаешь-то?»—Законъ урядницкій! И смѣется! Читаетъ и объясняетъ, что уряднику дано и что не дано. Да еще спрашиваетъ: «понимаете-ли, старички?» А старички такъ и уставились, такъ и слушаютъ, словно глотаютъ слова-то. «Да ты что это, Яфимъ, выдумалъ!—кричу я на него:—Какъ ты смѣешь законы читать?» А онъ еще пуще смѣется и говоритъ (да еще съ какой злостью, вы бы послушали). Императоръ Петръ Великій, Самодержецъ Всероссійскій, сказалъ, что «всуе законы писать, коли ихъ не будутъ исполнять». А еще, говоритъ, сказано въ законѣ, что законъ должны всѣ знать, да не отговариваться, что его не знаютъ. Вотъ, ты, Парамонъ Михеичъ, и разсуди, по закону-ли я поступаю, что законы-то мужичкамъ читаю!.. «Читай, читай», кричитъ дядя Митрій. Ну что съ ними говорить? По-моему, такъ и не могъ сей мудрый государь такихъ словъ сказать... Я плюнулъ и пошелъ. Да онъ имъ всякіе законы читаетъ, и газету читаетъ, и роспись доходовъ и расходовъ читалъ. А мужики-то?—Слушаютъ да ахаютъ...

Еще долго разсказывалъ мнѣ Парамонъ Михеичъ о своемъ работ-

никѣ, все въ такомъ же духѣ. Онъ хотя и не жалѣлъ для него ругательныхъ словъ, но все же признавалъ въ немъ и много хорошихъ качествъ, въ томъ числѣ главное—добросовѣстное и умѣлое отношеніе къ дѣлу, основательное знакомство съ машиной, способность работать, когда нужно, какъ говорится, не жалѣя своей шкуры, сообразительность, смекалку. Подчасъ мнѣ даже казалось, что Парамонъ Михеичъ какъ будто бы и гордится немножко, что у него такой «ученый» работникъ. «Ученъ, ученъ, а все же на меня, Парамона, за восемь рублей въ мѣсяцъ работаетъ!»... Отъ него же я узналъ, что Ефимъ когда-то былъ слесаремъ, получалъ хорошія деньги, да какъ-то проштрафился,—его и прогнали и по этапу выслали. Узналъ я и то, что, живя у Парамона Михеича, Ефимъ тоже получилъ раза два или три по нѣскольку рублей «отъ своихъ товарищей—тѣ какой-то долгъ ему платили»...

Но самого Ефима мнѣ на этотъ разъ видѣть такъ и не удалось. Мы должны были торопиться. Лошаденки были уже готовы. Около нихъ похаживалъ какой-то мужиченко, сгорбленный, кривоногій и кривобокій съ щетинистыми усами и всклокоченной бородой,—повидимому, изъ отставныхъ солдатъ. Когда мы подошли къ таратайкѣ, онъ тотчасъ засуетился, принялся чего-то искать, то кнутъ, то торбу.

— Готовы, господа, готовы? Ну, и слава Господу! Садитесь, садитесь! Дядя Листаръ давно готовъ! Дядя Листаръ по солдатски—разъ, разъ и готово.

Дѣйствительно, не смотря на свою сгорбленность, онъ довольно-таки ловко вскочилъ на облучекъ, и мы тронулись. На насъ степенно смотрѣли сидѣвшіе на завалинкахъ мужики. Бабы о чемъ-то разсуждали, безъ церемоніи показывая на насъ. Ребятишки пялили глаза, а иные удальцы вздумали бѣжать наперегонку съ нашею таратайкой и съ торжествующимъ видомъ обгоняли ее, немилосердно шлепая по песку босыми, загорѣлыми ноженками.

Скоро и ребята, и деревушка скрылись изъ виду. По сторонамъ дороги потянулись поля и поля.

Намъ пришлось возвращаться тою же дорогой. Чрезъ Дмитровку мы проѣзжали часовъ въ восемь вечера. Вечеръ былъ превосходный. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ скошеннаго сѣна. Поля и луга убѣгали куда-то вдаль, озаренныя оранжевыми лучами заходящаго солнца. Отъ этихъ лучей желтыя полосы пшеницы казались золотисто-огненными. По нимъ пробѣгали легкія волны, похожія на колыханіе дремлющаго моря. Гдѣ-то вдали покрякивалъ коростель. Мнѣ надоѣло трястись на таратайкѣ, лошади съ поразительной флегматичностью плелись шагомъ. Я спрыгнулъ на дорогу и пошелъ пѣшкомъ... Я шелъ рядомъ съ таратайкой, вдыхая полной грудью свѣжій, ароматный воздухъ и слушая неумолчную болтовню словоохотливаго дяди Листара, который,

на обратномъ пути, отъ выпитыхъ двухъ стаканчиковъ «очищенной» сдѣлался еще словоохотливѣе...

— Дядя Листаръ, дядя Листаръ,—говорилъ онъ:—А что дядя Листаръ? Бывалый человѣкъ—только и всего. И въ Сербіи дядя Листаръ побывалъ, и на турокъ за Балканы ходилъ, у дяди Листара осколкомъ гранаты три ребра перешибло, да отдышался... Лежалъ-лежалъ больнымъ—и грамотѣ въ больницѣ научили. Вотъ что такое дядя Листаръ. Съ пониманіемъ онъ человѣкъ! Такъ-то!..

До меня слова дяди Листара доходили словно сквозь сонъ. Мои мысли были далеко отъ него. Снова нахлынули на душу «проклятые вопросы»... Гдѣ же эта «геометрическая прогрессія жизни»? Гдѣ эта мощная, непреодолимая волна мірового, историческаго прилива? Далеко-ли она отъ насъ? Дойдетъ-ли она когда-нибудь и до этой глухой деревушки, затерявшейся среди лѣсовъ и полей? Слышно-ли гдѣ-нибудь движеніе этой волны? И машинально, не отдавая себѣ никакого отчета, я напряженно ловилъ всякіе звуки полей и луговъ, и нѣжное шуршанье колыхающейся пшеницы и ржи, и пѣніе еще неугомонившихся птицъ, и трепыханье таратайки, подпрыгивавшей на каждомъ ухабѣ...

И поля, и луга погружались въ тишину. Вдали уже скользили вечернія тѣни...

Изъ-за пригорка показалась знакомая деревня. Тутъ же, при въѣздѣ въ нее, на кучѣ бревенъ и камней я увидѣлъ цѣлую компанію парней и дѣвушекъ,—нѣкоторыхъ я уже встрѣтилъ сегодня утромъ. Но деревенской молодежи было здѣсь гораздо больше, чѣмъ тогда. Поровнявшись съ ними, дядя Листаръ снялъ шапку и раскланялся.

— Здорово, Яфимъ Максимычъ!

Я посмотрѣлъ на того парня, къ которому относились эти слова. Это былъ высокій, широкоплечій дѣтина въ сапогахъ бутылками, въ кашемировой рубашкѣ малиноваго цвѣта и пиджакѣ. Его лицо сразу останавливало на себѣ вниманіе. Это было открытое и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичное лицо, съ умными, черными глазами и рѣзко очерченнымъ подбородкомъ. Такія лица, впрочемъ, довольно-таки часто попадаются среди фабричнаго люда.

Въ рукахъ Ефимъ держалъ какую-то толстую, большого формата книгу; она была раскрыта. Очевидно, я засталъ чтеніе въ самомъ разгарѣ. Парни, дѣвушки и подростки вплотную окружали чтеца. Поодаль стояли, солидно поглаживая свои бороды, два пожилыхъ мужика. Безъ сомнѣнія, въ числѣ слушателей Ефима были и они, хотя какъ будто и совѣстились «водить компанію» съ молодежью.

Я смотрѣлъ на эту картину—и не могъ отвести отъ нея глазъ.

Черезъ часъ, напившись чайку и сдѣлавъ передышку лошадямъ, мы уже сидѣли въ своей таратайкѣ и ѣхали обратной дорогой. И Митровка, и Парамонъ Михеичъ, и слѣпой, кривобокій дядя Листаръ,—все

осталось позади. На облучкѣ сидѣлъ нашъ прежній возница паренекъ, пріятель Ефима. Онъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа и что есть силы погонялъ лошадей, покрикивая на нихъ сердитымъ тономъ. Послѣднія строенія деревушки Митровки уже скрывались изъ вида, какъ вдругъ я услыхалъ позади насъ громкіе крики.

— Эй, эй, Семенъ, Се-е-менъ! Стой! — вдругъ раздался чей-то голосъ за нами. Я быстро оглянулся и съ удивленіемъ увидѣлъ, что за нами чуть не во всю прыть бѣжитъ какой-то деревенскій парень. Мое удивленіе стало еще больше, когда въ этомъ парнѣ я узналъ Ефима...

Лошади наши остановились. Ефимъ подбѣжалъ запыхавшись, но, какъ мнѣ показалось, съ нѣсколько самонадѣяннымъ и даже задорнымъ видомъ. какъ бы усиленно стараясь не уронить своего достоинства.

— Господинъ, простите. пожалуйста,—заговорилъ онъ пріятнымъ голосомъ, обращаясь ко мнѣ:—вотъ я слыхалъ, что вы питерскіе. Такъ, сдѣлайте милость, найдите вы мнѣ по адресному столу человѣка тамъ одного, моего знакомаго. Пожалуйста... Сдѣлайте милость...

Эти слова были сказаны какимъ-то особеннымъ, хотя и просительнымъ, но глубоко задушевнымъ тономъ. Я сразу почувствовалъ, что Ефимъ не скоро-то рѣшился обратиться съ просьбой къ незнакомому совсѣмъ человѣку. Но, очевидно, у него былъ уже о насъ разговоръ съ Семеномъ. Не отъ другого же кого онъ узналъ, что мы питерскіе. Да, безъ сомнѣнія, и все, что мы говорили дорогой, было уже ему пересказано Семеномъ...

— Съ удовольствіемъ сдѣлаю то, что вы хотите,—сказалъ я Ефиму:—скажите, какъ зовутъ вашего знакомаго и откуда онъ родомъ.

— А вотъ!—сказалъ Ефимъ и поспѣшно протянулъ мнѣ какую-то скомканную бумажку. На ней были подробно написаны всѣ данныя, какія необходимы для справки въ адресномъ столѣ. Лицо Ефима сразу прояснилось, и онъ быстро заговорилъ.

— Пожалуйста. Вотъ и адресъ, чтобы мнѣ написать. Сдѣлайте милость. Живу я тутъ, живу и о пріятеляхъ ничего не знаю. Тоска беретъ... Да и грѣшно забывать друзей - пріятелей... Однокашники... Люди хорошіе... Хочется имъ написать, что и живъ я, и здоровъ, и какъ волъ работаю, и работы не боюсь, и духу... во мнѣ прибавилось... Обо всемъ хочется написать... А впрочемъ, мнѣ и здѣсь хорошо... Да, мнѣ и вездѣ хорошо. Руки и ноги крѣпкія... Не умру зря-то!..

И Ефимъ засмѣялся. Засмѣялись и мы. И было въ этомъ смѣхѣ что-то бодрое, что-то задушевное...

На прощанье мы пожали другъ другу руки, и таратайка наша покатилась по ухабистой, пыльной «не-земской» дорогѣ. Потянулись по сторонамъ опять поля и луга, жалкія изгороди и длинные ряды сто-

говъ сѣна. Солнце уже давно сѣло. И на поля, и на луга ползъ откуда-то съ востока полумракъ... Въ глубинахъ темнозеленаго неба здѣсь и тамъ загорались звѣзды. Небесный сводъ становился все прозрачнѣе и прозрачнѣе, открывая передъ зрителемъ необъятныя перспективы безконечнаго пространства. Изъ-за далекихъ холмовъ показалась луна. Освѣщенный ея голубыми, обольстительно нѣжными лучами небесный сводъ сдѣлался еще прозрачнѣе. Маленькія звѣзды-искорки какъ бы тонули и гасли въ ея лучахъ. Большія звѣзды—горѣли и мерцали, то исчезая, то появляясь изъ глубины. По полямъ и лугамъ протянулись и поползли голубыя, прозрачныя тѣни—нѣжныя тѣни теплой іюльской ночи...

Я оглянулся назадъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на Митровку. Но ея уже не было видно.

Лишь на далекомъ холмѣ стояла высокая человѣческая фигура, выдѣляясь на прозрачной синевѣ неба и, какъ мнѣ показалось, пристально смотрѣла на нашу удаляющуюся таратайку...

Мой пріятель уже клевалъ носомъ. Семенъ, какъ и раньше, упорно молчалъ. Сонъ бѣжалъ лишь отъ моихъ глазъ. По прежнему, тѣснились въ головѣ неотвязныя, мучительныя думы, — длинныя вереницы мыслей и эмоцій, крѣпко связанныхъ, ассоціированныхъ одна съ другой. Мелькали знакомые образы — и быстро куда-то исчезали. Ихъ мѣсто точасъ же замѣняли другіе... То, что было пережито когда-то, что я только лишь увидѣлъ и перечувствовалъ теперь, слилось, соединилось воедино... И я задавалъ себѣ вопросъ: какія психическія силы творятъ исторію? Какія силы поднимаютъ эту громадную историческую волну всемірнаго прилива и отлива, которая катится вокругъ насъ, черезъ насъ и надъ нами? Убѣжденіе и пониманіе, — анализъ вещей и событій? Нѣтъ, какъ будто не то... Міромъ управляетъ не столько разумъ, сколько эмоція. Тотъ, кто отлично понимаетъ, тотъ, кто прекрасно сознаетъ, легко можетъ статься, только то и сдѣлаетъ, что поплыветъ по теченію, даже и пальца не выставивъ противъ него... Для работы и для борьбы нужны эмоціи, нужно *настроеніе*. Кто бы человѣкъ ни былъ, гдѣ бы онъ ни стоялъ, къ какому бы классу общества ни относился,—если въ немъ есть настроеніе,—онъ будетъ жить, онъ будетъ блестѣть, какъ звѣздочка или искорка, онъ будетъ разливать свѣтъ и теплоту вокругъ себя, онъ будетъ и въ другихъ возбуждать однородныя эмоціи, которымъ знаніе и пониманіе, разумѣется, самые лучшіе, самые могущественные слуги...

Исторія человѣческихъ обществъ, исторія массъ — развѣ это не исторія *настроеній*, не исторія ихъ измѣненій, ихъ борьбы... И какъ знать, что распространяется быстрѣе, что совершаетъ болѣе великія дѣла—пониманіе или настроеніе?..

Я задавалъ себѣ вопросъ за вопросомъ, которые неудержимо возникали въ моемъ умѣ. Но ни на одинъ вопросъ не находилось от-

вѣта... Я спрашивалъ, но не рѣшалъ. Пусть рѣшаетъ ихъ наука, пусть скорѣе разрѣшитъ ихъ жизнь.

А по сторонамъ дороги все тянулись поля и поля, облитыя серебристо-голубымъ луннымъ свѣтомъ. Тишина лѣтней ночи нарушалась лишь громыханьемъ таратайки да стукомъ лошадиныхъ копытъ о сухую, пыльную дорогу. Не слышно было пѣсенъ, молчали и птичьи голоса... Вокругъ царила мертвая тишина и безмолвіе...

И вдругъ, откуда-то изъ глубины, изъ-за пригорковъ и холмовъ до меня донеслись знакомые, рѣжущіе слухъ, непріятные звуки — не то громыханіе, не то безконечный стукъ и грохотъ, шипѣнье, лязганье, визгъ. Звуки становились все громче и громче, все слышнѣе и слышнѣе...

— Эво-на, эво-на, посмотрите,—вдругъ прервалъ свое флегматичное молчаніе Семенъ:—ишь какъ коптитъ, ишь какъ дымитъ, — страсть! Упаси, Господи!

Изъ-за пригорка показалась черная, мрачная труба Носилковской мануфактуры. Изъ трубы громаднымъ столбомъ поднималось облако чернаго дыма. По мѣрѣ того, какъ мы ѣхали впередъ, и труба, и фабрика словно выплывали изъ-подъ земли. Я скоро увидѣлъ длинные ряды освѣщенныхъ оконъ ткацкаго отдѣленія, откуда вырывались на свободу и летѣли въ уснувшую даль безконечныя волны всевозможныхъ звуковъ.

— Ну, народъ! Вотъ народъ!—сердито проворчалъ Семенъ.—И на праздникъ въ ночь работаетъ, и съ праздника ночь работаетъ. Жарь, окаянная! Жарь!

И вдругъ, обращаясь ко мнѣ, Семенъ проговорилъ:

— А вѣдь сгоритъ! Ей-Богу, сгоритъ. Смотрите-ка, смотрите!

Я поднялъ голову вверхъ — и передо мной снова открылась уже извѣстная, величественно-прекрасная картина. Изъ громадной фабричной трубы, словно изъ жерла вулкана, яркимъ, блестящимъ снопомъ вылетали цѣлые огненные потоки красноватыхъ искорокъ. Эти искорки неслись и вверхъ и внизъ; онѣ разбрасывались и вправо, и влѣво; онѣ скользили по темно-голубому, прозрачному своду неба, между голубыхъ мерцающихъ звѣздъ, словно огненно-красныя звѣздочки; онѣ описывали безконечно разнообразныя траэкторіи. Мнѣ казалось, что онѣ то гаснутъ, то загораются вновь, что одна искорка въ геометрической прогрессіи порождаетъ десятки и сотни новыхъ, и всѣ онѣ несутся и летятъ, какъ бы стремясь охватить сколь возможно большее пространство—охватить горизонтъ, овладѣть землею.

И въ этомъ движеніи было что-то величественно-роковое, что-то стихійно-непобѣдимое, непобѣдимое по своей непреоборимой логикѣ, неизбѣжное, какъ естественный ходъ вещей.

И. Рубакинъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ РЕПЕТИТОРА.

Новелла Генриха Сенкевича.

(Переводъ Мих. Гербановскаго).

Свѣтъ отъ лампы, хотя и прикрытой абажуромъ, заставлялъ меня просыпаться, и нерѣдко, во второмъ или третьемъ часу за полночь, я видѣлъ Михася все еще за занятіями. Его маленькая и изможденная фигурка, одѣтая только въ ночное бѣлье, склонялась надъ книгой, и въ ночной тишинѣ сонный и усталый голосъ машинально повторялъ латинскія или греческія спряженія съ той монотонностью, съ какой въ костелѣ обыкновенно читаютъ поминанье. Когда я приказывалъ ему ложиться спать, мальчикъ отвѣчалъ мнѣ: „я не знаю еще уроковъ, господинъ Вавжинкевичъ!“ Я помогалъ ему готовить уроки отъ четырехъ до восьми, а потомъ еще отъ девяти до двѣнадцати, и самъ до тѣхъ поръ не ложился спать, пока не былъ убѣжденъ, что онъ знаетъ все; но, говоря по правдѣ, этого всего было слишкомъ много. Окончивъ послѣдній урокъ, мальчикъ забывалъ первый, а нѣмецкія, греческія, латинскія спряженія и названія всевозможныхъ городовъ въ его бѣдной головкѣ производили такую путаницу, что онъ не могъ спать. Онъ вылѣзалъ тогда изъ подъ одѣяла, зажигалъ лампу и снова усаживался за столъ. Когда я кричалъ на него, онъ плакалъ и просилъ позволенія остаться. Съ теченіемъ времени, я такъ привыкъ къ этимъ ночнымъ занятіямъ, къ свѣту лампы и къ бормотанію спряженій, что когда ихъ не было, я самъ не могъ заснуть. Быть можетъ, я обязанъ былъ запретить ребенку надрываться надъ непосильными занятіями, но что же я могъ подѣлать? Во что бы то ни стало онъ долженъ былъ такъ или иначе выучивать уроки, потому что, въ противномъ случаѣ, его уволили бы изъ училища, и одинъ только Богъ знаетъ, что это былъ бы за ударъ для пани Маріи, которая, оставшись послѣ смерти мужа съ двумя сиротами, всѣ свои надежды возлагала на Михася. Положеніе было почти безвыходное, такъ какъ, съ другой стороны, я видѣлъ, что непосильная умственная работа подтачиваетъ здоровье мальчика и, пожалуй, можетъ даже угрожать его жизни.

Нужно было, по крайней мѣрѣ, укрѣплять его физически, заниматься съ нимъ гимнастикой, заставлять его много гулять или кататься верхомъ, да бѣда, что на все это не хватало времени. У ребенка столько было работы, столько приходилось выучивать на память, столько писать каждый день, что, положа руку на сердце, повторяю: не хватало времени. Каждую минуту, необходимую для развлеченія, для здоровья и жизни мальчика, отнимали латынь, греческій и... нѣмецкій. Утромъ, когда я складывалъ ему книжки въ ранецъ и видѣлъ, какъ его худыя плечи гнулись подъ тяжестью увѣсистыхъ томовъ, сердце мое обливалось кровью. Часто я обращался къ учителямъ съ просьбою быть къ нему внимательнѣе и снисходительнѣе, но учителя замѣчали мнѣ на это, что я порчу и балую ребенка, что Михась, повидимому, мало занимается и только плачетъ по пустякамъ. У меня самого грудь болитъ, я нелюдимъ и раздражителенъ, и потому ихъ замѣчанія отравляли мнѣ не одну минуту. Я лучше ихъ зналъ, много или мало работаетъ Михась! Это былъ ребенокъ среднихъ способностей, но такой прилежный и, при всей душевной мягкости, одаренный такою силой характера, какой мнѣ не приходилось встрѣчать въ дѣтяхъ его возраста. Бѣдный мальчикъ страстно и слѣпо былъ привязанъ къ матери, и стоило ему только напомнить, что мать его очень несчастна и больна, что если, къ тому же, онъ будетъ плохо учиться, онъ можетъ ее убить— и мальчикъ дрожалъ при этой мысли и по цѣлымъ ночамъ просиживалъ за книжкой, чтобы только не причинить огорченія матери. Онъ изливалъ въ слезахъ свое горе, когда получалъ дурную отмѣтку, но никому и въ голову не приходило, что заставляло его такъ сильно плакать, до какой страшной степени онъ чувствовалъ себя виновнымъ. Да и кому какое дѣло было до этого! Я же его не портилъ и не баловалъ, только понималъ его лучше другихъ; если я, вмѣсто того, чтобы бранить его за дурныя отмѣтки, старался его развлекать,—это ужъ мое дѣло. Я самъ наработался въ жизни не мало, натерпѣлся голода и нужды, не зналъ въ своей жизни счастья и не буду знать и—пусть его чортъ возьметъ—я даже не скрежещу теперь зубами, когда объ этомъ подумаю: не очень вѣрю, чтобы стоило жить, но, можетъ быть, поэтому-то и чувствую искреннее сожалѣніе къ каждому горю.

Что касается меня, то я, по крайней мѣрѣ, въ годы Михася, когда гонялся за голубями по улицамъ или игралъ въ городки подъ ратушей, имѣлъ свободные часы для игръ и отдыха. Кашель меня не мучилъ; когда мнѣ случалось быть битымъ, я плакалъ, пока

били; за то я былъ свободенъ, какъ птица, и ни о чемъ не заботился. У Михася и этого даже не было. Пускай бы жизнь и его положила на наковальню и побила молоткомъ! Тѣмъ лучше было бы для него, тѣмъ непосредственнѣе его, какъ мальчика, забавляло бы то, что забавляетъ другихъ дѣтей, тѣмъ больше натворилъ бы онъ шалостей и набѣгался на свѣжемъ воздухѣ, подъ припекомъ солнца. Но такого примиренія работы съ свойственной дѣтямъ рѣзвостью у меня не было предъ глазами. Наоборотъ, я видѣлъ, какъ ребенокъ отправлялся въ училище и возвращался оттуда хмурымъ, сгорбленнымъ подъ тяжестью книгъ, утомленнымъ, съ морщинами около глазъ и съ такимъ видомъ, какъ будто онъ постоянно сдерживалъ готовое вырваться рыданье—мнѣ его отъ души было жалко и я хотѣлъ быть для него утѣшеніемъ.

Я самъ учительствую, до нѣкоторой степени приватно, и не знаю, что бы дѣлалъ на свѣтѣ, еслибы, вдобавокъ, утратилъ еще вѣру въ значеніе науки и въ пользу, какая отъ нея проистекаетъ. Я только думаю, что наука не должна жизнь дѣтей превращать въ трагедію, что латинскій языкъ не можетъ замѣнить чистаго воздуха и здоровья, а дурное или хорошее произношеніе не должно рѣшать вопроса о судьбѣ и жизни маленькихъ существъ.

Я думаю также, что воспитаніе всего лучше достигаетъ цѣли тогда, когда ребенокъ чувствуетъ надъ собою руку, ласково управляющую имъ, а не ногу, которая наступаетъ ему на грудь и топчетъ въ грязь все, что его учатъ любить и уважать дома. Такой ужъ я обскурантъ и навѣрное не перемѣню своего взгляда на этотъ предметъ, потому что я все больше и больше убѣждаюсь въ его справедливости, когда вспоминаю своего Михася, котораго я такъ любилъ. Я съ шести лѣтъ руководилъ имъ, сперва въ качествѣ гувернера, потомъ, когда онъ перешелъ во второй классъ, въ качествѣ репетитора, и имѣлъ достаточно времени привязаться къ нему. Къ тому же, мнѣ не къ чему скрываться передъ самимъ собою,—онъ былъ мнѣ дорогъ потому, что былъ сыномъ самаго дорогого для меня на свѣтѣ существа... Она никогда не знала объ этомъ и никогда не узнаетъ. Я всегда помню, кто я... такъ себѣ, господинъ Вавжинкевичъ, приватный учитель и при всемъ томъ человѣкъ больной, она же изъ знатнаго шляхетскаго рода, барыня, на которую я глазъ не смѣлъ бы поднять. Но одинокое сердце, разбитое жизнью, въ концѣ концовъ должно пристать къ чему-нибудь, какъ пристаетъ раковина, выброшенная волною—мое и привязалось къ ней. Чѣмъ я тутъ могу помочь? а впрочемъ, чѣмъ ей это мѣшаетъ? Я не требую отъ нея больше

свѣта, чѣмъ отъ солнца, которое весной согрѣваетъ мою больную грудь. Я шесть лѣтъ провелъ въ ея домѣ, присутствовалъ при смерти ея мужа, видѣлъ ее несчастной, одинокой, но всегда доброй, какъ ангелъ, любящей до безумія своихъ дѣтей, почти святой въ своемъ вдовствѣ, и... поневолѣ я долженъ былъ придти къ этому. Но это не любовь во мнѣ, а скорѣе моя религія.

Михась былъ поразительно похожъ на мать. Часто, когда онъ вскидывалъ на меня свои глаза, мнѣ казалось, что я гляжу на нее. Передо мною были тѣ же нѣжныя черты, тотъ же самый лобъ, оттѣненный густыми прядями волосъ, тотъ же красивый изгибъ бровей, и въ особенности голосъ совершенно одинаковаго тембра. Въ характерѣ матери и сына была еще одна общая черта, которая сказывалась въ нѣкоторой склонности къ экзальтаціи въ чувствахъ и взглядахъ. Оба они принадлежали къ тому разряду нервныхъ, впечатлительныхъ, благородныхъ и любвеобильныхъ натуръ, которыя способны на великіе подвиги самопожертвованія, но которыя въ жизни, при столкновеніи съ грубой дѣйствительностью, находятъ мало счастья, отдавая больше, чѣмъ получая взамѣнъ. Этотъ сортъ людей теперь мало-по-малу выводится, и я думаю, что какой-нибудь современный натуралистъ былъ бы въ правѣ сказать о нихъ, что они заранѣе обречены на смерть, потому что являются на свѣтъ съ порокомъ сердца: они слишкомъ сильно любятъ.

Семья Михася была когда-то очень богатой, но слишкомъ всѣ много любили... и разныя бури развѣяли богатство, а то, что осталось, нельзя было назвать нуждою, нельзя даже было назвать бѣдностью, однако, въ сравненіи съ прежними достатками, было очень умѣреннымъ. Михась былъ послѣднимъ въ родѣ; поэтому пани Марія любила его не только, какъ собственное дитя, но, между прочимъ, и какъ носителя своихъ надеждъ на будущее. Къ несчастью, съ свойственной матерямъ близорукостью, она видѣла въ немъ недюжинныя способности. Мальчикъ дѣйствительно не былъ вовсе тупымъ, но принадлежалъ къ тому разряду дѣтей, способности которыхъ, на первыхъ порахъ среднія, развиваются только впослѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ силъ физическихъ и здоровья. При иныхъ обстоятельствахъ онъ могъ бы окончить гимназію, потомъ университетъ и сдѣлаться полезнымъ труженикомъ на любомъ поприщѣ. При такихъ, какія существовали, онъ только мучился и, зная о томъ, какъ высоко цѣнила мать его способности, выбивался изъ силъ.

На своемъ вѣку мнѣ пришлось многое видѣть и я принялъ за правило ничему не удивляться, но признаюсь, что я, еслибъ не убѣдился лично, никогда бы не повѣрилъ, чтобы могъ быть такой слу-

чай, когда для ребенка оказались роковыми прилежаніе, сила воли и трудъ. Въ этомъ есть что то ненормальное и, еслибъ слова могли вознаградить меня за все мое сожалѣніе и негодованіе, я навѣрное сказалъ бы вмѣстѣ съ Гамлетомъ, что на свѣтѣ происходитъ много такого, чего и во снѣ философамъ не снилось...

Я занимался съ Михасемъ такъ, какъ будто отъ тѣхъ отмѣтокъ, которыя онъ получалъ за успѣхи, зависѣла моя собственная карьера. У меня съ моимъ дорогимъ мальчикомъ была одна и та же цѣль: какъ бы *ея* не огорчить, похвастать хорошими отмѣтками, вызвать улыбку счастья на *ея* устахъ. Когда ему удавалось получить хорошій баллъ, мальчикъ возвращался изъ класса раскраснѣвшійся и счастливый. Мнѣ казалось, что въ такія минуту онъ немного выросталъ, распрямлялся; его обыкновенно грустные глаза свѣтились тогда искренней, дѣтской радостью и горѣли, какъ два уголька. Онъ торопливо сбрасывалъ съ своихъ узкихъ плечъ ранецъ, нагруженный книгами, и, подмигивая мнѣ, говорилъ еще съ порога:

— Господинъ Вавжинкевичъ, вотъ мама-то обрадуется! Я получилъ изъ географіи... угадайте сколько?

И когда я притворялся, что не могу угадать, онъ подбѣгалъ ко мнѣ съ выраженіемъ гордости на лицѣ и, закидывая мнѣ руки на шею, шепталъ, какъ будто на ухо, а впрочемъ, достаточно громко:

— Пятерку! ровно пятерку!

Для насъ обоихъ это были счастливыя минуты. По вечерамъ, въ такіе дни, Михась предавался вслухъ мечтамъ и, представляя себѣ, что это будетъ за счастье, когда онъ получитъ по всѣмъ предметамъ отличныя отмѣтки, говорилъ, обращаясь частью ко мнѣ, частью къ себѣ самому:

— На Рождество мы поѣдемъ въ Залѣсную: снѣгъ будетъ идти, какъ обыкновенно зимой, стало быть, мы поѣдемъ на саняхъ. Мы пріѣдемъ ночью, впрочемъ... о, мама будетъ меня поджидать, обниметъ, поцѣлуетъ, а потомъ спроситъ про билетъ. Я строю нарочно печальную мину, а тутъ мама читаетъ: законъ Божій—пять, латинскій—пять... все пятерки! Ахъ, господинъ Вавжинкевичъ!

У бѣднаго мальчика слезы проступали на глазахъ, а я, вмѣсто того, чтобы его удерживать, самъ поспѣшалъ за нимъ усталымъ воображеніемъ и припоминалъ домъ въ Залѣсной, его важность, тишину, то высшее, благородное существо, которое было въ немъ госпожей, и счастье, какое доставятъ ей пріѣздъ сына и его отличный билетъ.

Я пользовался такими минутами и старался внушить Михасю, объясняя ему, что мама интересуется не только его успѣхами, но и здоровьемъ, что онъ не долженъ плакать, когда я вожу его гу-

лять, спать столько, сколько я ему говорю, и сверхъ мѣры не заниматься ночью. Растроганный мальчикъ обнималъ меня за шею и повторялъ:

— Милый, дорогой господинъ Вавжинкевичъ, я буду страшно здоровъ и стану такимъ большимъ, что ни мама, ни маленькая Леля меня не узнаютъ!

Я получалъ часто письма отъ пани Маріи, поручавшей мнѣ, чтобы я заботился о здоровьѣ мальчика, но я каждый день съ грустью все болѣе и болѣе убѣждался, что примирить науку съ заботами о здоровьѣ было совершенно немыслимо. Еслибы преподаваемые предметы сами по себѣ представлялись трудными, я бы вышелъ изъ этого затрудненія, переведя Михася изъ второго класса въ первый; но онъ эти предметы, хотя и сухіе, понималъ превосходно: не о наукѣ шла рѣчь, а о свободномъ времени и о томъ несчастномъ нѣмецкомъ языкѣ, которымъ ребенокъ не могъ вполнѣ свободно владѣть. Съ этимъ я ровно ничего не могъ подѣлать и разсчитывалъ единственно на то, что когда настанутъ праздники, отдыхъ заполнитъ въ здоровьѣ мальчика бреши, которыя произвела чрезмѣрная работа.

Еслибы Михась былъ ребенкомъ менѣе чуткимъ, я не безпокоился бы такъ о немъ; но онъ еще живѣе чувствовалъ каждую неудачу, чѣмъ случайное счастье. Счастливыя минуты и тѣ пятерки, о которыхъ я вспомнилъ, попадались, къ несчастью, рѣдко.

Я такъ привыкъ читать по его лицу, что, какъ только онъ входилъ, я съ перваго взгляда узнавалъ, когда ему не повезло.

— Ты получилъ дурную отмѣтку?—спрашивалъ я.

— Да.

— Не зналъ урока?

Иногда онъ отвѣчалъ.

— Да, не зналъ,—но еще чаще:— зналъ, но не могъ отвѣтить.

Въ самомъ дѣлѣ: Овицкій, первый ученикъ второго класса, котораго я свелъ съ Михасемъ, чтобы они вмѣстѣ учились, говорилъ, что Михась только потому и получаетъ дурныя отмѣтки, что не умѣетъ вывернуться.

По мѣрѣ того, какъ ребенокъ съ каждымъ разомъ все больше утомлялся умственно и физически, такія неудачи стали повторяться чаще. Я замѣтилъ, что, когда, наплакавшись вдоволь, Михась вслѣдъ за тѣмъ садился за занятія, онъ казался тихимъ и какъ будто спокойнымъ, но въ удвоенной энергіи, съ какой онъ принимался за уроки, было что-то отчаянное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лихорадочное. Иногда онъ шелъ въ уголъ, сдавливалъ го-

лову обѣими руками и молчалъ: экзальтированный мальчикъ воображалъ, что онъ роетъ могилу у ногъ любимой матери, и, не зная, какъ помочь горю, чувствовалъ себя въ безвыходномъ кругу, изъ котораго нельзя было выбраться.

Его ночныя занятія стали происходить все чаще. Изъ боязни, что я, проснувшись, велю ему ложиться спать, онъ вставалъ тихо, впотьмахъ, выносилъ лампу въ прихожую, тамъ ее зажигалъ и садился за работу. Пока я его на этомъ не изловилъ, онъ нѣсколько ночей подрядъ просиживалъ такимъ образомъ въ нетопленной прихожей. Мнѣ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ встать, позвать его въ комнату и пройти съ нимъ еще разъ все заданное, чтобы убѣдить его въ томъ, что онъ уроки зналъ и совершенно напрасно подвергалъ себя простудѣ. Но онъ и самъ въ концѣ концовъ не могъ уже разобрать, что онъ знаетъ и чего не знаетъ. Ребенокъ терялъ силы, становился съ каждымъ днемъ все худѣе, желтѣе и пасмурнѣе.

Странная была судьба Михася. Житейскія драмы обыкновенно начинаются только тогда, когда спадутъ первые листья съ древа юности. Для него же все то, изъ чего складывается несчастье—тайныя огорченія, тревога, напрасныя усилія, борьба съ препятствіями, постепенная утрата надежды—все это началось для него на одиннадцатомъ году жизни. Ни его изнуренное тѣло, ни его изнуренныя сплы не были въ состояніи справиться съ этимъ бременемъ. Уплывали дни, недѣли, бѣдняжка удвоивалъ усилія, а результатъ каждый разъ получался все незначительнѣе и стоилъ большихъ слезъ. Письма пани Маріи, хотя и нѣжныя, еще болѣе увеличивали тяжесть этого бремени.

„Богъ наградилъ тебя, Михась, незаурядными способностями,—писала мать,—и потому я вѣрю, что ты оправдаешь надежды, которыя я возложила на тебя, и станешь гордостью края и моей!“

Когда мальчикъ въ первый разъ получилъ такое письмо, онъ судорожно схватилъ меня за руки и, захлебываясь отъ плача, сталъ повторять.

— Что дѣлать, господинъ Вавжинкевичъ! что я могу сдѣлать?

Дѣйствительно, что онъ могъ сдѣлать? чѣмъ онъ былъ виноватъ, что не родился на свѣтъ съ врожденной способностью къ языкамъ и не умѣлъ разговаривать по-нѣмецки.

Наконецъ, окончилась первая четверть, и четвертныя отмѣтки оказались далеко не блестящими: по тремъ главнѣйшимъ предметамъ онъ имѣлъ всего лишь—тройки [1]). Снисходя къ его горя-

[1]) Г. Сенкевичъ имѣетъ, очевидно, дѣло съ нѣмецкою гимназіей, гдѣ система

чимъ просьбамъ и мольбамъ, я не послалъ этого билета пани Маріи.

— Дорогой господинъ Вавжинкевичъ,—умолялъ онъ, складывая руки:—мама не знаетъ, что въ концѣ октября раздаютъ билеты, а до Рождества, быть можетъ, Богъ еще смилуется надо мной.

Бѣдный ребенокъ утѣшалъ себя надеждой, что онъ еще исправитъ эти дурныя отмѣтки, да, говоря по правдѣ, утѣшалъ себя надеждой и я. Я полагалъ, что онъ втянется въ школьную жизнь, стерпится со всѣмъ, привыкнетъ къ языку и исправитъ свой выговоръ, а главное, что чѣмъ дальше, тѣмъ меньше придется ему удѣлять времени занятіямъ. Еслибы не эти соображенія, я давно написалъ бы пани Маріи и представилъ бы ей дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Вначалѣ наши надежды оказались какъ будто не напрасными. Вскорѣ послѣ праздника всѣхъ святыхъ, Михась получилъ три пятерки, причемъ одна пятерка была по латинскому. Изъ всѣхъ учениковъ въ классѣ онъ одинъ только зналъ, что отъ *gaudeo* прошедшее время будетъ *gavisus sum*, а зналъ потому, что получивъ передъ этимъ двѣ пятерки, спрашивалъ меня, какъ по латыни „радоваться“. Я думалъ, что мальчикъ съ ума сойдетъ отъ счастья. Онъ написалъ матери письмо, которое начиналось такъ:

„Дорогая мамочка! знаешь-ли ты, дорогая мамочка, какъ будетъ *perfectum* отъ *gaudeo?* Навѣрное, не знаешь ни ты, ни Леля, потому что въ цѣломъ классѣ я одинъ только зналъ.“

Михась почти боготворилъ мать. Съ этого дня онъ каждую минуту спрашивалъ у меня разныя *perfecta* и *participia*. Удержать въ четвертныхъ эту пятерку стало теперь цѣлью его жизни. Но это былъ мимолетный блескъ счастья. Вскорѣ фатальный акцентъ разрушилъ то, что было достигнуто такими усиліями, а слишкомъ большое число предметовъ не позволяло ребенку посвящать каждому изъ нихъ столько времени, сколько требовала его изнуренная память. А тутъ подвернулся случай, увеличившій собою еще болѣе тяжесть неудачъ. Михась и Овицкій забыли мнѣ напомнить объ одной письменной работѣ и не исполнили ея. Овицкому это благополучно сошло съ рукъ, такъ какъ его, какъ перваго ученика, даже и не спросили о ней; Михась же получилъ выговоръ передъ цѣлымъ классомъ съ угрозой, что его придется оставить на другой годъ въ томъ же классѣ.

Предполагалось очевидно, что онъ нарочно не сказалъ мнѣ о

балловъ иная, чѣмъ у насъ, и тройка является уже дурною отмѣткою. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ наибольшую вину мальчику ставилась малоуспѣшность въ нѣмецкомъ языкѣ. *Прим. ред.*

заданной работѣ, чтобы избавиться отъ нея, и мальчикъ, который не былъ способенъ на самую малѣйшую ложь, не могъ убѣдить учителя въ своей правотѣ. Въ свое оправданіе онъ могъ, пожалуй, сказать, что и Овицкій забылъ ее исполнить, но этого не позволяли ему сдѣлать понятія о школьной чести. На мои увѣренія учителя отвѣтили замѣчаніемъ, что я пріучаю мальчика къ лѣни. Стоило это мнѣ не мало огорченія, но еще больше огорчалъ меня видъ Михася. Вечеромъ въ тотъ же день я видѣлъ, какъ онъ, сжавъ голову обѣими руками, шепталъ, думая, что я его не слышу: „болитъ! болитъ! болитъ!“ Письмо отъ матери, которое пришло на другой день утромъ, и въ которомъ пани Марія осыпала Михася ласками за его пятерки, было новымъ для него ударомъ.

— О, хорошее утѣшеніе я доставлю мамѣ!—воскликнулъ онъ, закрывая лицо руками.

Когда я помогъ ему надѣть на плечи ранецъ съ книжками, онъ зашатался и едва не упалъ. Я хотѣлъ запретить ему идти на уроки, но онъ сказалъ, что уже все прошло; онъ просилъ только отвести его, такъ какъ опасался, какъ бы не повторилось головокруженіе. Къ обѣду онъ возвратился съ новой тройкой. Онъ получилъ ее за урокъ, который зналъ прекрасно, но получилъ тройку именно благодаря тому, о чемъ говорилъ Овицкій — онъ испугался и не могъ слова сказать. О немъ окончательно установилось мнѣніе, какъ о мальчикѣ, пропитанномъ „вздорными взглядами и стремленіями“, тупомъ и лѣнивомъ.

Съ двумя послѣдними обвиненіями, о которыхъ онъ зналъ, онъ боролся, какъ утопающій съ волною—отчаянно, но напрасно.

Въ концѣ концовъ онъ утратилъ всякую вѣру въ себя, всякую надежду на свои силы; дошелъ до убѣжденія, что безполезны и трудъ и усилія, что онъ не можетъ хорошо учиться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представлялъ себѣ, что на это скажетъ мать, какимъ это будетъ для нея огорченіемъ, какъ это можетъ подкосить ея слабое здоровье.

Ксендзъ изъ Залѣсной, который иногда писалъ къ нему, человѣкъ доброжелательный, но неосторожный, каждое письмо оканчивалъ словами:

„Ты долженъ помнить, Михась, что не только счастье, но и здоровье матери зависитъ отъ твоихъ успѣховъ въ наукахъ и твоего хорошаго поведенія“. Помнилъ онъ, помнилъ черезчуръ даже, потому что во снѣ не разъ повторялъ жалобнымъ голосомъ: „мама! мама! мама!“, какъ будто умолялъ о прощеніи.

А на яву онъ продолжалъ получать плохія отмѣтки. Тѣмъ вре-

менемъ Рождественскіе праздники приближались быстро и по поводу четвертныхъ нельзя уже было себя пріятно обманывать. Я написалъ пани Маріи, желая ее объ этомъ предупредить. Откровенно и категорически я сообщилъ ей, что ребенокъ не можетъ похвалиться здоровьемъ и переутомленъ, что, не смотря на все прилежаніе, онъ не можетъ успѣвать въ наукахъ и, весьма вѣроятно, послѣ праздниковъ его придется взять изъ гимназіи, держать въ деревнѣ и прежде всего позаботиться объ его здоровьѣ. Хотя по отвѣту я почувствовалъ, что мое письмо больно укололо ея материнскую гордость, однако она отвѣтила мнѣ, какъ умная женщина и любящая мать. Я ничего не говорилъ Михасю объ этомъ письмѣ и о намѣреніи взять его изъ гимназіи, такъ какъ боялся, что для него будетъ гибельнымъ всякое сильное душевное потрясеніе; я сказалъ только, что мать—что́ бы тамъ ни случилось—знаетъ, какъ онъ трудится и съумѣетъ понять его неудачи. Это видимо принесло ему облегченіе, такъ какъ послѣ этого онъ долго и искренно плакалъ, что̀ ему давно уже не приходилось дѣлать. Плача, онъ повторялъ: „сколько я мамѣ причиняю огорченій!“ Однако же, при мысли, что онъ поѣдетъ въ деревню, что скоро увидитъ мать, и маленькую Лелю, и Залѣсную, и ксендза Мажинскаго, онъ улыбался сквозь слезы. Мнѣ также поскорѣе хотѣлось уѣхать въ Залѣсную, потому что я равнодушно не могъ глядѣть на исхудавшаго мальчика. Тамъ ждали его материнское сердце, радушное вниманіе окружающихъ, тишина и отдыхъ. Тамъ наука являлась ему въ образѣ, близкомъ сердцу и привѣтливомъ, а не чуждомъ и отталкивающемъ; тамъ вся окружающая его атмосфера была родной для него и чистой, которой грудь дитяти могла свободно дышать.

Я ожидалъ для него праздниковъ, какъ спасенія, и высчитывалъ по пальцамъ дни, которые насъ отъ нихъ отдѣляли и которые Михасю каждый разъ приносили новыя и новыя огорченія. Казалось, все вооружилось противъ него. Михась, какъ дурная овца въ стадѣ, снова получилъ публичный выговоръ. Это случилось почти предъ самыми праздниками и, благодаря этому, тѣмъ больше имѣло значенія. Какъ повліяло это на самолюбиваго и чуткаго мальчика — я и разсказать не умѣю; какой хаосъ мыслей поднялся въ его бѣдной головкѣ! Рвалось все въ его дѣтской груди и предъ глазами онъ видѣлъ вмѣсто свѣта—тьму. Гнулся онъ, какъ колосъ подъ вѣтромъ. Подъ конецъ выраженіе лица этого одиннадцатилѣтняго мальчика стало буквально трагическимъ; у него былъ такой видъ, какъ будто горло его по-

стоянно давятъ рыданія, и онъ всѣми силами старается ихъ удержать; минутами глаза его глядѣли такъ, какъ глядятъ глаза у раненой птицы; потомъ овладѣла имъ странная задумчивость и сонливость; движенія его сдѣлались вялыми, а голосъ удивительно безжизненнымъ. Онъ сталъ необычайно тихимъ, спокойнымъ и машинально послушнымъ. Когда я говорилъ ему, что теперь пора и погулять, онъ не сопротивлялся, какъ прежде, но покорно надѣвалъ шапку и шелъ за мной въ молчаньи. Я былъ бы даже доволенъ, еслибы это было равнодушіе, но я видѣлъ, что подъ его покровомъ таится экзальтированная, болѣзненная покорность обстоятельствамъ. Онъ принимался за уроки, выучивалъ заданное, какъ и прежде, но дѣлалъ это скорѣе по привычкѣ. Видно было, что, машинально повторяя спряженія, онъ думалъ о чемъ-то иномъ или, вѣрнѣе, ни о чемъ не думалъ. Какъ-то разъ, когда я спросилъ его: выучилъ-ли онъ все, что задано, онъ отвѣтилъ мнѣ своимъ медленнымъ и какъ будто соннымъ голосомъ: „я думаю, господинъ Вавжинкевичъ, что это ни къ чему не нужно“. Я боялся при немъ вспоминать о матери, чтобы не переполнять той чаши горечи, изъ которой онъ пилъ своими дѣтскими губами.

Съ каждымъ днемъ возрастала моя тревога объ его здоровьѣ, потому что исхуданіе его продолжалось, и въ концѣ концовъ онъ сдѣлался почти прозрачнымъ. Сѣть нѣжныхъ жилокъ, которая раньше проступала у него на вискахъ въ минуты сильнаго оживленія, теперь виднѣлась постоянно. Онъ похорошѣлъ такъ, что его можно было принять за ангела. Жаль было глядѣть на эту дѣтскую головку, чуть не ангельскую, которая производила впечатлѣніе увядающаго цвѣтка. На первый взглядъ ничего не было замѣтно, но онъ никнулъ и терялъ силы. Онъ не въ силахъ былъ теперь носить всѣхъ книгъ въ ранцѣ, поэтому въ ранецъ я вкладывалъ только нѣкоторыя, остальныя носилъ самъ, такъ какъ теперь ежедневно я провожалъ его въ гимназію и изъ гимназіи.

Наконецъ, наступили праздники. Лошади изъ Залѣсной поджидали уже насъ два дня, а письмо пани Маріи, которое мнѣ передалъ кучеръ, увѣдомляло, что насъ тамъ всѣ поджидаютъ съ нетерпѣніемъ. „Я слышала, что тебѣ, Михась, тяжело дается наука, —оканчивала письмо пани Марія:—я не надѣюсь уже на пятерки, я хотѣла бы только, чтобы и твои учителя думали, подобно мнѣ, что ты сдѣлалъ все, что было въ твоей силѣ, и хорошимъ прилежаніемъ старался вознаградить не совсѣмъ хорошіе успѣхи!“

Но учителя думали иначе во всѣхъ отношеніяхъ, и поэтому четвертныя отмѣтки не оправдали и этихъ ожиданій. Послѣдній

публичный выговоръ касался уже прямо прилежанія мальчика, о которомъ пани Марія имѣла такое превратное представленіе. Результатами всего этого было то, что его, такъ какъ онъ напрасно только занималъ мѣсто другихъ, уволили изъ гимназіи [1]). Это извѣстіе онъ принесъ вечеромъ. Въ комнатѣ было совершенно темно, потому что на дворѣ падалъ густой снѣгъ, и я не могъ разсмотрѣть его лица. Я видѣлъ только, какъ онъ подошелъ къ окну, сталъ около него и безсмысленно, въ молчаніи, глядѣлъ на снѣжные хлопья, кружившіеся въ воздухѣ. Я не позавидовалъ тѣмъ мыслямъ, которыя, подобно снѣжнымъ хлопьямъ, должно быть, кружились въ его головѣ, но не хотѣлъ ничего говорить съ нимъ объ отмѣткахъ и о послѣднемъ рѣшеніи совѣта. Такимъ образомъ прошло четверть часа въ томительномъ молчаніи; между тѣмъ стемнѣло совершенно. Я принялся укладывать вещи въ чемоданъ. Видя, что Михась все еще продолжаетъ стоять у окна, я спросилъ его:

— Что ты тамъ дѣлаешь, Михась?

— Правда-ли,—спросилъ онъ голосомъ, который дрожалъ и прерывался на каждомъ слогѣ:—что мама сидитъ теперь съ Лелей въ зеленомъ кабинетѣ у окна и думаетъ обо мнѣ?

— Можетъ быть. Отчего твой голосъ такъ дрожитъ? Не боленъ-ли ты?

— Нѣтъ, я здоровъ, только мнѣ... холодно.

Я раздѣлъ его и уложилъ въ постель, а раздѣвая его, глядѣлъ съ состраданіемъ на его исхудалыя ноги и руки, такія тонкія, какъ стебельки камыша. Я напоилъ его въ постели чаемъ и укрылъ, чѣмъ только было можно.

— Теперь тебѣ тепло?

— Да... Голова немножко болитъ.

Бѣдная головка, было ей отъ чего розболѣться! Измученный ребенокъ скоро уснулъ и съ трудомъ дышалъ сквозь сонъ своей впалой грудью. Я же окончилъ укладку своихъ и его вещей; потомъ, такъ какъ самъ чувствовалъ себя нездоровымъ, также легъ въ постель. Задувъ свѣчу, я уснулъ почти въ ту же минуту.

Часу въ третьемъ ночи меня разбудилъ свѣтъ и однообразное, хорошо мнѣ знакомое бормотанье. Я открылъ глаза, и у меня безпокойно забилось сердце. На столѣ горѣла лампа, у стола надъ книгой сидѣлъ Михась въ одной рубашкѣ; щеки его пылали, глаза были закрыты, какъ будто для большаго напряженія памяти, голова немного склонилась на бокъ, и сонный голосъ повторялъ:

[1]) Это, въ свою очередь, конечно, особенность нѣмецкой гимназіи, такъ какъ у насъ среди года, передъ Рождествомъ, малоуспѣшные воспитанники не увольняются.

— Conjunctivus: amem, ames, amet; amemus, ametis...

— Михась!

— Conjunctivus: amem, ames...

Я потрогалъ его за плечо:

— Михась!

Онъ проснулся и сталъ съ удивленіемъ вглядываться въ меня, какъ будто стараясь узнать.

— Что ты дѣлаешь? Что съ тобой, Михась?

— Господинъ Вавжинкевичъ,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь: — я повторяю все сначала; мнѣ нужно завтра получить пятерку...

Я взялъ его на руки и отнесъ на кровать; тѣло его жгло мнѣ руку, какъ огнемъ. По счастью, докторъ жилъ въ томъ же домѣ, и я тотчасъ сбѣгалъ за нимъ. Онъ не долго раздумывалъ: съ минуту послушалъ у мальчика пульсъ, потомъ приложилъ руку ко лбу... У Михася было воспаленіе мозга.

Ахъ! видно много кой-чего не могло помѣститься въ его головкѣ.

Болѣзнь вскорѣ приняла угрожающіе размѣры. Я послалъ телеграмму пани Маріи, и на другой день звонокъ, оглушительно задребезжавшій въ передней, извѣстилъ меня о ея прибытіи. Когда я открылъ ей двери, я увидѣлъ ее подъ черной вуалью блѣдной, какъ полотно; пальцы ея судорожно впились въ мои плечи и казалось, вся душа переселилась въ глаза, уставившіеся на меня, когда она спросила отрывисто:

— Живъ?

— Да. Докторъ сказалъ, что ему лучше.

Она откинула вуаль, отъ дыханья заиндевѣвшій на холодѣ, и вбѣжала въ комнату ребенка. Я лгалъ. Михась былъ еще живъ, но ему было далеко не лучше. Онъ не узналъ даже матери, когда она присѣла подлѣ него и взяла за руку. Только тогда, когда я на голову ему положилъ свѣжій компресъ изо льда, онъ замигалъ вѣками и пристально сталъ вглядываться въ склоненное надъ нимъ лицо. Мысль его напряженно работала, борясь съ горячкой и бредомъ, губы дрожали, онъ улыбнулся разъ, другой — и, наконецъ, слабо прошепталъ:

— Мама!..

Она схватила его за обѣ руки и такъ просидѣла подлѣ него нѣсколько часовъ, не перемѣнивъ даже дорожнаго платья. Когда я обратилъ на это ея вниманіе, она сказала:

— Въ самомъ дѣлѣ. Я забыла снять шляпу.

Когда она ее сняла, сердце замерло во мнѣ отъ страннаго чувства: между бѣлокурыми прядями волосъ, украшавшихъ ея мо-

лодую, прекрасную головку, сверкали густо разсыпанныя серебряныя нити. Три дня тому назадъ ихъ, вѣроятно, тамъ не было.

Она теперь сама перемѣняла компрессы мальчику и подавала лѣкарство. Михась провожалъ ее глазами, куда бы она ни пошла, но, попрежнему, не узнавалъ ея. Къ вечеру жаръ увеличился. Онъ декламировалъ въ бреду сказаніе о Жолневскомъ изъ пѣсенъ Нѣмцевича, минутами говорилъ на понятномъ языкѣ, потомъ опять начиналъ склонять разныя латинскія слова. Я часто выходилъ изъ комнаты, такъ какъ не могъ долѣе этого слушать. Когда онъ былъ еще здоровъ, онъ, по секрету отъ матери, училъ богослуженіе, желая по пріѣздѣ въ деревню поразить свою мать неожиданностью, и теперь дрожь пронизывала меня, когда въ тишинѣ ночной я слышалъ, какъ этотъ одиннадцатилѣтній ребенокъ повторялъ передъ смертью монотоннымъ, гаснущимъ голосомъ: Deus meus, quare me repopulisti et quare tristis incedo dum affligit me inimicus!

Трудно передать, какимъ ужасомъ вѣяло отъ этихъ словъ. Наступилъ сочельникъ. Съ улицы доносился шумъ людской толпы и позвякиванье бубенчиковъ. Городъ принималъ праздничный и радостный видъ. Когда окончательно стемнѣло, сквозь окна на другой сторонѣ улицы можно было видѣть сверкающую огнями елку, увѣшанную золотыми и серебряными блестящими орѣхами, а вокругъ нея дѣтскія головки, бѣлокурыя и черныя, съ развѣвающимися прядями волосъ, подпрыгивающія точно на пружинахъ. Окна ярко свѣтились, а за ними—сколько было возгласовъ радости и удивленія! Между голосами, доносившимися съ улицы, не было печальныхъ — радость становилась всеобщей; одинъ только нашъ мальчикъ повторялъ, какъ будто съ великимъ сокрушеніемъ: Deus meus, Deus meus, quare me repopulisti? У воротъ остановились крестьянскіе мальчики со звѣздой, и къ намъ долетѣлъ напѣвъ колядъ: „въ ясляхъ лежитъ“. Рождественская ночь приближалась, а мы дрожали, какъ бы она не стала ночью смерти.

Черезъ минуту намъ, однако, показалось, что мальчикъ пришелъ въ себя, такъ какъ онъ началъ звать мать и Лелю, но это не долго продолжалось. Его частое дыханье временами прерывалось совсѣмъ. Невозможно было обманывать себя! Эта маленькая душа была наполовину только между нами. Духъ его уже отлетѣлъ, и теперь онъ самъ отходилъ въ какую-то темную даль, въ безконечность, и не видѣлъ уже никого и не ощущалъ ничего, даже головы матери, которая лежала, какъ мертвая, у его ногъ. Онъ казался безучастнымъ и не глядѣлъ ни на кого. Каждый вздохъ его груди отдалялъ его отъ насъ и какъ будто погружалъ во мракъ.

Болѣзнь своимъ чередомъ гасила искру жизни за искрой. Руки ребенка, протянутыя поверхъ одѣяла, выдѣлялись на немъ съ мертвенной тяжелой неподвижностью; носъ его заострился, а лицо принимало выраженіе какой-то холодной серьезности. Дыханіе становилось ускореннымъ и подъ конецъ начало походить на тиканье часовъ. Еще минута, еще одинъ вздохъ, и должна была просыпаться послѣдняя песчинка изъ песочныхъ часовъ: конецъ былъ близокъ.

Около полуночи намъ почудилось вдругъ, что онъ кончается, потому что онъ сталъ хрипѣть и стонать, какъ человѣкъ, которому горло заливаетъ вода, и потомъ умолкъ. Но зеркало, которое докторъ приложилъ къ его губамъ, еще затуманилось отъ дыханія. Часъ спустя жаръ почти совсѣмъ прекратился; у всѣхъ промелькнула мысль, что онъ спасенъ. Даже у доктора проснулась надежда. Съ пани Маріей сдѣлалось дурно.

Въ теченіе двухъ часовъ болѣзнь все стихала. Подъ утро, такъ какъ я четвертую ночь проводилъ безъ сна у постели мальчика и кашель мой усиливался, я вошелъ въ прихожую и, примостившись на матрасѣ, уснулъ. Меня разбудилъ голосъ пани Маріи. Я подумалъ, что она зоветъ меня, но въ ночной тишинѣ я услышалъ ясно: Михась! Михась! Волосы у меня дыбомъ поднялись на головѣ, когда я понялъ то страшное выраженіе, съ которымъ она звала мальчика. Не успѣлъ я сорваться, какъ она сама вошла въ прихожую, прикрывая рукою свѣчу и дрожащими губами прошептала:

— Михась... умеръ!

Я бросился къ постели ребенка. Да. Положеніе головы на подушкѣ, раскрытыя губы, глаза, устремленные неподвижно въ одну точку и стянутость всѣхъ чертъ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія: Михась былъ мертвъ.

Я прикрылъ его одѣяломъ, которое мать, срываясь съ постели, сдернула съ его исхудалыхъ останковъ, закрылъ ему глаза и потомъ долго приводилъ въ чувство пани Марію. Первый день праздниковъ пошелъ на приготовленія къ похоронамъ, которыя были для меня ужасны, такъ какъ пани Марія не хотѣла отойти отъ трупа, а силы ей постоянно измѣняли. Она упала въ обморокъ, когда пришли отъ гробовщика снять мѣрку для гроба, потомъ когда принялись обмывать тѣло и, наконецъ, когда устанавливали катафалкъ. Ея отчаяніе каждое мгновеніе сталкивалось съ равнодушіемъ погребальной прислуги, привыкшей къ подобнымъ случаямъ, и доходило почти до помѣшательства. Она сама подкладывала въ гробу стружки подъ атласомъ, бредя, какъ въ горячкѣ, что его голова будетъ лежать слишкомъ низко. А Михась тѣмъ временемъ ле-

жалъ на столѣ, одѣтый въ новый мундирчикъ и бѣлые рукавчики, вытянувшійся, безучастный, спокойный. Мы положили его тѣло въ гробъ, уставили на катафалкѣ, а вокругъ зажгли два ряда свѣчъ. Комната, въ которой бѣдный мальчикъ столько просклонялъ латинскихъ словъ и выучилъ уроковъ, превратилась въ часовню, потому что закрытыя ставни не пропускали дневного свѣта, а желтый, мерцающій блескъ свѣчей придавалъ стѣнамъ костельный и торжественный видъ. Никогда съ той поры, какъ онъ получилъ послѣднюю пятерку, я не видѣлъ у Михася такого просвѣтленнаго лица. Его нѣжный профиль, обращенный къ потолку, улыбался радостно, какъ будто мальчикъ въ этомъ вѣчномъ переворотѣ смерти нашелъ успокоеніе и почувствовалъ себя счастливымъ. Мерцаніе свѣчъ придавало лицу его и этой улыбкѣ подобіе жизни и сна. Мало-по-малу стали сходиться товарищи, которые не уѣхали на праздники.

Глаза дѣтей широко раскрылись отъ удивленія при видѣ свѣчъ, катафалка и гроба. Быть можетъ, эти маленькіе мундирчики удивляла важность и участь товарища. Недавно еще онъ былъ среди нихъ, сгибаясь, подобно имъ, подъ тяжестью ранца, переполненнаго книгами, получалъ дурныя отмѣтки, выслушивалъ замѣчанія и публичные выговоры; каждый изъ нихъ могъ подергать его за волосы или за ухо; а теперь онъ лежалъ высоко надъ ними, торжественно-спокойный, окруженный рядами свѣчъ; всѣ подходили къ нему съ молчаливымъ уваженіемъ, съ какой-то робостью—и даже Овицкій, хотя и первый ученикъ, немного значилъ передъ нимъ. Мальчики, подталкивая другъ друга локтями, шептали, что теперь ему ни до чего нѣтъ дѣла, что, еслибы даже пришелъ „господинъ инспекторъ“, онъ не сорвался бы, не испугался, но продолжалъ бы такъ же спокойно улыбаться...

Такъ, перешептываясь, мальчики подходили къ рядамъ свѣчъ и говорили: упокой, Господи, Михася...

На слѣдующій день гробъ прикрыли крышкой, заколотили гвоздями и повезли на кладбище, гдѣ комки песку, перемѣшаннаго со снѣгомъ, вскорѣ скрыли его предъ моими глазами... навсегда.

До настоящей минуты, когда я пишу объ этомъ, прошелъ ровно годъ, но я помню тебя и жаль мнѣ тебя, мой маленькій Михась, цвѣтокъ преждевременно увядшій. Я не знаю, гдѣ ты, слышишь-ли ты меня; я знаю только, что твой старый учитель съ каждымъ днемъ все сильнѣе кашляетъ, что ему съ каждымъ днемъ все тяжелѣе, все сиротливѣй и, быть можетъ, онъ скоро отойдетъ туда же, куда отошелъ и ты...

ЛИСТКИ ИЗЪ ЖИЗНИ.

Стихотворенія.

I.

Во мракѣ былого, въ грядущихъ вѣкахъ
Ищу я, подъ гнетомъ тоски, утѣшенья;
Но трудно парить и орлу въ облакахъ,
Хоть онъ и рожденъ для паренья!

И онъ, быстрокрылый, порой устаетъ
Отважныя дѣлать усилья
И сходитъ на землю съ эѳирныхъ высотъ,
Слагая могучія крылья.

Ахъ! жаждетъ теперь же усталая грудь
Согрѣться подъ кровомъ родимымъ,
Рыдая, прижаться къ колѣнямъ любимымъ,
Отъ странствій въ далекихъ краяхъ отдохнуть!

II.

Ты немного опять, но любя написала,
Подаривши меня задушевнымъ словцомъ,
И ревнивое сердце мое задрожало,
Точно арфа, задѣтая грустнымъ пѣвцомъ.
Не того я боюсь, что подъ игомъ страданій
Ты поклонишься волѣ царящаго зла:
Я боюсь—въ эти долгіе годы скитаній
Вмѣстѣ съ горемъ и новыхъ друзей ты нашла.
Я боюсь, что къ былому страданью и счастью,
Къ дорогимъ мертвецамъ ты остыла душой...
На яву и во снѣ, съ чародѣйною властью,
Какъ живые, витаютъ они надо мной.
Все зовутъ,—и поютъ и рыдаютъ неслышно
О веснѣ, невозвратной лазурной веснѣ
И о силахъ души, расцвѣтавшихъ такъ пышно,
Но убитыхъ до срока въ чужой сторонѣ!
Ахъ, не разъ мое сердце опять откликалось
На призывы волненій и новыхъ друзей:
Мигъ одинъ—и со стономъ душа закрывалась,
И краснѣлъ я невольной измѣны своей!
На руинахъ былого сижу я уныло,
И во тьмѣ ты одна мнѣ горишь, какъ звѣзда:
То, что̀ молодость скорбью святою крестила,
Только то я люблю... но люблю навсегда!

П. Я.

БРИШАНТО.

ЖИЗНЬ АКТЕРА.

Жюля Клареси.

Жизнь театра—постоянная погоня за химерой.

Книгу эту, въ которую я вложилъ много воспоминаній и наблюденій изъ жизни, много такого, что повѣряли мнѣ побѣжденные жизнью герои подмостковъ, я посвящаю артистамъ Французской Комедіи, этимъ славнымъ служителямъ искусства, которые были моими сотрудниками въ продолженіе десяти лѣтъ слишкомъ.

Болѣе счастливые, чѣмъ тотъ скиталецъ, судьба котораго составляетъ сюжетъ этой книги, они не знали горькихъ разочарованій и преслѣдованій судьбы. Пусть же они проникнутся участіемъ къ тѣмъ, которые, не поднявшись до высотъ искусства, тѣмъ не менѣе, отдали на служеніе ему всю свою жизнь и несли тяготы своего призванія, не успѣвъ насладиться успѣхами, выпадающими на долю немногихъ избранныхъ.

Я надѣюсь, что, прочитавъ эти искреннія страницы, они найдутъ въ нихъ нѣсколько истинъ, которыя напомнятъ имъ товарищей, отставшихъ на тернистомъ пути къ славѣ; во всякомъ случаѣ, я, какъ писатель, попытался высказать свою глубокую симпатію къ тѣмъ, которые боролись со мной или за меня на трудномъ поприщѣ драматическаго искусства.

Жюль Клареси.

I.

Натурщикъ.

Бришанто стоялъ передъ статуей *„Римскій солдатъ подъ игомъ галловъ“* и разсматривалъ ее съ видомъ знатока; сдвинувъ мягкую шляпу съ широкими полями на лѣвое ухо и заложивъ руки въ карманы, онъ выражалъ всей своей фигурой глубокій интересъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую-то восторженность. Вглядѣвшись въ черты солдата на статуѣ, я нашелъ нѣкоторое сходство между нимъ и Себастіаномъ Бришанто, первымъ любовникомъ всѣхъ театровъ во Франціи и за границею.

Статуя была выставлена въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ салона, недалеко отъ какого-то буфета или складочнаго мѣста, въ такомъ мѣстѣ, куда рѣдко заглядываютъ посѣтители, и гдѣ выставленные предметы остаются незамѣченными среди мертвящей скуки одиночества. Веселые сюжеты теряютъ здѣсь улыбку, а грустные принимаютъ еще болѣе убитый видъ. Побѣжденный римлянинъ подъ № 3773, приклееннымъ къ цоколю статуи, и съ ярмомъ на шеѣ склонялъ еще ниже свою голову въ своемъ невольномъ уединеніи, которое, быть можетъ, было нарушено только Бришанто и мною. Впрочемъ, статуя имѣла мужественный видъ, хотя немного театральный; брови римлянина были сдвинуты, широкія плечи подались подъ тяжестью ярма, напряженные мускулы, казалось, вотъ-вотъ разорвутъ веревку, которая скручивала могучія руки.

— Онъ похожъ на васъ, этотъ римлянинъ, мосье Бришанто,— сказалъ я актеру.

Первый любовникъ поклонился широкимъ, торжественнымъ поклономъ, подобно Рюи-Блазу, подающему письмо короля испанской королевѣ; затѣмъ онъ отвѣтилъ съ обычнымъ паѳосомъ, нѣсколько смягченнымъ худо скрытымъ волненіемъ:

— Неудивительно, милостивый государь! Я служилъ натурщикомъ для этого побѣжденнаго воина. Да — я!.. Случается и мнѣ быть натурой... На все свое время. Я не считаю себя въ правѣ отказывать искусству въ томъ, чѣмъ меня надѣлила природа! Искусство едино! Если ужъ служить для передачи идей поэта, то внѣшность можетъ вдохновлять живописца и скульптора. Не такъ-ли? Я измѣнилъ бы Гюго, не отдавъ на служеніе ему всю свою умственную силу, равно считалъ бы себя отступникомъ, еслибы, въ свою очередь, не служилъ своею внѣшностью современному искусству... Вы понимаете мои чувства.

И такъ, я служилъ натурой для этого римлянина; онъ воплотилъ въ себѣ горе своей родины, я весь тутъ передъ вами. Вы можете мнѣ вѣрить или не вѣрить, но я вложилъ всю свою душу, душу своего народа... Я говорилъ Монтескюру (это имя скульптора, его подпись вотъ здѣсь у лѣвой ноги), я говорилъ ему: „Монтескюръ, обратите вниманіе на изгибъ рта, вы увидите въ немъ всю горечь порабощенія! Если горечь недостаточно выражена, я постараюсь ее выразить вполнѣ. Правда, я патріотъ. Можетъ быть, это и глупо, но въ 1870 г. я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы обойти непріятеля... и только случай, этотъ могущественный повелитель судебъ народовъ, помѣшалъ тому, чтобы ходъ исторіи измѣнился; у меня сохранились воспоминанія о той эпохѣ,

болѣзненно-отрадныя или отрадно-болѣзненныя, какъ вамъ угодно будетъ ихъ назвать. Ну, однимъ словомъ, я желалъ воплотить свои чувства въ изгибѣ рта! „Такъ-ли?“—спрашивалъ я Монтескюра. „Хорошо, товарищъ,—отвѣчалъ онъ, кашляя.—Не уставайте, Бришанто, не волнуйтесь, иначе можетъ выйти гримаса“. Работа наша часто прерывалась. Бѣдняга, онъ ужасно кашлялъ; я боялся, что онъ надсадитъ себя, до того мучили его припадки кашля. Тогда я подавалъ ему стаканъ воды или приготовлялъ ему теплое питье, и когда я снова изображалъ горькую улыбку побѣжденнаго, въ ней не было ничего аффектированнаго, вы понимаете мои чувства...

Онъ требовалъ этой горечи—Монтескюръ. Это была идея его фигуры. Онъ не признавалъ статуи безъ идей. Я принадлежу къ той же школѣ. Онъ желалъ выразить все отчаяніе побѣжденнаго, также какъ и я, когда говорю Генриху III: „Я не боюсь васъ, государь, хотя и обезоруженъ, и въ плѣну“. Благородный малый, этотъ Монтескюръ! Горячее сердце и какой талантъ. Взгляните! Мнѣ казалось невозможнымъ передать все краснорѣчивое отчаяніе моей безмолвной позы, а онъ передалъ его, вы видите, какъ передалъ.

Вы хотите знать, какъ я съ нимъ познакомился? О! это цѣлая исторія... Сядемте вотъ тутъ... Я разскажу вамъ. Бѣдный Монтескюръ! На этой скамейкѣ, со временъ открытія выставки, я видѣлъ не одного посѣтителя, но никто не смотрѣлъ на статую. Благородное искусство умерло въ наши дни, нѣтъ ему удачи... А какія надежды возлагалъ Монтескюръ на свое произведеніе. Заказъ, медаль, мѣсто въ Люксембургѣ, въ музеѣ или въ саду. Ахъ, какъ работало его воображеніе! Я смотрѣлъ на его усилія и не могъ воздержаться, чтобы не предостеречь его иногда: „Берегите свои силы“, а онъ мнѣ отвѣчалъ: „Ахъ, что! Надо работать!“

Онъ былъ сыномъ юга, но не сильнымъ и коренастымъ, какъ люди его родины, а тонкимъ и нервнымъ, какъ истый парижанинъ, смѣлый, не смотря на свою бѣдность. Онъ началъ съ того, что сдѣлался музыкантомъ въ театрѣ Капитоля; потомъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ и игралъ на трубѣ, продолжая въ свободныя минуты лѣпить глину. Странная мысль: играть на трубѣ! Странное призваніе! Я скажу вамъ, что, по моему мнѣнію, всякое призваніе благородно, разъ оно служитъ искусству. Есть люди, которые увлекаются игрою на трубѣ. Я знаю профессора консерваторіи, который во всю жизнь только и дѣлалъ, что игралъ на трубѣ и училъ играть другихъ. Воздвигали статуи и менѣе героическимъ личностямъ. Такъ вотъ Монтескюръ прошелъ такую геройскую школу и кончилъ съ первой наградой. Онъ могъ написать на своей кар-

точкѣ: laurèat du Conservatoire и искать случая проявлять свое искусство въ кабакахъ, на деревенскихъ свадьбахъ. Артистамъ, милостивый государь, приходится испытывать страданія, неизвѣстныя обыкновеннымъ смертнымъ.

— Впрочемъ, для Монтескюра игра на трубѣ служила лишь средствомъ къ жизни, его призваніемъ была скульптура; оставить свое имя потомству вырѣзаннымъ на мраморѣ, бронзѣ или даже глинѣ, признаюсь, такое желаніе достойно и похвально и доказываетъ душевное благородство. Монтескюръ рѣшилъ, что труба будетъ питать его. И вотъ онъ лѣпилъ днемъ, а вечеромъ игралъ въ оркестрѣ въ театрѣ у Монмартра, гдѣ мнѣ пришлось взять ангажементъ, мнѣ, Бришанто; бываютъ времена, сударь, когда нашему брату не весело живется...

Впрочемъ, мой ангажементъ былъ хорошимъ и, признаюсь, принесъ мнѣ нѣкоторую пользу. Мои глаза слѣдили за толпой, правда, иногда довольно рѣдкой, и я могъ изучить артистическій пульсъ окраинъ Парижа. Народъ еще любитъ драму! Когда давали Марсо, и я появлялся на сценѣ, то чувствовалъ, что дрожь патріотизма пробѣгала по народной аудиторіи; она была полна энтузіазма. Мнѣ особенно памятно одно воскресенье, когда я согласился играть Рюи-Блаза безъ репетицій. Директоръ нантскаго театра пріѣхалъ въ этотъ день, послушать m-me Паскали, и онъ сказалъ мнѣ по окончаніи представленія: „Я хотѣлъ посмотрѣть игру Паскали, такъ какъ мнѣ нужно драматическую актрису для моей труппы, но я видѣлъ только васъ! Я очень жалѣю, что вы не драматическая актриса!“ Комплиментъ этотъ мнѣ понравился, хотя онъ нѣсколько странной формы; но Паскали, повидимому, была очень недовольна, и между нами произошелъ разрывъ; впрочемъ, она занимала въ моей душѣ мѣсто, которое должно было принадлежать только искусству, такъ что я даже былъ радъ; но довольно объ этомъ.

И такъ, я игралъ въ театрѣ Монмартра. Мой выходъ сопровождался музыкой,— легкимъ тремоло въ оркестрѣ, и особенно выдавался звукъ трубы, меланхоличный и нѣвучій. Инстинктивно я взглянулъ въ оркестръ, вообще я не люблю музыку,—это искусство не ума, а чувствъ,—и обратилъ вниманіе на молодого человѣка, игравшаго на трубѣ. Онъ былъ очень юнъ, худъ и болѣзненъ на видъ; лицо его дѣлалось краснымъ отъ усилій, больныя легкія надсаживались и затѣмъ онъ кашлялъ, кашлялъ безъ конца. Однажды во время представленія Tour de Nesle, въ то время, когда я говорю Маргаритѣ Бургундской: „Королева, гдѣ твоя стража?.. Когда мужчина стоитъ лицомъ къ лицу съ женщиной и повелѣ-

ваетъ ей, а она лишь дрожитъ, тогда онъ становится королемъ въ ея глазахъ!“—въ этотъ моментъ съ музыкантомъ въ оркестрѣ дѣлается припадокъ кашля, но какой припадокъ!.. шумъ, крикъ, ругань въ театрѣ. „Прочь, перестань, доктора!“ кричитъ публика. Я продолжаю держать въ объятіяхъ Маргариту Бургундскую, и она трепещетъ подъ моимъ взглядомъ и угрожающимъ жестомъ, а музыкантъ все кашляетъ и кашляетъ. Тогда изъ райка раздается возгласъ: „Да убирайся къ чорту, трупный сиропъ!“

Повѣрьте, благородный взрывъ восторга настолько же меня радуетъ, насколько возмущаетъ подобная жестокость толпы. Возгласъ раечника, вызвалъ хохотъ всей залы, такой хохотъ который возмутилъ меня до глубины души. Хохотали всѣ, вообразите мой ужасъ, Маргарита Бургундская хохотала тоже и хохотала до слезъ, а я долженъ былъ держать ее въ своихъ объятіяхъ. Маргарита, королева Франціи, которая должна была трепетать... Каково вамъ это покажется?

Грустный эпизодъ долголѣтней артистической практики! Несчастный музыкантъ этотъ былъ Монтескюръ; онъ вскочилъ подъ ударами грубаго возгласа и выбѣжалъ изъ оркестра, почти уронивъ контрабасиста и, подтолкнувъ локтемъ единственную скрипку, быстро исчезъ въ маленькую выходную дверь оркестра. Но какъ ни было быстро бѣгство молодого человѣка, я успѣлъ подмѣтить на его лицѣ выраженіе такого отчаяннаго страданія, которое я не берусь передать. Онъ поднесъ платокъ къ глазамъ и смахнулъ слезу, а потомъ ко рту, и платокъ окрасился кровью!

Трупный сиропъ! Насмѣшка такъ и звенѣла у меня въ ушахъ, и я былъ очень далекъ отъ королевы, которую держалъ въ своихъ объятіяхъ. Я думалъ о музыкантѣ, и престижъ искусства не могъ отвлечь меня отъ мрачной дѣйствительности... Платокъ, смоченный кровью... Андре Розвейнъ (одна изъ моихъ лучшихъ ролей) подноситъ такой платокъ Далилѣ. Я отгадывалъ душой страшную драму. По окончаніи акта я направился въ свою уборную и встрѣтилъ на лѣстницѣ музыканта, который все еще держалъ у рта свой окровавленный платокъ; я наткнулся на него; повидимому, онъ ждалъ меня, дрожа отъ страха.

— Ахъ, господинъ Бришанто, я просто въ отчаяніи... Господи, въ какомъ отчаяніи!

— Отчего, мой бѣдный другъ?

— Помилуйте... Этотъ кашель и... скандалъ, мое бѣгство...

Я, конечно, проникся сочувствіемъ къ этой скромности, которая для меня являлась какъ бы невольной похвалой.

— Мой бѣдный другъ, успокойтесь, не то еще приходится испытывать на поприщѣ искусства. Приходится бороться съ народной бурей, съ градомъ гнилыхъ яблокъ,—этими бомбами, съ которыми сражаются солдаты искусства. Успокойтесь, меня даже вызывали послѣ того, какъ спустили занавѣсъ, и, увѣряю васъ, очень горячо вызывали.

Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, блѣдный и мрачный. Я пригласилъ его въ уборную. Я дѣлалъ это очень быстро и настойчиво отчасти потому, долженъ сознаться, что мы стояли на сквозномъ вѣтру, а мой голосъ, хотя очень сильный, тѣмъ не менѣе, подверженъ простудѣ. Я пригласилъ его сѣсть, и вотъ тутъ-то, комкая въ рукахъ свою изношенную шляпу, онъ разсказалъ мнѣ грустную исторію, которую я вамъ передавалъ, свое двойное призваніе музыканта и скульптора, свои мечты; во все время своего разсказа онъ смотрѣлъ на меня, не спуская глазъ, такъ что я посмотрѣлъ въ зеркало, не испортился-ли мой гримъ. Нѣтъ, гримъ превосходенъ, значитъ причина другая.

— Какъ вы находите, воплощаю-ли я вполнѣ типъ Буридана, похожъ ли я на него?

Я хотѣлъ сказать, приближаюсь-ли я къ идеалу, потому что идеалъ въ искусствѣ—все.

Онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Я нахожу, господинъ Бришанто, что вы похожи на римлянина.

Буриданъ былъ бургундецъ, а я походилъ на римлянина! Но это не важно. Что жъ дѣлать, если я похожу на римлянина. Когда я игралъ трагиковъ въ Монпелье, жена префекта сказала мнѣ послѣ представленія:

— Мосье Бришанто, вы мнѣ напоминаете изображенія на медаляхъ.

Монтескюръ, маленькій музыкантъ, былъ того же мнѣнія, какъ и жена префекта. Я походилъ на римлянина и какъ разъ на того, котораго онъ искалъ для своего произведенія. Всѣ искусства братья.

— Ахъ, мосье Бришанто, еслибы я имѣлъ натурщика, который бы походилъ на васъ!

— Натурщика?

Онъ затронулъ чувствительную струну. Я былъ очень молодъ, когда покойный Ингресъ выбралъ меня натурщикомъ для одной фигуры въ своемъ Saint Symphorien. Онъ тоже говорилъ, что у меня отличный видъ. Онъ меня называлъ Тальма II. Вотъ съ тѣхъ поръ я не одинъ разъ соглашался приносить въ жертву

свои физическія качества, чтобы питать качества духовныя. Я зналъ Делароше, Луи Конье. Мой профиль въ трехъ видахъ украшаетъ музей въ Версалѣ на стеклѣ, въ качествѣ дворянина временъ Франсуа I и волонтера. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я не служилъ натурщикомъ. Театръ, только театръ, и все для театра.

Бѣдный Монтескюръ разсказывалъ мнѣ свои проекты. Онъ нашелъ хорошую позу. Онъ хотѣлъ воплотить въ своемъ римлянинѣ горечь пораженія, мою идею, идею моей жизни.

Конечно, у него не было денегъ заплатить за натуру, чтобы окончить свою статую.

— Ну что жъ?—сказалъ я ему:—я буду для васъ натурщикомъ, я раздѣлю свое существованіе на двѣ части, на искусство драматическое и скульптурное. Скажите, когда мнѣ придти къ вамъ въ мастерскую?

Мастерская! Хороша она была! Бѣдняга! Нѣчто въ родѣ куриной клѣтки, сколоченной изъ досокъ въ углу задняго двора, просто шалашъ, а онъ, больной, чахоточный, сидѣлъ и работалъ въ такой дырѣ. Свѣтъ падалъ сверху, но стекла въ рамахъ были на половину разбиты и заклеены бумагой. Въ этомъ сараѣ находились этюды, слѣпки, настоящіе перлы искусства. Я васъ увѣряю, тамъ были замѣчательныя вещи, выхваченныя изъ жизни. А главное, я увидѣлъ римлянина, будущій № 3773, уже вылѣпленнаго, согнутаго подъ ярмомъ, со сдвинутыми бровями, страшнаго какъ торреадорскій быкъ. Признаюсь, когда я увидалъ жалкаго, больного юношу рядомъ съ этимъ воинственнымъ атлетомъ, я сказалъ себѣ: „Онъ кончитъ свою статую, я буду его вдохновлять, этого музыканта, который лѣпитъ глину, буду его сотрудникомъ, его натурой!“ и я сдержалъ слово! Между репетиціями я бѣгалъ въ его мастерскую! Наканунѣ я былъ Эрнани или Монтекланомъ въ la Closerie des Genets, а на другой день римляниномъ, порабощеннымъ, но угрожающимъ, какимъ я былъ въ 1871 г. въ тюрьмѣ Версаля, когда я былъ близокъ къ тому, чтобы взять въ плѣнъ прусскаго короля... я вамъ разскажу когда-нибудь. Я продѣлывалъ всякія подлости, чтобы добыть для него костюмъ Ораса у директора театра Одеона, моего стараго товарища, и стоялъ, стоялъ безъ конца. А бѣдный Монтескюръ былъ внѣ себя отъ радости, что нашелъ, наконецъ, натуру, и работалъ безъ устали.

— Не убивайте себя, не поддавайтесь лихорадкѣ, овладѣйте своимъ произведеніемъ. Артистъ долженъ вложить часть самого себя въ свое созданіе, но всему есть мѣра. Бросьте въ лицо по-

томства свой геній, поберегите свои легкія. Не убивайте себя, Монтескюръ.

Легко сказать, но исполнить трудно. Онъ работалъ съ вдохновеніемъ и торопился окончить свое произведеніе. Онъ чувствовалъ, что жизнь уходитъ, точно жидкая глина, которая скользила между его тонкими пальцами... Онъ часто говорилъ:

— Хоть бы мнѣ только дожить до выставки!

— Вы съ ума сошли?—отвѣчалъ я ему.—Вы еще меня похороните, хотя у меня и есть мускулы. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, обѣщайте сдѣлать бюстъ на мою могилу. Внизу надпись: Себастіанъ Бришанто, актеръ.

Онъ смѣялся, былъ счастливъ, горѣлъ, какъ лампа, въ которую прибавили масла; я ему внушалъ вѣру въ самого себя.

Не легка была длинная зима для творца этой статуи. Онъ дрожалъ въ своей холодной дырѣ, а иногда потъ катился съ него градомъ, и лицо его было такое худое, что виски казались провалившимися. А вечеромъ въ театрѣ игра на трубѣ окончательно надрывала его силы. Я употреблялъ всѣ хитрости, чтобы отговорить его отъ игры. Приходилось возвращаться въ холодный туманъ и всякую непогоду, каково это должно было отзываться на его здоровьѣ. Я провожалъ его до квартиры. Физически сильный, я сочувствовалъ его слабости.

Я не только служилъ ему натурой (а сколько разъ пришлось схватить насморкъ и инфлуэнцу), я былъ въ то же время его совѣтникомъ; бѣдняга Монтескюръ влюбился въ нашу инженю. Онъ видѣлъ ее у рампы, бѣленькой, розовенькой, кроткой и готовъ былъ жениться на ней.

— Дитя мое, — говорилъ я ему, — артиста можно считать погибшимъ, если онъ подпадетъ подъ женское иго! Берегись героинь подмостокъ. Возьми женщину друга, готовую на жертвы, но берегись театральныхъ звѣздъ; у твоей души есть крылья, береги ихъ.

Монтескюръ вздыхалъ.

— Мадемуазель Мартине такъ хороша, я бы вылѣпилъ статую „Пасха въ цвѣтахъ“.

— Да, ну вотъ это сколько угодно, лѣпи съ нее твою Пасху, но не женись...

Онъ улыбался надъ собственной фантазіей. Только бы кончить римлянина, а мечтать о новой работѣ, съ его силами... Да, только бы кончить римлянина, у меня уже болѣла шея отъ напряженной позы—натурщикъ или актеръ,—я любилъ дѣлать дѣло добросовѣстно.

Но силы измѣняли бѣднягѣ: скульптура не легкая работа; это собственно не работа, а борьба, упорная борьба. Мнѣ удалось отговорить его играть въ оркестрѣ. Такимъ образомъ онъ раньше ложился, не отвлекался прелестными глазками мадемуазель Мартине, которая смѣялась надъ нимъ за кулисами и увѣряла, что его труба дѣлаетъ ей глазки.

— Но чѣмъ я буду жить, Бришанто?

— Развѣ вы не живете?

— Чѣмъ заплачу вамъ за ваши труды?

— Вы съ ума сошли? Развѣ мы не рѣшили, что у насъ объ этомъ никогда не будетъ рѣчи.

— Но печь... она ѣстъ уголь, печь надо топить.

— Ну, пусть она ѣстъ! Теперь коксъ ни почемъ, нашли новыя залежи угля, и фабриканты рады отъ него отдѣлаться.

Коксъ, конечно, не давали даромъ, но онъ былъ дешевъ, и я не рисковалъ на немъ разориться; я приходилъ съ карманами полными кокса, приносилъ его въ корзинкахъ, а также всевозможные съѣстные припасы. Я увѣрялъ, что получаю ихъ съ юга отъ почитателей своего таланта, почитателей анонимныхъ, само собою разумѣется, я не говорилъ почитательницъ, чтобы не вызвать образа мадемуазель Мартине. Въ такіе дни я предварительно завтракалъ и ѣлъ мало, оставляя все ему, со словами:

— Ну вотъ, я и сытъ, а дома у меня еще есть.

Словомъ сказать, въ эту зиму я былъ для Монтескюра тѣмъ же, чѣмъ былъ какой-то негръ для поэта, имя его я позабылъ. Увѣряю васъ, я былъ готовъ идти и просить милостыню для этого, если не поэта, то скульптора. Одѣнь я лохмотья изъ моей роли Цезаре-де-Базана, я бы навѣрное собралъ богатую милостыню.

У меня не было лишнихъ денегъ, но и гроши помогли поддержать бѣднягу, который кашлялъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Римлянинъ между тѣмъ становился все угрюмѣе и мужественнѣе. Монтескюръ съумѣлъ придать его лицу отчаяніе пораженія, порабощенія. Вы видите эту горечь, не правда-ли? А между тѣмъ наступала весна, и почки на деревьяхъ наливались, холодъ исчезалъ, мартъ смѣнился апрѣлемъ.

— Ну, теперь я доживу до выставки,—говорилъ Монтескюръ. Онъ былъ веселъ и счастливъ и почти пересталъ кашлять. Статуя была готова, но ее надо было сформировать изъ гипса. Чѣмъ за него заплатить? Нѣсколько костюмовъ были проданы, а также экземпляръ Поліэкта, съ надписью: молодому, но уже великому уче-

нику Бовалле; но я не жалѣлъ ничего: когда я увидѣлъ статую въ гипсѣ, я былъ вознагражденъ за все сторицей.

Монтескюръ цѣловалъ меня и говорилъ:

— Ахъ, Бришанто! Если мнѣ предстоитъ успѣхъ, я имъ обязанъ исключительно только вамъ, моему дорогому, преданному другу!

Онъ совершенно лишился силъ и въ тотъ день, когда статуя отправилась на конкурсъ, слегъ въ постель, изможденный и больной отъ столькихъ упорныхъ трудовъ; я вижу его передъ собой, какъ онъ слѣдилъ глазами за статуей и говорилъ:

— А что, если я ея больше не увижу?

Я смотрѣлъ на его блѣдное лицо, на провалившіеся глаза, длинные волосы, прилипшіе ко лбу, и рѣдкую рыжую бороду. Онъ производилъ впечатлѣніе сподвижника, просвѣтленнаго внутреннимъ свѣтомъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ горѣлъ въ лихорадкѣ—его терзало безпокойство, и, между припадками кашля, раздавался его охрипшій голосъ:

— Только бы ее приняли, мою статую! А если откажутъ, Бришанто?

— Что вы говорите? Это chef d'oeuvre!

— Вы думаете, вы убѣждены въ этомъ?

— Ваше произведеніе не только хорошо, оно поразительно. Еслибы вы лѣпили римлянина не съ меня, я бы говорилъ тоже самое.

Онъ успокоивался на время и лежалъ въ кровати, не имѣя средствъ позвать доктора. Въ его карманахъ не было ни гроша на лѣкарства. Но у насъ былъ свой докторъ, любитель театра, который самъ пробовалъ писать. Меня однажды ранилъ рапирой это животное Дорбиньи, и этотъ докторъ меня лѣчилъ. Съ тѣхъ поръ мы были пріятелями. Онъ заинтересовался Монтескюромъ, исторію котораго я ему разсказалъ, и самъ пришелъ его навѣстить, принося къ постели больного свое знаніе, какъ я приносилъ свое искусство. Надо замѣтить, что во все время болѣзни я читалъ ему монологи, стихи, и, признаюсь, не считаю стыдомъ, что старался этимъ способомъ его усыплять.

Докторъ былъ хорошій; но наука его была безсильна.

— Износился человѣкъ; болѣзнь его—слѣдствіе лишеній, тутъ ничего не подѣлаешь.

Самое ужасное, сударь мой, было то, что Монтескюръ рисковалъ умереть, не узнавши о судьбѣ своего произведенія... Онъ скончался у меня на рукахъ, и его бѣдная голова лежала вотъ тутъ, на моемъ плечѣ. Онъ все повторялъ: спасибо, спасибо. Его руки

пытались пожать мою руку. Я слышалъ, какъ онъ повторялъ слово, которое рисуется намъ всѣмъ, какъ заманчивый миражъ: „слава“...

Ахъ, да! слава! Ловкіе люди получаютъ отъ нея то, что зовется деньгами, а нашъ братъ получаетъ лишь терніи.

Шесть человѣкъ насъ провожало гробъ Монтескюра: докторъ, два музыканта, нашъ режиссеръ и привратница того дома, гдѣ онъ жилъ.

Я предлагалъ мадемуазель Мартине присоединиться къ намъ; мнѣ казалось, что это будетъ ему пріятно. Она была занята, да и что ей было за дѣло до бѣднаго музыканта: „Я его совсѣмъ не знаю,“ отвѣтила она, „Пасха въ цвѣтахъ“—его мечты! Родныхъ у него не было, онъ былъ точно камень, брошенный въ воду. Когда мы возвращались съ кладбища, стоялъ чудный апрѣльскій день, солнце точно смѣялось надъ нами; я нашелъ оффиціальное письмо на имя Монтескюра—это было заявленіе о пріемѣ „Побѣжденнаго римлянина“. Его дурно поставили, мало кто обращаетъ на него вниманія, но... извините меня на минуту. Онъ подбѣжалъ къ посыльному, который принесъ большой вѣнокъ изъ фіалокъ, обвитый крепомъ, съ трехцвѣтной лентой.

Себастіанъ Бришанто, закинувъ свою могучую голову съ длинными развѣвающимися волосами, указалъ на него театральнымъ жестомъ.

— Вотъ что остановитъ вниманіе и взгляды проходящей толпы. Посмотрите, здѣсь слава и трауръ.

Бришанто распорядился сдѣлать въ театрѣ сборъ, который не могъ уже теперь оскорбить его друга, и приказалъ положить траурный вѣнокъ у подножія статуи № 3773.

Подходили любопытные, пока Бришанто расправлялъ ленты. Собралась кучка зѣвакъ. Отступивъ, чтобы лучше судить объ эффектѣ, точно режиссеръ въ день увѣнчанія лаврами бюста на сценѣ, онъ проговорилъ:

— Здѣсь не достаетъ пальмовой вѣтви; я принесу ее завтра.

Подойдя ко мнѣ, онъ проговорилъ шопотомъ:

— Я надѣюсь еще на другой успѣхъ; въ академіи проникнулись сочувствіемъ къ смерти Монтескюра; я добьюсь, что государство купитъ его статую и ее отольютъ изъ бронзы. Это необходимо. „Римлянинъ“ отправится въ провинцію и украситъ собою какой-нибудь общественный скверъ, гдѣ вечеромъ гуляютъ граждане. Бѣдный Монтескюръ! Онъ воплотилъ въ своей статуѣ всѣ мои обиды и всѣ протесты, которые заключаются въ моей личности; это я, это мои черты... онъ передалъ ихъ потомству.

Если мнѣ удастся подняться до настоящей высоты, создать роль, добиться безсмертія, то не витрина фотографа со своими пошлыми портретами увѣковѣчитъ мою память, нѣтъ, славу Богу, я презираю это сосѣдство съ послѣдней звѣздой кабачнаго балагана; моя личность будетъ стоять подъ открытымъ небомъ, кругомъ будутъ шумѣть деревья, надо мною будетъ свѣтить солнце... Подъ гордыми чертами побѣжденнаго римлянина потомство узнаетъ актера Себастіана Бришанто, который имѣлъ честь раздѣлить кусокъ хлѣба съ Клодомъ-Андре Монтескюромъ, родившимся въ Гарига, около Тулузы (№ 3773). Смотрите въ каталогѣ. Кто знаетъ, можетъ быть, самою благородною ролью моего репертуара была именно роль натурщика... Какъ хорошъ вѣнокъ, не правда-ли? Надгробные вѣнки полны поэзіи.

Въ эту минуту къ статуѣ подошелъ человѣкъ съ красноватымъ лицомъ, сѣровато-грязною бородою и pince-nez на носу; онъ разсматривалъ статуи, какъ близорукій картины, совсѣмъ близко, въ упоръ; Рембрандтъ сказалъ однажды такому любителю: „Отойдите, картины не хорошо пахнутъ“.

— Помощникъ мэра, Гарига-на-Гароннѣ,—шепнулъ мнѣ Бришанто взволнованнымъ голосомъ. — Простите, я сейчасъ вернусь къ вамъ.

Онъ дотронулся рукою до краевъ своей шляпы, которая придавала ему видъ мужества, и быстрыми шагами приблизился къ господину, съ которымъ заговорилъ любезно, но не теряя ни на минуту своего достоинства. Онъ походилъ на д'Артаньяна, разговаривающаго съ королевой.

Я разсматривалъ его, пока онъ говорилъ; держался онъ прямо, движенія его были полны мужественной граціи, онъ весь воплощалъ въ себѣ типъ актера стараго времени, съ лихорадочными надеждами, иллюзіями и самоотверженіемъ, типъ нѣсколькихъ поколѣній. Таковъ былъ Себастіанъ Бришанто, потерпѣвшій крушеніе на бурномъ морѣ искусства; въ двадцать лѣтъ онъ мечталъ о славѣ и богатствѣ—объ этихъ двухъ полюсахъ міра химеръ, а въ шестьдесятъ лѣтъ съ наивнымъ самоотверженіемъ старшаго брата дѣлился черствымъ кускомъ горькаго хлѣба, которымъ наградила его судьба, съ случайнымъ товарищемъ по несчастью.

Онъ заинтересовалъ меня своими разсказами о Монтескюрѣ. Я угадалъ въ немъ цѣлую бездну воспоминаній. Онъ столько видѣлъ всякихъ превратностей въ своихъ скитаніяхъ по бѣлу-свѣту. И жизнь сохранила его такимъ же добрымъ, какъ и красивымъ. Высокій, съ гордо закинутой головой, онъ скорѣе походилъ на

галла, готоваго на бой съ богами, чѣмъ на римлянина, согнутаго подъ ярмомъ порабощенія. Черные волосы, довольно длинные, еще не знали сѣдины, ихъ пощадила старость, и только въ усахъ показался нѣсколько серебристый оттѣнокъ. Подъ пушистыми бровями голубые, мечтательные глаза, въ которыхъ, однако, часто зажигался огонь, придавали ему необыкновенно моложавый видъ; ему можно было дать пятьдесятъ, почти сорокъ пять, какъ говорятъ въ театрѣ, но никакъ не шестьдесятъ; онъ казался выдѣланнымъ изъ одного куска стараго дуба.

— Я похожъ на Флобера,—говаривалъ онъ мнѣ не разъ. И правда, онъ былъ изъ той же категоріи великановъ стараго закала. Монтескюръ сдѣлалъ его прекраснымъ; онъ и былъ такимъ въ дѣйствительности.

— Извините меня, но я сейчасъ опять-таки работалъ для Монтескюра. Я зналъ этого господина Казенова еще въ Гарига. Онъ поэтъ, довольно посредственный, но поэтъ. Мнѣ приходилось декламировать его стихи на злобу дня. Услуга за услугу. Увидя его, у меня блеснула мысль. Я говорилъ вамъ, что Монтескюръ уроженецъ Тулузы. Собственно говоря, онъ родился въ сосѣдствѣ, въ маленькомъ городкѣ Гарига-на-Гароннѣ. Если государство заартачится или не найдетъ денегъ, необходимо, чтобы статую купилъ муниципалитетъ его родного городка! Да, да! Я достигну этого. Первое зерно брошено. Души поэтовъ и артистовъ родныя сестры! Казеновъ мнѣ поможетъ, и я клянусь, клянусь жизнью, мнѣ удастся дать удовлетвореніе бѣднягѣ, произведеніе котораго выставлено такъ неудачно.

Обращаясь къ статуѣ своего друга, Бришанто произнесъ рѣчь, которая собрала бы толпу во всякомъ другомъ мѣстѣ выставки, но только не въ этомъ заброшенномъ уголкѣ; онъ произнесъ клятву, что его произведеніе будетъ помѣщено въ музеѣ, а такъ какъ въ Гарига-на-Гароннѣ музея не имѣется, то подъ открытымъ небомъ, гдѣ каждый прохожій могъ бы имъ восхищаться, и куда стекались бы туристы полюбоваться такимъ выдающимся произведеніемъ искусства.

— Да, Монтескюръ, твоя статуя попадетъ въ путеводители, это обѣщаетъ тебѣ твой другъ Бришанто. Какъ часто отнималъ я у тебя изъ рукъ твою злосчастную трубу; ты былъ созданъ для другого: твои мечты, олицетворенныя въ мраморъ, должны были украшать Лувръ и Люксембургъ; Монтескюръ, ты будешь отомщенъ!

И обращаясь ко мнѣ, онъ прибавилъ:

— Да, сударь мой, не умѣлъ я постоять за себя, а за него

постою; я не интриганъ, а теперь съумѣю построить самую замысловатую интригу! Я готовъ играть въ кафе и ресторанахъ! Я устрою петицію и подписные листы. Мои товарищи грубы, но у нихъ добрыя сердца. Я постараюсь растрогать даже женщинъ, у которыхъ нѣтъ сердца. Доставивъ славу Монтескюру, я покончу дѣло своей жизни: Бришанто, Тальма II—получитъ удовлетвореніе за понесенныя неудачи! Ахъ, сударь, еслибы вы знали мою жизнь!

Ему хотѣлось ее разсказать, перебрать на четкахъ всѣ страданія своей жизни; сердце его, побѣжденнаго подъ игомъ злого рока, наболѣло, и воспоминанія смѣнили прежнія надежды.

Я встрѣтилъ его сегодня случайно и заглянулъ въ его душу; мнѣ захотѣлось узнать, записать одно за другимъ признанія этого непобѣдимаго человѣка, все еще вѣрующаго и гордаго. Себастіанъ Бришанто, актеръ всѣхъ театровъ Франціи, вдохновилъ меня своими разсказами, полными образовъ, отрывковъ ролей, лохмотьями костюмовъ; крылья его воображенія, хотя и надломленныя, еще носили его надъ пошлостью жизни; его воспоминанія, хорошія и дурныя, я постарался записать съ его словъ.

Рецензентъ.

До сихъ поръ еще я съ грустью вспоминаю время, проведенное въ Перпиньянѣ. Пригласили меня въ качествѣ перваго любовника. Играть въ захолустьѣ, вдали отъ парижской публики, моей публики, не весело, тѣмъ не менѣе, я вкладывалъ въ свою игру столько же души и старанія, какъ еслибы мнѣ пришлось исполнять роль въ драмѣ Гюго на столичной сценѣ; могу увѣрить васъ, безъ хвастовства, что я былъ очень популяренъ въ восточныхъ Пиренеяхъ. Я переигралъ весь свой репертуаръ, предаваясь всецѣло искусству. Делакруа говорилъ своимъ ученикамъ: „если вы не имѣете церкви, чтобы рисовать свои фрески, рисуйте ихъ въ первомъ попавшемся кабачкѣ. Любителей искусства можно найти всюду“.

Въ Перпиньянѣ меня всѣ знали и раскланивались со мною на улицахъ. Пресса была на моей сторонѣ; она имѣетъ тамъ немного представителей, но они поддерживали мою энергію, помогали трудиться. Я былъ тронутъ. Вообще я не особенно чувствителенъ къ газетнымъ рецензіямъ, но прочитываю ихъ обязательно, чтобы судить, на сколько ихъ сужденія совпадаютъ съ голосомъ моей совѣсти. Въ большинствѣ случаевъ совпаденіе было полное.

Тѣмъ не менѣе, однажды вечеромъ меня спрашиваетъ товарищъ:

— Читалъ ты „Аргусъ“?

„Аргусъ“ была маленькая газетка, политическая и литературная, защищавшая интересы крупныхъ собственниковъ; у ней былъ свой критикъ, котораго называли мѣстнымъ Жаненъ. Въ провинціи еще живы традиціи этого критика. Почти въ каждомъ провинціальномъ городкѣ есть свои Жанены, и у артистовъ принято оставлять у него въ передней свои визитныя карточки.

Мѣстнаго Жанена я встрѣчалъ въ кафе; онъ былъ коренастый мужчина, съ толстымъ животомъ, рыжій, очень блѣдный, съ растрепанными волосами и нахальнымъ, вызывающимъ выраженіемъ лица. Онъ взялся за перо, какъ взялся бы за торговлю виномъ, и сочинялъ свои статьи на манеръ комми-вояжера. Сперва онъ, кажется, былъ любезенъ ко мнѣ, но потомъ, вѣроятно, разсердился, что я не благодарилъ его за отзывы, не призналъ его авторитета; тогда онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, и его статья въ послѣднемъ нумерѣ была весьма непріятнаго содержанія.

— Что ты сдѣлалъ Бакюлару?—спрашивали меня.

— Я? Да ничего. Я съ нимъ даже не разговаривалъ.

— А, такъ вотъ въ чемъ тайна. Бакюларъ любитъ, чтобы ему оказывали уваженіе; ты оскорбилъ его самолюбіе.

— Милый другъ, у меня свои принципы. Критика свободна высказывать свои сужденія, но артисту не подобаетъ ни заискивать, ни благодарить. Жюль Жаненъ дѣлаетъ свое дѣло, я—свое, вотъ и все.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ товарищъ,—здѣсь недоразумѣніе. Пожатіе руки, и ты поправишь дѣло.

— Послѣ его статьи? Никогда. Артистъ можетъ забыть—человѣкъ никогда.

Надо вамъ сказать, что статья въ „Аргусѣ“ была возмутительна. Читая ее, у меня чесались руки. Но что дѣлать, критикъ былъ въ правѣ находить мою игру отчаянной; мнѣ было непріятно, но надо было покориться.

На другой день я встрѣчаю критика передъ лавочкой, гдѣ продавались газеты. Онъ курилъ сигару и посмотрѣлъ на меня вызывающимъ взглядомъ. Я смѣрилъ его съ головы до ногъ и прошелъ мимо, не притронувшись къ шляпѣ. Онъ, повидимому, ожидалъ моего поклона, чтобы имѣть возможность сказать:

— Э, э! Бришанто! Сдался, дружокъ!

Я такъ хорошо отгадалъ его мысли, что принялъ позу донъ-Цезара, когда тотъ встрѣчается съ Саллюстомъ, и съ гордостью прошелъ мимо него. И какъ мнѣ было пріятно видѣть, что лицо

нахала покраснѣло, и злобный огонекъ сверкнулъ въ его глазахъ! „Балаганный комедіантъ“ былъ отомщенъ.

Не большая месть, это правда, но мнѣ доставляетъ удовольствіе смотрѣть въ глаза обидчику и выразить своимъ взглядомъ всю глубину своего презрѣнія. Бакюларъ мечталъ когда-то о славѣ въ Парижѣ (такъ же, какъ и я); неудачи сдѣлали его грозой, террористомъ печати, роль, которую охотно берутъ на себя тѣ, которые не имѣютъ ни таланта, ни стиля, ни вдохновенія, мѣтятъ только на то, чтобы нагонять страхъ, и успѣваютъ въ этомъ. Человѣчество трусливо, сударь.

Кто не умѣетъ разговаривать, тотъ начинаетъ кричать. Бакюларъ ревѣлъ. Онъ игралъ роль апостола, въ особенности передъ женщинами извѣстнаго сорта. Между двумя рюмками шартреза онъ проповѣдывалъ свои идеи, изъ которыхъ главною было наслажденіе жизнью. Главнымъ удовольствіемъ его было нагонять ужасъ; онъ любилъ деньги и зарабатывалъ ихъ, чтобы жить роскошно и покупать любовь женщинъ; въ то же время перо его черпало изъ чернильницы возмутительную грязь.

— Я набиваю здѣсь руку,—говаривалъ онъ въ пьяной компаніи,—но потомъ вы увидите меня въ Парижѣ. Тамъ мнѣ предстоитъ широкое поприще. Я избираю выдающуюся личность, выслѣживаю ее и бросаюсь на нее съ дрожью. Скандалъ, драка, дуэль, все что вамъ угодно, и моя слава создана. До личности мнѣ нѣтъ дѣла; кто-бъ она ни была! Подавайте мнѣ ее, и на ея чести я построю свою славу“.

Пока передъ нимъ трепетали всѣ актеры, игравшіе въ Перпиньянѣ. Бакюларъ былъ самъ чортъ. Его боялись, какъ неограниченнаго монарха. Примадонна блѣднѣла, инженю дрожала какъ въ лихорадкѣ, и слезы отчаянія стояли въ глазахъ у драматической премьерши. Я относился къ нему вполнѣ равнодушно, хотя сознавалъ, что создалъ въ немъ непримиримаго врага.

— Послушай,—говорили мнѣ,—Бакюларъ брызжетъ ядовитою слюною. У него острые зубы, и если онъ укуситъ, плохо дѣло. У него есть словечки, которыя уничтожаютъ человѣка.

— Ну, и пусть себѣ! Это не помѣшаетъ мнѣ выспаться на славу.

И дѣйствительно, гроза разразилась. Бакюларъ выпустилъ свой ядъ. И обрушился онъ на меня за одну изъ лучшихъ моихъ ролей—Андре въ „Пиратахъ Саванны“. „Аргусъ“ называлъ меня клоуномъ, недостойнымъ выступать на ярмаркахъ въ Сенъ-Клу. Жестокія слова сыпались дюжинами, цѣлыхъ три столбца. „Это

наѣздникъ изъ цирка,—писалъ онъ,—и никогда не быть ему артистомъ. Въ балаганѣ, милостивый государь, въ балаганѣ ваше мѣсто, а не на сценѣ!“ И все въ такомъ духѣ.

Признаюсь, первою моею мысль было, прочитавъ весь этотъ панегирикъ, пойти къ нему и высказать ему свое мнѣніе, пожалуй, и довольно безцеремоннымъ образомъ. Но потомъ я раздумалъ. Онъ въ своемъ правѣ. Артистъ принадлежитъ публикѣ, прессѣ, тѣмъ, кто ему шикаетъ, и тѣмъ, кто рукоплещетъ, въ одинаковой степени. Я поборолъ свой гнѣвъ и пошелъ на репетицію, какъ солдатъ на службу, стараясь сдѣлать веселое лицо, не смотря на то, что предполагалъ въ карманѣ у каждаго товарища злополучный нумеръ „Аргуса“.

Въ этотъ день давали „Le Courier de Lyon“, и второй любовникъ, Толозе, все время напѣвалъ вполголоса

Торреадоръ, берегись,
Торреадоръ, Торреадоръ,

пародируя насмѣшки Бакюлара. Не безъ удовольствія напомнилъ бы я ему все неприличіе этой аріи изъ „Карменъ“ и очень можетъ быть, что не сдержалъ бы своего гнѣва, когда услыхалъ за собою голосъ Жанны Горли, игравшей мою дочь. Она была робкая дѣвушка и казалась очень испуганною.

— Мосье Бришанто, скажите мнѣ, онъ очень золъ, этотъ Бакюларъ?

Я взглянулъ на бѣдную дѣвушку. Она стояла, прислонившись къ декораціи и смотрѣла на меня умоляющими глазами. Бѣлокурая, нѣжная, худенькая и блѣдная, съ пальцами, проколотыми иглою, она ясно носила слѣды постоянной голодовки; въ глазахъ у нея было необыкновенно трогательное выраженіе и вообще она была обворожительна, но вовсе не годилась для каторжной закулисной жизни.

— Почему ты думаешь, что онъ золъ, душа моя? — спросилъ я Жанну.

Она колебалась.

— Говори, не стѣсняйся.

— Только что прочли вслухъ статью... эту статью... словомъ сказать, статью...

— Статью про меня? Гдѣ говорится, что я паяцъ? Ну, такъ что жъ?

— А то, мосье Бришанто, что Бакюларъ ухаживаетъ за мной, и мосье Карбонье сказалъ мнѣ: „пускай Бакюларъ ругаетъ Бришанто, это не бѣда, его широкія плечи выдержатъ и не такую

ругань; но берегитесь, чтобы Бакюларъ не добрался до васъ, потому что не могу же я всю свою труппу принести въ жертву „Аргусу“. Вы понимаете?

— Онъ сказалъ это, Карбонье?

— Да, мосье Бришанто.

— Онъ боится Бакюлара, Карбонье?

— Да, мосье Бришанто.

И дѣвушка прибавила:

— Я тоже боюсь Бакюлара, мосье Бришанто. Подумайте, что будетъ со мной, если мнѣ откажутъ. Я должна платить кормилицѣ за своего малютку и помогать матери, которая хозяйничаетъ въ Парижѣ!..

Я посмотрѣлъ опять на Жанну, на маленькую Жанну Гарли: это былъ еще совершенный ребенокъ, подростокъ. Такая крошка! И у ней былъ сынъ, тамъ гдѣ-то около Невера. Она получала небольшое содержаніе и отказывала себѣ во всемъ, чтобы посылать кормилицѣ и давать матери на дрова и табакъ. Ахъ нищета, нищета!

Больше всего она боялась, чтобы ей не отказали и трепетала передъ директоромъ и передъ Бакюларомъ, ожидая ежеминутно какого-нибудь скандала. Это было возмутительно.

— Не бойтесь, все это страхи, не стоющіе вниманія. Плюньте вы на „Аргусъ“ и успокойтесь.

— Ахъ, мосье Бришанто, вамъ легко говорить! Еслибы у меня былъ вашъ талантъ, ваше положеніе въ обществѣ.

Бѣдная дѣвушка! Мой талантъ, мое положеніе! Надо было имѣть много характера, чтобы играть въ этой дырѣ, когда сердце мое рвалось въ Парижъ. Но довольно объ этомъ. Я уговаривалъ ее, насколько хватало краснорѣчія, обѣщалъ переговорить съ Карбонье.

— Если Бакюларъ вамъ станетъ надоѣдать, скажите мнѣ слово, я съ нимъ раздѣлаюсь, и, повѣрьте, заставлю публику вамъ апплодировать!

Я долженъ былъ идти на сцену и оставилъ Жанну нѣсколько успокоенною!

Но женщины созданія слабыя. Черезъ два, три дня я спѣшилъ на свою квартиру, на окраину города, около городского вала; была зима, и въ этотъ день выпало особенно много снѣга. Между тѣмъ наступила оттепель, я шлепалъ по лужамъ и увидѣлъ передъ собою пару, которая имѣла очень меланхоличный видъ: это былъ толстый Бакюларъ; гордо задравши голову, онъ велъ подъ руку маленькую Жанну Гарли. Они шли по направленію къ ресторану, и толстые сапоги одного и тоненькія ботинки другой

шлепали по растаявшему снѣгу. Въ его осанкѣ было столько животной пошлости, а въ ея согбенной спинѣ и повисшей головѣ чувствовалась такая жалкая покорность судьбѣ, что я не зналъ, возмущаться мнѣ или плакать.

У меня мелькнула мысль, не обогнать-ли Бакюлара и не явиться-ли, наподобіе привидѣнія, неожиданнымъ свидѣтелемъ его счастья. Но мнѣ жаль было дѣвушки. Къ чему? Она поддалась, она испугалась, что нечѣмъ будетъ платить кормилицѣ; она испугалась „Аргуса“ и Карбонье и отдалась. Она была жертвой этого человѣка, который жаждалъ денегъ и удовольствія. Шантажъ! Да это былъ шантажъ надъ женщиной, которая дрожала и плакала.

Я вернулся домой болѣе грустный, чѣмъ обыкновенно, и повторялъ: „бѣдная, бѣдная!“ Ненависть къ Бакюлару закипѣла во мнѣ сильнѣе, и мое личное оскорбленіе потонуло въ этомъ новомъ несчастьи.

Подходило время бенефиса, день, когда мнѣ подносили лавровый вѣнокъ.

Вѣнокъ! Зеленые лавры! Ихъ я добивался во все время моей долготерпѣливой жизни. Увы! вѣнокъ этотъ былъ чисто вѣнокъ терновый. Не смѣю скрывать отъ васъ, что въ то время, увлекаясь жаждой славы, я самъ заботился приготовить для себя этотъ вещественный знакъ расположенія публики. Я не краснѣю, нѣтъ. Публика могла забыть, надо было предупредить ея разсѣянность. Вотъ эта предусмотрительность и вызвала окончательную стычку между мною и Бакюларомъ. Я рѣшился поставить въ свой бенефисъ неигранную драму молодого автора, который прочелъ мнѣ ее въ café d'Arago. Неигранное драматическое произведеніе—мертво. Артистъ вкладываетъ въ него душу, потому и говорятъ: „создать роль“; это совершенно вѣрное выраженіе, мы именно „создаемъ“.

Такъ вотъ я обѣщалъ молодому автору Пюже создать роль въ драмѣ „Gaucho“; донъ Эстебанъ—мексиканецъ. Я надѣялся, что произведеніе мѣстнаго автора заинтересуетъ публику, и попросилъ у директора костюмы пиратовъ, знаменитыхъ пиратовъ Саванны, той пьесы, изъ-за которой меня оскорбилъ Бакюларъ.

— Я сдѣлаю все, что вамъ угодно, мосье Бришанто,—сказалъ директоръ Карбонье.

Все что мнѣ угодно,— это было не дурно. Какъ бенефиціантъ, я долженъ былъ платить газъ, уврезамъ и контролерамъ. Молодой Пюже уступалъ мнѣ авторскія права. Карбонье разрѣшилъ мнѣ расклеить объявленія о представленіи „Gaucho“ заблаговременно, рискуя дѣлать за это время плохіе сборы другими пьесами.

Карбонье, какъ директоръ, былъ довольно порядочнымъ человѣкомъ, не мелочнымъ, хотя поступокъ его по отношенію Жанны Гарли и нельзя назвать благороднымъ; тѣмъ не менѣе, онъ былъ нѣсколько озадаченъ, когда я ему сказалъ:

— Мосье Карбонье, надо еще устроить подношеніе вѣнка.

— Вѣнка... какого вѣнка?

— Вѣнка, который мнѣ подносятъ по окончаніи представленія отъ товарищей. Такъ дѣлалось вездѣ, гдѣ бы я ни игралъ. Первая драматическая актриса мнѣ обыкновенно подносила его по окончаніи пятаго дѣйствія при восторженныхъ рукоплесканіяхъ всей залы, смѣю васъ увѣрить, очень восторженныхъ.

Карбонье смотрѣлъ на меня съ довольно хмурымъ видомъ.

— Вѣнокъ! но вѣдь это дорого стоитъ; дирекція не можетъ взять на себя такого расхода, а ваши товарищи, вы сами знаете, не страдаютъ изобиліемъ финансовъ.

Я перебилъ директора и нетерпѣливо замѣтилъ,

— Что вы, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи! Неужели вы думаете, что я заставлю платить товарищей за свои тріумфы? Нѣтъ, господинъ директоръ, никогда въ жизни. Вѣнокъ, который я желаю получить, у меня есть...

— Какъ такъ? не понимаю?

— Да, у меня есть вѣнокъ. Онъ составляетъ часть моего актерскаго имущества. Заставить платить своихъ коллегъ! Выдумали! Я вожу его съ собой въ чемоданѣ, сохраняю его и, когда является въ немъ надобность, стираю пыль, и онъ снова идетъ въ дѣло.

— Ахъ да! Такимъ образомъ, что жъ, это прекрасно,—сказалъ успокоенный директоръ.

— Прошу васъ, не безпокойтесь, мы сдѣлаемъ одну репетицію съ Жанной Гарли утромъ, въ день спектакля; я разскажу ей, что надо сказать, и все будетъ устроено.

Мосье Карбонье былъ въ восхищеніи. Разъ ему вѣнокъ ничего не стоилъ, онъ былъ за вѣнокъ, и однако замѣтилъ, что такъ какъ Жанна Гарли находилась въ настоящее время подъ покровительствомъ критика, то не будетъ-ли подношеніе ею вѣнка имѣть видъ нѣсколько заискивающій?

— Вы предлагаете Бакюлару сложить оружіе,—прибавилъ онъ.

— Нисколько, господинъ директоръ, я дѣлаю только то, что принято. Я выбираю не женщину, я выбираю амплуа. Если этотъ господинъ усмотритъ въ этомъ подлизыванье, онъ ошибется; я слѣдую традиціямъ, вотъ и все.

Карбонье не возражалъ. Ему было, въ сущности, все равно, такъ какъ мой ангажементъ приходилъ къ концу и мои отношенія къ критикѣ не интересовали его больше.

И такъ, мы репетировали, учили, играли „Gaucho“ Ж. Пюже, и въ девять дней пьеса была готова къ постановкѣ. У меня были тирады въ сто сорокъ строкъ! Всѣ завзятые театралы запаслись билетами. Дамы города,—я этимъ былъ особенно польщенъ,—пожелали присутствовать на бенефисѣ. Я долженъ вамъ признаться, увѣряю васъ не изъ желанія похвастать, что я былъ безподобенъ въ роли Эстебано, „Esteban Gaucho“. Въ одной сценѣ, когда я наступаю ногой на своего врага, дона Пабло Замораля, я достигъ высокаго паѳоса. „Весь Перпиньянъ“ затаилъ дыханіе.

Я чувствовалъ себя въ ударѣ. Я видѣлъ передъ собой насмѣшливый взглядъ и ненавистное лицо Бакюлара, который возсѣдалъ на своемъ рецензентскомъ креслѣ, и ему, сотруднику „Аргуса“, бросалъ я слѣдующія слова, обращенныя къ моему врагу, Пабло Заморалю:

„А, вы меня оскорбили, сеньоръ, Gaucho мститъ, и конецъ моей novaja найдетъ путь къ вашему сердцу, донъ Пабло, если у васъ есть сердце, и черезъ открытую рану пусть улетитъ твоя душа, если у тебя есть душа.“—У него былъ стиль, у молодого писателя Ж. Пюже.

„Gaucho“ прошелъ сплошнымъ тріумфомъ. Вызывали автора. Только одинъ Бакюларъ оставался безучастнымъ. Префектъ пришелъ меня поздравить. Мэръ пожалъ мнѣ руку и произнесъ нѣсколько теплыхъ словъ. Подходила торжественная минута поднесенія вѣнка.

Подняли занавѣсъ. Товарищи окружили меня, кто въ мексиканскихъ костюмахъ, кто во фракахъ. Передо мною стояла восторженная публика; у меня стало тепло на сердцѣ.

Я смотрѣлъ на мой вѣнокъ, который мнѣ подносили въ Турѣ, Нонглѣ, Нанси и другихъ городахъ. А маленькая Жанна Гарли трогательно его подносила, и на лентѣ была надпись золотыми буквами: „Отъ почитателей и друзей“. Среди торжественной тишины она, моя Муза, Муза моихъ надеждъ произнесла своимъ мягкимъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія:

— Примите этотъ вѣнокъ, дорогой товарищъ, какъ достойную награду за ваши труды. Вѣнки эти никогда не бываютъ забрызганы кровью, какъ вѣнки героевъ, они орошаются лишь слезами, вызываемыми безсмертнымъ искусствомъ“.

Она хорошо произнесла эти слова, съ чувствомъ, такъ что у

меня выступили слезы, и какъ онѣ были сладки моему сердцу! Церемонія эта, не смотря на повтореніе, всегда вызывала у меня волненіе,—вамъ это покажется страннымъ, но артистъ пойметъ мои чувства.

На публику мои слезы произвели потрясающее впечатлѣніе. Махали платками, взлѣзали на стулья. „Бришанто, браво! Останьтесь у насъ, Бришанто, не уѣзжайте!“ Я обнимался съ артистами, посылалъ поцѣлуи публикѣ. Словомъ, восторгъ былъ полный, и я бережно унесъ свой вѣнокъ, дорогой вѣнокъ, который доставлялъ мнѣ столько незабвенныхъ минутъ.

Какія чудныя воспоминанія! Но они были отравлены присутствіемъ Бакюлара, который, конечно, не заставилъ долго ждать своего ядовитаго слова. На другой же день въ „Аргусѣ“ появилась статья, озаглавленная „Слезы Gaucho“. Можете себѣ представить, что это было за произведеніе! Онъ надсмѣялся надъ моимъ волненіемъ, надъ вѣнкомъ, надъ игрой. Онъ затронулъ не только актера, но и человѣка, и на этотъ разъ чаша моего терпѣнія переполнилась. Я—акробатъ, я—жалкій паяцъ, я торгую слезами, которыя, видитъ Богъ, были искренни и шли отъ сердца. Развѣ они понимаютъ, какія чувства волнуютъ артиста, и чѣмъ бы скрашивалась наша жизнь, еслибы онъ не переживалъ минутъ общаго одушевленія. Онѣ даютъ намъ силу влачить наше горькое существованіе. А Бакюларъ заклеймилъ своею пошлостью эти минуты чистаго восторга. Этого я не могъ ему простить.

На другой день я отправился въ café Arago, гдѣ засѣдалъ нашъ мѣстный Жюль Жаненъ, отпуская свои парадоксы среди дешеваго хохота собутыльниковъ. Я подошелъ къ нему, не торопясь, и остановился передъ ихъ столомъ.

— Милостивый государь,—сказалъ я: —у насъ есть счеты, которые надо покончить. Желаете вы это сдѣлать возможно скорѣе?

Сперва онъ какъ будто удивился, но потомъ проговорилъ:— когда вамъ угодно?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я уважаю прессу, я ей обязанъ многимъ, но я не допускаю оскорбленій. Вы должны признаться публично, что ваши статьи глупы, или я требую удовлетворенія.

Онъ вскочилъ и бросилъ на меня гнѣвный взглядъ, всѣ окружили насъ: хозяинъ, гости, кельнера.

— Вы смѣете предложить мнѣ такія требованія?..

— Да, смѣю. Васъ слишкомъ боятся. Но я смѣюсь надъ вами. И если вы не возьмете назадъ, что вы сказали, мы будемъ драться.

— О, сколько вамъ угодно,—произнесъ онъ, довольный, что могъ похвастать своею храбростью.

— Да, мы будемъ драться,—произнесъ я спокойнымъ голосомъ; я такъ владѣлъ собой, точно я былъ властитель міра:—я оскорбленъ, и потому выбираю оружіе и беру то, которое мнѣ подобаетъ. Вы оскорбили меня въ роли Gaucho, я выбираю лассо [1]).

— Лассо? Вы сошли съ ума! Онъ потрясалъ головой, точно на него вылили ушатъ холодной воды.

— Я не сошелъ съ ума. Вы оскорбили меня, называя торреадоромъ, пикадоромъ, арканщикомъ! Я выбираю оружіе, которое вы осмѣяли, я дерусь оружіемъ Gaucho.

— Вы паяцъ! И я васъ проучу!

— Очень можетъ быть,—вашимъ перомъ. А я проучу васъ съ помощью лассо. Hasta la vista, senor!

Оставивъ его въ оцѣпенѣніи, съ лицомъ, покраснѣвшимъ отъ гнѣва, я нахлобучилъ свою широкополую шляпу и вышелъ изъ кафе, какъ выхожу въ донъ Цезаро де-Базанъ, среди почтительно разступившейся публики.

Парижъ великъ, провинціальный городъ Перпиньянъ малъ. Скоро всѣ узнали объ этомъ происшествіи. Товарищи устроили мнѣ овацію: они боялись Бакюлара и презирали его. Жанна Гарли плакала. Успѣхъ мой въ тотъ вечеръ былъ колоссальный. Въ городѣ образовались двѣ партіи—„лассисты“ и „анти-лассисты“; мнѣнія раздѣлились. Послѣдніе были въ меньшинствѣ. Большинство одобряло мое предложеніе; имъ нравилось примѣненіе къ жизни драмы и литературы. На улицѣ со мной начали раскланиваться и шептали „браво“.

Я послалъ двухъ друзей къ Бакюлару; между прочимъ, старика Туреля, бывшаго барабанщика національной гвардіи; онъ игралъ благородныхъ отцовъ и отличался благороднымъ сердцемъ. Бакюларъ отвѣтилъ, что драться на лассо не будетъ и устроитъ мнѣ скандалъ, освищетъ меня не только въ театрѣ, но и на улицѣ.

Въ „Аргусѣ“ появилась еще статья, гдѣ осмѣивалось происшествіе въ кафе и дерзость актеришки, осмѣлившагося задирать такого почтеннаго критика.

Я попросилъ директора поставить еще разъ „Gaucho“ въ ближайшее воскресенье. У меня былъ свой планъ. Карбонье согласился, онъ не сообразилъ моихъ намѣреній.

— Вы будете играть, мосье Бришанто?—спросила меня Жанна Гарли, упавшимъ голосомъ, въ воскресенье утромъ.

---

[1]) Лассо—арканъ, которымъ ловятъ лошадей въ степяхъ Мексики.

— Да, дитя мое.

— Вы будете играть Gaucho?

— Да, моя голубушка.

— Вы будете упоминать слово „лассо“?

— Конечно.

— Ахъ, какое несчастье!

— Почему несчастье?

— Если онъ сдѣлаетъ, что обѣщаетъ?

— А что онъ обѣщаетъ, дитя мое?

— Онъ васъ освищетъ, а потомъ придетъ на сцену и оскорбитъ.

— Пусть. Тогда мы воспользуемся „лассо“, ты можешь передать ему это, душа моя.

Нельзя сказать, чтобы я чувствовалъ себя вполнѣ спокойнымъ, но я рѣшилъ довести дѣло до конца, а что человѣкъ хочетъ, онъ можетъ.

Наступило воскресенье. Зала была полна. Маленькій театръ Перпиньяна ломился отъ публики. Я выхожу на сцену во второмъ актѣ и меня встрѣчаетъ „браво“ не клакеровъ, а настоящее „браво“ собравшихся зрителей. Я играю свою сцену и въ то же время разыскиваю глазами, гдѣ сидитъ Бакюларъ, чтобы знать, съ какой стороны раздастся шиканье. Но его не было. Актъ кончается, слышатся вызовы, но я отказываюсь выходить.

— Не подымайте занавѣса, я не хочу напрашиваться на популярность. Послѣ третьяго я выйду, а теперь нѣтъ.

Въ антрактѣ ко мнѣ прибѣгаетъ Ж.-Пюже и горячо меня обнимаетъ. По его словамъ, я игралъ божественно, но это, конечно, лишь пристрастное мнѣніе автора. Онъ мнѣ сообщаетъ, что Бакюларъ явился, и у него свирѣпый видъ.

— Берегитесь этого акта!—замѣтилъ Пюже:—пропустите слова о „лассо“, послушайтесь меня.

— Ни за что, я скорѣе соглашусь отрѣзать руку, чѣмъ выпустить эту фразу. Я именно желаю бросить ее ему въ лицо.

— Ахъ, Боже мой! Я такъ боюсь, что „Аргусъ“ разругаетъ мою пьесу!

— Не безпокойтесь, если онъ кого обругаетъ, то лишь меня.

Третій актъ. Волненіе достигло своей высшей точки... Замѣчательный день моей жизни. Всѣ зрители были заинтересованы двойной драмой: на сценѣ и моей личной драмой съ Бакюларомъ. Всѣ ждали, неизвѣстно чего, и въ воздухѣ чувствовался запахъ пороха или приближеніе грозы. Я чувствовалъ, что часть публики сочув-

ствовала его гордой, вызывающей позѣ. Но я ждалъ настоящаго момента. Онъ наступилъ.

Я имѣлъ передъ собою Пабло Замароля и долженъ былъ бросить ему въ лицо знаменитую фразу. Я немного отвернулся отъ него, подошелъ къ рампѣ и, обращаясь въ сторону Бакюлара, произнесъ съ гордо поднятой головой и отчеканивая каждое слово:

— Противъ тебя у меня въ рукахъ орудіе Gaucho, я привезу тебя, несчастный, въ свою хижину привязаннымъ къ сѣдлу моего коня, какъ побѣжденнаго ящера.

Фраза эта разнеслась подобно удару грома. Сперва всѣ затихли, обративъ взоръ на того, къ кому относились эти слова. Гробовое молчаніе. Онъ сидѣлъ красный и растерянный... я застылъ, протянувъ руку въ позѣ Мирабо... на трибунѣ! Затѣмъ вдругъ прорвался, точно потокъ, громъ рукоплесканій, цѣлая буря, какъ ураганъ въ пустынѣ.

— Браво, Бришанто!

— Браво, браво, браво!

— Bis, bis, bis.

У меня въ жизни было довольно овацій—не смотря на печальный конецъ, есть что вспомнить. Толпа—въ искусствѣ, какъ и въ политикѣ, въ политикѣ, какъ и въ искусствѣ, любитъ смѣлыхъ и отважныхъ, которые играютъ открытую игру. То, что я сдѣлалъ, было совершенно просто: я поднялъ камень и бросилъ его въ этого Голіафа, оскорбившаго не только искусство, но и печатное слово пошлой клеветой; онъ сидѣлъ подавленный, при громкихъ крикахъ, привѣтствовавшихъ меня—судью.

Въ слѣдующемъ актѣ я напрасно искалъ Бакюлара—онъ исчезъ. Послѣ окончанія спектакля меня проводили домой и устроили цѣлую овацію.

На другой день ко мнѣ явились секунданты Бакюлара. Они требовали удовлетворенія за то, что произошло наканунѣ; въ противномъ случаѣ, я долженъ былъ взять свои слова назадъ.

— Ни за что,—отвѣтилъ я:—удовлетвореніе я готовъ дать, но мосье Бакюларъ знаетъ мое оружіе...

— Лассо?

— Да, лассо.

— Это шутка!

— Нисколько, я сражаюсь тѣмъ оружіемъ, которое приличествуетъ мнѣ, какъ акробату. Вчера я получилъ публичное одобреніе моему выбору, это былъ своего рода плебисцитъ. Я не отступлюсь отъ даннаго вызова.

Перпиньянъ забавлялся еще долго надъ этой исторіей, и Бакюлару не поздоровилось. Обвиненіе противъ него увеличивалось, какъ комокъ брошеннаго снѣга, и статьи въ „Аргусѣ“ не производили никакого впечатлѣнія. Признали, что мой вызовъ былъ вполнѣ корректенъ и что Бакюларъ только пожалъ, что посѣялъ. Мало-помалу изъ страшнаго Бакюлара онъ обратился въ общее посмѣшище. Ему посылали въ письмахъ маленькія „лассо“. Мальчишки на улицѣ кричали ему въ слѣдъ: „гдѣ твой лассо, Бакюларъ?“

Бакюларъ, наконецъ, пришелъ въ бѣшенство; онъ почувствовалъ, что потерялъ почву подъ ногами, ему остался одинъ исходъ—бѣжать въ Парижъ, что онъ и сдѣлалъ!.. Мнѣ особенно много апплодировали послѣ его бѣгства, когда я выступилъ въ драмѣ „Гаспардо рыбакъ“. Всѣ были удовлетворены, а больше всѣхъ я самъ.

— Уфъ!—сказалъ Карбонье:—теперь мнѣ нечего бояться пасквилей „Аргуса“.

Мнѣ хотѣлось ему сказать: „не безпокойтесь, найдутся другіе“.

Жанна Гарли ходила съ заплаканными глазами.

— Онъ увѣрялъ меня, что обезпечитъ мою будущность.

— Не безпокойтесь, найдутся другіе,—хотѣлось мнѣ сказать и ей.

Но въ этомъ случаѣ я ошибся. У ней не оказалось будущности. Я встрѣтилъ ее этою зимою. Она служила уврезой въ театрѣ Дежазета. Не старая еще, но постарѣлая до неузнаваемости! Она пыталась опредѣлить своего сына въ консерваторію! Да, когда въ жилахъ течетъ кровь артиста, не избѣгнуть подмостокъ, такова судьба! Я жалѣю маленькаго Гарли и въ то же время поклоняюсь ему!

Что касается Бакюлара, то онъ процвѣтаетъ, также ругается и отпускаетъ по прежнему грубыя словечки. Онъ разбогатѣлъ, играя на биржѣ или въ карты, кто его знаетъ. Онъ хорошо живетъ и умретъ толстымъ. И я говорю себѣ, думая о немъ, который нѣчто, между тѣмъ какъ я ничто:

— Тѣмъ не менѣе, безъ моего „лассо“ онъ, можетъ быть, остался бы въ Перпиньянѣ, этотъ мѣстный Жюль Жаненъ! Я, Бришанто, наградилъ имъ Парижъ!

Удачный день.

Людовикъ XI... Какая прекрасная роль! Я игралъ ее, и при какихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Вы бы не повѣрили, еслибы кто другой разсказалъ вамъ это происшествіе. Оно оста-

вило мнѣ на всю жизнь ощущеніе чего-то радостнаго, какъ первое дыханіе весны, какъ запахъ сирени. Людовикъ XI! Это былъ удачный день, одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ моей артистической карьерѣ! Между неудачниками искусства есть такіе, въ жизни которыхъ встрѣчаются ощущенія, которымъ бы позавидовали избранники судьбы. Честное слово, мнѣ иногда кажется, что я не помѣнялся бы съ служителями „Comédie Française“, этими аристократами, имѣющими каждый свою оффиціальную біографію.

У меня нѣтъ пенсіи, у меня не было того, что въ общепринятомъ смыслѣ зовется удачей, я принадлежу къ богемѣ; но и у меня были свои часы, да, милостивый государь, часы, ради которыхъ я чувствую, что не даромъ прожилъ жизнь.

Представленіе Людовика XI на сценѣ театра въ Компьенѣ— одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній. Всю эту штуку устроилъ мой товарищъ и ученикъ Куртилье. Онъ зналъ, что у меня нѣтъ ангажемента, хотя было время, когда я чуть-чуть не попалъ въ труппу Рашели. Куртилье, гастролируя, платилъ мнѣ съ каждаго представленія, возвращая свой долгъ ученика. Хорошій малый, съ душою артиста, онъ умѣлъ быть благодарнымъ.

Въ Людовикѣ XI Куртилье предложилъ мнѣ играть роль Тристана. Не важная роль, блѣдная и незначущая фигура. Но все же было надъ чѣмъ потрудиться. Я изучилъ его характеръ еще подъ руководствомъ Бовалле, который передалъ мнѣ традиціи этой роли въ консерваторіи, а я самъ просматривалъ мемуары, сочиненія, относящіяся къ этой эпохѣ. Чтобы создать историческую личность, надо пропитать себя ея прошлымъ. Чтобы играть Наполеона, я чуть не выучилъ наизусть „Меморіалы св. Елены“. Тристана я ненавидѣлъ, какъ человѣка, да, я ненавидѣлъ его, чтобы возбудить ненависть публики. Я въ пользу того искусства, у котораго есть идея.

Что дѣлать! Тристанъ, такъ Тристанъ, но кто же будетъ играть Людовика XI? Тальбо изъ „Comédie Française“! Я не хочу злословить на счетъ Тальбо, который былъ прелестнымъ человѣкомъ, обожавшимъ искусство, и прекраснымъ исполнителемъ „Скупого“ Мольера и Трибуле. Но между мной и имъ Куртилье не долженъ былъ бы колебаться. Я изучалъ архивы для роли Людовика XI. Но что дѣлать! У Куртилье была слабость къ Тальбо. Сосіетеръ, понимаете, какая это штука: это половина выручки.

Въ сырое и пасмурное февральское утро мы, подобно солдатамъ, весело идущимъ на сраженіе, сѣли на поѣздъ, отходившій изъ Парижа въ восемь часовъ и пятьдесятъ пять минутъ. Въ ва-

гонѣ шла оживленная рѣчь объ искусствѣ, о его судьбахъ, пока поѣздъ несся на всѣхъ парахъ, я бы сказалъ со свистомъ, если-бы это слово не коробило намъ слухъ. Куртилье разсказывалъ намъ, какъ одинъ профессоръ совѣтовалъ своимъ ученикамъ привязывать себѣ тяжесть на животъ, чтобы привыкать говорить монологи, не смотря на то, что дышать такимъ образомъ было гораздо труднѣе. Я проводилъ мысль, что никакая метода въ свѣтѣ не замѣнитъ истиннаго вдохновенія и что настоящій артистъ, выходя на сцену, никогда не знаетъ, какъ онъ будетъ играть, хорошо или худо,—все зависитъ отъ настроенія.

Мы спорили, пріѣхавъ въ Компьень, и нашъ споръ продолжался за завтракомъ въ ресторанѣ „Колоколъ“. Потомъ я пошелъ бродить по городу, все думая о Тристанѣ, стараясь замѣтить каждую особенность древней архитектуры, чтобы перепестись мыслями къ тому времени, когда жило изображаемое мною лицо.

Осмотрѣвши Компьень съ точки зрѣнія Тристана, я возвращался въ свой отель задумчивый и поглощенный историческими воспоминаніями, когда увидѣлъ на порогѣ гостинницы двухъ людей, очень взволнованныхъ, но каждый выражалъ это волненіе по своему. Мой товарищъ и ученикъ Куртилье былъ просто въ отчаяніи, Тальбо казался сильно разсерженнымъ. Одинъ былъ красенъ, другой блѣденъ. Живая антитеза. Жизнь полна такихъ антитезъ такъ же, какъ и искусство. Вокругъ нихъ, въ почтительномъ отдаленіи, виднѣлись другіе члены труппы, съ разстроенными лицами, актеры и актрисы, участники импровизированнаго спектакля.

— Что случилось?—воскликнулъ я, угадывая какую-нибудь злосчастную случайность, столь обыкновенную въ нашемъ скитальческомъ быту.

— Что случилось?—сказалъ Куртилье.—А случилось то, что костюмы мосье Тальбо до сихъ поръ еще не прибыли.

— Мой сундукъ отправленъ, вѣроятно, въ другое мѣсто, а не въ Компьень!—воскликнулъ Тальбо.

— Случилась ошибка!

— Сундукъ, можетъ быть, въ Сенъ-Квентенѣ?

— Костюмъ „Comédie Française“! Мой костюмъ?—повторялъ Тальбо:—если у меня нѣтъ моего костюма, я не играю, это очень просто!

— А сборъ?—прервалъ его Куртилье.—Сборъ уже есть!

— Ну, что жъ, сборъ надо возвратить!—возразилъ Тальбо самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Возвратить сборъ всегда очень мучительная случайность. Фи-

зіономіи моихъ товарищей, мужчинъ и дамъ, вытянулись передъ этой перспективой, далеко не радужной. Но какъ успокоить Тальбо? Его костюмъ, точный во всѣхъ подробностяхъ, составлялъ какъ бы часть его самого. Онъ не могъ быть Людовикомъ XI безъ мѣховой шубы и легендарнаго колпака, украшеннаго медалями и образками Богородицы. Признаюсь вамъ, не смотря на свое разочарованіе, я не могъ упрекать артиста—знаменитость, привыкшую къ успѣху, наконецъ, профессора, за такую щепетильную добросовѣстность.

И все-таки мнѣ казалось настоящимъ бѣдствіемъ возвращеніе денежнаго сбора. Да, бѣдствіемъ, котораго надо было избѣжать.

— Но ты долженъ знать роль Людовика XI,—сказалъ мнѣ Капекюръ, который игралъ роль Куатье.

Зналъ-ли я Людовика XI? Я зналъ наизусть всего Казимира Делавиня, какъ я знаю вообще весь свой репертуаръ.

— Предложи Куртилье сыграть эту роль.

— Ты шутишь, а мосье Тальбо?

Мосье Тальбо могъ ожидать, что его костюмы пріѣдутъ еще во время. Куртилье разсматривалъ путеводители. Былъ поѣздъ, который приходилъ въ восемь часовъ двѣнадцать минутъ. Онъ могъ привезти вещи.

— Пошлите депеши. Наведите справки, сдѣлайте все, что возможно,—повторялъ Тальбо.—Если у меня не будетъ костюма, я не могу играть Людовика XI.

— Костюмъ у васъ будетъ, уважаемый товарищъ,—успокоивалъ его Куртилье, который старался сохранить свое спокойствіе.—Людовикъ XI появляется лишь во второмъ дѣйствіи, въ VII сценѣ. Мы выиграемъ время, удлиннивъ антрактъ, начавъ нѣсколько позднѣе. Вы успѣете одѣться, и васъ встрѣтитъ взрывъ апплодисментовъ. Пока обѣдъ поданъ. Сядемте за столъ. Я выпью за ваше здоровье.

Обѣдъ прошелъ весело, не смотря на грозившую намъ непріятность. Артисты похожи на дѣтей: они не боятся будущаго. Намъ предстояло, быть можетъ, отдать сборъ, а мы шутили. Только одинъ Тальбо не могъ ѣсть и казался разстроеннымъ, а Куртилье смотрѣлъ на меня такими глазами, точно хотѣлъ мнѣ сказать: плохи наши дѣла, Бришанто! Я улыбался ему въ отвѣтъ, я видалъ еще и не такіе виды.

Мы выпили кофе и отправились въ театръ. Я надѣлъ свой костюмъ Тристана, Куртилье нарядился дофиномъ и, надѣвая свой бѣлокурый парикъ, не могъ удержаться, чтобы не замѣтить:

— Ты увидишь, костюмъ не пріѣдетъ.

Тальбо между тѣмъ бѣгалъ по сценѣ передъ декораціей дворца Плесси въ перспективѣ и нѣсколькихъ разбросанныхъ хижинъ по бокамъ, и повторялъ внѣ себя отъ раздраженія.

— Если у меня не будетъ костюма, я не играю, не играю, не играю.

Въ залѣ нетерпѣливая публика требовала занавѣса. Сборъ обѣщалъ быть хорошимъ, судя по тому, что было видно изъ дыры въ занавѣсѣ. Недурные туалеты въ ложахъ, въ креслахъ мундиры военныхъ и въ залѣ слышалось оживленіе, предвѣщавшее, что публика готова апплодировать. Есть публика деревянная и есть такая, которая напоминаетъ кипящую лаву.

Наконецъ, взвился занавѣсъ, и я произношу свое первое слово. Вопросъ, обращенный къ Ричарду де-Патеру.

— Твое имя?

— Ричардъ де-Патеръ.

— Довольно, гдѣ твое жилище?

— Я вышелъ сейчасъ изъ него.

— Король запрещаетъ выходить въ этотъ часъ.

Это пустяки, но такъ надо по пьесѣ. Весь авторитетъ короля сосредоточивается въ этомъ вопросѣ: „Твое имя?“ Если эти слова сказаны хорошо, публика сейчасъ же догадывается, что тутъ готовится нѣчто трагическое. „Твое имя!“ это значитъ, что ночью не выходятъ, что это запрещено. Необходимо, чтобы въ этихъ словахъ предчувствовались слѣдующія двѣ строфы:

— Вернись, или твои, до наступленія завтрашней ночи, увидятъ, какъ король умѣетъ наказывать непослушныхъ.

Конечно, проще было бы сказать: „Ты будешь повѣшенъ“. Но это было бы именно слишкомъ просто. „Твое имя?“ я чувствовалъ, что зала вздрогнула. Я подчинилъ себѣ вниманіе публики. Тальбо могъ явиться. Тристанъ, мой Тристанъ подготовилъ ему успѣхъ.

Куртилье между тѣмъ послалъ нашего товарища Сенъ-Ферменъ въ каретѣ на станцію желѣзной дороги; онъ долженъ былъ выхватить сундукъ съ костюмомъ, не давъ опомниться багажнымъ чиновникамъ, и мигомъ доставить его на мѣсто назначенія.

Первый актъ закончился подъ громъ апплодисментовъ, и требовали Бришанто, хотя я и не заканчивалъ акта. Было восемь часовъ сорокъ четыре минуты. Поѣздъ долженъ былъ давно придти, а злополучный сундукъ все еще не появлялся. Куртилье ходилъ взадъ и впередъ, выходилъ изъ себя и нервно теребилъ свой бѣлокурый парикъ. Наконецъ, раздались крики:

— Сенъ-Форменъ!

— Ну, что?

— Сундукъ?

— Ничего нѣтъ,—отвѣтилъ Сенъ-Форменъ въ отчаяніи.—Сундукъ уѣхалъ, вѣроятно, въ Тернье и задержанъ на границѣ!

— Прекрасно!—сказалъ Тальбо,—значитъ, я не буду играть.

— Но можно комбинировать костюмъ.

— Играть въ костюмѣ, который не сшитъ въ улицѣ Ришелье, никогда!

— Мы сдѣлаемъ анонсъ.

— Я не играю!

— Анонсъ послужитъ вамъ на пользу, мы съумѣемъ сказать все, что нужно.

— Я не играю.

— А сборъ?

— Что такое сборъ? Прежде всего искусство, все для искусства. Я не играю.

— Можетъ быть, публика согласится, чтобы вы играли просто во фракѣ.

— Я не играю, не играю, не играю!

Куртилье рвалъ на себѣ волосы или, скорѣе, волосы парика дофина. Премьерша бранилась и клялась, что никогда не будетъ играть въ его труппѣ, словомъ, наша сцена, гдѣ только что раздавались чудныя слова трагедіи, представляла изъ себя корабль безъ руля и безъ вѣтрилъ. Куртилье изучалъ путеводитель, какъ Бонапартъ карту Италіи.

— Нельзя-ли послать телеграмму въ Тернье?

Это была мысль, но при всемъ желаніи начальникъ станціи не могъ отправить костюма иначе, какъ съ поѣздомъ, который приходитъ въ Компьень въ десять часовъ двадцать двѣ минуты, или въ одиннадцать десять, или въ два часа четыре минуты. Какая иронія! Два часа четыре минуты! Къ тому времени давно уже спущенъ занавѣсъ послѣ заключительныхъ словъ.

Да, мы были въ непріятномъ положеніи! Всѣ потеряли головы, кромѣ самого Тальбо, который настаивалъ на своемъ. Я не могу его винить, хотя, конечно, если есть обязанности по отношенію къ искусству, то есть обязанности и по отношенію къ публикѣ. Вдругъ мнѣ пришла блестящая мысль. Я взялъ Куртилье за руку.

— Хочешь, я выведу тебя изъ затрудненій, вытащу изъ воды? Не разъ приходилось мнѣ быть водолазомъ для господъ директоровъ. Хочешь, я сыграю роль Людовика XI?

— Ты, Бришанто?

— Я знаю роль. Я готовъ. Я бросаюсь въ воду.

— Бришанто!

Я подумалъ, что онъ бросится мнѣ на шею, но онъ заколебался.

— А Тристанъ? Кто сыграетъ Тристана?

— Сенъ-Ферменъ. Надо сдѣлать анонсъ.

— А костюмъ?

— Я его составлю. Дай мнѣ десять минутъ времени.

— Это очень долго, и такъ ужъ этотъ антрактъ тянется безконечно.

— Ну, пять минутъ. Дѣлай анонсъ.

Куртилье пережилъ нѣсколько такихъ минутъ, которыя рѣшаютъ исходъ битвы. Онъ уже обратился къ режиссеру, чтобы тотъ простучалъ три знаменательныхъ удара, когда я взялъ его за локоть и сказалъ ему:

— Одно условіе.

Это слово его испугало. Онъ предвидѣлъ или увеличеніе разовыхъ, или прибавку жалованья, словомъ, шантажъ, къ которому склонны, къ сожалѣнію, нѣкоторые артисты, эксплуатирующіе импрессаріевъ, которые и мстятъ имъ за это, какъ умѣютъ. Что касается меня, я не продавалъ никогда чести за деньги.

— Условіе мое,—чтобы по окончаніи четвертаго дѣйствія, послѣ сцены съ Немуромъ, мнѣ поднесли вѣнокъ, предназначенный Тальбо!

— Что жъ, это справедливо. Вѣнокъ есть, но онъ великолѣпенъ.

— Тѣмъ болѣе. Я его требую.

— Тальбо долженъ былъ играть, онъ не играетъ; ты не долженъ былъ играть, а играешь, ты получишь вѣнокъ, назначенный Тальбо, а теперь подайте три удара, — проговорилъ рѣшительно Куртилье.

Я видѣлъ, какъ онъ обратился къ Тальбо, говорилъ ему что-то такое, какъ тотъ сперва качалъ головой, потомъ сдѣлалъ утвердительный жестъ; значитъ, онъ былъ согласенъ. Занавѣсъ взвился, открылась пустая сцена, декорація представляла тронную залу въ замкѣ Плесси-ле-Туръ.

Тогда Куртилье вышелъ, сдѣлалъ три поклона въ сторону публики, которая молчала. Всякій понималъ, что случилось что-то важное. До меня доходилъ голосъ Куртилье, пока я мѣнялъ костюмъ за ширмой, костюмъ Тристана на костюмъ Людовика XI. Куртилье говорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи, съ нами

случилась очень печальная превратность судьбы... которая грозила нарушить ходъ пьесы...

Публика ждала; я чувствовалъ волненіе Куртилье.

— Костюмъ господина Тальбо затерялся на желѣзной дорогѣ, мы не знаемъ—гдѣ, и онъ самъ, вѣрный традиціямъ своего амплуа, только что объявилъ дирекціи, что не можетъ явиться передъ просвѣщенной публикой не въ своемъ обычномъ костюмѣ изъ „Comédie Française“.

Ледяное молчаніе. Публика недоумѣвала, куда направлялъ свою рѣчь Куртилье, а тотъ терялъ голосъ отъ волненія. Я же говорилъ Сенъ-Фермену: „А, колпакъ? Придумай что-нибудь, изъ чего сдѣлать медали и образа. Придумай, старина, ради Бога, придумай!

Куртилье продолжалъ:

— Мы были бы въ отчаяніи и не знали бы, что дѣлать, еслибы нашъ славный товарищъ Бришанто, Себастіанъ Бришанто, замѣчательный талантъ котораго вы могли оцѣнить въ роли Тристана (Да, да, правда!), еслибы нашъ товарищъ не предложилъ вывести насъ всѣхъ изъ невозможнаго положенія и поддержать своихъ коллегъ, предложивъ сыграть безъ подготовки роль Людовика XI (моментъ ожиданія). Себастіанъ Бришанто проситъ снисхожденія публики. Надѣясь на ея расположеніе, онъ беретъ на себя отвѣтственную роль, и, конечно, это послужитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній его безупречной карьеры, какъ артиста—придти на помощь въ такую критическую минуту, и еще въ высокоуважаемомъ и просвѣщенномъ городѣ Компьенѣ.

Была еще минута молчанія, не очень длинная, и, одѣвая куртку короля, я уже слышалъ, какъ весь залъ разразился апплодисментами. Я почувствовалъ, что въ роли Тристана, игранной на основаніи документовъ, я завладѣлъ уже публикой въ первомъ актѣ. Одинъ голосъ, впрочемъ, очень громкій, спросилъ:

— А мосье Тальбо?

— Да, да,—закричали другіе:—мосье Тальбо?

Но Куртилье съумѣлъ ихъ успокоить. Онъ понялъ все значеніе этого вопроса.

— Не думайте, уважаемая публика, чтобы мосье Тальбо не исполнилъ своихъ обязательствъ. Мосье Тальбо на мѣстѣ, только костюмъ его измѣнилъ ему и уѣхалъ неизвѣстно куда. Чтобы доказать вамъ, какъ добросовѣстность артиста, такъ и предусмотрительность антрепризы, мосье Тальбо будетъ присутствовать при представленіи на лѣвой авансценѣ, со стороны сада, какъ у насъ говорится. (Браво!) И если вы должны отказаться, увы! отъ удо-

вольствія видѣть его на сценѣ, то у васъ все же будетъ утѣшеніе слѣдить за нимъ, за тѣми впечатлѣніями, которыя произведетъ на него игра собрата по искусству. Рѣдкое счастье выпадаетъ вамъ на долю видѣть мастера игры, который слѣдитъ за игрой, я не хочу сказать своего ученика, но продолжателя его школы.

Много случалось мнѣ слышать анонсовъ, не мало приходилось дѣлать и самому при самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, но ни одно не было встрѣчено съ бо́льшимъ одобреніемъ, какъ то, о которомъ идетъ рѣчь. Ему не только рукоплескали, нѣтъ, онъ вызвалъ положительный восторгъ, и занавѣсъ спустился при громкихъ крикахъ „браво!“

— Ну, ты теперь покоенъ?—спросилъ меня Куртильe.

— Я никогда не боялся,—отвѣтилъ я.—Это чувство мнѣ незнакомо.

И я продолжалъ одѣваться. Благодаря эффекту анонса, мы выгадали нѣсколько минутъ; до выхода короля былъ монологъ Марси, сцена съ дофиномъ, которая довольно длинна, выходъ Коммина, сцена его съ дочерью, выходъ Немура. Сенъ-Ферменъ съумѣетъ протянуть время. Ахъ, какой это былъ человѣкъ! Онъ всегда умѣлъ придумать что-нибудь, чтобы выйти изъ самыхъ неожиданныхъ затрудненій. Довольно вамъ сказать, что, играя роль Рьи-Гомеза въ „Эрнани“ и не найдя у директора театра ничего похожаго на картинную галлерею предковъ, онъ потребовалъ альбомъ фотографическихъ карточекъ и по немъ перебиралъ всѣхъ предковъ донъ-Карлоса. Эта выдумка сохранилась въ числѣ преданій театра. Такъ и теперь, онъ мнѣ сочинилъ колпакъ изъ стараго кепи мѣстнаго стрѣлковаго батальона; онъ смялъ козырекъ и загнулъ его кверху. А медали и образа, знаете, какъ онъ ихъ сочинилъ? Онъ расплавилъ въ ложкѣ надъ лампой оловянныхъ солдатиковъ, которыхъ подарилъ недавно сыну привратника, потомъ остудилъ ихъ, покоптилъ на свѣчкѣ, чтобы придать имъ болѣе старый видъ, и прикрѣпилъ къ кепи. Когда я надѣлъ этотъ головной уборъ и посмотрѣлъ на себя въ зеркало, я воскликнулъ (гриммъ мой былъ безподобенъ):

— Отлично! Превосходно! Старикъ Лойсъ, я узнаю тебя и самъ Филиппъ-де-Комминъ не задумался бы ни на минуту признать тебя своимъ королемъ. Давайте занавѣсъ.

Послѣ VI сцены, которую публика нашла длинной, потому что она ждала меня, когда офицеръ, наконецъ, доложилъ: „король идетъ!“ она вся точно встрепенулась. Я вошелъ въ сопровожденіи графа, кавалера и двухъ буржуа такъ же спокойно, какъ еслибы я продолжалъ играть Тристана... Я повелъ сцену съ

усиленной энергіей и, когда я прочелъ заключительную строфу: „Я посылаю къ Богу васъ, чтобъ онъ прощеніе вамъ далъ“, громъ рукоплесканій прервалъ мои слова. Я посмотрѣлъ на Тальбо, который стоялъ на авансценѣ. Онъ кивнулъ мнѣ головой, но онъ былъ очень блѣденъ. Все представленіе носило замѣчательный отпечатокъ сердечности и взаимной симпатіи между актерами и публикой; мы точно соединились вмѣстѣ, чтобы создать роль и придать ей должную законченность.

Я провелъ два прекрасные часа своей жизни, которыя возмѣстили мнѣ цѣлые мѣсяцы неудачъ и страданій. Это была мечта, мечта невозможная еще утромъ, но которая осуществилась вечеромъ. Мнѣ казалось, что это былъ чудный сонъ. Послѣ каждаго акта меня вызывали два, три раза, и послѣ пятаго мосье Тальбо могъ любоваться слѣдующей сценой: вѣнокъ, чудный вѣнокъ упалъ къ моимъ ногамъ. Я вижу его еще во всей свѣжести, изъ розъ и фіалокъ, съ трехцвѣтной лентой, на которой стояло золотыми буквами: „Несравненному артисту“. Я поднялъ этотъ вѣнокъ жестомъ, полнымъ умиленія, и то подносилъ его къ губамъ, то прижималъ къ сердцу.

Размѣръ его былъ нѣсколько неудобенъ, но главное было намѣреніе. Публика, видя мое волненіе, кричала еще сильнѣе, топала ногами, а я стоялъ, сохраняя наружное спокойствіе, хотя проникался выпавшимъ на мою долю столь неожиданнымъ тріумфомъ. Когда занавѣсъ опустили, мосье Тальбо подошелъ ко мнѣ и лично меня поздравилъ съ успѣхомъ. Меня звали ужинать, но я предпочелъ удалиться домой, въ свою каморку, и тамъ переживать въ тиши одиночества впечатлѣнія этого памятнаго вечера.

Я видѣлъ славу, настоящую славу, и когда я, на другое утро, спустился въ общую залу, тѣ изъ товарищей, которые еще не уѣхали съ утреннимъ поѣздомъ, привѣтствовали меня словами:

— Да здравствуетъ Бришанто! Браво, Людовикъ XI!

Куртилье имѣлъ деликатность спросить меня, что я желаю получить въ вознагражденіе за то, что спасъ всю труппу, ея честь и деньги!

— Что я хочу? Возможность провести три дня въ Компьенѣ, чтобы осмотрѣть замокъ Пьерфонъ и опьянить себя средними вѣками, забыться среди его развалинъ.

Куртилье былъ великодушенъ. Онъ заплатилъ впередъ за три дня въ гостиницѣ, включая обѣды и завтраки, и передалъ мнѣ еще сто франковъ въ запечатанномъ конвертѣ. Труппа уѣхала, а я прожилъ еще три дня въ Компьенѣ, бродилъ по городу и его

окрестностямъ, обмѣнивался поклонами съ многими гражданами, переживалъ свою славу и декламировалъ стихи. Ко мнѣ явился даже репортеръ мѣстной газеты за біографическими свѣдѣніями; но я возразилъ ему:

— Мосье, что публикѣ за дѣло до жизни артиста? Мои роли принадлежатъ вамъ, моя жизнь принадлежитъ мнѣ.

Онъ, повидимому, остался этимъ недоволенъ.

На третій день я покинулъ отель и пѣшкомъ отправился на станцію желѣзной дороги. Свой вѣнокъ, который наполнялъ благоуханіемъ мою каморку, я надѣлъ черезъ плечо, и вѣтеръ шевелилъ концы трехцвѣтной ленты. Такимъ образомъ я покидалъ Компьень, при сочувственныхъ взглядахъ прохожихъ, которые со мною раскланивались. Я проходилъ по городу въ атмосферѣ симпатіи. На дебаркадерѣ меня спросили, не желаю-ли я сдать вѣнокъ въ багажъ; онъ не могъ помѣститься въ сѣткѣ надъ сидѣньями.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—есть эмблемы, съ которыми нельзя разставаться. Я положу свой вѣнокъ на колѣни.

Когда поѣздъ тронулся, служащіе и нѣкоторые любители театра, собравшись на платформѣ, послали мнѣ послѣдній поклонъ, и я даже слышалъ радостные сердцу всякаго актера слова: „до свиданья“.

Все было кончено. Паръ увозилъ меня къ столицѣ. Но въ памяти сохранилось неизгладимое воспоминаніе, и въ минуты душевнаго упадка я смотрю на засохшій вѣнокъ, на которомъ помѣчено священное для меня число 23 февраля, и говорю себѣ:

— Бришанто, не падай духомъ! Борись, Бришанто. Ты имѣлъ свой часъ успѣха! Не забывай Компьень и держись твердо, какъ подобаетъ сильному человѣку. Пойми, что ты игралъ Людовика XI, и слава витала надъ твоей головой!

— Да, я забылъ еще подробность: любитель библіофилъ и нумизматъ сохранилъ у себя кепи съ медалями, отлитыми изъ оловянныхъ солдатиковъ. Спросите, проѣзжая Компьень, секретаря археологическаго общества, онъ вамъ покажетъ мой головной уборъ— онъ виситъ между каской римскаго солдата и треуголкой французской гвардіи. Документъ для исторіи головныхъ уборовъ.

Но я предпочитаю этому кепи, хотя и историческому, мой старый, засохшій вѣнокъ. Эмблема жизни артиста: цвѣты и пыль! Будемъ философами!

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУСТАРИ НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

Посѣтители нижегородской выставки нерѣдко сравнивали ее съ чикагской, толковали о размѣрахъ, администраціи, увеселеніяхъ и, смотря по темпераменту, увлекались то въ ту, то въ другую сторону. На самомъ дѣлѣ никакой общей почвы для сравненій не было. Чикагская выставка была въ пять, шесть разъ обширнѣе; она была международной, слѣдовательно, сосредоточила промышленность всего міра и естественно привлекла и посѣтителей со всѣхъ концовъ свѣта. Ежедневная цифра платныхъ посѣтителей въ Чикаго достигала 200—300 тысячъ, а въ экстренные дни превышала 500 тысячъ. Въ чикагскій день было 700.000 платныхъ посѣтителей. Пути сообщенія между выставкой и Чикаго, а также и другими городами Америки были таковы, что эти трехсотъ-тысячныя толпы ни мало не затрудняли подвижного состава, и количество несчастныхъ случаевъ отъ давки и тѣсноты не увеличилось. Содержатели гостинницъ не требовали субсидій отъ выставочнаго комитета на возведеніе своихъ карточныхъ построекъ, и посѣтитель, благодаря большой конкурренціи, платилъ за столъ и квартиру немногимъ болѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Чикаго привыкъ къ толпѣ, и толпа американская умѣетъ справляться съ порядкомъ и безъ усиленной полиціи. Трудно теперь встрѣтить въ Америкѣ человѣка, который бы не побывалъ на этой выставкѣ, не исключая рабочихъ и фермеровъ среднихъ штатовъ. Самый патріотизмъ каждаго отдѣльнаго американца заставлялъ его непремѣнно присутствовать на «самой большой выставкѣ всего свѣта», устроенной «первымъ народомъ міра», т.-е. его народомъ. Онъ долженъ былъ видѣть своими глазами, какъ будутъ поражаться этимъ торжествомъ заѣзжіе гости и какъ американцы разобьютъ въ дребезги (will beat to pieces) всѣ остальные народы съ ихъ дешевымъ трудомъ.

Съ такими мыслями американцы спѣшили на выставку, хотя бы пришлось истратить на это послѣднія деньги. Это было всеобщее торжество, въ которомъ участвовали всѣ отъ мала до велика. Потому вся территорія выставки, самые отдаленные ея углы были полны народа, а въ громадныхъ павильонахъ толпа была такъ велика и густа, какъ у насъ въ соборѣ во время пасхальной заутрени. И толпа веселая, говорливая и полная энтузіазма! Подъѣзжая къ выставкѣ съ поѣздомъ-

express и проходя по мосту надъ знаменитымъ Midway Plaisance [1]), около 9—10 часовъ утра, посѣтитель находилъ уже цѣлое море головъ и лицъ, которыя широкимъ потокомъ направлялись къ центральнымъ павильонамъ. Такихъ входовъ было болѣе десяти, которые съ ранняго утра пропускали эти неизсякаемыя толпы посѣтителей сквозь длинные ряды турникетовъ.

На выставку шли и богатые, и бѣдные и оставались тамъ съ 8 часовъ утра до 11—12 часовъ ночи. Бѣдняки приносили съ собой корзины съ провизіей, которыя вмѣстѣ съ верхнимъ платьемъ отдавали на сбереженіе въ многочисленныя бюро, устроенныя для этой цѣли повсюду. Цѣлой семьѣ фермеровъ не по средствамъ было бы заказать обѣдъ въ ресторанѣ на 9—10 душъ, и около полудня громадныя пространства луговъ и садовъ внутри выставки превращались въ колоссальный пикникъ. Къ 2 часамъ это исчезало, а къ 6-ти вечера опять возобновлялось, такъ какъ американцы крѣпко держатся своихъ часовъ для ѣды. День весь посвящался осмотру серьезныхъ павильоновъ или путешествіямъ, какъ они это называли: «Мы были сегодня въ Китаѣ, Россіи, Мексикѣ, Индіи» и т. д. Всюду встрѣчало посѣтителей что-нибудь невиданное, любопытное; всюду можно было узнать и выспросить о нравахъ и обычаяхъ страны, иногда видѣть туземцевъ въ ихъ національныхъ одеждахъ, пріобрѣсти какую-нибудь мѣстную диковинку на память о колоссальной выставкѣ, о «Бѣломъ городѣ». Каждый штатъ имѣлъ на выставкѣ свое собственное зданіе, въ которомъ сыны и дочери его чувствовали себя дома, могли отдохнуть, а въ холодные, сырые дни и погрѣться у каминовъ и встрѣтить земляковъ, съ которыми пріятно было обмѣняться мыслями и впечатлѣніями. Вечеромъ большинство павильоновъ не закрывалось и освѣщалось электричествомъ, такъ какъ всѣ занятые люди Чикаго могли бывать на выставкѣ лишь вечеромъ; но иногородные посѣтители, а такихъ бывало болѣе ста тысячъ ежедневно, весело проводили время въ Midway Plaisance. Тутъ сосредоточена была вся бытовая сторона выставки и всѣ развлеченія. Цѣлыя поселенія различныхъ національностей и дикихъ народовъ перекочевали сюда со своими ларами и пенатами. Шумъ и гамъ былъ всегда невообразимый. Арабы съ верблюдами, итальянцы съ осликами, индѣйцы съ паланкинами, явайцы и эскимосы—все это перепутывалось въ пестромъ хаосѣ и зазывало публику въ свои павильоны. Описывать все это здѣсь не къ чему, такъ какъ мы хотимъ только сказать, что нельзя сравнивать двѣ такія разнородныя величины, какъ выставки въ Чикаго и Нижнемъ.

У насъ, къ сожалѣнію, чего-то не хватило, чтобы наполнить свою русскую выставку шумными, веселыми толпами посѣтителей, которымъ

---

[1]) Большой этнографическій отдѣлъ, въ которомъ помѣщались поселки разныхъ дикарей, улица Каира, ирландская деревня и т. д.

осмотръ разнообразныхъ производствъ и природныхъ богатствъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ обширной родины, помогъ бы изучить свой собственный край и путь, по которому онъ идетъ впередъ. Такой осмотръ выставки—не веселое путешествіе по разнымъ диковиннымъ и невиданнымъ странамъ, перемѣшанное съ различными сенсаціонными развлеченіями, а серьезный трудъ, требующій интереса и подготовки со стороны посѣтителей.

Прислушайтесь къ тому, что говоритъ публика. Говорятъ, что выставка намъ не нужна, что еслибы не учителя, учительницы и учащіеся, посѣщающіе ее безплатно, она была бы совершенно пуста, что для того, чтобы дать возможность большой публикѣ ее посѣтить, ее нужно было помѣстить не въ Нижнемъ, а въ одной изъ столицъ; иной жалуется, что она слишкомъ велика и утомительна для осмотра въ какіе-нибудь десять дней—средній періодъ пребыванія посѣтителей въ Нижнемъ; а иной жалѣетъ, что она не достигла колоссальныхъ размѣровъ заатлантической. Словомъ, невозможно и пересчитать всего, что говорятъ, на что жалуются и что критикуютъ немногочисленные посѣтители.

Оставивъ въ сторонѣ эти разговоры ничѣмъ не интересующейся публики и тѣ основные вопросы: нужна-ли намъ вообще выставка и кому именно нужна, невольно жалѣешь, смотря на странную пустоту и выставочную тишину, почему нѣтъ здѣсь многочисленной, оживленной и любознательной толпы всѣхъ классовъ и сословій, почему не встрѣчаешь даже никого изъ знакомыхъ, не смотря на дешевую входную плату и небывало-дешевые тарифы желѣзныхъ дорогъ? Нѣкоторыя стороны нашей жизни выяснились съ небывалой яркостью только благодаря тому, что впервые сконцентрированы на глазалъ у публики. Напримѣръ, воскресныя школы. Люди, лично не заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, знали, что школы эти существуютъ и только; войдите въ павильонъ, устроенный г-жей Алчевской, взгляните на всѣ эти тетради взрослыхъ «темныхъ», жаждущихъ знанія людей, для которыхъ воскресное ученье сдѣлалось отрадой и свѣтомъ цѣлой жизни, ихъ первыя попытки работать самостоятельно—попытки, иногда замѣчательныя по силѣ и оригинальности, взгляните на это множество отчетовъ, слетѣвшихся со всѣхъ концовъ Россіи, и вы поймете всю громадность этого труда, поймете, какая масса добра и самоотверженія живетъ въ этихъ углахъ и дѣлаетъ свое дѣло скромно и терпѣливо. Глубокій интересъ охватываетъ посѣтителя, и не мало было такихъ, которые вышли изъ этого маленькаго мірка съ твердымъ намѣреніемъ положить и свою лепту труда въ доброе дѣло.

Много новыхъ мыслей и ощущеній вызываютъ и разные другіе отдѣлы, какъ, напримѣръ: сибирскій, средне-азіатскій, кустарный, художественно-промышленный, горный и др., именно систематическимъ подборомъ и концентраціей. Одинъ сибирскій отдѣлъ могъ бы занять мѣсяцы для изученія.

*

Повидимому, весьма немногіе задавались спеціальными цѣлями. Посѣтители пріѣзжали обыкновенно на 3—4 дня, объѣзжали и обѣгали главные павильоны и, такъ какъ человѣческія силы и способность воспринимать не безграничны, то такіе спѣшные посѣтители, кромѣ страшнаго утомленія и пестрыхъ, неясныхъ, нагроможденныхъ другъ на друга впечатлѣній, выносили очень мало. Другіе пріѣзжали повеселиться, разсѣяться отъ блѣдной, монотонной жизни; такіе посѣтители могли, дѣйствительно, забыть томительное однообразіе тѣсныхъ петербургскихъ квартиръ и несносныхъ дачъ. Для такихъ посѣтителей переходъ былъ поистинѣ сказочнымъ. Щедрой, могучей струей бьетъ центральный фонтанъ. Верхушка его уже розовѣетъ отъ лучей заходящаго солнца. Причудливыя вышки и куполы павильоновъ выдѣляются яркими, рѣзкими линіями на огненномъ фонѣ. Машинное зданіе сквозитъ какъ кружево сверху донизу. На этомъ кружевномъ фонѣ выступаетъ средне-азіатскій павильонъ съ своими блистающими полумѣсяцами. Средними вѣками вѣетъ отъ его бѣлыхъ куполовъ и арокъ. Не вѣрится, что стиль этотъ все еще живетъ и сохраняетъ свою своеобразную красоту среди подтушеванной, сглаженной и объединенной современности. А дальше ярко выступаютъ красивые контуры художественнаго отдѣла и бѣлая колоннада за ними.

Посѣтителямъ пріятно было посмотрѣть на все это, пріятно послушать оркестръ Главача, зайти въ концертную залу на концертъ балалаечниковъ или хора Славянскаго, хотя все это вещи ни для кого не новыя. Что же касается всѣхъ этихъ громадныхъ отдѣловъ, этихъ экспонатовъ, въ которыхъ многое такъ непонятно—это казалось слишкомъ труднымъ. Часто люди, впервые пріѣхавшіе на выставку и представлявшіе себѣ осмотръ ея непрерывнымъ праздникомъ, отказывались отъ нея послѣ перваго же утомительнаго дня, и, если встрѣчали «симпатичныхъ» знакомыхъ, то и ограничивались пикниками и экскурсіями. Былъ и такой характерный случай—а быть можетъ и не одинъ—что, вмѣсто осмотра выставки, юные посѣтители принимались за чтеніе Гегеля и Маркса. Словомъ, посѣтители нижегородской выставки отнеслись къ ней такъ, какъ будто все, что въ ней было собрано, всѣмъ давно извѣстно. Ничто не возбуждало особеннаго интереса, живого обмѣна мыслей и несогласій, и, по отзывамъ иностранцевъ, выставка съ своей немногочисленной публикой производила впечатлѣніе мертвенности. Впрочемъ, отсутствіе большого скопленія людей въ Нижнемъ было отчасти хорошо, такъ какъ ни количество электрическихъ вагоновъ, ни поѣздовъ желѣзной дороги не могли бы удовлетворить бо́льшій спросъ. Даже и при настоящемъ числѣ посѣтителей, поѣзда были переполнены, а у трамвая по вечерамъ была всегда давка и мѣстъ не хватало.

А между тѣмъ, какъ мало мы знаемъ о производствахъ нашихъ отдаленныхъ губерній, о нашихъ инородцахъ, о Сибири. А русская старина? Многіе-ли изъ насъ имѣютъ о ней ясное понятіе! Еслибы ame-

риканцы, подобно намъ, обладали вѣковой стариной, какъ бы гордились они ею, какъ бы изучали ее въ каждой маленькой школѣ, какія коллекціи собраны были бы по всѣмъ музеямъ! И въ Чикаго, и на меньшихъ выставкахъ ежегодно отводятъ почетное мѣсто коллекціямъ, собраннымъ изъ столь недавней старины — первыхъ пуританскихъ поселеній и гражданской войны 61 года. Эти коллекціи перевозятся съ мѣста на мѣсто. Знатнѣйшія дамы берутъ ихъ на свое попеченіе и бережно возвращаютъ въ Вашингтонъ по окончаніи выставокъ. Къ сожалѣнію, всероссійская выставка не показала намъ старины, и лишь маленькая попытка познакомить публику съ русской стариной была сдѣлана открытіемъ новаго историческаго музея въ городѣ. Между тѣмъ Россія такъ велика и цивилизація въ ней такъ неровно распредѣлена, что и теперь еще среди крестьянъ отдаленныхъ губерній сохраняются средневѣковый бытъ, одежда, рукодѣлья и орудія. Образцы эти слѣдовало бы теперь же сохранить, наканунѣ ихъ полнаго исчезновенія.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ по своему значенію для десятковъ милліоновъ русскихъ людей — это отдѣлъ кустарный. Среди великолѣпныхъ, нарядныхъ павильоновъ, каковы: средне-азіатскій, центральный, художественный и др., кустарный отдѣлъ выглядитъ очень скромно, даже сѣро, и эта внѣшность гармонируетъ съ его серьезнымъ, трудовымъ содержаніемъ. Съ декоративной точки зрѣнія, внутреннее убранство кустарнаго павильона не блещетъ эффектами. Изъ всѣхъ витринъ и отдѣловъ лишь одна витрина г-жи Якунчиковой была устроена профессіональнымъ декораторомъ. Все остальное было сдѣлано домашними средствами: сдѣлали какъ могли, безъ особыхъ затратъ, и дѣлу конецъ. Такихъ расходовъ и хлопчато-бумажныхъ сенсацій, какъ въ фабричномъ отдѣлѣ устраивали богатые купцы, кустарный товаръ, конечно, вынести не можетъ; но, по интересу и разнообразію экспонатовъ, кустарный отдѣлъ одинъ изъ первыхъ на всероссійской выставкѣ.

Изъ 36 земствъ лишь три явились на выставку такъ, что дали полную картину кустарнаго дѣла въ губерніи, и изъ этихъ трехъ вятское занимаетъ неоспоримо первое мѣсто. Коллекція кустарныхъ издѣлій, дѣйствительно, обнимаетъ все, что дѣлается въ губерніи; а на ряду съ выставленными издѣліями представленъ и цѣлый рядъ работъ, предпринятыхъ съ цѣлью изучить, улучшить и развить существующія производства, посредствомъ ремесленныхъ школъ, учебныхъ мастерскихъ, и т. д. Всего важнѣе то, что дѣло это не ограничивается музеями и выставками образцовъ, но уже живетъ настоящей жизнью: покупаетъ издѣлія отъ кустарей на наличныя деньги, снабжаетъ ихъ матерьяломъ по дешевымъ цѣнамъ и продаетъ издѣлія не только въ вятскомъ складѣ, но и въ другихъ городахъ. Насколько всѣ эти операціи важ-

ны для кустарей, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ заимствованныхъ нами изъ любопытной книжки, изданной вятскимъ земствомъ:

«Отсутствіе кредита для кустаря отдаетъ послѣдняго всецѣло въ руки скупщиковъ, эксплоатирующихъ одинаково въ свою пользу, какъ производителя-кустаря, такъ и потребителя его издѣлій. Яркой иллюстраціей къ послѣднему послужила бывшая въ 1885 году въ Нижнемъ-Новгородѣ во время нижегородской ярмарки кустарно-промышленная и сельскохозяйственная выставка, выяснившая наглядно дѣйствительныя цѣны кустарныхъ издѣлій, при покупкѣ ихъ изъ первыхъ рукъ т.-е. отъ самихъ кустарей, сравнительно съ цѣнами, существующими на тѣ же издѣлія въ розничной продажѣ. Такъ, напр., кухонные ножи, продававшіеся на ярмаркѣ въ магазинахъ по 2 р. 30 к. каждый, стоили въ дѣйствительности у кустарей 36 к.; а дюжину висячихъ замковъ, продававшуюся по 9 р. 40 к., можно было пріобрѣсти по 1 р. 30 к.».

Вятскій отдѣлъ одинъ изъ самыхъ разнообразныхъ уголковъ кустарнаго павильона. Тутъ и ткани, и ковры, и мебель, и кружева, и сбруя, и посуда, и сапоги, и валенки, и т. д. Самое разнообразіе и громадное количество нагроможденныхъ товаровъ и невообразимыя сочетанія всевозможныхъ цвѣтовъ наводятъ на мысль о живой торговлѣ, когда некогда думать о мелочахъ, о красотѣ и гармоніи эталяжа. Вотъ куча корзинъ, чемоданчиковъ и бауловъ. Ее сегодня же расхватаютъ посѣтители, которые рады найти такой легкій и изящный способъ унести и увезти съ выставки многочисленныя покупки и пакеты. Но сколько бы ни разошлось этого товара сегодня, — завтра утромъ, задолго до открытія павильоновъ—явится новый запасъ изъ склада, устроеннаго вятскимъ земствомъ на время выставки.

Въ двухъ громадныхъ витринахъ разложены такъ называемыя «каповыя» издѣлія: шкатулки, портсигары, письменные приборы, чайницы и проч., выдѣланныя весьма изящно изъ наростовъ на березѣ. Работа, дѣйствительно, замѣчательная и недавно получила серебряную медаль на хлопчатобумажной выставкѣ въ Америкѣ. Въ отдѣлѣ выставленъ дамскій письменный столикъ изъ того же матерьяла, цвѣта янтаря, который привлекаетъ всеобщее вниманіе и не только проданъ съ первыхъ же дней выставки, но весь обвѣшанъ билетиками новыхъ заказчиковъ. Какъ наилучшій образецъ тонкости этой работы и прекрасныхъ свойствъ «капа», могутъ служить выставленные въ витринѣ карманные часы. Въ нихъ нѣтъ ни одного колесца металлическаго: весь ходъ, корпусъ, циферблатъ, цѣпочка и футляръ — все деревянное. Причины образованія этихъ наростовъ на деревьяхъ въ точности неизвѣстны. Какой-то ученый ботаникъ объясняетъ это явленіе ненормальнымъ образованіемъ и скопленіемъ неразвившихся почекъ. Это даетъ своеобразный рисунокъ и необыкновенную твердость и легкость, чѣмъ и пользуются кустари для выдѣлки мелкихъ издѣлій. Кустари эти, не смотря на выгодный заработокъ, не только не бросаютъ земли, но и не нанимаютъ работниковъ, въ чемъ мы лично убѣдились на мѣстѣ. По словамъ книжки «О мѣропріятіяхъ вятскаго губ. земства по улучшенію кустарной промышленности», вятскій ку-

старь крѣпко держится за свое земледѣльческое хозяйство, которое онъ по справедливости считаетъ главнымъ своимъ промысломъ. Такъ, нынѣ въ продолженіе лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ, совпадающихъ съ полевыми работами, вятскій складъ былъ лишенъ возможности пріобрѣтать многія кустарныя издѣлія, хотя на нихъ поступали усиленныя требованія и цѣна поэтому стояла высокая. Обращеніе къ кустарямъ не повело ни къ какимъ результатамъ. Хотя для многихъ изъ нихъ выгодно было прибѣгнуть временно къ наемному труду для полевыхъ работъ, чтобы заняться самимъ ремесломъ, но они этого не пожелали дѣлать, говоря, что «всѣхъ денегъ не заберешь».

Рано пропѣли и нѣкоторые корреспонденты отходную кустарному дѣлу. Легко сказать, сидя въ Петербургѣ, что кустарь «мертвъ»; легко издѣваться надъ «гувернерами» кустарей, которые будто бы «выдумали» кустаря; не хитро быть и остроумнымъ, когда публика, не разобравъ дѣла, а судя лишь по тѣмъ случайнымъ отрывкамъ, которые долетаютъ изъ крестьянскаго міра, аплодируетъ хлесткому остроумію и безпощадной критикѣ всякой попытки придти на помощь труженикамъ, иногда нищимъ, выбивающимся изъ силъ... Легко разсуждать о приговорахъ политической экономіи, которая обрекаетъ на смерть ручной трудъ, подъ давленіемъ фабричнаго, но жизнь милліоновъ людей предлагаетъ такіе свои насущные запросы, которыхъ одними разсужденіями не удовлетворить.

Вятская, Вологодская и десятки другихъ губерній пока еще не только не покрыты сплошь фабриками и желѣзными дорогами, но и не предвидятъ еще этого въ ближайшемъ будущемъ, крестьяне еще не разучились работать сохой, и пройдутъ еще десятки лѣтъ, прежде чѣмъ по всей Россіи, вмѣсто крестьянина-пахаря, очутится фабричный рабочій. Эти десятки, а можетъ быть и сотни лѣтъ людямъ нужно жить, кормить себя да и насъ съ вами.

Впрочемъ, существованіе кустарныхъ промысловъ, на ряду съ фабричнымъ производствомъ, далеко не исключительно русское явленіе. Въ Англіи, гдѣ фабричное производство достигло наибольшаго развитія, многія ручныя издѣлія продолжаютъ существовать и развиваться, и ручному труду отведено почетное мѣсто. Шотландскія и ирландскія сукна ткутся и до сихъ поръ ручнымъ способомъ. Они продаются вдвое дороже машинныхъ и сбытъ ихъ вполнѣ обезпеченъ. На островахъ Шотландъ съ незапамятныхъ временъ прядутъ шерсть и вяжутъ платки, чулки и пр., а шерсти не продаютъ ни за какія деньги. Въ самомъ Лондонѣ существуетъ громадная ассоціація кирпичниковъ, которая работаетъ кирпичъ ручнымъ способомъ.

Найдутся и у насъ еще средства для того, чтобы, на ряду съ машинными ситцами и бумажными бархатами, существовали и цѣнились по достоинству прочныя ручныя ткани, красоту которыхъ такъ цѣнятъ и англичане, и американцы.

Въ виду общаго равнодушія къ кустарному дѣлу, работа вятскаго земства представляется особенно цѣнной. Ткачество въ вятскомъ отдѣлѣ представлено не въ видѣ коллекціи образцовъ, а въ большомъ выборѣ и изобиліи. Ткани повсюду. Весь потолокъ представляетъ сплошную массу холстинокъ всевозможныхъ цвѣтовъ и рисунковъ. Скатерти, полотенца, одѣяла и проч. ручныя ткани драпируютъ всѣ углы и стѣны, не занятыя какими-нибудь другими издѣліями. Вглядываясь попристальнѣе, вы замѣчаете, что обыкновенный узкій, крестьянскій холстъ и пестряди видоизмѣнились въ широкія, прекрасно выдѣланныя ткани, встрѣчаете рисунки и комбинаціи цвѣтовъ, которыхъ до сихъ поръ не встрѣчали въ крестьянскихъ тканяхъ. Эти усовершенствованія стоили не мало хлопотъ вятскому земству. Холстъ издавна работался на продажу; многіе милліоны аршинъ вывозятся изъ губерніи. Крашенина и пестрядь дѣлаются для собственнаго употребленія. Эта послѣдняя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обратила на себя вниманія городскихъ потребителей. За границей же самыя элегантныя дамы и англійскіе лорды цѣнятъ ее за красоту ручной выдѣлки и прочность красокъ. Синія краска (индиго), которой въ деревняхъ красятъ пряжу, никогда не даетъ того отвратительнаго буро-грязнаго цвѣта подъ вліяніемъ солнца и стирки, какъ пресловутыя ализариновыя краски. Но пестряди до сихъ поръ не могутъ вывозиться за границу, во-1-хъ, потому, что ткутъ ихъ бабы очень узкими; во-2-хъ, что никогда нельзя достать большого количества одного узора, такъ какъ ткутъ ихъ не на продажу, и, въ-3-хъ, еще не было сдѣлано ни одного шага для организаціи такаго вывоза. Наскольно ткани эти распространены среди вятскаго населенія, достаточно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что однихъ синильщиковъ въ Вятской губ. числится 3.176 человѣкъ.

Вятское земство обратило особенное вниманіе на это производство и устроило нѣсколько учебныхъ мастерскихъ съ усовершенствованнымъ станкомъ - самолетомъ. Первая ткацкая устроена была въ г. Вяткѣ въ 1892 году по иниціативѣ г-жи Доливо-Добровольской, командированной въ г. Вятку министерствомъ государственныхъ имуществъ для улучшенія способовъ тканья въ мастерскихъ вятскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія и тюремнаго замка. Мастерская помѣщалась въ кустарномъ музеѣ. Слово «музей» производитъ впечатлѣніе чего-то недоступнаго, торжественнаго и мертвеннаго. Ничего подобнаго не представляетъ вятскій «музей», какъ мы видѣли его два года тому назадъ. Онъ помѣщается на базарѣ, открытъ для всѣхъ и каждаго, доступенъ для любого крестьянина или крестьянки, пріѣхавшихъ продать возъ овса или дровъ на рынокъ. Наверху—музей, въ которомъ собраны не только всѣ образцы вятскихъ издѣлій, но и образцы другихъ губерній. Внизу—складъ, гдѣ покупаются отъ кустарей издѣлія и продаются горожанамъ. Тутъ же отпускается разнообразный матерьялъ, покупаемый по оптовымъ цѣнамъ на нижегородской ярмаркѣ.

Съ ранняго утра толпятся здѣсь крестьяне изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, и живой обмѣнъ вполнѣ замѣняетъ сложную канцелярію. Достаточно «наказать» черезъ сосѣда въ какую-нибудь дальнюю деревню, что такой-то товаръ нуженъ и что цѣна на него стоитъ такая-то,—и дѣло сдѣлано. Музей этотъ—самое оживленное мѣсто города, въ которомъ бойко идетъ торговля, на зависть лавочникамъ и скупщикамъ.

Новая ткацкая мастерская въ торговые дни была всегда полна, что называется, «биткомъ набита». Бабы-ткачихи не вѣрили глазамъ, смотря на легкій ходъ самолета. Челнокъ сновалъ безъ всякаго труда, только «знай дергай веревочку». Да и то хорошо, что самолетъ можно приладить къ любому старому станку съ самой маленькой затратой. Бабы обучались безплатно не только тканью на самолетѣ, но и усовершенствованнымъ способамъ его по рисункамъ и образцамъ музея. Вскорѣ станки-самолеты распространились и по деревнямъ, а кустари научились дѣлать ихъ сами. Въ настоящее время нѣтъ ни одного уѣзда Вятской губ., гдѣ не было бы нѣсколькихъ мастерскихъ для обученія тканью, которыя существуютъ какъ при народныхъ училищахъ, такъ и самостоятельно въ селахъ и деревняхъ, въ видѣ передвижныхъ мастерскихъ. Уѣздныя земскія собранія весьма охотно открываютъ своимъ уѣзднымъ управамъ на этотъ предметъ кредитъ, въ размѣрѣ отъ 300 до 500 руб., на каковой устраиваются и поддерживаются эти мастерскія, обѣщающія поднять технику тканья въ Вятской губерніи. Остается заняться еще организаціей вывоза, чтобы дать этому промыслу широкое развитіе.

Вятскій отдѣлъ выставилъ не малое количество кружевъ. Подъ словомъ «русское» кружево обыкновенно разумѣютъ грубое, рѣдкое и некрасивое кружево, которое можно купить въ любой лавкѣ, на рынкѣ или изъ узла скупщицы. О существованіи превосходныхъ русскихъ кружевъ, которыя можно встрѣтить въ античныхъ одеждахъ, у раскольниковъ—нашихъ лучшихъ хранителей старины—и въ рѣдкихъ уцѣлѣвшихъ бабушкиныхъ сундукахъ, рѣдко кто знаетъ. Нашъ идеалъ кружевъ—несомнѣнно французскія, итальянскія, бельгійскія кружева. Тамъ не жалко заплатить десятки рублей за аршинъ. Платятъ по 200—300 франковъ за воротничекъ, не подозрѣвая, что кружева такого же достоинства могутъ быть сплетены нашими русскими кружевницами. Въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ во многихъ окнахъ выставлены французскія кружева въ вершокъ шириной по 12—15 руб. за аршинъ. Слѣдовательно покупатели на такія дорогія вещи есть и у насъ, какъ бы мы ни жаловались на бѣдность.

Покупая кружево *русское*, мы не хотимъ дать за вершковое кружево не только 12—15 руб., но даже и рубля и не думаемъ о томъ, оплачиваетъ-ли наша цѣна добросовѣстную, кропотливую, художественную работу. Такая работа убита. Современная плетея стремится удовлетворить скупщика въ самомъ главномъ для него свойствѣ—дешевизнѣ

товара. Вмѣсто сотни коклюшекъ, которыя бы вплела ея бабушка, она беретъ тридцать; вмѣсто ручныхъ нитокъ употребляетъ машинную пряжу, зачастую бумагу на катушкахъ, и въ какія-нибудь 20 лѣтъ кружевное производство дошло до низшей степени деградаціи. Оставивъ его въ рукахъ безграмотныхъ скупщиковъ, понизивъ цѣну до невозможности и добившись дешеваго, дряннаго, непрочнаго и некрасиваго кружева, мы съ отвращеніемъ говоримъ о томъ, что русскія бабы не могутъ создать ничего изящнаго.

И въ этомъ направленіи вятское земство сдѣлало попытку улучшить производство: въ 1893 году оно устроило въ слободѣ Кукаркѣ учебную кружевную мастерскую, которая, благодаря стараніямъ и энергіи завѣдующей ею г-жи Аѳанасьевой, вполнѣ завоевала симпатіи мѣстнаго населенія. Въ теченіи перваго года мастерская имѣла 78 ученицъ, а въ теченіи второго — 135 человѣкъ, въ пріемѣ которыхъ, въ виду тѣсноты помѣщенія, приходится уже отказывать.

Но этотъ успѣхъ дался далеко не легко. Сначала кукарскія кружевницы не хотѣли учиться и смотрѣли на новую мастерскую, какъ на ненужное и враждебное нововведеніе. «Чего насъ учить,—говорили онѣ:—мы съ дѣтства плетемъ. Наши кружева споконъ вѣка разносятся по всей Россіи, стало быть, нечему намъ учиться». Кружевницы не находили нужнымъ совершенствовать свои издѣлія. Только благодаря особенному такту и умѣнью привлечь на себѣ, г-жѣ Аѳанасьевой удалось сдѣлать мастерскую популярной. Она была неистощима въ своихъ заботахъ, устраивала ёлки для маленькихъ кружевницъ и всячески пріохочивала ихъ къ изученію новыхъ способовъ плетенія.

Мастерицы обучались безплатно, причемъ работали на себя и въ большинствѣ случаевъ сбывали свое кружево въ ту же мастерскую, откуда оно поступало—или мѣстнымъ заказчицамъ купчихамъ, или въ вятскій складъ. Вскорѣ и самыя отсталыя изъ кружевницъ, видя, какъ стали плести въ мастерской молоденькія ученицы и мастерицы, убѣдились, что имъ есть чему поучиться, и поступали въ мастерскую. Изъ сосѣднихъ деревень стали являться бабы съ тѣмъ, чтобы имъ показали и начали новый рисунокъ кружева и оставались недѣлю-другую въ мастерской, причемъ пользовались помѣщеніемъ безплатно. Гостепріимные хозяева не тяготились—лишь радовались быстрому росту и успѣху школы. Достоинство кружева поднялось весьма быстро. Кружева, сплетенныя дѣтьми этой школы, были выставлены въ прошломъ году на хлопчатобумажной выставкѣ въ Америкѣ и получили большую золотую медаль. Учительница кукарской школы кончила курсъ въ С-Петербургской Маріинской школѣ кружевницъ.

Подобнымъ же образомъ вятское земство открыло одну за другой и другія учебныя мастерскія: въ Вяткѣ—ковровую, берестяную, соломенныхъ шляпъ, корзиночную; въ уѣздахъ: гончарную, ложкарную, роговую и по окраскѣ деревянныхъ и желѣзныхъ издѣлій по уренскому

способу. Во всѣхъ этихъ мастерскихъ обучается ежегодно болѣе 700 человѣкъ. На общую цифру кустарей, которыхъ въ Вятской губ. насчитывается 160 тысячъ человѣкъ, не считая ремесленниковъ,—это не много; но, по сравненію съ другими губерніями, это число весьма почтенное и исключительное.

Нижегородское земство выставило полную коллекцію образцовъ кустарныхъ издѣлій всѣхъ уѣздовъ. Отдѣлъ этотъ устроенъ на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ вятскій. Онъ не покупаетъ и не продаетъ кустарныхъ издѣлій, и тѣ образцы, которые въ немъ выставлены, всѣ вышли изъ рукъ кустарей, безъ всякой школы и усовершенствованій со стороны земства. За то статистическія работы этой губерніи привели въ извѣстность всѣ малѣйшія детали условій и обстановки работы. Прекрасные фотографическіе снимки съ кустарей за работой даютъ правдивую картину этихъ условій. Выставлены также картограммы и діаграммы промысловъ. Изъ послѣднихъ особенно интересна діаграмма заработка кустарей и относительной стоимости матерьяла и доли скупщика. Очень хорошъ альбомъ, изданный губ. земствомъ и составленный М. А. Плотниковымъ съ приложеніемъ 24 превосходныхъ иллюстрацій по фотографіямъ,—подлинные документы, вырванные изъ самой жизни кустарей. Посмотрѣвъ на эти картины тяжелаго, неустаннаго труда, посѣтители выставки, быть можетъ, унесутъ съ собой эти образы, и языкъ ихъ болѣе не повернется называть крестьянъ пьяницами и лѣнтяями, какъ это дѣлается зачастую голословно и безсердечно, покуривая папироску.

Всероссійская выставка послужила точкой отправленія для нижегородскаго земства и вслѣдъ за ея закрытіемъ рѣшено устроить постоянный складъ, въ которомъ и начнется съ нынѣшней же зимы покупка и сбытъ кустарныхъ издѣлій.

Нижегородская губернія особенно богата кустарными промыслами, изъ которыхъ нѣкоторые держатся уже сотни лѣтъ. Почти 70% крестьянъ—кустари. Начало нынѣшняго столѣтія съ цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, снимавшихъ стѣсненія съ народной промышленности, и въ особенности тарифъ 1819, подѣйствовавшій весьма неблагопріятно на крупныя, фабричныя заведенія, способствовали оживленію мелкихъ крестьянскихъ промысловъ. Перенесеніе нижегородской ярмарки изъ Макарьева дало дальнѣйшій толчокъ промышленной энергіи населенія. Милліоны пудовъ сибирскаго желѣза, оренбургской шерсти и кожъ пошли въ переработку по селамъ и деревнямъ Нижегородской губерніи. Дальнѣйшимъ фактомъ, повліявшимъ на характеръ и развитіе промысловой жизни губерніи, говоритъ М. А. Плотниковъ въ своемъ изслѣдованіи, слѣдуетъ считать событіе 19-го февраля 1861 г. и въ частности вліяніе послѣдующихъ актовъ законодательства, тѣсно съ нимъ связанныхъ. Особенно важное значеніе для крупнѣйшей группы

промысловъ нижегородскаго края, древообрабатывающихъ, имѣло отграниченіе крестьянскихъ надѣльныхъ лѣсовъ отъ казенныхъ и владѣльческихъ и связанныя съ тѣмъ мѣры ограниченія населенія въ пользованіи лѣсными богатствами края. Въ памяти каждаго крестьянина-кустаря лѣсныхъ уѣздовъ исторія его промысла распадается на два періода: «когда въ лѣсахъ было приволье» и «когда лѣса отошли». Къ первому относится возникновеніе, развитіе и процвѣтаніе промысла; ко второму—его упадокъ, бездоходность, работа «по привычкѣ». И нельзя сказать, чтобы въ основѣ такого представленія лежало преувеличеніе. Доходность древообрабатывающихъ промысловъ держалась на общедоступности и дешевизнѣ первоначальнаго матерьяла; когда же лѣса крестьянскіе и прочихъ владѣній были строго разграничены и надѣльные лѣса были истреблены, лѣсъ, который прежде доставался кустарю такъ легко, пришлось покупать сперва по дешевой цѣнѣ, потомъ дороже и даже ѣздить за нимъ за предѣлы губерніи. Во многихъ мѣстахъ промыслы, требовавшіе большого количества древеснаго матерьяла, совсѣмъ прекратились: выработка кадокъ, боченковъ, деревянныхъ ведеръ и проч.

Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, наоборотъ, оказало благотворное вліяніе на всѣ отрасли народнаго труда, освободивъ его отъ стѣснявшихъ его путъ и возвысивъ тѣмъ его энергію и производительность. Доставленная этимъ актомъ большая свобода передвиженія содѣйствовала нѣкоторому разрѣженію излишне населенныхъ промысловыхъ центровъ и тѣмъ, временно, по крайней мѣрѣ, возвысила заработокъ оставшихся. Развитіе отхожихъ промысловъ отвѣчало многимъ потребностямъ эпохи. Никогда такъ выгодно не шелъ одинъ изъ наиболѣе развитыхъ промысловъ Нижегородской губ., строительный (отхожихъ плотниковъ, каменьщиковъ, штукатуровъ), какъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, при повсемѣстной постройкѣ новыхъ зданій вокзаловъ, судебныхъ учрежденій и проч. Успѣхи крупной фабрично-заводской промышленности въ теченіе 70-хъ годовъ также первоначально не только не стояли въ противорѣчіи съ интересами промышленности мелкой, но косвенно даже давали пищу нѣкоторымъ изъ ея отраслей.

Однако, это золотое время мѣстныхъ и въ особенности отхожихъ заработковъ продолжалось недолго. Промышленные кризисы конца 70-хъ годовъ начинаютъ собою ту эру упадка и стѣсненнаго положенія, которую испытываетъ и понынѣ сельская промышленность губерніи.

Говоря о томъ, какъ фабричное производство отнимало одно за другимъ различныя производства отъ кустарей, М. А. Плотниковъ обращается къ главному нижегородскому промыслу — древообрабатывающему и приходитъ къ такому заключенію:

«Можно сказать только одно: область техническихъ усовершенствованій далеко не столь обширна среди главной категоріи промысловъ Нижегородской губ., древообрабатывающихъ. Здѣсь мелкое ремесленное производство можетъ вполнѣ свободно

уживаться рядомъ съ крупнымъ и даже одерживать надъ нимъ верхъ. Что же касается власти капитала, который подъ видомъ скупки или раздачи работы на дома отремится сосредоточить выгоды всей сельской промышленности въ немногихъ рукахъ, принизивъ заработокъ населенія до minimum'а, то эта роль его, принимающая нерѣдко чисто ростовщическія и рѣзко эксплоататорскія формы, можетъ быть значительно ограничена вмѣшательствомъ земскаго и государственнаго воздѣйствія. Не претендуя на коренное измѣненіе существующихъ формъ сельской промышленности, не разсчитывая остановить процессъ развитія экономическихъ явленій, лежащій внѣ предѣловъ его вліянія, земство можетъ, однако, оказать не малую услугу населенію. Опираясь на силу общественной организаціи, близость къ мѣстнымъ условіямъ и интересамъ, на государственное содѣйствіе, хотя бы въ формѣ кредита, земство можетъ, съ одной стороны, поддерживать и развивать промыслы, обладающіе всѣми задатками жизнеспособности, съ другой—смягчить населенію переходъ отъ промысловъ, обреченныхъ на упадокъ или захватъ машинно-фабричной техники, къ промысламъ, болѣе доступнымъ мелкимъ производителямъ».

Положеніе промысловъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ въ настоящую минуту, однако, не даютъ основаній заключить, что промыслы эти не могутъ улучшиться и сдѣлаться серьезнымъ источникомъ заработка. Въ наше время лишь то завоевываетъ себѣ успѣхъ, что идетъ впередъ, совершенствуется и примѣняется къ вкусу потребителей. На этомъ пути для кустарныхъ промысловъ сдѣлано еще очень мало. Всероссійская выставка—праздникъ и реклама крупной фабричной промышленности. Само количество фабрикуемаго товара свидѣтельствуетъ объ ея успѣхахъ и стремленіи конкуррировать съ заграничными издѣліями. Но что было бы теперь съ нашими фабриками, еслибъ онѣ не поддерживались, съ одной стороны, государствомъ, а съ другой—не искали и не пользовались учеными техниками, красильщиками и вообще всѣми изобрѣтеніями по слѣднихъ лѣтъ? Развѣ онѣ могли бы сколько-нибудь конкуррировать съ привознымъ товаромъ?

Что же сдѣлано было для усовершенствованія кустарныхъ издѣлій? Гдѣ, напр., тѣ школы и музеи, на которыхъ воспитались французскіе ремесленники за послѣднія 300 лѣтъ? У насъ ихъ нѣтъ, а между тѣмъ, не сдѣлавъ ничего въ этомъ направленіи, не успѣвъ даже ознакомиться съ тѣмъ, что кустари могутъ сдѣлать внѣ давленія безпримѣрно дешевой платы, не вникнувъ въ тѣ издѣлія, которыя когда-то въ старину выходили изъ ихъ рукъ и которыя теперь цѣняться всюду, кромѣ Россіи, мы уже произносимъ свой приговоръ надъ кустаремъ.

Вникнувъ въ дѣло поближе, мы видимъ, однако, что тѣ немногіе опыты, которые были сдѣланы единичными земствами и частными лицами улучшить издѣлія путемъ обученія и доставкой лучшихъ матерьяловъ и лучшей заработной платы, показывали немедленное повышеніе въ работѣ. Таковы, напримѣръ, кружева и вышивки новоторжскаго земства, вятскія кружева и ткани, издѣлія мастерскихъ московскаго земства и многочисленныхъ школъ г-жъ Львовой, Шаховскихъ, Казначеевой, Якунчиковой, Букрѣевой, Азаревичъ, Абраменковой, Гончаровой и многихъ другихъ.

Одна изъ фотографій нижегородскаго земства представляетъ 6—7 дѣвочекъ села Катунокъ за пяльцами. Онѣ заняты «строчкой». Этотъ промыселъ за послѣднія 15 лѣтъ занялъ все молодое женское населеніе съ 7-ми-лѣтняго возраста и работа ихъ раскупается не только на нижегородской ярмаркѣ, но и по всей Россіи, идетъ даже въ Закавказье и Закаспійскій край. При 12—15-часовомъ трудѣ, онѣ зарабатываютъ не болѣе 12—15 коп. въ день. Достаточно взглянуть на фотографію, чтобы почувствовать жалость къ этимъ худенькимъ, истощеннымъ безмѣрной работой и отсутствіемъ движенія, дѣтямъ. Онѣ сидятъ невозможно тѣсно, въ маленькой, душной комнаткѣ какой-нибудь предпринимательницы, немногимъ зажиточнѣе ихъ самихъ. По-видимому, вопросъ ясенъ. Промыселъ, не дающій лучшаго заработка, долженъ уничтожиться, а работницамъ, переходя изъ года въ годъ на худшій и худшій зароботокъ, остается лишь одно — умереть съ голода. Но это рѣшеніе жестокое и, главное, легкомысленное. Вникните въ условія этой работы, и вы убѣдитесь, что вопросъ совсѣмъ не такъ ясенъ и совсѣмъ не такъ безнадеженъ.

Строчки въ селѣ Катункахъ работаются все одного и того же рисунка. Измѣненія попадаются лишь въ матерьялѣ. Напримѣръ: накидку изъ «нансука», строченную вокругъ, можно купить отъ скупщицы за 1 руб. (Въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ за 2 или 2 р. 50 к.). Работа въ такой накидкѣ доведена до самой низкой степени.

Конечно, пройдетъ порядочно времени, пока наши русскіе потребители убѣдятся, во-1-хъ, что за 1 р. нельзя купить 12-ти дневную работу (тѣ дамы, которыя сами знаютъ эту работу, прекрасно понимаютъ это), а во-2-хъ, что выгоднѣе дать 2—3 рубля и пользоваться вещью 5 лѣтъ, чѣмъ за 1 руб. имѣть ее до первой стирки. Но можно указать на то, какъ расцѣнивается такая работа въ Америкѣ, гдѣ, по странному стеченію обстоятельствъ, тотъ же узоръ строчки работается мексиканками и имѣетъ широкій сбытъ во всѣхъ большихъ городахъ Штатовъ. Такой же величины накидка, выстроченная по полотну и употребляемая для чайной скатерти, продается за 6—8 долларовъ, т.-е. 12—16 руб. По сдѣланному мною разсчету, замѣнивъ нансу русскимъ полотномъ и требуя добросовѣстной работы, работницы, за покрытіемъ расходовъ и уплатой таможенной пошлины, получили бы не 15 коп., а minimum 75 коп. въ день.

Еслибы такую строчку исполнить по широкому ручному полотну—цѣна могла бы быть еще выше. Къ сожалѣнію, у насъ, какъ только является улучшенный ткацкій станокъ, на которомъ можно ткать широкія ткани—является *бумажная* пряжа, а льняная совершенно игнорируется.

Строчки, кружева, вышивки—все это надо отнести къ предметамъ роскоши. Понятно, что съ такими издѣліями надо идти къ богатымъ людямъ, которые умѣютъ и могутъ оцѣнить работу. Слѣдовательно,

еслибы катунскія мастерицы избавились бы отъ скупщицъ, у которыхъ онѣ въ кабалѣ, и, подъ вліяніемъ лучшей организаціи и лучшей платы, работали бы на лучшій рынокъ, ихъ матерьяльное положеніе повысилось бы и промыселъ бы не вымиралъ, а развивался. Лучшій заработокъ позволилъ бы мастерицамъ, вмѣсто 15, работать 8—9 часовъ.

То же самое можно сказать и о кружевномъ и еще болѣе о вышивномъ промыслахъ. Кружевной промыселъ весь находится въ рукахъ скупщицъ, торговокъ кружевами, которыя, большею частью, сами выдаютъ кружевницамъ нитки и шелкъ и, по окончаніи работы, принимаютъ кружево по условной цѣнѣ по вѣсу. Такъ какъ часть денегъ онѣ нерѣдко выдаютъ впередъ, то большая часть кружевницъ у нихъ въ неоплатномъ долгу, въ кабалѣ. Плетутъ кружево, главнымъ образомъ, дѣвушки и женщины, не имѣющія дѣтей. Дѣвочки начинаютъ работать съ 6-ти лѣтъ.

«Одну изъ причинъ упадка промысла видятъ въ пониженіи техники и рисунка кружевъ,—говоритъ М. А. Плотниковъ,—у старинныхъ плетей было болѣе творчества. Лишенныя всякой помощи въ этомъ отношеніи, всякихъ образцовъ, онѣ искали ихъ вездѣ въ своей фантазіи, въ природѣ; говорятъ, что нерѣдко въ образцы узора брались фантазіи мороза на окопныхъ стеклахъ. Рутинные и упрощенные узоры современныхъ кружевницъ не въ состояніи бороться даже съ образчиками современнаго ниточно-кружевнаго фабричнаго производства, и промыселъ падаетъ, не находя себѣ серьезной поддержки, тѣмъ болѣе, что и вознагражденіе понизилось до такой степени, при которой каждое мало-мальски болѣе выгодное занятіе заставляетъ покидать привычный промыселъ. При 12—15-часовомъ рабочемъ днѣ и неустанной работѣ, кружевница хорошо если выработаетъ 2 руб. въ мѣсяцъ или 3 руб. на косынкахъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ селѣ Катункахъ, старинѣйшемъ центрѣ кружевнаго производства, это послѣднее уже отживаетъ свой вѣкъ. Имъ занимаются только старухи, молодыя же не умѣютъ плести».

Придетъ время, когда мы горько пожалѣемъ, что нѣкоторыя коренныя русскія ремесла безслѣдно вымерли, и не найдется рукъ, которыя бы умѣли ихъ работать. Въ селѣ Катункахъ кружевной промыселъ уничтожился исключительно благодаря невѣжеству потребителей и скупщиковъ; а между тѣмъ въ нью-іоркскомъ складѣ русскихъ кустарныхъ издѣлій за кружева 2—3 вершковъ ширины, сплетенныя мастерицами вятской школы, охотно платили 3—5 руб. за аршинъ, а при болѣе живыхъ сношеніяхъ между этимъ складомъ и кустарными центрами, сбытъ могъ бы выработаться и оптовый.

Подавляющее впечатлѣніе производятъ 4 фотографіи, изображающія валяльный промыселъ. Полунагіе кустари въ низкой, затерянной въ снѣгу и вросшей въ землю хибаркѣ, сняты за работой такъ наглядно, что посѣтителю кажется, будто онъ самъ дышетъ этимъ удушливымъ, наполненнымъ шерстяною пылью и паромъ воздухомъ и видитъ плѣсень по угламъ. Улыбающееся лицо мальчика-подростка, зачесывающаго валеный сапогъ, еще увеличиваетъ вашу жалость и участіе. Какъ могли мы допустить такую жизнь людей одной съ нами крови и вѣры, жизнь гораздо тяжелѣе жизни негровъ-невольниковъ.

Это ремесло занимаетъ 7.000 челов. въ Нижегородской губ. и держится въ сотняхъ деревень. И тутъ, какъ и въ любомъ кустарномъ промыслѣ, все въ рукахъ скупщиковъ; и работа эта создала не мало «тысячниковъ», дома которыхъ возвышаются среди убогихъ деревушекъ заволжской стороны, но самимъ созидателямъ этихъ богатствъ она даетъ лишь ревматизмъ и удушье. По счастью, 80% кустарей, занимающихся валяльно-сапожнымъ промысломъ, не оставляютъ пахотнаго хозяйства, и полевыя работы съ ихъ разнообразіемъ и обстановкой отчасти возстановляютъ упавшія за зиму силы. Сапоги стали валять кустари, когда валяныя шляпы отжили свое существованіе. Вотъ что писалъ объ этомъ сравнительно недавнемъ прошломъ А. Печерскій («Въ лѣсахъ»).

«Лѣтъ сорокъ (т.-е. теперь уже лѣтъ 60) тому назадъ, заволжскіе катальщики чуть не на всю великорусскую сельщину шляпы работали. Валяли они и тотъ «шляпокъ», что изстари въ ходу по Тверской и Новгородской сторонамъ—съ низенькой прямой тульей, и ярославскую «верховку» такую же низенькую, но съ тульей раструбомъ. Въ Суздальскую сторону, на Ветлугу, на Вятку, на Пермь и на волжское низовье работали шляпы гречушникомъ «съ перехватцемъ», для московской стороны «шпилекъ московскій»,—на Рязань, въ Тулу и далѣе къ Украйнѣ. Для бурлаковъ шляпы на особую стать за Волгой валяли, ни дать, ни взять, тѣ низенькія, мягкія, лѣтнія шляпы, что теперь у горожанъ въ моду вошли. Татарамъ за Волгой бѣлыя шляпы валяли. Хоть иной катальщикъ и брезговалъ работать на бритую башку басурманина, но такихъ немного было, потому что «татарка» товаръ сходный, никогда, бывало, не залежится. Теперь не то. Совсѣмъ подошла шляпа заволжская... Съ легкой руки кантауровца и другіе заволжане по чужимъ сторонамъ пошли счастья искать и развезли дѣдовскій промыселъ по дальнимъ мѣстамъ. Дешевый картузъ вытѣснилъ болѣе цѣнную, стародавнюю шляпу, и осталась она лишь праздничнымъ украшеніемъ молодежи, да степенные, сѣдые мужики пока не бросили еще дѣдовской шляпы».

Недавно вмѣшательство нижегородскаго земства доказало еще разъ, что при доброй волѣ можно бороться успѣшно съ самымъ закоренѣлымъ зломъ. Уже лѣтъ 70—80 существуетъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ производство оконныхъ рамъ, связанное съ развозомъ этихъ издѣлій на мѣста потребленія и вставкой стеколъ.

«Если,—говоритъ изслѣдователь этого промысла Г. М. Кржижановскій,—вы встрѣтите въ какомъ-нибудь изъ уѣздовъ Нижегородской губ. маленькую лошаденку, везущую высоко нагроможденный возъ равносортныхъ рамъ и шагающаго рядомъ съ нимъ мужика, вы съ большей увѣренностью можете сказать, что это владимірецъ. Наши стекольщики извѣстны далеко и за предѣлами родной губерніи: они путешествуютъ и по Костромской губерніи, пробираются и на Чижу и до города Ветлуги и до Юрьевца; ѣздятъ и по Вятской и по Казанской губ. и даже спускаются порою на низъ до Самары и Симбирска».

Выдѣлка рамъ производится съ конца ноября и по апрѣль съ перерывами, всего рабочихъ недѣль 16. Работа идетъ въ обыкновенныхъ избахъ съ русской печью и съ полкомъ около потолка для сушки дерева. Матерьяломъ служитъ сосновое дерево, пріобрѣтаемое зимою чаще всего по мелочамъ. Не имѣя въ теченіе большей части зимы ни оборотныхъ средствъ, ни вообще средствъ существованія, рамщикъ рано

бываетъ принужденъ прибѣгать къ кредиту мѣстныхъ скупщиковъ, которые снабжаютъ его и средствами, и припасами по удороженной, конечно, цѣнѣ подъ «продажу—залогъ» рамъ. Но вотъ приходитъ ранняя весна или осень (15 августа), время развоза рамъ по деревнямъ, и рамщики вновь выкупаютъ у скупщиковъ свои рамы за цѣны, въ 1½ раза высшія. Изъ 100.000 рамъ, которыя производятся въ районѣ, 45 тысячъ проходитъ, такимъ образомъ, черезъ руки мѣстныхъ скупщиковъ, а остальныя развозятся путемъ торговаго извоза особой категоріей крестьянъ, занимающихся этимъ промысломъ, въ болѣе отдаленные склады частныхъ предпринимателей. Рубль въ недѣлю или 16 руб. за весь періодъ выработки рамъ, да рублей 30, какъ заработокъ отъ развоза и вставки стеколъ—вотъ обычная норма чистой прибыли рамщиковъ. На этихъ условіяхъ вырабатывается ими ежегодно, на сумму около 18.000 руб., до 100.000 рамъ, которыми снабжается обширная область Поволжья. Въ прошломъ году скупщики еще понизили цѣну на рамы.

Не отходя отъ традицій промысла, земство устроило свой собственный складъ, въ которомъ принимаетъ рамы въ залогъ въ продолженіе зимы, пока кустари заняты работой и всего больше нуждаются. Весной они выкупаютъ рамы, т.-е. выплачиваютъ деньги, данныя имъ въ кредитъ, пускаются въ обычную развозку и весь барышъ остается въ ихъ пользу. Земскій складъ оказалъ желательное давленіе, скупщики оказались безъ товара и цѣны на рамы поднялись.

Издѣлія нижегородскихъ токарей и ложкарей извѣстны всѣмъ и каждому. Своеобразная яркая и прочная посуда развозится не только по всей Россіи и Азіи, но вывозится въ громадныхъ количествахъ въ Германію, Англію, Индію и Америку. Этимъ промысломъ заняты тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей Нижегородской губ. Спросъ на нее за границей такъ великъ, что въ Германіи недавно устроенъ заводъ имитаціи нашихъ деревянныхъ чашекъ. Хотя произведенія его на видъ очень схожи съ русскими, но прочность чашекъ далеко не такова, а блестящій лакъ и краска весьма быстро портится; и не мудрено, если принять во вниманіе, что русская олифа, употребляемая для этой посуды, варится въ печахъ 30, а иногда и 40 недѣль [1]). 7 большихъ фотографій иллюстрируютъ работу ложкарей, токарей и красильщиковъ Семеновскаго уѣзда и какъ бы служатъ живымъ противорѣчіемъ увѣреніямъ, что «кустарь мертвъ».

«Долга и сложна бываетъ исторія той незатѣйливой осиновой или березовой ложки, которую вы можете встрѣтить въ любой русской избѣ,—говоритъ М. А. Плотниковъ.—Вотъ въ зимнюю пору старикъ отецъ купилъ въ глухомъ лѣсу участокъ березника; можетъ быть, самъ же его вырубилъ, распилилъ, накололъ въ крупныя буклуши и привезъ на дворъ. При тускломъ свѣтѣ зимняго дня, смотрящаго чрезъ

[1]) Свѣдѣніе это добыто отъ мастеровъ. Оно упоминается и въ статистическомъ изслѣдованіи М. А. Плотникова.

полузамершія оконницы избы, собрались всѣ члены семьи за общей работою, расположившись среди стружекъ и щепы, кто на полу на маленькихъ скамеечкахъ, кто на нарахъ, а кто и на печи. Ребята лѣтъ 10 раскалываютъ на чурбанѣ баклуши топоромъ на нѣсколько равныхъ частей и обтесываютъ ихъ на манеръ ложки. Послѣ этого обтесанная баклушка «теслится», по выраженію ложкаря, т.-е. долбится тесломъ особаго рода изогнутымъ рѣзцомъ. Эту часть работы выполняютъ подростки 10—15 лѣтъ. Выдолбленная баклушка переходитъ изъ дѣтскихъ рукъ въ опытныя руки взрослаго рабочаго, большею частью самаго домохозяина. Онъ сначала рѣзцомъ скоблитъ, чиститъ, строгаетъ внутреннюю сторону ложки, потомъ ножемъ ровняетъ и обрѣзываетъ ея края, наконецъ округляетъ черенокъ и «коковку», т.-е. головку черенка, или же вмѣсто «коковки» вырѣзываютъ двуперстное сложеніе, отчего такія ложки называются «крестовыми» и особенно расходятся въ средѣ раскольниковъ. Это третій пріемъ ложкарнаго производства. Изъ рукъ кореннаго работника-ложкаря негладкая, шероховатая еще ложка переходитъ въ бабьи руки. Тѣ скоблятъ ложку съ затылка, сглаживая ея неровности. А въ самомъ окнѣ, поближе къ свѣту, сидитъ дѣвочка-подростокъ лѣтъ 12 и гусинымъ перомъ наводитъ на внутренней сторонѣ ложки чернилами или клеевыми красками изъ сурика и зеленаго крона наивные узоры и рисунки цвѣтовъ, домовъ, деревьевъ, колоколенъ. Это называется «писать», «кропить» ложку. И за общей дружной работой, ложки одна за другой летятъ въ заранѣе подставленный коробъ. Смеркнется короткій зимній день, но при свѣтѣ керосиновой лампы, привѣшанной къ потолку, работа идетъ почти до полуночи.

Не всегда семья бываетъ настолько велика, чтобы въ ней нашлись всѣ необходимыя для перечисленныхъ операцій лица, да и не вездѣ населеніе знакомо со всѣми стадіями обработки ложки. Такъ, женское искусство скоблить и кропить ложку распространено не вездѣ, а лишь въ селеніяхъ около г. Семенова, изстари занимающихся промысломъ. Ложкари Богоявленской волости продаютъ скупщикамъ свои ложки неоскобленными и неокрашенными, а тѣ, въ свою очередь, сдаютъ ихъ за извѣстную плату женщинамъ подгородныхъ селеній, славящимся своимъ искусствомъ писать и кропить ложки. Собравшись вмѣстѣ въ одну избу, дѣвушки отдѣлываютъ за 20 к. съ тысячи, такъ называемую, «хлыстовку», наводя съ помощью куринаго пера мумію на квасу струи на манеръ рябиноваго дерева».

Но ложки еще не окрашены и не покрыты лакомъ и переходятъ въ руки красильщицъ. Удушливый воздухъ и ѣдкая краска вредно дѣйствуютъ на красильщицъ, разрушая ихъ зрѣніе и легкія. Онѣ получаютъ по 8 к. въ сутки, на хозяйскихъ хлѣбахъ, или 1 р. 20 к.—1 р. 40 к. въ недѣлю на своихъ харчахъ.

По приблизительному разсчету, семеновскій районъ вырабатываетъ въ годъ не менѣе 80 милліоновъ ложекъ и, однако, этотъ промыселъ всего менѣе отрываетъ кустарей отъ земледѣлія [1]).

Но всего ужаснѣе въ коллекціи изображеній кустарей—павловскіе слесаря и гвоздари Красной Рамени.

Въ обоихъ случаяхъ настоящее положеніе промысла, подъ вліяніемъ конкурренціи съ машинной работой, дошло до того момента, когда человѣку не подъ силу бороться съ машиной: онъ чахнетъ и еле-еле живъ. О павловцахъ писали не мало, и промыселъ этотъ изслѣ-

[1]) Чтобы судить о размѣрахъ барышей разныхъ торговыхъ рукъ, укажу между прочимъ, что лучшія крашеныя ложки продаются въ г. Семеновѣ за 8 — 10 р. за тысячу, а въ Нью-Іоркѣ за 40—60 руб., при 2 р. 50 к. таможенныхъ пошлинъ.

дованъ, повидимому, достаточно, чтобы указать на настоятельную необходимость придти людямъ на помощь, видоизмѣнить условія непосильнаго труда и дать населенію возможность вздохнуть. Худоба, землистый цвѣтъ лица, всегда истомленный видъ, одышка и своеобразныя уродливости — явленія общераспространенныя. Жестокіе павловскіе нравы съ своими безпримѣрными пріемами ростовщичества достаточно извѣстны. Судя по типамъ, изображеннымъ на фотографіяхъ земства, гвоздари Красной Рамени еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ павловцы. Полунагіе, худые и изможденные, съ тряпьемъ, болтающимся около пояса, вмѣсто всякой одежды—они будятъ заснувшую совѣсть людей, у которыхъ не только есть все необходимое для жизни, но и находятся еще лишніе рубли, чтобы пріѣхать посмотрѣть на нарядную выставку. Со всѣхъ стѣнъ нижегородскаго отдѣла смотрятъ на васъ эти лица спокойно и безъ упрека... Невольно думается: вотъ какой характеръ приняла наша цивилизація! Что въ томъ, что у насъ завелось и электричество, и новомодные, чудно-выдѣланные русскіе бархаты и плюши, когда въ деревняхъ отъ непосильной физической работы люди чахнутъ и калѣчатся, а дѣти рождаются слабыми, чахоточными и никому ненужными.

А. Погосская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ одномъ изъ предыдущихъ №№ мы коснулись вскользь нижегородской выставки и обѣщали поговорить о ней еще разъ. Но и на этотъ разъ намъ придется говорить собственно не о выставкѣ, а о наиболѣе крупномъ изъ происходившихъ тамъ съѣздовъ. Дѣло въ томъ, что о выставкѣ такъ много уже писалось, въ особенности въ нашей ежедневной печати, и такъ много говорилось, что читатель можетъ либо вѣрить печатнымъ отчетамъ, либо разсказамъ о ней своихъ знакомыхъ, видѣвшихъ ее лично; а о съѣздѣ, хотя тоже писалось, но у публики о немъ не можетъ составиться *общаго* впечатлѣнія изъ отдѣльныхъ телеграммъ, корреспонденцій и т. п. Къ тому же, говоря о съѣздахъ на выставкѣ вообще и о торгово-промышленномъ въ частности, мы будемъ говорить косвенно и о выставкѣ, хотя связь съѣздовъ съ нею, правда, надо еще доказать. Вотъ на первый разъ одно изъ реальныхъ доказательствъ этого: въ числѣ прочихъ съѣздовъ былъ на выставкѣ и пожарный, состоявшій въ связи со страховымъ дѣломъ. Такъ вотъ что тутъ, между прочимъ, происходило: члены этого съѣзда изъ той и другой категоріи естественно сами себя признали экспертами въ дѣлѣ возведенія огнеупорныхъ построекъ, бывшихъ въ числѣ экспонатовъ на выставкѣ. Не знаемъ, какъ они или настоящіе эксперты отнеслись къ нимъ съ точки зрѣнія объективной, а съ субъективной вотъ что провозгласилъ одинъ изъ членовъ этого съѣзда: «Огнеупорныя постройки—это зло, потому что они мало или совсѣмъ не горятъ, а спасеніе Россіи, въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи, суть пожары. Что было бы съ нашимъ бѣднымъ крестьянствомъ, еслибы оно періодически не очищало огнемъ своихъ жилищъ? Вѣдь тамъ завелась бы такая грязь, что, все равно, надо было бы нарочно жечь все ихъ имущество и зданія для дезинфекціи!» Не знаемъ, было-ли это мнѣніе внесено въ резолюцію, хотя позволяемъ себѣ въ этомъ сомнѣваться. Вѣроятно, нашлись люди, которые сказали, что экономія въ пожарномъ отношеніи можетъ послужить къ улучшенію жилищъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ну, а связь между торгово-промышленнымъ съѣздомъ и выставкой при чемъ? Да вѣдь выставка должна была служить доказательствомъ, если не огнеупорности, то, во всякомъ случаѣ, устойчивости развитія нашей промышленности, въ частности подъ вліяніемъ

огнеупорнаго брандмауэра—таможеннаго тарифа 1891 года. А во-вторыхъ, на выставкѣ, слава Богу, пожара не было, значитъ, нераспроданные товары-экспонаты просто развезутся по домамъ, а можетъ гдѣ-нибудь и продадутся, тогда отъ нихъ не останется даже и дыма. Не то же-ли самое будетъ и съ результатами торгово-промышленнаго съѣзда? Правда, онъ оставитъ по себѣ нѣкоторый слѣдъ, въ видѣ многотомнаго изданія его трудовъ, состоящихъ изъ докладовъ, ранѣе приготовленныхъ, и рѣчей, на немъ произнесенныхъ, съ намѣреніемъ, заранѣе обдуманнымъ или безъ онаго. Что же касается до дѣйствительныхъ результатовъ, т.-е. осуществленія постановленныхъ на съѣздѣ ходатайствъ, выраженныхъ пожеланій, то... вотъ обо всемъ этомъ-то мы и хотимъ теперь поговорить.

Конечно, вообще загадывать впередъ трудно, но кое о чемъ можно судить теперь уже почти навѣрняка, потому что прежде всего выяснилось общественное значеніе этого съѣзда и отношеніе къ нему сверху и снизу. Что значитъ отношеніе сверху—этого нѣтъ надобности объяснять, хотя къ вопросу этому мы должны будемъ вернуться по существу. А прежде выяснимъ, что понимается нами подъ отношеніемъ къ съѣзду «снизу». Въ узкомъ смыслѣ это значитъ, какъ отнеслись къ нему тѣ разные слои русскаго общества, которые выслали своихъ представителей или сами по себѣ пріѣзжавшія на съѣздъ лица. Шире можно понимать подъ этимъ интересъ, возбужденный въ публикѣ, такъ или иначе слѣдившей за дѣятельностью съѣзда. Но о послѣднемъ судить, конечно, трудно, такъ какъ никакихъ данныхъ для сего не имѣется. Можно, однако, предполагать, что интересъ этотъ въ широкой публикѣ былъ и даже есть и теперь, а потому въ разсчетѣ на него мы и хотимъ этими своими строками помочь читающей публикѣ разобраться въ дѣятельности съѣзда. Мы не думаемъ при этомъ давать подробностей происходившихъ на съѣздѣ преній и постановленныхъ резолюцій, потому что обо всемъ этомъ лица, спеціально интересующіяся тѣми или другими вопросами, будутъ въ состояніи прочесть въ трудахъ съѣзда, гдѣ будутъ стенографически изложены дебаты, резолюціи и пр. Мы же попытаемся сдѣлать только общую характеристику съѣзда, представивъ дѣятельность каждой изъ его секцій въ наиболѣе типичныхъ картинкахъ.

Что касается до жизненности отношенія разныхъ слоевъ нашего общества, выразившейся въ численности и составѣ членовъ съѣзда, то въ этомъ отношеніи онъ долженъ считаться весьма удавшимся. Трудно перечислить даже крупныя категоріи лицъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи въ этотъ отдаленный ея уголокъ, не смотря на рискъ крупныхъ издержекъ, какъ по проѣзду, такъ и, главнымъ образомъ, по пребыванію въ этомъ пунктѣ страшной дороговизны жизни. Многіе ѣхали именно только ради съѣзда, а не выставки, такъ что послѣдней даже и не успѣвали хорошенько осмотрѣть. Случилось это,

конечно, потому, во-первыхъ, что работы на съѣздѣ было много: въ день, большею частью, бывало по два засѣданія, весьма затягивавшихся; а во-вторыхъ,—вслѣдствіе той же дороговизны жизни, благодаря которой, послѣ двухнедѣльныхъ занятій на съѣздѣ, у членовъ его не оставалось средствъ, а иногда и времени для дальнѣйшаго пребыванія въ этомъ городѣ. (Большинство членовъ съѣхалось, точно сговорившись, въ одинъ день, наканунѣ открытія—3 августа, что моментально вызвало повышеніе цѣнъ за номера и квартиры на рубль, на два и болѣе въ сутки. Затѣмъ, въ день закрытія съѣзда и ближайшіе за нимъ дни на желѣзнодорожномъ вокзалѣ разыгрывались почти ходынскія сцены).

Чтобы вполнѣ понять значеніе численности—около 1.000 записавшихся лицъ—и состава членовъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что, согласно особому положенію о созывѣ съѣзда, члены должны были явиться двоякаго рода — званые, т.-е. приглашенные, и только допущенные. Первыми (пунктъ 4 положенія) должны были быть: а) представители совѣта торговли и мануфактуръ, совѣщательныхъ по части торговой и мануфактурной промышленности учрежденій и биржевыхъ комитетовъ; б) профессоры высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній; в) представители частныхъ обществъ, ученыхъ и техническихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью разработку общихъ вопросовъ, до промышленности и торговли относящихся; г) лица, не состоящія представителями учрежденій, но извѣстныя своими научными или практическими трудами на пользу отечественной промышленности или торговли—по ближайшему усмотрѣнію г. министра финансовъ. А относительно только допускаемыхъ на съѣздъ п. 5 того же положенія гласилъ такъ: «Изъ числа не вошедшихъ въ пунктъ 4-й лицъ допустить къ участію въ съѣздѣ съ разрѣшенія предсѣдателя: 1) владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій (фабрачныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ, кустарныхъ) или завѣдывающихъ оными, присутствіе коихъ будетъ предсѣдателемъ признано полезнымъ, и 2) представителей печати».

Судя по этимъ условіямъ допущенія въ члены, многіе заранѣе относились ко всей этой затѣѣ съ предубѣжденіемъ, не безъ нѣкотораго основанія полагая, что, пожалуй, будетъ сдѣланъ болѣе или менѣе искусственный подборъ членовъ, можетъ быть, даже съ предначертанными заранѣе планами рѣшенія вопросовъ. Но, къ счастью, на дѣлѣ этого не оказалось, въ чемъ можно было убѣдиться, какъ изъ общаго характера этого собранія, такъ и въ особенности по нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ резолюціямъ, возбудившимъ неудовольствіе со стороны главнаго иниціатора съѣзда, г. министра финансовъ (о чемъ далѣе рѣчь будетъ особая). Надо отдать справедливость г. предсѣдателю съѣзда, Д. Ѳ. Кобеко, въ томъ отношеніи, что онъ довольно широко понялъ свои правомочія—допускать или не допускать тѣхъ или другихъ лицъ въ члены. И если со стороны низшихъ представителей адми-

нистраціи съѣзда и были иногда встрѣчаемы отказы въ пріемѣ, то, во-первыхъ, подобные случаи были не особенно многочисленны, а, во-вторыхъ, большинство ихъ рѣшалось предсѣдателемъ въ пользу допущенія. Въ результатѣ всего этого получился составъ членовъ, вовсе не столь специфическій—торгово-промышленный, какъ можно было бы ожидать по вышеприведеннымъ пунктамъ положенія.

По отношенію къ составу членовъ произошло даже нѣчто трагикомическое, а именно: долженствовавшее преобладать на съѣздѣ и давать ему общій тонъ русское купечество и заводчество, занесенное въ большомъ количествѣ въ списки членовъ, либо вовсе не явилось на съѣздъ, либо не посѣщало засѣданій. Это очень важный самъ по себѣ фактъ, который, какъ намъ кажется, не допускаетъ иного объясненія, кромѣ слѣдующаго: очевидно, представители и дѣятели русской промышленности либо не дозрѣли до сознанія пользы такихъ совмѣстныхъ обсужденій вопросовъ, касающихся ихъ насущныхъ интересовъ, либо боялись такой открытой формы этихъ обсужденій, когда недостатки ихъ доводовъ могли бы быть разоблачевы возможными противниками. А потому они и предпочли, за небольшими исключеніями, либо играть въ молчанку, либо просто отсутствовать на засѣданіяхъ, въ разсчетѣ на то, что ихъ различныя ходатайства могутъ быть представляемы по мѣрѣ надобности въ соотвѣтственное вѣдомство, гдѣ и получатъ надлежащее удовлетвореніе. Подобное объясненіе само собою напрашивается изъ комическаго эпизода, разыгравшагося въ моментъ закрытія съѣзда и заключавшагося въ слѣдующемъ: когда прошла резолюція о необходимости пониженія пошлинъ на сельскохозяйственныя машины и орудія, равно какъ и на матерьялъ для нихъ—чугунъ, желѣзо и сталь—сперва небольшимъ большинствомъ во II-й секціи, а потомъ громаднымъ (двумя третями голосовъ) въ особомъ общемъ собраніи, — тогда только спохватитились наши заводчики, что напрасно они не участвовали въ обсужденіи сего вопроса. Вопль же ихъ по поводу этого рѣшенія взялся выразить ихъ нижегородскій глава, Савва Морозовъ, заявившій этотъ протестъ въ послѣдній моментъ заключительнаго общаго собранія. При семъ онъ присовокупилъ, что наши нижегородскіе представители промышленности соберутся *послѣ* закрытія съѣзда въ какое-то особое совѣщаніе, на которомъ обсудятъ сей вопросъ обстоятельно, и потому г. Морозовъ просилъ предсѣдателя съѣзда присовокупить эту особую или, вѣрнѣе, обособленную резолюцію къ трудамъ съѣзда. И, что еще болѣе показалось страннымъ, г. предсѣдатель не только не указалъ на неумѣстность такого заявленія, но очень любезно согласился на просимое. Правда, конечно, это все происходило какъ разъ на другой день послѣ извѣстной рѣчи, произнесенной г. министромъ финансовъ на обѣдѣ нижегородскаго биржевого комитета, въ каковой рѣчи было высказано имъ неодобреніе этой резолюціи, но, во всякомъ случаѣ, фактъ остался фактомъ, что на съѣздѣ достаточно убѣдительныхъ по качеству и

количеству возраженій не было представлено со стороны проживающихъ въ томъ же самомъ городѣ представителей нашихъ торгово-промышленныхъ интересовъ. Тутъ-то бы, казалось, и надо было поставить точку къ трудамъ съѣзда, разумѣется, предоставивъ ихъ всесторонней критикѣ, когда они будутъ въ свое время цѣликомъ отпечатаны. А вмѣсто этого явилась какая-то особенная любезность по отношенію къ извѣстной группѣ лицъ.

Странная иронія судьбы выразилась въ этомъ результатѣ съѣзда, въ этомъ «гвоздѣ» его, какъ выражались тамъ многія лица. Вѣдь первоначально съѣздъ этотъ предполагало созвать наше общество для содѣйствія торговлѣ и промышленности, достаточно извѣстное своими общими и частными протекціонистскими взглядами и тенденціями. Но на это общество, по какимъ-то соображеніямъ, не нашли возможнымъ положиться, что оно съумѣетъ достаточно защитить интересы нашей промышленности; между тѣмъ, при всемъ стараніи, вышло, можно сказать, совсѣмъ наоборотъ. А вѣдь можетъ быть именно, еслибы съѣздъ устроивало это общество, то оно и съумѣло бы сдѣлать лучшій — въ этомъ условномъ смыслѣ —подборъ членовъ, потому что многія лица, зная тенденціи, тамъ царящія, на такой съѣздъ и вовсе не поѣхали бы. Но это, впрочемъ, конечно, только предположенія, которыя могли бы и не оправдаться, такъ какъ все-таки, вѣроятно, и тогда, съ одной стороны, нашлось бы достаточно лицъ для борьбы за интересы сельскаго хозяйства, а съ другой стороны, гг. фабриканты и заводчики, все равно, продолжали бы предпочитать играть въ темную, по крайней мѣрѣ, пока ихъ какъ громомъ не поразило постановленное ходатайство.

Имѣя въ виду далѣе нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть вопросъ объ отмѣнѣ этихъ пошлинъ по существу, мы не можемъ не остановиться еще на одномъ доказательствѣ неожиданности и можемъ потому именно тѣмъ большей важности этого рѣшенія съѣзда. Это доказательство мы находимъ въ рѣчи, сказанной г. предсѣдателемъ на очень торжественномъ открытіи съѣзда въ кремлевскомъ дворцѣ. Говоримъ «торжественное» открытіе по его блестящей внѣшней обстановкѣ: историческое зданіе, блестящіе мундиры и вицъ-мундиры всѣхъ представителей администраціи съѣзда (администраціи, потому что съѣздъ былъ учрежденіемъ, считавшимся казеннымъ, какъ находящимся въ рукахъ членовъ министерства финансовъ), фраки на большинствѣ присутствовавшихъ членовъ и на единственномъ предсѣдателѣ (IV-й секціи), который этимъ своимъ костюмомъ, равно какъ потомъ чернымъ сюртукомъ на другихъ засѣданіяхъ, дисгармонировалъ со всѣми прочими вицъ-мундирами.

И такъ, на этомъ открытіи г. предсѣдатель держалъ длинную рѣчь, въ которой, такъ сказать, предначерталъ не только задачи, но и характеръ дѣятельности съѣзда. Характерно было прежде всего, что здѣсь прямо очерчена была цѣль съѣзда въ смыслѣ «признанія мини-

стерствомъ финансовъ нужнымъ ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленнаго класса по вопросамъ, наиболѣе ихъ интересующимъ». «Свыше сорокалѣтняя моя дѣятельность по министерству финансовъ,—продолжалъ предсѣдатель (цитируемъ его рѣчь по оффиціальному органу выставки и съѣзда «Извѣстія Всероссійской Промышл. и Худож. Выставки», «органъ выставочной администраціи», № 67, отъ 5 августа),—даетъ мнѣ право и основаніе засвидѣтельствовать, что министерство всегда чутко прислушивалось къ голосу промышленниковъ и купечества... Созывъ настоящаго съѣзда служитъ вящшимъ доказательствомъ того живого общенія, которое издавна установилось между министерствомъ финансовъ и торгующимъ сословіемъ и которое, будемъ надѣяться, разовьется и окрѣпнетъ для пользы дѣла въ будущемъ.»

Тутъ любопытно это прямое обращеніе не къ членамъ съѣзда вообще, а къ представителямъ торговли и промышленности. И только въ концѣ всей длинной рѣчи предсѣдатель вспомнилъ о другихъ лицахъ, допущенныхъ къ участію, а затѣмъ выразилъ «естественное смущеніе», которое онъ испытываетъ, видя въ средѣ членовъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, «лицъ, стяжавшихъ себѣ почетную извѣстность—на поприщѣ научномъ или на стезѣ службы государственной».

Въ самой рѣчи наиболѣе характерны по существу слѣдующія мѣста: «Таможенный тарифъ 1891 г. твердо и опредѣленно указалъ систему, которой правительство рѣшилось слѣдовать въ дѣлѣ нашей таможенной политики. Заключается она въ охранѣ нашей промышленности, не могущей еще, по очень многимъ и разнообразнымъ причинамъ, выдержать свободнаго соперничества странъ, ранѣе насъ выступившихъ на поприще промышленной дѣятельности... Къ какимъ же результатамъ привелъ тарифъ 1891 г.? Кто внимательно осматривалъ нижегородскую выставку, кто старался подробно ознакомиться съ нею, тотъ, конечно, не могъ не убѣдиться въ быстромъ ростѣ, за послѣдніе годы (?), нашей промышленности, взятой въ общемъ и цѣломъ... Но всѣ-ли отрасли нашей промышленности шли одинаково впередъ, не было-ли среди нихъ такихъ, которыя остановились въ своемъ поступательномъ движеніи; и если это такъ, то въ чемъ заключаются причины этого явленія?»

Разъясненіе этихъ, признаваемыхъ за болѣе частные, вопросовъ явилось задачею II-й секціи съѣзда, въ которой предсѣдательствовалъ генеральный коммиссаръ выставки Вас. Ив. Тимирязевъ. Здѣсь-то, въ числѣ именно какъ бы частныхъ вопросовъ, да еще таможеннаго тарифа, былъ поставленъ надѣлавшій столько шума вопросъ о пошлинахъ на земледѣльческія машины и на суперфосфаты. Можно, пожалуй, было бы подумать, что и тутъ все дѣло въ разъясненіи вопроса, съ точки зрѣнія паденія или развитія нашего производства сельскохозяйственныхъ машинъ, подъ вліяніемъ высокихъ на нихъ таможенныхъ покровительственныхъ пошлинъ. Но г. предсѣдатель въ своей рѣчи раз-

яснилъ, что «вопросъ объ этомъ поставленъ, въ виду неоднократныхъ заявленій землевладѣльцевъ объ обремененіи этими пошлинами земледѣльческаго промысла». Благодаря этой-то оговоркѣ, и оказалось возможнымъ обсуждать этотъ вопросъ по существу, т.-е. съ точки зрѣнія вліянія этихъ пошлинъ на сельское хозяйство, — это бѣдное, захудалое дѣтище, игравшее столь плачевную роль какъ на съѣздѣ, такъ и на выставкѣ. Послѣдняя была особенно поучительна этой своей отрицательной стороной по отношенію къ нашему сельскому хозяйству. Отдѣлъ этотъ на выставкѣ былъ самый жалкій, воочію доказывавшій, что земледѣліе есть какъ бы Сандрильона въ семьѣ русской промышленности, а не ея главный кормилецъ. Странное впечатлѣніе, въ самомъ дѣлѣ, должны были выносить посѣщавшіе выставку иностранцы. Слыхали они, конечно, что Россія страна земледѣльческая по преимуществу, что вывозитъ она хлѣбъ и другіе сырые продукты добывающей промышленности, а покупаетъ въ обмѣнъ продукты обрабатывающей промышленности, даже такіе, какіе и у себя дома производятся, но или въ количествѣ недостаточномъ, или по качеству низшіе. Между тѣмъ, по внѣшнему впечатлѣнію, наша выставка блистала именно тѣмъ, что въ народно-хозяйственной дѣйствительной жизни далеко не блеститъ, т.-е. продуктами обрабатывающей промышленности. Впрочемъ, блескъ этотъ оказывался при ближайшемъ разсмотрѣніи не особенно яркимъ и прочнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что толку въ томъ, если мы, благодаря чрезвычайно покровительственнымъ пошлинамъ, достигаемъ, напримѣръ, возможности производить и кое-что изъ того, что давно выдѣлывается за границей, но что тамъ дѣлается за рубль, а у насъ за 3, за 5 р. и т. д.? Къ такимъ выводамъ обязательно приходилъ всякій, кто интересовался цѣнами нашихъ выставочныхъ издѣлій. Изъ другихъ же, кромѣ земледѣлія, добывающихъ отраслей нашей промышленности—добыча каменнаго угля, желѣза, стали и чугуна, хотя и практикуется у насъ, но тоже въ размѣрѣ недостаточномъ, ибо мы все-таки должны въ огромномъ количествѣ покупать эти продукты изъ за-границы. Какъ особенный курьезъ, отмѣтимъ, что въ самомъ мѣстѣ нахожденія выставки—Нижнемъ-Новгородѣ—не оказалось возможнымъ проложить рельсы для двухъ электрическихъ желѣзныхъ дорогъ и сдѣлать нѣкоторыя вагонныя сооруженія изъ *русскаго* желѣза. Правда, г. предсѣдатель II-й секціи (В. И. Тимирязевъ) пытался было утверждать, что на одной изъ этихъ дорогъ было употреблено въ дѣло русское желѣзо, а потому на ней даже будто бы и лучше, и пріятнѣе ѣздить. Заявленіе это было, однако, сейчасъ же опровергнуто кѣмъ-то изъ присутствовавшихъ, доказавшимъ, что обѣ дороги одинаково иностраннаго происхожденія. Мудрено-ли послѣ всего этого, что въ этомъ, повидимому, частномъ вопросѣ, какъ въ какомъ-то свѣтовомъ фокусѣ, отразилось ненормальное положеніе этихъ нашихъ двухъ отраслей промышленности—недостаточная заботливость о нуждахъ и

развитіи сельскаго хозяйства вообще и чрезмѣрная заботливость о желѣзодобывающей и желѣзодѣлательной промышленности въ частности. Вѣдь въ результатѣ этого первая изъ этихъ отраслей, т.-е. земледѣліе, не можетъ ни извнутри страны, ни извнѣ получать необходимаго для нея желѣза и издѣлій изъ него. И вотъ, на почвѣ обсужденія этого частнаго вопроса, какъ говорится, сыръ-боръ и загорѣлся. Что начинали иногда съ частностей, а потомъ кончали общими и широкими выводами—это, во-первыхъ, былъ не единственный случай, а, во-вторыхъ, ничего дурного въ этомъ и нельзя видѣть. Напротивъ, въ томъ-то и заключается общественное широкое значеніе всякихъ съѣздовъ, что на нихъ вопросы могутъ и должны быть обсуждаемы и освѣщаемы съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. Нежелательны, конечно, тутъ только такъ называемыя общія мѣста или отвлеченные и туманные обобщенія и выводы. Вотъ, напримѣръ, совершенно неожиданнымъ явился конечный выводъ, сдѣланный проф. Менделѣевымъ во время разсужденій о суперфосфатахъ. Почтенный ученый пришелъ какимъ-то путемъ отсюда къ заключенію о необходимости—ни больше, ни меньше, какъ—«національзаціи нѣдръ земли». Что, въ сущности, подъ этимъ подразумѣвалось—осталось невыясненнымъ, а понимать вѣдь это можно въ двоякомъ и даже совершенно противоположномъ смыслѣ: съ одной стороны—это отрицаніе чьей бы то ни было частной собственности на ископаемыя богатства и предоставленіе ихъ въ широкое пользованіе всего народа. Съ другой же стороны—гораздо болѣе конкретной или реальной—это установленіе на эти богатства исключительнаго права государства и его юридическаго субъекта—казны, т.-е., въ сущности, новой регаліи или монополіи... Но оставимъ этотъ вопросъ, оставшійся темнымъ, и перейдемъ къ тому, который былъ очень ярко освѣщенъ на съѣздѣ.

Самъ по себѣ вопросъ этотъ былъ поставленъ въ слѣдующей формѣ: «Въ какой мѣрѣ можетъ пониженіе таможенныхъ пошлинъ на земледѣльческія машины и орудія служить воспособленіемъ интересамъ земледѣлія?» Казалось бы, что самой формулировкой вопроса какъ бы предрѣшалась возможность или позволительность отвѣтить на него утвердительно. На дѣлѣ такой отвѣтъ и получился, однако, онъ былъ признанъ какъ бы непозволительнымъ; но, конечно, не этотъ отвѣтъ самъ по себѣ, а въ расширенной формѣ, т.-е. по связи его съ общимъ вопросомъ о значеніи нашей покровительственной для обрабатывающей промышленности системы, особенно рельефно выразившейся въ таможенномъ тарифѣ 1891 г. Этотъ вопросъ явился единственнымъ, для котораго оказалось недостаточнымъ частнаго сраженія во II-й секціи съѣзда, такъ что дѣло было доведено до генеральнаго сраженія въ особомъ общемъ собраніи, происходившемъ 14 августа въ большомъ выставочномъ концертномъ залѣ. Приводя далѣе конечные результаты этой битвы двухъ враждебныхъ лагерей, мы не можемъ не охарактеризовать немного въ лицахъ

сражавшихся. Съ каждой стороны были употребляемы въ ходъ всѣ виды оружія, начиная съ тяжелой артиллеріи—статистическихъ цифръ—и кончая всевозможными вылазками остроумія и даже шутокъ. Нерѣдко споры грозили перейти въ чисто личныя пререканія и колкости по адресу противниковъ. Такъ, самымъ горячимъ противникомъ этихъ пошлинъ оказался инженеръ путей сообщенія Житковъ, чрезвычайно нервный, горячій и даже раздражительный человѣкъ и совершенно своеобразный экономистъ. Это авторъ извѣстной теоріи, что вексельный курсъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше вывозъ продуктовъ изъ данной страны и чѣмъ больше ввозъ иностранныхъ произведеній. Въ связи съ этимъ, въ головѣ его слагается столь же оригинальная идея — необходимости установленія *вывозныхъ пошлинъ* на сырые товары, а у насъ, значитъ, на главный предметъ нашего вывоза—хлѣбъ. Но, конечно, г. Житковъ оставался г. Житковымъ, и не подобныя соображенія, которыя онъ, къ счастью для дѣла, и не развивалъ во всей ихъ первобытной свѣжести на преніяхъ, помогли одержать побѣду противникамъ протекціонизма. Громадный успѣхъ имѣло, между прочимъ, одно заявленіе г. Житкова вождю противной партіи, проф. Менделѣеву, что онъ, т.-е. г. Житковъ, «считаетъ профессора величайшимъ химикомъ, но никуда негоднымъ экономистомъ». Со стороны протекціонистовъ не было недостатка въ своихъ enfants terribles и среди нихъ особенно выдѣлялись два слѣдующіе: одинъ—представитель варшавскаго биржевого комитета, г. Розенблюмъ, прославившійся тоже оригинальными экономическими теоріями, мѣтко очерченными въ словахъ Н. Ф. Анненскаго, отказавшагося даже возражать г. Розенблюму, «чтобы не брать на себя труда доказывать, что таможенныя пошлины являются косвеннымъ налогомъ». Но перлъ живой и образной аргументаціи г. Розенблюма выразился въ слѣдующемъ доказательствѣ справедливости протекціонизма вообще: «Всѣ виды промышленности суть дѣти одного отца—правительства, къ которому они и обращаются съ различными просьбами: «папа, дай намъ то-то или того-то!» И родитель награждаетъ своихъ дѣтищъ по ихъ достоинствамъ, потребностямъ или—не помнимъ, прибавилъ-ли это г. Розенблюмъ — по своимъ личнымъ симпатіямъ. А другой enfant terrible, фамилію котораго мы лучше уже не назовемъ, былъ очень драгоцѣннымъ союзникомъ для протекціонистовъ, такъ какъ являлся перебѣжчикомъ изъ лагеря противниковъ. Это былъ господинъ съ физіономіей Чертопханова, представитель интересовъ земледѣлія отъ какого-то сельскохозяйственнаго общества, который изъ кожи лѣзъ вонъ, доказывая парадоксальную мысль, что всѣ мѣропріятія министерства финансовъ, клонящіяся къ поддержанію нашей обрабатывающей промышленности, въ томъ числѣ и пошлины на сельскохозяйственныя машины, приносятъ прямую пользу земледѣлію. Въ своемъ азартѣ этотъ ораторъ на вѣкъ прославилъ себя знаменитой фразой, что сельскохозяйственныя машины просто недоступны для крестьянъ, по своей вообще высокой цѣнѣ, а потому онѣ и не

могутъ ихъ пріобрѣтать, все равно, будутъ-ли эти орудія стоить безъ пошлинъ 30 рублей или съ пошлиною 35 руб.; значитъ, пусть ужъ лучше онѣ будутъ все-таки обложены... Слушая такого оратора, невольно думалось: неужели это представитель сельскохозяйственныхъ интересовъ и неужели всѣ эти усилія должны пропасть даромъ и не вознаградятся въ формѣ какого-либо казеннаго мѣстечка?

Но были на съѣздѣ люди,—и, конечно, много было такихъ,—которые прямо и открыто защищали интересы представляемыхъ ими видовъ промышленности, находящихся между собою въ непримиримомъ или трудно примиримомъ естественномъ антагонизмѣ. Что удивительнаго въ томъ, что наши производители сельскохозяйственныхъ орудій стоятъ за покровительственныя на нихъ пошлины и стараются доказать ихъ, по крайней мѣрѣ, безвредность теперь, а въ будущемъ даже прямыя благія отъ нихъ послѣдствія, когда наши машины будутъ стоить не дороже иностранныхъ и не будутъ во много разъ хуже ихъ по качеству, какъ и то, и другое несомнѣнно есть теперь. Надо для этого, конечно, только ждать и подождать, пока подростутъ и разовьются дѣти, просящія у родителей: папа, дай пряника! Не дождемся-ли мы раньше только другого—что наше несовершенное по своимъ способамъ земледѣліе окончательно или въ значительной мѣрѣ потеряетъ заграничные рынки для сбыта своихъ произведеній, обезсилѣвъ въ борьбѣ со странами, пользующимися болѣе благопріятными естественными условіями производства и болѣе дешевыми и совершенными орудіями?

Но когда на защиту нашего ультра-протекціонизма выступаютъ лица, прямо незаинтересованныя въ непомѣрныхъ барышахъ, создаваемыхъ этимъ покровительствомъ, когда такими защитниками являются люди съ такою высокопочтенною научною репутаціей, какъ проф. Менделѣевъ, то, дѣйствительно, трудно не согласиться съ вышеприведенными словами г. Житкова, нельзя не пожалѣть, что маститый русскій химикъ затратилъ остатки своихъ дней на дѣло, чуждое его спеціальности. Его, конечно, трудно заподозрить въ какихъ-либо корыстныхъ или побочныхъ цѣляхъ,—достаточно его слышать и видѣть, чтобы не сомнѣваться, что это говоритъ человѣкъ глубоко убѣжденный, но увлекающійся своими идеями, вѣрящій въ ихъ непогрѣшимость такъ же твердо, какъ признана всѣми непогрѣшимою его безсмертная «система химическихъ элементовъ». Но могутъ-ли и вообще-то быть столь-же непогрѣшимыми положенія экономической науки и въ особенности практическія мѣры экономической политики, сколь незыблемы законы и научныя истины въ области явленій чисто физическихъ или химическихъ? Нельзя безусловно отвергать пользы и значенія протекціонизма, но надо только провѣрять его практическіе результаты. Нельзя, наконецъ, ждать послѣднихъ очень долго, потому что несправедливо приносить интересы нѣсколькихъ живущихъ поколѣній въ

жертву интересамъ грядущихъ поколѣній. А между тѣмъ, вѣдь въ этомъ-то и заключается, главнымъ образомъ, логическая убѣдительность теоріи протекціонизма. Вѣдь суть его заключается въ такой морали: «Ты, современный потребитель, жди, пока разовьется покровительствуемая въ твоемъ же отечествѣ промышленность. Взирай безропотно на то, что, пока она «образуется», покровительствуемые фабриканты и заводчики будутъ класть себѣ въ карманы на твой счетъ поразительные барыши. Надѣйся, что между этими счастливчиками разовьется соперничество, которое заставитъ ихъ со временемъ довольствоваться болѣе скромными прибылями», и т. д. въ такомъ же духѣ. Но между потребителями находятся и такіе, которые въ то же время суть и производители, только не пользующіеся благами покровительства. Таковыми у насъ являются земледѣльцы, по словамъ того же профессора, «нуждающіеся въ желѣзѣ больше, чѣмъ въ хлѣбѣ». Да еще, если не ошибаемся, фраза эта была выражена такъ: «нашему *мужику* желѣзо нужнѣе хлѣба».

Ну, а если оно ему такъ нужно, то, казалось бы, разъ, что онъ это желѣзо не самъ производитъ, а долженъ его покупать, то слѣдовало бы стараться объ его доступности, т.-е. большей дешевизнѣ, все равно, будетъ-ли оно свое или иностранное. Но такая простая логика оказывается недоступною проф. Менделѣеву, потому что онъ желаетъ, чтобы было непремѣнно *свое* желѣзо; его русскій патріотическій умъ не можетъ мириться съ тѣмъ, чтобы, какъ онъ выражается: «русская земля обрабатывалась—или русскій мужикъ работалъ чужеземными плугами или хотя бы сдѣланными изъ чужого желѣза». На эти слова послѣдовала на заключительномъ общемъ собраніи отповѣдь г. предсѣдателя съѣзда. Послѣдній, хотя и долженъ былъ чувствовать себя какъ бы не исполнившимъ своихъ служебныхъ обязанностей, допустивъ, что у него могла пройти столь непредвидѣнная резолюція, но онъ все-таки нашелся настолько, чтобы противоположить такъ выразившемуся патріотизму проф. Менделѣева ту же идею, но въ другой формѣ. Суть возраженій г. предсѣдателя сводилась (приблизительно) къ тому, что «русскій мужикъ любитъ свою землю и не легко ему покидать дѣло своихъ предковъ—земледѣліе, мѣняя его на фабричную работу и уступая свою родную землю,—въ которой покоится прахъ его родителей,—чужеземцамъ, приходящимъ обрабатывать ту же землю, но лучшими способами и орудіями, когда она перестаетъ прокармливать нашего крестьянина, бѣгущаго съ нея въ невѣдомую даль или на фабрики и заводы».

Коса нашла на камень, какъ видите, и патріотическіе доводы оказались орудіемъ обоюдоострымъ или палкой о двухъ концахъ. Да и вообще проф. Менделѣеву, не пренебрегавшему доводами ненаучнаго характера, не мало пришлось выслушать горькихъ упрековъ и возраженій. Такъ, напримѣръ, однажды онъ позволилъ себѣ потревожить память покойнаго императора, сказавъ, что имъ была одобрена наша

протекціонная система. На это послѣдовало вполнѣ справедливое возраженіе одного изъ противниковъ, что прибѣгать къ помощи столь высокихъ авторитетовъ не слѣдуетъ, ибо тогда всякій споръ дѣлается невозможнымъ.

Это упорство, съ какимъ почтенный профессоръ отстаиваетъ нашъ ультра-протекціонизмъ, мы старались объяснить себѣ, держась французской поговорки «tout comprendre—tout pardonner». И пониманіе наше, могущее служить хотя бы нѣкоторымъ оправданіемъ, сводится къ слѣдующему: какъ ни странно должно казаться, глядя на эту львиную голову профессора, убѣленную сѣдинами, но все-таки онъ живетъ будущимъ. Онъ твердо, повидимому, убѣжденъ, что сбудется его пророчество относительно нашего желѣза, что будетъ его у насъ много и стоить оно будетъ поэтому дешево, равно какъ будетъ у насъ современемъ много дешевыхъ сельскохозяйственныхъ и другихъ своихъ собственныхъ машинъ. Стоитъ лишь временно поддержать нашихъ добывателей желѣза, чугуна и машиностроителей; иначе же коварные иностранцы убьютъ обѣ эти отрасли промышленности временной дешевизной своихъ произведеній, а затѣмъ, сдѣлавшись какъ-бы монополистами на нашемъ рынкѣ, вернутъ себѣ сторицею эти временные убытки (или, вѣрнѣе, меньшую прибыль, которой они теперь находятъ возможнымъ довольствоваться, не въ примѣръ будь нашимъ заводчикамъ сказано). Профессоръ вѣритъ въ такое свое пророчество потому, что одно изъ его пророчествъ уже сбылось: онъ когда-то давно предсказывалъ, что въ нашихъ нѣдрахъ земли много нефти, а потому мы современемъ не только не будемъ покупать американскаго керосина, а еще свой вывозить станемъ. И въ этомъ онъ оказался правъ, но только... можно-ли проводить такую аналогію между желѣзомъ и нефтью? Вѣдь послѣднюю надо было только отыскать, для чего не понадобилось далеко и глубоко ходить, а стоило лишь открыть фонтаны, которые забили вверхъ такъ сильно, что стали даже заливать окрестности, при чемъ нефть начала массами пропадать даже даромъ.

Едва-ли тутъ дѣлу помогли покровительственныя пошлины, которыя не играли въ этомъ никакой роли и, конечно, не играютъ и теперь, разъ что мы этотъ продуктъ уже вывозимъ. На защиту нашихъ керосиновыхъ заводчиковъ—и ужъ, конечно, не потребителей—явились другія средства—для внутренняго употребленія—въ видѣ синдикатовъ, вообще успѣшно конкуррирующихъ съ пошлинами въ дѣлѣ обдиранія потребителей. Но вѣдь не будетъ же почтенный профессоръ доказывать, что при помощи улучшенной техники мы пробуравимъ такія скважины, что изъ раскаленнаго центра земли (если только таковой существуетъ) польются фонтаны расплавленнаго чугуна? А разъ, что на это нельзя надѣяться, то дѣло добычи чугуна и выдѣлки изъ него желѣза и стали всегда будетъ представлять собою медленную и тяжелую работу для рабочихъ и легкую и крупную наживу для заводчиковъ,

пока будутъ сохраняться для нихъ высокія пошлины, оплачиваемыя потребителями.

Не спасла этихъ пошлинъ—по крайней мѣрѣ, по мнѣнію большинства членовъ съѣзда—и замѣчательная манера говорить проф. Менделѣева. Онъ не обладаетъ краснорѣчіемъ, но заслуживаетъ названія оратора силою производимаго имъ впечатлѣнія, хотя и не переходящаго въ убѣжденіе слушателей. Особенно сильное впечатлѣніе рѣчь его производитъ на лицъ, впервые слушающихъ его. Въ одномъ изъ нумеровъ «Нижегородскаго Листка» (№ 225, отъ 16 авг.) была произведена оцѣнка лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ сраженіи, и она ставитъ проф. Менделѣева выше всѣхъ прочихъ ораторовъ. Не трудно, впрочемъ, было выдѣляться на общемъ фонѣ прочихъ рѣчей, такъ какъ мы, русскіе, или не умѣемъ хорошо говорить, или пренебрегаемъ отдѣлкою нашихъ рѣчей. И на съѣздѣ дѣйствительно не было выдающихся ораторовъ, если не считать П. Н. Исакова—образцоваго предсѣдателя (IV секціи) и дѣйствительно оратора, которому, однако, не приходилось развернуться въ этомъ послѣднемъ отношеніи, по своему положенію предсѣдателя. Что же касается до прочихъ и въ частности противниковъ проф. Менделѣева, то они, конечно, не могли одержать надъ нимъ побѣды, благодаря искусству ихъ рѣчей, отчего, однако, значеніе ихъ побѣды только увеличивается.

Вотъ какъ, напримѣръ, характеризуетъ одного изъ главныхъ противниковъ названная газета: «Профессоръ Ходскій—русскій ораторъ. Это значитъ, что построеніе его рѣчи рѣзко противорѣчитъ всякому синтаксису и вообще грамматикѣ. Въ одномъ предложеніи у него фигурируетъ дюжина подлежащихъ и сказуемыхъ, которыя спорятъ между собою и разбѣгаются во всѣ стороны, нарушая всякія правила о согласованіи. Союзы употребляются г. Ходскимъ въ изобиліи: онъ пересыпаетъ ими свою рѣчь и такъ увлекается ими, что пускаетъ ихъ въ ходъ ежесекундно», и т. д. И, тѣмъ не менѣе, онъ явился побѣдителемъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ побѣдѣ интересовъ всего нашего земледѣлія надъ интересами небольшой группы фабрикантовъ и заводчиковъ. Проф. Ходскому принадлежитъ формулировка тезисовъ, противопоставленныхъ тезисамъ, предложеннымъ проф. Менделѣевымъ (которые, тѣ и другіе, нами далѣе приводятся), и вообще имъ же выставлены были многіе изъ наиболѣе убѣдительныхъ доводовъ противниковъ пошлинъ. Онъ много содѣйствовалъ расширенію вопроса на почвѣ критики общихъ началъ нашей покровительственной политики и въ частности ея гордыни и опоры—тарифа 1891 г. Многіе находили, правда, что обсужденіе этого общаго вопроса было недостаточно серьезно и всесторонне, что съѣзду не слѣдовало уклоняться отъ прямо предложеннаго вопроса. Но мы этого упрека не раздѣляемъ, потому что, конечно, слѣдуетъ, во-первыхъ, пользоваться такимъ рѣдкимъ у насъ случаемъ для

высказыванія и общихъ соображеній, а не только частныхъ, а, вопторыхъ, безъ общихъ принциповъ и соображеній нельзя правильно разрѣшать входящіе въ составъ ихъ частные вопросы. Такъ дѣлалъ и проф. Ходскій. Онъ приводилъ много цифръ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ дѣлу, указалъ на черезчуръ медленное развитіе нашего машиностроенія вообще и сельскохозяйственнаго въ частности; указалъ на неправильность яко бы статистическаго пріема своихъ противниковъ, утѣшавшихъ сельскихъ хозяевъ отвлеченными выкладками и разсчетами, долженствовавшими доказать нечувствительность тяжести разсматриваемыхъ пошлинъ, если ихъ раздѣлить на стоимость одного пуда хлѣба. Несостоятельность этого пріема, конечно, явствуетъ сама собой изъ того, что вообще, если дѣлить какую бы то ни было крупную сумму на сотни милліоновъ—все равно—людей-ли, десятинъ или пудовъ, то въ результатѣ всегда окажется ничтожная дробь, но которая опять складывается въ нѣкоторыя и иногда крупныя цѣлыя, когда совокупность этихъ дробей падаетъ на одного хозяина.

Вообще, еслибы мы захотѣли приводить всѣ доводы противниковъ этихъ пошлинъ, то должны были бы наполнить нѣсколько печатныхъ листовъ, и потому полагаемъ, что интересующіеся этими частностями дебатовъ сдѣлаютъ лучше всего, обратившись къ подлиннымъ трудамъ съѣзда, которые, какъ слышно, скоро выйдутъ изъ печати и дадутъ гораздо болѣе полную картину всего тамъ происходившаго. Мы ограничиваемся общей характеристикой, бытовой и общественной стороной этого дѣла, и въ дополненіе ко всему сказанному не можемъ не прибавить еще слѣдующей картинки:

Въ числѣ самыхъ ярыхъ защитниковъ интересовъ земледѣлія явился оффиціальный представитель соотвѣтственнаго министерства, другой г. Тимирязевъ (Дм. Арк.). Въ день генеральнаго сраженія, когда, повидимому, всѣ дебаты уже окончились и видимо у каждаго изъ членовъ сложилось убѣжденіе въ пользу того или другого рѣшенія, Д. А. Тимирязевъ попросилъ себѣ слова, которое и было ему дано, видимо, весьма неохотно, г. предсѣдателемъ. Тутъ многимъ показалось, что происходитъ борьба двухъ вѣдомствъ—одного, покровительствующаго обрабатывающей промышленности, а другого—земледѣлію. Но это впечатлѣніе едва-ли могло быть правильнымъ. Ни характеръ доводовъ, ни самая манера говорить не давали повода заподозрить въ г. Тимирязевѣ оффиціальнаго представителя министерства земледѣлія, хотя онъ самъ себя такъ и отрекомендовалъ. Это было рѣчью страстнаго и убѣжденнаго противника, который искренне и горько плакалъ о пренебреженіи интересами земледѣлія и въ частности съ особенною силою обрушился на составителей извѣстнаго тарифа 1891 г. Указывая на то, что при составленіи его не были приняты во вниманіе интересы земледѣлія, отъ котораго не было даже достаточнаго числа представителей, онъ назвалъ составителей тарифа «художниками, изъ коихъ

главный, впрочемъ, уже умеръ», очевидно, намекая на бывшаго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго.

Въ результатѣ предварительныхъ преній во II-й секціи съѣзда каждая изъ противныхъ партій предложила свои тезисы, которые и были подвергнуты баллотированію. Проф. Менделѣевъ формулировалъ свои положенія слѣдующимъ образомъ: 1) Принимая во вниманіе, что а) въ послѣднее время, не смотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства, наше сельскохозяйственное машиностроеніе продолжаетъ несомнѣнно развиваться и были уже случаи вывоза нашихъ земледѣльческихъ орудій за границу; б) что отъ установленія таможеннаго тарифа 1891 г. можно ожидать существенной пользы лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго его примѣненія; в) что угнетенное положеніе сельскаго хозяйства зависитъ отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, а не отъ таможеннаго тарифа—необходимо ходатайствовать о сохраненіи въ существующемъ размѣрѣ пошлинъ на иностранныя земледѣльческія машины и орудія. 2) Принимая во вниманіе, что низкія цѣны на хлѣбъ не позволяютъ сельскимъ хозяевамъ затрачивать значительныя средства на пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій и машинъ, которыя, однако, могутъ содѣйствовать уменьшенію издержекъ по производству хлѣба—необходимо ходатайствовать объ оказаніи широкаго кредита на покупку этихъ машинъ. 3) Принимая во вниманіе, что хлѣбъ нашъ вывозится за границу преимущественно на иностранныхъ судахъ—необходимо принятіе мѣръ къ развитію нашего судостроенія и вообще къ улучшенію нашихъ внутреннихъ средствъ сообщенія, подъѣздныхъ дорогъ, и т. п.

Резолюція же, предложенная проф. Ходскимъ и вообще противниками пошлинъ, сводилась къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Правительственныя мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ, таможенная политика и торговые договоры съ Германіей оказали весьма неравномѣрное вліяніе на различныя отрасли нашей промышленности. 2) Какъ дѣйствительное положеніе дѣла, такъ и настоящая выставка показываютъ, что мѣры эти должны быть признаны неблагопріятными для сельскаго хозяйства. 3) Пошлины на земледѣльческія машины и орудія, на чугунъ, желѣзо и сталь составили важный тормазъ къ развитію сельскаго хозяйства. 4) Въ виду этого необходимо значительное пониженіе или полное сложеніе пошлинъ на ввозимыя изъ-за границы земледѣльческія машины и матерьалы, изъ которыхъ онѣ изготовляются. При баллотированіи этихъ тезисовъ выяснилось, что сторонники отмѣны пошлинъ охотно принимаютъ тѣ изъ тезисовъ проф. Менделѣева, въ которыхъ говорится о необходимости кредита для покупки машинъ и о мѣрахъ къ улучшенію нашихъ путей и средствъ сообщенія.

Проф. Менделѣевъ пытался было этому воспротивиться, настаивая на неотдѣлимости этихъ положеній отъ всей системы его тезисовъ; но, разумѣется, онъ не могъ помѣшать тому, чтобы эти пункты были при-

няты противниками. Такъ, по крайней мѣрѣ, выяснилъ это и предсѣдатель общаго собранія, поставивъ на баллотированіе лишь несомнѣнно спорные и прямо противорѣчащіе другъ другу пункты. На засѣданіи II-й секціи результаты баллотировки оказались слѣдующіе: 44 голоса, съ предсѣдателемъ В. И. Тимирязевымъ во главѣ, были поданы за резолюцію въ пользу сохраненія пошлинъ и 51 за резолюцію объ отмѣнѣ пошлинъ, какъ на земледѣльческія орудія, такъ и на матерьялы для нихъ—чугунъ, желѣзо и сталь. И это не смотря на то, что баллотировка была произведена, по настоянію предсѣдателя, открытая и поименная, которая могла, пожалуй, оказать нѣкоторыя давленія на лицъ, боявшихся выступить открыто противъ общаго направленія нашей таможенной политики. Въ виду такого исхода баллотировки, окончательное рѣшеніе было перенесено въ общее собраніе (всѣхъ секцій съѣзда), на которомъ результаты получились дѣйствительно гораздо болѣе опредѣленные: изъ 203 поданныхъ голосовъ 140 высказалось за мнѣніе большинства и только 63 за меньшинство. Такое рѣшеніе, покрытое громомъ аплодисментовъ, обнаружило, что сторонники пошлинъ привлекли на свою сторону лишь 19 новыхъ голосовъ, а ихъ противники 89.

Этотъ неожиданный аффронтъ защитниковъ и представителей нашей фабрично-заводской промышленности вызвалъ съ ихъ стороны попытку спасать корабли, погибавшіе, можетъ быть, вслѣдствіе безучастнаго ихъ же отношенія къ съѣзду. Началось дѣло съ того, что одинъ изъ извѣстныхъ ходатаевъ по дѣламъ промышленности сталъ обращаться къ членамъ съѣзда съ какимъ-то листомъ, долженствовавшимъ выразить протестъ членовъ противъ ими же постановленнаго рѣшенія или нѣчто въ родѣ покаянія въ содѣянномъ грѣхѣ. Разумѣется, затѣя эта не могла возъимѣть успѣха и листъ этотъ былъ, кажется, уничтоженъ. Тогда то самое русское родовитое купечество, которое такъ пышно воспѣто было незадолго до открытія съѣзда въ газетѣ «Волгарь» [1]), въ качествѣ новѣйшаго оплота и сильнѣйшей опоры современнаго государства (!), которое «все можетъ»,—не нашло ничего лучшаго, какъ обратиться съ жалобою на это рѣшеніе съѣзда къ г. министру финансовъ, пріѣхавшему въ Нижній-Новгородъ наканунѣ закрытія съѣзда по дѣламъ, до съѣзда нисколько не касавшимся. (Дѣло заключалось въ обѣденномъ чествованіи, устроенномъ ярмарочнымъ

[1]) Эта статья газеты «Волгарь» (въ № отъ 6 іюля 1896 г.) стоила бы того, чтобы на ней особо остановиться, какъ на образцѣ безпримѣрнаго еще въ лѣтописяхъ нашей исторіи самовосхваленія. Но мы боимся отклониться отъ нашего повѣствованія о съѣздѣ и потому только рекомендуемъ статью эту вниманію читателей во всей ея подлинной красотѣ слога и смысла. Чего тутъ только нѣтъ: и ученыхъ-то поставляетъ намъ наше купечество, и военныхъ и гражданскихъ высшихъ дѣятелей; и «самобытный русскій духъ» сохранило оно наиболѣе въ своей средѣ, и «національныя чувства нигдѣ не проявляются съ такою силою, увѣренностью и широтою, какъ въ этомъ сословіи». «Оно единственно сильное въ наше время своею зажиточностью. Оно все можетъ» и т. д.

или биржевымъ комитетомъ г. министру финансовъ, въ связи, если не ошибаемся, съ разрѣшеніемъ имъ учета 12 мѣсячныхъ векселей, ибо наше всемогущее купечество оказалось не въ силахъ обходиться болѣе краткосрочными векселями).

Жалоба эта выражена была предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета С. Т. Морозовымъ въ слѣдующихъ словахъ (цитируемъ по газетѣ «Нижегородскій Листокъ» № отъ 17 авг.):

«Болѣе шести лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ лучшихъ министровъ не только Россіи, но и всего міра, въ этомъ самомъ залѣ оповѣстилъ всероссійское купечество о Монаршей милости, выразившейся въ общемъ увеличеніи пошлинъ на 20%. Это было славное царствованіе незабвеннаго Монарха Александра III. Съ того времени сошло со сцены много лицъ, сошелъ и И. А. Вышнеградскій, нашедшій себѣ достойнаго преемника въ С. Ю. Витте. За весь періодъ управленія финансами обоими министрами мы видѣли рядъ мѣръ, употребляемыхъ для укрѣпленія и роста отечественной промышленности. Нижегородская выставка служитъ разительнымъ доказательствомъ», и т. д. «И вотъ теперь, когда передъ лицомъ всей Европы мы имѣемъ это свидѣтельство нашего роста, мы встрѣчаемся съ постановленіемъ сначала одного отдѣла, а затѣмъ и общаго собранія съѣзда, протестующаго противъ этихъ мѣръ. Не стану говорить о томъ, что съѣздъ не имѣетъ особаго (?) кредита, такъ какъ для этого нуженъ особый составъ его. Мы, промышленники, привыкли долго думать, прежде чѣмъ рискнемъ кому-нибудь оказать кредитъ. Будемъ-же твердо вѣрить, что въ лицѣ С. Ю. Витте, неизмѣнно при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, мы будемъ имѣть такого же поборника русской промышленности, какимъ его видѣли до сихъ поръ. Пью за здоровье С. Ю. Витте!»

Въ отвѣтъ на эту рѣчь г. министръ финансовъ произнесъ слѣдующее успокоеніе (цитируемъ по той же газетѣ):

«Считаю долгомъ прежде всего заявить, что мнѣ пока неизвѣстно, что говорилось на съѣздѣ. Но изъ газетъ,—а я вѣдь какъ простой гражданинъ, подобно всѣмъ, слѣжу за газетами,—отчасти могу судить о чемъ шла рѣчь... Для меня особенно интересны частные спеціальные вопросы, т.-е. отвѣтъ на то, какимъ *способомъ* достигнуть намѣченныхъ правительствомъ цѣлей; менѣе интересны вопросы о томъ, какимъ *путемъ* должно идти къ этимъ цѣлямъ. Какое же бы это было правительство, если за указаніемъ этихъ путей оно бы шло къ съѣзду? Всѣ отвѣты, практическіе особенно цѣнны; если же я, или правительство, хотѣли бы совѣтоваться по вопросамъ общественнымъ, мы бы обратились, разумѣется, не къ съѣзду, а къ другимъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ. Въ этомъ отношеніи выводы съѣзда имѣли для меня,—не скажу никакой—но крайне ничтожную цѣну. Для меня лично и для правительства будетъ интересно однако, что по этимъ вопросамъ сказано на съѣздѣ и кто сказалъ, это очень существенно, такъ какъ на съѣздѣ было не мало образованныхъ и интеллигентныхъ лицъ; а тысяча-ли человѣкъ сказали это, или десять—для меня безразлично, такъ какъ десять человѣкъ могутъ сказать умное, а тысяча—неразумное. Первое будетъ принято, а второе—нѣтъ. Вотъ какое мое отношеніе къ съѣзду».

Это отношеніе къ съѣзду,—самимъ г. министромъ созванному,—вообще; оно само по себѣ достаточно сурово и отрицательно. Но приговоръ его по отношенію къ вызвавшей жалобу резолюціи оказался еще болѣе строгимъ; вотъ онъ:

«Повидимому, изъ числа разсмотрѣнныхъ вопросовъ наиболѣе волнуетъ старый, цѣлое поколѣніе пережившій, волновавшій общество не только въ Европѣ, но даже въ заатлантическихъ странахъ—вѣчный вопросъ о протекціонизмѣ. Тысячи чело-

вѣкъ работали надъ этимъ вопросомъ и, если бы намъ нужно было совѣтоваться по этому вопросу, мы обратились бы къ тѣмъ печатнымъ источникамъ, которые имѣются, а не къ съѣзду. По этому общественному вопросу мнѣніе съѣзда имѣетъ мало значенія, но все-таки нѣкоторое значеніе имѣетъ. Само собой понятно, что стоимость продукта, а особенно для такого потребителя, коимъ является нашъ земледѣлецъ, дешево продающій свой товаръ, вопросъ существенный. Нужно сочувствовать, если онъ заботится о своихъ нуждахъ и указываетъ на средства имъ помочь. Въ этомъ отношеніи ихъ стремленія законны и вполнѣ правильны и что касается меня, то со своей стороны я и признаю ихъ вполнѣ заслуживающими вниманія. Иное дѣло, когда вопросъ касается путей, которыми можно ихъ достигнуть; первый путь къ этому есть ослабленіе пошлинъ; второй—я говорю не о теоріи, ибо теоріей я никода не занимался и не имѣю на то претензіи—есть система покровительства. Но если бы по вопросу о томъ, какими путями при посредствѣ покровительства достигнуть удешевленія продуктовъ, то хотя бы съѣздъ разсуждалъ цѣлый годъ, и тогда онъ не сказалъ бы ничего такого интереснаго, чего бы я не нашелъ у себя дома въ своей библіотекѣ. Но есть вещи недавняго происхожденія, о которыхъ ничего нѣтъ въ книгахъ; такъ, напримѣръ, когда говорятъ, что при свободномъ доступѣ иностраннаго товара—продуктъ дешевѣетъ, упускаютъ изъ вида, что за этотъ дешевый продуктъ платитъ Россія, а получаетъ заграница. И такимъ образомъ устанавливается постоянно дѣйствующій насосъ, откачивающій капиталъ изъ Россіи заграницу. Затѣмъ упускаютъ изъ виду, что не мы одни держимся протекціонизма, но и всѣ иностранныя державы, за исключеніемъ Англіи, покровительствуютъ своему производству. Такъ, напримѣръ, наши сосѣди взыскиваютъ за нашу рожь пошлину въ размѣрѣ стоимости продукта,—и вотъ въ работахъ съѣзда, я не знаю, упоминалось-ли о томъ, должны-ли быть пошлины сложены даромъ, или этимъ путемъ хотятъ убѣдить Германію уничтожить пошлину на нашъ хлѣбъ. Если это такъ, то и я пошелъ бы навстрѣчу этому желанію, но пока они, извините за выраженіе, деруть съ насъ шкуру за нашъ продуктъ, о сложеніи пошлинъ нельзя думать. Еслибы я не зналъ, что на съѣздѣ разсуждали люди со своей точки зрѣнія, то можно было-бы заподозрить, что это говорятъ не русскіе люди, а присланные изъ заграницы. Я отъ души сочувствовалъ бы, еслибы всѣ народы сказали: зачѣмъ мы душимъ другъ друга. О, тогда я первый, а за мной и вся Россія, — пошли бы на сложеніе пошлинъ, но только въ томъ случаѣ, еслибы они были сложены повсюду заграницей. Съ этой точки зрѣнія я привѣтствовалъ-бы работы съѣзда и пожелалъ бы имъ успѣха».

Послѣ этой рѣчи г. министра становится яснымъ, что разсчитывать на сложеніе пошлинъ, или хотя бы на ихъ пониженіе разсчитывать не приходится, иначе какъ еслибы намъ удалось выторговать у иностранцевъ соотвѣтственное пониженіе пошлинъ на нашъ хлѣбъ. Трудно, конечно, представить себѣ, чтобы эти «дерущіе съ насъ шкуру» сосѣди, въ интересахъ одной группы своихъ производителей—фабрикантовъ сельскохозяйственныхъ машинъ, — пожертвовали интересами сравнительно гораздо большей группы—своихъ земледѣльцевъ. Послѣднихъ у нихъ, конечно, не столь много, какъ у насъ, ни въ абсолютномъ количествѣ, ни въ процентномъ отношеніи ко всему населенію. Пользуясь словами и мыслями г. министра финансовъ, однако, едва-ли не правильнѣе было бы назвать не нѣмцами тѣхъ, которые тамъ, въ Германіи, стоятъ за высокія пошлины на чужой хлѣбъ, потому что онъ тамъ, какъ и вездѣ, нуженъ для всего населенія, равно какъ и у насъ правильнѣе называть не русскими ту небольшую группу фабрикантовъ и заводчиковъ, кото-

рые одни извлекаютъ пользу или барышъ изъ высокаго обложенія иностранныхъ машинъ и матерьяла для нихъ. Но намъ трудно понять, почему могутъ производить впечатлѣніе не русскихъ людей тѣ, которые на съѣздѣ явились представителями интересовъ 90% нашего населенія—ибо таково отношеніе нашего сельскаго населенія къ городскому—противъ представителей хотя бы всѣхъ 120 съ чѣмъ-то тысячъ *всевозможныхъ* нашихъ фабрикъ и заводовъ, занимающихъ менѣе $1^1/_2$ милліона рабочихъ, т.-е. около 1% всего нашего населенія. Конечно, все это можетъ находить себѣ объясненіе только съ точки зрѣнія не реальнаго настоящаго, а болѣе или менѣе вѣроятнаго и болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, вѣра въ наступленіе котораго, пожалуй, болѣе относится къ теоріи, чѣмъ къ практикѣ... Что же касается до насоса, откачивающаго наши капиталы (вѣрнѣе, деньги) за границу, то на этотъ счетъ статистика убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы за свои сырыя произведенія получаемъ отъ иностранцевъ гораздо болѣе, чѣмъ платимъ имъ за ихъ продукты мануфактурные. И потому *естественный* торговый балансъ всегда склонялся бы въ нашу пользу, еслибы онъ не парализовался уплачиваемыми нами за границу процентами, въ силу нашей внѣшней задолженности. А тутъ ужъ сами по себѣ земледѣліе или протекціонизмъ не при чемъ.

Въ заключеніе, по этому вопросу можемъ подѣлиться сообщеніемъ полученнаго нами свѣдѣнія о результатахъ второго рода обжалованія рѣшенія съѣзда—это о заявленномъ г. С. Морозовымъ предстоявшемъ обсужденіи разсмотрѣнной резолюціи съѣзда въ особомъ собраніи ярмарочныхъ уполномоченныхъ. Собраніе это состоялось 26 августа, но предсѣдатель (тотъ же г. С. Морозовъ) въ засѣданіе не явился и прислалъ сказать, что вопросъ этотъ онъ снимаетъ съ очереди, какъ *не спѣшный*. Вѣроятно, къ этому убѣжденію въ неспѣшности вопроса присоединилась увѣренность, что предполагавшаяся опасность болѣе не угрожаетъ, а потому и не стоитъ даже долго думать или что-либо говорить по сему поводу.

Для лицъ, участвовавшихъ въ работахъ съѣзда по этому вопросу, осталось одно утѣшеніе—что они сдѣлали все, что могли, обмѣнявшись мыслями, подготовивъ доклады, и т. п. Слѣды этого нѣкоторые все таки останутся, хотя бы въ печатныхъ трудахъ съѣзда, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго къ нимъ отношенія свыше. Но еще хуже было положеніе тѣхъ, чьи приготовленные и даже отпечатанные доклады вовсе не были допущены ни къ прочтенію, ни къ обсужденію. А такъ случилось со всѣми докладами, непосредственно относившимися къ рабочему вопросу, напримѣръ, о воскресномъ отдыхѣ, о сокращеніи сроковъ работъ и т. п. Снятіе такихъ докладовъ было полнымъ сюрпризомъ не только для ихъ авторовъ, но и для всѣхъ членовъ, изъ коихъ многіе, можетъ быть, главнымъ образомъ для нихъ-то и пріѣзжали на съѣздъ. Ходило по этому поводу объясненіе, что это произошло вслѣд-

ствіе бывшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ недоразумѣній на нѣкоторыхъ петербургскихъ фабрикахъ. Но о нихъ въ этихъ докладахъ ничего не говорилось.

Неизвѣстными также остались причины, почему предсѣдатель V секціи съѣзда (техническое образованіе),въ разгарѣ занятій, вдругъ закрылъ засѣданія секціи и возобновилъ ихъ предъ самымъ закрытіемъ съѣзда только для прочтенія постановленныхъ уже резолюцій. Правда, на засѣданіи этой секціи былъ одинъ, какъ говорится, инцидентъ, заключавшійся въ слѣдующемъ: при обсужденіи вопроса о народныхъ чтеніяхъ попросилъ слова одинъ членъ съѣзда—крестьянинъ Минаевъ, вообще очень дѣльный человѣкъ, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ занятіяхъ IV секціи (по вопросамъ потребительныхъ обществъ), гдѣ онъ даже выбирался въ члены особыхъ коммиссій. Должно быть, чисто внѣшній видъ его одежды смутилъ г. предсѣдателя, или же выраженіе «батюшки» вмѣсто священники, какъ сказалъ было г. Минаевъ, по-своему думая, что это деликатнѣе,— но на этомъ же чуть не первомъ словѣ онъ былъ остановленъ г. предсѣдателемъ и лишенъ слова. Ораторъ изъ крестьянъ скромно подчинился своей участи, вѣроятно, очень удивившись, почему его слушаютъ въ одной секціи, а въ другой этого нельзя? Но нѣкоторые изъ присутствовавшихъ лицъ вступились за него и кто-то даже сказалъ, что при такихъ стѣсненіяхъ нельзя продолжать вести дѣло и остается только уйти. (Стѣсненія же свободы преній были въ этомъ отдѣленіи и вообще раньше, такъ что это даже послужило темой для юмористическаго фельетона въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, гдѣ въ видѣ страшнаго сна описывалось засѣданіе этого отдѣла съѣзда, на которомъ сидятъ манекены, только кивающіе головой, и т. д.). Г. предсѣдатель слова г. Минаеву не только не предоставилъ, но и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прикончить эту, вѣроятно, надоѣвшую ему, болтовню. Да и предсѣдатель этотъ былъ болѣе или менѣе случайный, потому что онъ явился лишь на замѣну неожиданно отказавшагося ранѣе назначеннаго—проф. Зернова.

Это былъ, конечно, самый печальный инцидентъ съѣзда, тѣмъ болѣе удивительный, что, приблизительно, по тѣмъ же самымъ вопросамъ, которые обсуждались въ V-й секціи, въ прошлую зиму въ Москвѣ былъ спеціальный съѣздъ, состоявшій изъ 14 секцій, гдѣ вопросы были допускаемы къ постановкѣ и обсужденію въ гораздо болѣе широкой и свободной формѣ, не смотря на гораздо болѣе пестрый и молодой составъ членовъ.

Но нельзя умолчать и о нѣкоторыхъ другихъ тоже довольно непріятныхъ инцидентахъ, омрачившихъ бодрое и работящее настроеніе членовъ съѣзда.

Такъ, что-то странное и непонятное произошло съ резолюціей по вопросу о страхованіи рабочихъ и отвѣтственности предпринимателей.

Обсужденіе этого вопроса происходило 10 августа въ соединенной секціи I и III, гдѣ предсѣдательствовалъ все время самъ г. предсѣдатель съѣзда. Самое засѣданіе прошло очень гладко, и результаты должны были получиться самые благопріятные, такъ что объ этомъ вопросѣ стоитъ тоже сказать нѣсколько словъ.

Дѣло началось съ доклада присяжнаго повѣреннаго П. П. Соколова, выступившаго защитникомъ проекта петербургскихъ фабрикантовъ о взаимномъ ихъ страхованіи отъ отвѣтственности за несчастные случаи съ рабочими. По выслушаніи этого доклада оказалось совершенно достаточнымъ краткой, но весьма убѣдительной рѣчи проф. Яроцкаго и нѣсколькихъ небольшихъ къ ней дополненій другихъ членовъ, чтобы вполнѣ выяснить, что затѣя эта не можетъ встрѣтить ни малѣйшей поддержки въ средѣ членовъ съѣзда. Проф. Яроцкій вполнѣ основательно указалъ на то, что такое учрежденіе не только не улучшитъ обезпеченія рабочихъ—жертвъ несчастныхъ случаевъ, но даже ухудшитъ ихъ современныя условія вознагражденія. И это потому, что тутъ проектируется страхованіе только такихъ случаевъ, за которые гг. предприниматели должны отвѣчать по дѣйствующимъ общимъ гражданскимъ законамъ. Законы же эти давно признаны недостаточно благопріятными для рабочихъ по многимъ причинамъ (особо выясненнымъ затѣмъ въ собственномъ докладѣ проф. Яроцкаго). Если же бы возникло такое фабрикантское взаимное страховое общество, то даже рѣже были бы случаи добровольнаго вознагражденія пострадавшихъ рабочихъ, такъ какъ послѣдніе тогда имѣли бы дѣло не съ отдѣльными фабрикантами, нерѣдко боящимися судебныхъ дѣлъ или попросту болѣе гуманными, а съ бездушнымъ учрежденіемъ, ведущимъ всѣ дѣла черезъ свое правленіе и своего адвоката. Это было признано главнымъ недостаткомъ, а затѣмъ были указаны и другіе, послѣ выясненія которыхъ ни одинъ голосъ не раздался для поддержанія этого несимпатичнаго проекта.

Послѣ этого сдѣлано было нѣсколько докладовъ, выяснявшихъ несомнѣнныя преимущества всеобщаго и обязательнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, въ сравненіи со страхованіемъ ихъ въ частныхъ коммерческихъ обществахъ. Къ докладамъ этимъ стали дѣлаться, во-первыхъ, устныя добавленія, расширявшія вопросъ включеніемъ въ него страхованія старческихъ пенсій, на случай временныхъ болѣзней [1]) и распространеніемъ страхованія не только на фабричныхъ рабочихъ, но и на занятыхъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ. Все

[1]) Этому вопросу—о страхованіи временныхъ болѣзней былъ посвященъ въ другомъ засѣданіи очень обстоятельный докладъ г. Дементьева, который не только доказалъ необходимость такого страхованія, но и сдѣлалъ довольно удачную попытку—указать путь къ немедленному его осуществленію. Въ виду того, что этотъ видъ страхованія есть дѣло менѣе сложное, чѣмъ другіе его виды, собраніе могло высказаться гораздо опредѣленнѣе по этому вопросу и потому состоялось постанов-

это былъ чрезвычайно симпатично по своей мысли, но нѣсколько страдало недостаточнымъ выясненіемъ плана или организаціи такого страхованія. Наконецъ, на каѳедрѣ стали появляться представители отдѣльныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, ограничивавшіеся лишь краткимъ заявленіемъ, что они признаютъ обязательное страхованіе наилучшей формой обезпеченія рабочихъ. Нѣкоторые изъ ораторовъ, кромѣ того, заявили, что они считаютъ обязательное страхованіе мѣрой лучшей, чѣмъ усиленіе отвѣтственности предпринимателей, потому что первое обнимаетъ собою всѣ несчастные случаи въ работѣ вообще, а второе только нѣкоторые, именно происходящіе не по винѣ пострадавшихъ.

Среди краткихъ, но серьезныхъ, подкрѣпляемыхъ фактическими данными, докладовъ выдѣлялся своимъ внѣшнимъ блескомъ одинъ оригинальный докладъ. Ораторъ въ своей рѣчи, чрезвычайно длинной, произнесенной съ жестами, не говорилъ, а скорѣе пѣлъ гимнъ страхованію, ссылаясь на единственный для него источникъ—книгу Беллами—«Будущій вѣкъ». Рѣчь эта вызывала болѣе улыбки, но такъ какъ и она соотвѣтствовала встрѣтившей общую симпатію идеѣ, то и этому оратору тоже похлопали.

Въ концѣ засѣданія произнесъ свой докладъ, или, вѣрнѣе, извлеченіе изъ него, проф. Яроцкій (авторъ обширнаго изслѣдованія: «Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей»). Профессоръ взялъ на себя неблагодарный для внѣшняго эффекта трудъ перевести вопросъ изъ сферы широкихъ и симпатичныхъ пожеланій на почву болѣе узкую, но практическую, т.-е. выступилъ защитникомъ усиленія отвѣтственности предпринимателей, что, по его мнѣнію, возможно осуществить скоро и легко, такъ какъ въ государственномъ совѣтѣ уже три года ждетъ своего окончательнаго рѣшенія готовый проектъ такого закона, внесенный туда нынѣшнимъ министромъ финансовъ. Прежде чѣмъ изложить основанія этого законопроекта, проф. Яроцкій высказалъ свою искреннѣйшую радость, видя, что идея, надъ которой онъ такъ много и долго работалъ, нашла себѣ столь единодушно сочувственный пріемъ среди членовъ съѣзда. Поэтому онъ горячо поддерживалъ постановленіе ходатайства о необходимости введенія у насъ обязательнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Но именно потому, что онъ больше другихъ работалъ надъ этимъ вопросомъ, для него яснѣе трудности, съ которыми встрѣчается осуществленіе этого дѣла въ практической жизни. «Если на выработку законопроекта объ отвѣтственности въ 13 статей,—говорилъ онъ,—понадобились 13 лѣтъ, то сколько уйдетъ времени на составленіе проектовъ трехъ видовъ обязательнаго страхованія, изъ коихъ каждый долженъ заключать около

леніе о необходимости немедленнаго осуществленія этого страхованія на общихъ началахъ, указанныхъ г. Дементьевымъ. Въ такомъ же смыслѣ состоялось постановленіе IV-й секціи по докладу г. Тиграпова.

полутораста статей?» Въ виду этого, вполнѣ признавая, что обязательное страхованіе есть наилучшая форма обезпеченія рабочихъ, онъ въ то же время убѣждалъ ходатайствовать теперь же, кромѣ того, и о томъ, чтобы былъ какъ можно скорѣе изданъ готовый уже законопроектъ объ отвѣтственности, съ главными основаніями котораго докладчикъ познакомилъ членовъ въ своей рѣчи, равно какъ и въ частностяхъ въ своемъ печатномъ докладѣ. «Здѣсь, на съѣздѣ,—приблизительно такъ продолжалъ профессоръ,—мы должны стараться достигнуть и практическихъ результатовъ, а не ограничиваться общими мыслями и пожеланіями, и потому-то мы и не должны изъ-за погони за несомнѣнно лучшимъ (обязательнымъ страхованіемъ) пренебрегать тѣмъ возможнымъ для немедленнаго осуществленія хорошимъ, чѣмъ является усиленіе отвѣтственности предпринимателей. Эта мѣра, во всякомъ случаѣ, значительно улучшитъ положеніе жертвъ несчастныхъ случаевъ и создастъ почву для развитія добровольнаго частнаго или взаимнаго страхованія на болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ теперь, до тѣхъ поръ, пока будетъ, наконецъ, и у насъ введено страхованіе всеобщее и обязательное».

Горячая и убѣдительная рѣчь эта тоже была принята собраніемъ очень сочувственно, и предложеніе профессора было поддержано другими лицами; но противъ этого были сдѣланы и возраженія со стороны двухъ лицъ, гг. Бѣлова и Е. Рагозина. (Если не ошибаемся, сами они не фабриканты, но ихъ уполномоченные, кажется, въ конторѣ желѣзнозаводчиковъ или что-то въ этомъ родѣ). Оба они очень категорично выразили свое неодобреніе мысли усилить отвѣтственность предпринимателей, хотя не возражали противъ страхованія.

Первый изъ нихъ, г. Бѣловъ, упрекнулъ докладчика, что напрасно *профессоръ* беретъ на себя задачу рѣшать вопросы на практической почвѣ—его-де дѣло чисто научное освѣщеніе вопросовъ. А второй, г. Рагозинъ, думая, что возражаетъ проф. Яроцкому и противъ изданія закона объ отвѣтственности, въ сущности подкрѣпилъ предложеніе послѣдняго, такъ какъ сослался на крайнюю медленность въ работѣ нашихъ законодательныхъ или правительственныхъ органовъ: «Послѣ всякой такой работы эта машина должна долго отдыхать, поэтому пусть ужъ она прямо начинаетъ вырабатывать проектъ обязательнаго страхованія». Но такъ какъ проф. Яроцкій именно и рекомендовалъ воспользоваться готовымъ уже проектомъ объ отвѣтственности, который разсмотрѣнъ и одобренъ уже три года тому назадъ, то объ «отдыхѣ» не могло быть и рѣчи; а потому все это нисколько не противорѣчило его предложенію, чтобы законъ былъ изданъ немедленно и сейчасъ же были бы начаты подготовительныя работы по страхованію рабочихъ.

По заключеніи преній, г. предсѣдатель заявилъ, что вопросъ настолько выяснился, равно какъ и отношеніе къ нему со стороны громаднаго большинства присутствовавшихъ членовъ, что едва-ли даже нужна баллотировка. Въ своемъ заключительномъ резюме г. предсѣ-

датель, выражая общее мнѣніе, констатировалъ два главныя положенія, которыя, по его мнѣнію, могутъ быть приняты собраніемъ: 1) что введеніе обязательнаго страхованія всѣми признается желательнымъ и необходимымъ, какъ лучшій способъ обезпеченія рабочихъ, представляющій, однако, значительныя, и по мнѣнію предсѣдателя, трудности при его осуществленіи на дѣлѣ, а потому, 2) должно ходатайствовать объ усиленіи отвѣтственности предпринимателей, согласно находящемуся въ государственномъ совѣтѣ проекту. Обѣ части этого резюме были покрыты громкими и дружными рукоплесканіями, и члены разошлись, считая вопросъ удачно поконченнымъ. Нѣкоторые даже удивлялись, что это хорошее дѣло прошло такъ гладко, т.-е. не встрѣтило сильной оппозиціи со стороны представителей промышленности, вовсе не заинтересованныхъ въ этомъ обезпеченіи рабочихъ. На другой день во всѣхъ нижегородскихъ газетахъ и въ томъ числѣ въ оффиціальномъ органѣ «Извѣстіяхъ Выставки» были изложены болѣе или менѣе подробно пренія и обѣ предложенныя предсѣдателемъ части его резюме, *какъ принятыя собраніемъ резолюціи*. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» успѣлъ написать очень подробный отчетъ объ этомъ засѣданіи (№ 223, отъ 14 авг.), тоже констатируя принятіе этихъ положеній собраніемъ. И вдругъ черезъ два дня въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ Выставки» (въ № отъ 13 авг.) появляется оффиціальная резолюція по сему вопросу, въ которой много и подробно говорится о страхованіи вообще и о признаніи преимуществъ и необходимости обязательнаго страхованія въ частности, но очень мало и совсѣмъ неясно объ усиленіи отвѣтственности. Вотъ эта часть резолюціи: «Усматривая вмѣстѣ съ тѣмъ главное несовершенство нынѣ дѣйствующихъ общихъ началъ гражданской отвѣтственности, въ примѣненіи ихъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ и смерти рабочихъ, занятыхъ промышленными производствами, въ недостаточно опредѣлительномъ выраженіи въ самомъ законѣ, что наниматели отвѣтствуютъ и за случаи профессіональнаго риска, съѣздъ призналъ существенно важнымъ, чтобы страхованіе въ частныхъ обществахъ и въ указанныхъ выше союзахъ (для добровольнаго взаимнаго страхованія) покрывало и означенный профессіональный рискъ и чтобы въ этомъ смыслѣ дополнены были дѣйствующія узаконенія».

Это, конечно, уже не то, что самъ предсѣдатель говорилъ въ своемъ резюме, выражая мнѣніе общее или. во всякомъ случаѣ, несомнѣннаго большинства. Тутъ, правда, вначалѣ говорится о нѣкоторомъ несовершенствѣ нашихъ основаній отвѣтственности, потому-де, что они не достаточно опредѣлительно проводятъ идею профессіональнаго риска; но, во-первыхъ, наши общіе гражданскіе законы даже и вовсе не заключаютъ въ себѣ этого широкаго начала отвѣтстненности, потому-то и необходимо ея усиленіе, а во-вторыхъ, далѣе уже говорится о необходимости этого основанія (профессіональнаго риска) только для примѣненія его къ различнымъ видамъ страхованія, а не прямо и къ от-

вѣтственности самой по себѣ. Какимъ же образомъ явилась эта туманная резолюція? Тутъ произошло что-то непонятное: члены объ ней и не думали, а г. предсѣдатель прочелъ ее неожиданно черезъ два дня, правда, въ той же своей секціи, но въ присутствіи совсѣмъ другихъ лицъ, собравшихся на обсужденіе какихъ то азіатскихъ вопросовъ. Такъ объясняетъ, но только съ внѣшней стороны, это недоразумѣніе проф. Яроцкій въ своихъ письмахъ въ газетахъ («Новое Время» отъ 21 авг., «Русскія Вѣдомости» отъ 20 авг.). Понятно, что онъ, какъ докладчикъ, именно по вопросу объ отвѣтственности, былъ наиболѣе заинтересованъ въ правильности этой части резолюціи, а потому онъ и подалъ въ свое время письменный протестъ, который ему обѣщано было прочесть въ общемъ собраніи; тамъ онъ громогласно напомнилъ объ этомъ обѣщаніи г. предсѣдателю, но не получилъ отъ него никакого отвѣта, такъ какъ засѣданіе послѣ этого было немедленно закрыто. (Это было сейчасъ же послѣ того, какъ тѣмъ же предсѣдателемъ было дано слово С. Т. Морозову и обѣщано ему присовокупить къ дѣламъ съѣзда имѣющую еще только послѣдовать критику резолюціи о земледѣльческихъ машинахъ). Этотъ печальный инцидентъ такъ и остался до сихъ поръ неразрѣшеннымъ, потому что со стороны г. предсѣдателя не послѣдовало до сихъ поръ никакого отвѣта на письмо проф. Яроцкаго. Трудно думать, чтобы г. предсѣдатель считалъ, что за него отвѣтилъ профессору тотъ же г. Соколовъ, который такъ блестяще провалился на съѣздѣ со своимъ проектомъ. Хотя въ засѣданіи г. Соколовъ ничего не возражалъ противъ усиленія отвѣтственности, но, конечно, являясь оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ представителемъ петербургскихъ фабрикантовъ,—по заказу которыхъ и былъ сочиненъ имъ проектъ ихъ взаимнаго страхованія,—онъ очень обрадовался, что въ резолюцію не попало прямое указаніе на необходимость усиленія отвѣтственности, согласно готовому законопроекту, и потому въ своемъ письмѣ («Новое Время» отъ 23 авг.) онъ уже прямо утверждаетъ, что такая резолюція не могла и не должна была быть постановлена. Да, конечно, это не могло понравиться ни ему, ни гг. Бѣлову и Рагозину, какъ единственнымъ двумъ оппонентамъ изъ числа около 30 лицъ, принимавшихъ участіе въ преніяхъ.

Нѣкоторое косвенное объясненіе всему этому мы находимъ въ другомъ письмѣ проф. Яроцкаго, напечатанномъ въ газетѣ «Новости» отъ 9 сентября, по поводу неправильнаго отчета объ его рѣчи въ корреспонденціи этой газеты. Тутъ онъ говоритъ гораздо откровеннѣе то, что онъ видимо стѣснялся прямо высказать на засѣданіи, какъ бы боясь обидѣть присутствовавшихъ представителей нашей промышленности. Вотъ эта часть письма:

«Позволю себѣ еще добавить, что, будучи близко знакомъ съ условіями проведенія въ жизнь законопроекта объ отвѣтственности, я вынесъ убѣжденіе, что ссылки на несомнѣнныя преимущества обязательнаго страхованія со стороны нашихъ пред-

принимателей, иногда совершенно искреннія, въ то же время нерѣдко являются лишь однимъ изъ умышленныхъ тормазовъ противъ изданія закона объ отвѣтственности который имъ безусловно не по душѣ и особенно страшенъ тѣмъ, что онъ уже готовъ и не сегодня—завтра можетъ быть изданъ. На счетъ же обязательнаго страхованія они спокойны, что осуществленіе его можетъ затянуться на очень и очень долгій срокъ, въ особенности. чѣмъ шире будутъ ставиться ему задачи».

Въ какую, однако, связь могутъ быть поставлены эти соображенія съ неполнотой резолюціи, — мы судить не беремся, выразивъ только сожалѣніе, что г. предсѣдатель, вообще стяжавшій себѣ почти все время общія симпатіи за свое безпристрастіе въ веденіи преній, не пожелалъ воспользоваться случаемъ на общемъ собраніи разъяснить это недоразумѣніе.

Наше повѣствованіе о нѣкоторыхъ моментахъ дѣятельности съѣзда и объ общемъ его характерѣ было бы не полно, еслибы мы ничего не сказали о дѣятельности еще одной секціи — IV-й, въ которой предсѣдательствовалъ П. Н. Исаковъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ кончаемъ мы свою характеристику съѣзда именно на этой секціи, потому что тутъ не было рѣшительно никакихъ недоразумѣній. Правда, тутъ не изъ чего было распаляться страстямъ, такъ какъ никакой борьбы интересовъ тутъ не происходило. Секція эта въ нѣкоторомъ отношеніи представляла собой какъ бы особый съѣздъ въ съѣздѣ, такъ какъ къ ней отнесены были вопросы потребительныхъ обществъ, артелей и кустарной промышленности. Вслѣдствіе этого здѣсь образовался съѣздъ представителей потребительныхъ обществъ. Всѣхъ такихъ учрежденій у насъ около полутораста, а представлено на съѣздѣ ихъ было болѣе 30, что нельзя не считать довольно большимъ процентомъ, во-первыхъ, въ виду новизны этой попытки перваго такого съѣзда, организованнаго петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, а во-вторыхъ, вслѣдствіе извѣстной для всѣхъ дороговизны жизни въ Нижнемъ-Новгородѣ, особенно чувствительной для членовъ обществъ, призванныхъ осуществлять экономію домашней жизни. Оригинальнѣе всего, что не принимали никакого участія въ этомъ дѣлѣ ни члены, ни представители двухъ имѣющихся въ самомъ Нижнемъ потребительныхъ обществъ. (Ужъ не закрылись-ли они тамъ за ненадобностью, въ виду золотого дождя, выпавшаго на этотъ городъ, благодаря выставкѣ?)

Съѣхавшіеся на съѣздъ съ самыхъ разныхъ и отдаленныхъ концовъ Россіи «потребители», какъ ихъ называли для краткости, очень много, но безшумно поработали и достигли, можно сказать, уже несомнѣнныхъ результатовъ. Въ теченіе менѣе двухъ недѣль они выработали совершенно заново: 1) нормальный уставъ потребительныхъ обществъ, потребность въ которомъ давно уже чувствовалась, и 2) положеніе о союзахъ и съѣздахъ кооперативныхъ учрежденій для мелкаго кредита, потребительныхъ обществъ, промышленныхъ товариществъ и артелей. (Проектъ этого положенія былъ препровожденъ на съѣздѣ тѣмъ же

с.-петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о ссудосберегательныхъ товариществахъ, но онъ былъ подвергнутъ здѣсь тщательной переработкѣ). Такая плодотворная дѣятельность этой секціи обусловлена была какъ рвеніемъ самихъ ея членовъ, такъ и чрезвычайно умѣлымъ веденіемъ дѣла ея предсѣдателемъ П. Н. Исаковымъ. Онъ, послѣ первыхъ двухъ общихъ собраній, предложилъ членамъ разбиться на три коммиссіи, въ которыя вошло большинство членовъ секціи, а именно: двѣ для выработки вышеуказанныхъ проектовъ, а третью—по вопросамъ кустарной промышленности. Послѣ усиленныхъ работъ коммиссій, на общихъ собраніяхъ оставалось только сводить ихъ заключенія и окончательно редактировать положенія.

Помимо прямыхъ положительныхъ результатовъ, занятія этой секціи имѣли большое общественное значеніе въ дѣлѣ сближенія нашихъ потребительныхъ обществъ, какъ учрежденій, которыя могутъ много выиграть отъ совмѣстной дѣятельности, напримѣръ, въ дѣлѣ совмѣстной закупки товаровъ, по выработкѣ болѣе цѣлесообразныхъ частныхъ правилъ ихъ дѣятельности, и т. п. Непосредственнымъ результатомъ явилось еще постановленіе о необходимости имѣть объединяющій органъ въ названномъ с.-петербургскомъ отдѣленіи комитета о ссудосберегательныхъ товариществахъ, что уже, повидимому, и начало осуществляться на дѣлѣ [1]).

Кромѣ этихъ крупныхъ и общихъ вопросовъ, въ засѣданіи были обсуждаемы и разрѣшены многіе частные вопросы, касающіеся разныхъ относящихся къ вѣдѣнію этой секціи учрежденій. Но такъ какъ мы вообще не касаемся подробностей дѣятельности съѣзда, то и отлагаемъ это до выхода въ свѣтъ печатныхъ его трудовъ. Не можемъ, однако, не привести одной резолюціи—по вопросу о кредитѣ для мелкой и кустарной промышленности, а именно:

«Имѣя въ виду, съ одной стороны, постоянно возрастающую потребность въ мелкомъ кредитѣ вообще, какъ для разнообразныхъ учрежденій кооперативнаго характера, такъ и въ средѣ нашей кустарной и мелкой ремесленной промышленности; съ другой же — спеціальный характеръ условій, опредѣляющихъ формы и задачи мелкаго кредита,—отдѣлъ находитъ, что этотъ родъ операцій, имѣющій несомнѣнно государственное значеніе, можетъ получить широкое развитіе, отвѣчающее дѣйствительнымъ потребностямъ, только *при условіи выдѣленія ихъ изъ общихъ операцій* государственнаго банка и при образованіи съ этою цѣлью особаго учрежденія—*государственнаго банка мелкаго кредита*».

Нельзя не признать этой резолюціи вполнѣ правильной, такъ какъ дѣйствительно нашъ государственный банкъ какъ бы застрялъ въ своей рутинѣ—помогать только крупнымъ коммерческимъ лицамъ, учрежденіямъ и операціямъ. Поэтому такія положенія, какъ недавно (1 іюля 1895 г.) изданное о кредитѣ для мелкихъ промышленныхъ учре-

[1]) Въ происходившемъ 1 октября засѣданіи Сбп. Отд. Ком. о ссудосберегат. товар. постановлено учредить постоянную коммиссію по дѣламъ потребительныхъ обществъ.

жденій и кредитныхъ товариществъ, въ рукахъ государственнаго банка являются непримѣняющимися на дѣлѣ, къ великой, вѣроятно, радости нашихъ доморощенныхъ марксистовъ, которые, конечно, находятъ это совершенно правильнымъ, согласно ихъ идеаламъ капитализма. Но эта новая, тонкая струнка ни разу не прозвучала на съѣздѣ, если не считать старыхъ басовыхъ струнъ нашего родовитаго купечества, столь пышно воспѣтаго въ ихъ мѣстной газетѣ. Только что приведенная резолюція была превосходно изложена и мотивирована на общемъ заключительномъ собраніи предсѣдателемъ IV отдѣла, произведя очень сильное и пріятное впечатлѣніе свѣжестью заключающейся въ ней идеи.

Немудрено, въ виду всего этого, что предсѣдатель этой секціи заслужилъ наибольшія симпатіи и оказался единственнымъ удостоеннымъ товарищескаго обѣда. Была, правда, сдѣлана попытка устроить обѣдъ предсѣдателю всего съѣзда, но она почему-то не состоялась, такъ какъ Д. Ѳ. Кобеко отъ этой чести отказался и обѣдъ уже какъ-то устроился безъ него. Объ этомъ обѣдѣ даже писалось въ газетахъ, что на немъ говорились тосты въ шутливомъ духѣ за своихъ противниковъ, и одинъ тостъ, но, повидимому, уже серьезно, былъ произнесенъ тѣмъ же г. Соколовымъ о заслугахъ и добродѣтеляхъ нашихъ фабрикантовъ; но, можетъ быть, потому, что онъ былъ серьезенъ, тостъ этотъ былъ встрѣченъ молчаніемъ и вызвалъ только нѣсколько ироническихъ возгласовъ.

Этими двумя обѣдами ограничилась, какъ выражаются нѣмцы, gemüthliche, т.-е. дружественно-товарищеская сторона дѣятельности съѣзда. Но, разумѣется, сожалѣть объ отсутствіи парадныхъ обѣдовъ или вообще увеселеній жалѣть не приходится. На съѣздѣ пришлось много поработать, и не вина членовъ, если труды ихъ останутся безплодными. А, можетъ быть, еще кое-что изъ пожеланій или ходатайствъ не будетъ встрѣчено такъ неблагосклонно, какъ резолюція о земледѣльческихъ машинахъ. Во всякомъ случаѣ, работы съѣзда уже потому не будутъ безплодны, что противники могли узнать ближе другъ друга и замѣтить свои и чужія слабыя стороны, знаніе которыхъ можетъ принести несомнѣнную пользу, при дальнѣйшей борьбѣ или спорахъ о тѣхъ же или другихъ вопросахъ, если не на съѣздѣ, такъ просто въ печати и практической жизни.

К. Т—пнъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕРЕВЕНСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Говорить о пользѣ театровъ въ деревняхъ теперь, кажется, излишне: они уже прошли въ деревню въ той или другой формѣ. Правительство даетъ на нихъ субсидіи; дворянство само принимаетъ участіе въ ихъ устройствѣ; купечество жертвуетъ деньги, народъ встрѣчаетъ эту новинку съ радостью. О чемъ же еще трактовать? Я хочу только сдѣлать бѣглый обзоръ существующихъ сельскихъ театровъ, причемъ постараюсь очертить характеръ трехъ типовъ, съ которыми пришлось столкнуться въ моей практикѣ, и позволю себѣ выразить нѣкоторыя размышленія по поводу спеціально опернаго деревенскаго театра.

Рѣчь о сельскихъ театрахъ стала звучать смѣлѣе и опредѣленнѣе съ неурожайныхъ годовъ и только за самое послѣднее время пришлось убѣдиться, что сельскій театръ не есть миѳъ, не есть плодъ разгоряченной фантазіи. До упомянутыхъ годовъ мнѣ приходилось самой ставить пьесы и слышать о спектакляхъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, въ случайныхъ помѣщеніяхъ, со случайными участвующими лицами, которыя, разъ поработавши вмѣстѣ на однихъ и тѣхъ-же подмосткахъ, не узнавали другъ друга при встрѣчахъ; теперь дѣло обставлено солиднѣе. Существуютъ постоянные сельскіе театры, и ихъ можно подвести подъ три категоріи: а) народный, самостоятельный, платный театръ, самъ себя окупающій, со спектаклями крестьянскими въ перемежку съ любительскими—таковъ театръ въ селѣ Рождественѣ [1]); б) интеллигентный, существующій на средства общественныя или учредительскія, съ актерами крестьянами и любителями—Языковскій театръ [2]) и въ Орловской губерніи, во главѣ котораго находится мѣстная помѣщица, г-жа Лаврова (къ сожалѣнію, я не была еще въ этомъ театрѣ, но компетентные люди по этой части очень хвалили спектакли г-жи Лавровой), и в) деревенскій театръ, исключительно мужицкій или школьный, платный или безплатный, обыкновенно существуетъ на средства пожертвованныя. Къ этому типу принадлежитъ большинство совсѣмъ неизвѣстныхъ театровъ, существующихъ даже въ глухихъ деревушкахъ.

Изо всѣхъ этихъ театровъ, безспорно, рождественскій обставленъ наиудачнѣйшимъ образомъ, въ смыслѣ удобства зданія, обширности ре-

---

[1]) Станція Сиверская по Варшавской ж. д.

[2]) Языковскій театръ существуетъ на средства самарскаго губернскаго попечительства о народной трезвости.

пертуара, правильности чередованья спектаклей и дешевизны матерьяловъ, чему благопріятствуетъ близость Петербурга. Далѣе—театръ этотъ, совершенно независимый, сданъ на руки директриссѣ, просвѣщенной женщинѣ-врачу; труппа играетъ часто, имѣетъ постоянное сообщеніе съ интеллигенціей и—весьма важное преимущество — пользуется сочувственнымъ отношеніемъ богатаго мецената, извѣстнаго И. В. Рукавишникова. Съ Рождественнаго театра и начну я свои сообщенія о моихъ опытахъ на почвѣ деревенскихъ театровъ.

а) Рождественскій театръ.

Въ ноябрѣ 1895 года, я поѣхала въ Рождественскій театръ, чтобъ предложить мѣстной крестьянской труппѣ отпраздновать юбилей Сѣрова спектаклемъ драмы—«Не такъ живи какъ хочется» Островскаго съ музыкальными вкладами изъ оперы Сѣрова «Вражья сила». Директриса театра представила меня труппѣ, и я обратилась къ ней со своимъ предложеніемъ. Сначала всѣ юркнули куда-то въ кулисы, потомъ мало-по-малу актеры сгруппировались около меня и конецъ моей рѣчи вызвалъ полное одобреніе.

— Хотимъ, желаемъ вмѣстѣ поработать, пріѣзжайте постомъ!

Такимъ образомъ было заключено мое первое знакомство съ рожденственской труппой. Въ этотъ вечеръ шла одна изъ пьесъ Островскаго, прошедшая съ хорошимъ ансамблемъ, бойко, свѣжо и почти исключительно съ крестьянскими силами; тѣ небольшія роли, которыя исполнялись интеллигентами, рѣзко отдѣлялись своею дѣланностью отъ исполненія актеровъ примитивной простоты. Въ антрактахъ сами-же актеры ловко ворочали декораціями и оказались за кулисами вполнѣ свѣдущими мастерами своего дѣла. Умныя, бойкія рѣчи довершили благопріятное впечатлѣніе, вынесенное мною послѣ первой бесѣды съ ними.

«Америка да и только!»—твердила я себѣ.

Пріѣхала я въ другой разъ, чтобы провѣрить первое впечатлѣніе и нѣсколько смутилась, натолкнувшись на небрежно отрепетованную пьесу Шпажинскаго, сошедшую въ день спектакля безъ скандала только вслѣдствіе большой напрактикованности рождественской труппы. «На всякаго мудреца довольно простоты»,—утѣшала я себя, уже безъ малѣйшаго увлеченія, и, узнавши, что въ театрѣ произошелъ маленькій переполохъ, къ театру не относящійся, я подавила въ себѣ чувство нѣкотораго разочарованія и рѣшилась переѣхать въ Рождествено, задавшись цѣлью, кромѣ существенной — отпразднованія юбилея — изучить интересное учрежденіе со всѣхъ сторонъ, не пугаясь и отрицательныхъ.

Насталъ великій постъ, и я, уже переселившись въ Рождествено узнала къ великому моему изумленію, что режиссеръ, пробывъ три мѣсяца, ушелъ совсѣмъ; примадонна уѣхала на долго къ родственникамъ; а одна изъ очень талантливыхъ актрисъ нанялась въ Петербургѣ въ горничныя.

Да что же случилось?—добивалась я, но такъ до конца моего пребыванія тамъ и не узнала, что заставило многихъ разъѣхаться. Безъ режиссера не къ кому было обратиться за разъясненіемъ, а директоръ театра.... ну, да кто же не знаетъ роли театральныхъ директоровъ? Я поспѣшила выписать г-жу Киселеву для режиссированья драмъ, а сама занялась разучиваньемъ музыкальныхъ партій. Для роли Еремки оказался пригоднымъ одинъ низкій теноръ, единственный музыкально-грамотный человѣкъ и съ недурнымъ голосомъ. Онъ—этотъ псевдо-Фигнеръ рождественской труппы—тотчасъ далъ почувствовать свое примотенорство.

— Я великимъ постомъ не стану репетировать,—сразилъ онъ меня сразу.

— Да вы были въ ноябрѣ, когда я пріѣзжала сговариваться?

— Былъ,—гласилъ кратко отвѣтъ.

— Ну, какъ же это? вѣдь вы были согласны тогда великимъ постомъ работать со мной?

— Тогда не сообразился...

Труппа стала роптать.

— Да ну, брось, Ѳедоръ! полно ломаться... Не можетъ, вѣдь ужъ такой человѣкъ!

— Вы согласны, Ѳедоръ, чтобъ я пошла къ священнику? Если онъ разрѣшитъ, то вы будете пѣть?

— Да... нѣтъ... не знаю!

— Рѣшайте окончательно!—Я встала и, добившись отвѣта: «Какъ священникъ прикажетъ»,—отправилась къ нему за разрѣшеніемъ.

Священникъ любезно дозволилъ репетировать (понятно, кромѣ первой, четвертой и седьмой недѣли), но съ тѣмъ, чтобъ не мѣшать церковнымъ спѣвкамъ.

Когда я вернулась въ театръ, мнѣ шепнулъ одинъ актеръ:

— Напрасно изволили безпокоиться, Ѳедоръ будетъ пѣть; онъ не можетъ не куражиться—ужъ такой въ немъ нравъ!

За репетиціи принялись ретиво, почти всѣ роли были распредѣлены, но Даши мы долго не могли пріискать; кромѣ прамадонны, даровитой и красивой дѣвушки, некому было ее исполнить. Я рѣшилась, наконецъ, послать ей письмо съ братомъ, прося ее помочь намъ отпраздновать юбилей при ея содѣйствіи. Немедленно появилась на нашемъ горизонтѣ примадонна и немедленно поднялись перекоры:

— Даша неинтересная роль, я ненавижу ее, вотъ кабы мнѣ Грушу дали, и пр., и пр.

Г-жа Киселева и я старались ей внушить, что для хорошей труппы нѣтъ неинтересныхъ ролей: всѣ интересны, если къ нимъ отнестись толково. Съ теченіемъ времени Даша стала вникать въ свою роль и обрабатывать ее, если не съ любовью, то, по крайней мѣрѣ, съ большимъ усердіемъ. Къ довершенію нашего благополучія, талантливая

актриса, о которой мы такъ вздыхали, внезапно бросила свое мѣсто и, примчавшись въ Рождествено, со слѣдующими словами буквально ввалилась на сцену:

— Дайте мнѣ роль! хоть самую раскрошечную, я хочу играть!

Дали ей старуху Степаниду, которую она провела по истинѣ виртуозно, потому что нельзя было догадаться даже опытному глазу, что ее исполняла двадцатилѣтняя молодая дѣвушка.

Все обстояло благополучно: всѣ роли заняты, все было отлично отрепетовано, какъ вдругъ нашъ примо-теноръ, въ 12 часовъ ночи, объявляетъ послѣ спѣвки, что онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ на мѣсто.

— Зачѣмъ же вы сегодня репетировали?—вспылила я.

— Товарищъ сейчасъ мнѣ сказалъ...

— Вы, значитъ, уже давно добивались мѣста? отчего же вы насъ не предупредили? Сколько трудовъ пропало даромъ.

— Ничего не подѣлаешь,—я уйду на мѣсто. Прощайте!

— Прощайте, но вы знаете, что поступили нечестно,—невольно сорвалось у меня съ языка.

Всѣ разошлись недовольные, мы же съ Киселевой остались однѣ и думали свою горькую думушку.

— Онъ лжетъ!—утверждала я:—мѣсто въ Петербургѣ не скоро найдешь.

Вся театральная деморализація, отъ которой мы обѣ бѣжали [1]), предстала передъ нами еще въ болѣе грубой, болѣе неотесанной формѣ. Еще жутче, еще больнѣе намъ стало при мысли, что эта деморализація пробралась въ крестьянскую среду.

Вдругъ, въ ночной тиши, кто-то стучится къ намъ въ режиссерскую.

— Отомкните, что-ли? впустите меня!

— Да это кто? чего нужно?

Былъ часъ пополуночи.

— Я... Паля... не могу заснуть... отомкните, прошу я васъ!

Голосъ такъ убѣдительно просилъ, что мы наскоро одѣлись съ Киселевой и отомкнули дверь.

Передъ нами предстала фигура, обернутая въ красное ватное одѣяло, со сверкающими глазами и съ косматой головой.

— Паля!? Да у тебя горячка?—спросили мы его въ одинъ голосъ.

— Я хочу Еремку играть, сдѣлайте мнѣ экзаментъ. Я прошу репетиціи сейчасъ, а то я спокою не имѣю. Позвольте мнѣ сыграть сейчасъ Еремку!

Паля былъ крестьянскій парень Симбирской губерніи, котораго я выписала отчасти для того, чтобъ познакомить его съ талантливой труппой, отчасти — чтобъ узнали его подгородные крестьяне. Парень этотъ сначала произвелъ впечатлѣніе какого-то простачка, чуть не

---

[1]) Г-жа Киселева-Мондшейнъ—извѣстная провинціальная актриса, недавно сошедшая со сцены.

убогонькаго мужичонка, но, сжившись подольше съ рождественцами, онъ сдѣлался общимъ любимцемъ, благодаря своей чуткости, безпредѣльной довѣрчивости и безупречной честности. И вотъ, этотъ самый Паля постучался къ намъ ночью со своей неотвязчивой просьбой, и мы должны были ему уступить и выслушать его тутъ же, въ этотъ неурочный часъ. Онъ зналъ всю роль, какъ говорится, на зубокъ со всѣми оттѣнками съ голоса Киселевой, подмѣченными Палей при разучиваньи роли съ Ѳедоромъ. Самое курьезное заключалось въ контрастѣ важно задрапированной фигуры въ тяжелое одѣяло и коммическихъ жестовъ забулдыги — Еремки. Мы покатились со смѣху, когда Паля довелъ до конца свою роль и успокоили его, наконецъ, уговоривъ его лечь спать.

— Только чтобъ спектакль состоялся, смотрите! Я и Васю и Еремку, и хоть Петра согласенъ играть, лишь бы спектакль не разстроился!

Когда онъ вышелъ изъ режиссерской, мы весело взглянули другъ на друга: такъ это наивное добродушіе насъ разутѣшило, и мы вполнѣ оцѣнили благородное движеніе его юной, неиспорченной души. На слѣдующій день я отправилась къ деректриссѣ театра, чтобы сообщить ей о случившемся.

— Я сейчасъ пошлю за Ѳедоромъ,—сказала она съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Зачѣмъ?—удивилась я.

— Я его уговорю играть; онъ, конечно, никакого мѣста не получилъ, но у насъ это ломанье завелось въ театрѣ и безъ него рѣдко обходится спектакль.

— Я его не пущу черезъ порогъ театра,—возмутилась я.

— Какъ хотите!—еще невозмутимѣе произнесла она.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Трудно было подыскать Еремку, такъ какъ требовался и голосъ, и коммическое дарованье; Паля, игравшій Васю, конечно, не подходилъ къ этой роли. Наконецъ отрекомендованъ былъ другой Еремка, съ которымъ мы пережили новыя бѣды. Пока надо было ухо «востро» держать, чтобы наши примадонны не разбѣжались: Боже сохрани, какъ-нибудь нечаянно похвалить голосъ или игру одной, не похваливши тѣхъ же самыхъ свойствъ у другой. Намъ съ Киселевой не трудно было умиротворять обѣихъ, потому что мы къ нимъ относились объективно; но большинство, не щадя самолюбія дѣвицъ, восторженными похвалами раздражали или ту, или другую.

Наконецъ, наступила генеральная репетиція, и тутъ уже разыгралась рутинная театральная интрига. Новый Еремка не хотѣлъ учить роли, увѣряя, что онъ ее хорошо знаетъ. Подобныя увѣренія указываютъ всегда на легковѣсное отношеніе къ своей роли и грозятъ обыкновенно полнымъ проваломъ. Къ довершенію бѣды, начались праздники, Еремка нашъ загулялъ и не явился на послѣднюю полную ре-

петицію. Когда онъ пришелъ на генеральную, я его предупредила, что если онъ перепутаетъ свою роль, то я ее передамъ другому. Тѣмъ временемъ, чтобъ не остаться безъ Еремки, одна интеллигентная личность разучила его партію. Мое предчувствіе сбылось: Еремка на генеральной перевралъ всю масляницу, и я тутъ же попросила дублёра замѣстить самонадѣяннаго актера. Говорятъ, онъ плакалъ какъ дитя, узнавъ объ этомъ окончательномъ моемъ рѣшеніи. Я этого не знала и не приняла въ разсчетъ актерскаго самолюбія: я только имѣла въ виду приличное исполненіе преимущественно вокальной партіи. Въ день спектакля мнѣ приготовили сюрпризъ, который имѣлъ рѣшающее дѣйствіе на дальнѣйшее мое пребываніе въ Рождественѣ. За часъ до спектакля, когда весь женскій персоналъ уже облекся въ свои театральные костюмы, мужчины прислали за мной для переговоровъ относительно Еремки, *своего* актера, безъ котораго отказывались участвовать въ спектаклѣ.

— А! Еремка мститъ...—невольно воскликнула я:—скажите, что я немедленно закрою театръ, публику попрошу вернуть билеты, а сама тотчасъ уѣду въ Петербургъ.

Я была внѣ себя отъ волненія; Киселева просила меня успокоиться и отправилась на переговоры съ актерами. Послѣ длинныхъ совѣщаній, она пришла мнѣ объявить, что вокальную часть Еремка уступаетъ своему замѣстителю, но драматическую — ни за что! Товарищи его сильно поддерживали и настаивали на своемъ. Такъ какъ драматическій отдѣлъ меня не касался, то я уступила. Оказалось, Еремка прибѣгалъ къ средствамъ не совсѣмъ красивымъ, чтобъ взбунтовать своихъ заступниковъ.

Когда я взошла на сцену, меня встрѣтилъ мужской персоналъ съ какимъ-то виноватымъ, понурымъ видомъ—мы избѣгали другъ друга въ теченіе всего перваго дѣйствія.

Въ антрактѣ я стояла угрюмая въ кулисахъ и раздумывала думу невеселую:

— Зачѣмъ существуютъ театры? Зачѣмъ съ ними связаны вѣчная вражда, соперничество, интриги? Зачѣмъ въ эту сферу вводить народъ? И при чемъ тутъ чествованіе дорогого музыканта среди подобныхъ злыхъ козней? Эхъ! взять да уѣхать... бросить всю эту безсмысленную затѣю.

Въ эту минуту ко мнѣ подошла Киселева; положивъ ласково руку на мое плечо, она мягко произнесла:

— Ты чего? Тебѣ тяжко?! Да вѣдь и у нихъ есть душа и у нихъ она болитъ.

Это милое, дорогое обращеніе ко мнѣ освѣтило мнѣ всю *суть* рождественскаго театра. Да! Надъ труппой работали безспорно талантливые, умные люди, но душевно, тепло къ ней никто не отнесся, и поэтому... поэтому мнѣ все стало ясно.

Я ринулась въ мужскую уборную, всѣмъ крѣпко пожала руки и... просіяли мои актеры, а Еремка отъ восторга чуть не вывернулъ мнѣ плечо. Спектакль окончился блистательно.

Съ этихъ поръ не было больше никакихъ недоразумѣній: всѣ три спектакля и промежуточные дни прошли въ пріятельскихъ сношеніяхъ, въ полномъ согласіи. И раньше актеры собирались со мной вмѣстѣ чай пить на сценѣ, а теперь стали ходить ко мнѣ на домъ. Женщины совсѣмъ сблизились съ нами, перестали стѣсняться; а ужъ передъ самымъ разставаньемъ «люди» намъ стали милы и совсѣмъ понятны, а «актеры» ушли на задній планъ.

Я вынесла еще одинъ цѣнный для себя опытъ изъ Рождествена: слова «подгородные» мужики, «сюртучники» имѣли для меня специфическое значеніе, не скажу, чтобъ особенно привлекательное; меньше всего думала я въ нихъ встрѣтить симпатичный отголосокъ общечеловѣческимъ страданьямъ. Я ошиблась. Мои симбирскіе актеры (ихъ было двое со мной) возбудили въ рождественцахъ участливое отношеніе къ ихъ не особенно блистательному положенію.

Вообще, къ величайшему моему удивленію, я узнала отъ нихъ же, отъ рождественскихъ актеровъ, что они ровно ничего не читаютъ (читальня еще не была устроена), не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о событіяхъ дня, о которыхъ въ данное время сельскіе обыватели, болѣе или менѣе развитые, уже составляютъ себѣ «свое» извѣстное воззрѣніе! Мы уѣхали изъ Рождествена съ тяжелымъ сознаніемъ, что, не смотря на всѣ преимущества постановки театральнаго дѣла, оно далеко не достигаетъ цѣлей, преслѣдуемыхъ учредителями этого театра, обратившагося въ данный моментъ въ «антрепренерскій» съ неизбѣжнымъ разсчетомъ на его доходность, что при отсутствіи опредѣленнаго направленія можетъ ему грозить окончательною гибелью. Гибель грозитъ ему именно со стороны актерскаго участія крестьянъ. На чемъ держится весь этотъ крестьянскій, ничѣмъ не оплачиваемый трудъ? Только на *самолюбіи* и на *страсти* къ театральному искусству. Мы знаемъ, что эти два рычага къ добру не приведутъ, да въ концѣ концовъ и то, и другое у интеллигентнаго актера оплачивается деньгами; крестьяне же-актеры играютъ въ Рождественѣ даромъ. Семьи ихъ настроены противъ театра и часто тормазятъ ихъ дѣятельность; гдѣ же найти силы, выдержку для службы, не совсѣмъ легкой, такъ какъ актерамъ приходится играть по два раза въ мѣсяцъ? Разъ вздумали подѣлить сборъ между участвующими; всѣ разобидѣлись, потому что всѣмъ пришлось получить по одинаковой долѣ, а вѣдь работа по изученію ролей далеко не одинакова. Если устроить «фондъ», «кассу» для актеровъ, чтобы была дана возможность выручать ихъ въ минуту трудную; если создать актерскій «кружокъ», подъ управленіемъ добраго, развитого режиссера, гдѣ актеръ, послѣ тяжелаго мужицкаго труда, могъ бы отдохнуть душой и тѣломъ, тогда существованіе деревенской

труппы будетъ имѣть глубокое значеніе въ крестьянской жизни. Да гдѣ же найти подобнаго режиссера съ развитіемъ, съ талантомъ, съ душой? Вотъ и выходитъ, что опять *человѣка* не хватаетъ. И къ чему ни коснись въ Россіи, все его не хватитъ, а «дѣловъ»-то все прибавляется, а народъ-то растетъ и требуетъ, все требуетъ: «дай—подай»; а все приходится ему твердить—«жди-пожди, людей нѣтъ!»

Нѣкто Г. Кр..... напечаталъ въ «Пет. Вѣд.», что съ моимъ отъѣздомъ «характеръ дѣятельности Рождественскаго театра измѣнился». Это невѣрно и несправедливо. Вотъ, еслибы Г. Кр..... сообщилъ, что съ отъѣздомъ г-жи Киселевой Рождественскій театръ лишился «души»— это было бы точнѣе и правильнѣе.

б) Языковскій театръ [1]).

Есть еще у насъ на Руси маленькія дворянскія гнѣздышки, гдѣ тщательно хранятся всѣ остатки накопленныхъ богатствъ отъ прежняго интеллигентнаго житья, гдѣ каждый предметъ напоминаетъ просвѣщенныхъ предковъ, гдѣ на каждомъ шагу проявляется вкусъ, изящество прежнихъ давно минувшихъ дней. Безспорно, домъ Ольги Григорьевны Аксаковой (внучки знаменитаго писателя) принадлежитъ къ числу этихъ рѣдкихъ оазисовъ. Кое-гдѣ уже замѣтно обрушивается балюстрада; тутъ ветшаетъ потолокъ, тамъ полъ требуетъ ремонта, но въ общемъ—старина сохранилась въ своихъ характерныхъ чертахъ, ею дышетъ каждый уголочекъ. На пришлаго она навѣваетъ безконечно много воспоминаній. Въ кабинетѣ—богатая библіотека; въ залѣ—чудный инструментъ, классическая музыкальная литература; въ старомъ саду, сквозь дорожки, заросшія густой сиренью, межъ клумбъ жасмина, розъ и маковъ виднѣется старая, домовая церковь, за оградой которой возвышается могилка, красиво убранная зеленью и цвѣтами, и все это носитъ на себѣ особый отпечатокъ заботливаго вниманія; чувствуется, что кому-то эта старина близка, чьему-то сердцу она дорога.

Мой пріѣздъ въ Языково былъ довольно оригиналенъ. Не списавшись съ хозяйкой, я къ ней пріѣхала какъ разъ во время ея отсутствія, и дѣвушка, привычная къ частому пріѣзду постороннихъ лицъ, провела меня безо всякихъ разсужденій въ гостинную, накормила, напоила и потомъ покинула на произволъ судьбы. Въ урочный часъ все было снова сервировано, словно по щучьему велѣнью, а домъ продолжалъ себѣ безмятежно безмолвствовать, и никого я не нашла, у кого можно было распросить о положеніи моего дѣла.

Наскучило мнѣ сидѣть въ одиночествѣ въ этомъ заколдованномъ

---

[1]) Самарская губ., Бугурусланскій уѣздъ.

замкѣ; увидѣла я дворовую дѣвочку, подросточка лѣтъ четырнадцати, и попросила ее указать мнѣ дорогу въ лѣсъ.

— Я только подружку вскличу,—пояснила она мнѣ, убѣгая. Явилась подружка, дѣвочка лѣтъ девяти. Ходятъ онѣ обѣ со мной по лѣсу, а сами все шушукаются, оглядываются на меня и улыбаются.

— А ты спроси,—приставала старшая.

Наконецъ, та, что поменьше была, храбро подошла ко мнѣ.

— Вы, что-ли, пѣть-то насъ будете обучать?

— Пѣть? да... я... а что?—озадачилъ меня неожиданный вопросъ. Снова перешептыванье, снова оглядыванье, снова подталкиванье подъ локоть старшей дѣвочки.

— А когда пѣть-то будемъ?

— Да хоть сегодня вечеромъ.

— Ну, мы придемъ. А еще звать дѣвочекъ-то?

— Звать. И мальчиковъ зовите.

Вечеромъ въ залу шмыгнули дѣвочки, за ними мальчики. Оказались голосенки скверненькіе, музыкально грамотныхъ всего двое, да и тѣ плели что-то несуразное.

— Ну, зовите на завтра побольше мальчиковъ. Кто хочетъ на Петровъ день получить золотую шашку и солдатское оружіе, тотъ чтобъ шелъ безпремѣнно пѣть на спѣвки. Дѣвочки получатъ красный сарафанъ и шелковую ленту въ косу.

Закипѣло дѣло въ Языковѣ!

На слѣдующій вечеръ уже собралось человѣкъ около двадцати. Затѣмъ двинулись и мужики.

Одной взрослой дѣвушкѣ страсть какъ хотѣлось научиться музыкальной грамотѣ, но конфузливость ея мѣшала двинуться дѣлу впередъ. Я ей предложила ходить отдѣльно спѣваться, пока она догонитъ другихъ.

— Когда придти-то?—спросила она простодушно.

— Завтра, какъ можно раньше,—отвѣтила я.

Она на слѣдующій день, какъ погнала скотину въ стадо, стала стучаться въ домъ для спѣванья. Товарки осмѣяли ее, и дѣвушка не приходила болѣе и дозваться ея не было никакой возможности. Я этимъ фактомъ хочу только доказать, какъ народъ льнетъ къ музыкѣ, но, желающему въ лѣтнюю пору заняться ею въ народѣ должно готовиться на спѣвки въ будничные дни или утромъ до коровъ, или вечеромъ послѣ полевой уборки. У насъ время быстро уходило, мы спѣвались правильно утромъ и вечеромъ; къ намъ стали заглядывать посторонніе—зашелъ батюшка:

— Э, да вы уже хорошо поете!

— Поемъ,—весело ему отвѣчаютъ.

Пріѣзжаетъ гостья, съ любопытствомъ просовываетъ голову въ залу:

— Скажите, пожалуйста! поютъ?!

— Поемъ!—смѣются ребята.

Пріѣзжаетъ хозяйка и спрашиваетъ изумленно:

— Изъ «Игоря» поете?

А мы ей въ отвѣтъ:

— Изъ «Игоря», молъ, поемъ!

Съ этого момента для меня начинается какая-то феерія: солисты поютъ, хоры поютъ, театръ строится; уже на мѣстной ярмаркѣ татары пронюхали, что господа скоро наряжаться будутъ и предлагаютъ купить самую разъазіатскую матерію. Пріѣзжаетъ художникъ писать декораціи [1]); идутъ подводы изъ Бугуруслана; идутъ подводы изъ Самары; везутъ занавѣсъ, холсты, бубны, барабаны, картонъ, бусы...

Спѣвки утромъ, спѣвки днемъ, спѣвки вечеромъ: народъ ждетъ чего-то необычайнаго.

Съѣзжаются посторонніе на годовой праздникъ, на «Тихвинскую».

— Неужели «Игорь» пойдетъ 30-го?

— Пойдетъ,—отвѣчаю я уклончиво и мнѣ становится неловко: мнѣ самой кажется, что я морочу публику.

Наконецъ, настала генеральная репетиція и поютъ... право же поютъ! и выходитъ нѣчто совсѣмъ недурное.

Въ день спектакля народъ волнуется: парни просятъ билетовъ; старики умоляютъ «передъ смертью взглянуть хоть на убранство»; бабы съ ума совсѣмъ сошли! Вечеромъ мошенничество и обманъ въ полномъ ходу: кто билетъ свой изъ окна швыряетъ сродственницѣ, стоящей на дворѣ; кто изъ театра выходитъ какъ будто невзначай и на возвратномъ пути тащитъ по своему билету ближайшаго шабра. Публику, прислушивающуюся съ такимъ благоговѣніемъ къ каждому звуку (и это вплоть до конца), я видѣла только въ Петербургѣ, когда Патти пѣла въ итальянской оперѣ. При выходѣ изъ театра, нѣкоторые увѣряли: «словно въ раю побывали!»

И сама я не понимаю, какъ случилось все это? какъ въ три недѣли пѣвцы, хористы одолѣли всѣ трудности? Такъ серьезно были они настроены, такъ твердо они знали свои партіи, что когда, по ошибкѣ, одинъ громовый басъ въ піаниссимо во весь голосъ гаркнулъ не во-время свою реплику: «бояре!» и вдругъ, спохватившись, спрятался за спины хористовъ, скорчивъ съ перепуга невозможную гримасу,—и тутъ хористы не сплоховали и довели до конца свой хорикъ, не сбившись даже съ такта. Я сомнѣваюсь, чтобъ намъ еще когда-нибудь удалось такъ музыкально настроиться, потому что всѣ условія сложились для насъ необычайно благопріятно. Всѣмъ такъ хотѣлось этого спектакля, всѣ были буквально влюблены въ свои партіи. Начиная съ малютки семи лѣтъ, трепетавшей отъ страха, что не во время выйдетъ пля-

[1]) Собственно говоря, только подправлять уже готовыя, пожертвованныя г-жею Аксаковой.

сать; мальчика-барабанщика, зорко слѣдившаго за моими движеніями, чтобы не прозѣвать барабаннаго ритма, и не исключая Игоря и другихъ уже почтенныхъ отцовъ семействъ, всѣ изо всѣхъ силъ старались, усердно готовились и даже плотники въ одну ночь передъ спектаклемъ соорудили входъ для актеровъ во второй этажъ.

Нѣтъ! такое согласіе и усердіе возможно лишь въ рѣдкіе моменты жизни!

Когда мы въ театрѣ, послѣ спектакля, собрались прощаться другъ съ дружкой—дѣти, ребята, дамы, гимназисты, люди съ положеніемъ въ свѣтѣ, крестьяне, когда всѣ пили за здоровье хозяйки, за процвѣтаніе театра, за актеровъ, за народъ, когда кто-то изъ интеллигентовъ прыгнулъ на сцену и по старинному сталъ изображать «русскую», за нимъ плавно поплыла барышня гордой лебедью, а лютый хористъ помчался вихремъ, вытащивъ на середину красавца-парня, отчеканивавшаго ногами мѣрно, сосредоточенно обычныя фигуры казачка,—и все это подъ звуки самодѣльныхъ инструментовъ, сфабрикованныхъ мѣстными татарами,—когда Игорь грянулъ могучую пѣсню: «Эй, дубинушка, да ухнемъ!» и всѣ подхватили великолѣпный мотивъ и всѣ голоса слились въ одну чудную гармонію,—я въ сотый разъ себя спрашивала, какъ въ плохомъ оперномъ либретто: «гдѣ я? что творится со мною?» Вѣдь это была мечта моей ранней молодости: «деревня... музыка... объединеніе всѣхъ сословій во имя искусства»...

Сейчасъ, сидя у себя въ Судосевѣ въ страдную пору, гдѣ что ни день, то кто-нибудь изувѣчиваетъ себя на работѣ, кто-нибудь на глазахъ у всѣхъ гибнетъ отъ затяжной болѣзни; гдѣ будничная работа кипитъ, засасываетъ и не даетъ никому одуматься,—тутъ я и вовсе не въ состояніи переселиться въ пережитый мною періодъ языковской постановки спектакля; мнѣ кажется, что «Игорь» вовсе никогда не шелъ тамъ, что это одна фантасмагорія, и мнится мнѣ, что это «феерія изъ страны цвѣтущихъ розъ, жасминовъ и сирени...»

Безъ сомнѣнія, если и не удастся переживать еще разъ такого момента общаго подъема духа, то, во всякомъ случаѣ, въ союзѣ съ г-жей Аксаковой и Бларамберг-Черновой можно держать высоко театральное знамя и изъ языковскихъ подмостковъ создать «храмину» чисто народнаго искусства...

в) Судосевскій театръ [1]).

Странно говорить о театрѣ, который не существуетъ, хотя есть пожертвованный домъ подъ театръ, есть и актеры, есть и хоры. Что же мѣшаетъ ему существовать? Что мѣшаетъ... какъ бы это выразиться поточнѣе?.. Нашъ Корсунскій уѣздъ очень *затруднительный*—

[1]) Симбирской губ., Корсунскаго уѣзда.

другого объясненія я не приберу. Затруднителенъ онъ въ смыслѣ тяжеловѣсности въ рѣшеніи вопросовъ, повидимому, самыхъ обыденныхъ. Напр., въ эту зиму одна жертвовательница послала въ нашу управу (съ согласія мѣстнаго земскаго врача) прошеніе съ обязательствомъ, скрѣпленнымъ нотаріальной бумагой, вносить въ теченіе семи лѣтъ ежегодно по 300 рублей на фельдшерское жалованье и ежегодно по 150 руб. на лѣкарства, если управа разрѣшитъ врачебный пунктъ въ селѣ Судѳсевѣ, гдѣ находятся около 5.000 жителей. Управа «затруднилась» принять пожертвованіе и прислала формальный отказъ, мотивируя его тѣмъ, что «есть мѣста, гдѣ больше требуется врачебная помощь, потому что Судѳсево находится въ 10 верстахъ отъ земской больницы» (!). И такъ, цѣнное пожертвованіе пропало, и Корсунскій уѣздъ снова торжествуетъ, проводя въ жизни еще разъ суровое «*нельзя*». Эти вѣчныя корсунскія «нельзя» мнѣ живо напоминаютъ моихъ внучатъ. Сидитъ нахохлившись дѣвочка, лѣтъ шести, и запальчиво кричитъ братишкѣ, бутузу четырехъ лѣтъ: «нейзя!»

— «Мозно!»—флегматично отвѣчаетъ упрямый антагонистъ. Дѣвочка еще болѣе распаляется и перепалка двухъ враждующихъ лагерей продолжается, не выходя изъ рецертуара этихъ двухъ словъ, пока оба не устанутъ, и тогда волей-неволей наступаетъ затишье. Та же самая игра точь-въ-точь повторяется и съ Корсунскимъ уѣздомъ. Два года тому назадъ, были предложены отъ извѣстной благотворительницы деньги на школы грамотности. Я поспѣшила объ этомъ сообщить моему уѣзду.

— «Нейзя!»—завопилъ Корсунскій уѣздъ.

— «Мозно!»—спокойно отвѣтилъ Саранскій, и вотъ уже два года, какъ школки благополучно существуютъ.

Та же исторія съ театромъ.

Когда прошелъ въ Судѳсевѣ спектакль «Илья Муромецъ», то его постигла обычная участь корсунскаго «veto». Я вовсе не желаю распространяться на эту тему и не для того упоминаю объ интимной сторонѣ нашей домашней жизни, чтобы выразить свое неудовольствіе—я всегда довольна!—но просто къ слову пришлось, и, главное, надо же мнѣ объяснить, почему я буду распространяться о вымышленномъ театрѣ. Дѣло въ томъ, что здѣсь театра нѣтъ и въ то же время онъ существуетъ. Существуетъ онъ въ умѣ у судѳсевцевъ; они убѣждены, что рано или поздно двери театра въ Судѳсевѣ широко распахнутся, и мечта ихъ реализируется наконецъ; вотъ почему они и сейчасъ готовятъ роли на «авось».

Возвращусь, однако къ дѣлу. Въ предъидущихъ главахъ я упомянула о типахъ антрепренерскаго и эстетическаго народныхъ театровъ, но оба эти образца суть явленія не заурядныя; масса благопріятныхъ условій ихъ создала, и поэтому они останутся опытами рѣдкими, единственными въ своемъ родѣ. Представленіе «Ильи Муромца» и пропасть деревенскихъ

спектаклей, въ газетахъ не оглашаемыхъ [1]), доставляютъ народу то простецкое, здоровое веселье, которое театръ долженъ внести въ его сѣренькую, скудненькую обстановку и отвлечь его отъ посторонних вредныхъ вліяній. Тутъ вопросъ о томъ, кто долженъ играть въ театрахъ, разрѣшается самъ собой. Въ такихъ театрахъ найдется масса своихъ исполнителей. Въ Рожденственскомъ театрѣ часто затрудняются выборомъ лицъ для исполненія весьма несложныхъ пьесъ, потому что тамъ вопросъ поставленъ на «актерскую» ногу: все тѣ же лица являются исполнителями-завсегдатаями и составляютъ какъ бы группу, отдѣленную отъ своихъ товарищей-крестьянъ, часто даже преслѣдуемую насмѣшками своихъ односельчанъ. Когда театръ является *спросомъ* изъ среды самихъ крестьянъ, то презрительное отношеніе къ яко бы профессіональному актерству должно исчезнуть. Когда я намѣревалась отпраздновать юбилей Сѣрова въ Судо́севѣ, то охотники участвовать въ спектаклѣ являлись безпрестанно ко мнѣ съ вопросомъ: «а меня примешь?» Понятно, что при такой постановкѣ дѣла исполненіе не можетъ достигнуть подобнаго совершенства, какъ въ Рождественѣ, но въ томъ-то и дѣло, что весь интересъ не долженъ сосредоточиваться на стремленіи поднять *театръ*, а рѣшительно должно первенствовать желаніе «расшевелить» слушателей.

Образцовыя труппы должны существовать сами по себѣ, а мужицкое веселье—само по себѣ. Первыя, какъ крупныя деньги, будутъ размѣниваться на мелкія монеты во всѣхъ возможныхъ захолустьяхъ.

Теперь коснемся техническихъ вопросовъ, равно относящихся ко всѣмъ театрамъ: устроить входъ платный или спектакли должны быть даровые? Пока народъ не знаетъ и не вошелъ во вкусъ театральнаго зрѣлища, до тѣхъ поръ безусловно не должно взимать съ него никакой платы; но разъ театръ привлекаетъ уже массу постоянныхъ посѣтителей, то народъ самъ не откажется вносить крохотный вносъ для обезпеченія дальнѣйшей судьбы театра; спѣшу однако, оговориться: театральный вкусъ отнюдь не долженъ быть въ зависимости отъ кассы, иначе театръ быстро перейдетъ къ разряду антрепренерскихъ. Свобода въ выборѣ исполнителей, жизненность сюжета, дешевизна постановки—

---

[1]) Нѣсколько словъ о газетныхъ рецензіяхъ. Слишкомъ преувеличенные отзывы въ отчетахъ о деревенскихъ спектакляхъ могутъ нанести громадный вредъ этому новому дѣлу. Съ одной стороны, слѣдуетъ пощадить самолюбіе не особенно даровитаго человѣка, участвующаго только изъ-за желанія помочь ему двинуться впередъ, а съ другой—минутное увлеченіе мимолетной талантливостью можетъ вызвать въ скромномъ существѣ, не мечтавшемъ о театральныхъ подмосткахъ, тщеславные инстинкты.

Вообще, упоминать въ печати фамиліи исполнителей деревенскихъ театровъ слѣдуетъ съ большой осторожностью и только съ ихъ разрѣшенія—иначе сцена можетъ лишиться весьма полезныхъ соучастниковъ.

вотъ главная гарантія успѣха маленькихъ театриковъ, число которыхъ должно разростись безъ ограниченія.

Теперь поговоримъ о репертуарѣ. Я буду касаться только оперная репертуара, потому что только въ этой области могу себя считать нѣсколько компетентной. Г. Кремлевъ пишетъ въ «Бирж. Вѣд.» по поводу юбилейнаго спектакля Сѣрова слѣдующее:

«Драма Островскаго «Не такъ живи какъ хочется» была до того искажена, сокращена и передѣлана, что отъ Островскаго тамъ осталось весьма мало; въ драму Островскаго попало не только «пѣніе» изъ оперы Сѣрова «Вражья сила», но и часть весьма плохого либретто, не пропѣтаго, а проговореннаго исполнителями въ яко-бы стихотворной формѣ; въ концѣ пьесы были вставлены неизвѣстно по какой причинѣ два №№ духовной музыки, при чемъ одинъ изъ нихъ вовсе не принадлежалъ А. Н. Сѣрову и его «Вражьей силѣ». Я выражалъ по этому поводу свое недоразумѣніе лицамъ, завѣдующимъ театромъ, и оказалось, что такой винигретъ былъ устроенъ въ видѣ исключенія и что они сами противъ такой нелитературной и нехудожественной смѣси, которая понадобилась для чествованія памяти А. Н. Сѣрова».

Я не желаю полемизировать съ иронизирующимъ г. Кремлевымъ, но хочу обратить вниманіе на точку зрѣнія автора этихъ строкъ. Очевидно, что онъ рѣшительно не вдумался въ смыслъ спектакля 30-го марта и, главнымъ образомъ, не вникъ въ музыкальное значеніе этого вечера. Въ юбилей оперы «Вражья сила» надо, ясное дѣло, исполнять музыку изъ «Вражьей силы». Какъ это сдѣлать въ крестьянской средѣ да еще съ крестьянами-исполнителями? Дать оперные отрывки въ концертѣ или исполнить всю оперу? По мнѣнію г. Кремлева, не надо было задаваться неразрѣшимыми задачами; а мы ее разрѣшили по своему и достигли своей цѣли: крестьяне пѣли отрывки изъ «Вражьей силы» и очень недурно (по словамъ самого же г. Кремлева) вполнѣ освоившись съ общимъ смысломъ всей оперы, потому что драма помогла имъ понять ее болѣе или менѣе точно. Что вышелъ винигретъ, я не отрицаю, но, повторяю, что же было дѣлать? Самыя капитальныя музыкальныя картины у Сѣрова—корчма и масляница; ихъ у Островскаго въ драмѣ вовсе нѣтъ. О пятомъ дѣйствіи я имѣю только сообщить, что оно не написано Сѣровымъ, поэтому мы позволили себѣ сдѣлать измѣненія, такъ какъ по Островскому заканчивать оперу невозможно. До моего языковскаго опыта я и не помышляла о сплошномъ оперномъ представленіи на деревенскихъ сценахъ; теперь я «Вражью силу» попытаюсь поставить по-оперному, но все-таки музыкальный репертуаръ въ деревнѣ подлежитъ серьезному обсужденію. Предположимъ, что г. Кремлевъ пріѣдетъ въ Языковскій театръ и услышитъ «Вражью силу» въ сплошномъ оперномъ исполненіи. Онъ успокоится на томъ, что ему, какъ не музыканту, нечего судить о музыкальномъ винегретѣ и пройдетъ молчкомъ мимо искаженнаго Островскаго, какъ это дѣлается уже издавна въ отношеніи всѣхъ либретто. Но—вдругъ пріѣдетъ музыкантъ, поклонникъ «Игоря», и натолкнется на сокращенные хоры, на измѣненія тональностей, и пр. Вѣдь онъ придетъ въ неистовство отъ

подобнаго кощунства! Что же дѣлать? спрашиваю я снова. Ждать, пока деревня въ состояніи будетъ изобразить полную оперу съ оркестромъ? Я знаю одно, что еслибы А. П. Бородинъ услышалъ въ глухой мѣстности свои хоры, исполненные крестьянами,—онъ пришелъ бы въ восторгъ, а еще болѣе онъ умилился бы, еслибы случайно могъ быть свидѣтелемъ оцѣнки деревенскихъ критиковъ-крестьянъ, доказывающихъ другъ-другу, что хоръ бояръ «не пужайся, княгиня» (т.-е. мужайся, княгиня!) слезу прошибаетъ, а Ярославна «больно гоже вопитъ».

А какъ вспомнишь, какимъ измѣненіямъ подвергаются оперы на провинціальныхъ сценахъ, какъ самовольно распоряжаются сценаріумомъ Шекспира, Гёте и др., то невольныя угрызенія совѣсти деревенскаго оперная режиссера могутъ нѣсколько укротиться. И такъ, для меня вопросъ рѣшенъ: я буду измѣнять и упрощать музыкальныя композиціи во имя той пользы, которую я ощущаю отъ переноски хорошей музыки въ деревню, поэтому я хочу подвергнуть кощунству и оперы «Жизнь за Царя», «Руслана», «Рогнѣду», «Бориса Годунова», «Тушинцевъ». Когда я вижу, какъ облагораживаются лица отъ музыкальныхъ впечатлѣній, какъ разгораются глаза подъ вліяніемъ звуковыхъ красотъ, тогда я проникаюсь сознаніемъ, что деревня доросла до оперныхъ зрѣлищъ. Письмо одного соучастника въ Рождественскомъ празднествѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ, и я думаю, не безъинтересно будетъ читателямъ узнать, какъ сами исполнители Рождественскаго театра отнеслись къ юбилейному спектаклю, по заключенію его:

«съ вашимъ отъѣздомъ притихло Рождествено и только постоянные толки и разговоры о послѣднемъ спектаклѣ невольно заставляютъ думать, что въ стѣнахъ нашего театра совершилось новое, важное событіе. Небывалое оживленіе на сценѣ и необыкновенный подъемъ духа исполнителей всецѣло приписываются вліянію музыки, одинаково понятной, какъ образованному, такъ и простому человѣку».

Въ заключеніе, позволю себѣ выразить желаніе, чтобъ музыканты поскорѣе создали народную, разумную оперу, тогда искажать нашихъ композиторовъ не придется. Въ видѣ предостереженія, слѣдуетъ предупредить композиторовъ, что ясность, краткость, жизненность сюжета должны быть положены въ основу подобныхъ деревенскихъ оперъ.

Никогда несуразность либретто не бросается такъ въ глаза, какъ при толкованіи его въ антрактахъ передъ сотенной массой. Чувствуешь себя въ положеніи несостоятельныхъ учителей, коихъ вздорное ученіе въ классѣ перебивается вопросами, продиктованными неиспорченной логикой наивнаго ума. Толкователи жмутся, путаются и въ концѣ концовъ спасаются неизбѣжнымъ изреченіемъ: «ты еще глупъ, ничего не понимаешь»! Да вѣдь слѣдуетъ наставникамъ подумать о томъ что настанетъ же, наконецъ, время, когда ребята повзрослѣютъ.

В. Сѣрова.

Къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи до и во время революціи.

(Отвѣтъ М. М. Ковалевскому).

Рѣдкій вопросъ вызывалъ столько споровъ, какъ вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи XVIII в. и о томъ дѣйствіи, какое крупнѣйшій изъ земельныхъ переворотовъ, какіе только знаетъ исторія, т.-е. продажа національныхъ имуществъ, оказалъ на распредѣленіе поземельной собственности во Франціи. Казалось бы, въ виду громаднаго интереса, представляемаго этимъ вопросомъ, что все, что можно было сказать по поводу его, уже сказано, что всѣ данныя, необходимыя для полнаго его изученія и выясненія, и даны, и обслѣдованы. На дѣлѣ, однако, оказывается совершенно иное. И исторія продажъ національныхъ имуществъ, и вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи до революціи не перестаетъ служить яблокомъ раздора между тѣми, кто старается доказать, что продажа національныхъ имуществъ создала мелкую крестьянскую собственность во Франціи, и тѣми, кто категорически отрицаетъ это и думаетъ, что продажа національныхъ имуществъ пошла на пользу лишь буржуазіи и богатыхъ классовъ. Споръ ведется издавна, болѣе 50 лѣтъ, и тѣмъ не менѣе, когда просматриваешь литературу вопроса,—не находишь въ ней новыхъ и серьезныхъ аргументовъ въ подкрѣпленіе либо того, либо другого изъ этихъ мнѣній. На то, что могло бы выяснить и окончательно рѣшить вопросъ, обращено было мало вниманія. Главнѣйшіе документы, съ помощью которыхъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ: и акты продажи, и описи земель, изобилующіе въ провинціальныхъ французскихъ архивахъ, не только не изданы, но даже остаются совершенно необслѣдованными. Отъ того, если присмотрѣться къ источникамъ, откуда почерпались аргументы изслѣдователями обоихъ указанныхъ направленій, то окажется, что въ основѣ ихъ лежатъ либо фразы депутатовъ національнаго и послѣдующихъ собраній о необходимости увеличенія крестьянской собственности, либо фразы изъ рѣчей ораторовъ изъ духовенства и клерикальныхъ брошюръ, вышедшихъ до начала самой продажи [1]), съ добавленіемъ иногда случай-

[1]) См. мою статью: «По поводу одной исторической легенды» въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Кіевскаго университета».

ныхъ, единичныхъ фактовъ, въ родѣ письма какого-нибудь частнаго лица или свидѣтельства какого-либо иностранца.

Такое состояніе этого вопроса въ исторической литературѣ, вопроса, имѣющаго не одно только научное значеніе, и побудило меня сдѣлать попытку нѣсколько ближе подойти къ его изученію, ознакомиться съ нимъ, насколько это было возможно, путемъ изученія, какъ актовъ продажи, такъ и территоріальныхъ описей, *непосредственно* предшествовавшихъ революціи. Съ этою цѣлью я дважды предпринялъ поѣздку въ департаментскіе архивы Франціи, успѣлъ изучить только немногіе изъ нихъ и едва только началъ работу, требующую еще розысканій въ нѣсколькихъ новыхъ департаментскихъ архивахъ. Но раньше, чѣмъ дать полное изслѣдованіе, которое, понятно, можетъ появиться только въ будущемъ, я выпустилъ два отчета. Въ первомъ я пытался дать только характеристику тѣхъ матерьяловъ, съ которыми я познакомился въ трехъ изученныхъ мною архивахъ, ознакомить читателей съ тѣмъ, что даютъ матерьялы эти для рѣшенія вопроса, и указать способы разработки матерьяловъ, и въ этихъ видахъ представилъ, въ видѣ образчиковъ, нѣсколько статистическихъ таблицъ для указанія того, что можно найти въ разсмотрѣнныхъ мною по тремъ департаментамъ документахъ. Затѣмъ, въ 1896 г. я выпустилъ второй отчетъ, въ которомъ попытался для двухъ только дистриктовъ—Лана и Тараскона—дать точныя данныя о продажахъ во время революціи и о распредѣленіи поземельной собственности до революціи, данныя далеко не полныя и касающіяся, главнымъ образомъ, внѣшней, а не внутренней исторіи продажъ, но стоящія въ полномъ противорѣчіи съ обоими господствующими въ литерстурѣ мнѣніями.

Вотъ эти-то отчеты, въ которыхъ я два или три раза позволилъ себѣ высказать несогласіе, между прочимъ, и съ взглядами г. М. Ковалевскаго на вопросъ, и вызвали появленіе въ «Русской Мысли» (авг. 1896 г.) его статьи, повидимому, посвященной критикѣ моихъ отчетовъ.

Я говорю: «повидимому», потому что чѣмъ далѣе читалъ я эту статью, тѣмъ все болѣе и болѣе недоумѣвалъ и сомнѣвался... Съ одной стороны, мнѣ казалось, что авторъ рецензіи говоритъ то какъ будто о напечатанныхъ мною отчетахъ, то о какихъ-то другихъ, которые онъ принялъ за мои, и я недоумѣвалъ, были-ли въ его рукахъ только подлинные мои отчеты или какая-то, мнѣ неизвѣстная, ихъ контрафакція, и неполная, и невѣрная. Съ другой стороны, не могъ я иногда опредѣлить, шутитъ-ли авторъ рецензіи, или говоритъ серьезно, критикуетъ-ли онъ мои пріемы, характеризуетъ ихъ, или подразумѣваетъ чьи-то иные (а чего добраго, и свои собственные?). Тонъ статьи, повидимому, «серьезный, ученый». Но начинаешь «вникать», и, подъ покровомъ серьезности, проглядываетъ шутка. Вотъ, напр.: читающій находитъ въ рецензіи рядъ истинно «ученыхъ и литературныхъ» обвиненій въ употребленіи «адвокатскихъ пріемовъ», «подтасовкѣ»,

находитъ и такую фразу, что «нельзя безнаказанно» разсчитывать, что «читатель не сочтетъ нужнымъ провѣрять ссылки» и т. п. Прочтешь текстъ статьи,—и всѣ такіе эпитеты и поученія, видимо, сказаны по моему адресу... Но г. рецензентъ — шутникъ. Немного вниманія, и дѣйствительность выступаетъ изъ надѣтыхъ на нее покрововъ.

Изъ второго моего отчета г. рецензентъ приводитъ одно мое замѣчаніе по поводу его же книги о «происхожденіи демократіи», гдѣ я называю сдѣланный имъ (II, 215) упрекъ *конституантѣ* и дѣятелямъ 1789 г. въ томъ, «почему было ей, т.-е. *конституантѣ*, не допустить... той помощи, какую въ дѣлѣ пріобрѣтенія земель крестьянами могло оказать начало ассоціаціи»,—страннымъ и противорѣчащимъ дѣйствительности. Г. К—ій противъ этихъ моихъ словъ возражаетъ, что-де онъ на той же 215 страницѣ своей книги цитуетъ законъ 1793 г., воспрещающій образовывать крестьянамъ ассоціаціи при покупкахъ земли, т.-е. національныхъ имуществъ,—законъ (замѣтимъ это), изданный *конвентомъ*,—и выражаетъ удивленіе и негодованіе, почему я умолчалъ объ этомъ. Затѣмъ идетъ приведенная выше фраза или поученіе: «нельзя безнаказанно» и пр. Къ кому относится это поученіе? Врядъ-ли ко мнѣ. Въ моемъ отчетѣ (II, 58) я излагаю мнѣніе г. К—го о законодательной дѣятельности *конституанты*, привожу подлинныя слова его и такъ какъ знаю, что *никакого* закона, воспрещающаго образованіе ассоціацій крестьянамъ для покупокъ земель *конституанта* не издавала, что, далѣе, такія крестьянскія ассоціаціи существовали *до изданія закона 1793 г.*, то утверждалъ, продолжаю утверждать и теперь, что упрекъ г. К—аго *конституантѣ* противорѣчитъ дѣйствительности. Очевидно, никакой неточности въ ссылкѣ, никакой увѣренности въ «безнаказанности» съ моей стороны не было и быть не могло. Да еслибы даже г. рецензентъ серьезно хотѣлъ прочесть это поученіе *именно мнѣ*, то, очевидно, необходимо было бы допустить невѣроятное предположеніе, что для г. К—аго все равно, что конституанта, что конвентъ, и что для характеристики «соціальнаго законодательства *конституанты*» (о чемъ только и идетъ у г. К—аго рѣчь въ главѣ, откуда взято инкриминированное мѣсто) можно и должно пользоваться безразлично законами какъ *конституанты*, такъ и *конвента*. Не могу допустить и мысли о возможности такого пріема у ученаго рецензента, и думаю, что его поученіе о наказуемости есть либо шутка, либо относится къ кому-то другому... каковой и долженъ подлежать указанному г. К—имъ наказанію.

И не трудно открыть, къ кому обращено поученіе, какъ и всѣ «пріятные во всѣхъ отношеніяхъ», чисто «литературные» эпитеты и комплименты о «подтасовкѣ», «адвокатствѣ» и т. п. Къ кому, какъ не къ неизвѣстному автору невѣдомой мнѣ контрафакціи моихъ отчетовъ? Одно мѣсто рецензіи особенно ярко обнаруживаетъ это. Г. рецензентъ

приводитъ, между прочимъ, одну фразу изъ моего отчета, гдѣ сказано, что буржуазія скупала большее количество земель въ окрестностяхъ городовъ, чѣмъ вдали отъ нихъ. Фраза такова: «это фактъ, на который не было обращено большого вниманія». Здѣсь въ рецензіи фраза моя оборвана, поставлены кавычки, и затѣмъ г. рецензентъ съ подобающей важностью уже отъ себя говоритъ: «но который (т.-е. указанный въ отчетѣ фактъ), *прибавляемъ отъ себя*, не ожидая возраженій со стороны г. Л—аго, обратилъ на себя вниманіе критикуемаго имъ г. Минцеса». Читающій подумаетъ, что это: «прибавляемъ отъ себя» принадлежитъ г. рецензенту. Ничуть не бывало. Слова г. К—аго почти текстуально сказаны въ моей брошюрѣ, и именно непосредственно за приведенной г. рецензентомъ моей фразой. Вотъ эти слова въ моемъ *подлинномъ* отчетѣ:

«а между тѣмъ имъ можетъ быть объяснено то явленіе, на которое *съ такой ясностію и убѣдительностью указалъ* г. *Минцесъ*, а именно, что не только въ окрестностяхъ Парижа, но даже на такомъ разстояніи отъ него, какъ гор. Понтуазъ, продажи,—какъ сообщилъ мнѣ г. Минцесъ, — носили тотъ же характеръ и въ окрестностяхъ Версаля, какъ и въ окрестностяхъ Парижа». (2-ой отчетъ, 64).

Выходитъ, будто бы въ экземплярѣ брошюры, находившемся въ рукахъ почтеннаго рецензента, этого послѣдняго мѣста нѣтъ, и что подлежащимъ наказанію долженъ быть авторъ контрафакціи. Но г. рецензентъ предупреждаетъ, что онъ дѣлаетъ цитату, «не ожидая съ моей стороны возраженій». Не значитъ-ли это, что онъ просто шутитъ? А такого рода шутокъ въ рецензіи не мало. Что, какъ не шутка, напр., слѣдующія слова почтеннаго рецензента: «г. Л — ій любитъ выраженія: «открылъ», «указалъ», «разъяснилъ», «впервые обратилъ вниманіе» и т. д., и все это, замѣтьте, въ кавычкахъ, т.-е., значитъ, подлинныя мои выраженія, когда Лучицкій какъ разъ и не любитъ ихъ, и *не употребляетъ вовсе* въ своихъ брошюрахъ. Въ одной изъ нихъ и то лишь однажды сказано, что «я открылъ» описи въ архивѣ департ. Côte d'Or, такъ называемыя nouveaux pieds des tailles. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ, откуда почтенный рецензентъ взялъ якобы подлинныя мои слова и поставилъ ихъ еще въ ковычки, — такихъ выраженій нѣтъ: ихъ, шутки ради, просто на просто выдумалъ почтенный рецензентъ.

Вотъ почему, просматривая статью моего рецензента, я постоянно почти, узнавалъ, къ немалому изумленію, о такихъ выводахъ, мнѣніяхъ, фразахъ, которыя, по словамъ г. рецензента, принадлежатъ будто бы мнѣ, но которыхъ я тщетно искалъ въ своихъ подлинныхъ отчетахъ. Встрѣчалъ я, правда, какъ будто мои слова и въ ковычкахъ, и безъ нихъ; казалось, что они имѣются и у меня, но только безъ тѣхъ урѣзокъ или прибавленій, какими украсилъ ихъ, очевидно введенный въ заблужденіе контрафакціей, почтенный рецензентъ. А то иногда попадутся двѣ — три фразы, вырванныя изъ текста, безъ объясненія ихъ

связи съ тѣмъ, что тамъ сказано, и насильственно сведенныя въ одно мѣсто. Словомъ, чистѣйшая фантасмагорія!

Разобраться въ этой фантасмагоріи—дѣло не особенно легкое, а, главное, крайне длинное. Поневолѣ приходится, поэтому, заниматься разборкою фантасмагоріи въ гораздо большей степени, чѣмъ существомъ дѣла. Мы просимъ извиненія у читателей за такой характеръ настоящей замѣтки: вину въ томъ мы не можемъ принять на себя...

Послѣдуемъ же за нашимъ почтеннымъ рецензентомъ въ его разборѣ отчетовъ.

I.

Во всеоружіи тщательнаго знакомства съ разбираемыми отчетами, г. рецензентъ провозглашаетъ: «*присмотримся къ самому ходу работы, вникнемъ въ ея частности, въ порядокъ производства статистическихъ выкладокъ въ каждомъ изъ выбранныхъ департаментовъ*», и затѣмъ начинаетъ «вникать» и «присматриваться» въ ту часть перваго отчета, гдѣ говорится о моихъ работахъ по деп. Верхней Гаронны. «Вниканіе» даетъ сразу же требуемые и самые блестящіе результаты: отъ всего написаннаго въ отчетѣ по поводу деп. Верхней Гаронны, увы! не остается камня на камнѣ. Удары такъ сильны, такъ хорошо направлены, что невольно возникаетъ въ умѣ заключеніе, къ которому и приходитъ г. рецензентъ, а именно, что изъ обѣщанныхъ департаментовъ деп. Верхней Гаронны пропадаетъ «для насъ» (т.-е. для г. рецензента) «безслѣдно». И въ самомъ дѣлѣ, оказывается, во-1-хъ, что авторъ брошюры, «по невполнѣ выясненнымъ причинамъ, ограничиваетъ изслѣдованія свои *всего однимъ* дистриктомъ»; во-2-хъ, самъ же «чистосердечно сознался»: «*въ совершенной безплодности своихъ изысканій въ громадной и въ высшей степени интересной коллекціи* délibérations и correspondance и центральнаго, и мѣстныхъ дистриктовъ»; въ-3-хъ, освобождаетъ г. рецензента отъ необходимости квалифицировать свой трудъ, ибо самъ даетъ квалификацію своей работы въ Тулузѣ слѣдующимъ образомъ: «данныя, собранныя мною въ Тулузѣ, были болѣе чѣмъ скудны въ томъ, что касается распредѣленія поземельной собственности до революціи». Какія же еще нужны доказательства послѣ всего, приведеннаго выше, о полной «безслѣдности» для г. К—аго моей работы? Вѣдь г. рецензентъ поучаетъ же, какъ нельзя «поступать» съ цитатами, и, слѣдовательно, несомнѣнность его утвержденій приводимыхъ имъ словъ моихъ еще болѣе возрастаетъ. И эта несомнѣнность, эта точность доходитъ до того, что на стр. 127 рецензіи утверждается, что я изслѣдовалъ всего одинъ только дистриктъ (Muret), а на 128, что изученныхъ мною по деп. Верхней Гаронны дистриктовъ было шесть, какъ то и значится въ дѣйствительности въ подлинномъ моемъ отчетѣ. Очевидно, что здѣсь фокусъ: изъ одного получилось шесть. Но это мелочь! Настоящіе фокусы авторъ

рецензіи преподноситъ читателямъ одинъ за другимъ съ поразительною быстротою, и вполнѣ торжествуетъ. По словамъ его, я «чистосердечно» сознался въ безплодности разысканія въ délibérations директорій, но такъ какъ г. рецензенту нуженъ фокусъ, и нельзя же передъ публикою «чистосердечно» открывать способъ его производства, то за приведеніемъ моей фразы г. рецензентъ ставитъ точку. Но одно изъ двухъ: или г. К—ому неизвѣстно, что такое délibérations и correspondance директорій, или... ему желательно, чтобы читатель подумалъ, что именно въ этихъ-то délibérations и проч. и заключается суть дѣла, что въ нихъ-то вся сила статистическихъ данныхъ для исторіи продажъ національныхъ имуществъ. И для этой цѣли вычеркнута маленькая фраза, находящаяся въ текстѣ брошюры: «въ высокой степени интересной *для исторіи революціи*» (ясно, что для департамента Верхней Гаронны), и—фокусъ готовъ. Но вотъ несчастье, и я сильно сожалѣю объ этомъ: въ délibérations и correspondance директорій, которыя суть не иное что, какъ протоколы засѣданій, и въ которыхъ заключается вся ихъ административная переписка по разнымъ дѣламъ, абсолютно никакихъ не только статистическихъ данныхъ о продажахъ, количествѣ ихъ, скупившихъ земли лицахъ нѣтъ и быть не можетъ, но даже нѣтъ и простого перечня ихъ. Если я обращался къ délibérations и correspondance, то потому, что,—какъ я это объясняю въ отчетѣ (первый отчетъ, стр. 28, 15, 16),—разсчитывалъ найти въ нихъ что-либо «характеризующее тѣ принципы, которыми руководились въ дѣлѣ продажи мѣстные дѣятели», то отношеніе, въ какомъ они стояли къ продажѣ, узнать, каковы были ихъ воззрѣнія на продажу земель буржуазіи и крестьянамъ, къ чьимъ интересамъ они относились болѣе сочувственно и т. д. Такъ какъ именно такого рода данныхъ въ délibérations и проч. не оказалось, то я и выразился, что розыски мои въ этой коллекціи оказались безплодными.

Не успѣлъ г. рецензентъ поразить однимъ фокусомъ, какъ у него готовъ и другой, еще болѣе блестящій. На случай неуспѣха одного, поможетъ другой. И дѣйствительно помогъ г. рецензенту, благодаря мною же данной мнѣ квалификаціи. Г. рецензентъ приводитъ цитированную уже выше фразу, торжественно заявляя: «мы воздерживаемся отъ всякихъ квалификацій, кромѣ тѣхъ, какія онъ дастъ результатамъ своей усидчивой работѣ въ Тулузѣ». И весьма «благоразумно» поступилъ въ данномъ случаѣ г. К—ій, ибо иначе пришлось бы, быть можетъ, сочинять невеселыя квалификаціи по поводу неизвѣстнаго автора брошюры, продѣлывающаго всякія шутки съ г. рецензентомъ... Пріемъ г. рецензента слѣдующій: онъ беретъ мою фразу, отрѣзываетъ конецъ и—желанный эффектъ произведенъ. У меня сказано (стр. 30 перваго отчета), что «данныя, собранныя мною въ Тулузѣ, были болѣе чѣмъ скудны въ томъ, что касается распредѣленія крестьянской собственности до революціи *по дистрикту Сенъ-Годенсъ*», о которомъ и

идетъ рѣчь въ данномъ мѣстѣ отчета. Благодаря фокусу оказалось, будто *мои слова относятся къ цѣлому деп. Верхней Гаронны*, о которомъ, какъ нарочно, въ *подлинномъ* отчетѣ сказано, что я нашелъ весьма значительный матерьялъ въ кадастрахъ Тулузской области, при чемъ данъ и перечень списанныхъ мною кадастровъ. Г. К—му зачѣмъ-то понадобилось замолчать мои слова на счетъ кадастровъ и заняться «литературной» урѣзкой...

Если теперь мы спросимъ, зачѣмъ необходимы были эти фокусы, то у самого же г. рецензента найдемъ и нѣкоторыя объясненія этому. На 128 стр. рецензіи, упрекая меня, что я далъ въ отчетѣ данныя только по одному дистрикту Muret, г. К—ій беретъ на себя трудъ объяснить причины, почему я взялъ только данныя по Muret и не далъ ихъ по другимъ дистриктамъ.

«Дистриктъ этотъ,—говоритъ онъ, —дорогъ ему (т.-е. мнѣ) вотъ по какой причинѣ: въ статьѣ, озаглавленной соціальное законодательство конституанты, я высказалъ догадку, что фермеры, какъ наиболѣе зажиточный сельскій классъ... должны были больше крестьянъ воспользоваться продажею церковныхъ имуществъ, и вотъ оказывается, что въ дистриктѣ Muret встрѣчается только одинъ фермеръ» [1]).

Попутно г. рецензентъ сообщаетъ и такое весьма крупное обстоятельство, какъ то, что «одна кіевская газета подчеркнула этотъ фактъ, какъ явное доказательство тому, что все сказанное» г. К—имъ, «сказано было на вѣтеръ». Объясненіе весьма любопытное и характерное, но требующее опять объясненій. Дѣло вотъ въ чемъ. На стр. 5—7 перваго отчета (о Muret рѣчь идетъ на стр. 27—8) я—каюсь въ моемъ страшномъ преступленіи—осмѣлился выразить сомнѣніе въ точности и основательности «открытія», сдѣланнаго г. К—имъ, который въ статьѣ, упомянутой нами, высказалъ это открытіе не въ видѣ догадки, а категорически и какъ безспорную истину [2]). Оказалось, что я затронулъ непогрѣшимость г. К—аго, о каковой, сознаюсь «чистосердечно», я не зналъ, да и не предполагалъ, что она распростра-

---

[1]) Г. рецензента приводитъ въ «изумленіе» фактъ самого существованія даже одного фермера въ Тулузской области. И это потому, что, говоритъ г. К—ій, «по словамъ Кене», къ югу отъ Луары ихъ не было, *слѣдовательно* не могли существовать они и въ Тулузской области. А пишущаго эти строки не менѣе приводитъ въ изумленіе слово г. рецензента: «слѣдовательно», потому что данныя roles de capitation по Тулузской области убиваютъ это «слѣдовательно». Roles эти для 146 деревень даютъ 46 фермеровъ (см. 2 отчетъ стр. 24), а въ актахъ продажи не только дистрикта Muret, но и другихъ дистриктовъ встрѣчаются иногда среди покупщиковъ и fermiers.

[2]) Вотъ подлинныя слова г. К—аго въ его книгѣ: «Происхожденіе демократіи»: «не удивительно, если не повторявшаяся еще въ исторіи земельная революція... пошла на пользу почти исключительно среднему сословію, въ лицѣ не однихъ только капиталистовъ, но и членовъ либеральныхъ профессій, главнымъ же образомъ фермеровъ» (II, 215—16). А затѣмъ: «*вся свидѣтельства сходятся въ признаніи, что большинство проданныхъ... земель церкви сосредоточились въ рукахъ прежнихъ арендаторовъ*» (Ib. 216). Эти мѣста въ книгѣ—перепечатка текста статьи г. К—аго.

няется не на одного только папу. Очевидно, что столь зловредный еретикъ, какъ я, долженъ понести наказаніе, и оно теперь въ видѣ рецензіи и должно было быть получено мною. Но любопытно, какъ въ данномъ случаѣ оформлено это «суровое» наказаніе. Съ помощью злосчастнаго дистрикта Muret съ его единственнымъ фермеромъ и въ видѣ миѳической статьи какой-то кіевской газеты! Какъ бы ни хотѣлось мнѣ покаяться изъ за дистрикта Muret, но сдѣлать этого никакъ не могу, и, какъ нераскаянный грѣшникъ, позволяю себѣ съ большимъ смиреніемъ объясниться. На тѣхъ страницахъ, гдѣ говорится о Muret, о г. К—омъ и его открытіи или, какъ онъ теперь выражается «догадкѣ», я не говорю ни одного слова, а что касается до какой-то кіевской газеты, то ни въ одной изъ нихъ не было никакой такой статьи, гдѣ бы находилось приведенное г. К—имъ обвиненіе его. Нѣчто подобное было сказано, но въ одномъ журналѣ, и сказано было не по поводу дистрикта Muret, а по поводу совсѣмъ другого факта, о чемъ г. рецензентъ, «слѣдуя обычному своему пріему» (квалификація и слова самого г. рецензента), вѣроятно, забылъ. Зловреднымъ дистриктомъ является совсѣмъ не дистриктъ Muret (поэтому и объясненія г. рецензента о причинахъ, побудившихъ меня остановиться на этомъ дистриктѣ, сочинены имъ просто gratis), а дистриктъ *аррасскій*. Г. К—ій прочелъ въ дневникѣ одной англичанки, жившей во время революціи въ Аррасѣ, сообщеніе о покупкахъ, производимыхъ фермерами въ окрестностяхъ Арраса. Этого свидѣтельства и неопредѣленной фразы изъ отчета 1793 г. одного депутата департ. Па-де-Кале министру внутреннихъ дѣлъ оказалось болѣе чѣмъ достаточнымъ, чтобы не только сдѣлать отсюда выводъ для дистрикта Арраса о томъ, что покупки здѣсь совершались, главнымъ образомъ, фермерами, но и распространить его на *всю* Францію. Этому-то выводу и этимъ свидѣтельствамъ, на которыя одни только и опирается г. К—ій, я имѣлъ неслыханную дерзость противопоставить вовсе не одного фермера изъ дистрикта Muret, а факты изъ актовъ продажи по дистрикту Аррасъ. Изъ нихъ явствуетъ слѣдующій любопытный фактъ, о которомъ ни словомъ не упомянуто въ рецензіи, а именно, что изъ общаго числа всѣхъ покупщиковъ церковныхъ имуществъ (около 5.000) только 179 фермеровъ пріобрѣли земли, и изъ нихъ 100 пріобрѣли отъ 10 до 1 journaux, т.-е. такое количество земли, которое, по увѣренію самого же рецензента, не даетъ пріобрѣвшему такіе участки права называться собственникомъ (см. рецензію, стр. 128), и всего 9 фермеровъ отъ 200 до 400 journaux. Добавлю, что процентное отношеніе покупокъ фермеровъ въ аррасскомъ дистриктѣ къ общему количеству проданной земли перваго происхожденія даже не доходило до 5%, т.-е. они не пріобрѣли въ этомъ дистриктѣ даже столько земли, сколько въ дистриктѣ Лана (Laon); гдѣ фермеры скупили около 6,8% проданной церковной земли (см. второй отчетъ,

стр. 43). Въ виду такихъ неоспоримыхъ фактовъ, мнѣ незачѣмъ было, какъ совершенно напрасно догадывается мой рецензентъ, прибѣгать къ дистрикту Muret съ его однимъ фермеромъ.

Таковы ученые пріемы почтеннаго рецензента, таково его: «вникнемъ» и «присмотримся» по отношенію къ работамъ моимъ по департ. Верхней Гаронны. Слѣдуетъ-ли идти далѣе по стопамъ автора рецензіи, разсматривать шагъ за шагомъ-то, что открыто имъ по отношенію къ двумъ другимъ изъ *трехъ* департаментовъ, о работахъ въ архивахъ которыхъ я и говорю въ своемъ первомъ отчетѣ? Дѣлать это значило бы повторять почти буквально то же, что сказано по отношенію къ критикѣ моихъ работъ въ архивѣ деп. Верхней Гаронны. Вся статья г. рецензента отличается такою цѣльностью, такимъ замѣчательнымъ единствомъ тона, пріемовъ, что какую бы часть ея мы ни взяли, все равно—одни и тѣ же объясненія пришлось бы давать и повторять и для всѣхъ другихъ. Я позволю себѣ остановиться лишь на двухъ мѣстахъ рецензіи, тѣхъ, гдѣ рѣчь идетъ о работахъ моихъ въ департаментахъ Côte d'Or и Pas de Calais, и это тѣмъ болѣе, что я невольно ввелъ г. рецензента, какъ онъ увѣряетъ, въ «недоумѣніе» и взвалилъ на плечи его большую тяжесть.

Страница 133 рецензіи представляетъ такой замѣчательный образчикъ толкованія одного мѣста моей брошюры, что трудно воздержаться и не придти въ полное отъ нея восхищеніе. Г. рецензентъ жалуется на «недоумѣнія», которыя вызываетъ въ немъ мой отчетъ и какъ на одно изъ такихъ недоумѣній—и самое сильное—указываетъ на то, что у меня сказано по поводу общины Пренуа. Вотъ это замѣчательное мѣсто:

«Авторъ,—говоритъ г. К—ій,—указываетъ, что выведенныя имъ для общины Пренуа цифры: 89,7% собственниковъ и 8,7% безземельныхъ, причемъ въ основаніе принятъ nouveau pied des tailles 1780 г., стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ цифрами, приводимыми для той же общины и за тотъ же годъ role particulier des tailles. Процентъ собственниковъ по даннымъ role,—замѣчаетъ онъ,—составляетъ только 11,9%, т.-е. почти столько же, сколько въ данномъ селѣ было безземельныхъ. Чтобы объяснить такое противорѣчіе, авторъ ввергаетъ насъ въ еще большее недоумѣніе, объявляя, что тѣ, кто въ его графахъ обозначенъ подъ именемъ землепашцевъ «laboureurs», не всегда были собственниками, и что въ этомъ онъ убѣдился изъ примѣра названныхъ двухъ общинъ, и изъ массы другихъ данныхъ какъ въ Артуа, такъ и въ области Тулузы (стр. 24)». «Что же намъ дѣлать,—восклицаетъ патетически недоумѣвающій ученый рецензентъ,—послѣ этого съ его данными, въ которыхъ собственниками указаны тѣ, кто не всегда были собственниками, а безземельными тѣ, кто не всегда были безземельными?»

Таково печальное положеніе, въ какое, очевидно, по моей винѣ (такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ онъ), попалъ почтенный рецензентъ и въ какое онъ видимо желаетъ поставить и читателя. Это побуждаетъ насъ придти къ г. К—ому на помощь и разъяснить ему его «недоумѣніе». Одною изъ причинъ такого «недоумѣнія» то, что г. рецензентъ забылъ или не догадался сообразить простой вещи.

а именно, что первая половина приведенныхъ имъ словъ взята изъ одного мѣста отчета, а вторая, о безземельныхъ крестьянахъ, изъ совершенно другого (одно на 23 стр., а другое на 24 стр.) и что, соединивши обѣ въ одну и выставляя самовольно вторую, какъ объясненіе первой, авторъ рецензіи, очевидно, не вполнѣ уяснилъ себѣ, о чемъ идетъ рѣчь въ обоихъ случаяхъ. Съ другой стороны, авторъ обнаружилъ, что ему совершенно неизвѣстно то, что заключаютъ въ себѣ roles particuliers des tailles и что nouveaux pieds des tailles. Все это объяснено въ брошюрѣ весьма подробно на стр. 18 и сл. 22 по 23 перваго отчета, и на стр. 17, 25 и 26 второго отчета; но, увы! приходится вновь выяснять все это недоумѣвающему нашему рецензенту, повторять азбуку...

Замѣчу прежде всего, что въ томъ мѣстѣ, изъ котораго взята г. рецензентомъ первая половина его цитаты, разбирается вопросъ, можно или нѣтъ пользоваться roles des tailles, какъ источникомъ для изученія *распредѣленія поземельной собственности* во Франціи и въ частности крестьянской. Тамъ же доказывается, что для этой цѣли пользоваться этими roles нельзя, что они пригодны лишь для опредѣленія *состава* крестьянскаго населенія. И вотъ основанія, почему я прихожу къ такому выводу. Что заключаютъ въ себѣ roles des tailles? Списокъ всѣхъ податныхъ лицъ каждой деревни, съ обозначеніемъ размѣра падающаго на каждаго taille, съ указаніемъ профессіи каждаго, т.-е. laboureur-ли онъ, ремесленникъ и проч., вдова-ли крестьянина, ремесленника и т. д. За исключеніемъ roles des tailles Нормандіи (въ архивѣ Руана), въ другихъ roles des tailles и въ частности въ бургундскихъ, *нѣтъ ровно никакихъ данныхъ о количествѣ движимой или недвижимой собственности податныхъ лицъ.* Ясно-ли теперь, что изъ roles des tailles нельзя почерпнуть данныхъ о землевладѣніи? Но въ бургундскихъ roles des tailles отмѣчается относительно однихъ только laboureurs, суть-ли они собственники, propriétaires, или нѣтъ. О всѣхъ другихъ классахъ сельскаго населенія такого упоминанія вовсе не дѣлается. Отсюда и заключеніе, что если ограничиваться для опредѣленія количества собственниковъ одними roles des tailles, то получится весьма незначительный процентъ сравнительно съ процентомъ якобы безземельныхъ: всего-11,9% въ примѣрѣ Пренуа. Будетъ-ли такой выводъ правильнымъ и вѣрнымъ? Имѣя въ рукахъ nouveaux pieds, т.-е. настоящія кадастровыя книги, составлявшіяся отъ времени до времени для пересмотра обложенія и установленія новаго распредѣленія taille между жителями и заключавшія въ себѣ поэтому всѣ данныя для исчисленія и количества земли, находившейся въ рукахъ всѣхъ и каждаго лица, каждаго класса сельскаго населенія, и суммы движимости каждаго, его долговъ и т. п., мы должны естественно опираться лишь на нихъ однихъ, а отнюдь не на roles des tailles, при исчисленіи распредѣленія собственности, процентнаго отношенія

собственниковъ къ безземельнымъ и т. д. Чтобы показать разницу въ этомъ отношеніи между roles des tailles и nouveaux pieds, я взялъ деревню Пренуа и выражаюсь слѣдующимъ образомъ въ своей брошюрѣ: если брать данныя roles des tailles по деревнѣ Пренуа (и тоже и во всѣхъ другихъ деревняхъ), то процентъ собственниковъ получится очень малый. Наоборотъ, если взять nouveau pied по деревнѣ Пренуа (и все равно и для всѣхъ другихъ деревень) и исчислить количество собственниковъ и безземельныхъ, то получатся какъ разъ обратныя цифры: число *дѣйствительныхъ* безземельныхъ по nouveaux pieds почти уравняется съ числомъ собственниковъ по roles des tailles. «Понятно,—говорю я въ концѣ разсужденія по вопросу о значеніи roles des tailles,—къ какимъ выводамъ можно было бы придти на основаніи только ихъ однихъ и насколько выводы эти оказались бы годными и цѣнными».

Вторая часть цитаты г. К—аго относится уже къ совершенно другому мѣсту брошюры, тому именно, гдѣ я возражаю противъ высказаннаго въ литературѣ мнѣнія, что главнымъ образомъ laboureurs были собственниками, а manouvriers, artisans (ремесленники) и т. д. безземельными. Что значитъ эта фраза,—г. рецензентъ недоумѣваетъ. А вотъ что: въ nouveaux pieds, гдѣ означено, кто владѣетъ собственностью, а кто нѣтъ, собственниками оказываются и manouvriers, и ремесленники и т. д., а не одни лишь laboureurs. Наоборотъ, между laboureurs встрѣчаются и безземельные. Послѣ того, какъ указано было, что roles des tailles не могутъ служить источникомъ для опредѣленія количества собственниковъ, мнѣ уже, понятно, незачѣмъ было упоминать о нихъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Всѣ данныя о количествѣ безземельныхъ, какъ laboureurs, такъ и др., которыя такъ сильно затрудняютъ и изумляютъ г. К., взяты *исключительно* изъ единственнаго достовѣрнаго источника, т.-е. изъ nouveaux pieds. Прибавимъ для разсѣянія «недоумѣній» г. рецензента (если это нужно и возможно), что тѣ изъ laboureurs, которые означены въ бургундскихъ roles des tailes, какъ proprietaires, *всегда значатся таковыми же и* въ nouveaux pieds. Еслибы г. К—ій былъ знакомъ съ ними, онъ перестадъ бы «недоумѣвать»!..

Департаментъ Côte d'Or вселилъ «недоумѣніе» въ почтеннаго рецензента. Департаментъ Па-де-Калэ «огорчаетъ» его и заставляетъ страдать: ему тяжело, и такъ какъ, видимо, вина лежитъ на мнѣ, то позволю себѣ снять эту тяжесть съ г. рецензента, чтобы вернуть его къ его естественному состоянію. Въ своихъ «потугахъ» «присмотрѣться», «вникнуть», «послѣдовать за Л—имъ, въ потугахъ историческо-статистическаго изученія того, что, на нашъ (т.-е. г. К—аго) взглядъ, не допускаетъ статистической опредѣленности» (почему?), г. рецензентъ никакъ не можетъ разобраться въ томъ, что говорится о работахъ моихъ въ деп. архивѣ въ Аррасѣ. Вотъ подлинныя слова г. К—аго:

«Съ самаго начала изслѣдователь огорчаетъ насъ заявленіемъ, что «ограничился пересмотромъ описей 1779 г. *только* по дистрикту Сентъ-Омера». Хотя г. Л—ій и прибавляетъ, что онъ обратилъ «все вниманіе на описи по дистрикту Аррасъ», но намъ отъ этого не легче, такъ какъ отъ выписокъ изъ roles de vingtième авторъ, по собственному его сознанію, отказался, а между тѣмъ, если что обѣщало намъ выяснить вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, такъ именно эти описи, и вотъ по какой причинѣ: «такъ какъ, говоритъ Маріонъ (Révol. franç., 1894, 411), vin(g)tième одинъ изъ всѣхъ прямыхъ налоговъ падалъ только на земельнаго собственника и взимаемъ былъ съ него только какъ съ собственника, не въ примѣръ taille и capitation, то изъ его описей только и можно составить себѣ понятіе, въ какой мѣрѣ собственность распространена была въ населеніи» [1]).

При такихъ условіяхъ, само собою понятно, что и деп. Па-де-Кале «проскользнулъ» черезъ руки г. рецензента «безслѣдно».

Приходится опять идти на помощь г. рецензенту. Если онъ такъ огорчился» (какъ онъ увѣряетъ) тѣмъ, что я ограничился пересмотромъ описей *только* по дистрикту Сентъ-Омеръ, то поспѣшу утѣшить его и сообщить, что во второмъ отчетѣ моемъ, на 2 стр. сказано, что и описи этого дистрикта, какъ раньше описи дистрикта Арраса, за 1779 и 1569 гг. изслѣдованы и списаны мною цѣликомъ. Но такъ какъ это—описи 1779 г., то, за снятіемъ огорченія, все же остается у г. рецензента тяжесть, которую наложили на него совершенно такія же, какъ и аррасскія, описи по округу Сентъ-Омеръ. Что же такое эти описи? Очевидно, по мнѣнію ученаго рецензента, нѣчто отличное отъ roles de vingtième, нѣчто непригодное для статистическаго изученія, не имѣющее того значенія и той цѣны, какъ roles de vingtième. Вотъ почему г. рецензентъ и поучаетъ меня насчетъ этихъ roles de vingtième съ помощью Маріона, изъ котораго онъ узналъ объ ихъ существованіи, о чемъ, замѣчу мимоходомъ, онъ могъ узнать и изъ Неккера, и изъ Gimel'я (см. отчетъ 2, стр. 14). Г. рецензентъ нерѣдко въ своей статьѣ объявляетъ совершенно ненаучнымъ пріемъ заключенія отъ одного факта ко всѣмъ. Это—безспорно вполнѣ правильное требованіе, и я совершенно согласенъ съ нимъ. Поэтому отступать отъ него—значитъ иногда рисковать довольно сильно... Г. К—ій какъ разъ нарушаетъ свой же принципъ и изъ данныхъ о roles de vingtième по Тулузской области дѣлаетъ заключенія о всѣхъ roles de vingtième. Онъ смѣло утверждаетъ, что roles de vingtième Артуа то же, что и такія же roles Тулузской области... Г. К—му, очевидно, неизвѣстно, что такое тѣ описи, которыя я списывалъ въ архивѣ въ Аррасѣ, что такое roles de ving-

[1]) Какъ же это такъ, когда нѣсколькими строками выше г. рецензентъ высказалъ свой «взглядъ» о невозможности статистическихъ вычисленій? Или эта «невозможность» существуетъ только для однихъ изслѣдователей, а для изслѣдователей, какъ г. рецензентъ и др., ея нѣтъ? Или, быть можетъ, для этого требуется испросить у подлежащихъ авторитетовъ laissez passer? Не понимаемъ и недоумѣваемъ!

tième Артуа, какъ онѣ были составляемы въ Артуа, хотя обо всемъ этомъ подробно говорится въ обоихъ моихъ отчетахъ (1 отч., стр. 31—33, 2 отч., стр. 26). Roles или matrices de centième Артуа 1779 г. суть описи, въ которыхъ записаны были *всѣ*, безъ исключенія, лица, какого бы званія и состоянія они ни были, если только они были собственниками земли въ данной или нѣсколькихъ деревняхъ. Въ описи записывался каждый владѣлецъ по имени и фамиліи и рядомъ съ нимъ записывалось все количество его собственной земли, причемъ, съ одной стороны, земля эта записывалась не въ общей суммѣ, а по тѣмъ отдѣльнымъ участкамъ (съ указаніемъ размѣра каждаго), какими только гдѣ-либо владѣло данное лицо, а съ другой—если она цѣликомъ или по участкамъ отдавалась въ аренду, то кому именно. Другими словами, то были настоящія *территоріальныя описи*, заключавшія въ себѣ все количество земли каждой деревни, всѣхъ ея собственниковъ, арендаторовъ и т. д. Это буквально то же, что и roles de vingtième Суассона, Пуату, nouveaux pieds Бургундіи, кадастры Прованса, Тулузской области и гдѣ, какъ то видно изъ roles de vingtième Суассона (см. 2 отчетъ, стр. 5, 17 и др.), совершенно по такой же системѣ записывались всѣ, безъ исключенія, собственники со всѣмъ принадлежащимъ имъ количествомъ земли. Единственное различіе записей въ roles de vingtième отъ записей въ roles de centième въ томъ, что въ roles de centième *вся* земля записывалась за каждымъ собственникомъ, а въ roles de vingtième земля одного и того же собственника нерѣдко записывалась два, три или больше разъ. Что касается roles de vingtième Артуа, отказъ мой отъ пользованія которыми такъ удручающе подѣйствовалъ на ученаго рецензента, то, такъ какъ онъ, очевидно, ихъ не знаетъ и думаетъ, что они одно и то же, что и roles de vingtième, о которыхъ говоритъ Маріонъ, то я позволю себѣ объяснить различіе между ними. Это тоже территоріальныя описи, но совсѣмъ иначе составленныя, по другой системѣ и формѣ. Вотъ что сказано о нихъ въ моемъ отчетѣ:

«Система описи (roles de vingtième) совершенно иная, чѣмъ въ centième. Опись ведется систематически по улицамъ села, затѣмъ отмѣчаются участки въ пахоти, лугѣ и т. д., въ томъ порядкѣ, какъ они лежатъ въ томъ или иномъ урочищѣ, въ томъ или иномъ полѣ. Описанія перечня земли по отдѣльнымъ хозяйствамъ, по отдѣльнымъ полямъ здѣсь нѣтъ; къ нѣкоторымъ книгамъ приложенъ лишь алфавитный указатель владѣльцевъ».

Т.-е., другими словами, въ описяхъ этихъ собственность каждаго даннаго лица записана не вся подъ его именемъ, а наоборотъ, имя каждаго собственника записано столько разъ, сколько у него имѣется домовъ, огородовъ, участковъ земли, луга и т. д., чего нѣтъ въ roles de vingtième и Тулузской области, и Суассона, и Нормандіи и т. д. (см. отчетъ 2, стр. 17). Добавляю въ облегченіе г. рецензента, что roles de centième Артуа, которыя я списалъ, относятся къ 1779 и послѣдующимъ годамъ, а roles de vingtième—къ 1757 г., о чемъ г. рецен-

зентъ можетъ узнать на стр. 11 моего отчета. Именно вслѣдствіе того, что roles de centième ближе по времени къ революціи, я и предпочелъ воспользоваться ими, а не болѣе отдаленными отъ революціи и менѣе обстоятельными roles de vingtième Артуа.

II.

Такова истинно «ученая» манера обращенія почтеннаго рецензента съ моими отчетами, съ отдѣльными ихъ выраженіями и фразами. Это—подготовительная работа къ сооруженію звеньевъ той цѣпи, которою онъ задумалъ опутать и автора брошюръ, и читателя. Самыя настоящія звенья выковываются ученымъ рецензентомъ уже для существа дѣла, т.-е. для вопросовъ о крестьянскомъ землевладѣніи до революціи и о продажѣ національныхъ имуществъ, главнымъ образомъ церковныхъ. Г. рецензентъ куетъ свои звенья съ такимъ поразительнымъ искусствомъ, съ такимъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла и, въ частности, моихъ данныхъ, съ такою тщательностью въ точномъ изложеніи сказаннаго мной, что, когда прочтешь рецензію, мои отчеты оказываются лежащими во прахѣ и въ то же время получается полное торжество для выводовъ, открытій, догадокъ, высказанныхъ по тѣмъ же вопросамъ самимъ же г. рецензентомъ въ его книгѣ. Апологія замѣчательная! Невольно приходится воскликнуть: вотъ къ чему приводитъ самоувѣренность такихъ изслѣдователей, какъ пишущій эти строки, когда они осмѣливаются не соглашаться съ непогрѣшимыми авторитетами...

Касаясь того, что говорится въ отчетахъ по поводу вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи до революціи и о продажѣ національныхъ имуществъ, г. К—ій прежде всего и всячески старается поставить дѣло такъ, чтобы въ умѣ читателя не оставалось и тѣни сомнѣнія о томъ, что такое мои небольшіе отчеты. Онъ предупреждаетъ мои намѣренія относительно будущаго и выставляетъ дѣло такъ, что мои отчеты оказываются не отчетами, а настоящими изслѣдованіями, вполнѣ законченными работами. И чтобы еще болѣе усилить это впечатлѣніе, онъ утверждаетъ, что чуть не на каждой страницѣ я обѣщаю «дать всѣ данныя по цѣлымъ департаментамъ». Это, смѣло добавляетъ онъ, «обычный пріемъ его» (стр. 133 рецензіи). Ясно, что разъ это такъ, неполнота, несоотвѣтствіе между обѣщаннымъ и исполняемымъ даютъ полное основаніе считать работу почти или вовсе негодной. Все, что въ данномъ случаѣ говоритъ г. рецензентъ, до такой степени вѣрно, что мнѣ остается только согласиться съ нимъ, такъ какъ я повторяю не разъ и не два въ моихъ отчетахъ, что «пока мнѣ удалось *лишь собрать матеріалъ и начать обработку его, поэтому здѣсь* (т.-е. въ отчетѣ) *я не буду представлять во всей полнотѣ всѣхъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ: они найдутъ мѣсто въ приготовляемой*

мною книгъ» (I отчетъ стр. 14, 2 отчетъ стр. 22, 39, 47, 65). Не меньшею точностью и вѣрностью отличается и увѣреніе г. рецензента, будто бы я обѣщалъ, согласно «обычному пріему», дать данныя по цѣлымъ департаментамъ. Да какъ же не быть вѣрнымъ этому увѣренію, когда, во-1-хъ, г. рецензенту нужно, чтобы это было такъ, и когда, во-2-хъ, ни въ первомъ, ни во второмъ отчетахъ, нигдѣ, ни однимъ словомъ или намекомъ такого рода обѣщаній не было дано, да ихъ и нѣтъ въ отчетахъ!

И такъ, что требовалось, доказано,—и то, что я далъ обѣщанія, и то, что я написалъ не простые отчеты, а цѣлыя настоящія изслѣдованія. Читатель, не видѣвшій подлинныхъ отчетовъ, окончательно убѣжденъ, и г. рецензентъ спѣшитъ уже удовлетворить съ неменьшей точностью и естественному запросу читателя, какимъ же методомъ пользовался авторъ изслѣдованій и, главное, какъ примѣнялъ его. Здѣсь, какъ и раньше, оказывается, что я въ своемъ первомъ подлинномъ отчетѣ пытался (тутъ г. рецензентъ пускаетъ въ ходъ все свое остроуміе, всю силу своей иронія, попадающихъ куда-то, но не туда, куда направилъ ихъ онъ) изучать данныя помощью не только статистическаго, но даже историко-статистическаго метода, что я, болѣе того, приложилъ его на дѣлѣ, надававши притомъ «массу заманчивыхъ обѣщаній, напр., показать, какъ увѣряетъ почтенный рецензентъ, историческое развитіе крестьянской собственности во Франціи XVIII в. до революціи» (гдѣ и когда?). Опять приходится согласиться съ тѣмъ, что все это *вполнѣ* соотвѣтствуетъ написанному мною въ первомъ отчетѣ, гдѣ именно сказано слѣдующее:

«Само собою понятно, что нечего было и думать о томъ, чтобы собрать матерьялъ для полнаго отвѣта на вопросы (о крестьянскомъ землевладѣніи *непосредственно* предъ революціею и о продажахъ). *Для такой работы*, разъ она должна быть произведена при единственно научныхъ условіяхъ, т.-е. на основаніи *научно-статистическаго метода* (вполнѣ примѣнимаго въ данномъ случаѣ),—потребовались бы десятки лѣтъ» [1]) (отч., стр. 10).

О томъ, чтобы примѣнить этотъ методъ въ отчетахъ, понятно, не могло быть и рѣчи, и я не только не имѣлъ намѣренія примѣнять его,

---

[1]) Отмѣчу мимоходомъ и еще одно замѣчаніе почтеннаго рецензента. Онъ начинаетъ свою статью словами: «Г. Л—й ставитъ въ вину всѣмъ тѣмъ, кто раньше его касался вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи до революціи и о вліяніи, какое секуляризація церковной собственности имѣла на расширеніе его объема, отсутствіе изученія точныхъ цифръ», т.-е. актовъ продажи. И это наиболѣе точная и почти вѣрная передача моихъ словъ, хотя и здѣсь г. рецензентъ не воздержался отъ передержки: я говорю *только* о продажахъ и объ актахъ продажи на 1 и 2 стр. перваго отчета, на которыя ссылается и г К—й, а не о крестьянскомъ землевладѣніи до революціи. Но затѣмъ въ слѣдующихъ строкахъ оказывается, что я обвиняю г. К—аго не въ этомъ, а въ томъ, что г. К—ій не примѣнилъ историко-статистическаго метода. Помилуйте, г. К—ій, какъ же я могъ требовать отъ васъ этого, когда вы не видѣли актовъ продажи и не знакомы съ ними! Подобное требованіе было бы съ моей стороны болѣе чѣмъ безсовѣстнымъ!

но вовсе и не примѣнялъ его въ первомъ отчетѣ, и по вполнѣ понятной причинѣ, на которую я и указалъ въ началѣ статьи.

Не ясно-ли отсюда, какъ блистательно доказаны г. рецензентомъ всѣ его увѣренія, какія неразрушимыя звенья цѣпи выкованы имъ? И вотъ, доказавши все, о чемъ только-что была рѣчь, г. рецензентъ уже безъ всякаго труда и съ «обычною» легкостью справляется съ данными, сообщенными мною.

Начнемъ съ данныхъ о крестьянскомъ землевладѣніи до революціи, которое г. К—ій считаетъ «незначительнымъ», опираясь на 2—3 cahiers [1]) въ 3—4 департаментахъ, на анекдоты и случайныя свидѣтельскія показанія и на Boiteau, автора «Etat de France» 1789 г., не давшаго абсолютно никакихъ серьезныхъ доказательствъ для своихъ выводовъ. Г. К—ій, приписавшій мнѣ несуществующее у меня намѣреніе дать полное изслѣдованіе и представить средніе выводы по каждому департаменту, сначала отрицаетъ какое бы то ни было значеніе за представленными мною таблицами распредѣленія земельной собственности по нѣсколькимъ селамъ 3 департаментовъ (въ I отчетѣ), затѣмъ начинаетъ обрабатывать ихъ съ «обычнымъ» искусствомъ и, забывая, что онъ же самъ призналъ ихъ негодными для выводовъ, превращаетъ ихъ въ нѣчто такое, что должно доказать его же выводы.

Возьмемъ то, что онъ говоритъ по поводу моего примѣра изъ I отчета, именно таблицъ распредѣленія поземельной собственности въ д. Rieumes Тулузской области 1786 г., приведенныхъ лишь для характеристики содержанія кадастровъ:

«Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать примѣненіемъ статистическаго метода, да еще съ прибавкой «историко» сообщеніе слѣдующаго одиночнаго факта: въ Rieumes,

---

[1]) Г. К—ій, видимо, обидѣлся изъ-за cahiers, изъ-за того, что въ 1-мъ отчетѣ я позволилъ себѣ замѣтить, что «къ удивленію» онъ пользуется ими, какъ источникомъ для опредѣленія размѣровъ крестьянской собственности до революціи. Въ возраженіе на мое, принятое имъ какъ неуважительное къ его учености, мнѣніе онъ (на стр. 120 рец. и прим. къ ней) начинаетъ говорить о фермерахъ и ихъ землевладѣніи, якобы очень обширномъ. Но нельзя же, не скажемъ «безнаказанно», ибо не желаемъ вводить уголовщину въ литературу и науку, забывать слова собственной книжки и вводить читателя въ заблужденіе. Въ книгѣ г. К—аго рѣчь идетъ о существованіи крестьянской собственности и о ничтожности ея размѣровъ. Доказывая эту мысль, авторъ опирается на cahiers, напр., Верманду(а), на 3 cahiers Прованса и т. д. (т. I, стр. 30 и сл.). Вотъ противъ этого то метода изученія и по поводу этого-то мѣста книги я и сдѣлалъ мое замѣчаніе и въ 1-мъ отчетѣ, и повторилъ его и въ статьѣ: «Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи» («Унив. Изв.», 1896 г. августъ). А г. К—ій говоритъ намъ о фермерахъ! Не хорошо! Не хорошо, ибо нельзя же дѣлать выводовъ изъ 3—4 департаментовъ и распространять ихъ на всю Францію. Не хорошо и потому, что нужно же дать фактическія доказательства утвержденію, что фермеры играли преобладающую роль въ землевладѣніи (т.-е. земельной собственности) с. в. Франціи. Не описка-ли это вмѣсто земледѣлія? Говорю «описка», такъ какъ крупныхъ собственниковъ между фермерами Артуа, Нормандіи, интенданства Суассонъ не было. Значительная часть ихъ, какъ показываютъ roles, были мало- или безземельными.

какъ видно изъ ея описи 1786 г., земледѣльцы владѣютъ 118 арпанами, а рабочіе 118 арпанами, въ то же время, какъ буржуазія 1.159, ремесленники 126, промышленники 150, сельскіе торговцы 130». Если какой выводъ позволителенъ, такъ развѣ тотъ, что крестьяне владѣютъ весьма мало, а буржуа весьма много, но авторъ имѣлъ въ виду доказать какъ разъ обратное, и съ этою цѣлью причислилъ даже ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцевъ, т.-е. весь tiers état rural, къ крестьянамъ и, прибавивъ къ нимъ еще «вдовъ и другихъ», вывелъ желательную для него цифру 1.904 арпана, уравновѣшивающую цифру въ 1.880 арпановъ, представляющую собою размѣръ дворянскаго, церковнаго и буржуазнаго землевладѣнія. Простимъ ему эту подтасовку, тѣмъ болѣе, что научные интересы берутъ въ немъ все же верхъ надъ адвокатскими; въ ближайшей же таблицѣ онъ даетъ намъ всѣ элементы для критики собственной его гипотезы. Оказывается, что въ крестьянствѣ все той же злополучной общины Rieumes изъ 70 дворовъ земледѣльцевъ и 43 дворовъ рабочихъ всего 24 владѣютъ количествомъ земли свыше десяти арпановъ, 15—отъ 5 до 10, всѣ же остальные, другими словами, $^2/_3$ всѣхъ крестьянскихъ и рабочихъ дворовъ, держатъ участки величиною отъ 1 до 5 арпановъ, причемъ большинство составляютъ владѣльцы менѣе двухъ арпановъ. Мы позволяемъ себѣ усомниться, чтобы о нихъ можно было говорить, какъ о крестьянахъ-собственникахъ».

Я не могъ не привести этой длинной выписки, какъ одной изъ самыхъ характерныхъ и «литературныхъ». А тоже почти буквально сказано имъ относительно таблицъ, составленныхъ мною, какъ образчикъ данныхъ, заключающихся въ roles de centième Артуа, и то же (съ нѣкоторыми интересными добавленіями, о которыхъ ниже) и относительно таблицъ по roles de vingtième области Laonnois. Кулаки, tiers état rural, Grossbauern и проч. и проч., вотъ аргументъ, выставленный противъ меня, аргументъ, изобрѣтенный въ добавленіе къ «вѣрному» изложенію моихъ данныхъ. Это—новое и заключительное звено цѣпи. Цѣпь сомкнулась, и читатель теперь увѣренъ: какой неосновательный «изслѣдователь» Л—ій. Такъ себѣ, здорово живешь, свалилъ въ одну кучу разнородные элементы, и затѣмъ, отсюда, на такихъ съ вѣтру взятыхъ основаніяхъ, позволяетъ себѣ опровергать авторитетныя мнѣнія... И читатель будетъ совершенно и всецѣло правъ, такъ какъ для того, чтобы либо включить сельскихъ ремесленниковъ, сельскихъ купцовъ и т. д. въ число крестьянъ, либо выключить ихъ изъ него и признавать кулаками, міроѣдами, нужны серьезныя основанія. Разъ я съ вѣтру включилъ кулаковъ въ составъ крестьянъ, я долженъ нести всѣ послѣдствія моего легкомыслія и признаться, что мои таблицы по отдѣльнымъ селамъ 3 департаментовъ и среднія цифры по Laonnois говорятъ противъ Токвиля, противъ меня и др. въ пользу выводовъ и заключеній ученаго рецензента. Да! Но (всегда это непріятное «но») г. К—ій забываетъ одну весьма простую вещь: съ одной стороны, показать, какія основанія существуютъ у него для доказательства, что сельскихъ ремесленниковъ, торговцевъ и т. п. нужно включить въ тотъ классъ, который онъ называетъ tiers état rural, а съ другой (какъ рецензенту чужой работы) разъяснить читателю, внесъ или нѣтъ авторъ разбираемыхъ имъ таблицъ членовъ tiers état rural г. К—аго съ вѣтру, здорово живешь, или на какихъ-либо основаніяхъ, вѣрныхъ или невѣр-

ныхъ, все равно, но *фактическихъ основаніяхъ*. Между тѣмъ, на стр. 21 по 32 второго отчета рѣчь идетъ какъ разъ объ этихъ основаніяхъ, о чемъ г. К—ій, согласно «обычному пріему своему», умалчиваетъ. Позволю себѣ для читателей, не имѣвшихъ въ рукахъ моего 2 отчета, въ краткихъ словахъ изложить мои заключенія. Опираясь на данныхъ roles des tailles по 3 областямъ: Шатильонъ въ Бургундіи, Тулузской области и Laonnois, я даю таблицы состава сельскаго населенія, какъ онъ существовалъ въ дореволюціонной Франціи. Данныя, приведенныя мною, показываютъ, что каждое село въ той или иной пропорціи включало въ себѣ земледѣльцевъ, laboureurs, рабочихъ (manouvriers, journaliers и т. п.), ремесленниковъ, занятыхъ промыслами, торговцевъ, осѣдлыхъ сельскихъ буржуа и т. д. Наибольшій процентъ падаетъ собственно на земледѣльческій классъ, въ лицѣ laboureurs, manouvriers и проч. Затѣмъ я спрашиваю, были-ли рѣзко различны въ *экономическомъ* отношеніи и по *богатству* эти классы, и, основываясь на данныхъ nouveaux pieds, roles de centième, de vingtième, кадастрахъ, показываю рядомъ примѣровъ, что значительная часть сельскихъ торговцевъ, ремесленниковъ, занятыхъ промыслами, были такими же земледѣльцами, какъ и наши крестьяне въ любомъ селѣ; что у нихъ занятія промыслами, ремесломъ и торговлею были лишь подспорьемъ къ земледѣльческому труду, что они были такими же земледѣльцами, какъ и laboureurs, хотя далеко не столь богатыми и обезпеченными въ земельномъ отношеніи, какъ эти послѣдніе; что наравнѣ съ другими классами села, чисто земледѣльческими, они были обременены долгами; что, затѣмъ, не малая часть этихъ купцовъ, ремесленниковъ и проч. были безземельными и составляли сельскій пролетаріатъ, «который, прибавляю я, болѣе чѣмъ странно относить къ буржуазному классу и исключать изъ рядовъ крестьянскаго населенія дореволюціонной Франціи» (стр. 30). Рядъ цифръ и выдержекъ изъ описей и таблица по округу Laonnois (таблица № 6) приведены въ подтвержденіе сказаннаго, хотя далеко не всѣ еще основанія, какъ я замѣчаю въ отчетѣ, мною изложены.

Не проще-ли и не цѣлесообразнѣе-ли было бы, сообщивши все сказанное мною насчетъ состава сельскаго населенія, подвергнуть его разбору, изложить основанія, по которымъ мое мнѣніе не выдерживаетъ критики, чѣмъ умалчивать о немъ и скрывать его отъ читателей? Такъ съ точки зрѣнія обыкновеннаго смертнаго, но г. К—ій нашелъ болѣе «научнымъ» иной способъ, да еще и священнодѣйствуетъ, снисходительно произнося прощеніе моимъ грѣхамъ и не задумываясь даже надъ тѣмъ, да кому же, строго говоря-то, требуется давать разрѣшеніе отъ грѣховъ. Такъ какъ мы не желаемъ превращаться въ pontifex'a, то и не будемъ изрекать прощеній въ «адвокатствѣ», «подтасовкѣ», передержкахъ... зловредному автору контрафакціи, этому diable boiteux рецензіи... И что же даетъ самъ г. К—ій въ подтвержденіе того, что слѣдуетъ ремесленниковъ, торговцевъ и проч. включать въ

составъ сельской буржуазіи? Ровно ничего! И это не въ рецензіи только, но и въ своей книгѣ. Бѣда-то вся въ томъ, что этого не даютъ и французскіе изслѣдователи, что *нѣтъ абсолютно никакихъ данныхъ*, по которымъ можно было бы включать сельскихъ ремесленниковъ, торговцевъ и т. п. въ классъ кулаковъ, кромѣ простого предположенія, что разъ они ремесленники, торговцы, хотя бы и сельскіе, — они кулаки (II, 218). Быть можетъ,—я не буду горячо спорить противъ этого,—данныя хотя бы трехъ областей, приведенныя мною, еще не достаточный аргументъ для всей Франціи, но они—все-таки хоть *фактическій* аргументъ для одной части Франціи. А фактическій-ли аргументъ то, что говоритъ г. К—ій? Аббатъ Bernier написалъ книгу о tiers état rural въ Нижней Нормандіи, подъ которымъ въ XVIII в. нѣкоторые разумѣли вообще земледѣльцевъ, cultivateurs, а Bernier — всѣхъ жителей села, за исключеніемъ бродягъ, нищихъ и чужеземцевъ (Bernier, Tiers état rural, стр. 3—5). Г. К—ому понравилось это названіе, и онъ совершенно произвольно истолковалъ его въ смыслѣ сельской буржуазіи, также произвольно включилъ въ его составъ ремесленниковъ, торговцевъ и т. д. и одержалъ надъ моими таблицами полную побѣду, приправивъ ее, для большаго эффекта, непопадающей въ цѣль іроніей. Онъ надѣется, что въ новыхъ отчетахъ я включу «въ отдѣльную отъ крестьянъ группу tiers état rural также всѣхъ промышленниковъ, ремесленниковъ и купцовъ» (рец., стр. 127). Надежда очень похвальная, особенно въ виду умолчанія г. К—аго о томъ, что я говорилъ выше по поводу основаній, почему я включаю ихъ и уже включилъ въ составъ крестьянскаго населенія. Все это вѣдь дешевое и сомнительное остроуміе! Какъ вы думаете, г. рецензентъ, можно или нельзя разсчитывать, что «читатель не провѣритъ ссылки»?

И съ такими-то орудіями въ рукахъ, г. К—ій откидываетъ ремесленниковъ, торговцевъ въ группу сельскихъ буржуа и, разумѣется, сводя произвольно и безъ малѣйшихъ научныхъ основаній крестьянскій классъ къ однимъ laboureurs и сельскимъ рабочимъ, утверждаетъ, что мои таблицы подтверждаютъ его выводы. Хороши выводы, добытые помощью умолчанія, умолчанія вынужденнаго, ибо нѣтъ у г. К—аго фактическихъ данныхъ для возраженія по существу противъ выставленнаго мною положенія относительно состава сельскаго населенія дореволюціонной Франціи. Кто же «подтасовываетъ», кто прибѣгаетъ къ «адвокатскимъ пріемамъ»? Очевидно, авторъ контрафакціи.

Откуда же, наивно спрашиваетъ затѣмъ почтенный рецензентъ, могли выходить кулаки, какъ не изъ класса ремесленниковъ, торговцевъ и т. д.? «Если эти лица не представители tiers état rural, то, интересно знать, изъ кого могъ бы составиться этотъ классъ мірского кулачества», говоритъ онъ, и этими словами ясно показываетъ, какія фактическія основанія находятся у него въ рукахъ. Но инте-

ресъ г. К—го вполнѣ законный, и мы спѣшимъ удовлетворить запросу нашего любознательнаго рецензента. Такой классъ существовалъ несомнѣнно, и его существованіе ясно видно изъ nouveaux pieds, roles de vingtième и т. д. Но въ него не входило ни одно лицо изъ тѣхъ классовъ сельскаго населенія, которые, не задумываясь, г. К—ій включаетъ въ произвольно истолкованное имъ tiers état rural. Какъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ кулачества, являются владѣніе движимостью, капиталомъ, отдача его въ ссуду и т. п. Лица, владѣвшія капиталомъ, дававшія его въ ссуду, существовали во французскихъ деревняхъ XVIII в., но лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ то были laboureurs, еще рѣже marchands и занятые промысломъ (мельники и т. п.), *никогда* ремесленники. Всѣ эти классы въ громадномъ большинствѣ случаевъ были обременены долгими, то за скотъ, который богачи давали имъ à cheptel, то за занятыя деньги. И скотъ, и деньги давали *сельскіе bourgeois*, обладавшіе относительно значительною собственностью, но сами не занимавшіеся земледѣліемъ и—самое главное—располагавшіе денежными суммами и скотомъ. Достаточно было бы г. рецензенту развернуть любую изъ описей, напр., по Бургундіи или Laonnois, и онъ бы убѣдился въ этомъ. Къ сельскимъ буржуа примыкали отчасти и фермеры, но далеко не всѣ. Тѣ же источники показываютъ, что не всѣ fermiers были собственниками, не всѣ были богачами: не малый процентъ ихъ были безземельные, снимали въ аренду лишь небольшіе клочки земли. За то, несомнѣнно, часть ихъ, весьма небольшая, обладала значительнымъ капиталомъ, особенно въ видѣ скота, который фермеры, какъ и сельскіе буржуа, отдавали въ ссуду или на прокормъ. Было бы ошибкою поэтому, только потому, что такой-то fermier—кулакъ, относить и весь классъ fermiers къ разряду кулаковъ.

Такъ-то и такими способами достигаетъ г. К—ій подтвержденія своихъ выводовъ помощью моихъ таблицъ по нѣсколькимъ селамъ 3-хъ департаментовъ. Таблицами по округу Laonnois, составленными иначе для иныхъ цѣлей и дающими среднія цифры, съ такою же развязностью воспользоваться было труднѣе, и для того, чтобы разрушить ихъ, какъ аргументъ противъ своихъ выводовъ, г. К—ій прибѣгаетъ къ новому добавочному средству, основанному опять-таки на остроуміи.

«Впечатлѣніе, какое я выношу,—важно и съ апломбомъ изрекаетъ г. К—ій,—изъ таблицъ... г. Л—аго, довольно близко къ тому, какое произвела не на меня одного послѣдняя земельная статистика въ Англіи; она указывала довольно почтенную цифру собственниковъ, но $^9/_{10}$ ихъ числа оказались владѣльцами ничтожныхъ участковъ, а какихъ-нибудь 20—30 тыс.—сосредоточивающими въ своихъ рукахъ почти всю земельную площадь Англіи» (стр. 135).

Ученому рецензенту показалось недостаточнымъ того, какъ онъ «блестяще» разбилъ таблицы по Laonnois съ помощью своего tiers état rural, и, чтобы оправдать приведенную выше «остроумную» цитату, онъ усугубилъ «обычный свой пріемъ», т.-е. вновь забылъ сообщить

читателю о существованіи нѣсколько страницъ ниже разбираемой имъ моей таблицы другой таблицы, никакъ не ладящей съ остроуміемъ почтеннаго рецензента. А именно эта-то таблица показываетъ, что, во-1-хъ, крестьянское землевладѣніе равнялось по своей площади дворянскому, такъ какъ составляло около 30%, т.-е. столько же, какъ и дворянское, и было значительнѣе церковнаго и буржуазнаго (20,5%, 19,4%), а во-2-хъ, даны цифры количества собственности по каждой деревнѣ для дворянъ, духовенства, буржуазіи и крестьянъ, цифры, вовсе не дающія права говорить о существованіи въ Laonnois крупнаго землевладѣнія на англійскій ладъ. Гдѣ же здѣсь сходство съ выкладками по Англіи? Къ сожалѣнію, старая пословица: comparaison n'est pas raison—не теряетъ своего значенія даже и тогда, когда дѣло идетъ объ аргументахъ ученаго моего рецензента.

Можно думать, что теперь, послѣ всего сказаннаго г. К—имъ, все кончено, ибо мои таблицы превращены въ пепелъ. Но г. рецензенту кажется, что нужно еще развѣять по воздуху пепелъ. Для этого онъ прибѣгаетъ... къ фигурѣ удивленія. Онъ въ «изумленіи» по поводу того, что я беру... образцы въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ меньшинству тѣхъ, въ которыхъ удержалась аллодіальная собственность, а затѣмъ включаетъ Бургундію (?!), также и Laonnois и др. въ составъ аллодіальныхъ областей. Онъ утверждаетъ, что грамота 1128 г., данная городу Лану съ окрестностями, «уже говоритъ объ аллодѣ жителей». Отсюда и заключеніе г. К—го,—самое для него важное. Вотъ оно:

«Послѣ этого уже нельзя считать великими открытіями такое, напр., сообщеніе, что въ значительной части деревень, сосѣднихъ съ Ланомъ (только-ли сосѣднихъ?) отсутствуетъ чиншевое владѣніе, а въ другихъ—представляетъ величину или равную, или нѣсколько меньшую сравнительно съ величиной собственныхъ участковъ, находящихся въ рукахъ laboureurs и manouvriers, *а иначе и быть не могло при господствѣ подгороднаго аллода*» (стр. 136).

Не буду касаться вопроса объ аллодѣ: это завело бы насъ слишкомъ далеко; не буду объяснять, почему тѣ, а не иные департаменты я взялъ для изслѣдованія, еще мною не законченнаго, а остановлюсь лишь на одномъ обстоятельствѣ и позволю себѣ подражать моему рецензенту или, точнѣе, позаимствовать у него его же фигуру изумленія. Да развѣ всѣ деревни, приведенныя мною въ таблицахъ по Laonnois, подгородныя? Какъ же намъ быть тогда съ картою? Но это мелочь! Интереснѣе и характернѣе другое, и мы повторимъ наше изумленіе по поводу того, что г. К—ій, забывая упомянуть о моихъ данныхъ и проч., забылъ также упомянуть и о томъ, что онъ самъ же говорилъ въ своей книгѣ. Позволимъ себѣ нескромно напомнить ему его собственныя слова. Въ первомъ томѣ его сочиненія «Происхожденіе демократіи» мы читаемъ о деревняхъ *той же самой* мѣстности, о которой идетъ рѣчь, слѣдующее: «Большинство земель въ рукахъ сеньоровъ...; *широкая площадь занята чиншевымъ владѣніемъ; рѣдко гдѣ попадаются крестьяне-собственники, владѣльцы небольшихъ виноградниковъ и*

ничтожныхъ участковъ пахоти» (I, стр. 32). Въ подтвержденіе приведенъ cahier дер. Chaillevoix, статистическія данныя о крестьянскомъ землевладѣніи въ которой представлены мною нѣсколько разъ во второмъ отчетѣ (стр. 35, 40, 50). Что же теперь намъ дѣлать съ возраженіями г. К—аго? Съ какимъ же изъ двухъ его мнѣній прикажетъ онъ согласиться? Съ тѣмъ, которое высказано въ книгѣ, или съ тѣмъ, которое находится въ рецензіи, написанной послѣ сообщенныхъ во второмъ отчетѣ моемъ данныхъ о совсѣмъ «*не* широкой площади», занятой чиншевымъ владѣніемъ въ Laonnois?

Позволю себѣ еще одно замѣчаніе. Г. К—ій говоритъ, что мое «изслѣдованіе» касательно области Laonnois имѣетъ чисто мѣстное значеніе и что изъ него такъ же мало можно дѣлать заключенія относительно всей Франціи, какъ и изъ данныхъ, напр., Маріона, утверждающаго, подобно мнѣ, что въ Тулузской области существовала значительная крестьянская поземельная собственность. Но, требуя у другихъ строгаго выполненія этого научнаго правила, почтенный рецензентъ долженъ былъ бы, повидимому, самъ подавать примѣръ точнаго выполненія его. А то что же дѣлать маленькимъ изслѣдователямъ, когда важно поучающій ихъ г. К—ій отрицаетъ за данными Маріона право быть признанными характеризующими и всю Францію, когда рѣчь идетъ о моихъ таблицахъ распредѣленія собственности въ Laonnois, и нѣсколько страницъ ниже, когда ему нужно подтвердить свое открытіе... виноватъ, догадку, что обезземеленіе французскихъ крестьянъ до революціи шло crescendo, онъ прибѣгаетъ къ тому же Маріону, довольствуется (стр. 140 рец.) словами Фигьера, посѣтившаго тулузскую область въ 1778—1784 гг. и сообщившаго, что число плательщиковъ податей ежегодно уменьшается въ области. Г. К—скому этого достаточно, и онъ обобщаетъ слова Маріона на всю Францію. Правда, сдѣлана ссылка и на Cherest'a, но «кому же неизвѣстно», что этотъ изслѣдователь пользовался данными почти исключительно одного департаментскаго архива въ Орлеанѣ! Между тѣмъ г. К—ій забываетъ въ своей рецензіи сообщить, что во второмъ моемъ отчетѣ изложены нѣкоторыя косвенныя данныя для значительной части Франціи, которыя позволили бы мнѣ съ нѣсколько большимъ основаніемъ распространить выводы мои о Laonnois на значительную часть Франціи. Я разумѣю тѣ вычисленія, которыя представлены мною въ подтвержденіе гипотезы, о количествѣ мелкихъ собственниковъ во Франціи и о количествѣ среди нихъ крестьянъ-собственниковъ. Пользуясь данными Gimel'я, данными, касающимися 22-хъ департаментовъ и взятыми изъ roles de vingtième, и внося въ нихъ поправки съ помощью roles de vingtième по Laonnois, можно было бы, какъ сказано въ моемъ отчетѣ, исчислить сумму мелкихъ собственниковъ болѣе чѣмъ въ 4 милліона, изъ которыхъ 90% составляли крестьяне. Не беремся объяснять, почему г. К—ій умолчалъ и объ этомъ фактѣ.

Предоставляю господамъ русскимъ статистикамъ объяснить, что такое означаетъ собою фраза г. К—аго по поводу Rieumes, гдѣ сказано относительно собственниковъ отъ 1 до 5 арпановъ земли, что такихъ собственниковъ нельзя назвать крестьянами-собственниками. Позволю себѣ только одинъ нескромный вопросъ! о какихъ же тогда крестьянахъ-собственникахъ, о какой мелкой собственности говоритъ г. К—ій въ I томѣ своей книги (стр. 30—33)? Какъ объяснить то, что крестьяне, «владѣющіе небольшими виноградниками и ничтожными клочками пахоти», признаются г. К—имъ крестьянами-собственниками, а крестьяне Тулузской области, владѣющіе отъ 1 до 5 арпановъ, оказываются не крестьянами-собственниками, ибо г. К—ій позволяетъ себѣ «усомниться» въ томъ, чтобы они были таковыми?

III.

Намъ не зачѣмъ останавливаться подробно на тѣхъ мѣстахъ рецензіи, гдѣ говорится о данныхъ относительно продажи церковныхъ имуществъ. Тотъ же пріемъ, который почтенный рецензентъ примѣнилъ къ таблицамъ по крестьянскому землевладѣнію, дѣйствуетъ всецѣло и здѣсь. Тамъ, гдѣ исчисляется количество покупщиковъ и гдѣ я включаю въ составъ сельскаго населенія и ремесленниковъ, и торговцевъ, и проч., г. К—ій тотчасъ же, на такихъ же основаніяхъ, какъ и указанныя выше, перечисляетъ ихъ всѣхъ въ буржуазію Онъ думаетъ съ помощью такого средства подкрѣпить свой выводъ, что церковныя имущества пошли на пользу почти *исключительно* буржуазныхъ классовъ. Но тщетная надежда! Всѣ «потуги» почтеннаго рецензента добиться этого по дистрикту Laon не приводятъ къ желанному результату, даже при перечисленіи ремесленниковъ и проч. въ tiers état rural. Всѣхъ проданныхъ церковныхъ земель было по дистрикту Лана (Laon) 44.000 арпановъ. Тѣ, кого я включаю въ составъ крестьянскаго населенія, пріобрѣли въ совокупности—23.200 арпановъ, тогда какъ буржуазія—18.800, считая въ томъ числѣ и *всѣхъ* фермеровъ. Уступимъ г. К—ому, отчислимъ всѣхъ ремесленниковъ и проч. и, увы! изъ общей суммы 44.000 арпановъ на долю собственно крестьянскаго населенія все-таки придется около 17.000 арпановъ или около 39%, т.-е. цифра, вовсе не доказывающая, что продажа церковныхъ земель въ дистриктѣ Laon *пошла исключительно на пользу одного средняго сословія и, главнымъ образомъ, фермеровъ*, пріобрѣвшихъ въ Laon всего 3.000 изъ 44.000. Выводъ, сдѣланный г. К—имъ по Лаверню, излюбленному имъ Mark Haut'y и др., выраженъ имъ слишкомъ ясно и слишкомъ категорично. Нельзя же забывать этого и, затѣмъ, утверждать, что только «*главную*», а уже не «*исключительную*» роль въ покупкахъ играло среднее сословіе, и городское, и сельское (какъ сказано въ рецензіи), нельзя, въ особенности послѣ всего ска-

заннаго г. К—имъ въ его книгѣ по поводу департамента Сарты, точнѣе, одного дистрикта Le Mans. А то, чего добраго, придется признаться, что сдѣлано отступленіе отъ прежде высказанныхъ мнѣній подъ вліяніемъ, хотя бы и титулуемыхъ негодными данныхъ только моихъ отчетовъ.

Но все-таки остается неопровергнутымъ фактъ вывода о *составѣ* крестьянскаго населенія Франціи. Пока онъ не опровергнутъ фактически, считать съ научной точки зрѣнія доказанными выводы г. К—аго и его предшественниковъ было бы невозможно. И это не только потому, что, вопреки имъ же высказанному требованію, онъ изъ 3—4 свидѣтельствъ по Аррасу и департамента Дромы и данныхъ одного тома изъ трехъ, да и то плохо изданныхъ и не полныхъ актовъ продажъ по департаменту Сарты, дѣлаетъ смѣлыя обобщенія для *всей* Франціи, но и потому, что данныя не одного только дистрикта Laon'а говорятъ противъ него. Данныя по департаменту Верхней Гаронны, Cote d'or, Bouches du Rhône, de l'Aisne, Pas de Calais, Orne (акты продажи которыхъ получены мною нѣсколько времени назадъ), всѣ указываютъ, что земли перваго происхожденія покупались, и въ довольно значительномъ количествѣ, не одною только буржуазіею, но также и сельскимъ крестьянскимъ населеніемъ, въ частности земледѣльцами-крестьянами. Несомнѣнно, были колебанія отъ департамента къ департаменту, отъ дистрикта къ дистрикту. Въ однихъ случаяхъ процентъ крестьянскихъ покупокъ былъ больше, въ другихъ—меньше. Въ департаментѣ Cote d'or онъ былъ ниже 50% для крестьянъ, но почти равенъ проценту крестьянскихъ покупокъ по дистрикту Тараскона, причемъ, напр., въ дижонскомъ дистриктѣ былъ значительно меньшимъ, чѣмъ по дистрикту Семюръ. Тоже и въ департаментѣ Haute Garonne, въ дистриктахъ Rieux, Revel, Тулуза, гдѣ въ послѣднемъ % покупщиковъ изъ крестьянъ былъ наименьшій, а въ двухъ другихъ—большимъ, доходя до 40%. То же и въ двухъ дистриктахъ Арраса и Сентъ-Омера, въ особенности въ послѣднемъ, ближе всего подходящемъ къ дистрикту Laon по суммѣ крестьянскихъ покупокъ.

Еслибы я имѣлъ намѣреніе дѣлать обобщенія на *всю* Францію, чего я не желаю теперь дѣлать и не дѣлалъ,—хотя г. К—ій и увѣряетъ, неизвѣстно почему, что я это именно и дѣлалъ,—то съ данными, собранными мною, я имѣлъ бы больше на то права, чѣмъ г. К—ій съ своими тремя свидѣтельствами, изъ которыхъ два оказались, благодаря цифрамъ изъ дистрикта Аррасъ, совершенно несостоятельными.

Но г. К—ій прибѣгаетъ и къ другому еще аргументу для подтвержденія своихъ выводовъ и опроверженія моихъ данныхъ.

«Перехожу,—говоритъ онъ,—къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ данныя касательно продажи церковныхъ имуществъ въ одномъ сѣверномъ и въ одномъ южномъ дистриктѣ, лаонскомъ (ланскомъ) и тарасконскомъ, способны пролить свѣтъ на

судьбу, ожидавшую конфискованныя у духовенства земли. Громадное большинство проданныхъ въ лаонскомъ округѣ участковъ,—пишетъ г. Л—ій,—были сравнительно незначительны по объему (стр. 40). Одно уже это обстоятельство заставляетъ насъ быть осторожными въ выводахъ о томъ, насколько примѣнимо во всей Франціи то, что касается избраннаго уголка. Вѣдь главный упрекъ, сдѣланный по адресу конституанты въ дѣлѣ отчужденія церковныхъ имуществъ, состоитъ въ недостаточномъ дробленіи продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ имѣній, что и сдѣлало невозможнымъ пріобрѣтеніе ихъ мелкимъ людомъ. Этимъ же объясняется и возникновеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ дистриктѣ Суассона, ассоціацій, составленныхъ нерѣдко изъ хлѣбопашцевъ, ремесленниковъ и фермеровъ (?), съ цѣлью пріобрѣтенія имуществъ на общій счетъ» (стр. 136).

Эта осторожность, рекомендуемая г. К—имъ, весьма похвальна, и увѣреніе его, что крестьянскія ассоціаціи образовывались для скупки большихъ участковъ и что церковныя земли не дѣлились на участки при продажѣ, могли бы быть аргументами въ его пользу, еслибы онъ хоть сколько-нибудь подтвердилъ или былъ въ состояніи подтвердить ихъ. Но вотъ что, къ сожалѣнію, происходитъ съ его аргументами Первый изъ нихъ г. К—ій заимствовалъ у меня, такъ какъ о существованіи крестьянскихъ ассоціацій для покупокъ крестьянами церковныхъ земель онъ узналъ и могъ узнать только изъ моего отчета. Въ литературѣ объ этомъ до появленія моей брошюры никто не говорилъ ни слова. Г. К—ій, основываясь на сообщенныхъ мною данныхъ, начинаетъ фантазировать. Онъ объясняетъ существованіе ассоціацій среди крестьянъ необходимостью, въ виду большихъ участковъ, которые имъ приходилось покупать. Но въ отчетѣ—и объ этомъ опять умалчиваетъ мой ученый рецензентъ—сказано: «Было бы большою ошибкою думать, будто такія компаніи скупали большія имѣнія; акты показываютъ совершенно иное» (2 отчетъ, 58), и приведены примѣры покупокъ 180 verges 62 лицами 110 jallois (1 jallois, приблизительно, 61—4 ares) 225 лицами и т. д. Гдѣ же у К—аго факты, доказывающіе, что раньше неизвѣстныя ему ассоціаціи крестьянъ покупали большія помѣстья? Интереснѣе всего то, что увѣреніе г. К—аго, будто церковная земля не дѣлилась на мелкіе участки при продажѣ, такъ же мало, какъ и увѣреніе относительно ассоціацій, основано на фактахъ. Г. К—ій довѣрился авторитету Лаверня, Mark Haut'a и др. Но Лавернь никогда не видѣлъ актовъ продажи, а Mark Haut, о которомъ г. К—ій говоритъ, неизвѣстно почему, что онъ работалъ продолжительное время въ департаментскихъ архивахъ, знакомъ лишь съ архивомъ Марны, и въ своемъ докладѣ на 11 строчкахъ повторяетъ лишь слова Лаверня. Таковы данныя г. К—аго для подтвержденія высказаннаго имъ столь категорически мнѣнія. Позволю себѣ сообщить то, что даютъ акты, какъ архивовъ, въ которыхъ я работалъ, такъ и архива въ деп. Orne, департаментѣ, о которомъ Мишле говорилъ, что въ немъ почти всѣ земли были скуплены Сенъ-Симономъ. Изъ этихъ данныхъ ясно видно, что не въ однихъ только дистриктахъ Laon и Тарасконѣ, какъ думаетъ г. К—ій, земли перваго происхожденія продавались мелкими участками: это имѣло

мѣсто во всѣхъ мнѣ извѣстныхъ департаментахъ. Если въ деп. Haute Garonne земли продавались по мелочамъ, вслѣдствіе преобладанія тамъ раздробленной церковной собственности, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ представлявшей отрубные участки, то въ другихъ департаментахъ дѣло стояло нѣсколько иначе. Продажи по деп. Orne даютъ за 1791 г. слѣдующія любопытныя цифры. Мелкихъ продажъ земли, по дистрикту, напр., Mortagne, было: земли, оцѣненной до 100 ливровъ,—48, оцѣненныхъ до 500 ливровъ—205, до 1 тысячи—61, т.-е. 314 продажъ по мелочамъ. Продажъ земель, оцѣненныхъ до 5.000—104, до 10.000—40; затѣмъ оцѣненныхъ отъ 10 до 20 тысячъ—40, до 30 тысячъ—12, до 40 тысячъ—3, до 50 тысячъ—2, 60 тысячъ—1. Цифры эти говорятъ сами за себя. Прибавимъ мы еще, что нерѣдко крупныя монастырскія имѣнія продавались по отдѣльнымъ кускамъ. Земли, напр., принадлежавшія монастырю Val Dieu въ территоріи села Feings (деп. Orne), были разбиты на 18 lots, оцѣненныхъ 2 въ 20 тыс. ливр., 3—отъ 15 до 19 тыс., 13—отъ 400 ливровъ до 5 тысячъ, и т. д. А такихъ примѣровъ можно было бы привести цѣлый рядъ и изъ деп. Orne, и изъ дистрикта Арраса, гдѣ крупныя монастырскія имѣнія продавались въ раздробь, и изъ др. департаментовъ. Въ Семюрскомъ, какъ и въ Шатильонскомъ и другихъ дистриктахъ деп. Côte d'Or не мало актовъ, показывающихъ, что, по требованію покупщиковъ, назначенная къ продажѣ земля раздѣлялась на отдѣльные участки, и публичные торги производились въ данный день по всѣмъ этимъ участкамъ, согласно закону конституанты. Такъ продавались, напр., въ 1791 г. въ мартѣ земли кармелитскаго ордена, разбитыя на 6 участковъ (carton 144), земли капеллы св. Троицы сомюрской, въ маѣ того же года, раздѣленныя на 7 участковъ, въ дер. Montigny sous Armenson церковная земля, раздѣленная на 3, 8 и 3 участка (carton 102), и т. д., и т. д. Можно исписать не мало страницъ подобными фактами по тѣмъ департаментамъ, акты которыхъ я скопировалъ. Мы не знаемъ, какъ шло дѣло въ другихъ департаментахъ. Но кто же это точно знаетъ? Не думаю, чтобы это зналъ и г. К—ій. Но когда насъ увѣряютъ, что продажи мелкими участками были рѣдки, чуть не исключеніями, и что земли продавались почти *исключительно* en bloc, во *всѣхъ* департаментахъ, мы не можемъ не возразить, что это не такъ для 8 департаментовъ, и г. рецензентъ не въ силахъ съ фактами въ рукахъ ни доказать противнаго, ни представить доказательствъ для остальныхъ департаментовъ. Нужно прибавить, что требованія о раздѣлѣ на lots шли, главнымъ образомъ, отъ крестьянъ, которымъ удавалось добиться раздѣла, что, разумѣется, не исключало и продажи болѣе крупными участками, а иногда, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, продажъ нѣсколькихъ земель разнаго происхожденія въ видѣ одного участка. Въ такихъ темныхъ вопросахъ, темныхъ, благодаря малому изслѣдованію источниковъ, брать позиціи съ бою, съ помощью непровѣренныхъ обоб-

щеній какого-нибудь Mark Haut'a, случайныхъ и нерѣдко сомнительныхъ свидѣтельствъ, а болѣе всего логическихъ соображеній, значитъ, заранѣе обрекать себя на пораженіе или на постоянные отбои, образчикъ которыхъ мы только-что показали на примѣрѣ г. К — аго. Въ виду этого опасно пользоваться такими фразами, какими пользуется г. К — ій. По поводу деп. Côte d'Or я говорю въ отчетѣ, что въ немъ главнымъ, но не исключительнымъ образомъ («не исключительнымъ» выпущено въ цитатѣ г. К—аго) церковныя земли пріобрѣтались буржуазіей. Онъ превращаетъ эту фразу въ цифры, называетъ ее данными статистическими (рец., стр. 134), когда я ровно никакихъ цифръ на этотъ счетъ въ отчетѣ не даю. Я говорю «опасно», ибо, повторяю, департ. Côte d'Or даетъ почти тѣ же цифры, какъ и дистриктъ Тарасконъ, а г. К—ій, не зная актовъ департамента, уже торжествуетъ побѣду... Не слишкомъ-ли рано? Не придется-ли, замѣнивши слово: «исключительно» словомъ «главнымъ образомъ», замѣнять потомъ это послѣднее какимъ-нибудь другимъ?

Въ заключеніе я долженъ сказать, что съ крайне тяжелымъ и непріятнымъ чувствомъ брался за перо, чтобы вступить въ полемику, и именно съ г. К—имъ. Я всегда смотрѣлъ и смотрю на такого рода полемику, какую volens-nolens я вынужденъ теперь вести, какъ на зло въ *наши* дни, какъ на печальный признакъ времени. Я бы и не началъ возражать г. К—ому, еслибы онъ не затронулъ въ своей рецензіи того, что дороже всего всякому работнику: добросовѣстности его работы; еслибы онъ не бросалъ такихъ обвиненій мнѣ въ лицо, какъ «адвокатскіе пріемы», «подтасовки» и т. д.; еслибы онъ не позволилъ себѣ обвинять меня въ желаніи обманывать читателя, въ надеждѣ на то, что читатель не провѣритъ моихъ ссылокъ; еслибы, наконецъ, обвиняя меня во всѣхъ такихъ проступкахъ, онъ болѣе внимательно отнесся къ моей работѣ, прочелъ ее и не позволилъ себѣ тѣхъ манипуляцій съ моими фразами, выраженіями и проч., образцы которыхъ я представилъ выше. Я принадлежу къ старѣющему поколѣнію и не могу считать себя, поэтому, современнымъ человѣкомъ, вслѣдствіе чего вовсе не желалъ бы плыть за теченіемъ и даже расширять его... Къ моему сожалѣнію, я вынужденъ былъ сдѣлать это. Но поступать такъ можно только одинъ разъ... Въ виду этого, какіе бы отвѣты ни писалъ мнѣ г. К—ій, какихъ бы новыхъ обвиненій ни пришлось мнѣ выслушать,—вступать въ дальнѣйшую полемику я рѣшительно отказываюсь.

И. Лучицкій.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новыя завоеванія въ области медицины.

Началомъ новой эры въ медицинѣ, въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, явилось паденіе натурфилософской школы, долгое время удерживавшей господствующую позицію и вмѣсто позитивнаго знанія выдвигавшей апріорный методъ съ его красивыми, но эфемерными измышленіями. Въ Германіи былъ нанесенъ первый ударъ этой школѣ сильною рукою Александра Гумбольдта. Съ тѣхъ поръ новое направленіе отвоевывало шагъ за шагомъ почву для научнаго метода, который блестящимъ образомъ доказалъ свою жизненность и продуктивность.

«Въ теченіе большей части только-что описаннаго періода, говоритъ, Вирховъ въ своей рѣчи [1]),—по крайней мѣрѣ въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, нѣмецкая научная медицина все еще пребывала въ оковахъ витализма. Оппозиція изъ молодыхъ людей опиралась на этотъ разъ, главнымъ образомъ, на біологическія вѣтви естественныхъ наукъ: ботанику и зоологію».

Съ тѣхъ поръ, хотя въ общихъ чертахъ, складывается мысль, что заболѣванія человѣческаго организма обусловливаются паразитами. Естественно-историческая точка зрѣнія побудила Шенлейна сравнить сыпи съ растительными вегетаціями. Извѣстный вѣнскій ботаникъ Унгеръ принялъ къ свѣдѣнію эту параллель съ растительными сыпами и въ то же время доказалъ зависимость послѣднихъ отъ растительныхъ и иныхъ возбудителей (Virchow). Въ своихъ «Pathologische Fragmente» (1840) Генле впервые высказалъ возрѣніе, что старое понятіе о contagium animatum (въ вопросѣ о лихорадкѣ), быть можетъ, не лишено основанія. Впослѣдствіи его взглядъ вполнѣ подтвердился. Въ другомъ сочиненіи автора «О міазмахъ и контагіяхъ» мы находимъ доказательство растительнаго происхожденія контагіевъ [2]).

---

[1]) См. его «Die Gründung der Berliner Universität» und s. w.

[2]) «Изъ физико-химическихъ свойствъ контагіевъ слѣдуетъ съ большою вѣроятностью, что вещество ихъ *органической* природы. Я приведу мотивы, доказывающіе, что матерія контагіевъ не только органическая, но и *живая*, одаренная индивидуальною жизнью, находящаяся къ больному тѣлу въ отношеніи паризитнаго организма (старая теорія о contagium animatum). Мотивы, служащіе для доказательства индивидуальной жизни контагіевъ, слѣдующіе: 1) Способность размножаться, вслѣдствіе ассимиляціи постороннихъ веществъ, составляетъ свойство живыхъ органиче-

Въ 1845 году Вирховъ сдѣлалъ свое первое важное наблюденіе относительно «бѣлой крови»; къ нему примыкаетъ длинный рядъ изслѣдованій надъ бѣлыми кровяными тѣльцами, который онъ заканчиваетъ словами: «Я требую для бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ мѣста въ патологіи» (1846). И дѣйствительно, съ каждымъ годомъ имъ отводилось все большее мѣсто, такъ что въ настоящій моментъ они занимаютъ центральный пунктъ въ патологіи.

«Медицина,—заявляетъ Вирховъ,—вступила въ эту пору въ дѣйствительно естественно-научный періодъ, и мы стали свободными и независимыми естествоиспытателями, не стѣсняемыми никакой системой и никакой школой въ старомъ смыслѣ. *Наблюденіе* и *экспериментъ*, эти старые постулаты науки, выступили на *первый планъ*; передъ ними долженъ былъ преклониться всякій авторитетъ» [1]).

Работы ученика Вирхова—Реклингаузена о «двигательной способности гнойныхъ и соединительно-тканныхъ тѣлецъ» (1863) и Конгейма—«о выхожденіи безцвѣтныхъ кровяныхъ тѣлецъ» (1867) совершенно преобразовали ученіе объ эксудатахъ въ духѣ целлюлярной патологіи. Со времени изслѣдованія Ferd. Cohn'a надъ бактеріями, за послѣднія десятилѣтія выдвинулось обширное и все болѣе и болѣе разростающееся «*бактеріологическое*» движеніе.

Вирховъ издавна держался ученія, что на ряду съ микроорганизмами могутъ существовать вредныя или прямо ядовитыя вещества—чисто химическаго свойства, и что болѣзнь, обусловленную проникновеніемъ микроорганизмовъ, нельзя разсматривать прямо какъ «дѣйствіе грибка». Въ этомъ смыслѣ онъ первый установилъ категорію «инфекціонныхъ болѣзней» и отвелъ имъ цѣлый отдѣлъ въ своемъ большомъ руководствѣ частной патологіи и терапіи.

Съ тѣхъ поръ полученъ, въ особенности Brieger'омъ, цѣлый рядъ ядовитыхъ веществъ, называемыхъ *токсинами* и составляющихъ дополненіе къ *птомаинамъ*, уже раньше найденнымъ Selmi.

«Послѣднія два десятилѣтія,—говоритъ Вирховъ [2])—наполнены большею частью работами въ этой области. Тотъ фактъ, что удалось для многихъ самыхъ важныхъ контагіозныхъ и инфекціонныхъ болѣзней не только открыть постоянное присутствіе микроорганизмовъ, но доказать также экспериментально ихъ дѣйствительность, самъ по себѣ достаточенъ, чтобы иллюстрировать «гигантскій прогрессъ естественно-

скихъ существъ. Противъ этого нѣкоторые приводятъ ферментацію, но броженіе, какъ положительно доказали Cagnard-Latour (1837) и Schwann (1837), есть разложеніе органическихъ жидкостей растительными существами, низшими грибками, которые растутъ на счетъ азото-и сахаросодержащей жидкости, размножаются и при этомъ разлагаютъ сахаръ и проч. (Torula cerevisii, Turpin); 2) Дѣйствіе контагіевъ сравнивали съ броженіемъ еще въ томъ отношеніи, что величина эффекта не находится въ зависимости отъ количества употребленнаго фермента; 3) Точно типическое теченіе міазматически-контагіозной болѣзни, повидимому, говоритъ въ пользу самостоятельнаго, временнаго развитія болѣзнетворнаго агента, свойственнаго лишь органическимъ существамъ».

[1]) Virchow, «Столѣтіе общ. патологіи».

[2]) L. c.

научнаго знанія въ этой трудной области, гдѣ еще полвѣка назадъ господствовали самыя произвольныя гипотезы относительно причинъ и условій эпидемическихъ и сходныхъ съ ними болѣзней».

«Правда, еще не для всѣхъ заразныхъ болѣзней найдены патогенетическіе микроорганизмы, еще не установлено, что зараженіе безъ бактерій немыслимо. Достаточно указать на собачье бѣшенство и на многочисленныя болѣзни изъ ряда новообразованій, которыя распространяются въ тѣлѣ совершенно также, какъ заразныя болѣзни. Пастеромъ впервые былъ сдѣланъ смѣлый практическій шагъ, когда онъ предложилъ воспользоваться продуктами контагіозныхъ организмовъ для борьбы съ производимыми ими болѣзнями и для иммунизированія животнаго тѣла противъ ихъ дѣйствія вообще. Длинный рядъ предпринятыхъ имъ новыхъ опытовъ примыкаетъ къ извѣстному методу Дженнера, который, сто лѣтъ тому назадъ, ввелъ вакцину коровъ, какъ предохранительное средство противъ оспы людей».

Знаменитая прививка Дженнера (14-го мая 1796 г.) не была, однако, простою случайностью—она явилась результатомъ многолѣтняго размышленія и труда [1]). Опытъ показалъ, что въ то время каждый второй заболѣвалъ оспою и что рѣдко кто-либо изъ выздоровѣвшихъ подвергался въ дальнѣйшей жизни вторичному заболѣванію, такъ какъ они «*пріобрѣтали предохранительную защиту*». Поэтому, во время легкихъ эпидемій оспы, дѣтей намѣренно приводили въ соприкосновеніе съ оспенными больными или оспеннымъ матерьяломъ для того, чтобы подвергнуть ихъ зараженію, и это называлось «покупать оспу».

«Дженнеръ,—говоритъ Лейденъ,—геніальнымъ образомъ теоретически объясняетъ удивительное дѣйствіе коровьей оспы тѣмъ, что послѣдняя есть ни что иное, какъ *видоизмѣненная у коровъ натуральная оспа*. Первоначальною оспою онъ считаетъ лошадиную; ее необходимо перенести на коровье вымя, чтобы получить болѣе сильный ядъ». Дженнеръ, слѣдовательно, правильно понималъ доказанный въ новѣйшее время Pasteur'омъ фактъ *усиленія или ослабленія болѣзнетворнаго яда путемъ перенесенія его на различные виды животныхъ* (Leyden). Значительнымъ улучшеніемъ дженнеровскихъ прививокъ слѣдуетъ считать введеніе *животной лимфы*. Ею мы обязаны, главнымъ образомъ, противникамъ оспопрививанія. Результатомъ этого явилось введеніе «ретровакцины», т.-е. «*перенесенія человѣческой предохранительной оспы на рогатый скотъ* и употребленіе *оспенной лимфы отъ послѣдняго*». Въ Германіи гуммонизированная лимфа почти совершенно вытѣснена животною лимфою. Дженнеръ не занимался *теоріею* прививокъ и предохранительнаго дѣйствія ихъ, за то онъ опредѣленно отмѣтилъ фактъ *усиленія* или *ослабленія яда*, вслѣдствіе перенесенія его съ одного животнаго на другое—*фактъ*

[1]) См. «Къ столѣтію открытія предохранительнаго оспопрививанія», рѣчь пр. Лейдена на XIV конгрессѣ вн. медиц. въ Висбаденѣ.

величайшей важности, которымъ съ большимъ успѣхомъ воспользовался Pasteur. Врачи старались сначала испытать надежность прививокъ и затѣмъ развивать далѣе плодотворныя идеи, лежащія въ основаніи ихъ. Въ медицинской литературѣ это замѣтно проявилось, во-1), въ изслѣдованіяхъ относительно природы контагія, а во-2)—въ изученіи вопроса объ иммунитетѣ (невоспріимчивости) и дальнѣйшемъ значеніи прививокъ.

«Извѣстная попытка Rob. Koch'a, которому принадлежитъ честь открытія нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ патогенныхъ бактерій, добыть изъ чистыхъ культуръ бугорчатой бациллы «лимфу», дѣйствующую цѣлебнымъ и иммунизирующимъ образомъ на бугорчатку, привела,—говоритъ Virchow,—къ новому пути, который, въ концѣ концовъ, выдвинулъ на первый планъ, въ смыслѣ практическаго интереса, *сератерапію: здѣсь рѣчь идетъ о весьма сложномъ явленіи, прототипомъ котораго можно, конечно, считать вакцину*». Добытая изъ чистыхъ культуръ бактерій жидкость, которая, какъ теперь говорятъ, содержитъ продукты обмѣна бактерій, вводится сперва въ тѣло или даже прямо въ кровь здороваго животнаго. Спустя сравнительно длинный промежутокъ времени, въ этомъ животномъ совершается перемѣна, которая сказывается въ свойствѣ сыворотки. Послѣдняя пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства, становится цѣлебною сывороткою, такъ какъ она способствуетъ устраненію соотвѣтственной болѣзни и относительно предохраняетъ противъ развитія таковой (Virchow). Такъ это оказалось въ особенности при дифтеритѣ, благодаря основанному на тщательныхъ экспериментахъ методу Behring'a. Совершенно естественно, что надежда примѣнить этотъ способъ къ лѣченію другихъ контагіозныхъ болѣзней охватила широкія сферы».

Постараемся теперь бросить общій взглядъ на теоретическое значеніе этого новаго направленія въ научной медицинѣ за послѣднее время. Съ конца 70-хъ годовъ этого столѣтія въ патологіи начало главенствовать воззрѣніе на кровь, какъ на ткань, притомъ въ высшей степени устойчивую, которая борется—и весьма успѣшно—за свой составъ, охраняя свою неприкосновенность, въ случаѣ какихъ-нибудь вредоносныхъ вліяній—будетъ-ли это временное голоданіе, лишеніе воды или кровопусканіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ кровь, тѣмъ или другимъ путемъ, старается вознаградить свои потери на счетъ другихъ тканей и тканевыхъ соковъ, почерпая изъ кроветворныхъ органовъ необходимые элементы и вознаграждая свои потери съ замѣчательною энергіею и цѣлесообразностью. Въ этой «борьбѣ за жизнь» кровь является дѣятельнымъ началомъ, которое ежесекундно насторожѣ, пока организмъ живетъ и оказывается побѣдителемъ среди окружающихъ опасностей. Нечего удивляться послѣ этого, что кровь (въ смыслѣ клѣтокъ и кровяной плазмы или «межклѣточнаго вещества») не дремлетъ и въ случаѣ нападенія на ея неприкосновенность со стороны болѣзнетворныхъ

микробовъ или въ случаѣ другихъ вредоносныхъ вліяній. Мы до сихъ поръ еще не знаемъ,—во всѣхъ деталяхъ по крайней мѣрѣ,—какими путями она изгоняетъ изъ себя эту «заразу», какъ побѣждаетъ «микроба» или продукты его жизнедѣятельности, но все же въ общихъ чертахъ намъ извѣстно, что ядовитое начало очень быстро извергается кровью и выводится изъ организма путемъ мочи, пота и др. выдѣленій. Очень возможно, что въ борьбѣ за свою цѣлостность кровь, изъ поколѣнія въ поколѣніе, вырабатываетъ извѣстныя «орудія борьбы», которыя даютъ ей возможность отстаивать здоровье организма и избѣгать грозящей опасности. Только въ силу этого приспособленія къ окружающей средѣ (въ дарвиновскомъ смыслѣ) нашъ организмъ и пріобрѣтаетъ, наконецъ, извѣстную невоспріимчивость къ заразѣ (иммунитетъ), которая, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, предохраняетъ организмъ отъ зараженія, а населеніе — отъ вымиранія. Если справедливо наблюденіе Vaillard'a, что молодое поколѣніе (происшедшее отъ родителей, сдѣланныхъ искусственно невоспріимчивыми къ столбняку, холерѣ и пр.), хотя бы только въ первые мѣсяцы жизни, сохраняетъ эту невоспріимчивость, то весьма возможно, что этой невоспріимчивости молодыя особи обязаны измѣненному составу крови, спасающему ихъ отъ вторичнаго зараженія. Намъ извѣстны факты невоспріимчивости къ сифилису у дѣтей, родители которыхъ имѣли несчастіе заразиться этою болѣзнью, такъ же какъ намъ, болѣе ста лѣтъ уже, извѣстны факты невоспріимчивости къ человѣческой оспѣ людей, перенесшихъ ранѣе коровью оспу. Надо полагать, что въ самомъ составѣ крови, какъ и въ химизмѣ и жизнедѣятельности другихъ тканей организма, произошли такія измѣненія, которыя сдѣлали этихъ особей невоспріимчивыми къ воспріятію данной заразы. Очень возможно, что въ случаѣ *естественной* (а не пріобрѣтенной) невоспріимчивости, мы имѣемъ дѣло съ специфическимъ измѣненіемъ *matrix'a самой крови*, а также съ какимъ-то *устойчивымъ видоизмѣненіемъ ткани железистыхъ органовъ*, не поддающихся вредоносному вліянію внесеннаго извнѣ заразнаго начала. Въ этомъ случаѣ говорятъ о «*привычкѣ*» организма къ данному яду, хотя, кажется, здѣсь слѣдовало бы говорить о томъ, что клѣточки и кровь животнаго съ естественною невоспріимчивостью не могутъ служить почвою для развитія вредоносныхъ микроорганизмовъ, а въ то же время измѣненный составъ крови и тканей (самый химизмъ ихъ) пріобрѣтаетъ устойчивую способность противостоять вліянію того или другого растворимаго начала, вносимаго въ животную экономію жизнедѣятельностію даннаго микроба,—въ смыслѣ-ли осредненія яда «защищающимъ» бѣлковымъ веществомъ, или же другимъ путемъ. Въ этомъ отношеніи, по моему, въ высокой степени интересно наблюденіе Ehrlich'a, который нашелъ, что обусловливающія невоспріимчивость вещества крови въ состояніи переходить въ молоко, такъ что дѣтеныши-сосунки могутъ, *при по-*

мощи молока кормящей ихъ самки, получать невоспріимчивость къ тому или другому яду. Такимъ образомъ, «*орудіемъ самозащиты*» для этихъ молодыхъ животныхъ является уже не кровяная сыворотка, а отдѣленіе молочныхъ железъ самки, сдѣланной искусственно-невоспріимчивой. Очень возможно, что этимъ новымъ путемъ мы можемъ сдѣлать невоспріимчивымъ и человѣческій организмъ. Во всякомъ случаѣ, благодаря методу Behring'a, мы въ настоящее уже время можемъ не подвергать человѣческій организмъ прививкамъ «жизнедѣятельныхъ (хотя и ослабленныхъ) бактерій» и, прибѣгая къ животному, «какъ къ промежуточному звену», мы можемъ замѣнить дѣятельную невоспріимчивость страдательною «почти совершенно безопасно» (Гейслеръ).

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ не только чисто научный, но и крайне важный практическій интересъ, такъ какъ настойчивое стремленіе современной медицины проникнуть *въ самую сущность болѣзни* и рѣшить вопросъ, *какъ и почему заболѣваетъ нашъ организмъ*,—быть можетъ, приведетъ насъ къ возможности *предохранять нарождающіяся поколѣнія* отъ злѣйшихъ нашихъ враговъ—чахотки, сифилиса и другихъ заболѣваній. Это направленіе всего болѣе замѣчается въ области инфекціонныхъ заболѣваній, такъ какъ здѣсь, что ни день, накопляется масса фактовъ, проливающихъ свѣтъ на взаимную связь патогеническихъ причинъ,—съ момента проникновенія микроба въ организмъ вплоть до тѣхъ поръ, когда ткани и соки организма начинаютъ проявлять свою дѣятельность, подъ вліяніемъ вырабатываемыхъ бактеріями продуктовъ, причемъ ткани и жидкости пріобрѣтаютъ свойства, которыхъ раньше не имѣли» (Bouchard).

«Видоизмѣняя свою жизнедѣятельность и, по всей вѣроятности, свой химизмъ,—говоритъ Bouchard,—ткани и соки организма, въ теченіе инфекціоннаго заболѣванія, становятся (какъ говорятъ) бактерицидными, т.-е. способными если не убивать микробовъ, что бываетъ рѣдко, то, по крайней мѣрѣ, ослаблять ихъ жизнеспособность и размножаемость, уменьшая ядовитость ихъ выдѣленій».

Это-то ослабленіе болѣзнетворнаго агента и даетъ возможность организму восторжествовать въ борьбѣ, хотя въ самомъ началѣ болѣзни и въ періодѣ ея усиленія яды, выдѣляемые микробами, задерживаютъ, ослабляютъ, парализуютъ защиту организма. Но разъ произошло измѣненіе въ химизмѣ клѣтокъ и соковъ организма, послѣдній начинаетъ одерживать верхъ надъ болѣзнетворными микробами или продуктами ихъ жизнедѣятельности, діапедезъ снова вступаетъ въ свою силу и лейкоциты пожираютъ микробовъ уже ослабленныхъ (Bouchard).

Отсюда понятно, что всякій раціональный методъ лѣченія заразныхъ (инфекціонныхъ) болѣзней долженъ опираться на изученіе свойствъ заразы, а также руководиться возможно точнымъ знакомствомъ съ силами и средствами, которыми располагаетъ наше тѣло въ борьбѣ съ заразнымъ началомъ. Вотъ почему вопросъ о невоспріимчивости

и воспріимчивости къ заразѣ, разрабатываемый современной бактеріологіей, естественно составляетъ фундаментъ, на который долженъ опираться всякій дальнѣйшій прогрессъ въ терапіи. Возьмемъ, напр., случай возвратной горячки. Мечниковъ приписываетъ главное значеніе клѣточнымъ элементамъ (фагоцитамъ), а R. Pfeiffer въ послѣднее время объясняетъ явленія невоспріимчивости бактеріе убивающими свойствами крови. Въ докладѣ д-ра Габрическаго (въ засѣданіи 25-го апрѣля этого года послѣдняго кіевскаго съѣзда врачей) указывается, что кровь больныхъ, перенесшихъ приступы возвратной горячки, дѣйствительно обладаетъ свойствомъ убивать спирохетъ, въ чемъ легко убѣдиться, если прибавить ее къ крови, содержащей эти послѣднія. «Спирохеты быстро гибнутъ, между тѣмъ какъ въ повѣрочномъ опытѣ, т.-е. при прибавленіи крови людей, *не болѣвшихъ* возвратною горячкою, спирохеты живутъ нѣсколько дней. Свойство крови убивать спирохетъ развивается въ ней въ теченіе приступа, постепенно наростая; пораженіе это продолжается и въ первые дни апирексіи (безлихорадочнаго періода), но затѣмъ слабѣетъ. Послѣ выздоровленія свойства крови убивать спирохеты можетъ сохраняться *мѣсяцы*, а, можетъ быть, и годы. Подъ вліяніемъ зараженія, въ крови скопляются вещества, которыя *убиваютъ* или только *оглушаютъ* спирохетъ, фагоциты же заканчиваютъ борьбу тѣла съ заразою. Клиническія наблюденія относительно постепеннаго укороченія послѣдующихъ приступовъ и удлиненія безлихорадочныхъ промежутковъ легко объясняются *постепеннымъ наростаніемъ* способности крови убивать спирохетъ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній были произведены опыты лѣченія зараженныхъ возвратною горячкою обезьянъ *сывороткою обезьяны*, перенесшей такое зараженіе ранѣе. Данныя получились *какъ нельзя болѣе ободряющія*» (Габричевскій).

Въ этомъ отношеніи весьма поучительны случаи такъ называемыхъ обрывныхъ формъ заразныхъ болѣзней, преимущественно различныхъ тифовъ и холеры, доказывающіе, что организмъ какимъ-то неизвѣстнымъ путемъ успѣваетъ одолѣвать заразное начало, вносящее разстройство въ экономику живого тѣла. Такъ, еще покойный С. П. Боткинъ указалъ на случаи тифовъ продолжительностью въ 5—6 дней (брюшной тифъ); причемъ масса случаевъ наблюдалась Боткинымъ въ самомъ разгарѣ эпидеміи, когда не могло быть и рѣчи о большихъ различіяхъ въ способахъ зараженія (напр., въ одной семьѣ или артели). Въ своихъ лекціяхъ (1885) С. П. Боткинъ высказывался по поводу брюшного тифа такъ: «въ изученіи природныхъ, естественныхъ абортивныхъ формъ, въ знаніи пріемовъ, употребляемыхъ нашимъ организмомъ для освобожденія отъ поступившей въ него заразы, мнѣ кажется, мы найдемъ и тотъ путь, руководствуясь которымъ придемъ и къ знанію купирующихъ, обрывающихъ болѣзнь средствъ. Какъ именно ихъ найти, какова должна быть детальная разработка этого

вопроса—это дѣло будущаго; но одно несомнѣнно, что въ нашемъ тѣлѣ существуютъ какія-то условія, противодѣйствующія этой заразѣ, борящіяся съ нею и часто ее побѣждающія».

Еще съ конца семидесятыхъ годовъ мы видимъ стремленіе обосновать теорію невоспріимчивости. Такъ, согласно взглядамъ Buchner'а, микробы развиваются, главнѣйшимъ образомъ, въ тѣхъ частяхъ тѣла, «которыя представляютъ наиболѣе благопріятныя условія для ихъ питанія и размноженія». Но въ тѣхъ же самыхъ тканяхъ происходятъ и наибольшія патологическія измѣненія, являющіяся неблагопріятными для дальнѣйшаго развитія уже попавшихъ и для вторичнаго внѣдренія новыхъ бактерій. Согласно взглядамъ Buchner'а на эту «мѣстную воспалительную реакцію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на явленіе, благопріятное для тѣла [1]). Эту теорію Lubarch предложилъ назвать *мѣстною*, локалистическою». Самъ Buchner впослѣдствіи сильно видоизмѣнилъ первоначально высказанные имъ взгляды.

Съ другой стороны, *Pasteur* высказывалъ мысль, что подъ вліяніемъ размноженія бактерій въ тѣлѣ «расходуется тотъ питательный матерьялъ, который необходимъ для развитія даннаго вида бактерій и что тѣло, такимъ образомъ, становится уже непригодною для нихъ почвою» [2]). Эта теорія, нынѣ оставленная, получила названіе теоріи истощенія (Erchöpfungstheorie).

Наконецъ, *Chauveau* видитъ причину невоспріимчивости въ томъ, что «въ тѣлѣ зараженнаго животнаго образуются, подъ вліяніемъ размножающихся бактерій, особыя растворимыя вещества, которыя задерживаются въ немъ и предохраняютъ его отъ новаго зараженія». Его теорія получила названіе теоріи задержанія (Retentionshypothese).

Въ основу теоріи *Baumgarten'a* легло то предположеніе, что «бактеріи, попадая въ тѣло невоспріимчиваго животнаго, не находятъ благопріятной для своего размноженія почвы, потому что не могутъ, при нормальныхъ физіологическихъ условіяхъ, воспользоваться имѣющимся въ такомъ тѣлѣ питательнымъ матерьяломъ, не въ состояніи его усвоить (теорія усвоенія: Assimilationstheorie).

Приводя эти теоріи невоспріимчивости, д-ръ Гейслеръ добавляетъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ объяснить всѣхъ извѣстныхъ явленій въ области заразныхъ заболѣваній.

Въ современныхъ воззрѣніяхъ на сущность и происхожденіе иммунитета мы встрѣчаемъ два главнѣйшія теченія: во-1-хъ, защитники фагоцитоза (съ *Мечниковымъ* во главѣ), и, во-2-хъ, гуморалисты, главнѣйшими представителями которыхъ являются *Buchner* и *Behring*.

Хотя въ настоящее время едва-ли кто-либо станетъ сомнѣваться въ реальности явленій фагоцитоза, но другой вопросъ—дѣйствительно-

[1]) Ст. Ѳ. К. Гейслера, «Врачъ» 1896 г., № 11, стр. 301.
[2]) Ibid.

ли въ явленіяхъ невоспріимчивости фагоцитозъ играетъ выдающуюся и *первенствующую* роль?

Въ своей статьѣ: «Главнѣйшія теченія въ ученіи о невоспріимчивости» приватъ-доцентъ здѣшней академіи, Ѳ. К. Гейслеръ (см. «Врачъ», 1896 г. № 11 и слѣд.) указываетъ на то обстоятельство, что для признанія такой первенствующей роли необходимо неопровержимое доказательство, что «поглощаемые фагоцитами микробы *дѣйствительно уничтожаются* и становятся *только поэтому* безвредными для тѣла»; далѣе, что существуетъ «ясное отношеніе между *степенью невоспріимчивости* тѣла и *степенью фагоцитоза*». Кромѣ того, должно быть доказано, что, «помимо фагоцитозныхъ явленій, въ большинствѣ случаевъ, не бываетъ невоспріимчивости; наконецъ, фагоцитарная теорія должна дать объясненіе не только явленіямъ невоспріимчивости къ тому или другому болѣзнетворному представителю бактерійнаго царства, но и къ вырабатываемымъ имъ ядовитымъ веществамъ».

Что же говорятъ факты?

Мы знаемъ, что существуютъ наблюденія, доказывающія, что палочки сибирской язвы *не только не гибнутъ* внутри бѣлыхъ тѣлецъ, *но даже развиваются*». Съ другой стороны, проказныя палочки, находящіяся внутри клѣточекъ-пожирательницъ, остаются «вполнѣ вредоносными». Наблюденія *Павловскаго* показали, что «при лучистомъ грибкѣ бѣлыя тѣльца, хотя и обнаруживаютъ вполнѣ свою фагоцитозную дѣятельность, но не только *не убиваютъ* ихъ, а *загоняютъ даже въ другія части тѣла вполнѣ жизнедѣятельными организмами*». *Leyden'омъ* описаны случаи бугорковаго воспаленія внутрисердія, въ которыхъ «вполнѣ жизнедѣятельныя Koch'овскія палочки были занесены фагоцитами и *развивались въ пробкахъ*».

Очевидно, что въ приведенныхъ случаяхъ фагоциты не только не являлись защитниками организма, а, напротивъ, *содѣйствовали* распространенію заразнаго начала.

«И такъ, явленія фагоцитоза и уничтоженіе или обезвреженіе болѣзнетворныхъ бактерій *далеко не всегда* идутъ рука объ руку». Кромѣ того, нѣтъ прямого отношенія между степенью невоспріимчивости организма и степенью фагоцитоза. Существуетъ способъ, помощью котораго доказывается, что «невоспріимчивость можетъ имѣть мѣсто и помимо всякаго фагоцитоза» (Гейслеръ).

Voswinkel замѣнилъ у весьма невоспріимчивой къ сибирской язвѣ лягушки всю кровь физіологическимъ растворомъ поваренной соли, исключивъ такимъ образомъ совершенно вліяніе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ; между тѣмъ, введенныя въ организмъ сибиреязвенныя бактеріи гибли въ немъ попрежнему; а между тѣмъ, по ученію фагоцитарной школы, «естественная невоспріимчивость лягушекъ къ сибирской язвѣ обусловливается именно фагоцитарными свойствами ея бѣлыхъ тѣлецъ». Этого мало; даже вполнѣ признающіе существованіе фагоцитоза,

тѣмъ не менѣе, не отрицаютъ, что «въ лимфатическомъ мѣшкѣ лягушки сибиреязвенныя палочки гибнутъ и помимо бѣлыхъ тѣлецъ».

Сторонники фагоцитарной теоріи Мечникова полагаютъ, что процессъ иммунизаціи повышаетъ раздражительность фагоцитовъ и тѣмъ увеличиваетъ ихъ способность поглощать бактеріи. Но Pfeiffer, при микроскопическихъ наблюденіяхъ отдѣльныхъ пробъ, взятыхъ изъ брюшной полости иммунизированныхъ кроликовъ (при холерныхъ прививкахъ), открылъ, что бактеріи растворяются въ этой жидкости *безъ всякаго участія фагоцитовъ*, причемъ содержимое брюшной полости принимаетъ особенный слизистый, тягучій видъ; отсюда Pfeiffer дѣлаетъ такой выводъ, что не фагоциты обусловливаютъ гибель вибріоновъ. Мечниковъ самъ подтверждаетъ вѣрность этого факта и даже называетъ его «явленіемъ Pfeiffer'a» (phenomène de Pfeiffer), но старается дать ему иное объясненіе. По его мнѣнію, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бактеріи холеры гибнутъ въ полости брюшины «внѣ клѣтокъ», дѣло все-таки не обходится безъ вмѣшательства бѣлыхъ тѣлецъ, ибо «тѣ вещества, отъ которыхъ гибнутъ холерные вибріоны, *получаются именно изъ бѣлыхъ тѣлецъ*, будучи производными послѣднихъ», а не эндотеліальныхъ клѣточекъ, какъ утверждаетъ Pfeiffer.

Очевидно, въ данномъ случаѣ, Мечникову приходится допустить, что бѣлыя тѣльца, строго говоря, «не обнаруживаютъ здѣсь фагоцитарныхъ свойствъ», а выдѣляютъ лишь *уничтожающее* бактеріи вещество. «Считать подобное явленіе, — говоритъ Гейслеръ, — *проявленіемъ фагоцитоза*, какъ это дѣлаетъ Мечниковъ, врядъ-ли возможно». Но если даже согласиться съ безусловными сторонниками фагоцитоза, что пріобрѣтенная невоспріимчивость дѣйствительно условливается развитіемъ способность фагоцитовъ «поглощать и переваривать болѣзнетворные микробы», какъ намъ быть съ тѣми случаями, гдѣ *невоспріимчивость вызывается «растворимыми веществами»*; чѣмъ мы объяснимъ тогда способность тѣла противодѣйствовать зараженію? А подобная невоспріимчивость вполнѣ возможна и доказана для столбняка и дифтеріи, и отчасти для брюшного тифа, холеры, пнеймококка и мышинаго гнилокровія, цѣпочнаго кокка, сибирской язвы и гриппа... «Теченіе всего патологическаго процесса, а также и свойства пріобрѣтаемой невоспріимчивости при этомъ ничѣмъ не отличаются отъ достигаемыхъ при зараженіи живыми микробами; и это полное тожество заставляетъ думать, что какъ причина заболѣваній, такъ и реакція на него со стороны тѣла въ обоихъ случаяхъ тоже одинаковы, но *при безбактерійномъ зараженіи фагоцитамъ выдь и истреблять нечего*» [1]). Наконецъ, какъ объяснить себѣ, съ точки зрѣнія фагоцитарной теоріи, невоспріимчивость организма къ нѣкоторымъ ядамъ растительнаго и животнаго происхожденія? «*Бактерій, съ которыми фагоциты могли*

[1]) См. статью А. И. *Кондратьева:* «Къ вопросу о самозащитѣ животнаго тѣла противъ бактерійныхъ зараженій». «Врачъ», 1896, № 4—6.

*

бы вступать въ борьбу, здѣсь вѣдь не имѣется...» Мечниковъ самъ затрудняется допустить такую пластичность организма, чтобы онъ могъ выработать, самъ по себѣ, предохраняющія вещества, и полагаетъ болѣе естественнымъ предположить, вмѣстѣ съ Buchner'омъ, что «эти вещества вырабатываются организмомъ изъ самихъ бактерій, *а затѣмъ уже удерживаются бѣлыми тѣльцами*[2])» (sic!).

Стараясь найти ключъ для объясненія невоспріимчивости къ *небактерійнымъ* ядамъ (рицину, абрину и змѣиному), пришлось бы невольно «допустить такіе процессы въ организмѣ, которые во всякомъ случаѣ отодвинули бы значеніе фагоцитовъ *на второе мѣсто*, ибо, очевидно, что центръ тяжести всего явленія лежитъ тамъ, гдѣ вырабатываются предохраняющія вещества... Мечниковъ старается обойти этотъ вопросъ, ограничиваясь предположеніемъ, что организмъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ *привыкаетъ* къ тому или другому яду. *Но вѣдь это не объясненіе*, такъ какъ намъ все-таки остается непонятною *причина* этого привыканія» (Гейслеръ).

И такъ, фактическая провѣрка фагоцитарной теоріи доказываетъ, что наличныя данныя не могутъ быть охвачены цѣликомъ этою теоріею и что фагоцитозъ играетъ не первостепенную роль въ происхожденіи невоспріимчивости. На основаніи всѣхъ приведенныхъ выше наблюденій, невольно является выводъ, что на ряду съ поглощеніемъ микробовъ фагоцитами (чего, конечно, никто и не думаетъ отрицать)—«въ зараженномъ тѣлѣ совершается *какая-то химическая работа*, и притомъ, вѣроятно, весьма сложная, *послѣдствія которой и опредѣляютъ исходъ борьбы заболѣвшаго тѣла съ вторгнувшимися въ него микробами*» (Кондратьевъ).

Рядомъ съ фагоцитарной теоріей стоятъ другія и между ними *гуморальная* теорія, принимающая, что всѣ защищающія силы нашего организма, главнымъ образомъ, находятся въ крови и ея сывороткѣ. Въ этомъ отношеніи авторы приписываютъ крови: 1) *бактеріеубивающее дѣйствіе* и 2) *противоядное* (антитоксическое) свойство.

Предполагаютъ, что здоровая кровь, какъ и ея сыворотка, способна «уничтожать бактеріи, которыя затѣмъ уже въ мертвомъ или сильно ослабленномъ состояніи захватываются бѣлыми тѣльцами. Buchner допускаетъ, что дѣятельными веществами служатъ бѣлки (альбумины и глобулины), обладающіе весьма подвижною химическою частицею и весьма легко разрушающіеся (при нагрѣваніи до 55° Ц.). Имъ дано названіе «*алексиновъ*», или «защищающихъ бѣлковъ». Еще во время антихолерныхъ прививокъ Ferran'a (1884) существовали указанія на противоядныя свойства крови, но только изслѣдованія Behring'a и его сотрудниковъ, по поводу лѣченія дифтеріи и столбняка кровяною сывороткою, выдвинули этотъ взглядъ на первый планъ.

---

[1]) *Гейслеръ*, l. c., № 16.

Благодаря этимъ изслѣдованіямъ, оказалось, что въ крови и кровяной сывороткѣ животныхъ, выздоровѣвшихъ отъ столбняка или дифтеріи и сдѣлавшихся *невоспріимчивыми* къ этимъ болѣзнямъ, имѣется вещество, способное защищать здоровое животное отъ той же болѣзни. Вещество это не ядовито, отлично отъ яда и названо Behring'омъ *противоядіемъ* (антитоксиномъ). Для каждаго бактерійнаго яда имѣется специфическое противоядіе. Количество его въ сывороткѣ можетъ быть чрезвычайно увеличено, при повторныхъ зараженіяхъ животныхъ. Противоядіе выдѣляется изъ тѣла мочею и особенно много *молокомъ*, причемъ невоспріимчивость животнаго (такъ называемая *пассивная*) постепенно слабѣетъ.

Такимъ образомъ уже съ 1890 года удалось доказать, что «сыворотка животныхъ, не воспріимчивыхъ къ столбняку, въ состояніи *разрушить* ядъ, вырабатываемый палочками раневаго столбняка.

Кромѣ того, было найдено, что, прививая животнымъ ослабленный змѣиный ядъ, мы также въ состояніи получить сыворотку, дающую невоспріимчивость къ яду змѣй.

Съ точки зрѣнія Behring'а, невоспріимчивость, какъ мы сказали, обусловливается измѣненіями въ химизмѣ крови, причемъ внутренніе органы въ своей дѣятельности страдаютъ уже *косвенно отъ этихъ измѣненій, а не отъ непосредственнаго дѣйствія яда.* Поэтому-то, думаетъ Behring, «на невоспріимчивость нужно смотрѣть, какъ на такое состояніе тѣла, при которомъ въ послѣднемъ имѣются вещества—противоядія—способныя дѣлать вышеупомянутые яды для него безразличными, недѣятельными». Происходитъ-ли это при помощи осредненія яда соотвѣтствующимъ противоядіемъ, въ смыслѣ химическомъ, какъ это, повидимому, былъ склоненъ думать ранѣе Behring, или же дѣйствіе яда парализуется какимъ-либо другимъ образомъ, онъ въ настоящее время рѣшать не берется [1]).

Противъ основного положенія, что въ крови имѣются особыя бактеріеубивающія вещества (алексины), обусловливающія врожденную невоспріимчивость (Buchner), Мечниковъ указалъ, что иногда *болѣзнетворные микробы могутъ прекрасно размножаться въ крови невоспріимчивыхъ животныхъ*; слѣдовательно, не въ бактеріеубивающихъ свойствахъ дѣло. Наконецъ, если вспомнить, что у нѣкоторыхъ животныхъ существуетъ врожденная невоспріимчивость къ ядамъ «небактерійнаго происхожденія, гдѣ, слѣдовательно, ни о какомъ уничтоженіи бактерій и рѣчи быть не можетъ, то станетъ яснымъ, что, не смотря на всю несомнѣнность разбираемыхъ свойствъ крови, *не въ нихъ однихъ дѣло* при естественной невоспріимчивости» [2]). Въ противность мнѣнію Behring'а, очень скоро оказалось, что нѣтъ никакого параллелизма между противоядною силою сыворотки и невоспріимчивостью животнаго къ яду.

[1]) Гейслеръ, l. c.
[2]) l. c.

Животныя, дававшія сильно-противоядную сыворотку, въ то же время сами чувствительнѣе къ яду, чѣмъ нормальныя; съ другой стороны, лошади, долго употреблявшіяся для добыванія цѣлебной противодифтерітной сыворотки, подъ конецъ даютъ сыворотку, уже *бѣдную* противоядіемъ, будучи въ то же время сами настолько *невоспріимчивы*, что нѣтъ достаточной силы яда, чтобы вызвать у нихъ хоть какую-нибудь реакцію (Кондратьевъ).

Однако, *основное* положеніе Behring'a, что «всѣ процессы, обусловливающіе невоспріимчивость (искусственную), происходятъ *исключительно* въ жидкихъ частяхъ тѣла», не можетъ быть признано выдерживающимъ критику, такъ какъ приходилось бы допустить, что образующіяся противоядныя вещества *все время* обращаются въ тѣлѣ и притомъ въ растворенномъ состояніи. Вѣдь, дѣло въ томъ, что растворимыя вещества, какъ справедливо указываетъ Гейслеръ, принимая участіе въ обмѣнѣ веществъ, или видоизмѣняются химически, окисляясь, сгорая и пр., или, въ измѣненномъ видѣ, выдѣляются вонъ. Относительно антитоксиновъ такое выдѣленіе, какъ мы видѣли, указано Ehrlich'омъ (именно относительно молока).

Намъ извѣстно, что пріобрѣтенная невоспріимчивость (относительно, напр., тифа, скарлатины, оспы и т. д.) сохраняется весьма долго, нерѣдко въ теченіе всей жизни; если держаться воззрѣнія Behring'a, то намъ пришлось бы допустить, что *однажды образовавшіяся* специфическія вещества *все время* остаются въ тѣлѣ, не видоизмѣняясь и не выдѣляясь, и при этомъ обязательно безъ вмѣшательства клѣтокъ [1]).

Такимъ образомъ, ни одна изъ приведенныхъ выше теорій не можетъ дать намъ искомаго объясненія для наблюдаемыхъ явленій. Поневолѣ приходится признать, что только *клѣточковая* теорія (целлулярная), въ широкомъ смыслѣ слова, можетъ выдержать научное испытаніе. Этой теоріи, которой держится и творецъ целлулярной патологіи, Вирховъ, отдаютъ должное вниманіе оба приводимые нами автора—Гейслеръ и Кондратьевъ.

Что касается до такъ называемыхъ бактеріеубивающихъ и противоядныхъ веществъ, то для Гейслера они ничто иное, какъ «производныя, вырабатываемыя клѣточками тѣла; при этомъ вырабатываніе ихъ, быть можетъ, принадлежитъ одному какому-либо виду клѣточекъ, а, быть можетъ, и нѣсколькимъ».

Нельзя не признать, что этой теоріей объясняется *большее число фактовъ*, чѣмъ какою-либо другою, а потому ей и принадлежитъ, повидимому, будущее!

П. О.

---

[1]) l. c., № 17, стр. 489.

НОВЫЯ КНИГИ.

Изящная словесность. Критика. Исторія литературы.

Тяжелые сны. Романъ *Ѳедора Сологуба.* Спб. 1896 г.

Появись романъ г. Сологуба въ иное время, о немъ не стоило бы и говорить: мало-ли слабыхъ, неудачныхъ и далекихъ отъ здраваго смысла произведеній появляется въ печати—за всѣмъ не угонишься! Но нынѣ всякая посредственность ищетъ себѣ оправы и гарнира, которыя и объявляются во всеуслышаніе, какъ нѣчто, содержащее въ себѣ глубокій, таинственный смыслъ. Этотъ-то глубокій, таинственный смыслъ приданъ и роману г. Сологуба: онъ—произведеніе символическое, во вкусѣ послѣдняго слова русской литературы, вылившейся изъ «новой мозговой линіи». Главное дѣйствующее лицо, герой романа—учитель провинціальной гимназіи, Василій Марковичъ Логинъ, своего рода мѣстный Чацкій на кабацкой подкладкѣ: онъ въ одиночку нализывается до галлюцинацій, не брезгаетъ самымъ дурнымъ обществомъ, но, по замыслу автора, долженъ носить на своемъ челѣ печать невѣдомой, таинственной думы. Со второй же страницы произведенія г. Сологуба мы наталкиваемся на слѣдующую его бесѣду съ губернской львицей, только и мечтающей, кому бы изъ молодыхъ людей подарить въ полумракѣ садовой бесѣдки свою дѣвственность.

— Скажите,—заговорилъ Логинъ послѣ короткаго молчанія,—вамъ жизнь какого цвѣта кажется и какого вкуса?

— Вкусъ и цвѣтъ? У жизни?—съ удивленіемъ спросила Клавдія.

— Ну, да... Это же въ модѣ—сліяніе ощущеній...

— Ахъ, это... Пожалуй, вкусъ—приторный.

— Я думалъ, вы скажете: горькій?

— Нѣтъ, почему же?—сказала она.

. . . . . .

— А цвѣтъ жизни?—спросилъ Логинъ.

— Зеленый и желтый,—быстро, не задумываясь, съ какою-то даже злостью въ голосѣ, отвѣтила Клавдія.

— Надежды и презрѣнія?

— Нѣтъ, просто незрѣлости и увяданія... Ахъ,—воскликнула она внезапно, какъ бы перебивая себя самое (?),—есть же, есть же гдѣ-то широкіе горизонты?

— Намъ-то съ вами что до нихъ?—угрюмо спросилъ Логинъ.

Къ сожалѣнію, Логинъ самъ лично не высказываетъ своего мнѣнія, какого цвѣта и вкуса ему кажется жизнь. Судя же по дальнѣйшему повѣствованію, можно смѣло сказать, что она ему кажется вкуса и цвѣта кашинской мадеры, такъ какъ почтенный педагогъ имѣетъ обыкновеніе на сонъ грядущій такъ наслаждаться симъ напиткомъ, что доходитъ до галлюцинацій: не можетъ лечь въ постель спать, ибо

принимаетъ складки одѣяла за самого себя, только въ мертвомъ видѣ; затѣмъ ему мнится, что къ нему въ окно влѣзла одна гуляющая бабенка, но было-ли такъ на самомъ дѣлѣ, онъ на другое утро себѣ отчета дать не можетъ. Вообще, молодой человѣкъ ведетъ себя достаточно предосудительно, но съ форсомъ, ибо презираетъ окружающее общество, и это свое презрѣніе ему громко высказываетъ. Въ результатѣ получается то, что общество начинаетъ его чуждаться,—его исключаютъ даже изъ числа членовъ клуба, а городская чернь почему-то начинаетъ его считать виновникомъ свирѣпствующей холеры... Безсмыслица, безсвязность дѣйствія идутъ съ поразительной быстротой на протяженіи всѣхъ X главъ романа, и вся борьба съ обществомъ губернскаго Чацкаго кончается слѣдующимъ. Въ одну прекрасную ночь онъ по обыкновенію напивается и съ пьяныхъ глазъ залѣзаетъ въ домъ нѣкоего Мотовилова, своего главнаго врага. Увидавъ, что Мотовиловъ идетъ по темному саду, онъ поднимаетъ случайно попавшійся ему на дорожкѣ топоръ и убиваетъ своего лютаго врага. На его счастье, въ этотъ же садъ заходитъ, тоже пьяный, мужичекъ, у котораго Мотовиловъ отбилъ жену. Мужичекъ этотъ пришелъ сюда повѣситься, что вполнѣ благополучно и совершаетъ на глазахъ просвѣщеннаго педагога. Это послѣднему на руку: онъ обтираетъ о висящій трупъ свои окровавленныя руки, чѣмъ скрываетъ слѣды преступленія, и благополучно возвращается домой допивать оставшееся вино. Вмѣсто того, чтобы подобно Раскольникову принести покаяніе въ безсмысленномъ убійствѣ, онъ ищетъ оригинальнаго очищенія въ объятіяхъ невѣсты. Вотъ своеобразная сценка нравственнаго очищенія.

— Нюта, еслибъ ты знала! Распутство, пьянство, безсонныя ночи, тусклые дни... Какъ сбросить съ себя прошлое? Чудо нужно, а я въ чудеса не вѣрю.

— Милый мой, любовь дѣлаетъ чудеса. Есть огонь, на которомъ сгорятъ нечистыя мысли...

— Попытаемъ надѣяться,—все тише говорила она.—Увидимъ, доступны-ли намъ вершины счастья,—любовь безъ желаній. Если мы ихъ не достигнемъ, лучше умремъ.

Она встала. Логинъ поднялся за нею.

— Пойдемъ,—сказала она, протягивая къ нему руки,—я хочу сдѣлать тебѣ даръ, и онъ теперь готовъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты свѣтло порадовался ему.

Молча зашли въ закрытую бесѣдку.

Въ этой бесѣдкѣ произошло слѣдующее:

Она стояла передъ нимъ, вся трепетная, и то опускала, то подымала руки къ застежкѣ своего платья. Румянецъ быстро сбѣгалъ съ ея смуглыхъ щекъ. И вдругъ выраженіе рѣшимости и великаго спокойствія легло на ея поблѣднѣвшее лицо, она медленно подняла спокойныя руки, тихо растегнула на лѣвомъ плечѣ металлическую пряжку и сказала безстрастнымъ голосомъ:

— Мой даръ тебѣ—я сама.

Платье упало къ ея ногамъ. Обнаженная и холодная стояла она передъ нимъ, и съ ожиданіемъ смотрѣли на него ея непорочные глаза.

— Дорогая моя,—воскликнулъ Логинъ,—мы на вершинѣ! Какое счастье! И какая печаль!..—Она молчала; глаза ея были покорны. Онъ наклонился, чтобы поднять ея платье. Руки ихъ встрѣтились. Онъ помогъ ей одѣться. Возвращаясь домой, чувствовалъ Логинъ, что улетѣли его темныя мысли, что новый и свободный человѣкъ радовался въ немъ тому, что выше и значительнѣе жизни и смерти. Передъ глазами его стояла бѣлая и прекрасная Нюта, и онъ зналъ, что съ этимъ яснымъ видѣніемъ въ душѣ его не можетъ онъ идти къ потоку и грѣху.

Такъ оригинально очистивъ свою совѣсть послѣ безнаказаннаго убійства, Логинъ послѣ тяжкой болѣзни (его ранили во время холерныхъ безпорядковъ) женился на своей невѣстѣ, по случаю чего авторъ торжественно замѣчаетъ: «Для нихъ началась новая жизнь; обновленныя небеса засинѣли надъ ними, но что будетъ съ ними и куда придутъ они?»

Врядъ-ли отвѣтъ на праздно-поставленный вопросъ для кого бы то ни было можетъ быть интересенъ. Интереснѣе было бы знать, куда придетъ авторъ, дебютирующій такимъ безсмысленно-кроваво-пьянымъ романомъ? Какъ назвать ту часть критики, которая, отвергая реалистическую литературу 60-хъ годовъ, старается, въ ущербъ ей, выдвинуть такія произведенія, какъ «Тяжелые сны» Сологуба, которые преподносятся публикѣ въ качествѣ образца высшей «новой красоты»? Мы, по крайней мѣрѣ, затрудняемся пророчить хорошее литературное будущее г. Сологубу, какъ равно стѣсняемся сказать что-нибудь доброе по адресу глашатаевъ наступленія новой литературной эпохи. «Тяжелые сны» во всѣхъ отношеніяхъ не служатъ рекомендаціей нашей эпохи.

Въ туманѣ тысячелѣтія. *А. Красницкаго.* Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ эпохи возрожденія русскаго государства. Спб. 1896.

Всѣ жалуются на оскудѣніе въ нашей литературѣ исторической беллетристики, а если просмотришь наши еженедѣльныя иллюстрированныя изданія,—правда, читаемыя, по большей части, въ туманѣ портерныхъ,—то самымъ непреложнымъ образомъ убѣдишься, что по части историческаго романа у насъ все обстоитъ благополучно; мало того—даже превосходно! Историческіе беллетристы, въ родѣ г. Всев. Соловьева, и г-жъ Дубровиной и Назарьевой, не только не сходятъ со сцены, но даже подкрѣпляются въ своихъ рядахъ новыми. Напримѣръ, г. Красницкій, чѣмъ не русскій Вальтеръ-Скоттъ, чѣмъ онъ хуже своихъ современныхъ, перечисленныхъ выше, русскихъ собратьевъ по перу? Да не только не хуже—даже лучше. Судите сами: тѣ почерпаютъ свои сюжеты изъ русской исторіи XVII и XVIII вѣковъ, при чемъ, главнымъ образомъ, стараются не далеко отходить отъ источника своего вдохновенія—учебника г. Иловайскаго, а еще чаще попросту отъ романовъ гг. Мордовцева, Карновича и др.; г. Красницкій же перепрыгиваетъ черезъ всѣ историческія эпохи русскаго народа, изображаемыя обыкновенно названными романистами, и смѣлой рукой освѣщаетъ намъ эпоху доисторическую: незабвенное время Аскольда и Дира, Рюрика, Синеуса и Трувора. Да-съ, милостивые государи, не шутите: самъ достоуважаемый Рюрикъ—главное дѣйствующее лицо романа «Въ туманѣ тысячелѣтія»! Патріотическія сердца должны сладостно трепетать: авторъ обстоятельно повѣствуетъ намъ, какъ зародилась Русь, какъ сразу всѣ ильменьскіе славяне прониклись идеей сильной власти и какъ мизерно сравнительно съ этой идеей показалось имъ прежнее свободное новгородское самоуправленіе. Г. Красницкій черезъ тысячу лѣтъ прочелъ въ сердцахъ своихъ предковъ и, благодаря такой счастливой способности читать на большомъ разстояніи, всѣ устои русской жизни перенесъ на берега Волхова, въ горницу почтеннаго старца Гостомысла. Спасибо г. Красницкому, сердечное спасибо. Отчего нѣтъ въ живыхъ покойныхъ историковъ Каченовскаго, Пого-

дина, Костомарова, Соловьева! Они бы по заслугамъ оцѣнили прозорливость и глубину познаній автора «Въ туманѣ тысячелѣтія» и, конечно, прекратили бы всякіе споры о происхожденіи Руси. Чего не могла до сихъ поръ достигнуть историческая критика, сдѣлано въ наши дни просвѣщенной редакціей журнала «Родина». Можно только искренно пожалѣть, что г. Каспари (издатель-редакторъ журнала) не приложилъ къ роману портретовъ дѣйствующихъ лицъ—Гостомысла, Рюрика, Аскольда, Дира и др. Эти приложенія не обошлись бы ему дорого, такъ какъ врядъ-ли его могла остановить возможность найти изображенія этихъ почтенныхъ историческихъ дѣятелей. Очень жаль, что онъ не догадался этого сдѣлать, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, романъ г. Красницкаго навѣрное читался бы еще охотнѣе... въ туманѣ портерныхъ.

Сочиненія Людвига Бёрне въ переводѣ Петра Вейнберга. Въ 2-хъ томахъ. Со статьей о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ. Изданіе второе. Спб. 1896.

Можно отъ души порадоваться появленію 2-го изданія сочиненій Бёрне; отсутствіе ихъ, по распродажѣ въ 70-хъ годахъ 1-го изданія, составляло большую прорѣху въ нашей переводной литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бёрне для нашего отечества, гдѣ такъ слабо развита честная прогрессивная политическая печать, долженъ быть писателемъ настольнымъ. У него есть чему поучиться и съ точки зрѣнія содержанія, и съ точки зрѣнія требованій техники писательства. Всякая страница и даже строчка его произведеній достойны вдумчиваго изученія, такъ какъ, по словамъ самого автора, онѣ писаны сокомъ мозга и кровью сердца. Касался-ли онъ вопросовъ театра, искусства, литературы, писалъ-ли онъ по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ — всегда его перо упорно и смѣло работало въ одномъ опредѣленномъ направленіи: онъ изобличалъ реакціонный порядокъ вещей, проповѣдовалъ необходимость борьбы съ нимъ и рисовалъ въ будущемъ лучшія и болѣе свѣтлыя перспективы. Къ сожалѣнію, почтенный переводчикъ не нашелъ возможнымъ предложить читающей публикѣ полнаго собранія сочиненій знаменитаго нѣмецкаго публициста, а сдѣлалъ изъ нихъ только нѣкоторыя выборки. «Мы выбрали изъ нихъ— говоритъ (стр. 58) г. Вейнбергъ — все, что есть лучшаго и что яснѣе всего характеризуетъ дѣятельность и убѣжденія автора, во-вторыхъ, то, что не утратило интереса и въ настоящее время. Эта послѣдняя точка зрѣнія была причиною, что мы исключили статьи, доставившія Бёрне громкую извѣстность— именно его драматическія рецензіи (впрочемъ, лучшая изъ нихъ, о Гамлетѣ, напечатана у насъ). Точно также и «Парижскія письма» напечатаны съ пропусками тѣхъ мѣстъ, которыя представляютъ слишкомъ временный и мѣстный интересъ». Если почтенный г. Вейнбергъ высказывается здѣсь откровенно и если дѣйствительно эта точка зрѣнія побудила его сокращать и урѣзывать Бёрне, то нельзя не признаться, что его точка зрѣнія несовсѣмъ удачна и справедлива. Благодаря выборкамъ, сокращеніямъ и *обильнымъ многоточіямъ*, Бёрне въ русскомъ переводѣ является значительно поблекшимъ, вялымъ и потерявшимъ свою остроту и жизненность. Часто приходится угадывать лишь, что могъ ска-

зать нѣмецкій публицистъ въ томъ или другомъ мѣстѣ или удивляться, зная его біографію и характеристику, какъ могъ онъ такъ слабо говорить по нѣкоторымъ предметамъ, когда можно было ожидать отъ него грома и молній. Жаль, что г. Вейнбергъ не съумѣлъ или не захотѣлъ восполнить существенные пробѣлы въ текстѣ статей Бёрне инымъ путемъ, т.-е. помѣстивъ эти пропуски, хотя бы въ пересказѣ ихъ въ составленную имъ біографію Бёрне. Такой коррективъ сдѣланъ уже въ русской литературѣ. Въ вышедшихъ нынѣшнею зимою сочиненіяхъ покойнаго Е. И. Утина «Изъ литературы и жизни» имѣется чрезвычайно интересная монографія «Политическая литература въ Германіи», посвященная, главнымъ образомъ, біографіи и характеристикѣ Людвига Бёрне. Такимъ образомъ, если русскій читатель желаетъ составить себѣ полное понятіе о значеніи автора извѣстныхъ «Парижскихъ писемъ», то пусть онъ, прочитавъ эти письма въ переводѣ г. Вейнберга, немедленно же обратится къ упомянутой работѣ Утина, гдѣ найдетъ многое опущенное осторожнымъ переводчикомъ.

Передавать въ краткой рецензіи содержаніе статей Бёрне болѣе, чѣмъ трудно. И не потому это трудно, что матерьялъ, обнимаемый статьями, слишкомъ обиленъ и разнообразенъ, а потому, что главный центръ тяжести всѣхъ, безъ исключенія, работъ публициста лежитъ въ ихъ тенденціозной техникѣ, въ освѣщеніи трактуемыхъ предметовъ. Живя въ Германіи, онъ напрягалъ всѣ свои литературныя силы на борьбу съ реакціей 20-хъ годовъ, изобличалъ мнимыхъ «спасителей отечества», ловилъ все фальшивое, что преподносилось его соотечественникамъ, подъ видомъ блага и добра, на самомъ же дѣлѣ имѣвшее цѣлью сковать ихъ болѣе крѣпкими цѣпями рабства и приниженности, и громилъ съ особенною силою «достопримѣчательности франкфуртской цензуры». Въ каждую строчку своихъ публицистическихъ статей Бёрне вкладывалъ массу страсти, желчи, иронiи, почему онѣ всѣ носятъ на себѣ характеръ спеціально-субъективный и очень далеки отъ спокойныхъ академическихъ разсужденій. «Ахъ, эта объективность мышленія, мнѣ съ нею никогда не везло,—восклицаетъ Бёрне въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій:—не знаю, слѣдуетъ-ли мнѣ огорчаться этимъ! Конечно, художество можетъ быть и прекрасная вещь. Государи, знатные люди, богачи, счастливцы, безмятежные духомъ любители. Но эти знатоки искусства до такой степени справедливы, что мнѣ часто становится страшно. Не то, что искусство изобразило, а только то, какъ оно изобразило, занимаетъ ихъ. Лягушка, огурецъ, кусокъ баранины, Вильгельмъ Мейстеръ, распятіе—для нихъ все это одно и то же, будь только оно хорошо нарисовано. Я не таковъ и никогда не былъ такимъ. Я всегда искалъ только Бога въ природѣ, божественную натуру въ искусствѣ, и, гдѣ я не находилъ Бога, тамъ находилъ противоестественность, и гдѣ не отыскивалъ *божественную* натуру, тамъ мнѣ все казалось жалкимъ кропаньемъ. И вотъ, съ этой-то точки зрѣнія, я судилъ о событіяхъ, объ исторіи, людяхъ и книгахъ, и отъ этого, можетъ быть, нерѣдко случалось, что я порицалъ добрыя и красивыя произведенія только потому, что находилъ самого мастера злымъ и отвратительнымъ».

Въ оставшейся послѣ его смерти неоконченной рукописи имѣются слѣдую-

щія строки, рельефно рисующія, къ чему были направлены его замѣтки по текущимъ вопросамъ дня. «Тотъ, кто захотѣлъ бы въ Германіи обращать вниманіе на всѣ явленія, заморилъ бы себя уже въ первую четверть года,—говоритъ Бёрне, — нѣтъ, такимъ дуракомъ я не былъ никогда; я держалъ болѣе здоровую діету. Я всегда смотрѣлъ только на коренную почву явленій, на ту обширную почву, на которой произрастаютъ сотни породъ и тысячи сортовъ различныхъ плодовъ. Положимъ, что нѣкоторыя явленія дѣйствительно были мимолетны; такъ развѣ это измѣняло сущность дѣла, когда почва оставалась одна и та же? Тѣ самые плоды, которые росли на деревѣ въ прошедшемъ году, не будутъ, конечно, расти на немъ въ слѣдующемъ; но *сортъ* остается тотъ же самый, корень и стволъ не измѣнились, и поэтому старыя жалобы прекращать незачѣмъ». Подъ «коренной почвой явленій» онъ разумѣлъ существовавшій въ Германіи полицейско-бюрократическій строй, порожденный знаменитымъ «священнымъ союзомъ». Переѣхавъ въ Парижъ, Бёрне продолжалъ громить Германію, внимательно слѣдя за всѣмъ совершающимся тамъ. Но онъ не щадилъ и Франціи, замѣчая въ ней обнаруженія все той же «коренной почвы», которая побудила его покинуть родину; нѣкоторыя его статьи, касающіяся буржуазіи, тогдашняго правительства и нѣкоторыхъ чертъ французскаго народа, поражаютъ читателей, какъ быстро и глубоко-вѣрно успѣлъ невольный пришелецъ изучить свое новое отечество. Эти остроумныя «письма» составили ему широкую популярность во Франціи и, конечно, приходились не по вкусу двору Людовика-Филиппа, въ особенности, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шла рѣчь именно объ этомъ дворѣ, какъ, напр., «письмо» по поводу утвержденнаго на 1832 годъ бюджета личныхъ расходовъ французскаго короля. Комически иллюстрируя разныя статьи расхода (на доктора и аптеку—80 т. франковъ, на кухню—780 т. фр., на отопленіе — 250 т. фр. и т. д.) короля, Бёрне заключаетъ: «Вы, можетъ быть, спросите, совершенно серьезно, — какъ могли возникнуть такіе невѣроятные расходы? На это я вамъ отвѣчу: только четвертая часть всѣхъ этихъ суммъ употребляется на предметъ своего назначенія; остальныя три четверти крадутся, переходятъ въ руки ловкихъ подрядчиковъ, раздѣляющихъ барышъ съ тѣми, кто доставляетъ имъ поставку. Но тутъ обманываютъ не столько короля, сколько народъ, который долженъ платить расходы по бюджету». Благо народа, его свобода, право *свободной* работы на этотъ народъ и право *свободнаго* же слова въ пользу этого народа—вотъ тѣ ярко-свѣтящіеся маяки, которые искусной рукой разставлены на протяженіи всѣхъ статей Бёрне. Этито особенности его литературнаго творчества и заслужили ему громкую извѣстность еще при жизни среди всѣхъ европейскихъ народовъ, и онѣ же надолго сдѣлаютъ его сочиненія дорогими послѣдующимъ поколѣніямъ. Изученіе Бёрне—хорошая школа для всякаго публициста, любящаго свое отечество и свой народъ и желающаго быть имъ полезнымъ своимъ перомъ и пониманіемъ задачъ культуры новѣйшаго времени.

Историческія, общественныя и юридическія науки.

Исторія древней Руси. *И. Филевичъ.* (Томъ I. Территорія и населеніе). Варшава. 1896 г.

Еслибы развязность причислялась къ научнымъ достоинствамъ, тогда безспорно г. Филевичъ получилъ бы значеніе одного изъ величайшихъ историковъ всѣхъ временъ и народовъ. Въ нашъ вѣкъ рефлексіи, самоанализа и самоосужденія, сомнѣнія и недовѣрія къ своимъ силамъ, г. Филевичъ является однимъ изъ тѣхъ оазисовъ, на которыхъ отдыхаетъ глазъ, однимъ изъ тѣхъ бодрящихъ впечатлѣній, которыя вливаютъ въ измученную душу новую вѣру въ человѣка. Приступая къ своему труду, г. Филевичъ не стѣсняетъ своей задачи никакими рамками, потому что онъ самъ не знаетъ, куда приведетъ его порывъ творческихъ силъ. Въ общихъ чертахъ онъ намѣчаетъ, впрочемъ, цѣль своей работы: до сихъ поръ, т.-е. до апрѣля мѣсяца 1896 года, историческое изложеніе жизни русскаго народа «представляло одно существенное отличіе отъ историческаго изложенія жизни другихъ европейскихъ народовъ: оно не обнимало содержанія жизни (?) всего русскаго народа». Уже по этой цитатѣ можно установить нѣкоторое сходство между г. Филевичемъ и лордомъ Байрономъ: небрежность слога, повтореніе тѣхъ же выраженій — всѣ эти внѣшніе недочеты гармонируютъ съ внутренней силой мысли. Г. Филевичъ бросаетъ вызовъ всѣмъ своимъ предшественникамъ, начиная съ Шлецера и кончая г. Данилевичемъ. Они не обращали вниманія на Urgeschichte Руси, на значеніе «обратнаго метода»; наконецъ, никто изъ нихъ не зналъ, что такое древняя Русь, гдѣ ея географическія границы. «Исторія цѣлой территоріи, особенно близкой и памятной древне-русскимъ преданіямъ, письменно закрѣпленнымъ въ начальной «Повѣсти о русской землѣ, до сихъ поръ не включена въ историческое изложеніе русской жизни». Г. Филевичъ былъ призванъ восполнить этотъ пробѣлъ. Какъ всякій литературный дѣятель съ рѣзко очерченной индивидуальностью, г. Филевичъ пренебрегаетъ торными путями: онъ оставляетъ въ сторонѣ первоисточники, съ которыми такъ привыкли возиться ученые міра романо-германскаго, и почти исключительно при помощи любви къ отечеству подвергаетъ критикѣ прежнія сужденія и выдвигаетъ свои. Конечно, г. Филевичъ иногда прибѣгаетъ и къ ссылкамъ на авторитеты, и они вполнѣ замѣняютъ ему лѣтописи и другіе матеріалы, которыми набилъ бы себѣ голову въ подобномъ случаѣ нѣмецкій педантъ: свои тезисы г. Филевичъ подкрѣпляетъ выдержками изъ 3-го тома «Живописной Россіи», изъ брошюрки кіевскаго психіатра г. Сикорскаго, изъ Барсова. Вообще, по мнѣнію автора, просто нелѣпо разбирать всякіе неудобопонятные тексты, когда уже гг. Пыпинъ, Иречекъ, Надеждинъ, Кочубинскій, Васильевскій и другіе сдѣлали это. «Спрашивается, къ чему?», какъ говоритъ одинъ персонажъ Глѣба Успенскаго.

Но, какъ всякое блестящее явленіе, книга г. Филевича имѣетъ также и свои неудовлетворительныя стороны. Прежде всего она грѣшитъ тѣмъ, что читатель отъ начала до конца не можетъ составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія объ ея содержаніи. Г. Филевичъ разсказываетъ интересные анекдотики изъ области номенклатурной филологіи (напр., онъ говоритъ, что въ Восточной Россіи встрѣ-

чаются названія: паны, поляки, а это «указываетъ на бѣлоруссовъ»); сообщаетъ также г. Филевичъ общеизвѣстные факты изъ біографіи Надеждина, причемъ заявляетъ, что прежняя бурса не только забивала учениковъ, но иногда открывала въ нихъ «проблески талантливости»; тутъ же онъ называетъ бурсу и семинарію чисто-русской средой; затѣмъ, авторъ объявляетъ себя за «обратный» методъ, при изученіи древней исторіи Руси, и говоритъ, что, конечно, сразу онъ и не надѣется доставить торжество признанія своему методу, но со временемъ и проч. Не хорошо только, что какой-то завистникъ посовѣтовалъ г. Филевичу привести сочувственную цитату изъ проф. Ключевскаго, цитату, которая такъ можетъ подѣйствовать на «обратный методъ», что отъ него ничего не останется. Вотъ что говоритъ проф. Ключевскій: «Если исторія народа должна начинаться изображеніемъ дѣйствительнаго его состоянія въ данное время съ указаніемъ историческаго происхожденія этого состоянія, а не *діалектической импровизаціей на ту или другую бытовую тему...*, то надобно признать, что первой общественной формой у восточныхъ славянъ, историческое объясненіе и изображеніе которой, при настоящихъ научныхъ средствахъ, можно предпринять съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, была та, которая обозначается въ разсказѣ нашей лѣтописи о событіяхъ въ русской землѣ съ половины IX вѣка». Г. Филевичъ, который говоритъ, что прогрессивный методъ историческаго изложенія долженъ быть замѣненъ регрессивнымъ,—этотъ самый г. Филевичъ, сочувственно цитируя Ключевскаго,—eo ipso сообщаетъ намъ, что его собственная книга *діалектическая импровизація*. Словомъ, этотъ человѣкъ умѣетъ быть суровымъ не только къ другимъ, но и къ себѣ самому.

Въ одномъ ужъ за то нельзя отказать г. Филевичу—это въ «славянской точкѣ зрѣнія», за которую онъ такъ хвалитъ Надеждина. И съ своей стороны, я могу подтвердить, что у г. Филевича это не фраза: онъ составилъ свою книгу на $^{9}/_{10}$ по трудамъ славянскихъ профессоровъ и только на $^{1}/_{10}$ по трудамъ нѣмецкихъ. Въ концѣ концовъ получилась сама собою славянская точка зрѣнія.

И такъ, непріятно только то, что г. Филевичъ не вполнѣ опредѣленно знаетъ, о чемъ онъ, въ сущности, пишетъ, такъ что и читатель этого постичь не можетъ. Кто прочтетъ мою рецензію, навѣрное скажетъ: «да отчего же не говорите толкомъ, въ чемъ дѣло?» А я отвѣчу на это: «прочтите сами книгу г. Филовича, и тогда судите, можно-ли тамъ что бы то ни было *толкомъ* понять». Чувствуется только, что наступаетъ въ наукѣ переворотъ, что наступаетъ въ русской исторіографіи эпоха, а уразумѣть въ точности, о чемъ трактуетъ книга г. Филевича, невозможно. И о Карпатахъ она говоритъ, и о гуцулахъ, и о Надеждинѣ, и о Шлецерѣ, и о томъ, что истина восторжествуетъ, и объ исторической географіи. Все тутъ есть, даже больше, чѣмъ желательно.

Всесторонняя эрудиція г. Филевича сказывается во всемъ величіи въ самомъ концѣ книги. Авторъ приводитъ выдержки изъ Бофора (причемъ пишетъ, чтобы не перепутать прононса этого малознакомаго имени, «Beaufort'a») и затѣмъ прибавляетъ: «объ указанныя цитаты изъ Бофора сообщены мнѣ любезно Г. Э. Зенгеромъ». Такъ что еслибы не любезность Г. Э. Зенгера, то г. Филевичъ, пожалуй, и весь свой вѣкъ прожилъ бы, не вѣдая о томъ, что жилъ когда-то Боформъ.

Это все равно, какъ еслибы профессоръ зоологіи написалъ въ своемъ произведеніи: «объ указанныя цитаты изъ Charles'a Darwin'a сообщены мнѣ любезно Иваномъ Иванычемъ Ивановымъ». Можно стоять на славянской точкѣ зрѣнія, но не до такой же степени, чтобы не видѣть никогда въ глаза книги Бофора только потому или за то, что онъ «романо-германецъ».

Г. Филевичъ грозитъ подарить насъ еще слѣдующими томами. Покорнѣйше просимъ его въ предисловіи ко 2-му тому объяснить смыслъ и значеніе перваго, который послѣ самаго внимательнаго чтенія остается покрытъ какою-то мистической тайною.

Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. *И. В. Лучицкій.* Кіевъ, 1896.

Судьба вопроса о крестьянской поземельной собственности во Франціи крайне любопытна. Всѣ изслѣдователи, затрогивавшіе этотъ вопросъ, были согласны между собою въ одномъ пунктѣ: продажа конфискованныхъ эмигрантскихъ и церковныхъ земель пошла на пользу одной только буржуазіи, крестьяне или ничего не получили, или получили очень мало: «черныя банды» капиталистовъ скупили главное ядро продаваемыхъ земель. Два года тому назадъ проф. И. В. Лучицкій началъ цѣлый рядъ изслѣдованій, которыя, при первыхъ же шагахъ, привели его къ иному рѣшенію этого крайне важнаго историческаго вопроса. Пути, которыми шелъ онъ къ выясненію исторической правды,—крайне просты: проф. Лучицкій поѣхалъ во французскіе провинціальные архивы, детально изучилъ матерьялы, относящіеся къ крестьянскому землевладѣнію конца XVIII вѣка, и, на основаніи чисто-статистическаго метода, убѣдился въ ошибочности установившагося взгляда. Работы И. В. Лучицкаго были переведены на французскій языкъ, напечатаны въ Revue historique и возбудили во Франціи живой интересъ, при чемъ никакихъ возраженій ни по существу, ни даже относительно второстепенныхъ частностей сдѣлано не было и быть не могло. Лежащая предъ нами книжка—послѣдній отчетъ профессора Лучицкаго о результатахъ его поѣздки во Францію въ прошломъ году, т.-е. второй поѣздки съ того времени, какъ онъ поставилъ въ исторической литературѣ на очередь этотъ вопросъ. Подвергши изслѣдованію архивы департаментовъ, лежащихъ въ разныхъ частяхъ Франціи, пр. Лучицкій даетъ дальнѣйшее подтвержденіе уже два года тому назадъ высказанному имъ мнѣнію о преобладаніи крестьянскаго класса въ рядахъ покупщиковъ конфискованной земли. Работа эта еще не кончена и будетъ продолжаться въ архивахъ другихъ департаментовъ. Книга о французскомъ землевладѣніи въ эпоху революціи, которую обѣщалъ дать авторъ, вѣроятно, окончательно укрѣпитъ въ наукѣ новый взглядъ, хотя, впрочемъ, и теперь на его сторону становятся уже многіе историки. Съ возраженіями же, какія недавно сдѣлалъ г. М. Ковалевскій, читатель познакомится изъ отвѣта пр. Лучицкаго въ этой книжкѣ «Нов. Слова».

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. *М. и Н. Водовозовыхъ.* Москва. 1896 г. Стр. 381. Ц. 1 р. 50 к.—Промышленность. Стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

Указанныя въ заголовкѣ рецензіи книги составляютъ начало серіи изданій, предпринятыхъ гг. Водовозовыми съ цѣлью дать русскому читателю переводъ извѣстнаго нѣмецкаго «Словаря государственныхъ знаній», издаваемаго подъ редакціей Конрада, Лексиса и др. Нѣмецкое изданіе имѣетъ форму энциклопедическаго словаря, т.-е. статьи помѣщены въ него въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ, которыхъ они касаются. Русскіе издатели передѣлываютъ алфавитный порядокъ въ систематическій, посвящая каждый томъ особому отдѣлу явленій. До сихъ поръ вышли въ свѣтъ два тома, обнимающіе вопросы землевладѣнія и земледѣлія и вопросы фабрично-ремесленной промышленности съ ихъ экономической (но не технологической) стороны. Сообразно тому, что словарь государственныхъ знаній касается только прикладныхъ отдѣловъ экономическихъ наукъ, разсматриваемое нами русское изданіе очень мало занимается экономическими теоріями (исключеніе составляютъ вопросы о кризисахъ и связанный съ нимъ вопросъ о перепроизводствѣ), а заключаетъ въ себѣ по преимуществу статьи по предметамъ конкретной экономіи. Затѣмъ, какъ статьи словаря, преслѣдующаго, главнымъ образомъ, цѣль служить источникомъ справокъ о томъ, въ какомъ положеніи находится данный вопросъ, при современномъ развитіи знаній, статьи разсматриваемаго русскаго изданія имѣютъ сжатый характеръ, доступны въ большинствѣ случаевъ лишь лицамъ имѣющимъ нѣкоторое понятіе о трактуемыхъ въ нихъ предметахъ и не годятся для первоначальнаго ознакомленія съ послѣдними. Наконецъ, хотя по общей своей цѣли словарь государственныхъ знаній долженъ бы описывать состояніе даннаго явленія повсюду, гдѣ таковое встрѣчается, но, соотвѣтственно его нѣмецкому происхожденію, отдѣльныя его статьи, а слѣдовательно и статьи русскаго изданія основаны, главнымъ образомъ, на матерьялахъ, касающихся Германіи.

Мы пожелали бы изданію большей легкости перевода нѣкоторыхъ его статей, большей опредѣленности и понятности въ построеніи таблицъ и большей тщательности въ исправленіи опечатокъ. А то, напр., на стр. 135, въ таблицѣ арендныхъ отношеній, хозяйства отъ 50 акровъ и ниже, до 2 гектар., разбиты на 3 группы, за которыми слѣдуютъ графы «сумма 2-го и ниже» и «2 г. и ниже». Какая разница въ смыслѣ этихъ двухъ опредѣленій—непонятно, а между тѣмъ въ обѣихъ стоятъ разныя цифры, и только по тому, что за ними слѣдуетъ новая сумма, можно догадываться, что «2 г. и ниже» собственно означаетъ «2 г. и выше». Намъ кажется, что русское изданіе ничего не проиграло бы и въ томъ случаѣ, еслибы оно воздержалось отъ примѣчаній къ отдѣльнымъ мѣстамъ переводимыхъ авторовъ,—примѣчаній, ничего не доказывающихъ и ничего не опровергающихъ, а заключающихъ простое порицаніе автора за высказанныя имъ мысли. Сказанное, впрочемъ, нами, конечно, ни мало не умаляютъ значенія разсматриваемаго изданія.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Томъ VI. Спб. 1896 г.

Настоящій выпускъ трудовъ московскаго юридическаго общества такъ же богатъ содержаніемъ, какъ и предъидущіе выпуски; въ немъ находятся работы и оригинальныя, и компилятивныя. Прежде всего укажемъ на прекрасную статью, которой открывается книга—«Юридическое образованіе въ Сѣверо-Американскихъ

Штатахъ» Θ. Θ. Зигеля. Какъ извѣстно, юридическое образованіе въ Сѣверной Америкѣ имѣетъ свои характеристическія особенности, которыя существенно отличаютъ его отъ образованія на континентѣ Европы и, наоборотъ, связываютъ съ англійской юриспруденціей; можно даже сказать, что американская юридическая наука составляетъ часть юридической науки англійской, только еще отдѣляющуюся отъ общаго ствола.

Эту оригинальную систему образованія авторъ и излагаетъ въ своей статьѣ; характерныя черты его составляютъ: практическая точка зрѣнія на предметы преподаванія и доминированія на факультетѣ политическихъ и соціальныхъ наукъ.

Главное, что, по мнѣнію автора, заслуживаетъ вниманія въ американскомъ преподаваніи, это различіе между юриспруденціей и обществовѣдѣніемъ, какъ по существу, по преподаваемымъ предметамъ, такъ и по методамъ, способамъ преподаванія, а также все болѣе и болѣе возрастающій интересъ къ обществовѣдѣнію. Дѣйствительно, при широкомъ развитіи промышленности, торговли, банковаго дѣла, разнообразнѣйшихъ акціонерныхъ обществъ, при возрастающемъ недовѣріи къ прежней системѣ laisser faire, laisser passer, потребность въ теоретически подготовленныхъ обществовѣдахъ и администраторахъ все болѣе и болѣе чувствуется. Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ правовѣдѣнія, слѣдуетъ упомянуть объ очень любопытной работѣ г. Кауфмана «Первоначальныя формы общиннаго землевладѣнія». Статья эта интересна, главнымъ образомъ, по тѣмъ матерьяламъ, которые авторъ въ ней разработалъ; матерьялы эти привели г. Кауфмана къ тому заключенію, что «побѣда общиннаго начала надъ личнымъ, переходъ отъ такихъ формъ землепользованія, гдѣ первое остается какъ бы въ скрытомъ состояніи, къ такимъ, которыя знаменуютъ полный его перевѣсъ,—таковъ смыслъ исторіи развитія формъ землепользованія въ Енисейской губерніи, какъ и въ остальныхъ изслѣдованныхъ ранѣе частяхъ Сибири».

Краткіе размѣры рецензіи не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, остановиться на другихъ интересныхъ статьяхъ сборника и мы ограничимся тѣмъ, что только укажемъ на нихъ: 1) «Профессоръ Францъ Листъ и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе». *В. В. Пржевальскаго.* 2) «Личный и общественный элементы въ исторіи». *С. П. Казанскаго.* 3) «Гарантіи личной свободы въ Англіи». *В. Н. Сторожева.* 4) «Что такое трудовая цѣнность». *С. Н. Булгакова.* 5) «Органы губнаго управленія въ XVI и XVII вв.». *Н. П. Ретвиха.* 6) «Общіе итоги научнаго творчества». *А. Θ. Кистяковскаго. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.* 7) «Источники и уголовное право Литовскаго статута» *С. А. Шумакова.* 8) «Окончаніе предварительнаго слѣдствія». *В. С. Малченко.* 9) «Кіевскіе ночлежники». *Л. С. Личкова.* и 10) «Заочныя рѣшенія». *Н. И. Ржондковскаго.*

Народное законодательство въ Швейцаріи. *Альфонса Дюнана.* Историческій очеркъ. С.-Петербургъ. 1896 г. Цѣна 50 к.

Эта коротенькая, превосходно составленная и прекрасно переведенная книжечка представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашихъ изданій по вопросамъ о государственномъ устройствѣ передовыхъ иностранныхъ государствъ.

Авторъ книги Дюнанъ—оффиціальное лицо: онъ служитъ въ швейцарскомъ посольствѣ въ Берлинѣ (аташе), и книжечка его составлена, очевидно, съ спеціальною цѣлью — ознакомить иностранцевъ съ оригинальными учрежденіями своей родины. Особенно интересно и полезно ознакомленіе съ швейцарскими учрежденіями, носящими характеръ народно-органическій, т.-е. развивавшійся изъ непосредственныхъ потребностей народной массы—умной, энергичной и дѣятельной. Кромѣ описанія такихъ органическихъ учрежденій, какъ «Landsgemeinde», напоминающихъ наши мірскіе сходы, а также подробнаго изложенія высшихъ федеративныхъ формъ швейцарскаго самоуправленія, авторъ разсматриваетъ вліяніе французской революціи на свое родное законодательство и даетъ сравнительную оцѣнку конституціи Швейцаріи и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

И въ текстѣ, и въ прибавленіяхъ читатели найдутъ также не мало историческихъ указаній о происхожденіи всѣхъ этихъ учрежденій.

Педагогія. Книги для народа.

Исторія русской педагогіи. *М. И. Демкова*, д. чл. нѣжинскаго историко-филологическаго общества при институтѣ кн. Безбородко, д. чл. педагогическаго отдѣла харьковскаго историко-филологическаго общества, д. чл. кіевскаго общества естествоиспытателей и чл.-кор. московскаго психологическаго общества. Часть I. Древне-русская педагогія (X—XVII вв.). Изданіе ж. «Гимназія». Ревель. 1896 г.

Прочтя только-что выписанное заглавіе, мы были очень заинтересованы: вотъ, думалось, наконецъ-то, «капитальное» произведеніе: отъ члена столькихъ ученыхъ обществъ мы, конечно, въ правѣ были ожидать многаго. Еще болѣе утвердились мы въ предположеніи, что передъ нами капитальное произведеніе, когда узнали изъ предисловія автора, что имъ затрачено на созданіе этого произведенія библейское число лѣтъ—семь (стр. VIII). И дѣйствительно, съ первыхъ же строкъ труда г. Демкова мы начали узнавать вещи новыя для насъ; напр., г. Демковъ точно обозначаетъ годъ возникновенія русской педагогіи (988). До этого времени славяне воспитывали своихъ дѣтей, по словамъ Демкова, «какъ всѣ дикіе народы»; послѣ этого года стали воспитывать иначе, «христіанство *вслѣдствіе общаго правительственнаго распоряженія* распространилось въ значительныхъ размѣрахъ и тотчасъ же должна была почувствоваться нужда въ лицахъ, способныхъ вступить на служеніе церкви» (ст. 2). Затѣмъ, г. Демковъ приводитъ извѣстное мѣсто изъ лѣтописи о томъ, что Владиміръ велѣлъ побрать дѣтей въ ученіе, и этотъ фактъ (кстати врядъ-ли бывшій въ 988 г.) считаетъ началомъ русской педагогіи. Еслибы рѣчь шла о школьномъ обученіи, можно бы съ грѣхомъ пополамъ согласиться съ датировкой начала его, сдѣланной г. Демковымъ (хотя настоящей, хотя бы начальной школы на Руси не существовало до временъ Стоглава, какъ это блестяще доказано въ трудѣ пр. Голубинскаго), но «педагогія» г. Демкова не есть школьное обученіе. Г. Демковъ даетъ такое опредѣленіе «педагогіи»: «Педагогія съ практической стороны (sic?) есть искусство

воспитанія, т.-е. сознательнаго воздѣйствія на тѣлесное и духовное развитіе человѣка» (стр. IV). Какъ ни шатко такое опредѣленіе (подъ него, напримѣръ, можно подвести и средневѣковыхъ компрачикосовъ, и ихъ китайскихъ собратьевъ, искусственно воспитывающихъ уродовъ), все-таки, даже исходя изъ него, нельзя не видѣть, что обученіе мальчиковъ кое-какимъ знаніямъ, нужнымъ для церковника, даже сообщеніе имъ плодовъ византійской культуры само по себѣ не есть «педагогія». Не смотря на существованіе грамотныхъ церковниковъ, а изрѣдка даже лицъ съ византійской образованностью, въ родѣ Илларіона, Кирилла Туровскаго, Климента Смолятича и нѣкоторыхъ другихъ, *воспитаніе* въ древней Руси шло такъ же, какъ и до 988-го года, т.-е. употребляя выраженія г. Демкова, «какъ у дикихъ народовъ».

Воспитаніе «дикихъ народовъ» заслуживаетъ полнаго вниманія этнографа, историка, но съ педагогикой ничего общаго не имѣетъ, что отлично, повидимому, понимаетъ и г. Демковъ, такъ какъ онъ, вѣроятно, обратился бы къ болѣе древнимъ временамъ и, подражая нашему знаменитому историку г. Иловайскому, началъ бы свою книгу повѣствованіемъ о педагогіи у «росъ-алановъ» или какого-нибудь другого племени, въ составъ имени котораго входитъ слогъ «рос». Воспитаніе существуетъ у всякаго народа; обученіе начинается съ явленіемъ письменности, но педагогическое воспитаніе, т.-е. *раціональное, опирающееся на добытыя наукой данныя, стремящееся къ возможно полному развитію душевныхъ и физическихъ способностей человѣка,*—такое воспитаніе возможно только среди высоко-культурныхъ народовъ, какимъ, конечно, не сдѣлались сразу въ 988 г. вчерашніе, по выраженію г. Демкова, «дикари». Такимъ образомъ, г. Демковъ, взявшись писать не исторію русской школы, не исторію русской образованности, берется за неблагодарную, невыполнимую даже задачу сразу, заставляющую его говорить обо всемъ, кромѣ того, о чемъ обѣщалъ. И дѣйствительно, г. Демковъ говоритъ о многомъ: цѣлыя главы у него посвящены «просвѣтительному значенію Византіи, Максиму Греку, Измарагду»; въ книгѣ г. Демкова затрогиваются весьма многія явленія русской культурности и литературы XI—XVII вв., но, кромѣ нѣсколькихъ послѣднихъ главъ, посвященныхъ школамъ XVII-го вѣка, все это никакого отношенія не имѣетъ ни къ педагогіи, ни даже къ развитію нашей школы. Г. Демковъ, посвятившій, по его словамъ, 7 лѣтъ на созданіе своей работы, какъ видимъ, не могъ достигнуть своей цѣли потому, что поставилъ себѣ задачу неосуществимую. Но такое количество затраченнаго труда должно было бы дать результаты; г. Демковъ, по его словамъ, пользовался даже рукописями; слѣдовательно, мы можемъ ожидать отъ его труда новыхъ фактовъ, новой разработки нѣкоторыхъ вопросовъ нашей старинной письменности и т. п. Ничего этого нѣтъ: г. Демковъ бредетъ то за Ѳ. Успенскимъ, то за Иконниковымъ, то за Соболевскимъ, то за Майковымъ, то за другими; самостоятельности, критики въ трудѣ г. Демкова нѣтъ и слѣда, но есть очень странное отношеніе къ тѣмъ трудамъ, которые говорятъ не то, что хотѣлось бы г. Демкову. Такъ, у г. Демкова 1-я глава носитъ названіе «До-монгольскій періодъ. О древне-русскихъ школахъ и учителяхъ». Вопросъ этотъ былъ раньше очень обстоятельно изслѣдованъ профессоромъ духовной академіи Голубинскимъ, въ его блестящей исторіи русской церкви. Пр. Голубин-

скій очень основательно доказалъ, что послѣ неудачной попытки Владиміра привить путемъ школы греческую образованность, у насъ въ до-монгольскій и монгольскій періоды ни образованности, ни школы не было, что немногіе византійски образованные люди были у насъ простой случайностью, выходя изъ приближенныхъ немногихъ дѣйствительно просвѣщенныхъ грековъ, митрополитовъ и епископовъ. Пр. Соболевскій, большой поклонникъ всего старо-московскаго, въ своей рѣчи «Объ образованности въ московской Руси», доказывая, что образованность въ старой Москвѣ стояла высоко, такъ какъ очень многіе умѣли подписаться, тѣмъ не менѣе, говоритъ, что едва-ли кто можетъ сомнѣваться, что въ старой Руси *до стоглаваго собора школъ не было*; пр. Голубинскій доказываетъ, что Татищевъ, откуда обыкновенно почерпаются свѣдѣнія о блестящемъ состояніи школъ въ до-монгольскій періодъ,—источникъ ненадежный, что даже въ Византіи, откуда мы заимствовали свою старую культуру, школъ не было, слѣдовательно, неоткуда ихъ заимствовать было. Г. Демковъ держится совершенно иного мнѣнія; онъ не только думаетъ, что школъ было много, но даже знаетъ, что «ближайшее завѣдываніе школами принимало **всегда** духовенство: священники и причетники» (стр. 9). Кажется, нужно бы доказать эту мысль, идущую прямо въ разрѣзъ съ новѣйшими трудами такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ пр. Голубинскій и Соболевскій, но г. Демковъ поступаетъ иначе: онъ не опровергаетъ мнѣніе Голубинскаго, принятое Соболевскимъ, онъ выбираетъ изъ работъ Голубинскаго и Соболевскаго только то, что ему нравится, подкрѣпляетъ свою мысль обширною цитатой изъ стариннаго труда Н. А. Лавровскаго, писаннаго еще въ 1854 г., и въ результатѣ «русская педагогія начинается со временъ Владиміра Святого» (стр. 9)!

Въ такомъ же родѣ и вся работа г. Демкова. Въ особенную заслугу себѣ г. Демковъ ставитъ то, что онъ пользовался рукописнымъ собраніемъ Н. И. Михайловскаго, гдѣ онъ познакомился съ Златоустомъ въ спискахъ XVI в. Думаемъ, что не стоило обращаться къ этимъ позднимъ спискамъ слишкомъ хорошо извѣстнаго памятника; и дѣйствительно, новаго изъ Златоуста г. Демковъ не извлекаетъ ничего. Вообще, книга г. Демкова производитъ странное впечатлѣніе: авторъ старается поразить своею ученостью, засыпаетъ надерганными отовсюду цитатами, которыя нисколько не увеличиваютъ научнаго значенія труда г. Демкова, остающагося неудачнымъ панегирикомъ небывалой исключительно «русской» педагогіи...

Какъ воспитывать нашихъ дѣтей. *Эдмондъ Дэмоленъ*. Переводъ съ французскаго. Изданіе *Б. Н. Лебедева*.

Авторъ подмѣтилъ одну характерную черту европейскаго воспитанія, въ силу которой современные родители стремятся къ тому, чтобы обезпечить дѣтямъ болѣе или менѣе безбѣдное существованіе и хорошее общественное положеніе, посредствомъ сбереженія для нихъ капиталовъ и подготовки ихъ къ чиновничьей карьерѣ. Такая постановка воспитанія глубоко возмущаетъ автора, находящаго, что современный строй «прекрасно можетъ воспитывать чиновниковъ, но онъ не можетъ почти ничего сдѣлать для воспитанія самостоятельныхъ, предпріимчивыхъ и способныхъ бороться съ трудностями жизни—людей. Они способны только къ

безпрекословному исполненію чиновничьихъ обязанностей и почти не трудясь получать въ концѣ каждаго мѣсяца опредѣленное жалованье». Подготовка же къ промышленнымъ занятіямъ: къ земледѣлію, ремесламъ и торговлѣ считается ниже достоинства нашихъ культурныхъ слоевъ. Авторъ не пытается глубоко заглянуть въ причины такого настроенія, не видитъ, что оно обусловливается въ значительной мѣрѣ соціальнымъ неравенствомъ, крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ и т. п. Поэтому онъ не усматриваетъ и другого, еще болѣе важнаго пробѣла въ воспитательной дѣятельности—отсутствія разумно поставленнаго общественнаго воспитанія, т.-е. подготовки истинныхъ гражданъ и общественныхъ дѣятелей. Пока эта сторона воспитательной дѣятельности не будетъ упорядочена, до тѣхъ поръ едва-ли можно разсчитывать на значительное улучшеніе общественной и государственной жизни, хотя бы населеніе было переполнено «самостоятельными» и «предпріимчивыми» дѣятелями промышленности. Для подготовки этихъ послѣднихъ дѣятелей авторъ рекомендуетъ рядъ воспитательныхъ пріемовъ. Большинство ихъ изложено въ формѣ общихъ положеній, очень мало уясняющихъ самую воспитательную практику.

Основныя задачи нравственнаго воспитанія. Статья *Кон. Вентцеля.* Оттискъ журн. «Вѣстникъ Воспитанія». М. 1896 г.

Небольшая брошюрка эта заслуживаетъ вниманія уже потому, что трактуетъ о вопросѣ, совсѣмъ забытомъ современной оффиціальной педагогикой. Авторъ находитъ, что «воспитать въ человѣкѣ нравственныя стремленія, сдѣлать его неутомимымъ борцомъ за нравственный идеалъ, такъ чтобы вся жизнь его служила живымъ воплощеніемъ этого идеала,—самое трудное и самое важное дѣло въ области воспитанія». Подъ нравственностью онъ понимаетъ сознательное стремленіе и дѣятельность, направленныя на увеличеніе общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ, т.-е. полной, гармонической общественной жизни. Поэтому, чѣмъ плодотворнѣе будетъ дѣятельность отдѣльнаго человѣка по разнообразію полученныхъ въ результатѣ отъ нея послѣдствій для всего человѣчества, тѣмъ выше нравственная личность его. Далѣе авторъ доказываетъ, что развитіе нравственныхъ стремленій тѣсно связано съ развитіемъ воли, обусловливаемой, въ свою очередь, развитіемъ способности представленія. Этимъ объясняется, говоритъ онъ, «почему съ самыхъ малыхъ лѣтъ, какъ только представится къ этому возможность, надо заботиться о доставленіи дѣтямъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ практики сознательнаго вмѣшательства въ жизненныя событія и о воспитаніи въ нихъ привычки къ направленію своей жизни сообразно съ извѣстнымъ планомъ». Отсюда вытекаетъ необходимость пріучать ребенка къ сравненію и сопоставленію цѣлей, которыя онъ себѣ ставитъ, и средствъ, которыя выбираетъ для ихъ достиженія. Авторъ приводитъ затѣмъ довольно обширную примѣрную классификацію цѣлей, которыя ставитъ себѣ человѣкъ въ теченіе индивидуальной жизни, показывая, какъ система ихъ постепенно расширяется, охватывая все большее и большее количество живыхъ существъ. Завершается она только тогда, когда предметомъ заботъ отдѣльной личности становится все человѣчество. Чтобы воспитать въ человѣкѣ привычку разсматривать себя, какъ составляющаго съ міромъ и человѣ-

чествомъ одно цѣлое, надо, говоритъ авторъ, «пользоваться для этого всякимъ представляющимся случаемъ. Чтобы родилось сознательное и глубокое чувство подобной связи съ міромъ и человѣчествомъ, надо, чтобы самая мысль и идея этой связи пустили глубокіе корни въ нашемъ мышленіи, надо такъ пріучить работать нашу мысль, чтобы, думая о частномъ, индивидуальномъ и особенномъ, она прежде всего старалась бы понять то мѣсто, которое данный индивидуальный фактъ занимаетъ въ общемъ строѣ міровой жизни». Таковы основныя мысли брошюры г. Вентцеля. Если ихъ можно оспаривать, то это нисколько не умаляетъ значенія его труда, проникнутаго высшими нравственными идеалами, согрѣтаго любовью къ дѣтямъ и содержащаго не мало практическихъ для развитаго воспитателя указаній.

Изданія Спб. Комитета Грам. 1896 г.

Въ послѣдніе дни своего существованія Петерб. Комит. грам. издалъ цѣлый рядъ народныхъ книжекъ. Какъ извѣстно, Комитетъ предпринялъ изданіе народныхъ книгъ въ очень широкихъ размѣрахъ: предположено было просмотрѣть всѣхъ иностранныхъ авторовъ и взять отъ нихъ все пригодное для народнаго чтенія, но издать удалось, къ сожалѣнію, сравнительно немного. Тѣмъ не менѣе, и объ изданныхъ книжкахъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Чтобы содержаніе книги, ея идея были доступны пониманію крестьянина, едва справляющагося съ техникой чтенія, необходима простота изложенія. Самая сложная идея можетъ быть воспринята малоразвитымъ крестьяниномъ въ томъ случаѣ, когда она популярно, доступно для его пониманія изложена. Содержательность книги, объемъ сообщаемыхъ ею знаній отъ такого изложенія не уменьшается, наоборотъ — увеличивается. Благодаря такому изложенію, напр., лекціи Тиндаля имѣли громадное развивающее значеніе среди мало развитыхъ массъ рабочаго люда. Къ сожалѣнію, этихъ условій простоты изложенія въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ изданій Ком. грам. мы не находимъ. Главнымъ образомъ, это замѣчается въ переводныхъ книжкахъ.

Такъ, крайне тяжелымъ, малопонятнымъ языкомъ переведены разсказы: «Крылья мужества»—сказка Жоржъ Зандъ, «Маленькій графъ» Уйда и «Мать» де-Ампчиса. Исключенія составляютъ прекрасно переведенные два разсказа Бьернсона: «Два дѣятеля» и «Свадебный маршъ». Оба эти разсказа написаны почти художественно, а иногда встрѣчается здѣсь та глубина, сила и поэзія чувства, какими вообще отличаются произведенія Бьернсона.

Изъ остальныхъ переводныхъ книжекъ укажемъ на «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» В. Гюго; о достоинствахъ и значеніи этой книжки излишне говорить, переведена же она безукоризненно и, кромѣ того, иллюстрирована нѣсколькими хорошими рисунками. Романъ М. Вудсъ «Деревенская драма» даетъ картину нравовъ англійскихъ фермеровъ и отношеній ихъ къ рабочимъ. Но переведенъ романъ очень тяжеловѣснымъ, неуклюжимъ языкомъ. Затѣмъ двѣ книжки Золя «Наводненіе» и «Какъ умираютъ»—тоже прочтутся съ интересомъ и пользой, хотя переводъ ихъ заставляетъ желать лучшаго; наконецъ, первыя произведенія А. Додэ—«Послѣдній урокъ», «Партія на биллiардѣ» и «На паромѣ»—пред-

ставляютъ изъ себя разсказы, относящіеся ко времени франко-прусской войны и написанные легко, бойко и интересно.

Вотъ все, что даетъ переводная литература въ изданіи Ком. грам. Оригинальныя произведенія въ изданіи Комитета грамотн. являются болѣе цѣнными. Разсказъ К. М. Станюковича «Нянька» написанъ въ высшей степени художественно, тепло и задушевно. Повѣсти «Маруся» Марка-Вовчка, и Ал. Потѣхина «На міру» и «Около денегъ» извѣстны читающей публикѣ и распространяться объ ихъ пригодности для чтенія народу было бы излишне.

Вотъ и все, что издано Ком. грам. за послѣднее время; этимъ закончилась его издательская дѣятельность, это—его лебединая пѣсня. Но этотъ конецъ былъ слишкомъ преждевременный, и можно только сожалѣть объ этомъ. Не желая умалчивать о нѣкоторыхъ недостаткахъ, существующихъ на нашъ взглядъ въ изданіяхъ Ком. грам., мы должны сказать, что для читающей публики изъ народа, какъ полуграмотной, такъ и находящейся на пути къ большему развитію, изданіемъ разсмотрѣнныхъ нами книжекъ сдѣлано все-таки не мало. Замѣнитъ-ли кто-нибудь почтенную и симпатичную дѣятельность Ком. грам. на почвѣ издательства, и кто замѣнитъ,—это покрыто «мракомъ неизвѣстности».

Народный театръ. Сборникъ. Изданіе *Е. В. Лавровой* и *Н. А. Попова*. М. Ц. 2 р.

Народная масса, живущая изо дня въ день тяжелымъ физическимъ трудомъ, нуждается въ развлеченіяхъ гораздо больше, чѣмъ люди интеллигентные, сама работа которыхъ нерѣдко доставляетъ имъ духовное наслажденіе; въ дѣйствительности, однако, народъ почти совершенно лишенъ разумныхъ эстетическихъ удовольствій, интеллигенція же ими пресыщена. Нельзя поэтому не привѣтствовать пробудившагося въ нашемъ образованномъ обществѣ стремленія создать театры для народа, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Дѣло это, разумѣется, трудное, отвѣтственное и оно прежде всего требуетъ выясненія сложныхъ вопросовъ о репертуарѣ народнаго театра, о составѣ его исполнителей, о связи театра съ школой и т. п. Для правильнаго рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ важно собрать весь имѣющійся теперь матерьялъ о результатахъ народныхъ представленій, устраиваемыхъ за послѣднее время въ различныхъ концахъ Россіи, а также сопоставить между собою мнѣнія компетентныхъ людей о цѣляхъ, которыя долженъ преслѣдовать народный театръ.

Попытка выполнить эту задачу сдѣлана составителями только-что вышедшаго въ свѣтъ сборника «Народный театръ». Въ немъ помѣщено подробное описаніе «театральнаго отдѣла» московской сельскохозяйственной выставки 1895 г., приведенъ списокъ всѣхъ статей, касающихся народнаго театра, указаны репертуары существующихъ уже въ Россіи народныхъ театровъ, даны образцы разнохарактерныхъ пьесъ, появлявшихся на народныхъ сценахъ и т. д. Помимо всего этого, сборникъ въ рядѣ статей знакомитъ читателя съ различными взглядами, существующими въ нашемъ обществѣ на цѣли и задачи народнаго театра.

Г. Тимковскій (въ предисловіи къ сборнику) высказываетъ мнѣніе, что на-

родный театръ долженъ служить орудіемъ въ борьбѣ съ пьянствомъ и поддерживать школу, устраняя, между прочимъ, рецидивы безграмотности. Г. Бунаковъ знакомитъ читателя съ цѣлымъ рядомъ мыслей, «навѣянныхъ ему театральнымъ отдѣломъ московской выставки».

«Народный театръ въ русской деревнѣ,—говоритъ онъ,—прежде всего долженъ вносить въ деревенскую жизнь именно *удовольствіе*, но удовольствіе неизмѣримо высшаго качества, нежели тѣ неизмѣнныя и грубыя, которыми приходится обыкновенно довольствоваться нашему деревенскому люду теперь, за неимѣніемъ ничего лучшаго». «Опытъ показалъ,—продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что въ русской деревнѣ съ преобладаніемъ въ театрѣ крестьянской публики наибольшій успѣхъ имѣютъ тѣ представленія, которыя даютъ изображенія не заурядной, будничной жизни, а чего-либо выходящаго изъ ряда, что, напримѣръ, отличается героическимъ или трагическимъ характеромъ, или что очень забавно, что поражаетъ или вызываетъ неудержимый смѣхъ».

Г. Степановъ, напротивъ, стоитъ за пьесы исключительно поучительнаго характера. Онъ предпочитаетъ для народныхъ представленій мелодрамы и высказываетъ очень—какъ-бы это сказать—оригинальный взглядъ на пьесы Гоголя. По его мнѣнію, сатиры, въ родѣ «Ревизора», «не въ состояніи ничего прибавить къ суммѣ умственнаго и нравственнаго капитала народа, такъ какъ онѣ бичуютъ *пороки прошлые*, какъ, напр., *взятки*, или къ народному быту *вовсе* не относящіеся».

Можно только позавидовать оптимизму г. Степанова! Его взглядовъ, впрочемъ, не раздѣляютъ составители сборника, по крайней мѣрѣ, прекрасная статья Н. А. Попова «о репертуарѣ народныхъ театровъ» представляетъ изъ себя, въ сущности, безпощадную критику оригинальныхъ мыслей г. Степанова.

Г. Поповъ справедливо думаетъ, что народу нужно предлагать просто здоровую духовную пищу, т.-е давать ему произведенія умныя и талантливыя, а не стряпать для него какихъ-нибудь слащавыхъ народныхъ пьесокъ, которыя здравому смыслу рабочаго и крестьянина еще болѣе противны, чѣмъ инымъ нашимъ интеллигентамъ. Очень жаль, что ни одна изъ статей не касается пригодности для народнаго театра драматическихъ произведеній Шекспира, Шиллера и Гёте.

Мы увѣрены, что многіе зрители изъ народа прекрасно бы поняли основныя идеи такихъ вещей, какъ «Король Лиръ», «Коварство и Любовь» и друг. Г. Мельшинъ въ своихъ очеркахъ «Въ мірѣ отверженныхъ» разсказываетъ, что Шекспиръ производилъ даже на каторжниковъ очень сильное впечатлѣніе.

Какъ образцы народныхъ пьесъ, сборникъ приводитъ: «Царя Максиміліана», «Всякъ молодецъ на свой образецъ» (драматическія сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ К. Максимова), «Шемякинъ судъ» Н. Попова, «Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ» Н. Н. Арбатова (?) и «Храбреца» (шутка въ одномъ дѣйствіи Н. Тимковскаго). Трудно понять, почему выбраны именно эти пьесы? «Образцовыми» ихъ, во всякомъ случаѣ, назвать нельзя. Положимъ «Царь Максиміліанъ» интересенъ, какъ примѣръ народнаго творчества, но для чего помѣщены «драматическія сцены» г. Максимова или пустой водевиль Тимковскаго?! Не замѣшалось-ли тутъ какое-нибудь авторское недоразумѣніе? Вѣдь писатели иногда бываютъ большіе оригиналы. Г. Арбатовъ, напримѣръ, не только подписался

подъ «Пѣснью о купцѣ Калашниковѣ», текстъ которой, къ счастью, почти не измѣненъ сравнительно съ лермонтовскимъ, но даже посвятилъ ее какому-то г. Алексѣеву. Въ сборникѣ имѣется и статья Д. Гарина о томъ, какъ предотвратить театры отъ пожаровъ. На статью эту слѣдуетъ обратить особенное вниманіе строителямъ народныхъ театровъ. Не смотря на такое обиліе разнообразныхъ статей, сборникъ представляется все-же неполнымъ, такъ какъ въ немъ отведено очень мало мѣста отзывамъ зрителей изъ народа о пьесахъ, даваемыхъ на народныхъ сценахъ. Надо надѣяться, что въ слѣдующемъ изданіи, котораго книга заслуживаетъ, пробѣлъ этотъ будетъ заполненъ, тѣмъ болѣе, что «Невскимъ обществомъ по устройству народныхъ развлеченій» собранъ въ этомъ отношеніи богатый матерьялъ, который будетъ вскорѣ опубликованъ.

Философія, психологія и этика.

Прогрессъ и эволюція человѣка. *Генри Друммонда.* Переводъ съ англійскаго приватъ-доцента Московскаго университета Н. А. Иванцова. Москва. 1896 г. Цѣна 2 р. 25 к.

Московскій книгопродавецъ г. Клюкинъ началъ издавать по подпискѣ «общеполезную библіотеку», состоящую изъ 12 книгъ въ годъ «по наиболѣе *важнымъ* (?) наукамъ», какъ гласитъ объявленіе, напечатанное на обложкѣ вышеназваннаго сочиненія Друммонда.

Это сочиненіе Друммонда составляетъ въ своемъ родѣ раритетъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Прежде всего Друммондъ является горячимъ защитникомъ и поклонникомъ дарвинизма, но въ то же время энергически проповѣдуетъ *телеологію*, т.-е. *цѣль* въ процессѣ эволюціи или, говоря иначе, предустановленную цѣлесообразность эволюціи. Какъ извѣстно, значеніе дарвинизма въ томъ и состоитъ, главнымъ образомъ, что онъ далъ теорію, объясняющую образованіе видовъ совершенно *естественнымъ* путемъ, т.-е. безъ всякой телеологіи. Почтенный англійскій телеологъ нашелъ возможнымъ примирить и то, и другое, ну, и пусть бы себѣ! Его книга, составившаяся изъ ряда лекцій, была бы даже полезна для нѣкоторыхъ фанатическихъ враговъ дарвинизма, которыхъ еще не мало, какъ среди теологовъ, такъ и среди философовъ-телеологовъ. Ознакомившись у Друммонда съ дарвинизмомъ, въ довольно общедоступной и подробной передачѣ, они поняли бы достоинства этой теоріи и примирились съ нею, тѣмъ болѣе, что Друммондъ изучилъ ее весьма внимательно, не прибѣгаетъ нигдѣ къ искаженіямъ и настаиваетъ вездѣ на томъ справедливомъ основаніи, что вѣдь все это—факты, которыхъ нельзя не признать и что эволюціонисты только сгруппировали ихъ.

Но въ книгѣ есть другой курьезъ: хотя она и называется «прогрессомъ и эволюціей человѣка», но именно о прогрессѣ-то или даже объ эволюціи *человѣка* собственно въ ней нѣтъ ни слова. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи (стр. V), что успѣлъ въ своихъ лекціяхъ добраться только до возникновенія семьи у человѣка и что,—говоря удивительнымъ языкомъ русскаго пере-

вода,—«настоящая исторія (т.-е. книга) *не слѣдуетъ даже за нимъ* (т.-е. за человѣкомъ) *въ племя*».

По этому образцу можете судить и о переводѣ г. приватъ-доцента Московскаго университета Н. А. Иванцова. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не дать читателю того наслажденія, какое вынесли сами изъ этого изумительнаго перевода. Съ этой цѣлью приведемъ съ той же V страницы цѣликомъ всю тираду, кусочекъ которой данъ выше. Вотъ она: «Помимо попытки исправить, такъ сказать, ударенія (?), спеціалистъ не найдетъ здѣсь для себя ничего, *исключая, быть можетъ, собственнаго произведенія* (?!). Помимо телеологіи, здѣсь нѣтъ также чего-либо для телеолога (?). Предѣлы лекцій, изъ которыхъ составилась эта книга, сдѣлали разработку подобныхъ (?) темъ въ достодолжной для него (для кого?) мѣрѣ невозможной, между тѣмъ какъ, *за краткостью курса, прогрессъ долженъ былъ остановиться* на той точкѣ, съ какой начинаются всѣ высшіе интересы», и т. д.

Какъ вамъ понравится? *Прогрессъ, самъ прогрессъ долженъ былъ остановиться за краткостью курса г. Друммонда!* Хорошо переводятъ современные русскіе приватъ-доценты!

Но слѣдующія строки еще лучше: «*все, что заключаетъ настоящая книга, есть индивидуальный прогрессъ человѣка* въ теченіи раннихъ стадій его развитія. Это есть изученіе зародышей, зачатковъ, *первыхъ вступленій во владѣніе*; сценою является первобытный лѣсъ; время—заря міра. Слѣдя за *его* подъемомъ (за чьимъ подъемомъ—изученія, перваго вступленія во владѣніе или лѣса?) до семейной жизни, *настоящая исторія* (?!) не слѣдуетъ даже за нимъ (читайте: «за нимъ даже») въ племя».

Что такое случилось съ нашими современными приватъ-доцентами? То г. Туганъ-Барановскій преподнесетъ такую «оригинальную» статью, что всѣ руками разводятъ, то выступитъ кто-нибудь изъ этихъ quasi-профессоровъ съ такимъ переводомъ, который способенъ *перевести* у насъ всѣхъ читателей книгъ съ серьезнымъ заглавіемъ! Право, ужъ не повѣтріе-ли какое-нибудь свирѣпствуетъ среди русскихъ приватъ-доцентовъ? Какъ бы то ни было, но, въ виду подобнаго перевода, мы не рѣшаемся рекомендовать эту книгу даже тѣмъ лицамъ, кому бы она могла быть полезной, т.-е. тѣмъ наивнымъ врагамъ дарвинизма, въ родѣ нашихъ богослововъ второго и третьяго сорта, которые знакомы съ эволюціонной теоріей изъ десятыхъ рукъ по ученическимъ тетрадкамъ. Они едва-ли что-нибудь поймутъ въ горячей защитѣ Друммонда при томъ переводѣ, какой преподноситъ русскому читателю г. Иванцовъ. Бѣдный книгопродавецъ Клюкинъ! А вѣдь довѣрялся диплому! «Гдѣ-жъ правда?! Чему вѣрить нынче?!» можетъ онъ воскликнуть.

Философія дѣйствительности. *М. М. Филиппова.* С.-Петербургъ. I и II выпуски.

Выпуски I и II соч. г. Филиппова, издаваемаго *по подпискѣ* подъ громкимъ и *знаменитымъ* заглавіемъ: «Философія дѣйствительности», составляютъ ужъ половину всего «сочиненія», такъ какъ на обложкѣ (и въ объяв-

леніяхъ) мы читаемъ, что все сочиненіе выйдетъ въ 4-хъ выпускахъ; между тѣмъ, до сихъ поръ еще никакой философіи самого автора нѣтъ, а есть исторія древней философіи, доведенная пока до Аристотеля включительно. Какъ съумѣетъ авторъ (онъ же редакторъ-издатель журнала «Научное Обозрѣніе») умѣстить въ двухъ остальныхъ выпускахъ всю остальную исторію философіи да еще и собственную «философію дѣйствительности» мы недоумѣваемъ. Въ первомъ выпускѣ дано имъ 113 стр., во второмъ 180 и того 233 стр. Если на этомъ пространствѣ онъ дошелъ только до Аристотеля, то, быть можетъ, въ остальныхъ и доберется до конца, давъ, по меньшей мѣрѣ, по 500 стр. въ каждомъ выпускѣ! Подождемъ—увидимъ...

Невольно бросается въ глаза и огромная цѣна, назначенная за этотъ широковѣщательный трудъ: «Цѣна полнаго сочиненія 7 рублей», «подписная цѣна пять рублей», говорится на обложкѣ, а ниже прибавлено мелкимъ шрифтомъ: «безъ пересылки».

Подробный разборъ содержанія книги и ея довольно-курьезнаго предисловія мы дадимъ тогда, когда оно выйдетъ въ свѣтъ цѣликомъ, а теперь считаемъ нелишнимъ довести до свѣдѣнія читателей объ особенностяхъ вышедшихъ выпусковъ столь громко возвѣщеннаго заранѣе философскаго труда.

Относительно самой исторіи философіи, наполнившей два первые выпуска, можно только выразить изумленіе, для чего собственно автору понадобилось вновь говорить о греческихъ мыслителяхъ все то, что уже сотни разъ было написано и притомъ съ такимъ выдающимся талантомъ, каковъ былъ у Льюиса, Ланге, не говоря уже о сотняхъ другихъ, менѣе даровитыхъ историковъ философіи. Никакого новаго взгляда или системы г. Филипповъ при этомъ не предлагаетъ, никакихъ существенныхъ критическихъ замѣчаній не дѣлаетъ, если не считать довольно курьезныхъ полемическихъ вылазокъ противъ Льюиса, въ примѣчаніяхъ, да и то о такихъ «важныхъ» вопросахъ, какъ слѣдующій: кто былъ справедливѣе къ Анаксагору, Льюисъ-ли, обвинявшій Аристотеля въ пристрастной придирчивости къ нему, или самъ Аристотель?

Г. Филипповъ рѣшаетъ споръ,—поднятый Льюисомъ много лѣтъ назадъ.—въ пользу Аристотеля. Ну, и отлично! А при чемъ же тутъ обѣщанная «философія дѣйствительности», которую ожидаютъ русскіе *пятирублевые* подписчики?!

Прогрессъ и бѣдность. *Генри Джорджа.* Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія А. Г. Сахаровой, подъ редакціей А. К. Шеллера (Михайлова). С.-Петербургъ. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле. 1896 г. Цѣна 2 руб.

Книга Генри Джорджа настолько знаменита, о ней такъ много говорили въ нашей литературѣ, что передавать здѣсь ея содержаніе мы не считаемъ нужнымъ. Какъ извѣстно, великій американскій борецъ за бѣдняковъ требуетъ прежде всего національзаціи земли, т.-е. обращенія ея изъ частнаго владѣнія въ національное или государственное. При этомъ попутно онъ поднимаетъ и рѣшаетъ весьма оригинально нѣкоторые экономическіе вопросы. На русскомъ языкѣ «Прогрессъ и бѣдность» вышли сразу въ двухъ переводахъ. Одинъ сдѣланъ г-мъ Николаевымъ, другой г-жею Сахаровой. Не смотря на наше глубокое

сочувствіе женскому труду вообще и почтенной, опытной переводчицѣ въ частности, мы должны сказать, что ея переводъ сдѣланъ крайне тяжелымъ, а порою и совершенно непонятнымъ языкомъ. Есть и положительныя ошибки, происходящія отъ неточнаго знанія предмета; напр., на стр. 44 мы читаемъ: «по объясненію политико-*экономистовъ*, три агента или фактора производства суть: земля, трудъ и капиталъ, и *та доля производства* (NB), которая отчисляется второму изъ этихъ факторовъ, именуется ими заработной платой».

Для лицъ, имѣющихъ хотя бы элементарныя знанія по политической экономіи, не нужно объяснять, что ни одинъ изъ «политико-экономистовъ», никогда не могъ сказать объ отчисленіи «доли *производства*», какъ заработной платѣ. Дѣло идетъ о *продуктахъ* производства; самое же слово «производство» имѣетъ въ наукѣ спеціальный смыслъ. Есть мѣста, совершенно непонятныя сразу отъ двухъ причинъ: отъ тяжелаго языка и отъ неправильной разстановки знаковъ препинанія. Грѣшно переводить такъ Генри Джорджа, великое, классическое и гуманное произведеніе котораго заслуживаетъ лучшей участи.

Amicus Plato, sed veritas magis.

ДМИТРІЙ НАРКИСОВИЧЪ МАМИНЪ.

«Вотъ въ этой сочной травѣ, подернутой утренней росой, съ виду тоже тихо, какъ и въ воздухѣ, но сколько въ этотъ моментъ тамъ и здѣсь погибаетъ живыхъ существованій, погибаетъ безъ крика, въ нѣмыхъ конвульсіяхъ. Одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку, и червяка, дѣлаясь, въ свою очередь, добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертѣ пожиранія другъ друга творится тайна жизни»...

(Маминъ. Уральскіе разсказы, т. I, стр. 42).

I.

Дм. Нарк. Маминъ безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной нашей беллетристикѣ, и имя его не даромъ ставится на одномъ ряду съ такими почтенными именами, какъ В. Г. Короленко, Ант. Пав. Чеховъ, В. И. Немировичъ-Данченко и Игн. Ник. Потапенко. По моему же мнѣнію, Д. Н. Маминъ, если не превышаетъ означенныхъ писателей по художественному таланту, то по широтѣ захвата жизни, по обилію, разнообразію и значенію явленій дѣйствительности, типовъ, характеровъ, какіе вы встрѣтите въ несмѣтной массѣ его произведеній, наконецъ, по той глубинѣ, какую обнаруживаетъ онъ въ освѣщеніи изображаемыхъ явленій,—едва-ли онъ имѣетъ равнаго себѣ въ нашей современной отечественной литературѣ.

Такъ, не говоря уже о талантливости Д. Н. Мамина, обратите вниманіе на то поразительное знаніе жизни, особенно южно-уральскаго и западносибирскаго краевъ, во всѣхъ ихъ углахъ и закоулкахъ, какое обнаруживаетъ Д. Н. Маминъ въ своихъ произведеніяхъ. Это не поверхностныя свѣдѣнія любознательнаго путешественника, изучающаго край хотя бы на основаніи строго научныхъ данныхъ, но все-таки мимоѣздомъ и съ птичьяго полета. Передъ нами писатель, который, проживъ въ родномъ краю долгіе годы, изучилъ его вдоль и поперекъ, а главное дѣло, проникъ въ сокровенные тайники его жизни. Вслѣдствіе этого, каждое крупное произведеніе Д. Н. Мамина, заключая въ себѣ массу цѣннаго матерьяла, даетъ, сверхъ того, то, чего не найдете вы ни въ какихъ этнографическихъ трактатахъ, какъ бы ни были они цѣнны

въ научномъ отношеніи: раскрываетъ передъ вами живую душу обитателей изображаемаго края.

Какъ великъ запасъ матерьяла, какимъ владѣетъ Д. Н. Маминъ, мы можемъ судить по его изумительной неистощимости. Въ прессѣ не разъ уже высказывались сѣтованія на чрезмѣрную литературную плодовитость его и опасенія, какъ бы онъ не исписался, при неумѣренномъ израсходованіи своихъ художественныхъ силъ. Но мы видимъ, что сѣтованія эти ничѣмъ не оправдываются. Въ каждомъ изъ новыхъ произведеній, являющихся по нѣскольку въ теченіе года, вы находите что-нибудь новое, чего Д. Н. Маминъ еще не касался, и творчество его является неистощимымъ. Плодовитость Д. Н. Мамина представляется естественнымъ результатомъ обилія внутреннихъ богатствъ, безъ малѣйшаго насилія писателя надъ своимъ талантомъ. Напротивъ того, было бы насиліемъ, еслибы Д. Н. Маминъ воздерживался бы всячески отъ излишняго писанія: ему некуда было бы дѣть накопленный годами матерьялъ; приходилось бы задыхаться въ своемъ собственномъ творческомъ тукѣ и унести въ могилу массу неупотребленныхъ въ дѣло сокровищъ.

Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, — и по художественному таланту, и по широтѣ захвата жизни, и по глубинѣ проникновенія въ нее, наконецъ, по неистощимой плодовитости, — казалось бы, Д. Н. Маминъ имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться писателемъ, пользующимся общеевропейскою извѣстностью или, по крайней мѣрѣ, властителемъ душъ и сердецъ своихъ соотечественниковъ. И между тѣмъ, ничего мы этого не видимъ: не только въ Европѣ Мамина не знаютъ, но и въ Россіи онъ далеко не оцѣненъ по заслугамъ, и многіе, видя въ немъ ничего болѣе, какъ романиста-этнографа, слава Богу, если ставятъ его на одну доску съ Мельниковымъ-Печерскимъ.

А между тѣмъ, попробуйте сравнить Д. Н. Мамина хотя бы съ Золя. По силѣ таланта Маминъ нисколько не уступаетъ знаменитому французскому натуралисту, если только не превосходитъ его. Что же касается до обилія матерьяла, даваемаго обоими писателями въ ихъ произведеніяхъ, то смѣшно было бы и сравнивать Золя съ Маминымъ. Какъ ни хвалится Золя своимъ тщательнымъ изученіемъ изображаемой жизни, анатомированіемъ ея по всѣмъ методамъ естественно-научныхъ изслѣдованій, — на самомъ дѣлѣ вся эта похвальба является часто чистѣйшимъ шарлатанствомъ. Двѣ, три поѣздки въ изображаемую мѣстность, двѣ, три тощихъ брошюрки оказываются совершенно достаточными для тѣхъ рамокъ, въ которыхъ Золя разрисовываетъ свои излюбленные адюльтеры и альковныя тайны, причемъ подъ громкимъ названіемъ научныхъ матерьяловъ являются подъ часъ просто-на просто затасканные путешественниками всѣхъ націй гиды. Развѣ можно и сравнивать всѣ подобные пресловутые «документы» съ тѣми основательными свѣдѣніями, какія находите вы въ романахъ Д. Н. Мамина?

И тѣмъ не менѣе, въ то время, какъ имя Золя гремитъ по всему свѣту, и романы, переводясь на всѣ языки, расходятся въ милліонахъ экземпляровъ, Д. Н. Маминъ довольствуется тѣмъ, что имя его считается въ числѣ «небезъизвѣстныхъ» равнодушной русской публикѣ, читающей его произведенія изъ пятаго въ десятое.

Что сей сонъ значитъ? Въ чемъ таится причина подобной вопіющей несправедливости?

Главная цѣль моей статьи будетъ заключаться именно въ томъ, чтобы, во-первыхъ, объяснить, почему такіе крупные русскіе таланты, какъ Д. Н. Маминъ, пребываютъ словно какъ бы въ тѣни, не въ состояніи будучи гордо возвыситься на ту высоту, какая имъ подобаетъ, и затѣмъ постараться разъяснить, что такое представляетъ собою Д. Н. Маминъ.

II.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Невскомъ проспектѣ, въ витринѣ одного небольшого бумажнаго магазинчика была выставлена олеографія, останавливавшая передъ собою толпы прохожихъ. На этой олеографіи былъ изображенъ версальскій дворъ эпохи Людовика XIV. Налѣво, небрежно развалясь въ изнѣженной позѣ, полулежалъ самъ король, имѣя по обѣимъ сторонамъ по фавориткѣ и держа ихъ въ своихъ объятіяхъ. Обширныхъ размѣровъ царскій покой былъ наполненъ разодѣтыми по послѣдней модѣ, раздушенными придворными съ безукоризненно изящными манерами и, по всей вѣроятности, столь же утонченными рѣчами. А среди всего этого блеска и шика стоялъ въ національномъ костюмѣ русскій бояринъ, по всей вѣроятности посолъ, пріѣхавшій изъ далекой, дикой Московіи по царскому дѣлу. Выше всѣхъ ростомъ, богатырскаго сложенія, косая сажень въ плечахъ, онъ, казалось, однимъ махомъ могъ уложить всѣхъ этихъ окружавшихъ его испитыхъ, истощенныхъ, тщедушныхъ выродившихся потомковъ грозныхъ норманъ, но Боже мой, какой жалкій видъ имѣлъ онъ, неуклюжій, неповоротливый, угрюмый, среди всего версальскаго великолѣпія, задававшаго тонъ всей Европѣ! Какъ зло потѣшался надъ нимъ шутъ въ пестромъ арлекинскомъ костюмѣ, насмѣшливо показывая на него протянутою рукой! Какъ неистово лаялъ песъ, едва сдерживаемый прислугою, а король лѣниво и небрежно съ легкою ироніею на губахъ смотрѣлъ на него, какъ на медвѣдя, вставшаго на заднія лапы и огрызающагося въ безсильной ярости. Этотъ контрастъ дѣвственной, непочатой, но крайне неуклюжей и не сознающей себя дикой лѣсной силы и дряблой, выродившейся распущенности обветшалаго и готоваго сойти со сцены версальскаго режима, составляя конечно, всю сущность картины, производилъ потрясающее впечатлѣніе.

Совершенно такое же впечатлѣніе производитъ на васъ не одинъ только Д. Н. Маминъ, но и весьма многіе подобные ему русскіе

беллетристы разночинцы, выходцы изъ различныхъ медвѣжьихъ угловъ и лѣсныхъ дебрей, когда мы ихъ сопоставимъ съ любымъ изъ западно-европейскихъ романистовъ, хотя бы съ тѣмъ же Золя. Всѣ они представляются намъ словно тѣми деревенскими парнями-богатырями, которымъ ничего не стоитъ останавливать за заднія колеса скачущія во весь опоръ тройки, но которые и сами не сознаютъ, какіе они силачи, и являются такими неповоротливыми, что ихъ ничего не стоитъ побѣдить любому вертлявому боксеру, знающему всѣ выработанные европейскою культурою утонченные пріемы бокса.

Тургеневъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ, сѣтовалъ, что молодые русскіе беллетристы лишены всякой выдумки. Этими своими сѣтованіями онъ самъ себѣ противорѣчилъ, такъ какъ не онъ-ли въ то же время внушалъ французскимъ беллетристамъ необходимость отказаться отъ романовъ съ придуманными фантастическими комбинаціями и интригами и воспроизводить жизнь, ничего кромѣ жизни. И въ самомъ дѣлѣ, какой же еще выдумки не достаетъ русскимъ беллетристамъ, когда сама русская жизнь тѣхъ медвѣжьихъ угловъ, изъ которыхъ выходятъ, заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ такихъ поразительныхъ фактовъ и явленій, передъ которыми должна поблѣднѣть самая богатая художественная фантазія. Между тѣмъ Тургеневъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно молодымъ русскимъ беллетристамъ недоставало чего-то весьма существеннаго; онъ чувствовалъ своимъ художественнымъ чутьемъ этотъ недостатокъ, но, къ сожалѣнію, не могъ его угадать и правильно формулировать.

Скажемъ прямо, что вовсе не какой-то тамъ выдумки недостаетъ беллетристамъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, а именно умѣнья показать товаръ лицомъ, очистить сюжетъ отъ всего лишняго и наноснаго, подчеркнуть главное и тѣмъ сосредоточить на немъ вниманіе читателя. Умѣньемъ этимъ владѣетъ каждый западный беллетристъ мало-мальски талантливый, но нашему искусству это до сихъ поръ почему-то не дается. Западный беллетристъ самымъ бѣднымъ сюжетомъ съумѣетъ всегда воспользоваться такъ ловко, что начнете вы читать романъ, и съ первыхъ же страницъ не можете оторваться; русскій же писатель массу богатѣйшаго матерьяла нагромоздитъ передъ вами въ такомъ сыромъ и необработанномъ видѣ, что передъ вами словно какъ бы не художественное произведеніе, а непроходимыя дебри сухихъ и холодныхъ научныхъ изслѣдованій, располагаемыхъ безъ всякой системы и связи.

Но было бы ошибочно предполагать, чтобы отсутствіе техники, архитектуры художественныхъ произведеній, той обдуманной планировки, которая требуется отъ каждаго сознательнаго творчества, составляя существенное отличіе его отъ соловьиныхъ трелей или непосредственнаго пѣнія дикаря о чемъ только придетъ въ голову — представляло фатальный недостатокъ всѣхъ русскихъ беллетристовъ. Напротивъ того,

было время, когда забота о техникѣ стояла на первомъ планѣ, когда въ ней видѣли всю суть искусства, и изъ-за погони за внѣшнею архитектурною красотою произведенія забывали часто о внутреннемъ его содержаніи. Развѣ можно отказывать въ этомъ мастерствѣ нашимъ классикамъ,—и Жуковскому, и Батюшкову, и Пушкину, и Лермонтову, и Гоголю, или беллетристамъ сороковыхъ годовъ, особенно Тургеневу и Гончарову, этимъ по истинѣ великимъ мастерамъ по части художественной техники, тщательной чисто скульптурной чеканки своихъ какъ большихъ романовъ, такъ и самыхъ миніатюрныхъ разсказцовъ или стихотвореній. Но нынѣ мастерство это представляется словно какъ бы утраченнымъ и произведенія современной намъ беллетристики, по художественной техникѣ и архитектурѣ расположенія частей, не могутъ и равняться съ произведеніями писателей сороковыхъ годовъ.

Приверженцы чистаго искусства, конечно, не замедлятъ въ этомъ прискорбномъ фактѣ признать вредное вліяніе публицистической критики и тенденціознаго направленія въ литературѣ. Какъ нельзя болѣе естественно,—скажутъ они,—что, полагая всю суть произведенія въ проводимой тенденціи, писатели пренебрегаютъ тщательной, художественной отдѣлкой его, считая это дѣломъ совершенно излишнимъ и суетнымъ. На самомъ же дѣлѣ мы замѣчаемъ нѣчто совсѣмъ иное: мы видимъ, что далеко не всѣ тенденціозные беллетристы пренебрегаютъ техникою своихъ произведеній. Тѣмъ изъ нихъ, которые берутъ сюжеты изъ жизни интеллигентныхъ и привиллегированныхъ классовъ тенденція нисколько не мѣшаетъ до извѣстной степени слѣдовать той традиціи и той техникѣ, какая была выработана въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Беллетристы сороковыхъ годовъ успѣли создать извѣстный шаблонъ для повѣстей и романовъ изъ интеллигентныхъ слоевъ общества и новѣйшіе беллетристы до сихъ поръ рабски придерживаются этого шаблона, что до нѣкоторой степени выручаетъ ихъ.

Наибольшее же несовершенство въ техническомъ отношеніи, чистый хаосъ представляютъ по большей части произведенія изъ народной жизни. Именно беллетристовъ-народниковъ, Рѣшетникова, Левитова, Гл. Успенскаго и пр., и подразумѣвалъ Тургеневъ, когда обвинялъ молодыхъ писателей въ отсутствіи выдумки. И дѣйствительно, возьмете-ли вы мелкіе очерки изъ народной жизни или крупные романы, въ большинствѣ случаевъ васъ поразитъ ихъ неуклюжесть, безформенность, крайняя хаотичность. Авторы словно не знаютъ, съ чего имъ начать, чѣмъ кончить, что распространить, что сократить или совсѣмъ выкинуть, то вдаются въ длиннѣйшія публицистическія разсужденія о томъ, что и безъ этихъ разсужденій явствуетъ изъ самыхъ выведенныхъ фактовъ; то вдругъ на двухъ, трехъ страничкахъ, мимоходомъ, разсказываютъ вкратцѣ такую драмищу, которая смѣло могла бы составить сюжетъ толстаго романа.

Тутъ дѣло вовсе не въ тенденціозности, а въ чемъ-то совсѣмъ

иномъ, а въ чемъ именно, трудно пока привести въ ясность и опредѣленность. Очень возможно, что это зависитъ отъ малокультурности большинства нашихъ беллетристовъ-народниковъ, выходцевъ изъ разныхъ медвѣжьихъ угловъ, самоучекъ, учившихся на мѣдныя деньги, неимѣвшихъ ни времени, ни средствъ заняться выработкою техники своихъ произведеній, прежде чѣмъ начали они печататься. Такъ, иной простолюдинъ, одаренный несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ, какъ ни вчитывается въ стихотворенія классиковъ, до сѣдыхъ волосъ не можетъ совладать со стихомъ и добиться до правильности размѣра и риѳмъ.

А можетъ быть, причина заключается здѣсь вовсе не въ авторахъ, а въ тѣхъ матерьялахъ, съ которыми имѣютъ дѣло наши беллетристы-народники. Матерьялы эти заключаютъ въ себѣ такія особенности сравнительно съ тѣми, какими пользовались беллетристы сороковыхъ годовъ, представляютъ такое обиліе и такъ много въ нихъ неразработаннаго, неразъясненнаго и загадочнаго, что писатели, имѣющіе съ ними дѣло, являются какъ бы подавленными, каждую минуту теряющимися въ ихъ темныхъ лабиринтахъ. Новыя области русской жизни, раскрывшіяся передъ беллетристами, требуютъ для ихъ изображеній новыхъ формъ, новыхъ техническихъ пріемовъ, но это не дается сразу; это является дѣломъ, можетъ быть, нѣсколькихъ поколѣній.

Въ исторіи, по крайней мѣрѣ, мы можемъ наблюдать такія эпохи, когда современникамъ казалось, что наступаетъ конецъ міра, такъ какъ безвозвратно гибнетъ все завѣтнопрекрасное, съ чѣмъ они сжились, чѣмъ они гордились, во что вѣровали и чему поклонялись, а то новое, что является на мѣсто отживающаго стараго, представляетъ собою безобразный хаосъ, способный возбуждать одинъ паническій ужасъ. А между тѣмъ, въ этомъ страшномъ хаосѣ таятся зародыши той новой красоты, которая готовится замѣнить старую и отжившую и затмить ее своимъ совершенствомъ.

III.

Какъ бы то ни было, но Д. Н. Маминъ со многими изъ своихъ сверстниковъ раздѣляетъ недостатокъ технической выработки и планомѣрности въ своихъ, и большихъ, и малыхъ, произведеніяхъ. Всѣ они такъ же безформенны, несоразмѣрны и хаотичны, какъ произведенія Рѣшетникова, Левитова, Гл. Успенскаго и пр. Они носятъ названія общепринятыхъ литературныхъ формъ — романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, но ни одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ своему названію. Исключеніе въ этомъ отношеніе составляютъ «Три конца», названные *«уральскою лѣтописью»*, и это названіе вполнѣ подходитъ не только къ этому, но и ко всѣмъ прочимъ произведеніямъ Мамина, большимъ и малымъ. Дѣйствительно, всѣ они представляются словно какъ бы безхитростными лѣтописями, сказаніями о томъ, что послѣ чего

произошло, и что въ то же время происходило по сосѣдству справа, по сосѣдству слѣва, спереди и сзади. Не ждите здѣсь какого-либо строго законченнаго сюжета, интриги, какъ это выработано западно-европейскимъ романомъ, чтобы были здѣсь главные герои и второстепенные, добродѣтельно идеальные и порочно злые, чтобы была завязка и развязка и т. п. Когда вы начинаете любой романъ Д. Н. Мамина, вы чувствуете такое жуткое ощущеніе, какъ будто входите въ предѣлы дѣвственной тайги; вамъ даже начинаетъ казаться, что въ комнатѣ запахло хвоей. Читаете вы одну страницу и не знаете, что будетъ на слѣдующей, откроется-ли дивная зеленая поляна, а можетъ быть, бездонное болото, избушка-ли лѣсника обрадуетъ васъ ночлегомъ у теплаго очага, а можетъ быть, внезапно вы наткнетесь на медвѣдя, который бросится на васъ и зареветъ, вставши на заднія лапы, или изъ дупла сосны выскочитъ бездомный варнакъ и начнетъ душить васъ за горло.

Идете и идете вы въ глухой дремучей тайгѣ, и передъ вами во всѣ стороны расходятся безчисленные ряды сосенъ; читаете и читаете вы романъ Д. Н. Мамина, страница за страницей, и передъ вами раскрываются столь же несмѣтныя толпы личностей. Вы созерцаете жизнь не двухъ-трехъ семей, а цѣлаго околотка, края; жизнь эта тянется передъ вами день за день во всемъ своемъ разнообразіи съ одной стороны и унылой монотонности—съ другой: одни родятся, другіе женятся, третьи умираютъ, одни обогащаются, другіе раззоряются, справляютъ именины, крестины, помишки, напиваются съ радости и горя, ссорятся, дерутся, мирятся. Тутъ не одна какая-либо драма, проходящая черезъ весь романъ, а множество одновременныхъ драмъ: каждая изъ выведенныхъ десятковъ личностей носитъ въ душѣ свое горе, переживаетъ свою драму. Однѣ драмы тянутся до конца романа, другія кончаются въ половинѣ его; встрѣчаются и такія, которыя, неожиданно начинаясь на 237-й страницѣ, кончаются на 240-й. Какъ начало романа опредѣляется вовсе не началомъ той или другой драмы, такъ и конецъ не завершается концомъ ихъ. Въ началѣ романа вы видите передъ собою разультаты драмъ, разыгравшихся прежде; въ концѣ раскрываются передъ вами перспективы новыхъ драмъ, и авторъ кончаетъ свое произведеніе вовсе не потому, чтобы дѣйствительно былъ чему-то конецъ, а потому, что надо же прекратить одно сказаніе и начать какое-нибудь другое; этого требуютъ различныя условія, сообразно которымъ произведенія должны ограничиваться извѣстными размѣрами. А еслибы не эти условія, то что мѣшало бы автору тянуть свою лѣтопись безъ конца, выводя новыя и новыя личности и развивая новыя драмы. Согласитесь, что такія лѣтописи, сказанія выходятъ совершенно изъ всѣхъ предѣловъ общепринятаго западно-европейскаго романа. Изъ любого произведенія Д. Н. Мамина, Золя выкроилъ бы десятокъ романовъ. Каждый изъ нихъ вышелъ бы, конечно, несравненно жиже по своему содержанію, за то выигралъ бы въ легкости и интересѣ чтенія

Еще въ большей степени придаетъ лѣтописный характеръ самый тонъ повѣствованій Д. Н. Мамина, невозмутимо спокойный и безстрастно холодный. Ни въ одномъ произведеніи Мамина не встрѣтите вы ни малѣйшаго лиризма, ни малѣйшаго подъема духа въ видѣ скорби, гнѣва, смѣха, жалости или ужаса, — тѣхъ эмоцій, которыя, заражая читателя, заставляютъ его то плакать, то хохотать до упада, то чувствовать, какъ мурашки проходятъ у него по спинѣ отъ ужаса. Самые страшные эпизоды въ родѣ убійства инока Кирилла въ «Трехъ концахъ», или убійства золотопромышленника Кишкина въ романѣ «Золото», описываются съ такимъ же невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ пирушки, крестины, именины, свадьбы и т. п.

Одинъ и тотъ же безстрастно-холодный тонъ мы видимъ не только въ тѣхъ безукоризненно-объективныхъ произведеніяхъ Д. Н. Мамина, какими представляются его этнографическіе романы и разсказы изъ уральской и сибирской жизни, но и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, болѣе субъективныхъ, въ родѣ, напримѣръ, «Дѣтскія тѣни», «Черты изъ жизни Пепко», «Раннія грозы».

Смѣю думать, что эта флегматичность повѣствовательнаго тона вовсе не составляетъ случайную особенность Д. Н. Мамина; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ племенною чертою, свойственною нашимъ восточнымъ окраинамъ. Обратите вниманіе на то поразительное сходство, какое замѣчается между романами Д. Н. Мамина и Рѣшетникова не только по одному и тому же флегматическому тону, но даже и по самой архитектурѣ произведенія обоихъ писателей. Рѣшетниковъ точно такъ же, какъ и Д. Н. Маминъ, любилъ выводить въ своихъ романахъ массу личностей, а затѣмъ спокойно, монотонно, съ наивною безъискусственностью, безъ малѣйшихъ подчеркиваній или возвышеній тона, разсказывать, какъ эти личности пили, ѣли, спали, подличали, страдали, умирали, и, въ свою очередь, какія бы страшныя катастрофы ни выходили изъ-подъ его пера ни одинъ, казалось вамъ, мускулъ не шевелится на безстрастномъ лицѣ автора.

IV.

Это сходство въ тонѣ, манерѣ и техникѣ письма Рѣшетникова и Мамина тѣмъ болѣе заставляетъ насъ усматривать здѣсь вліяніе этнографическихъ и климатическихъ условій восточной окраины европейской жизни, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оба писателя значительно отличаются одинъ отъ другого. Рѣшетниковъ является передъ нами истымъ шестидесятникомъ. Онъ жилъ въ боевые годы всяческихъ протестовъ. Онъ вѣрилъ, надѣялся и въ своихъ холодныхъ романахъ являлся горячимъ народнымъ трибуномъ: онъ обличалъ неправду и описывалъ страданія своихъ злополучныхъ подлиповцевъ *съ цѣлью хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ*.

Маминъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ семидесятыхъ

годовъ, въ эпоху общаго разочарованія и унынія. Это были годы тревожныхъ и ненастныхъ сумерекъ, быстро наступившихъ послѣ радостнаго, солнечнаго дня и обѣщавшихъ безразсвѣтно-темную и бурную ночь. Она еще не успѣла опуститься на русскую жизнь, эта ночь, со всѣми своими ужасами: отчаянными усиліями возвратиться къ до-крымскимъ временамъ, потерею всякой вѣры въ спасительность знаній и въ какой бы то ни было прогрессъ умственный, нравственный или политическій, съ своимъ мистическимъ бредомъ и декадентскими грезами Все это было еще впереди, но, тѣмъ не менѣе, сердца всѣхъ лучшихъ людей того времени были уже преисполнены тоскою безсилія и безнадежности, мракомъ тревожныхъ предчувствій, которыя бываютъ обыкновенно мучительнѣе наступившихъ уже невзгодъ. Молодежь того времени еще не видѣла всей прелести жизни въ катаніи на велосипедахъ и конскихъ скачкахъ, но и не мечтала уже съ отвагой Рѣшетникова «хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ». Это была мрачная, меланхолическая молодежь повѣстей Новодворскаго и Гаршина, молодежь уединенныхъ выстрѣловъ, искавшая въ могилѣ разрѣшенія всѣхъ проклятыхъ вопросовъ или, по крайней мѣрѣ, забвенія.

Обратите вниманіе, что какъ разъ въ то самое время, т.-е. въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, вышли на литературное поприще разомъ нѣсколько молодыхъ беллетристовъ, которые пессимистическимъ характеромъ своихъ произведеній какъ нельзя болѣе гармонировали съ мрачнымъ фономъ эпохи. Таковы были Новодворскій, Гаршинъ, Альбовъ, Баранцевичъ, Ант. Чеховъ. Къ этой же группѣ слѣдуетъ присоединить и Д. Н. Мамина.

Но пессимизмъ Д. Н. Мамина имѣетъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ у всѣхъ прочихъ упомянутыхъ нами его сверстниковъ, что зависитъ въ свою очередь, конечно, не отъ чего иного, какъ отъ мѣстныхъ условій жизни восточной окраины, въ средѣ которой провелъ онъ свое дѣтство и юность. Означенные писатели принадлежатъ къ городскимъ, интеллигентнымъ слоямъ общества; большую часть жизни своей имъ приходилось и приходится проводить въ цивилизованныхъ центрахъ страны, въ столицахъ и университетскихъ городахъ, среди нравовъ, въ значительной степени смягченныхъ близостью европейской цивилизаціи. Было-бы ошибочно предположить, чтобы они совершенно игнорировали всѣ тѣ общественныя неурядицы, среди которыхъ приходится имъ существовать; еслибы это было такъ, то что бы побуждало ихъ дѣлаться пессимистами? Но неурядицы эти не столько созерцаютъ они въ ихъ конкретныхъ проявленіяхъ, сколько обсуждаютъ въ тѣхъ обобщеніяхъ, какія воспринимаютъ изъ чтенія толстыхъ журналовъ и газетъ. На первомъ же планѣ, въ конкретномъ видѣ, передъ ихъ глазами стоитъ отраженіе жизненныхъ неурядицъ въ умственныхъ мірахъ окружавшихъ ихъ интеллигентныхъ людей, тотъ страш-

ный душевный разладъ, какой приходится имъ встрѣчать на каждомъ шагу и въ своихъ ближнихъ, и въ самихъ себѣ. Поэтому произведенія ихъ, по большей части, имѣютъ субъективный характеръ углубленія въ свое психическое нутро, самоанализа и самоизгрызеній. Даже и въ произведеніяхъ, повидимому, вполнѣ объективныхъ, каковы, напримѣръ, весьма многія повѣсти Альбова и Баранцевича, на первомъ планѣ постоянно стоитъ передъ вами интеллигентный герой, который не можетъ ни на чемъ остановиться, ни къ чему пристроиться, ни съ чѣмъ помириться, не чувствуетъ подъ ногами никакой почвы, не знаетъ, куда преклонить голову и, въ концѣ концовъ, подъ гнетомъ всеобщей безурядицы и своего собственнаго банкротства, приходитъ къ безотрадному убѣжденію, что «жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка».

Д. Н. Мамину же пришлось многіе годы провести въ малокультурномъ, полудикомъ краѣ, гдѣ, рядомъ съ вѣяніями европейской цивилизаціи, по правдѣ сказать, очень жалкими, ограничивающимися одною внѣшнею мишурою, скорѣе развращающей, чѣмъ развивающей и возвышающей людей, до сихъ поръ еще мирно уживаются грубые до звѣрства нравы средневѣковья. Всѣ тѣ общественныя неурядицы, которыя, такъ сказать, à priori тяготятъ души людей въ цивилизованныхъ центрахъ, здѣсь рисуются передъ глазами во всѣхъ своихъ безобразіяхъ, съ циническою откровенностью дикарей, ничего не стыдящихся и не боящихся. Въ европейской Россіи, напримѣръ, исправникъ является передъ вами въ новенькомъ костюмѣ съ иголочки, распомаженный и раздушенный, цитируетъ сегодняшнюю передовую статью либеральной газеты, заявляетъ себя строгимъ блюстителемъ закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ другомъ всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ, и нужно съѣсть съ нимъ пудъ соли, чтобы раскрыть, какой волкъ таится порою подъ овечьей шерстью. На восточной же окраинѣ этотъ самый волкъ является въ своей натуральной волчьей шкурѣ, хотя бы въ видѣ Полуянова въ романѣ Д. Н. Мамина «Хлѣбъ», выбившагося въ исправники изъ фельдъегерей. Плечистый, нечесаный, небритый, съ какимъ-то дубленымъ загаромъ энергическаго лица, онъ наводитъ панику своимъ звѣрствомъ и не ограничивается обычными поборами, а открыто развозитъ по ввѣренному ему округу мертвое тѣло, подбрасываетъ его по своему усмотрѣнію тамъ, гдѣ имѣется въ виду собрать поболѣе добычи, и затѣмъ производитъ уголовное слѣдствіе.

Д. Н. Мамину, такимъ образомъ, пришлось слишкомъ много изстрадаться, насмотрѣвшись на цѣлый рядъ вопіющихъ безобразій и кровавыхъ катастрофъ, дикаго, не знающаго ни малѣйшаго удержа, произвола и надругательства надъ человѣческою личностью съ одной стороны и полнаго безправія—съ другой. Не до того ему было, чтобы углубляться въ свою собственную душу, возиться съ своимъ психическимъ разладомъ и съ разными тонкими оттѣнками интеллигентнаго вельтшмерца.

Что значилъ въ его глазахъ весь этотъ вельтшмерцъ въ болѣе или менѣе комфортабельной обстановкѣ жизни интеллигентныхъ людей, въ сытости, теплѣ и холѣ, сравнительно со всѣми тѣми ужасами, какіе запечатлѣлись въ его памяти?

И вотъ въ результатѣ всѣхъ мрачныхъ наблюденій и тяжкихъ опытовъ жизни образовалось то пессимистическое міросозерцаніе Д. Н. Мамина, которое онъ выразилъ въ первомъ же изъ его «уральскихъ разсказовъ»—«Въ худыхъ душахъ», въ той самой цитатѣ, которую мы помѣстили на первой страницѣ настоящей статьи въ видѣ эпиграфа къ ней. Изъ этого эпиграфа явствуетъ, въ чемъ видитъ Д. Н. Маминъ тайну жизни, не только человѣческой, но и всей природы: съ внѣшняго вида природа поражаетъ васъ своими дивными красотами и могучимъ покоемъ, но вглядитесь внимательнѣе во всѣ эти красоты, вслушайтесь въ этотъ могучій покой, и вы увидите, что вся жизнь вселенной заключается не въ чемъ иномъ, какъ во взаимномъ поѣданіи одной твари другою, и куда ни оглянетесь, тысяча живыхъ существованій гибнетъ, безъ крика, безъ стона, въ нѣмыхъ конвульсіяхъ...

Въ романѣ «Три конца» это міросозерцаніе Д. Н. Мамина выразилось еще въ болѣе яркихъ краскахъ въ мысляхъ одной изъ героинь этого романа, Нюрочкѣ. Нюрочка эта является одною изъ самыхъ излюбленныхъ героинь романа. Она обрисовывается авторомъ самыми свѣтлыми красками, какія только имѣетъ онъ на своей мрачной палитрѣ, и во всемъ романѣ одна только не гибнетъ, а, напротивъ того, выходитъ замужъ за любимаго человѣка, друга дѣтства, и вмѣстѣ съ нимъ посвящаетъ себя честному дѣлу учительства въ народной школѣ. И, тѣмъ не менѣе, когда Нюрочка подросла и нѣкая раскольничья начетчица, мастерица Таисія, завертывала въ господскій домъ потолковать съ молодой барышней о разныхъ разностяхъ и передавала ей все, что творилось въ ихъ околоткѣ, «слушавшая ее дѣвушка,—читаемъ мы,—съ головою уходила въ этотъ міръ разныхъ жестокостей, неправды, крови и слезъ, и ея сердце содрогалось отъ ужаса. Господи, какъ страшно жить на свѣтѣ, особенно женщинамъ! Дѣйствительность проходила передъ ея глазами въ яркихъ картинахъ грѣха, человѣконенавистничества и крови».

Не одни только разсказы измученной жизнью Таисіи,—можно сказать, что и всѣ произведенія Д. Н. Мамина сплошь представляютъ собою ничто иное, какъ именно *яркія картины грѣха, человѣконенавистничества и крови*, и подъ впечатлѣніемъ этихъ картинъ не одной только Нюрочкѣ, а и всѣмъ читателямъ Д. Н. Мамина *дѣлается страшно жить на свѣтѣ*. Д. Н. Маминъ въ этомъ отношеніи въ своемъ родѣ жестокій талантъ, ужасный писатель!.. Вы не смотрите на невозмутимое спокойствіе флегматическаго тона его разсказовъ: это тотъ же величественный покой природы, скрывающій въ себѣ ни вѣсть какіе ужасы, и подобно тому, какъ смѣшныя вещи кажутся вамъ тѣмъ

смѣшнѣе, чѣмъ серьезнѣе лицо произносящаго ихъ человѣка, такъ точно тѣмъ страшнѣе ужасъ изображаемой Д. Н. Маминымъ жизни, чѣмъ съ большимъ хладнокровіемъ передается вамъ этотъ ужасъ, и въ концѣ концовъ вы убѣждаетесь, что подъ наружнымъ хладнокровіемъ въ глубинѣ души писателя таится глубокая, надрывающая ваше сердце скорбь.

V.

За примѣрами не надо идти далеко и долго разыскивать ихъ въ массѣ произведеній Д. Н. Мамина. Стоитъ развернуть любую страницу, и непремѣнно вы наткнетесь на какой-нибудь возмутительный фактъ взаимнаго поѣданія людьми другъ друга, на что-нибудь крайне грустное и печальное.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ первыхъ сильныхъ разсказовъ Д. Н. Мамина, обратившихъ на себя вниманіе читающей публики—«Бойцы», напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1883 года. Передъ вами рисуется одна изъ нижнихъ чусовскихъ пристаней, Каменка, весною, передъ вскрытіемъ Чусовой, во время сплава барокъ съ мѣднымъ и чугуннымъ товаромъ по половодью, мимо грозныхъ утесовъ, называемыхъ Бойцами, о которые то и дѣло разбиваетъ утлыя суденышки бурная рѣка. Начинаетъ авторъ свой разсказъ, какъ это часто онъ дѣлаетъ ради представленія вопіющаго контраста между гармоніею, красотой и величіемъ природы и безурядицы человѣческой жизни, яркою картиною уральской весны.

«Весна,—читаемъ мы,—безспорно, самое лучшее и самое поэтическое время года, о чемъ писано и переписано поэтами всѣхъ странъ и народовъ; но едва-ли гдѣ-нибудь весна такъ хороша, какъ на дальнемъ, глухомъ сѣверѣ, гдѣ она является поразительнымъ контрастомъ сравнительно съ суровой зимой. Притомъ, южная весна наступаетъ исподволь, а на сѣверѣ она, наоборотъ, производитъ быстрый и стремительный переворотъ въ жизни природы, точно какой невидимой могучей рукой разомъ зимнія декораціи перемѣняются на лѣтнія. Съ яснаго, голубого неба льются потоки животворящаго свѣта, земля торопливо выгоняетъ первую зелень, блѣдные сѣверные цвѣточки смѣло пробиваются черезъ тонкій слой тающаго снѣга, однимъ словомъ, въ природѣ творится великая тайна обновленія, и, кажется, самый воздухъ цвѣтетъ и любовно дышетъ преисполняющими его силами. Прибавьте къ этому освѣженную, глянцевитую зелень сѣвернаго лѣса, веселый птичій гамъ и трудовую возню, какими оглашаются и вода, и лѣсъ, и поля, и воздухъ. Это величайшее торжество и апоѳеозъ той великой силы, которая неудержимо льется съ голубого неба, какимъ-то чудомъ претворяясь въ зелень, цвѣты, ароматъ, звуки птичьихъ пѣсенъ, и все кругомъ наполняетъ удесятеренной, кипучей дѣятельностью. Я люблю этотъ величайшій моментъ бѣдной красками и звуками жизни сѣверной природы, когда смерть и нѣмое оцѣпенѣніе зимы смѣняется кипучими радостями короткаго сѣвернаго лѣта».

Прочтя такую картину въ началѣ повѣсти, вы ждете, не правда-ли, чего-то такого же свѣтлаго, отраднаго, радостнаго и въ жизни человѣческой, и вдругъ, на первыхъ же страницахъ, вамъ приходится имѣть дѣло съ толпами ожидавшихъ вскрытія Чусовой бурлаковъ, «съ

котомками и безъ котомокъ, въ рваныхъ полушубкахъ, въ заплатанныхъ азямахъ и просто въ лохмотьяхъ, составъ которыхъ можно опредѣлить только химическимъ путемъ, а не при помощи глаза», и между этими толпами голи перекатной особенно тяжелое впечатлѣніе производятъ на васъ пришедшіе издалека крестьяне.

«Толпа,—читаемъ мы,—колыхалась и гудѣла, какъ пчелиный улей. Здѣсь, дѣйствительно, собрались все крестьяне, пришедшіе на пристань изъ Вятской, Казанской и Уфимской губерній. Кого-кого тутъ не было!.. Но на всѣхъ лицахъ, въ выраженіи глазъ которыхъ сказывалась одна общая печать: это были люди деревни, загнанные за сотни верстъ на сплавъ горькой, неотступной нуждой. Здѣсь не было и помину о той отчаянности, какою выдѣлялись каменскіе бурлаки, не было и своеобразнаго шика заводскихъ мастеровыхъ: одна общая мысль, одна общая забота связывала эти тысячи бурлаковъ въ одинъ могучій, стройный аккордъ. Во всѣхъ взглядахъ можно прочитать одну мысль, мысль о землѣ, которая въ такую горячую вешнюю пору сиротѣетъ гдѣ-нибудь за тысячу верстъ. Общій интересъ придавалъ этому оторванному отъ родной земли уголку крестьянскаго міра совершенно своеобразную физіономію: они принесли сюда свою великую крестьянскую заботу, отъ которой давно «ослобонились» мастеровые и разный другой сбродъ, который набивается на сплавъ. Они подавляли молчаливымъ величіемъ крикливыя «качества» вырванныхъ изъ земли съ корнемъ людей, индивидуализированныхъ въ духѣ извѣстной политико-экономической школы».

Ниже передъ нами раскрывается то тяжкое, подневольное, почти крѣпостное экономическое положеніе, которое сгоняетъ крестьянъ въ Каменку изъ-за сотенъ и тысячъ верстъ, и то ужасающе-голодное существованіе, которое имъ приходится вести во время всего сплава.

«— Зачѣмъ же вы нанимаетесь на сплавъ?—спрашивалъ я Силантія.

— Нельзя, милый баринъ. Знамо, не по своей волѣ тащимся на сплавъ, а нужда гонитъ. Недородъ у насъ... подати справляютъ... Ну, а гдѣ взять? А караванные приказчики ужъ про то знаютъ, гдѣ недородъ, и по зимѣ всѣ деревни объѣдутъ... Пріѣхали—сейчасъ въ волость: кто подати не донесъ? А писарь и старшина ужъ ждутъ ихъ, тоже свою спину берегутъ, и сейчасъ кондрактъ... За десять-то рублевъ ты и должонъ мѣсить сперва на пристань тыщу верстъ, потомъ сплаву обжидать, а тамъ по баркѣ сбѣжать къ Пермѣ или дальше, какъ подрядился по кондракту.

— Вѣдь это для васъ невыгодно?

— Какое выгодно! Ножъ вострой намъ эти сплавы, вотъ что! Разсуди самъ: самъ теперь я изъ дому должонъ выйти на сплавъ за шесть недѣль, да сплаву прождешь другой разъ всѣ двѣ недѣли, да на баркѣ бѣжишь до Перми четыре дня, а дальше клади еще недѣлю. Сколь всего-то выйдетъ?

— Почти два съ половиной мѣсяца...

— Такъ, а другой разъ и всѣ три. А деньги-то, изъ десяти-то рублей семь въ подать пошли, рупь выдали, какъ пришли на сплавъ, а два рубли получимъ, когда караванъ привалитъ къ Пермѣ. На три-то мѣсяца бурлаку рупь и приходится, а куды ты его повернешь? Теперь сколько одной лопотины (т.-е. платья) въ дорогѣ проносишь, сколько обуя (обуви), а пить-ѣсть само собой... Вотъ Оспинъ Иванычъ-то (приказчикъ) даве говорилъ: купи гармонь, али ступай въ кабакъ, а того не думаетъ, што у меня всю душеньку выворотило. Ночей не спишь, все про свое думаешь... За эти десять-то рублей я три мѣсяца проболтаюсь да пашню опущу—ну, а какой я мужикъ безъ пашни? Вонъ Митрей-то самъ-семъ: вотъ тебѣ и гармонь!..

— Чѣмъ же вы живете эти три мѣсяца? Неужели на одинъ рубль?

— На рупь, баринъ, на него... Пока изъ дому бредемъ, такъ свойской, домашней хлѣбушко жуешь, а на пристани свой рупь и проживаешь...»

Къ довершенію всего этого бѣдственнаго положенія присоедините ежеминутную опасность, угрожающую каждой плывущей баркѣ разбиться объ одинъ изъ грозныхъ утесовъ-бойцовъ, причемъ ни одна подобная катастрофа не обходится безъ человѣческихъ жертвъ. Вотъ въ какихъ ужасающихъ краскахъ рисуетъ Д. Н. Маминъ одну изъ такихъ катастрофъ:

«Когда мы вернулись изъ-за мыса и покатили на Разбойника, нашимъ глазамъ представилась ужасная картина: барка Лупана быстро погружалась однимъ концомъ въ воду... Палуба отстала, изъ-подъ нея съ грохотомъ и трескомъ сыпался чугунъ, обезумѣвшіе люди соскакивали съ борта прямо въ воду... Крики отчаянія тонувшихъ людей перемѣшались съ воемъ рѣки.

— О чужую, убившую барку Лупанъ убился,—объяснилъ Савоська.

Дѣйствительно, изъ-за барки Лупана теперь можно было разсмотрѣть разщепенную корму другой барки, на которой уже никого не было. Намъ пришлось пройти рядомъ съ тонувшей баркой Лупана, которую тихо заворачивало кормой внизъ. Нѣсколько человѣкъ бурлаковъ успѣли перескочить къ намъ; какой-то несчастный старикъ поскользнулся и упалъ въ воду, гдѣ и скрылся сейчасъ же подъ захлестнувшей его волной. Самъ Лупанъ оставался на баркѣ и съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ отвязывалъ прикрѣпленную къ борту неволю. Нѣсколько черныхъ точекъ ныряло въ водѣ; это были спасавшіеся вплавь бурлаки. Рѣдкій изъ нихъ не тащилъ за собой своей котомки въ зубахъ. Разстаться съ котомкой для бурлака настолько тяжело, что онъ часто жертвуетъ изъ-за нея жизнью; барка ударилась о боецъ и начинаетъ тонуть, а десятки бурлаковъ, вмѣсто того, чтобы спасаться вплавь, лѣзутъ подъ палубы за своими котомками, гдѣ часто ихъ и заливаетъ водой».

Морозъ подираетъ по кожѣ, когда подумаешь, какъ дешева человѣческая жизнь на Чусовой! Но еще ужаснѣе то, что, въ концѣ концовъ, для бурлака-крестьянина оказывается отраднѣе потонуть вмѣстѣ съ разбившейся баркой, чѣмъ спастись. Такъ, въ отвѣтъ на удивленіе автора, какъ это возможно прожить три мѣсяца на рубль, бурлакъ Силантій отвѣчалъ ему:

«— Это еще што! и рупь деньги! А ты вотъ посуди, какое дѣло: теперь мы бѣжимъ съ караваномъ, барка, возьми да и убейся... Который потонулъ—того похоронятъ на бережку, а каково тѣмъ, кто живъ-то останется? Расчету никакого, котомки потонули, а ты и ступай мѣсить свою тысячу верстъ, съ пустымъ-то брюхомъ... Вотъ гдѣ нашему брату бѣда бѣдовенная!

— А тебѣ случалось такъ уходить со сплаву?

— Нѣтъ, меня Господь миловалъ, а другіе много приходятъ домой чуть не подъ Петровъ день... Ей-Богу! Вѣдь это мужику позоръ, всю семьишку изморомъ сморишь!

— Чѣмъ-же бурлаки питаются, когда бредутъ домой съ разбитой барки?

— А Богъ?..

Послѣднее было сказано съ такой глубокой вѣрой, что не требовало дальнѣйшихъ поясненій. Я долго смотрѣлъ на убѣжденное, спокойное выраженіе облупившагося подъ солнцемъ лица Силантія, на его песочную бородку и крошечные слезливые глазки; отъ этого лица вѣяло такой несокрушимой силой, передъ которой всѣ препятствія должны отступить...»

Кровь въ жилахъ леденитъ у васъ, когда вы читаете всѣ подобные ужасы. Но возмутительнѣе всего при этомъ то, что всѣ эти люди, жизнь которыхъ цѣнится дешевле всякаго вьючнаго скота, не удо-

стоиваются со стороны тѣхъ, для благосостоянія и хищной наживы которыхъ они кладутъ всѣ свои силы, и самую жизнь, хотя-бы сколько-нибудь человѣческаго отношенія къ нимъ. Такъ приказчикъ Осипъ Ивановичъ только въ томъ и понималъ всѣ свои служебныя обязанности что «безъ всякаго пути разносилъ въ щепы совершенно невинныхъ людей, также безъ пути снисходилъ къ отъявленнымъ плутамъ и завзятымъ мошенникамъ и, въ концѣ концовъ, былъ глубоко убѣжденъ, что безъ него на пристани хоть пропадай».—«Аспиды! разбойники! мошенники!» ревѣлъ онъ, какъ сумасшедшій, не зная, на кого броситься и по пути сыпалъ подзатыльниками и затрещинами.

«Дорогу,—читаемъ мы,—намъ загородила артель бурлаковъ съ котомками. Палки въ рукахъ и грязные лапти свидѣтельствовали о дальней дорогѣ. Это былъ какой-то совсѣмъ сѣрый народъ, съ испитыми лицами, понурымъ взглядомъ и неуклюжими, тяжелыми движеніями. Видно, что пришли издалека, обносились и отощали въ дорогѣ. Впереди выдѣлялся сгорбленный, сѣдой старикъ и, снявъ съ головы что-то въ родѣ вороньяго гнѣзда, нерѣшительно и умоляюще заговорилъ:

— Осипъ Ивановичъ! мы ужъ къ твоей милости...

— Откуда вы?

— Вятскіе мы, родимый мой, вятскіе...

— Ты не въ первый разъ на сплавъ пришелъ?

— Нѣтъ не въ первой... Разъ съ двадцать, можетъ, ужъ сплылъ.

— Ну, такъ чего же тебѣ отъ меня нужно?

— Да вотъ запоздали мы, Осипъ Ивановичъ... Грѣхъ такой вышелъ; непогодье насъ захватило, а дорога дальняя.

— Знать не хочу... вздоръ!.. Что у тебя въ контрактѣ сказано... а?..—заоралъ Осипъ Ивановичъ, выкатывая глаза.—Я, что-ли, буду стаскивать, да грузить барки за васъ?.. Задатки любите получать... а?..

— Да вѣдь задатки въ волость пошли, за подушное... —какъ-то равнодушно оправдывался старикъ, совсѣмъ подавленный величіемъ обступившихъ его нуждъ.—Подушное, Осипъ...

— А мнѣ плевать на ваше подушное! Знать не хочу!! Просрочилъ трое сутокъ—за трое сутокъ и штрафъ по контракту...

— Осипъ Иванычъ, родимый! мы вѣдь тысячу верстъ съ залишкомъ брели сюда, изморились! А тутъ ростепель захватила...

— Вздоръ!.. Я не Богъ... понимаешь? Я не Богъ...»

Въ концѣ концовъ оказывается, что иногда вслѣдствіе всѣхъ этихъ штрафовъ не только ничего не достается на руки артели при разсчетѣ, но еще съ артели слѣдуетъ получить. «Только взять-то съ нихъ нечего!»—замѣчаетъ при этомъ Осипъ Ивановичъ безъ малѣйшей совѣсти. Значитъ, еслибы было что взять, взяли бы. Представьте себѣ положеніе: работала, работала артель, въ концѣ концовъ кое-кого не досчитывается изъ своихъ членовъ (одни умерли отъ простуды и голода, другіе утонули), и въ концѣ концовъ не только ничего не заработала, но ей же еще приходится платить богатому купцу, должно быть, за удовольствіе, доставленное ея членамъ «святымъ трудомъ»...

VI.

Такое же ошеломляющее впечатлѣніе производитъ романъ «Золото»,

въ которомъ изображаются бытъ и нравы уральскихъ золотопріискателей въ такихъ мрачныхъ краскахъ, передъ которыми должны поблѣднѣть всѣ пресловутые разсказы Бретъ-Гарта изъ калифорнской жизни. Золотой промыселъ самъ по себѣ, возбуждая въ людяхъ жажду легкой наживы и быстраго обогащенія, нельзя сказать, чтобы способствовалъ чистотѣ и высотѣ нравовъ, а тутъ еще дѣло осложнялось мрачнымъ прошлымъ, когда всѣ горные промыслы и на Уралѣ, и въ Сибири чинились крѣпостнымъ, военнымъ и каторжнымъ трудомъ.

«Балчуговскій заводъ,—читаемъ мы,—походилъ на военный лагерь, гдѣ вставали и ложились по барабану, обѣдали и шабашили по барабану и даже въ церковь ходили по барабану. На работу выступали поротно и повзводно, отбивая шагъ. При встрѣчѣ съ начальствомъ все вытягивалось въ струнку и дѣлало на караулъ даже на работахъ. На площади, между каторгой и пьяной конторой, въ праздники производилось настоящее солдатское ученье пригнанныхъ рекрутъ, и тутъ же происходили жесточайшія экзекуціи. Съ одной стороны, орудовалъ «крестный» Никитушка, а съ другой—солдатская «зеленая улица». Сквозь строй гоняли каждое воскресенье, а для большаго эффекта приводили народъ для этого случая даже съ Фотьянки. Кромѣ своего каторжнаго начальства и солдатскаго для рекрутовъ, въ распоряженіи горныхъ офицеровъ находилось еще два казачьихъ батальона съ спеціальной обязанностью производить наказанія на самомъ мѣстѣ работъ; это было домашнее дѣло, а крестный Никитушка и «зеленая улица» парадным наказаніемъ, главнымъ образомъ, на страхъ другимъ. Когда партія рабочихъ выступала куда-нибудь на пріискъ, за ней, вмѣстѣ съ провіантомъ, слѣдовалъ цѣлый возъ розогъ, точно ихъ нельзя было приготовить на мѣстѣ бѣдствія. Военное горное начальство въ этомъ случаѣ разсуждало такъ, что порядокъ наказанія прежде всего, а работа пойдетъ сама собой».

Но вотъ, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, кончились и военные порядки на уральскихъ и сибирскихъ заводахъ со всѣми своими аракчеевскими ужасами, но подневольный трудъ остался все тѣмъ же подневольнымъ. Десятитысячное населеніе Балчуговскаго завода раздѣлялось на двѣ неровныя половины—правая Нагорная и лѣвая Низы. Низы, населившіеся «некрутами», захотѣли послѣ воли существовать своимъ средствіемъ, и здѣсь быстро развились два ремесла: столярное и чеботарное. Мѣстомъ сбыта служилъ, главнымъ образомъ, городъ, а отсюда уже балчуговское ремесло расходилось по нѣсколькимъ уѣздамъ и дальше. Сотни семей были заняты однимъ и тѣмъ же дѣломъ и сбивали цѣну товара: городскіе купцы богатѣли, а Низы захудали до послѣдней крайности. Нагорная сторона, гдѣ селились каторжные, отбывшіе срокъ наказанія, послѣ освобожденія осталась вѣрной исконному промысловому дѣлу. Между тѣмъ на развалинахъ упраздненныхъ казенныхъ работъ возникла золотопромышленная компанія «генерала Мансвѣтова и К°», въ эксплуатацію которой, кромѣ казенныхъ земель попали и крестьянскія. Рабочіе не имѣли даже собственнаго выгона, не имѣли усадебъ,—тѣмъ и другимъ они пользовались отъ компаніи условно, пока находившаяся подъ выгономъ и усадьбами земля не была надобна для работъ. Это совершенно исключительное положеніе создало натянутыя отношенія между компаніей и мѣстнымъ промысловымъ на-

селеніемъ. Полное безземелье отдавало рабочихъ въ безконтрольное распоряженіе компаніи—она могла дѣлать съ ними что хотѣла, тѣмъ болѣе, что все населеніе рядомъ поколѣній выросло спеціально на золотомъ дѣлѣ, а это клало на всѣхъ неизгладимую печать.

А затѣмъ, отдача казенныхъ дачъ въ свободную эксплоатацію частнымъ старателямъ повела къ тому, что не одни нагорные, но многіе изъ обитателей Низовъ и другихъ сосѣднихъ деревень бросились добывать золото; таковы, между прочимъ, были тайболовцы, раскольники, населявшіе село Тайболу, въ шести верстахъ отъ завода, отличавшіеся прежде тѣмъ, что, живя въ золотоносной полосѣ, они совсѣмъ не «занимались золотомъ», такъ какъ съ послѣднимъ у нихъ органически связывалось понятіе о каторгѣ, «некрутчинѣ» и вообще неволѣ.

На почвѣ этихъ порядковъ образовались нравы, поражающіе васъ своею чудовищностью, представляющіе дикую амальгаму преданій домостроевщины, аракчеевщины, экономическаго безправія, пріисковаго ажіотажа и крайней нравственной распущенности. Когда вы читаете романъ, передъ вами безконечно распутывается клубокъ ненасытной алчности, продажности, готовности потопить ближняго въ ложкѣ воды изъ-за мѣднаго гроша, звѣрской жестокости, душегубства. На протяженіи всѣхъ четырехъ-сотъ страницъ положительно не надъ чѣмъ отдохнуть душою: хотя бы одинъ лучъ свѣта блеснулъ въ этой непроглядной мглѣ кишащаго всѣми пороками гнѣзда. Даже любовь, это чувство, которое по самому своему существу должно было бы умиротворить и смягчить душу, ведетъ здѣсь, напротивъ того, лишь къ новымъ жестокостямъ и звѣрствамъ.

Какое мрачное впечатлѣніе производитъ, напримѣръ, старый штейгеръ Родіонъ Потапычъ Зыковъ, бывшій когда-то каторжнымъ и прошедшій всю безчеловѣчно звѣрскую школу аракчеевскихъ порядковъ прежняго времени: ни одного ласковаго взгляда, ни малѣйшей улыбки никогда не видали домочадцы на его суровомъ лицѣ: одинъ вѣчный трепетъ распространялъ онъ вокругъ себя. Старшій сынъ, Яковъ, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, овдовѣлъ и привыкъ называться «малымъ», такъ какъ жилъ въ полномъ подчиненіи отцу, не смѣя распорядиться даже своими дѣтьми. Старшая дочь Татьяна ушла замужъ убѣгомъ за строгаля на Низахъ, и вотъ прошло цѣлыхъ двадцать лѣтъ, какъ отецъ еще ни разу не вспомнилъ про нее, да и никто въ домѣ не смѣлъ при немъ слова пикнуть о ней. Къ дочери Марьѣ до двадцати лѣтъ женихи сватались, но Родіонъ Потапычъ все разбиралъ жениховъ,—этотъ не хорошъ, другой не хорошъ, а третій и совсѣмъ плохъ, и Марьѣ пришлось уже записать себя въ незамужницы. Такая же участь угрожала и младшей дочери Ѳедосьѣ, тѣмъ болѣе, что она была любимица отца, но она, подобно Татьянѣ, убѣжала изъ дома въ село Тайболо, въ раскольничью семью Кожиныхъ, замужъ за Акинфія Назарыча Кожина. Отецъ сгоряча проклялъ ее

подобно какъ и Татьяну, но затѣмъ, пользуясь тѣмъ случаемъ, что раскольничьи браки не считались законными, онъ хитростью выманилъ дочку къ себѣ домой, яко бы для примиренія, а самъ насильно увезъ ее къ своей теткѣ Лукерьѣ. Горько оплакивая своего милаго, дѣвушка, тѣмъ не менѣе, пассивно повиновалась своимъ роднымъ, будучи совершенно обезличенной тяготѣвшимъ надъ нею семейнымъ деспотизмомъ, и, къ тому же, страшась и отцовскаго проклятія, и того, что и сама она не вѣнчана и дѣти ея будутъ не крещены настоящимъ православнымъ крещеніемъ. Нарѣченнаго же мужа ея мать женила на другой, немилой, и Кожинъ вымещалъ на несчастной и ни въ чемъ неповинной женщинѣ свою неудачную любовь тѣмъ, что тиранилъ ее не на животъ, а на смерть: въ морозъ выгонялъ ее во дворъ босую, гонялся за нею съ ножомъ, билъ до безпамятства, наконецъ, заперъ въ подклѣть, и тамъ она трое сутокъ простояла у стѣны въ самомъ неудобномъ положеніи, не въ состояніи будучи выпрямиться, вися на рукахъ, притянутыхъ ремнями къ стѣнѣ...

Вообще женщина играетъ во всѣхъ уральскихъ романахъ и разсказахъ Д. Н. Мамина самую жалкую роль, и нѣтъ такого произведенія у него, въ которомъ надъ ней не издѣвались и не тиранили ее. какъ угодно и сколько угодно. Такъ, въ одномъ изъ сибирскихъ разсказовъ «Звѣрство» парни вздумали подковывать гулящую дѣвку: привели въ кузницу, поставили въ лошадиный станокъ; кузнецъ накалилъ подковы и прибилъ къ одной ногѣ, къ другой, къ рукѣ, но тутъ уже дѣвка не вынесла: въ станкѣ и померла.

До какой крайности доходитъ въ этой дикой средѣ обезличеніе женщины, это мы можемъ судить по оригинальной четѣ кабатчика Ермошки и жены его Дарьи. Послѣдняя дошла до такого самоотреченія, что хладнокровно рѣшила, что она не жена Ермошкѣ, и ему надо другую, и вотъ она начала употреблять всѣ мѣры, чтобы умереть; ходила босая по снѣгу, пила «дорогую траву», морила себя голодомъ, но ничего не помогало. Въ то же время она сама выбирала невѣстъ на случай своей смерти, и въ этомъ направленіи между мужемъ и женой велись часто очень серьезные разговоры въ такомъ родѣ:

«— Связала я тебя, Ермолай Семеновичъ,—говорила она мужу о себѣ, какъ говорятъ о покойникахъ.—Въ самый бы тебѣ разъ жениться на зыковской Ѳенѣ.. Дѣвка—чистякъ. Охъ, нейдетъ моя смертынька.

— Развѣ не стало невѣстъ?—резонировалъ Ермошка въ тонъ женѣ.—Какъ помрешь, сорокъ денъ выйдетъ, и женюсь...

— Въ Балчуговскомъ у насъ невѣстъ непочатый уголъ, Ермолай Семеновичъ, любую да лучшую выбирай.

— Въ Тайболѣ возьму, а то и городскую приспособлю... Слава Богу, мы не въ уголъ рожей-то.

— Богатую не бери, а попроще... Сиротку лучше, Ермолай Семенычъ, потому какъ ты уже въ годкахъ и будешь на положеніи вдовца. Богатыя-то дѣвки небольно такихъ жениховъ уважаютъ...

— Это ты правильно, Дарья... Только помирай скорѣе, а то время напрасно идетъ. Совсѣмъ изъ годовъ выйду, покедова подохнешь.

— Охъ, скоро помру. Ермолай Семенычъ. Жаль, вѣдь, мнѣ глядѣть на тебя, какъ ты со мной маешься...»

Страшно читать все это!..

А. Скабичевскій.

(Продолженіе въ слѣд. №).

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Интересы дня.

Скромныя европейскія торжества.—Открытіе статуи Борнса въ Пэзли.—Постановка гранитной доски на домѣ, гдѣ родился Ренанъ.—Столѣтній юбилей старѣйшаго въ свѣтѣ журнала.—Устройство народнаго театра въ Бюссанѣ.—Смерть творца шведской конституціи, отца норвежскаго языка и англійскаго поэта-соціалиста.—Конгрессы.—Защита уголовной антропологіи ея главами, Ломброзо и Ферри.—Допущеніе Россіи и Турціи въ международную парламентскую конференцію мира.

Въ послѣднее время въ различныхъ уголкахъ Европы тихо, мирно происходили скромныя торжества, на которыя, однако, не могутъ не обратить вниманія мыслящіе люди. Эти торжества были отчасти радостныя, отчасти печальныя; такъ, съ одной стороны, въ Шотландіи кончился циклъ празднествъ по случаю столѣтія ея великаго народнаго поэта Борнса, открытіемъ его статуи въ Пэзли; Франція отдала честь, хотя и позднюю, Ренану, выставленіемъ гранитной доски на томъ домѣ, въ бретонскомъ городкѣ Трегье, гдѣ онъ родился; въ Швейцаріи праздновали вѣковую годовщину основанія старѣйшаго въ свѣтѣ журнала «Bibliothèque Universelle», а во французской деревнѣ Бюссанѣ открылся народный театръ; съ другой же стороны хоронили: въ Швеціи Де-Геера. создателя ея современной конституціи, въ Норвегіи—престарѣлаго Иваръ Аазанъ, который далъ права гражданства народному норвежскому языку, а въ Англіи одного изъ лучшихъ ея поэтовъ, Вильяма Мориса, который представлялъ странную смѣсь пѣвца среднихъ вѣковъ и общественныхъ золъ нашего времени, эстетика и соціалиста, типографа и художника, переплетчика и романиста.

«Черезъ сто лѣтъ меня будутъ уважать болѣе, чѣмъ при жизни», говорилъ бѣдный, преслѣдуемый жизненными невзгодами, шотландскій поэтъ-поселянинъ Робертъ Борнсъ, и слова его сбылись. Прошло сто лѣтъ и годовщину его смерти праздновали не только въ Шотландіи, но въ Англіи и во всѣхъ уголкахъ земного шара, гдѣ говорятъ

по-англійски, такъ какъ стихотворенія Борнса — настольная книга всякаго англичанина, не говоря уже о шотландцахъ, просто боготворящихъ своего національнаго барда. Чѣмъ же объяснить этотъ всеобщій культъ, эту необыкновенную популярность Борнса? На это лучшимъ отвѣтомъ служитъ блестящая характеристика его, написанная Карлэйлемъ: «Онъ былъ рожденъ поэтомъ и поэтическое творчество было небеснымъ элементомъ его существа. Бѣдность, непризнанность и всевозможныя бѣдствія, но только не униженіе себя и своего искусства, для него ничего не значили. Онъ стоялъ недосягаемо высоко надъ честолюбіемъ и страстями міра и съ одинаково яснымъ пониманіемъ, съ одинаковой братской любовью, съ одинаковымъ сочувствіемъ и состраданіемъ смотрѣлъ на благороднаго и раба, на принца и нищаго, на всѣхъ, кто носитъ образъ человѣка. Въ его поэзіи какъ бы живетъ свѣжесть и чистота зеленыхъ полей и горнаго воздуха; она напоминаетъ жизнь природы и здоровыхъ ея дѣтей. Въ немъ заключена могучая сила и въ то же время часто сказывается чарующая, врожденная грація. Онъ и нѣженъ, и рѣзокъ, но безъ принужденія, безъ усилія. Онъ и умиляетъ сердце, и воспламеняетъ его силой, которая кажется привычной и родной ему. Мы видимъ въ немъ нѣжность и трепещущее состраданіе женщины на ряду съ глубокой серьезностью, мощью и страстной пламенностью героя. Въ немъ таятся слезы и скрывается пламя, какъ молнія въ капляхъ лѣтней тучи. Въ его трудѣ есть откликъ на каждую ноту человѣческаго чувства». Если къ этой мастерской, вполнѣ справедливой оцѣнкѣ прибавить, что будучи истиннымъ, вдохновеннымъ поэтомъ, вызвавшимъ не только въ Шотландіи и Англіи, но и во всемъ свѣтѣ расцвѣтъ народной поэзіи, Борнсъ, однако, не вѣдалъ мировой скорби, не громилъ сильныхъ міра сего, не клеймилъ высшіе классы раскаленнымъ желѣзомъ, не былъ непримиримымъ бойцомъ идеи, правды и свободы, какъ Байронъ, или Шелли, а преимущественно воспѣвалъ природу и жизнерадостныя чувства, то становится понятнымъ, почему его такъ любятъ, такъ чтутъ, такъ славословятъ, забывая его кутежи, пьянство и развратъ, тогда какъ Байрону, или Шелли ставятъ все это въ вину, какъ будто затмѣвающую ихъ славу. Конечно, съ другой стороны, нельзя не признать, что если поэтъ-поселянинъ пилъ до delirium tremens, по его собственнымъ словамъ, не зналъ другихъ принциповъ жизни, какъ «vive l'amour, vive la bagatelle», то въ этомъ виновенъ не онъ, а условія того несчастнаго существованія, въ которыхъ онъ находился въ продолженіе тридцати семи лѣтъ своей жизни, проведенной сначала за плугомъ, а потомъ въ скромной должности провинціальнаго сборщика податей и всегда подъ гнетомъ той бѣдности, о которой онъ говорилъ: «Бѣдность, ты полусестра смерти, ты близкая родственница ада. Гдѣ я найду ненависти, равной твоимъ гнуснымъ свойствамъ». Поэтому нельзя не удивляться, что въ подобной обстановкѣ, безъ всякаго образованія, кромѣ чтенія, выработался такой ве-

ликій народный поэтъ, нашедшій въ своей музѣ даже побѣдную пѣснь демократическаго сознанія въ стих. «Честная-ли бѣдность склонила его голову» и гордое сознаніе своего значенія въ «Субботнемъ вечерѣ поселянина», гдѣ онъ говоритъ:

«Здѣсь не продажный бардъ несетъ вамъ свой привѣтъ.
Къ себялюбивымъ всѣмъ питаю лишь презрѣнье
Я въ честной гордости; мнѣ друга уваженье
Награда высшая. Поэтъ вамъ здѣсь поетъ.
Простыми звуками шотландскими о скромномъ
Житьѣ-бытьѣ въ кругу невѣдомомъ и темномъ,
О чувствахъ искреннихъ, безъ лжи и безъ прикрасъ».

Эти «простые звуки о чувствахъ искреннихъ» проникли въ сердца всѣхъ многочисленныхъ милліоновъ людей, говорящихъ по-англійски, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ тружениковъ; вотъ почему юбилей Борнса принялъ характеръ всеобщаго ликованія въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и великобританскихъ колоніяхъ, хотя естественно, что наибольшія празднества выпали на долю его родины, гдѣ, между прочимъ, въ Думфрисѣ, Пэзлеѣ и нѣкоторыхъ другихъ городкахъ поставили ему статуи, которыхъ и раньше было уже много въ различныхъ мѣстностяхъ, а въ Глазго устроили выставку всего, что напоминаетъ великаго народнаго поэта.

Вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Ренана въ его родномъ городѣ Трегье уже давно поставленъ на очередь, но до сихъ поръ его тормазило буржуазное и отчасти клерикальное мѣстное населеніе. Наконецъ, либеральнымъ членамъ муниципальнаго совѣта удалось вырвать у своихъ товарищей согласіе на постановку гранитной доски на домѣ, гдѣ родился человѣкъ, составляющій славу не только своего города, но и всей Франціи. Какъ трудно было этого добиться доказываетъ тотъ простой фактъ, что во время преній муниципалитета одинъ изъ его членовъ, приводя цѣлый рядъ безсмысленныхъ аргументовъ противъ предложенія почтить память великаго ученаго и одного изъ первыхъ писателей Франціи, сказалъ: «что онъ сдѣлалъ для нашей гавани?» Были-ли эти слова навѣяны скрытымъ клерикализмомъ, или открытымъ буржуазнымъ эгоизмомъ, но эти слова достойны остаться въ исторіи, какъ вѣрная характеристика того отношенія къ бойцамъ мысли, которое еще сохраняется въ концѣ XIX вѣка, столь кичащагося своей цивилизаціей. Какъ бы то ни было, въ маленькомъ бретонскомъ городишкѣ, гдѣ еще недавно господствовали клерикалы, удалось смыть съ себя пятно неуваженія къ величайшему изъ своихъ сыновъ и сдѣлать первый шагъ на пути его достойнаго прославленія, такъ какъ уже ведется агитація въ пользу постановки ему статуи на главной площади города, и, конечно, эта идея вскорѣ осуществится. Пока, въ назначенный день, всѣ выдающіеся граждане Трегье, съ мэромъ во главѣ, собрались для скромнаго торжества передъ домомъ, гдѣ родился Ренанъ, и открыли гранитную доску съ подобающей надписью,

а потомъ, на столь же скромномъ обѣдѣ, въ теплыхъ, сердечныхъ рѣчахъ, воздали честь какъ ученымъ заслугамъ своего соотечественника, такъ и его добрымъ качествамъ, какъ человѣка. Эта послѣдняя сторона автора «Жизни Іисуса» мало извѣстна, хотя придаетъ очень мягкій, сочувственный колоритъ суровому образцу великаго экзегета, какимъ онъ выступаетъ въ своихъ ученыхъ трудахъ; поэтому естественно, что въ многочисленныхъ статьяхъ, посвященныхъ французской прессой недавнему торжеству въ Трегье, приведено много любопытныхъ чертъ изъ домашней его жизни. Домъ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ свѣтъ, находится на углу Большой улицы и переулка Станко, въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ стараго Трегье, на полудорогѣ между соборомъ и гаванью. Эта буржуазная постройка XV или XVI столѣтія имѣетъ съ южной стороны нѣчто въ родѣ башни, придающей ей даже аристократическій видъ. Входятъ въ домъ чрезъ темный корридоръ, одна изъ дверей котораго ведетъ въ булочную, а другая въ узенькую, освѣщенную небольшимъ окномъ, комнату, служащую теперь кухней. Тутъ-то прежде была спальня г-жи Ренанъ и тутъ она родила въ сѣрое, февральское, туманное утро своего сына Эрнеста. Широкая лѣстница, съ веревкой вмѣсто перилъ, поднимается во второй этажъ, гдѣ теперь живетъ портной, и въ башню, откуда открывается прекрасный видъ на море и гдѣ такъ часто въ юности мечталъ будущій философъ подъ меланхоличный звонъ соборныхъ колоколовъ. Какъ извѣстно, большую часть своей жизни онъ провелъ вдали отъ своей родины, но постоянно съ любовью возвращался, хоть на нѣсколько дней, въ свой любимый Трегье, въ свой родной домъ, которымъ управляла одна добрая, но безтолковая старуха. Отношенія къ ней Ренана вполнѣ характеризуютъ его доброе, идеально настроенное, сердце. Часто спрашивалъ онъ у нея отчета въ управленіи и всегда между ними, по словамъ очевидцевъ, повторялся слѣдующій разговоръ: — «Ну, какъ наши дѣла, добрая старушка? — спрашивалъ Ренанъ и получалъ въ отвѣтъ: — охъ, милый господинъ, времена тяжелыя. Я собрала лишь нѣсколько франковъ: у одного жильца лихорадка, у другого родились близнецы, у третьяго ...» Но Ренанъ быстро перебивалъ ее:—«Не отчаявайтесь, добрая женщина, будемъ надѣяться, что впредь дѣла пойдутъ лучше. Естественно, что великаго философа, какъ домохозяина, обожали жильцы, и при его наѣздахъ въ Трегье постоянно просили его отобѣдать съ ними; онъ всегда отказывался, но, наконецъ, незадолго до своей смерти, онъ принялъ ихъ приглашеніе, боясь, что ихъ обижаютъ его постоянные отказы. Жильцы стараго дома пришли въ восторгъ и приготовили банкетъ на славу у булочницы. Главнымъ блюдомъ была большая курица и когда она только появилась на столѣ, то распорядительница банкета сказала съ торжествомъ: — «Подумайте, господинъ Ренанъ, какъ мы васъ любимъ; эта курица была у насъ въ домѣ шесть лѣтъ, и мы не пожалѣли ее убить въ честь васъ». На это Ренанъ съ

тонкой улыбкой отвѣчалъ: — «Неужели? Я такъ сожалѣю бѣдную курицу, что, кажется, не буду въ состояніи прикоснуться зубами къ ея мясу». И однако, по добротѣ души и чтобы не обидѣть ничего неплатившихъ ему жильцовъ, онъ съѣлъ два куска жесткой, шестилѣтней курицы. «Много писали о Ренанѣ, какъ о мыслителѣ и художникѣ,— говоритъ хроникеръ «Journal des Débats», приводящій этотъ любопытный анекдотъ,—но мы совершенно не знакомы съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, а жители Трегье могутъ привести тысячи случаевъ, доказывающихъ безграничную доброту великаго ученаго, который далеко не былъ тѣмъ сухимъ скептикомъ, которымъ изображали его враги, а напротивъ, представлялся всѣмъ, знавшимъ его подноготную жизнь, самымъ симпатичнымъ, самымъ деликатнымъ филантропомъ».

Въ Женевѣ и Лозаннѣ праздновался столѣтній юбилей старѣйшаго въ свѣтѣ журнала «Bibliothèque Universelle». Основанъ онъ былъ въ 1796 году тремя женевскими гражданами, въ томъ числѣ извѣстнымъ Пиктэ-де-Рошмономъ, подъ названіемъ: «Bibliothèque Britannique» (Британская библіотека), съ цѣлью создать нѣчто въ родѣ періодической энциклопедіи и распространять либеральныя англійскія идеи. Женева въ то время переживала мрачную страницу своей исторіи и, благодаря политическимъ интригамъ сначала французской директоріи, а потомъ консульства и имперіи, потеряла на шестнадцать лѣтъ свою историческую независимость, а потому новому либеральному журналу пришлось выдержать тяжелую борьбу съ неблагопріятными условіями, и достойно удивленія, что во все это время онъ получалъ книги и періодическія изданія изъ Англіи, несмотря на континентальную блокаду, а также смѣло развивалъ свои либеральныя идеи, ни разу не промолвившись ни однимъ лестнымъ словомъ о Наполеонѣ. Это мужественное поведеніе скромнаго органа печати много содѣйствовало поддержкѣ въ Женевѣ національныхъ чувствъ до минуты освобожденія. Когда оно наступило, то журналъ Пиктэ и товарищей съ 1816 г. расширился и не только принялъ новое, теперешнее свое названіе «Всеобщей Библіотеки», но и присоединилъ къ себѣ спеціальный научный сборникъ, подъ заглавіемъ «Les Archives de Sciences» (Архивъ Наукъ), который сдѣлался открытой трибуной для ученыхъ всего свѣта, хотя первое мѣсто на ней принадлежало женевскимъ ученымъ свѣтиламъ: Дю-Кандолю, Де-Ла-Риву, Мариньяку и т. д. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, произошло формальное отдѣленіе двухъ составныхъ частей журнала, но вовсе не разрывъ, такъ какъ ихъ до сихъ поръ соединяетъ одна общая идея — служеніе прогрессу во всѣхъ его видахъ, хотя съ тѣхъ поръ «Revue Universelle» издается въ Лозаннѣ, а «Les Archives de Sciences» въ Женевѣ. Впрочемъ, основной органъ нисколько отъ этого не потерялъ, такъ какъ онъ присоединилъ къ себѣ въ 1860 году журналъ «La Revue Suisse» (Швейцарское Обозрѣніе), который славился въ то время, когда въ немъ помѣщалъ парижскія хроники Сенъ-Бевъ

Редакторомъ этого, все-таки двойного, журнала состоитъ тридцать лѣтъ почтенный публицистъ Талишэ, который, повидимому, представляетъ образецъ добросовѣстнаго редактора и котораго упрекаютъ только въ чрезмѣрной честности его журнала, какъ будто навѣвающаго отъ этого скуку на читателей. Но, какъ справедливо выразился въ своей рѣчи, по случаю юбилея, сотрудникъ Талишэ—восьмидесятилѣтній ученый Эрнестъ Навиль: «если есть люди, которые считаютъ нашъ органъ слишкомъ честнымъ, то намъ слѣдуетъ и въ будущемъ какъ можно болѣе заслуживать этого упрека, такъ какъ завиднѣе его—нѣтъ похвалы». Въ виду того, что предметъ празднуемаго юбилея издается теперь въ двухъ мѣстахъ,—и торжества происходили какъ въ Женевѣ, такъ и въ Лозаннѣ, ознаменовавшись, какъ всегда, банкетами, публичными собраніями и безконечными рѣчами, изъ которыхъ особенно выдѣлялась рѣчь женевскаго ученаго Филиппа Гая, который указалъ на международное значеніе «Bibliothèque Universelle», въ доказательство чего привелъ, между прочимъ, любопытный фактъ, что знаменитый основатель «Revue des deux Mondes», Бюлозъ, былъ въ юности простымъ наборщикомъ въ типографіи этого журнала, и, вѣроятно, среди своей скромной работы, возъимѣлъ первую мысль объ изданіи своего собственнаго журнала.

«Идите по-просту, рука въ руку съ народомъ. Дайте ему книги и праздники, пока вы не дадите ему законовъ, дайте ему ту форму образованія, которая составляла всю славу античнаго воспитанія—театръ, чисто народный. На этомъ театрѣ показывайте ему его собственныя легенды, его историческіе подвиги, то, что онъ самъ дѣлалъ. Питайте народъ народомъ... Какъ бы я желалъ прежде смерти увидать установленіе народнаго братства хоть въ дѣлѣ театра. Давайте простыя сценическія представленія деревнямъ, гдѣ свѣжесть сердца, юность воображенія и сила впечатлительности зрителей дозволятъ обойтись безъ блестящихъ декорацій и пышныхъ костюмовъ, которые составляютъ необходимость для настоящихъ, бѣдныхъ мыслью, драматурговъ. Что такое театръ? Отреченіе отъ современнаго эгоизма и корыстныхъ интересовъ, ради стремленій къ идеаламъ. Ахъ, какъ мы нуждаемся въ такомъ театрѣ!»—Эти слова Мишлэ, произнесенныя имъ незадолго до смерти, взялся въ настоящее время осуществить во Франціи поэтъ и страстный изслѣдователь народной поэзіи, Морисъ Потешэ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью создать чисто народный театръ, о которомъ мечталъ знаменитый историкъ, и мѣстностью для него избралъ свою родину, деревню Бюссанъ, на границѣ Лотарингіи, извѣстной своими минеральными водами и живописными окрестностями. Первый опытъ онъ сдѣлалъ въ прошедшемъ году и поставилъ тамъ на открытомъ воздухѣ и съ природой вмѣсто декорацій, свою собственную пьесу, подъ названіемъ: «Дьяволъ—торговецъ водкой». Успѣхъ былъ значительный: болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, принадлежащихъ ко всѣмъ слоямъ

общества, но преимущественно къ поселянамъ и рабочимъ, откликнулись на его зовъ и своимъ глубокимъ сочувствіемъ къ предпринятому имъ дѣлу убѣдили его въ возможности подобнаго предпріятія. Поэтому онъ пошелъ далѣе и въ настоящемъ году построилъ большую деревянную сцену, имѣющую 15 метровъ ширины и 10 длины; при этомъ задняя стѣна подвижная, такъ что можно чередовать искусственныя декораціи съ естественной природой. Что касается до зрителей, то они помѣщаются на скамейкахъ подъ открытымъ небомъ. Этотъ новый театръ былъ открытъ на-дняхъ даровымъ представленіемъ прошлогодней пьесы, а затѣмъ состоялось первое представленіе уже за деньги, для покрытія расходовъ по постройкѣ театра, новой драмы, того же Потешэ, подъ заглавіемъ «Morteville» (Мертвый городъ), которая въ будущемъ году будетъ повторена даромъ, такъ какъ основатель народнаго театра въ Бюссанѣ объявилъ, что онъ ежегодно будетъ давать два представленія: одно даровое прошлогодней пьесы, а другое за деньги—новой. Конечно, предпріятіе Потешэ заслуживаетъ полнаго сочувствія, только нельзя не пожалѣть, что онъ увлекся мистицизмомъ, безъ котораго, съ легкой руки Толстого и Гауптмана, не обходится ни одна современная народная пьеса. Въ обоихъ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ примѣшиваетъ къ живой, реальной формѣ туманныя, мистическія стремленія, а «Мертвый городъ» еще отличается средневѣковымъ легендарнымъ характеромъ. Подражая «Первому винокуру» Толстого, Потешэ сдѣлалъ изъ своего «Дьявола—торговца водкой» проповѣдь противъ пьянства, но къ чему ему понадобилось примѣшать тутъ чорта, въ видѣ цѣловальника нѣмца,—трудно понять, такъ какъ врядъ-ли онъ руководствовался патріотическою ненавистью къ нѣмцамъ. Сюжетъ его драмы немногосложенъ: у Доминика Гардуена, богатаго и всѣми уважаемаго поселянина, ненавидящаго болѣе всего на свѣтѣ пьянство, сынъ Кириллъ поддался соблазнамъ, которыми окружилъ его хитрый цѣловальникъ—чортъ, и началъ пьянствовать, что повело къ дракѣ съ отцомъ, къ родительскому проклятію и бѣгству изъ родного селенія. Но у Кирилла прекрасная жена Маріанна, и она возвращаетъ его къ трудовой жизни, а когда, спустя нѣсколько лѣтъ, онъ наживаетъ порядочный капиталъ, то, собравъ всѣ свои деньги, отправляется къ отцу и проситъ забыть прошедшее. Но суровый отецъ отвѣчаетъ, что, разбогатѣвъ и имѣя такую прекрасную жену, Кириллъ можетъ жить и не думая объ отцѣ, а потому не къ чему и прощеніе, которое имѣло бы смыслъ только, еслибы онъ былъ несчастнымъ и одинокимъ на свѣтѣ. Кириллъ приходитъ въ отчаяніе, а Маріанна уговариваетъ его раздать всѣ деньги бѣднымъ, въ надеждѣ этимъ тронуть сердце старика, но онъ и тутъ остается непреклоннымъ, не смотря на то, что смерть его близка, и говоритъ Маріаннѣ: «Я не прощу твоего мужа потому, что онъ недостаточно страдалъ; пока ты съ нимъ, я не могу признать его несчастнымъ». Тогда Маріанна рѣ-

шается пожертвовать собою, тѣмъ болѣе, что ея мужъ снова поддается соблазнамъ адскаго цѣловальника, и бросается въ воду. Ея смерть дѣйствительно примиряетъ старика съ сыномъ, а когда чортъ приближается къ ея трупу, считая его своимъ, таинственная сила его отбрасываетъ, и онъ проваливается въ преисподнюю. Самопожертвованіе Маріанны побѣдило дьявола!

Въ сущности, эта нелѣпая развязка портитъ трогательную и живо написанную драму, не имѣющую во всѣхъ своихъ подробностяхъ ничего мистическаго, такъ какъ нѣмецъ-цѣловальникъ могъ бы вполнѣ успѣшно сыграть свою роль соблазнителя и безъ адской подкладки. Вообще, если создавать народный театръ, то пора считать народъ не ребенкомъ, интересующимся только волшебными сказками, а въ настоящемъ случаѣ, если авторъ и задался написать идейную драму противъ пьянства, то онъ могъ всегда подыскать для этого разумную фабулу, безъ всякой искусственной, мистической морали, а съ здравымъ, реальнымъ и нравственнымъ направленіемъ. По несчастью, успѣхъ «Дьявола—продавца водки» и глубокій интересъ, съ которымъ смотрѣли на оба его представленія многочисленные зрители, убѣдили автора, что онъ избралъ именно тотъ родъ драматическихъ произведеній, который нуженъ для народнаго театра. Вторая его пьеса «Мертвый городъ» столь же странная и легендарная, если не прямо мистичная. Какъ драматическое произведеніе, эта драма написана гораздо лучше, и въ основѣ ея положены здравыя идеи о необходимости образованія для дикарей, о братствѣ всѣхъ людей и о великомъ значеніи человѣческой любви, человѣческаго самоотверженія, но ее много портитъ туманное идеальничанье и сантиментальная мораль. Во всякомъ случаѣ, въ ней нѣтъ чорта и ничего сверхъестественнаго, какъ въ первой пьесѣ, развиваемыя идеи очень гуманны, очень человѣчны, а потому, если она и не служитъ образцомъ народныхъ драмъ, то все-таки это значительный шагъ впередъ въ драматической дѣятельности автора, который, быть можетъ, современемъ сдѣлается и настоящимъ народнымъ драматургомъ. Сюжетъ «Мертваго города» довольно сложный и дѣйствіе его происходитъ въ глубокую старину въ Вогезскихъ горахъ, гдѣ, среди варварскаго туземнаго племени, поселяется колонія цивилизованныхъ сѣверныхъ жителей, повидимому, скандинавовъ, если судить по имени ихъ предводителя, Гагона. Эта колонія, эксплуатируя металлическія руды, быстро достигаетъ благоденствія и могущества, чему не мало способствуютъ междоусобія сосѣдей, которые слишкомъ слабы, чтобы сопротивляться чужестранному игу. Но сынъ Гагона, Лоранъ, чувствуетъ сожалѣніе къ несчастнымъ варварамъ, которыхъ эксплуатируютъ цивилизованные люди, благодаря ихъ невѣжеству, и начинаетъ всячески просвѣщать ихъ, убѣждая жить въ мирѣ другъ съ другомъ и самимъ развивать производительныя силы страны. Старику Гагону вовсе не на-руку такая гуманная дѣятельность сына, и онъ хитрыми

происками возбуждаетъ противъ Лорана туземцевъ, которые возстаютъ вообще противъ чужестранцевъ, убиваютъ Лорана и уничтожаютъ плотину, которая сдерживала могучій горный потокъ. Вода разливается по всей странѣ, заливаетъ городъ, и почти все населеніе его погибаетъ. Тогда Гагонъ видитъ въ этомъ несчастьѣ руку правосудія и отрекается отъ своей власти, а варвары-туземцы, вспоминая человѣчное ученіе его сына, братаются съ немногими, оставшимися въ живыхъ, врагами и клянутся создать всѣ вмѣстѣ новую расу людей, которые будутъ руководствоваться принципами справедливости, мира и любви.

Надняхъ Скандинавія понесла двѣ тяжелыя потери, въ лицѣ выдающагося шведскаго государственнаго человѣка и норвежскаго ученаго филолога, создавшаго народный шведскій языкъ. Оба они пользовались на своей родинѣ громадной популярностью, и перваго называли творцомъ шведской конституціи, а послѣдняго—отцомъ норвежскаго языка. Людвидъ-Гергардъ Де-Гееръ, принадлежавшій къ аристократической шведской семьѣ, родился въ 1818 году, воспитывался въ Упсальскомъ университетѣ и прошелъ всѣ ступени судебнаго вѣдомства. отъ мѣста провинціальнаго судьи до поста министра юстиціи. Въ этомъ званіи онъ выработалъ реформу шведской парламентской системы, которая была основана на представительствѣ четырехъ сословій: по его плану, она замѣнена двумя палатами на французскій образецъ. Составленная имъ конституція была обнародована въ 1865 году и съ тѣхъ поръ дѣйствуетъ на его родинѣ, которой онъ служилъ въ качествѣ министра и народнаго представителя до самой своей смерти, на 78-мъ году. Кромѣ политики, Де-Гееръ занимался и литературой, писалъ романы и журнальныя статьи, а также очень любопытные мемуары, напечатанные въ 1892 году. Совершенно инымъ человѣкомъ былъ Иваръ Аазенъ, сынъ норвежскаго поселянина въ Зондморѣ. Мальчикомъ онъ работалъ на фермѣ отца и только восемнадцати лѣтъ обратилъ на себя вниманіе сосѣдняго пастора, который взялъ его къ себѣ и сталъ учить всему, между прочимъ, латыни; онъ же потомъ нашелъ ему мѣсто учителя у одного изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и, занимая это скромное мѣсто, молодой Аазенъ возымѣлъ мысль собрать матерьялы для образованія тогда совершенно невѣдомаго туземнаго нарѣчія своей родины. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ работалъ въ своемъ уединенномъ жилищѣ надъ этой громадной задачей и только въ 1842 году съумѣлъ возбудить вниманіе мѣстныхъ властей къ предпринятому имъ дѣлу; тогда ему была назначена небольшая субсидія, и онъ началъ колесить по всей странѣ, собирая изъ устъ народа слова оффиціально не существовавшаго языка. Спустя годъ, онъ издалъ небольшой сборникъ пѣсенъ, а затѣмъ постепенно вышли его грамматика народнаго норвежскаго языка и словарь. Наконецъ, онъ напечаталъ книгу подъ заглавіемъ «Примѣры народнаго языка», въ которой старался возстановить нормальный норвежскій языкъ, осно-

ванный на сліяніи всѣхъ туземныхъ нарѣчій страны; онъ предлагалъ замѣнить имъ датскій языкъ, господствовавшій въ городахъ Норвегіи, такъ что на немъ исключительно писали и говорили. Чтобы доказать превосходство этого новаго языка, названнаго имъ «ландемаль», Аазенъ написалъ на немъ драму «Эрвингенъ», которая съ успѣхомъ давалась на королевскомъ театрѣ въ Христіаніи. Радикальная партія въ Норвегіи радостно воспользовалась чисто научными трудами филолога-поселянина и внесла въ свою программу распространеніе созданнаго имъ языка, на которомъ стали быстро писать журналисты и даже поэты, какъ, напримѣръ, Христофоръ Янсенъ. Помимо его воли, скромный сынъ народа сдѣлался національнымъ героемъ, но онъ не поддался соблазну и не принималъ никакого участія въ политической дѣятельности, а умеръ восьмидесяти четырехъ лѣтъ такимъ же простякомъ ученымъ, какимъ былъ всю жизнь, занимаясь исключительно развитіемъ составленнаго имъ языка и выпуская до самой своей смерти одно изданіе за другимъ своего знаменитаго словаря.

Еще болѣе тяжелую національную потерю составляетъ для Англіи недавняя смерть одного изъ ея лучшихъ современныхъ поэтовъ и наиболѣе замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей—Вильяма Мориса. Это была во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенная личность, и рѣдко можно встрѣтить въ современномъ человѣкѣ такое сочетаніе, повидимому, противоположныхъ спеціальностей: въ одно и то же время онъ былъ поэтомъ и фабрикантомъ, эстетикомъ и соціалистомъ, романистомъ и типографомъ, художникомъ и переплетчикомъ. И во всѣхъ этихъ разнородныхъ отрасляхъ дѣятельности онъ занималъ одинаково высокое мѣсто. Какъ поэтъ, онъ написалъ нѣсколько поэмъ, возбуждавшихъ такой общій восторгъ всѣхъ читающихъ по-англійски, что когда умеръ Тенисонъ, то громадное большинство высказывалось за назначеніе его поэтомъ-лауреатомъ, и либеральное министерство исполнило бы это общее желаніе, еслибы онъ самъ не отказался отъ лестнаго поста, въ виду того, что человѣку его убѣжденій не подобаетъ быть придворнымъ чиновникомъ. Какъ романистъ, онъ былъ популярнымъ авторомъ нѣсколькихъ выдающихся беллетристическихъ произведеній, въ основѣ которыхъ положены прогрессивныя, а въ послѣдніе годы соціалистическія идеи. Какъ эстетикъ, онъ былъ послѣдователь знаменитаго Рёскина и проводилъ свой культъ красоты не только теоретическими разсужденіями въ прозѣ и стихахъ, но практическимъ его примѣненіемъ въ декоративномъ искусствѣ, преимущественно въ своей фабрикѣ декоративныхъ предметовъ для внутренняго украшенія домовъ, въ печатаніи книгъ и приготовленіи переплетовъ. Какъ фабрикантъ, типографъ и переплетчикъ, онъ не только воплощалъ свои художественныя идеи, но и устраивалъ своимъ рабочимъ образцовую счастливую жизнь. Какъ соціалистъ, онъ принималъ горячее участіе въ народномъ движеніи своихъ единомышленниковъ, издавалъ ихъ органъ «Commonweal», произ-

носилъ пламенныя рѣчи на публичныхъ митингахъ, былъ поэтомъ и романистомъ соціальныхъ идей и создалъ своего рода художественный соціализмъ, основанный на томъ принципѣ, что массы должны быть сдѣланы счастливыми улучшеніемъ своего матерьяльнаго положенія и любовью къ красотѣ. По его словамъ, для человѣческаго общества не было другого выхода, какъ — или составить самоуправляющуюся общину, или, ничего не дѣлая, остаться въ прежнемъ положеніи. Къ чему приводитъ послѣдняя система, доказываетъ современный антагонизмъ классовъ, вслѣдствіе, съ одной стороны, пользованія чужимъ трудомъ, а съ другой — безпомощности, нищеты. Еслибы же, напротивъ, совершена была національзація всѣхъ производительныхъ силъ страны, то всякій былъ бы обязанъ той или другой работой уплачивать общинѣ за средства къ жизни, каждый имѣлъ бы право требовать работы, обусловленной приличнымъ существованіемъ, и уничтожился бы, съ одной стороны, безполезный для работающаго трудъ, а съ другой—цѣлый классъ праздныхъ пользователей чужимъ трудомъ. Свою теорію Морисъ самымъ блестящимъ и картиннымъ образомъ развилъ въ романѣ «Вѣсти изъ некуда» (News from Nowhere), въ которомъ онъ изобразилъ положеніе утопической страны въ XX столѣтіи. Послѣ ужасной, кровавой борьбы и коренного соціальнаго переворота, наступитъ золотой вѣкъ. Чистая, свѣтлая Темза, полная громадныхъ лососковъ, мирно течетъ подъ сводами великолѣпныхъ мостовъ и между красивыми берегами, усѣянными хорошенькими, небольшими домиками. Воздухъ не оскверненъ фабричнымъ дымомъ. Деньги находятся только въ музеяхъ, гдѣ показываются, какъ рѣдкость. Всѣ мужчины, даже уличные метельщики, поражаютъ своей силой, красотой, опрятностью и жизнерадостностью. Женщины въ сорокъ лѣтъ кажутся не старше двадцати. Путешествуя изъ города въ городъ, всякій находитъ убѣжище въ большихъ общинныхъ пріютахъ, которые благоухаютъ цвѣтами. Господствующимъ чувствомъ въ человѣческой общинѣ является любовь къ труду, потому что трудъ есть одно удовольствіе; онъ потерялъ весь свой тяжелый и непріятный характеръ, такъ какъ производится въ красивой, здоровой обстановкѣ и служитъ къ созданію красивыхъ художественныхъ предметовъ. Что трудъ можетъ быть удовольствіемъ и человѣческое существованіе жизнерадостнымъ—Морисъ доказывалъ и на практикѣ своей собственной жизнью и жизнью рабочихъ на его фабрикѣ, въ типографіи и переплетной. Онъ самъ, въ продолженіи шестидесяти двухъ лѣтъ, неустанно работалъ во всѣхъ разнообразныхъ отрасляхъ своей дѣятельности и находилъ удовольствіе и счастіе въ этой работѣ, потому что она имѣла цѣлью художественную красоту, а искусство, по его словамъ, стремится къ достиженію счастья всѣми людьми, доставляя имъ счастливую работу и счастливый отдыхъ. «Для меня не работать,—говорилъ онъ,—значитъ умереть, и хотя я смерти не боюсь, но незачѣмъ ее накликать, такъ какъ я всегда наслаждался жизнью

и буду наслаждаться ею до конца». А это наслажденіе онъ видѣлъ въ соединеніи труда съ красотой. Онъ былъ соціалистомъ потому, что былъ художникомъ въ душѣ и посредствомъ художества стремился осуществить свой идеалъ соціализма. Какъ самъ онъ находилъ удовольствіе въ трудѣ, такъ онъ обставлялъ и своихъ рабочихъ, чтобъ они одинаково работали съ наслажденіемъ. На его знаменитой фабрикѣ, гдѣ приготовлялись художественныя, эстетическія обои, цвѣтныя стекла, мебельныя матерія и различные предметы домашней обстановки, рабочіе жили и работали, какъ въ раю, по ихъ собственному выраженію. Еще болѣе достигала его художественно-соціальной цѣли устроенная имъ книгопечатня въ живописномъ уголкѣ Англіи, въ Гамерсмитѣ. Тамъ все производилось его рукой и самымъ художественнымъ образомъ. Онъ самъ дѣлалъ себѣ бумагу и краски, самъ отливалъ буквы и самъ печаталъ на ручномъ станкѣ, потомъ самъ переплеталъ свои книги, и въ результатѣ получались самыя изящныя, когда-либо появлявшіяся на свѣтѣ изданія. Изъ всего сказаннаго достаточно ясно выдѣляется высоко симпатичный образъ этого художника-народолюбца, а потому остается только прибавить, что его жизнь съ внѣшней стороны не представляетъ интересныхъ перипетій. Родившись въ 1834 году, онъ принадлежалъ къ богатой торговой семьѣ, воспитывался въ Оксфордскомъ университетѣ, всю свою жизнь посвятилъ правдѣ, художественной и общественной, работалъ до послѣдней своей минуты безъ устали и умеръ, оплакиваемый какъ семьей, друзьями и рабочими, такъ и всей Англіей, видѣвшей въ немъ одного изъ самыхъ славныхъ своихъ сыновъ.

Къ скромнымъ европейскимъ торжествамъ надо отнести и безконечные конгрессы, которые происходили въ сентябрѣ и октябрѣ въ различныхъ странахъ, преимущественно въ Буда-Пештѣ, Берлинѣ и Женевѣ, служили, благодаря своимъ выставкамъ, притягательными центрами. По предметамъ ихъ занятій, эти конгрессы можно раздѣлить на научные, соціальные, религіозные и литературные. Къ первымъ, наиболѣе многочисленнымъ, относились съѣзды метеорологическій въ Парижѣ, географическій во французскомъ провинціальномъ городѣ Лоріанѣ, археологическій въ Лондонѣ, санитарный въ Нью-Кастлѣ, британской ассоціаціи для распространенія наукъ въ Эдинбургѣ и антропологическій въ Женевѣ. Послѣдніе три конгресса, занимаясь вмѣстѣ строго научными и соціальными вопросами, представляли наибольшій интересъ для неспеціалистовъ. Представители санитарной теоріи и практики въ Англіи, между прочимъ, выдвинули на очередь вопросъ о необходимости объединить и урегулировать санитарныя узаконенія, а также мѣропріятія, для чего, по мнѣнію конгресса, всего раціональнѣе создать особое министерство народнаго здравія, которое имѣло бы возможность руководить всѣмъ, что дѣлается въ странѣ въ этой важной области общественныхъ заботъ. Въ настоя-

щемъ году самый выдающійся изъ англійскихъ конгрессовъ и обнимающій всѣ научные и соціальные предметы, именно—съѣздъ членовъ британской ассоціаціи для распространенія наукъ, собирался въ столицѣ Шотландіи, а въ будущемъ году сборнымъ пунктомъ назначенъ Торонто, въ Канадѣ. Настоящая сессія была очень многолюдная и блестящая, а «гвоздями» ея были: вступительная рѣчь знаменитаго хирурга сэра Джоржа Листера о соотношеніи науки и медицины, публичная лекція профессора Флиндерса Петри о человѣкѣ въ дописьменную эпоху, когда, по словамъ ученаго египтолога, идеи, а равно и искусство развивались безъ письменнаго языка, являющагося лишь необходимостью для сложной цивилизаціи, когда умъ не имѣетъ возможности совмѣстить громаднаго количества мелочей, и, наконецъ, любопытныя свѣдѣнія объ экспедиціи «Фрама», представленныя лицами, видѣвшими Нансена, который самъ не могъ явиться въ Эдинбургъ, такъ какъ занятъ подготовленіемъ своей книги о сѣверномъ полюсѣ, долженствующей выйти въ свѣтъ въ началѣ будущаго года. Четвертый конгрессъ уголовной антропологіи ознаменовался присутствіемъ столбовъ этой новой науки: Ломброзо и Ферри. Какъ извѣстно, первый изъ этихъ съѣздовъ произошелъ въ Римѣ, гдѣ итальянская школа была вознесена до небесъ; на второмъ, въ Парижѣ, она подверглась большимъ нападкамъ докторовъ, не находившихъ нигдѣ расы врожденныхъ приступниковъ, на третьемъ, въ Брюсселѣ, она совершенно отсутствовала, а теперь, въ Женевѣ, снова выдвинула свои главныя силы. Вся суть настоящаго конгресса состояла въ объясненіяхъ Ломброзо и Ферри. На вопросъ нѣмецкаго психіатра, доктора Некке, рьянаго противника итальянской школы, продолжаетъ-ли она утверждать, что существуетъ анатомическій типъ, внѣ котораго нѣтъ преступника, глава школы не далъ прямого отвѣта, а только распространился о заслугахъ, сдѣланныхъ наукѣ и человѣчеству уголовной антропологіей; но за то его ученикъ, блестящій адвокатъ и краснорѣчивый ораторъ, представилъ такую ловкую защиту своей школы и ея главы, что большинство конгресса съ ней примирилось, хотя меньшинство презрительно увѣряло, что она лишь маскировала отреченіе отъ своихъ принциповъ, а одинъ французъ, прибѣгая къ остроумію, этому любимѣйшему орудію борьбы его соотечественниковъ, громко заявилъ: «Нѣтъ антропологіи уголовной, также какъ нѣтъ антропологіи нравственной». Какъ бы то ни было, изъ рѣчи Энрико Ферри и слѣдовавшихъ за нею преній значеніе и роль системы Ломброзо окончательно выяснились. По словамъ ея защитника, она, говоря о врожденномъ преступникѣ, не подразумѣвала въ немъ полнаго, исключительнаго анатомическаго типа преступника, такъ какъ преступникъ—сложная личность, въ одно и то же время біологическая, психологическая и соціальная; преступность—результатъ трехъ факторовъ антропологическаго, физическаго и общественнаго. Человѣкъ,

рожденный съ клеймомъ преступности, можетъ провести всю свою жизнь, не совершивъ ни одного преступленія, если онъ нашелъ въ своей средѣ достаточную силу отпора, и, напротивъ, человѣкъ можетъ найти въ своихъ наслѣдственныхъ антицедентахъ силу для сопротивленія преступному вліянію среды. Такимъ образомъ, крайности этого ученія на счетъ рокового предназначенія человѣка быть преступникомъ, благодаря своему анатомическому строенію, оставлены ея главами, и, обсуждая отношенія преступности къ вырожденію, бельгійскій докторъ Альманъ пришелъ къ заключенію, что то и другое подлежитъ эволюціи, но мы можемъ дѣйствовать на нихъ, а потому докторамъ и юристамъ надлежитъ изучать въ своей сферѣ причины и слѣдствія этой эволюціи съ цѣлью соціальнаго искупленія. «Хорошо,—отвѣчалъ на это швейцарскій профессоръ Форель,—но надо быть очень осторожнымъ въ опредѣленіи признаковъ вырожденія, такъ какъ мы можемъ признать доказательствомъ предполагаемаго вырожденія то, что есть результатъ совершающагося подбора; напримѣръ, все болѣе и болѣе распространяющаяся плѣшивость можетъ быть симптомомъ будущаго исчезновенія органа, становящагося намъ все болѣе и болѣе ненужнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣны его какимъ-нибудь новымъ развитіемъ мозга».

Во главѣ соціальныхъ конгрессовъ нельзя не поставить двухъ конпрессовъ мира въ Буда-Пештѣ, а затѣмъ уже идутъ рабочіе съѣзды въ Эдинбургѣ, Турѣ и Парижѣ; наконецъ, два женскіе конгресса въ Женевѣ и Берлинѣ. Друзья мира собрали два своихъ парламента почти въ одно время и въ одномъ мѣстѣ: первый изъ нихъ былъ собственно седьмымъ по счету конгрессомъ мира, а второй—международной парламентской конференціей. Предсѣдателемъ конгресса избранъ извѣстный генералъ Тюръ, главными его ораторами были французскій академикъ Пасси и баронесса Зутнеръ, а наиболѣе замѣчательныя его работы заключались въ резолюціи противъ дуэли—причемъ замѣчательно, что принявшее ее большинство состояло изъ молодыхъ людей, а меньшинство, сочувствовавшее единоличной кровавой расправѣ,—изъ стариковъ,—и въ разсмотрѣніи кодекса международнаго права, который основанъ на томъ принципѣ, что одинаковые законы и нравственныя основы должны быть примѣняемы къ индивидуумамъ и къ націямъ. Какъ отдѣльныя личности, такъ и націи не имѣютъ права разрѣшать свои споры и вести между собой войны, а должны собираться въ международный третейскій судъ. Каждая нація имѣетъ только право на самозащиту и самоуправленіе; созданіе новой націи только доводится до свѣдѣнія другихъ, и не требуется ихъ признанія, а присоединеніе одной націи къ другой должно быть обусловлено обоюднымъ согласіемъ; колоніи, состоящія изъ эмигрантовъ, имѣютъ право отдѣлиться отъ метрополіи, а колоніи въ необразованныхъ странахъ находятся подъ надзоромъ всѣхъ цивилизованныхъ націй. Наконецъ, примѣняясь къ правиламъ

гражданскаго права, и международное—должно установить опеку надъ государствами, которыя расточаютъ жизнь и производительныя силы народовъ. Вотъ главныя основы кодекса, который въ окончательной редакціи будетъ представленъ на санкцію будущаго конгресса. Международная парламентская конференція была многолюднѣе и на ней присутствовало до 400 членовъ, тогда какъ на конгрессѣ присутствовало лишь 200. Хотя, въ основѣ, эта конференція поставила себѣ цѣлью дѣятельность въ пользу мира и международныхъ судовъ среди парламентовъ всего свѣта, а потому естественно, что въ ней могутъ засѣдать только члены нижнихъ и верхнихъ палатъ, но въ Буда-Пештѣ было предложено консервативнымъ венгерскимъ депутатомъ, графомъ Альбертомъ Апони, слѣдующее измѣненіе устава: «Кромѣ членовъ всѣхъ парламентовъ, въ международную парламентскую конференцію мира допускаются делегаты государей и президентовъ республикъ и правительствъ, а также члены русскаго государственнаго совѣта и подобныхъ учрежденій въ другихъ государствахъ, подъ условіемъ разрѣшенія ихъ правительствъ». Противъ этого рѣзко возсталъ германскій депутатъ Конрадъ изъ Мюнхена, доказывая, что международная парламентская конференція должна сохранить свой парламентскій характеръ и допускать въ свою среду только настоящихъ представителей народовъ, а не делегатовъ правительствъ такихъ государствъ, которыя стоятъ на низкой ступени культуры. Итальянскій же сенаторъ Пандольфи прямо заявилъ, что онъ не хочетъ сидѣть рядомъ съ делегатомъ Турціи, такъ какъ, въ сущности, дѣло шло о допущеніи только Россіи и Турціи. По всей вѣроятности, тотъ фактъ, что вопросъ о Россіи былъ въ этомъ случаѣ тѣсно связанъ съ Турціей, повліялъ на конференцію, которой было доложено, что князь Лобановъ сочувственно отвѣчалъ на посланный ему меморандумъ съ изложеніемъ цѣлей конференціи и что делегатъ русскаго правительства присутствовалъ на засѣданіи конференціи, хотя безъ права голоса. Какъ бы то ни было, конференція согласилась съ предложеніемъ графа Апони и тѣмъ самымъ приняла въ число своихъ членовъ, поставившихъ себѣ цѣлью всеобщій миръ и уничтоженіе войны, представителей того самаго турецкаго правительства, которое, какъ она, такъ и конгрессъ мира гнѣвно клеймили въ своихъ резолюціяхъ за армянскія звѣрства, призывая Европу положить конецъ, конечно, мирными средствами такому порядку вещей, который кладетъ на всѣ державы пятно сообщничества въ огульныхъ убійствахъ, не имѣющихъ ничего равнаго въ исторіи.

Послѣ лильскаго рабочаго конгресса, созваннаго французской рабочей партіей, какъ называетъ себя группа, состоящая подъ главенствомъ Жюля Гэда и стремящаяся къ соціальной реформѣ путемъ политической дѣятельности, обязателенъ былъ съѣздъ противоположной группы, руководимой Алеманомъ и считающей, что соціальной реформы можно достигнуть только экономической дѣятельностью, главнымъ образомъ,

всеобщей забастовкой. Этотъ конгрессъ, состоявшій изъ представителей 147 ассоціацій, засѣдалъ въ Парижѣ очень тихо, очень мирно, и прямо выразилъ, что его члены нисколько не отворачиваются отъ политической дѣятельности, но видятъ въ своей программѣ болѣе могучее орудіе дѣйствія. Затѣмъ, еще разъ подтвердивъ необходимость именно указываемымъ путемъ бороться за интересы рабочаго класса, а также торжественно заявивъ протестъ противъ постоянныхъ армій, конгрессъ приступилъ къ обсужденію соціальной организаціи послѣ «побѣды, дѣлающей обязательною радикальную замѣну существующихъ порядковъ». Нельзя не признать, что проекты этой организаціи очень смутны, не имѣютъ ничего опредѣленнаго и витаютъ въ области утопій. Гораздо практичнѣе оказался корпоративный конгрессъ въ Турѣ, на которомъ принимали участіе только исключительно рабочіе, делегаты рабочихъ синдикатовъ. Это уже было не собраніе той или другой группы соціалистовъ, а съѣздъ представителей если не всѣхъ, то большинства французскихъ синдикатовъ и почти всѣхъ биржъ труда, которыя мало-по-малу пріобрѣтаютъ громадное вліяніе среди французскихъ рабочихъ и уже теперь считаютъ 190.000 членовъ изъ общаго числа 900.000 рабочихъ, приписанныхъ къ синдикатамъ. Хотя большинство 71 делегата, засѣдавшихъ въ Турѣ, принадлежитъ по своимъ тенденціямъ къ группѣ алеманистовъ, но на конгрессѣ они дѣйствовали вмѣстѣ съ остальными своими товарищами вполнѣ независимо, вполнѣ самостоятельно, отложивъ въ сторону всякія теоретическія и утопическія разглагольствованія, а имѣя въ виду лишь корпоративные интересы рабочихъ синдикатовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ рабочаго класса. Во-первыхъ, они выработали уставъ всеобщей федераціи труда, подъ чѣмъ разумѣется союзъ всѣхъ рабочихъ синдикатовъ, внѣ всякихъ политическихъ партій, или школъ; во-вторыхъ, постановили издавать особую корпоративную рабочую газету, которая, интересуя всѣхъ читателей обычной всѣмъ газетамъ программой, проводила бы съ тѣмъ вмѣстѣ идеи рабочей федераціи; въ-третьихъ, вполнѣ компетентно и здраво разсмотрѣли цѣлый рядъ чисто практическихъ вопросовъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, о minimum'ѣ рабочей платы, о сокращеніи числа рабочихъ учениковъ, о третейскихъ судахъ для разбирательства распрей между хозяевами и рабочими, и т. д.; въ-четвертыхъ, порѣшили отложить вопросъ о примѣненіи всеобщей стачки, признавъ въ принципѣ ея цѣлесообразность. Вообще, этотъ конгрессъ по внутреннему порядку и по серьезно-практическому характеру его постановленій вполнѣ имѣлъ характеръ рабочаго парламента и близко подходилъ къ его прототипу, англійскому конгрессу рабочихъ союзовъ. Этотъ послѣдній конгрессъ собирался въ настоящемъ году въ Эдинбургѣ. На немъ присутствовало 347 делегатовъ, представлявшихъ 1.200.000 рабочихъ, членовъ рабочихъ союзовъ, т.-е. около шестой части всего рабочаго населенія Великобританіи и Ирландіи. Какъ

всегда, работали на засѣданіяхъ основательно, разсуждали трезво и постановляли практическія резолюціи на счетъ рабочихъ нуждъ и по общимъ вопросамъ о національзаціи земли, рудъ, копей, желѣзныхъ дорогъ, воды, освѣщенія, конокъ и т. д. Всего характеристичнѣе были пренія о недавнемъ международномъ рабочемъ конгрессѣ въ Лондонѣ, и большинство ораторовъ порицало происшедшіе на немъ безпорядки, а также его политиканскія тенденціи; въ концѣ же концовъ, было рѣшено, что впредь делегаты англійскихъ рабочихъ союзовъ будутъ только участвовать въ международныхъ конгрессахъ, состоящихъ изъ представителей настоящихъ рабочихъ организацій.

О женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ уже было говорено въ нашей хроникѣ, а о женевскомъ, носившемъ названіе конгресса женскихъ интересовъ, достаточно сказать, что работы его были очень интересны и вертѣлись вокругъ трехъ вопросовъ: 1) о положеніи женщины въ семьѣ, 2) въ школѣ и 3) въ обществѣ, причемъ было рѣшено, что для правильнаго разрѣшенія женскаго вопроса прежде всего необходимо преобразовать систему воспитанія на основѣ общаго элементарнаго обученія обоихъ половъ, а потомъ открыть женщинѣ доступъ ко всякаго рода занятіямъ. Религіозные конгрессы были, какъ всегда, многочисленны; на французскомъ, въ Ландерно, много говорилось о христіанскомъ соціализмѣ, на англійскомъ—въ Шрюсбери возставали противъ современныхъ романовъ, на нѣмецкихъ—въ Зальцбургѣ и Берлинѣ, ораторствовали антисемиты и враги свѣтскихъ школъ, требуя, чтобы учителя народа были орудіемъ патеровъ и пасторовъ, но всего интереснѣе былъ съѣздъ противниковъ масонства въ Трентѣ. Этотъ оригинальный, чтобъ не сказать болѣе, конгрессъ былъ устроенъ авторитетными въ Ватиканѣ лицами, и большинство его членовъ, т.-е. 600 изъ 800, принадлежало къ католическому духовенству. Какъ оффиціальныя духовныя лица могутъ серьезно разсуждать въ концѣ XIX вѣка о томъ, что масонство основано на поклоненіи діаволу и что черти принимаютъ участіе въ масонскихъ собраніяхъ—тайна католическихъ клерикаловъ, но, во всякомъ случаѣ, это любопытное и характерное явленіе нашихъ дней. Послѣдній конгрессъ, о которомъ еще слѣдуетъ упомянуть, именно литературный, собирался въ Бернѣ, и, какъ всегда, созванная международная литературная и художественная ассоціація исключительно занималась матерьяльными интересами литераторовъ. На этотъ разъ ея члены, преимущественно второстепенные и третьестепенные французскіе писатели, дошли до геркулесовыхъ столбовъ и постановили въ числѣ сорока человѣкъ курьезную резолюцію о томъ, что статьи журналистовъ, даже газетныя извѣстія, должны составлять предметъ литературной собственности, наравнѣ съ книгами. Дальше этого въ узкомъ, меркантильномъ направленіи идти нельзя.

II.

Между журналами и газетами.

Человѣческіе леопарды.—Въ іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года, въ англійской колоніи Сіерра-Леонэ, на западномъ берегу Африки, происходило необыкновенное судебное разбирательство, по обвиненію туземнаго тайнаго общества, подъ названіемъ «человѣческихъ леопардовъ», въ людоѣдствѣ. Изъ шести обвиняемыхъ, принадлежавшихъ къ туземному племени негровъ *импери*, одинъ умеръ въ тюрьмѣ, а пятеро признаны виновными и повѣшены. Живущій въ Сіерра-Леонэ французъ, Де-Белабръ, описываетъ въ «Journal des Débats» отъ 18-го сентября [1]) какъ этотъ любопытный процессъ, такъ и происхожденіе, а равно внутренній составъ общины антропофаговъ, существующей въ концѣ XIX вѣка близь самаго образованнаго города въ Западной Африкѣ. Человѣческіе леопарды, названные такъ потому, что они надѣваютъ шкуры этого звѣря для совершенія своихъ безчеловѣчныхъ жертвоприношеній, начали существовать лѣтъ двадцать тому назадъ среди негровъ *импери*, на островѣ Шербро. Согласно мѣстной легендѣ, происхожденіе этого тайнаго общества объясняется слѣдующимъ образомъ: селеніе Тайяма обратилось къ знаменитому кудеснику, жившему въ окрестностяхъ, съ просьбой указать ей путь къ защитѣ отъ враждебныхъ сосѣдей, и онъ придумалъ для этой цѣли образованіе тайнаго общества, членамъ котораго выдавался амулетъ, или фетишъ, подъ названіемъ бофима, который давалъ возможность имѣвшему его осуществить всѣ желанія. Онъ состоитъ изъ корня маніока, въ величину яйца страуса, выдолбленнаго и наполненнаго растительной смѣсью, составъ которой сохраняется въ тайнѣ; снаружи корень завернутъ въ ткань и завязанъ ремнями изъ леопардовой шкуры. Обладатели этого фетиша должны, для поддержанія его силы, смазывать его человѣческимъ жиромъ. Туземные негры быстро наполнили ряды тайнаго общества, одни изъ корыстныхъ видовъ, чтобы лучше грабить сосѣдей, другіе—съ цѣлью удачи въ своихъ дѣлахъ, третьи — чтобы обезпечить себя отъ враговъ. Общество состоитъ изъ трехъ классовъ: вождей, или царьковъ, палачей и обыкновенныхъ членовъ. Всякій, желающій поступить въ общество, отправляется къ одному изъ вождей и, съ помощью подарковъ, добивается чести быть принятымъ въ число леопардовъ и получить доставляющую столько благъ бофиму. Тогда его приглашаютъ въ общее собраніе, которое обыкновенно созывается въ лѣсу, и, представивъ болѣе или менѣе цѣнный даръ, онъ клянется въ вѣрности фетишу, который ему отдаютъ въ продолговатомъ ящикѣ, покрытомъ красной тканью. Но это еще не все: онъ обязанъ по первому требованію представить

[1]) «Une société secrète d'Anthropophages: Les leopardes humains», par De Belabre. «Journal des Débats», 18 Septembre 1896.

въ уплату за свой пріемъ человѣческую жертву, мужского или женскаго пола, изъ своихъ родственниковъ, друзей или слугъ. Эта жертва доставляется въ извѣстное мѣсто, и тамъ на нее набрасывается членъ общества, исполняющій должность палача и который для этой церемоніи покрытъ весь съ головы до ногъ леопардовой шкурой, скрывающей даже его лицо; въ каждой рукѣ онъ держитъ по ножу съ тремя острыми лезвіями, извѣстными подъ названіемъ леопардовыхъ когтей, и этимъ орудіемъ онъ наноситъ мгновенный ударъ съ каждой стороны шеи несчастной жертвы, разомъ перерѣзая сонныя артеріи. Затѣмъ мертвое тѣло переносится къ собравшимся недалеко вождямъ, и тѣ разрѣзаютъ его на мелкія части: жиромъ намазываютъ себѣ лицо и руки, а также принесенные заранѣе фетиши; бедра поступаютъ исключительно царькамъ, а остальныя—раздаются всѣмъ членамъ общества, которые съѣдаютъ ихъ, но неизвѣстно—въ жареномъ или въ вареномъ видѣ. Со времени учрежденія человѣческихъ леопардовъ они съѣли болѣе ста людей, и ихъ тайное общество такъ развилось за послѣднее время, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предводители племени *импери* стали преслѣдовать этихъ людоѣдовъ и, по поимкѣ ихъ, сжигать на кострахъ. Но эти мѣры противъ страшнаго общества были не менѣе безчеловѣчны, и достаточно было предводителямъ племени возненавидѣть кого-нибудь, чтобы объявить его леопардомъ и заживо сжечь. Наконецъ, правительство колоніи въ Сіерра-Леонэ сочло нужнымъ вступиться и одинаково запретило, какъ существованіе леопардовъ, такъ и ихъ жестокое преслѣдованіе. Въ результатѣ получились два судебныхъ процесса—одинъ въ прошедшемъ году, а другой въ нынѣшнемъ: они обнаружили всѣ подробности внутренняго состава тайнаго общества, которое было позоромъ для цивилизованной колоніи въ теченіе двадцати лѣтъ и только теперь перестало существовать, благодаря энергіи, выказанной, наконецъ, англійскимъ правительствомъ. Однако, послѣдній изъ повѣшенныхъ леопардовъ воскликнулъ передъ смертью: «а все-таки леопарды живутъ!» и тѣмъ ясно доказалъ, что одними карательными мѣрами нельзя уничтожить народные предразсудки, какъ среди образованныхъ, такъ и дикихъ общинъ.

Семь лѣтъ бразильской республики.—Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ французской революціи произошла революція въ Бразиліи, но мирная и безкровная, а созданная ею республика вступитъ надняхъ, именно 15 ноября, въ восьмой годъ своего существованія. Въ Европѣ имѣютъ очень смутное понятіе о томъ, что происходило въ этотъ періодъ времени въ бразильской республикѣ и въ какомъ положеніи она теперь находится: одно время полагали даже, что ея гибель неизбѣжна и что всѣмъ бѣдствіямъ, которыя она накликала на несчастную страну, положитъ конецъ возстановленіе монархіи. Поэтому очень кстати, въ августовскихъ книжкахъ «Revue Nouvelle», помѣщенъ очеркъ Оливейры Лимы о семи годахъ

бразильской республики [1]), которыя, по его словамъ, привели къ полному обезпеченію республиканскаго образа правленія, уничтоженію всякой мысли о возстановленіи монархіи и мирному процвѣтанію страны, хотя ей пришлось пройти чрезъ очень бурныя, даже кровавыя испытанія, прежде чѣмъ достичь теперешняго своего блестящаго положенія первой страны въ Южной Америкѣ по величинѣ, развитію производительныхъ силъ и культурному прогрессу. Бразильская революція поразила всю Европу своей неожиданностью и неблагодарностью народа къ либеральному императору, только-что тогда освободившему негровъ, но на повѣрку выходитъ, что донъ-Педро II былъ только либераленъ на словахъ и популяренъ внѣ предѣловъ своей страны, а его царствованіе, полное ошибокъ, колебаній, деспотическихъ нарушеній конституціи и открытаго попранія парламентской свободы, подготовило всеобщее неудовольствіе; самое же благотворное его дѣйствіе, отмѣна рабства, только пополнило ряды недовольныхъ — землевладѣльцами, не получившими никакого удовлетворенія, и ихъ обычными поддержками, духовенствомъ и арміей, которыя, кромѣ того, имѣли свои причины возстать противъ нерѣшительнаго правительства, такъ же какъ и всѣ провинціи, угнетаемыя тяжелымъ гнетомъ метрополіи. Все это, вмѣстѣ съ сильно распространеннымъ среди учащейся молодежи и даже среди юныхъ офицеровъ позитивистскимъ и революціоннымъ духомъ, благодаря господствующему вліянію знаменитаго Бенжамена Констана Ботельхо-де-Магельхелса, настоящей души революціоннаго движенія, объясняетъ легкость государственнаго переворота 15 ноября 1889 г. Конечно, по примѣру всѣхъ южно-американскихъ переворотовъ, онъ принялъ характеръ военнаго пронунціамента, и во главѣ временного правительства сталъ маршалъ Теодоро-да-Фронсека, ветеранъ войны съ Парагваемъ, но изъ министровъ было только два военныхъ, и то одинъ изъ нихъ Бенжаменъ-Констанъ. Это правительство существовало до 25 февраля 1891 г., когда, послѣ составленія учредительнымъ собраніемъ республиканской конституціи, былъ выбранъ въ президенты снова военный, тотъ же маршалъ Фронсека, хотя значительное меньшинство, именно 97 голосовъ противъ 125, высказалось за штатскаго, либеральнаго патріота и предсѣдателя учредительнаго совѣта, Пруденте-де-Мараеса, теперешняго президента. Дѣятельность временного правительства, главнымъ образомъ, упрекаютъ въ заигрываніи съ монархической партіей и въ развитіи милитаризма, но то и другое оно дѣлало съ цѣлью поддержать республику, хотя это было громадной ошибкой и повело къ безконечнымъ интригамъ съ одной стороны и междоусобіямъ—съ другой. Впрочемъ, рядомъ съ этой слабой его стороной надо указать и на его услуги: оно стойко поддерживало федеральныя стремленія страны, уничто-

[1]) «Sept ans de République au Bresil (1889—1896)», par Oliveira Lima. «La Nouvelle Revue». 1 août—15 août.

жило вредную административную централизацію, ввело всеобщую подачу голосовъ, отдѣлило церковь отъ государства, учредило гражданскіе браки и секуляризовало кладбища, преобразовало суды, создавъ окружные и апелляціонные трибуналы въ каждомъ штатѣ или провинціи и федеральный верховный судъ, по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, произвело благотворную реформу, основанную на позитивистскихъ принципахъ въ народномъ образованіи, честно содѣйствовало учредительскому собранію въ выработкѣ новой республиканской конституціи на самыхъ широкихъ федеративныхъ и либеральныхъ основахъ и, наконецъ, всячески поощряло введеніе такой экономической системы, которая дозволяла свободное развитіе производительныхъ силъ каждой провинціи, получившей устройство самостоятельнаго, самоуправляющагося штата. Конечно, не все было розово и въ первую мирную эпоху бразильской республики, такъ какъ къ монархическимъ интригамъ и своевольнымъ проявленіямъ милитаризма присоединялись еще грустные результаты биржевой и акціонерной горячки, которая овладѣла страной, благодаря неудачной финансовой политикѣ временного правительства, поощрявшаго безконечныя банковыя операціи и легко раздававшаго концессіи на желѣзныя дороги, участки земли, копи, пароходныя сообщенія, сахарные заводы и т. д. Какъ бы то ни было, временное правительство умѣло мирно существовать и поддерживать порядокъ, а послѣ него пошли насильственные перевороты. Дорогу показалъ президентъ Фронсека; онъ, вмѣстѣ съ своимъ министерствомъ, душой котораго былъ баронъ Люсена, вступилъ въ открытую борьбу съ парламентомъ и, наконецъ, черезъ восемь мѣсяцевъ, распустилъ обѣ палаты и взялъ въ свои руки диктатуру. Но это продолжалось только 20 дней; вслѣдствіе военной демонстраціи маршала Оливейры и адмирала Де-Мелло, Фронсека подалъ въ отставку и передалъ власть вице-президенту, маршалу Пейхото. Эта революція 23 ноября праздновалась во всей странѣ, какъ возвращеніе къ законности; но вскорѣ Пейхото вступилъ на путь постоянной борьбы съ судебной властью и самостоятельностью штатовъ, что породило цѣлый рядъ пронунціаменто и открытыхъ возстаній, которыя продолжались три года. Въ нихъ принимали главное участіе армія и флотъ; возстаніе послѣдняго подъ начальствомъ адмирала Мелло, принявшаго сторону провинціи Ріо-Гранде, которая болѣе года воевала съ центральнымъ правительствомъ, подвергло большой опасности республику; но, быть можетъ, съ одной стороны, эти военные мятежи, а съ другой—военная диктатура Пейхото, хотя и одержавшаго, наконецъ, верхъ надъ своими противниками, но дозволявшаго себѣ самыя невозможныя деспотическія крайности, указали воочію бразильцамъ всю пагубу милитаризма и подготовили эру гражданскаго управленія страной. Эта эра началась 15 ноября 1894 года, когда избранъ былъ въ президенты Пруденте-де-Мараесъ; хотя онъ стоитъ у кормила правленія еще

только два года, но его правительство успѣло уже водворить миръ въ провинціи Ріо-Гранде, даровать амнистію всѣмъ противникамъ центральной власти, обуздать милитаризмъ до того, что армія и флотъ теперь не представляютъ угрозы, или элемента раздора, а служатъ лишь охраной страны, сократить административные расходы, возстановить дружескія отношенія съ иностранными государствами и придать такое развитіе производительнымъ силамъ Бразиліи, что промышленная выставка въ Ріо-Жайнеро въ прошедшемъ году удивила весь міръ. Конечно, эти результаты достигнуты не одной дѣятельностью настоящаго президента, и ему помогаютъ способные министры, въ томъ числѣ извѣстный юристъ, Карлосъ де-Карзвальо, руководящій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а также палаты и децентрализованные штаты, но все-таки, его знанія, тактъ и громадная популярность составляютъ значительный элементъ въ успѣхахъ, достигнутыхъ Бразиліей въ семь лѣтъ ея республиканскаго правленія, и 15 ноября 1898 г., передавая власть своему преемнику, Мараесъ будетъ въ состояніи сказать, по свидѣтельству Оливейры Лимы, что онъ исполнилъ свой долгъ и что правительственное бремя его преемника будетъ гораздо легче того, которое онъ принялъ у своего предшественника.

Студентки въ Швейцаріи и женскія техническія школы на Западѣ.— Высшее женское образованіе, какъ извѣстно, болѣе всего процвѣтаетъ въ Швейцаріи, и по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ хроникѣ женскаго дѣла, въ іюльскомъ нумерѣ, издающагося съ нынѣшняго года въ Парижѣ, подъ редакціей г-жи О. Безобразовой, «Журнала русскихъ женщинъ» [1]), въ настоящее время всего студентокъ въ швейцарскихъ университетахъ 294; изъ нихъ 141 въ Цюрихѣ, 125 въ Женевѣ, 25 въ Лозаннѣ и 3 въ Базелѣ. Большинство этихъ студентокъ иностранки, а швейцарокъ только 19; при этомъ всего болѣе русскихъ, именно 182, нѣмокъ—53, австро-венгерокъ—8; румынокъ—6, сербокъ и болгарокъ по 3, англичанокъ и голландокъ по 2 и француженокъ—1. Самый популярный факультетъ у женщинъ—медицинскій, гдѣ ихъ 183; потомъ идетъ естественный съ 108 студентками, а на юридическомъ ихъ всего 3. Кромѣ настоящихъ студентокъ, въ Швейцаріи есть еще слушательницы, въ числѣ 111, преимущественно по естественнымъ наукамъ и въ университетахъ Женевскомъ (52) и Лозанскомъ (36). Такимъ образомъ, всего слушаютъ университетскія лекціи въ Швейцаріи во второмъ семестрѣ нынѣшняго года — 405 женщинъ. Въ этомъ движеніи къ высшему женскому образованію первое мѣсто занимаетъ Цюрихъ, и о жизни тамошнихъ студентокъ мы находимъ интересныя данныя въ статьѣ одной изъ нихъ—Кэтъ Ширмахеръ, доктора философіи, въ «Revue

---

[1]) «Chroniques et nouvelles feministes: Les femmes dans les universités de la Suisse». «La Revue des femmes Russes. Organe du feminisme international», № 5—6. 30 Juillet 1896.

Bleue» отъ 5-го сентября [1]). Хотя въ цюрихскомъ обществѣ и въ средѣ профессоровъ, даже между студентскими корпораціями, существуютъ предубѣжденія противъ женщинъ, посѣщающихъ аудиторіи, но оффиціально ихъ равенство вполнѣ признано. Студентки передъ наукой вполнѣ равны студентамъ, и многіе изъ послѣднихъ, отдавая имъ полную справедливость, обходятся съ ними, какъ добрые товарищи. «Они видятъ,—по словамъ Кэтъ Ширмахеръ,—что студентки также подготовлены къ университетскому курсу, какъ и они сами, а часто и лучше, что въ аудиторіяхъ и на «семинарскихъ» занятіяхъ онѣ стоятъ съ ними на одной ногѣ, а нѣкоторыя ихъ превосходятъ; они каждый день убѣждаются въ ихъ умственномъ развитіи, нравственномъ уровнѣ и упорномъ трудолюбіи, а потому естественно принимаютъ ихъ въ полные товарищи. Этому много способствуетъ и тотъ фактъ, что уже исчезъ въ Цюрихѣ типъ студентокъ съ обстриженными волосами, въ странныхъ костюмахъ и съ папиросками въ зубахъ, который былъ далеко не симпатиченъ. Мало-по-малу устанавливается между тѣми и другими равноправная солидарность: они вмѣстѣ работаютъ, вмѣстѣ читаютъ, вмѣстѣ гуляютъ и въ этихъ дружескихъ отношеніяхъ нѣтъ никакой двусмысленной подкладки. Конечно, бываютъ примѣры, что молодые люди влюбляются другъ въ друга, но это исключеніе, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ ихъ соединяетъ все, что угодно—взаимное уваженіе, взаимное сочувствіе, взаимный интересъ, взаимный культъ науки, взаимное служеніе человѣчеству, но только не физическая любовь. Время, проведенное мною въ Цюрихѣ,—прибавляетъ авторъ,—оставило во мнѣ множество воспоминаній о пріятныхъ вечерахъ, проведенныхъ въ обществѣ товарокъ и товарищей; сколько мы болтали, сколько смѣялись, сколько играли на фортепіано, сколько спорили и, при всемъ этомъ, объ ухаживаніи, о любви не было и помина. Кромѣ того, сколько прелестныхъ пикниковъ мы устраивали на зеленой муравѣ, въ прохладѣ лѣсовъ, и никогда нашу дружескую веселость не нарушало нелѣпое селадонство. Можно-ли сомнѣваться, что такое здравое, честное товарищество гораздо лучше теперешняго, чреватаго столькими опасностями, отчужденія половъ; можетъ-ли кто сомнѣваться, что Цюрихскій университетъ, развивая общія научныя занятія мужчинъ и женщинъ, подготовляетъ основы новаго, лучшаго міра, гдѣ представители обоихъ половъ будутъ равны по праву, по умственному развитію, по нравственному уровню, по возвышеннымъ чувствамъ».

Но не всѣ женщины могутъ дозволить себѣ роскошь высшаго образованія и значительное большинство ихъ должно добывать себѣ хлѣбъ, а часто содержать и семью; поэтому въ послѣдніе годы въ Западной Европѣ обращено дѣятельное вниманіе на женскія техническія школы.

---

[1]) *Le femirne à l'Université de Zurich.* Par Kaethe Schirmacher. — «La Revue Bleue». 5 Septembre. 1896.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, такія училища были совершенно неизвѣстны, а теперь ихъ сотни въ каждой странѣ центральной Европы, и муниципалитеты почти каждаго крупнаго города заботятся о техническомъ обученіи дѣвочекъ средняго и рабочаго классовъ. Нынѣшней весной одна образованная англичанка, интересующаяся этимъ вопросомъ, Маріонъ Мульгаль, посѣтила главнѣйшія женскія техническія школы въ Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Вюртембергѣ, Баваріи и Австро-Венгріи, и результатомъ ея поѣздки служитъ очень любопытная графическая, хотя и слишкомъ краткая статья въ іюльской книжкѣ «Contemporary Review» [1]). Въ шести названныхъ странахъ существуютъ въ одномъ и томъ же помѣщеніи двѣ женскихъ школы: одна—для развитія ума, другая—для обученія ручному труду; въ каждой изъ нихъ дѣвочки учатся по три часа въ день и, окончивъ курсъ, онѣ получаютъ не только общее воспитаніе, но и возможность прямо заработать хорошія деньги безъ подготовительнаго и столь опаснаго обученія въ мастерскихъ. Эти двойныя школы найдены столь полезными, что въ большинствѣ городовъ центральной Европы двѣ трети расходовъ на ихъ содержаніе берутъ на себя муниципалитеты, и треть—государство, а взимаемая съ ученицъ плата только номинальна. Авторъ статьи посѣтилъ такія школы, раздѣляющіяся на два рода: школы ручного труда и школы домоводства, въ Амстердамѣ, Брюсселѣ, Штутгардтѣ, Мюнхенѣ, Бернѣ и Вѣнѣ и, по его свидѣтельству, онѣ такъ походятъ другъ на друга, что еслибы не разность языковъ, то можно было бы подумать, что всѣ онѣ находятся въ одной странѣ и подъ руководствомъ одного лица. Самая старая изъ рукодѣльныхъ школъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ лучшихъ во всей Европѣ—амстердамская. Она основана на частныя средства въ 1865 г., но теперь содержится на плату, взимаемую съ ученицъ (1/3) и на субсидіи отъ правительства и муниципалитета (поровну остальныя 2/3). Всего обучается въ ней 200 дѣвочекъ, преимущественно буржуазнаго класса; при поступленіи онѣ должны выдержать экзаменъ въ чтеніи, письмѣ, ариѳметикѣ и рисованіи; трехлѣтній техническій курсъ обнимаетъ: рисованіе, шитье, вышиваніе, рѣзьбу на деревѣ, плетеніе кружевъ, приготовленіе искусственныхъ цвѣтовъ, писаніе на машинахъ, телеграфированіе и пр. и пр. Въ Брюсселѣ заслуживаетъ вниманія школа домоводства; въ ней совершенно своеобразное устройство, и она ограничиваетъ свой классъ десятью дѣвочками свыше двѣнадцати лѣтъ и окончившими курсъ первоначальнаго училища. Эти дѣвочки учатся стряпать, шить, штопать, чинить бѣлье и вообще вести домашнее хозяйство въ продолженіе недѣли, затѣмъ ихъ отпускаютъ домой; черезъ три мѣсяца онѣ снова проводятъ недѣлю въ школѣ, такъ что въ теченіе года онѣ учатся

[1]) «Girls technical schoals on the Continent», by Marion Mulhall. «Contemporary Review». July, 1896.

мѣсяцъ, а въ три года,—срокъ полнаго курса—три мѣсяца. Въ результатѣ онѣ дѣлаются хорошими хозяйками и могутъ вести какое угодно хозяйство. Муниципалитетъ содержитъ эту школу на свой счетъ, расходуя 12.000 фр. въ годъ, и въ ней бываетъ до ста дѣвочекъ въ продолженіе двѣнадцати мѣсяцевъ. Брюссель также гордится своими техническими школами, первая изъ которыхъ основана въ 1865 г. на частныя средства, но съ 1870 г. она находится въ завѣдываніи города. Курсъ въ ней продолжается три года и обнимаетъ: ариѳметику, исторію, географію, естественныя науки, гигіену, домоводство, всѣ виды рисованія, ваяніе, приготовленіе искусственныхъ цвѣтовъ, плетеніе кружевъ, шитье, вышиваніе, писаніе на машинахъ, телеграфированіе и т. д. Всего въ школѣ четырнадцать учительницъ и два учителя рисованія и живописи, а ученицъ 150 платящихъ и 170 городскихъ стипендіатокъ. Ежегодно выходитъ изъ нея 100 дѣвушекъ, которымъ извѣстны всѣ тайны прикладного искусства. Въ Вюртембергѣ и Баваріи также сдѣланы большіе успѣхи въ техническомъ обученіи дѣвочекъ и первая изъ этихъ школъ, подъ названіемъ Рейтлингенская, основана въ 1868 г. Курсъ тутъ продолжается два года, учениць 300 и всѣ платящія. Такое же образцовое училище существуетъ въ Мюнхенѣ на 500 дѣвочекъ. Если мы перейдемъ въ Швейцарію, то увидимъ тамъ нѣсколько совершенно подобныхъ учрежденій и лучшее изъ нихъ «Geverbe Schule» въ Цюрихѣ. Кромѣ того во многихъ кантонахъ заведены для дѣвочекъ вечерніе классы рисованія, шитья и пѣнія. Австрія до послѣдняго времени обращала очень мало вниманія на женское образованіе. Въ Клагенфуртѣ, въ Каринтіи открыта въ 1868 г. первая рукодѣльная школа всей имперіи, а теперь ихъ существуетъ 398 съ 18.000 ученицъ. Большинство ихъ устроено по образцу брюссельской «Ecole professionelle». Въ Вѣнѣ находятся двѣ прекрасныя школы для обученія кухарокъ и служанокъ, но главную ея славу составляетъ школа вышиванія, содержимая правительствомъ и гдѣ въ два, три, и, самое большое, пять лѣтъ молодыя дѣвушки могутъ даромъ научиться въ совершенствѣ плетенію кружевъ или художественному вышиванію. Эта школа находится подъ руководствомъ г-жи Сенъ-Жоржъ, лучшаго знатока своего дѣла во всемъ свѣтѣ и при ея личномъ участіи ученицы дѣлаютъ чудеса.

В. Т.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I.

Къ вопросу о переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ.

(Переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ въ Вологодской губ.)

Опредѣленіемъ вологодской губернской оцѣночной коммиссіи отъ 10-го декабря 1894 года было предложено уѣзднымъ земскимъ управамъ отвѣтить на 26 вопросовъ, касающихся какъ выясненія положенія оцѣночнаго дѣла въ уѣздахъ, такъ и опредѣленія тѣхъ средствъ, путемъ которыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей, можно было бы наиболѣе цѣлесообразно выработать данныя для реформы земскаго обложенія, согласно закону 8-го іюня 1893 года.

На основаніи данныхъ, полученныхъ въ теченіе прошлаго года въ отвѣтъ на эти вопросы, вологодская губ. земск. управа составила «общія положенія», заслушанныя въ засѣданіи губернской оцѣночной коммиссіи 22 сентября 1895 года. Для предстоящихъ земскихъ собраній вопросъ этотъ имѣетъ самый живой и насущный интересъ.

Изъ этихъ «положеній» раскрывается, между прочимъ, весьма интересная картина существующей системы обложенія земскимъ сборомъ недвижимыхъ имуществъ Вологодской губ. Прежде всего бросается въ глаза крайняя пестрота въ дѣленіи земель по угодьямъ. Начиная отъ рубрикъ Сольвычегодскаго, Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ, гдѣ въ основаніе различія земель положено слишкомъ общее дѣленіе на усадьбу, пашню, сѣнокосъ и лѣсъ, мы найдемъ въ другихъ уѣздахъ большее или меньшее дробленіе почти всѣхъ основныхъ рубрикъ на подрубрики. Такъ, пахотныя земли въ Вельскомъ уѣздѣ различно облагаются, смотря по тому—«полевыя» онѣ или «запольныя». Размѣръ обложенія сѣнокосныхъ земель въ нѣкоторыхъ уѣздахъ зависитъ отъ топографическихъ условій этихъ земель. Лѣсъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ также дѣлится на строевой, дровяной и кустарникъ; есть, наконецъ, случаи выдѣленія въ отдѣльную, основную рубрику неудобныхъ земель, т.-е. болотъ и песковъ, и совмѣщенія въ одной окладной группѣ такихъ разнородныхъ по эксплоатаціи угодій, какъ усадебныя и пахотныя (Кадниковскій уѣздъ). Подобной пестроты въ разграниченіи по окладнымъ группамъ земельныхъ имуществъ нельзя объяснять различіемъ отличительныхъ свойствъ и видовъ земельной собственности въ разныхъ уѣздахъ. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, напр., песку и болотъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ въ какомъ-нибудь Кадниковскомъ, а между тѣмъ въ то время, какъ въ послѣд-

немъ такого рода земли подлежатъ спеціальной нормѣ обложенія, въ первомъ онѣ совершенно не облагаются.

Или, напр., лѣсъ, принимаемый въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ отношеніи обложенія за однородную массу, на самомъ дѣлѣ представляетъ всѣ тѣ разновидности (кустарникъ, строевой и дровяной), какія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ признаются разнородными по цѣнности и доходности и облагаются различно. Причины отсутствія однообразнаго и объединяющаго начала въ принципахъ земскаго обложенія въ уѣздахъ Вологодской губ. надо искать въ имѣющемся въ земскихъ управахъ оцѣночномъ матерьялѣ, хаотическое состояніе котораго особенно ярко выступаетъ въ отвѣтахъ управъ по вопросамъ о практикуемыхъ въ настоящее время способахъ опредѣленія состава, цѣнности и доходности имуществъ, подлежащихъ обложенію. «Въ большинствѣ уѣздныхъ управъ губерніи,—говорится въ «общихъ положеніяхъ»,—собираніе матерьяловъ, необходимыхъ для обложенія имуществъ земскимъ сборомъ, относится къ 70-мъ годамъ, т.-е. къ открытію въ губерніи земскихъ учрежденій». Съ того времени матерьялы эти въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ, напр., въ Сольвычегодскомъ, ни разу не провѣрялись и не провѣряются. Въ другихъ же уѣздахъ провѣрка первоначальныхъ свѣдѣній хотя и производилась, но источники полученія новыхъ данныхъ не могутъ быть отнесены къ числу такихъ, которые гарантировали бы достаточное соотвѣтствіе ихъ съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, обычными источниками полученія оцѣночнаго матерьяла являются, по сообщеніямъ уѣздныхъ управъ, слѣдующія учрежденія и лица: мѣстныя управленія государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ округовъ—относительно казенныхъ и удѣльныхъ земель; волостныя правленія—относительно земель крестьянскихъ, надѣльныхъ; частные владѣльцы—относительно частнаго землевладѣнія и нѣкоторыя другія. Между тѣмъ, по словамъ одной изъ управъ, «къ свѣдѣніямъ волостныхъ правленій необходимо относиться очень осмотрительно, въ виду того, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, масса другого дѣла не даетъ должностнымъ лицамъ возможности въ точности выполнять требованія управы по сообщенію какихъ-либо данныхъ». По заявленію другой управы, «свѣдѣнія по крестьянскому землевладѣнію въ настоящее время не могутъ быть признаны достовѣрными вполнѣ, ибо угодья земель въ нихъ показываются въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ все въ одномъ и томъ же количествѣ, между тѣмъ эти измѣненія за большое количество лѣтъ должны быть значительны». Свѣдѣнія казеннаго и удѣльнаго вѣдомствъ также страдаютъ неполнотой, потому что въ нихъ «не замѣчается состава отдѣльныхъ имуществъ по дачамъ, угодьямъ, способамъ пользованія тѣми или другими угодьями и о доходности по каждому году пользованія и угодью отдѣльно, между тѣмъ какъ доходность каждаго изъ нихъ находится въ зависимости отъ рода эксплоатаціи». Равнымъ образомъ отрицательно относятся управы и къ сообщеніямъ частныхъ землевладѣльцевъ. Почти всѣ управы рисуютъ картину безпомощности и гадательности въ дѣлѣ раскладки земскаго сбора по объектамъ обложенія. Вологодская уѣздная земская управа сообщаетъ, что «полнаго описанія всѣхъ дачъ уѣзда въ ея распоряженіи нѣтъ и что со времени составленія первыхъ свѣдѣній многія лѣсныя и пустошныя земли заселены, распаханы и расчищены для сѣнокоса, и наоборотъ—

многія усадьбы запущены». Грязовецкая управа пишетъ, что «большая часть имѣющихся у ней оцѣночныхъ матерьяловъ добыта еще до открытія земскихъ учрежденій, и притомъ съ ошибками, какъ въ отношеніи качества, такъ и количества угодій и безъ свѣдѣній о доходности имуществъ». По словамъ устюгской управы, въ ея матерьялахъ «размѣры нѣкоторыхъ землевладѣній показаны владѣльцами безъ раздѣленія на угодья, по многимъ владѣніямъ размѣры и составъ ихъ произведены безъ документальнаго подтвержденія, раздѣленіе на угодья большинства имѣній произведено по планамъ генеральнаго межеванія, почему является устарѣлымъ и не соотвѣтствующимъ дѣйствительности; наконецъ, при мелкихъ частныхъ владѣніяхъ возможно ожидать и совершеннаго пропуска ихъ въ регистраціи». Въ Никольскомъ уѣздѣ «обложенныя земскими сборами земли уѣзда не приведены въ точную извѣстность и всѣ подраздѣлены лишь на два разряда». По матерьяламъ сольвычегодской управы, «доходность усадебной, пахотной и сѣнокосной земель признается одинаковой... А всѣ лѣса уѣзда облагаются теперь земскимъ сборомъ по доходности примежеванныхъ крестьянскихъ лѣсныхъ дачъ, но дачи эти составляютъ только $^1/_{20}$ часть общей лѣсной площади уѣзда, да, сверхъ того, онѣ болѣе, чѣмъ другіе лѣса, вырублены, слѣдственно и обезцѣнены, а потому и не могутъ выражать дѣйствительной стоимости всѣхъ лѣсовъ». Но наиболѣе яркія данныя о неудовлетворительности существующаго оцѣночнаго матерьяла сообщаетъ яренская управа.

«Многихъ владѣльцевъ,—пишетъ управа,—значащихся по земской раскладкѣ, уже давно нѣтъ въ живыхъ, земли ихъ раздѣлены на нѣсколько частей и перешли уже нерѣдко въ 2—4 руки, а потому при взысканіи земскихъ сборовъ полиція часто ставится въ затрудненіе—съ кого взыскивать таковые; у нѣкоторыхъ частныхъ владѣльцевъ количество удобной земли убыло, вслѣдствіе сноса теченіемъ рѣкъ, засыпано пескомъ и проч., и наоборотъ, у нѣкоторыхъ—мѣста, находившіяся ранѣе подъ водами, песками и кустарникомъ и проч., нынѣ представляютъ хорошій сѣнокосъ, а между тѣмъ по раскладкѣ состоятъ въ числѣ неудобныхъ земель. Зданія и сооруженія, приносившія доходъ, нынѣ превратились въ бездоходныя, а бывшія ранѣе бездоходными нынѣ приносятъ таковой. Количество удобныхъ земель, состоящихъ въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, до сихъ поръ показывается по генеральному межеванію, между тѣмъ въ слишкомъ столѣтній періодъ несомнѣнно произошли весьма значительныя измѣненія: неудобныя мѣста разработаны подъ хлѣбопашество и сѣнокосъ, а бывшія удобными засыпало пескомъ и проч.».

При подобныхъ условіяхъ неудивительно, если оцѣнка имуществъ, принимаемая въ большинствѣ уѣздовъ Вологодской губ. основаніемъ для опредѣленія доходности, представляется въ настоящее время дѣломъ случайностей, дѣломъ, лишеннымъ «всякаго фактическаго или учетнаго обоснованія», благодаря чему «такъ называемая нормальная доходность для нѣкоторыхъ угодій исчислена предположительно», или, по выраженію устюгской управы, «въ большинствѣ случаевъ опредѣляется на основаніи знаній и личнаго опыта состава управы и гласныхъ земскаго собранія». Поэтому, реформа земскаго обложенія, предпринимаемая всѣми земствами на основаніи закона 8-го іюня 1893 года, имѣетъ особенно важное значеніе для вологодскаго края. Только тщательный пересмотръ имѣющихся налицо оцѣночныхъ матерьяловъ и выработка однообразныхъ прин-

циповъ обложенія, обоснованныхъ точными статистическими данными, могутъ дать имуществамъ Вологодской губ. тотъ «юридическій обликъ», котораго они, по справедливому мнѣнію губернской земской управы, не имѣютъ въ настоящее время, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантировать населенію этой губерніи справедливость въ несеніи каждымъ владѣльцемъ земскихъ тягостей, соразмѣрныхъ его владѣнію недвижимымъ имуществомъ. Въ виду того, что «готовыхъ статистическихъ матерьяловъ для оцѣночныхъ цѣлей нѣтъ» и что «собираніе такихъ матерьяловъ приходится начинать впервые», вопросъ объ успѣшной выработкѣ новыхъ нормъ обложенія будетъ всецѣло зависѣть отъ правильной постановки предстоящихъ оцѣночныхъ работъ. Къ сожалѣнію, все, что до сихъ поръ было предпринято по оцѣночному вопросу въ Вологодской губ., не даетъ основаній надѣяться на успѣшное выполненіе этихъ работъ. Согласно постановленію губернскаго земскаго собранія отъ 9-го февраля 1895 года, признана желательной въ Вологодской губ. такъ называемая «поуѣздная организація» для производства оцѣночно-статистическихъ работъ. Сущность подобной организаціи заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что выборъ способовъ и средствъ для выполненія оцѣночныхъ работъ предоставляется иниціативѣ уѣздныхъ земскихъ управъ и волѣ уѣздныхъ же земскихъ собраній. Неудобство такой организаціи заключается прежде всего въ томъ, что статистики, приглашаемые для завѣдыванія оцѣночными столами при управахъ, предоставляются при такихъ условіяхъ каждый самому себѣ, своимъ собственнымъ знаніямъ и опыту. Между тѣмъ, какъ бы ни былъ опытенъ и свѣдущъ статистикъ, въ его практикѣ по переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, какъ въ періодѣ подготовительныхъ работъ, такъ и въ періодѣ сводки матерьяловъ, можетъ встрѣтиться не мало вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ онъ будетъ нуждаться въ предварительномъ обсужденіи ихъ спеціалистами.

Насколько серьезны бываютъ иногда подобные вопросы, можно видѣть изъ того, что въ Полтавской губ., напр., гдѣ дѣло переоцѣнки имуществъ было первоначально также предоставлено уѣзднымъ управамъ, статистики, приглашенные нѣкоторыми изъ послѣднихъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сбѣжали, убоявшись непосильной тяжести лежавшаго на нихъ труда. Правда, вологодское губ. земское собраніе, какъ бы предугадывая неудобство «поуѣздной организаціи», согласно предложенію редакціонной коммиссіи, «признало необходимымъ для успѣшности предстоящихъ оцѣночныхъ работъ имѣть при губернской управѣ спеціалиста,—лицо, обладающее знаніемъ и опытностью въ собираніи и разработкѣ оцѣночныхъ данныхъ, дабы указаніями такого лица пользовались и уѣздныя управы, при постановкѣ, организаціи и веденіи дѣла оцѣнки на мѣстахъ, черезъ что и будетъ достигнуто общее необходимое однообразіе въ производствѣ этихъ важныхъ работъ». Но одинъ спеціалистъ, хотя бы онъ былъ и высшаго ранга, не можетъ замѣнить коллегіальнаго статистическаго учрежденія, функціонирующаго уже во многихъ земствахъ, въ видѣ статистическихъ бюро при губернскихъ управахъ. Только такое бюро, добывающее въ лицѣ своихъ членовъ экспедиціоннымъ путемъ поуѣздныя данныя и коллегіально разрабатывающее ихъ, можетъ гарантировать то однообразіе въ оцѣночныхъ работахъ, которое и вологодская губернская земская управа считаетъ важнымъ. Въ частности, для Вологодской губ. существуетъ

и еще одно неудобство «поуѣздной организаціи» статистическихъ работъ. Хотя губернская управа и высказываетъ желаніе, чтобы по каждому уѣзду во главѣ оцѣночнаго дѣлопроизводства былъ поставленъ свѣдущій и опытный статистикъ, но это не значитъ, что подобное желаніе будетъ непремѣнно исполнено. Если «статистикъ»—человѣкъ, не совсѣмъ знакомый даже въ нѣкоторыхъ изъ центральныхъ земствъ, то тѣмъ менѣе понимаютъ его значеніе здѣсь, въ нашихъ богоспасаемыхъ углахъ мирнаго Пошехонья. Весьма возможно поэтому, что во многихъ уѣздахъ дѣло переоцѣнки будетъ поручено своимъ людямъ, или же управы возьмутся это сдѣлать собственными силами своихъ канцелярій, какъ это рѣшила осуществить, насколько намъ извѣстно, грязовецкая уѣздная управа. И тогда сбудется боязнь губернской управы, что «губернская коммиссія лишена будетъ всякой возможности отвѣчать за правильность и точность результатовъ работы», такъ какъ, при исполненіи послѣднихъ канцелярскими силами, «возможны будутъ результаты хуже даже настоящаго положенія дѣла, хотя и лишеннаго, правда, надлежащей точности и правильности, но все же таки имѣющаго, по крайней мѣрѣ, за собою традиціонно-обычную пригодность, а потому и возможную практическую примѣнимость». А. Ш.

II.

Волостной бюджетъ въ Тверской губерніи.

Въ настоящее время, когда поднимается вопросъ о пересмотрѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ законодательства о крестьянскомъ волостномъ и сельскомъ управленіи, всякое безпристрастное изслѣдованіе, касающееся той или иной стороны крестьянскаго управленія, останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе. Къ числу такихъ изслѣдованій надо отнести очеркъ г. Пашковскаго о волостныхъ бюджетахъ Тверской губ., который мы находимъ въ земскомъ статистическомъ «Обзорѣ» Тверской губ.

Двѣнадцать уѣздовъ Тверской губерніи въ административномъ отношеніи дѣлятся на 244 волости. Въ среднемъ, каждая волость занимаетъ около 225 кв. верстъ всей земли и 210 кв. верстъ одной удобной; на среднюю волость приходится жителей около 7 тыс. человѣкъ.

Свѣдѣнія о расходахъ и доходахъ касаются 243-хъ волостей, т.-е. всѣхъ, за исключеніемъ одной. Въ 1893 г. на волостныя нужды по 243 волостямъ израсходовано было въ общей сложности 362.306 рублей; на одного жителя это составитъ 21 коп., на 1 десятину удобной надѣльной земли—14 коп., на 1 окладную надѣльную душу—63 коп. и на 1 надѣльный крестьянскій дворъ—1 р. 42 коп. Какъ видимъ, расходъ не маленькій, пріобрѣтающій тѣмъ большее значеніе, что, кромѣ волостныхъ расходовъ, исключительно одни же крестьяне несутъ и сельскія мірскія повинности, платятъ выкупъ за надѣльную землю и затѣмъ, уже на ряду съ прочими сословіями, несутъ государственныя и земскія повинности.

Изъ какихъ же статей расхода слагается волостной бюджетъ въ Тверской губерніи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія данныя:

СТАТЬИ РАСХОДА.	Общій расходъ въ руб.	%-ное отношеніе.	Средній расходъ волости, въ руб.
1) Жалованье старшинѣ	61.195	16,9	252
2) » писарю и его помощнику	76.605	21,2	317
3) » волостнымъ судьямъ	53.413	14,7	220
4) Разъѣзды	43.965	12,1	181
5) Плата за помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе	24.948	6,9	101
6) » сторожамъ и разсыльнымъ	19.125	5,3	79
7) Канцелярскіе расходы	18.104	5,0	74
8) Постройка волостныхъ зданій	14.382	3,9	59
9) Наемъ десятскихъ и сотскихъ при становыхъ квартир.	17.197	4,8	71
10) Квартирныя урядникамъ	986	0,3	4
11) На сдачу новобранцевъ	5.267	1,6	22
12) Суточныя присяжнымъ и земскимъ гласнымъ	711	0,2	3
13) Расходы на школы	13.264	3,6	55
14) » » медицину	6.583	1,8	27
15) » » призрѣніе	457	0,1	2
16) » » почту и переправы	1.607	0,4	7
17) Разные расходы	4.497	1,2	18
ВСЕГО	362.306	100	1.492

Средній по губерніи бюджетъ волостного правленія равняется почти 1.500 р.

Самую крупную статью волостныхъ расходовъ составляетъ жалованье волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ (21,2%); затѣмъ слѣдуетъ жалованье волостныхъ старшинъ, составляющее $^1/_6$ (16,9%) общаго расхода, и жалованье волостныхъ судей (14,7%); въ общемъ, на жалованье должностнымъ лицамъ идетъ большая часть волостныхъ расходовъ (52,8%). Если къ расходамъ на должностной персоналъ присоединить разъѣзды (12,1%), расходы на помѣщеніе (6,9%), прислугу (5,3%) и канцелярскія принадлежности (5,0%), то получится сумма неизбѣжнаго расхода, въ которомъ участвуютъ всѣ волости; въ общемъ, этотъ расходъ на обязательныя волостныя нужды составитъ 82% всѣхъ волостныхъ расходовъ.

Среднее жалованье старшины въ губерніи равно 252 р.; въ Осташковскомъ уѣздѣ старшинѣ платятъ въ среднемъ 130 р., а въ Калязинскомъ около 500 р.; по отдѣльнымъ волостямъ жалованье старшины спускается въ Осташковскомъ уѣздѣ до 60 р., а въ Корчевскомъ, Калязинскомъ и Кашинскомъ доходитъ до 600 и даже до 1.000 руб. Во многихъ волостяхъ существенной прибавкой къ жалованью старшины служатъ особыя ассигновки на разъѣздныхъ лошадей, такъ какъ нерѣдко волостную стойку содержатъ сами старшины; изъ общаго числа волостей только въ 66-ти разъѣздныя лошади содержатся посторонними лицами; въ 122-хъ волостяхъ стойку держатъ старшины, а относительно остальныхъ 55-ти волостей опредѣленныхъ указаній нѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, съ большою вѣроятностью можно предположить, что и здѣсь въ большинствѣ случаевъ волостной старшина является и содержателемъ разъѣздныхъ лошадей. А съ разъѣздными среднее жалованье старшины въ губерніи опредѣлится въ 433 р.

Вся сложная и разнообразная канцелярская работа волостныхъ правленій

лежитъ на волостныхъ писаряхъ и ихъ помощникахъ. Помощники писаря имѣются далеко не во всѣхъ волостяхъ, а только въ 102-хъ, причемъ въ двухъ изъ нихъ имѣются по два и въ одной—даже три помощника. Средній расходъ волости на писарей колеблется между 591 р. (Калязинскій у.) и 190 р. (Ржевскій у.); по отдѣльнымъ же волостямъ разница въ вознагражденіи писарей бываетъ громадная: въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ встрѣчаются писаря, получающіе безъ помощниковъ только 120 и 150 р., а въ Корчевскомъ и Калязинскомъ есть писаря съ жалованьемъ въ 600 р. и имѣющіе при этомъ помощниковъ, получающихъ до 486 р.

Волостные судьи средней по губерніи волости получаютъ 220 р., т.-е. тотъ максимумъ, который опредѣленъ «временными правилами о волостномъ судѣ» (100 р. предсѣдателю и двумъ членамъ по 60 р.). Наибольшій средній размѣръ судейскаго жалованья падаетъ на Новоторжскій и Ржевскій, наименьшій—на Зубцовскій и Осташковскій уѣзды. Превышающіе среднюю норму расходы на жалованье судьямъ встрѣчаются въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ число платныхъ членовъ доходитъ до 4-хъ (предсѣдатель и 3 члена); а ниже среднихъ расходы эти встрѣчаются тамъ, гдѣ жалованье судей меньше установленнаго закономъ максимума.

Статья расходовъ на помѣщеніе заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣльные расходы: наемъ, отопленіе, освѣщеніе и мелкій ремонтъ помѣщеній; въ эту же статью вошли незначительные расходы на содержаніе арестуемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ. Расходы на постройку новыхъ волостныхъ зданій, не имѣющіе характера текущихъ расходовъ, составляютъ отдѣльную статью (3,9%).

Въ рубрикѣ канцелярскихъ расходовъ, составляющихъ $^1/_{20}$ общихъ расходовъ, заключаются, кромѣ собственно канцелярскихъ, еще расходы на обстановку: на покупку шкафовъ, картинъ, портретовъ, зерцалъ и пр., а также расходы по выпискѣ законовъ и періодическихъ изданій. Подъ послѣднимъ громкимъ названіемъ здѣсь разумѣются, во-1-хъ, обязательно выписываемыя всѣми волостными правленіями «Губернскія Вѣдомости», на что ежегодно расходуется до 730 р., и, во-2-хъ, еще слѣдующія повременныя изданія, выписываемыя только 9-ю правленіями: «Свѣтъ» (2 экз.), «Русь» (2), «Вѣстникъ Русск. Общ. Красн. Креста» (2), «Родина», и «День» (по 1) и «Московскій Листокъ» (1).

Наемъ десятскихъ и сотскихъ при становыхъ квартирахъ составляетъ, въ сущности, повинность сельскихъ обществъ, которыми она, въ большинствѣ случаевъ, отбывается натурою, но въ нѣкоторыхъ волостяхъ, въ виду крайняго неудобства для населенія натуральной повинности, она замѣнена денежнымъ волостнымъ сборомъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Ржевскомъ, Зубцовскомъ и Старицкомъ) сохранился еще волостной расходъ на выдачу квартирныхъ денегъ урядникамъ, хотя, по разъясненію министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 29 іюня 1880 г.), повинность эта признана земскою, всесословною. Такою же, по справедливости, должна бы быть и повинность по найму полицейскихъ десяткихъ при становыхъ квартирахъ, о чемъ нѣкоторыя земства (напр., московское) не разъ возбуждали ходатайства передъ правительствомъ.

Ежегодная сдача новобранцевъ волостямъ обходится въ 5.267 р.; кромѣ того,

сельскія общества на тотъ же предметъ расходуютъ около 4 ½ тыс.; деньги эти частью выдаются самимъ новобранцамъ, частью идутъ на суточныя волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, сопровождающимъ новобранцевъ въ призывные пункты.

Расходъ на выдачу суточныхъ присяжнымъ и гласнымъ крайне незначителенъ и практикуется лишь весьма немногими волостями.

Такъ называемые хозяйственные расходы въ волостномъ бюджетѣ играютъ совсѣмъ незамѣтную роль. Изъ нихъ первое мѣсто, по своимъ размѣрамъ, занимаетъ школьный расходъ, который въ 1893 г. составлялъ сумму въ 13.263 р. (3,6% общаго расхода); сумма эта расходуется преимущественно на оплату школьныхъ помѣщеній, а въ рѣдкихъ случаяхъ на покупку книгъ и письменныхъ принадлежностей. Больше всего расходуютъ на школы волости Кашинскаго, Калязинскаго и Корчевскаго уѣздовъ.

Медицинскій расходъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ вознагражденія оспопрививателей въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ оспопрививаніе до сихъ поръ еще не считается земскимъ дѣломъ; въ нѣкоторыхъ, также отсталыхъ уѣздахъ сюда же относятся расходы по содержанію фельдшеровъ и аптекъ, т.-е. такіе расходы, которые большинствомъ земствъ признаны общеземскими, а не исключительно крестьянскими.

Въ пяти уѣздахъ производится незначительный расходъ на призрѣніе неимущихъ.

Дорожная повинность въ большинствѣ случаевъ лежитъ на сельскихъ обществахъ и земствѣ, и только нѣкоторыя переправы содержатся на волостныя средства; въ этомъ расходѣ участвуютъ всего 10 волостей. Расходъ на перевозку почты производится 7-ю волостными правленіями, находящимися въ крупныхъ селахъ, удаленныхъ отъ уѣздныхъ городовъ.

Таковы волостные расходы Тверской губерніи въ настоящее время. Около 15 лѣтъ раньше, въ 1881 году («Мірскіе расходы крестьянъ за 1881 г.» изд. центр. стат. комит. 1886 г.), почти всѣ отдѣльные расходы волостей были значительно меньше. Исключеніе составляютъ суточныя присяжнымъ и гласнымъ, разъѣзды и расходы на призрѣніе. На выдачу суточныхъ присяжнымъ и земскимъ гласнымъ теперь волости расходуютъ слишкомъ вдвое (на 56%) меньше, чѣмъ прежде; это произошло, очевидно, вслѣдствіе происшедшаго за послѣдніе годы ограниченія суда присяжныхъ и сокращенія участія крестьянъ въ земскомъ самоуправленіи. Значительное увеличеніе замѣчается въ канцелярскихъ расходахъ, возросшихъ за 12 лѣтъ на 109%; жалованье писарей увеличилось на 31%, а старшинъ—только на 10%. Изъ этого можно заключить, что за послѣдніе годы въ волостяхъ, при незначительномъ увеличеніи труда волостныхъ старшинъ, сильно развилось бумажное дѣлопроизводство, вызвавшее увеличеніе канцелярскихъ расходовъ слишкомъ въ два раза.

Особенно рѣзко выдѣляется увеличеніе расхода на наемъ десятскихъ и разсыльныхъ при становыхъ квартирахъ: расходъ этотъ увеличился въ 6 разъ, что указываетъ на переходъ многихъ волостей отъ натуральной повинности къ денежной.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ источникахъ, изъ которыхъ покрываются волостные расходы.

Около 95% смѣтныхъ волостныхъ расходовъ покрываются волостнымъ сборомъ по раскладкѣ между сельскими обществами, при чемъ вся тяжесть волостного обложенія почти исключительно падаетъ на надѣльную землю; сборомъ съ безземельныхъ крестьянъ, практикуемымъ весьма немногими волостями, покрывается только $^1/_2$% всѣхъ волостныхъ расходовъ, а земли, купленныя крестьянами въ личную собственность, остаются совершенно свободными не только отъ волостныхъ, но и сельскихъ мірскихъ сборовъ, такъ какъ раскладка тѣхъ и другихъ рѣшительно во всѣхъ волостяхъ губерніи производится по окладнымъ надѣльнымъ душамъ. Затѣмъ, по особымъ приговорамъ волостныхъ сходовъ, собирается около 3% всего бюджета; сборы эти дѣлаются всегда съ опредѣленною цѣлью: почти исключительно на постройку или капитальный ремонтъ волостныхъ зданій. На постройку помѣщеній для арестуемыхъ по приговорамъ волостного суда расходуется иногда часть штрафныхъ суммъ. Въ пяти уѣздахъ волостными правленіями показанъ сборъ съ паспортовъ и вообще видовъ на отлучку, установленный особыми приговорами схода на какія-либо спеціальныя волостныя нужды (на постройку богаделенъ и пр.). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ незначительная часть расходовъ покрывается доходами отъ оброчныхъ статей (торговыхъ площадей и пр.); всего по губерніи волостныя оброчныя статьи даютъ дохода волостямъ около 3 тыс. рублей.

И такъ, волостные расходы въ Тверской губерніи, какъ и въ большинствѣ другихъ губерній, почти всецѣло лежатъ на надѣльной крестьянской землѣ или, что одно и то же, на общинномъ крестьянскомъ населеніи. Между тѣмъ мы видѣли, что нѣкоторые изъ расходовъ, напр.: на школы и медицину, паемъ сотскихъ и десятскихъ, по справедливости и при современныхъ условіяхъ, должны бы сдѣлаться не исключительно крестьянскими, а всесословными, общеземскими. Точно также и самые крупные волостные расходы—содержаніе волостныхъ старшинъ, писарей и судей, какъ слугъ не одного только крестьянскаго, а всего, безъ различія сословій, помѣстнаго населенія, по существу своему, скорѣе должны бы быть расходами общесословными. Поэтому одною изъ ближайшихъ задачъ, какъ самихъ земствъ, такъ и предстоящаго пересмотра законодательства о крестьянахъ, казалось бы, должно считаться уравнительное распредѣленіе расходовъ на мѣстное управленіе между всѣми сословіями сельскаго населенія, руководясь принципами справедливости и безсословности.

Кл. В—въ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Изъ Донской области. (Экономическое положеніе донского казачества).

Донская область до сихъ поръ многими считается какимъ-то обѣтованнымъ краемъ, гдѣ населеніе живетъ привольно и счастливо, гдѣ нѣтъ налоговъ и по-

датей, гдѣ обширныя земли даютъ безъ всякаго удобренія баснословные урожаи. Но дѣйствительность постепенно все больше и больше расходится съ такимъ когда-то вѣрнымъ представленіемъ.

Мало-по-малу наступилъ конецъ козачьему приволью, и, вмѣстѣ съ размноженіемъ коренного населенія, стала замѣчаться недостаточность козачьяго земельнаго надѣла. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ, какъ извѣстно, опредѣлено на каждаго козака по тридцати десятинъ земли. Такой щедрый надѣлъ козаковъ объясняется, какъ тѣмъ, что они «кровью завоевали себѣ Донъ» и оказали большія услуги русскому правительству въ борьбѣ съ врагами, такъ и тѣмъ, что поголовно все способное къ оружію мужское населеніе донского войска обязано нести воинскую повинность, пріобрѣтая строевыхъ лошадей и прочее снаряженіе не на казенный счетъ, а на свои средства. Эти тридцать десятинъ надѣла образовали громадные юрты станичныхъ земель, находившихся въ общинномъ пользованіи. Каждый членъ станицы или хутора имѣлъ право, по мѣрѣ надобности, въ любомъ мѣстѣ своего юрта косить траву или распахивать поле въ томъ размѣрѣ, какой только позволялъ ему его хозяйственный инвентарь. Богатые козаки брали изъ общественной земли для своихъ посѣвовъ совершенно безвозмездно по 40, 60 и 100 десятинъ; другіе ограничивались умѣреннымъ сборомъ сѣна и распашкой десятинъ десяти, а то и меньше. Нечего и добавлять, что домашній скотъ козаковъ всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи прекрасныя пастбища. При этомъ значительная часть юрта каждой станицы оставалась свободною отъ посѣвовъ, вслѣдствіе чего, при возможности ежегодно бросать подъ залежь распаханную землю, замѣняя ее для дальнѣйшихъ посѣвовъ новою, хлѣбопашество давало козакамъ хорошій доходъ даже при ихъ примитивныхъ пріемахъ обработки полей. Но населеніе увеличивалось, придонскіе лѣса вырубались, количество залежной земли все уменьшалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при общемъ вздорожаніи жизни, при расширеніи потребностей козачьей семьи, при упадкѣ извознаго промысла и неспособности козаковъ къ ремесламъ и новымъ отраслямъ труда, возрастали расходы по отбыванію воинской повинности, такъ какъ постепенно поднялись цѣны и на верховыхъ лошадей, и на обмундированіе. Съ каждымъ годомъ, экономическія затрудненія вставали передъ козакомъ все грознѣе и ощутительнѣе. Осмотрѣвшись вокругъ и попытавшись выяснить себѣ, откуда онъ можетъ извлекать для себя необходимыя средства, козакъ безъ труда увидѣлъ, что единственнымъ источникомъ ихъ является для него общественная земля. Но такъ какъ каждый членъ станицы могъ пользоваться ею только въ томъ размѣрѣ, какой доступенъ былъ для обработки его собственными силами, нерѣдко весьма слабыми, то, естественно, общественный юртъ на дѣлѣ былъ для козака весьма часто плохимъ подспорьемъ. Вслѣдствіе этого, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, станичные сборы, выдѣливъ изъ своихъ земельныхъ угодій участки для содержанія конноплодовыхъ табуновъ, для пастьбы скота, сѣнокосовъ и т. п., всю остальную землю опредѣлили подъ распашку, раздѣливъ ее на паи, по числу взрослыхъ козаковъ (начиная съ 17-лѣтняго возраста), и предоставили каждому владѣльцу пая право отдавать его въ аренду другимъ лицамъ. Эта мѣра, конечно, удовлетворяла требованіямъ справедливости, такъ какъ каж-

дый козакъ съ тѣхъ поръ сталъ извлекать одинаковую со всѣми пользу изъ общественной земли. Богатые люди, желавшіе распахивать много земли, лишены были возможности пользоваться, какъ прежде, безвозмездно общественнымъ юртомъ и должны были платить деньги своимъ бѣднымъ согражданамъ, арендуя у нихъ ихъ паи. Тѣ же козаки, для которыхъ прежде станичная земля не имѣла почти никакой цѣнности, отнынѣ стали получать доходъ отъ своихъ паевъ. Но нельзя упускать изъ вида и оборотной стороны этой мѣры. Величина надѣла, вслѣдствіе постепеннаго прироста населенія, значительно понизилась; такъ что, за вычетомъ земли, идущей подъ общій выгонъ и сѣнокосъ, пахотной земли въ разныхъ станицахъ приходится на пай рѣдко 15, а чаще 10—6 десятинъ. Слѣдовательно, при арендной цѣнѣ на земли въ Донской области—отъ 50 коп. до 3 рублей за десятину—козачій пай даетъ своему хозяину, не занимающемуся лично посѣвомъ хлѣба, приблизительно, рублей 20—30 въ годъ въ среднемъ,—сумму, какъ видно, крайне незначительную для населенія, обязаннаго отбывать воинскую повинность на свой счетъ. А между тѣмъ, вслѣдствіе такого раздѣла земли, вся предназначенная для распредѣленія между козаками часть отнынѣ распахивается изъ года въ годъ, такъ какъ тѣ хозяева, которые не имѣютъ плуговъ сами, продаютъ свои паи другимъ лицамъ. Понятно, что количество залежей быстро уменьшается, а такъ какъ козаки распахиваютъ свои поля цѣлые десятки лѣтъ безпрерывно и не удобряя ихъ, то неудивительно, что отъ прежняго плодородія Дона теперь остались одни воспоминанія. Конечно, въ общемъ и въ настоящее время козачье населеніе богаче нашего крестьянства уже по одному тому, что послѣднія поколѣнія козаковъ получили отъ своихъ предковъ, жившихъ при лучшихъ условіяхъ, значительныя наслѣдства (деньги, домашній скотъ, доходные виноградные сады и т. п.). Наслѣдства эти, въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не пополняемыя, спасая современныхъ козаковъ отъ нужды, вмѣстѣ съ тѣмъ быстро расходуются, *и въ наши дни число бѣдныхъ, еле сниспскивающихъ себѣ пропитаніе козаковъ, прогрессивно увеличивается.* Воинская повинность, съ которой такъ легко прежде справлялось донское населеніе, теперь является для козачества большимъ бременемъ. Чтобы снарядить сына на службу, многія семьи вынуждены продать часть необходимаго инвентаря, подрывая этимъ силы своего хозяйства. Многія же семьи вовсе не въ состояніи вынести расхода, съ которымъ сопряжена отправка козака въ полкъ, вслѣдствіе чего служивый снаряжается въ такихъ случаяхъ на станичный счетъ, а семья его становится должникомъ станичнаго общества. Въ виду постепеннаго упадка области въ экономическомъ отношеніи, число козаковъ, лишенныхъ возможности отбывать воинскую повинность на свои средства, быстро возрастаетъ изъ года въ годъ, и во многихъ станицахъ на общественный счетъ снаряжается болѣе половины всѣхъ выходящихъ на службу козаковъ. Важнымъ показателемъ современныхъ условій жизни на Дону являются и учащающіеся случаи перечисленія козаковъ въ другія сословія, напр., въ мѣщанское, и переселенія ихъ въ дальніе края. Эти явленія особенно знаменательны, такъ какъ козаки очень гордятся своимъ званіемъ и связаны прочными узами съ своей родиной. Если козакъ ходатайствуетъ о переименованіи его въ мѣщане, которыхъ онъ привыкъ считать стоя-

щими несравненно ниже себя, то онъ испытываетъ при этомъ сильное нравственное страданіе, подобное тому, которое чувствуетъ офицеръ, разжалываемый въ званіе нижняго чина. Равнымъ образомъ далеко не легко козаку и проститься съ своимъ Дономъ для переѣзда въ чужую сторону. А между тѣмъ, стоило въ прошломъ году сдѣлать вызовъ охотниковъ для переселенія въ Уссурійскій край, чтобы изъ Донской области откликнулось такое множество желающихъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, что далеко не всѣ изъ нихъ были приняты въ качествѣ переселенцевъ. Въ нынѣшнемъ году число козачьихъ семействъ, намѣревающихся отправиться на дальній Востокъ, еще больше. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ, что жизнь козаковъ на ихъ родинѣ вовсе не сладка. Но и привиллегированный классъ донского населенія, т.-е. дворяне, офицеры и гражданскіе чиновники, въ общемъ, переживаютъ сильнѣйшій кризисъ. Классъ лицъ, владѣющихъ землею на правѣ частной собственности, въ Донской области былъ особенно пополненъ въ семидесятыхъ годахъ, послѣ опубликованія Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта объ обезпеченіи штабъ и оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ области войска Донского земельными участками. По этому закону всѣ служившіе тогда чиновники получили въ свою собственность отводимые до этого времени въ ихъ срочное пользованіе участки земли въ 200, 400 и болѣе десятинъ, смотря по чину. Нынѣ большая часть этихъ участковъ прожита ихъ владѣльцами, что, между прочимъ, объясняется крайне неудобнымъ положеніемъ донскихъ офицеровъ, которые, до выхода своего «по войску», т.-е. въ запасъ, поперемѣнно каждые 3—4 года то командируются въ полки, то посылаются на льготу и лишены возможности заняться чѣмъ-нибудь безпрерывно и основательно.

На этомъ фонѣ экономическихъ затруднекій козаковъ особенно рельефно выдѣляется фактъ почти полнаго отсутствія органовъ, сколько-нибудь серьезно заботящихся о поднятіи матерьяльнаго благосостоянія населенія. Во главѣ каждаго округа (соотвѣтствующаго уѣзду) на Дону стоятъ управленія окружныхъ атамановъ, вѣдающія, по закону, какъ военную, такъ и гражданскую части, но, въ дѣйствительности, занятыя почти исключительно надзоромъ за исправнымъ снаряженіемъ козаковъ на службу. Путемъ самыхъ строгихъ предписаній и взысканій, окружные атаманы требуютъ отъ подчиненныхъ имъ станичныхъ атамановъ и военныхъ приставовъ, а также особо камандируемыхъ въ округа военныхъ чиновниковъ самаго внимательнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы всѣ очередные козаки имѣли вполнѣ годныхъ строевыхъ лошадей и полный комплектъ аммуниціи. Кромѣ того, всѣмъ выходящимъ въ полкъ козакамъ дѣлаются смотры сначала въ окружныхъ станицахъ окружными атаманами, а затѣмъ—въ Новочеркаскѣ высшей администраціей области, причемъ въ обоихъ случаяхъ провѣряется также и наличность всего снаряженія козаковъ, которые за малѣйшую неисправность въ этомъ отношеніи подвергаются отвѣтственности. Не менѣе строго наблюдается также и за тѣмъ, чтобы второочередные козаки, т.-е. выпускаемые въ запасъ, сохраняли въ полной исправности всю военную аммуницію и лошадей, причемъ за всякое нарушеніе этого требованія виновные командируются на нѣсколько лѣтъ въ первоочередные полки. Въ то время, какъ окружные ата-

маны, приводя въ Новочеркаскъ смѣнныя команды, отправляемыя въ полки, получаютъ отъ областного начальства благодарность за отличное снаряженіе козаковъ,—на родинѣ послѣднихъ, станичные атаманы и засѣдатели нерѣдко продаютъ съ молотка имущества тѣхъ семействъ, дѣти которыхъ, по несостоятельности родителей, пріобрѣли себѣ строевое снаряженіе на общественный счетъ. Вытягивая изъ населенія послѣдніе соки для отправленія войсковой повинности, окружныя управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, недостаточно вникаютъ въ нужды гражданскаго быта области. Крупнымъ недостаткомъ въ управленіи донскихъ козаковъ можно назвать и теперешній типъ станичныхъ атамановъ. Станичный атаманъ—въ сущности, важный органъ управленія. Онъ—глава станичнаго общества, мѣстный представитель административной власти и руководитель «сбора» при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ. Способный и понимающій свои функціи станичный атаманъ можетъ быть очень полезенъ своему обществу. Къ сожалѣнію, современные станичные атаманы, въ большинствѣ случаевъ, не стоятъ на высотѣ своего положенія. Это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, на станичнаго атамана возлагается черезчуръ много обязанностей, лишающихъ его возможности въ надлежащей степени заботиться о главнѣйшихъ задачахъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Не смотря на то, что полицейскія функціи въ округахъ возложены на засѣдателей, а надзоръ за исправнымъ снаряженіемъ козаковъ на службу—на военныхъ приставовъ, станичные атаманы все-таки должны нести много полицейскихъ обязанностей, наблюдать за правильнымъ исполненіемъ козаками воинской повинности. Кромѣ того, станичные атаманы обязаны исполнять множество порученій отъ разныхъ должностныхъ лицъ всевозможныхъ вѣдомствъ, какъ, напр., судебныхъ чиновъ, податныхъ инспекторовъ, акцизныхъ чиновниковъ и т. п. Такимъ образомъ, большая часть времени и труда станичнаго атамана расходуется на дѣятельность, не имѣющую прямого отношенія къ интересамъ станицы; заботиться же о насущнѣйшихъ и многочисленныхъ нуждахъ своего общества при такихъ условіяхъ для станичнего атамана затруднительно. Во-вторыхъ, совершенно напрасно станичный атаманъ поставленъ въ подчиненныя отношенія къ засѣдателямъ, которые вербуются обыкновенно изъ лицъ съ крайне низкимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Часто поэтому между засѣдателями и станичными атаманами возникаютъ конфликты на почвѣ служебныхъ отношеній, причемъ самолюбіе представителя станичнаго общества напрасно страдаетъ отъ нападокъ старшаго по положенію засѣдателя. Понятно, что многіе хорошіе и уважаемые козаки, которые были бы очень полезны для общества, не идутъ въ станичные атаманы, и должность эта часто замѣщается совершенно неподходящими лицами. Вредъ, проистекающій отъ такого порядка вещей, настолько существененъ, что мы положительно признаемъ необходимымъ измѣнить теперешнее положеніе станичныхъ атамановъ, изъявши ихъ отъ подчиненности засѣдателямъ, освободивъ ихъ, по возможности, отъ всѣхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ нуждамъ станицы обязанностей, хотя бы для этого и пришлось учредить новыя должности для завѣдыванія полицейскими и другими дѣлами. Вообще, нужны неотложныя и серьезныя мѣропріятія для устройства множества неурядицъ, которыя со всѣхъ сторонъ опутали донскія станицы. Какъ

извѣстно, кромѣ веденія сельскаго хозяйства, козаки занимаются еще винодѣліемъ и рыболовствомъ. Въ юртахъ нѣкоторыхъ станицъ лежатъ непочатыя залежи цѣнныхъ горныхъ породъ, напр., каменнаго угля, который, не говоря о донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ, гдѣ его эксплоатируютъ отдѣльные промышленники, встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., на землѣ станицъ Золотовской и Нижнекудрюческой (1 донского округа). Въ Золотовской станицѣ уголь выходитъ прямо на поверхность, и окрестные жители добываютъ его самыми незатѣйливыми пріемами, т.-е., отбивая куски минерала ломомъ и молотками, называемыми «клеваками», причемъ образующіяся при этомъ ямы не идутъ въ глубину болѣе, чѣмъ на 8—12 аршинъ. Уголь этотъ, употребляемый казаками для отопленія ихъ жилищъ, въ ничтожномъ количествѣ вывозится въ ближайшія селенія, гдѣ продается по 10 копѣекъ за пудъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при сколько-нибудь раціональномъ разрабатываніи этихъ природныхъ богатствъ, станичное общество извлекало бы изъ нихъ гораздо большую выгоду, чѣмъ теперь. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и о виноградарствѣ. Здѣшніе виноградные сады, занимающіе собою, въ общемъ, значительную площадь, содержатъ въ себѣ нерѣдко хорошіе сорта винограда. Козаки привыкли ухаживать за виноградниками, климатическія условія также благопріятствуютъ имъ, и вообще эта отрасль могла бы пріобрѣсти для края серьезное значеніе. Къ сожалѣнію, въ области до сихъ поръ нѣтъ ни одного разсадника раціональныхъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію, козаки давятъ виноградъ самыми примитивными способами, съ усовершенствованной техникой виноделія совершенно незнакомы и въ большинствѣ случаевъ изъ прекраснѣйшей ягоды получаютъ низкосортный продуктъ, продаваемый по 2—6 рублей за ведро. Равнымъ образомъ, давно пора вступить въ борьбу съ практикуемымъ нынѣ козаками способомъ обработки земли, распахиваемой изъ года въ годъ безпрерывно и не пользующейся ни сколько-нибудь раціональнымъ сѣвооборотомъ, ни удобреніемъ. Донская область въ этомъ отношеніи въ настоящее время представляетъ собою поразительное зрѣлище. На глазахъ всѣхъ хищнически эксплоатируется земля, составляющая главнѣйшій источникъ козачьяго обезпеченія, урожайность полей прогрессивно падаетъ, доходя въ послѣдніе годы до такого минимума, при которомъ выручка отъ хлѣбопашества не оплачиваетъ издержекъ, затрачиваемыхъ на земледѣльческія работы, а между тѣмъ основы раззорительнаго козачьяго хозяйства остаются и по днесь во всей своей ужасной неприкосновенности, грозящей довести край до полнаго обнищанія. Не смотря на солидную цифру войсковыхъ капиталовъ, единственное въ области опытное поле, возникшее всего нѣсколько лѣтъ назадъ, главнымъ образомъ, на частныя пожертвованія, еле влачитъ свое существованіе. Между тѣмъ, учрежденіе подобнаго опытнаго поля давно уже является для Донской области настоятельной потребностью, въ виду необходимости реорганизовать систему мѣстнаго сельскаго хозяйства, выяснить условія для введенія въ краѣ травосѣянія и культуры другихъ, кромѣ злаковыхъ, растеній, дающихъ во многихъ благоустроенныхъ хозяйствахъ большіе доходы предпринимателямъ, а также упорядочить дѣло мѣстнаго скотоводства, пришедшаго въ совершенный упадокъ. Весьма возможно также коснуться дон-

скихъ коннозаводчиковъ, которые получаютъ отъ войска громадныя пространства земли съ платою по три копѣйки за десятину въ годъ, а между тѣмъ козаки, выходящіе на службу, испытываютъ большія затрудненія при покупкѣ строевыхъ лошадей, которыхъ нельзя пріобрѣсти дешевле 100—150 рублей. Наконецъ, не менѣе необходимо начать борьбу съ народнымъ невѣжествомъ путемъ увеличенія числа учебныхъ заведеній и распространенія грамотности. Нигдѣ, какъ на Дону, дѣло образованія массы не найдетъ для себя болѣе подходящей почвы, такъ какъ мѣстное населеніе охотно поддерживаетъ предложенія объ открытіи школъ, безъ труда могло бы надѣлять ихъ участками земли не только въ пятьдесятъ десятинъ, но и въ сто—двѣсти и даже болѣе, а что касается до денежной стороны вопроса, то здѣсь вовсе не встрѣчается затрудненій, такъ какъ по свѣдѣніямъ, относящимся къ 1894 году, донское войско имѣло наличнаго капитала свыше 12 милліоновъ рублей; годовой приходъ войска равнялся въ томъ же году свыше 3 милліоновъ руб., а расходъ—около 3 милліоновъ руб. Общая сумма капиталовъ станичныхъ обществъ за тотъ же годъ равнялась свыше 2 милліоновъ рублей. При такихъ условіяхъ, еслибы руководители мѣстнаго населенія принимали бы мѣры воздѣйствія на казаковъ, въ смыслѣ оказанія большаго вниманія къ нуждамъ образованія, число учебныхъ заведеній на Дону быстро и значительно бы увеличилось. Но, къ сожалѣнію, дѣло народнаго просвѣщенія на Дону вызываетъ въ мѣстныхъ административныхъ органахъ далеко не достаточно заботливости, а лѣтъ десять тому назадъ, въ Донской области даже было закрыто нѣсколько существовавшихъ крайне необходимыхъ для населенія среднеучебныхъ заведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ, комплектъ учениковъ въ Новочеркасской классической гимназіи сократили больше, чѣмъ вдвое, а также безъ всякой нужды уменьшили весьма значительно число войсковыхъ стипендій для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній. Только по ходатайству передъ Государемъ Императоромъ донского дворянства, признававшаго въ недостаткѣ среднеучебныхъ заведеній въ области весьма вредное явленіе, въ текущемъ году открыто въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ реальное училище. Но, не смотря на это, нужды просвѣщенія въ Донской области еще далеко не удовлетворены и требуютъ къ себѣ весьма серьезнаго вниманія, въ видахъ обезпеченія мѣстному населенію возможности давать своимъ дѣтямъ какъ начальное, такъ и среднее образованіе.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Донская область съ нетерпѣніемъ ждетъ выборнаго земства, которое, по слухамъ, вскорости будетъ введено на Дону, взамѣнъ существующихъ здѣсь, по временному положенію, распорядительныхъ по земскимъ дѣламъ комитетовъ. Новому земству достанется плохое наслѣдство. Но эта реформа вызоветъ къ дѣятельности лучшія силы края, вдохнетъ жизнь въ общество и дастъ Дону лучшее будущее.

С. Харитоновъ.

Изъ Воронежа. (Пробужденіе воронежскаго губернскаго земства).

До сихъ поръ ближайшія заботы о народномъ образованіи въ нашей губерніи лежали исключительно на уѣздныхъ земствахъ и сельскихъ обществахъ. Доля

участія, какъ тѣхъ, такъ и другихъ не во всѣхъ уѣздахъ была одинакова. Тамъ, гдѣ земцы сочувственно относятся къ мѣстнымъ «пользамъ и нуждамъ», гдѣ не было предвзятаго взгляда на «мужика», тамъ изъ земскихъ источниковъ расходовалось и расходуется отъ 60 до 90% тѣхъ средствъ, какія вообще идутъ на народное образованіе, и сельскія общества даютъ 25%, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—15 и 10% этихъ средствъ. Но не вездѣ наблюдается такое отношеніе. Напримѣръ, Новохоперскій уѣздъ заслуживаетъ вниманія. Здѣсь среди мѣстныхъ «царьковъ» уѣзда господствуетъ мнѣніе, что грамота крестьянину совсѣмъ не нужна, даже является роскошью и что «ёнъ достанетъ самъ», если захочетъ учиться. Мѣстное земство изъ годового бюджета въ 73.460 р. отпускаетъ отъ себя на сельскія школы только 4.585 р., т.-е. всего 6%, а сельскія общества этого уѣзда тратятъ на тѣ же школы болѣе 10 т. р. своихъ средствъ!

Губернское земство на народное образованіе въ губерніи отъ себя не отпускало до настоящаго времени никакихъ средствъ. Правда, губернская управа ежегодно представляла очередному губернскому собранію докладъ «по народному образованію въ Воронежской губерніи», но этотъ докладъ содержалъ въ себѣ одни только цыфровыя свѣдѣнія о числѣ школъ и учащихся, безъ всякихъ объясненій, и матерьялъ этотъ группировался такъ, что читать его представлялось невозможнымъ; въ журналахъ губернскаго земскаго собранія обыкновенно по этому поводу писалось: «читанъ докладъ по народному образованію за такой-то годъ; постановлено—принять къ свѣдѣнію». Этимъ дѣло и ограничивалось.

Только съ 1893 года губернское земство стало нѣсколько иначе относиться къ народному образованію. Въ этомъ году среди губернскихъ гласныхъ раздались голоса, что народное образованіе въ Воронежской губерніи нисколько не выигрываетъ отъ того, что въ журналахъ пишется подъ рядъ нѣсколько лѣтъ одна и та же фраза — «принять къ свѣдѣнію», и что губернское земство совершало до сихъ поръ несправедливость, если само не принимало ни моральнаго, ни матерьяльнаго участія въ дѣлѣ образованія народа—и губернское земское собраніе тогда же поручило губернской управѣ выработать новую форму для представленія свѣдѣній и составить общій обзоръ состоянія народнаго образованія въ губерніи. Докладъ управы въ сессію 1894 года былъ составленъ совершенно иначе, и земское собраніе, въ виду того, что управа не предлагала сама практическихъ мѣръ, постановило организовать для перваго раза губернскій книжный складъ, не функціонирующій (замѣчу въ скобкахъ) до сегодня: сначала мѣстная администрація считала его излишнимъ, затѣмъ допустила продажу книгъ только «духовно-нравственнаго и религіознаго содержанія», наконецъ, не утвердила завѣдующихъ складомъ.

Въ 1895 году вопросъ переходитъ въ новую фазу.

Губернская управа, представивъ губернскому очередному земскому собранію довольно обширный докладъ, составленный на основаніи новыхъ статистическихъ данныхъ, сдѣлала выводъ, что начальное народное образованіе въ нашей губерніи представляетъ собою «довольно печальную картину», и указала на слѣдующія его нужды: недостаточность числа существующихъ школъ для удовлетворенія созрѣвшей въ народѣ потребности въ образованіи, неравномѣрное

распредѣленіе школъ по территоріи уѣздовъ, недостаточная подготовка значительной части учительскаго персонала, недостаточность вознагражденія учащихъ лицъ, тѣснота школьныхъ помѣщеній, несоотвѣтствіе ихъ устройства съ требованіями школьной гигіены и крайняя бѣдность школъ книгами для внѣкласснаго чтенія; затѣмъ, указавъ, что активное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія должно быть обязательнымъ для губернскаго земства и что вопросъ о всеобщемъ обученіи поднятъ многими земствами,—воронежская губернская управа предлагала земскому собранію вопросъ: не слѣдуетъ-ли теперь же приступить къ общей переписи дѣтей школьнаго возраста, съ цѣлью опредѣленія ихъ дѣйствительнаго числа, и къ выработкѣ нормальной сѣти училищъ по уѣздамъ?

Губернское собраніе 16 декабря 1895 года высказалось въ принципѣ за необходимость придти какъ съ моральной, такъ и матерьяльной помощью уѣздамъ тотчасъ же и избрало особую коммиссію, которой и поручило предварительную разработку вопросовъ по народному образованію. Коммиссія эта состоитъ изъ губернской управы, трехъ губернскихъ гласныхъ (Я. А. Харкѣевича, Ф. Д. Черткова, Н. И. Шидловскаго), предсѣдателей уѣздныхъ управъ и, кромѣ того, ей предоставлено право приглашать на свои засѣданія и другихъ лицъ, участіе коихъ въ обсужденіи того или другого вопроса будетъ признано полезнымъ. Здѣсь же слѣдуетъ прибавить, что губернское земство въ ту же сессію, составляя отвѣтъ на вопросы, предложенные по извѣстной запискѣ г. министра земледѣлія, прежде всего признало, что для выхода изъ того крайне печальнаго положенія, въ которомъ находится сельское хозяйство въ Воронежской губерніи,—первая, основная и ничѣмъ незамѣнимая мѣра—это народное образованіе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, ибо «невѣжество и раціональное хозяйство—два совершенно исключающія взаимно другъ друга понятія».

Коммиссія по народному образованію собиралось два раза—въ концѣ февраля и первыхъ числахъ мая этого года. Ею разсмотрѣны и рѣшены главные вопросы по школьному дѣлу, какіе предлагались губернскою управою: о всеобщемъ обученіи въ губерніи, выдачѣ ссудъ и безвозвратныхъ пособій сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ зданій, воскресныхъ и повторительныхъ классахъ, устройствѣ вечернихъ занятій для старшаго возраста, школьныхъ библіотекъ, увеличеніи вознагражденія учащимъ, организаціи народныхъ чтеній въ селеніяхъ и др. Къ слову сказать, передача въ коммиссію для обсужденія вопроса повліяла къ лучшему: члены коммиссіи, воздерживающіеся на собраніи отъ «крайнихъ мнѣній», въ засѣданіяхъ коммиссіи высказываются болѣе рѣшительно и откровенно...

Самый главный и имѣющій наибольшее значеніе для нашей губерніи вопросъ — о всеобщемъ обученіи—не возбудилъ въ коммиссіи особыхъ преній. Правда, одинъ или два члена высказались о преждевременности всеобщаго обученія, въ виду недостатка средствъ у земства, но большинство членовъ смотрѣло на дѣло съ другой стороны. Напримѣръ, предсѣдатель землянской управы С. А. Русановъ обратилъ вниманіе коммиссіи, что земство изъ года въ годъ прогрессивно увеличиваетъ число школъ, число учащихся и увеличиваетъ также расходы на народное образованіе, такъ что конечный итогъ всего этого — все-

общее обученіе есть для земства лишь вопросъ времени. Примѣры другихъ губерній въ этой отрасли земской дѣятельности только подтверждаютъ это положеніе. Путемъ естественнаго расширенія сѣти школъ нѣкоторыя земства уже достигли всеобщаго обученія, и поэтому слова «всеобщее обученіе», въ смыслѣ увеличенія расходовъ, не такъ страшны, какъ кажутся вначалѣ. Теперь вопросъ сводится къ тому только, — какимъ путемъ ускорить разрѣшеніе его. Другой членъ—губернскій гласный Ф. Д. Чертковъ подчеркнулъ, что женское крестьянское населеніе, имѣющее въ семьѣ воспитательное значеніе, остается до сихъ поръ почти поголовно безграмотнымъ. Въ послѣднее время среди самихъ крестьянъ замѣчается стремленіе обучать грамотѣ дѣвочекъ; такъ, за пятилѣтній періодъ число дѣвочекъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, увеличилось на 60%, а въ уѣздахъ Землянскомъ и Нижнедѣвицкомъ это увеличеніе достигло 140 и 186%. Такимъ образомъ, коммиссія признала, что земство, въ виду настоятельной необходимости во всеобщемъ обученіи, должно немедленно приступить къ практическимъ мѣропріятіямъ по этому вопросу, осуществляя его по мѣрѣ возможности, а принудительное обязательное обученіе она считаетъ нежелательнымъ для дѣла. Далѣе, коммиссія признаетъ нежелательнымъ введеніе всеобщаго обученія пока для однихъ только мальчиковъ; напротивъ, по ея мнѣнію, въ дѣлѣ обученія грамоты слѣдовало бы отдать предпочтеніе дѣвочкамъ, такъ какъ грамотная женщина будетъ лучшимъ проводникомъ знанія въ крестьянской семьѣ, а потому желательно было бы устроить для желающихъ учиться дѣвочекъ лѣтнія занятія, за что учителю должно быть положено особое вознагражденіе.

Одной изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ въ настоящее время расширеніе народнаго образованія, служитъ, какъ признала единогласно коммиссія, затрудненіе въ недостаткѣ средствъ на сооруженіе школьныхъ зданій, селенія болѣе зажиточныя имѣютъ школы, а безъ школъ въ настоящее время остаются селенія наиболѣе бѣдныя. Коммиссія, признавая за губернскимъ земствомъ нравственную обязанность оказать такимъ селеніямъ помощь, нашла желательнымъ производить выдачу отъ губернскаго земства сельскимъ обществамъ ссуды и безвозвратныя пособія на постройку школъ, причемъ сдѣлано было предположеніе, чтобы на каждый уѣздъ отпускалось ежегодно по тысячѣ рублей, что въ общемъ составитъ 12.000 рублей.

Кромѣ того, коммиссія нашла необходимымъ въ тѣхъ школахъ, которыя въ настоящее время по своей тѣснотѣ не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться, устроить послѣобѣденныя занятія со старшими группами, для чего долженъ быть приглашенъ особый учитель, а содержаніе ему, по предложенію коммиссіи, выдавать отъ губернскаго земства. По вопросу объ устройствѣ воскресныхъ и повторительныхъ классовъ, въ виду желательности этой мѣры,—постановлено: предложить губернскому земству взять на себя иниціативу—войти съ предложеніемъ къ уѣзднымъ земствамъ, чтобы они устроили въ видѣ опыта у себя не менѣе двухъ школъ того и другого типа съ пособіемъ отъ губернскаго земства, примѣрно, по 160 рублей на уѣздъ.

Вопросъ объ устройствѣ школьныхъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за-

нялъ достаточно времени. При преніяхъ было отмѣчено, что возбужденныя еще въ 1894 году ходатайства уѣздныхъ земствъ о разрѣшеніи открыть библіотеки и читальни, не смотря на неоднократныя повторенія, остаются до сихъ поръ безъ отвѣта или задерживаются администраціей по разнымъ, подчасъ мелочнымъ поводамъ. Наиболѣе рельефной въ этомъ отношеніи служитъ исторія ходатайства богучарскаго уѣзднаго земства. Богучарское земство задумало устроить безплатную библіотеку и читальню въ одномъ селеніи уѣзда. Выработанъ былъ уставъ и представленъ губернатору. Затѣмъ, чтобы не терять времени и надѣясь, что разрѣшеніе дано будетъ скоро и безъ замедленія, земство тогда же стало строить каменное зданіе для читальни. Зданіе почти выстроено, а отвѣта нѣтъ. Наконецъ, уставъ возвращенъ съ замѣчаніемъ—исправить такіе-то и такіе-то параграфы, ибо ими, будто бы, нарушены прерогативы духовнаго вѣдомства; исправили въ указанномъ смыслѣ и послали. Черезъ нѣсколько времени проектъ устава возвращенъ съ новыми замѣчаніями: можетъ обидѣться министерство народнаго просвѣщенія. Исправили вновь, опять послали. Уставъ возвращенъ въ третій разъ: нарушено право губернаторской власти. Опять исправили въ указанномъ смыслѣ и снова отослали, но затѣмъ уже отвѣта никакого нѣтъ... «Да и едва-ли мы когда-нибудь его и получимъ!» замѣтилъ пессимистически предсѣдатель богучарской управы А. И. Урсулъ въ заключеніе этой исторіи.

Въ виду подобныхъ затрудненій, коммиссія нашла возможнымъ остановиться въ настоящее время на однѣхъ только школьныхъ библіотекахъ. При обсужденіи вопроса, какая сумма достаточна для основанія школьной библіотеки, представитель учебнаго вѣдомства, директоръ народныхъ училищъ, В. И. Чеботаревъ,—«горячо» стоялъ за то, что 25 рублей вполнѣ достаточно «для хорошей библіотеки» и что на эту сумму можно пріобрѣсть «много хорошихъ книжечекъ»... Совсѣмъ другого мнѣнія были остальные члены комиссіи. По ихъ мнѣнію, губернское земство должно прежде заботиться, чтобы его библіотека была полезна, служила бы образцомъ для всѣхъ, а копѣечные разсчеты не должны имѣть въ данномъ случаѣ мѣста... Коммиссія признала желательнымъ—ассигновывать изъ средствъ губернскаго земства не менѣе 100 рублей на каждую библіотеку, каковыхъ организовать по двѣ на уѣздъ, а потомъ ежегодно увеличивать въ такомъ размѣрѣ; поддержку и пополненіе такихъ библіотекъ возложить, пока, на уѣздныя земства съ обязательствомъ для контроля представлять отчеты.

Затѣмъ, коммиссіей признаны желательными слѣдующія мѣры, осуществленіе которыхъ также необходимо: устройство библіотекъ для учителей и учительницъ, организація учительскихъ съѣздовъ, перенесеніе экзаменовъ въ народныхъ школахъ на болѣе раннее время, прогрессивное увеличеніе жалованья учителямъ и учительницамъ и многія другія. Рѣшено также предложить губернскому земству возбудить ходатайство о распространеніи на воронежскую губернію той льготы, которой пользуется Петербургская губернія относительно устройства чтеній съ туманными картинами въ селеніяхъ.

Всѣ приведенныя заключенія коммиссіи по народному образованію будутъ губернскою управою представлены губернскому земскому собранію.

Нужно надѣяться, что воронежское губернское земство въ настоящее время, слѣдуя за общимъ теченіемъ, перемѣнитъ свое отношеніе къ народному образованію въ губерніи и выступитъ со своей матерьяльной помощью уѣзднымъ земствамъ; тѣмъ болѣе это будетъ справедливымъ, что оно въ теченіе тридцати лѣтъ дѣлало въ этомъ отношеніи весьма мало, если не сказать—ничего...

И. Николаевскій.

Изъ Череповца. (Что представляетъ изъ себя Череповскій уѣздъ и что ему нужно?)

Гдѣ-то приходилось мнѣ встрѣчать названіе для г. Череповца «американскій городъ». Насколько помню, этотъ эпитетъ приписывается Череповцу, въ виду того, что отношеніе числа учащихся къ общему числу населенія города таково, какое будто бы встрѣчается только въ Америкѣ. И дѣйствительно, по количеству учебныхъ заведеній (10) и процентному отношенію числа учащихся къ населенію города (болѣе, чѣмъ 1 : 6), Череповецъ занималъ бы выдающееся мѣсто не только среди русскихъ, но и среди западно-европейскихъ городовъ, еслибы учащіеся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города состояли исключительно изъ черепанъ. Но даже, принимая во вниманіе и то, что среди учащихся много изъ другихъ уѣздовъ, Череповецъ и его уѣздъ все-таки въ образовательномъ отношеніи стоитъ несравненно выше большинства русскихъ городовъ и ихъ уѣздовъ. О просвѣщенности города и уѣзда также можно судить и по тому, что въ городѣ существуютъ три книжныхъ магазина. Одинъ изъ этихъ магазиновъ, по своимъ оборотамъ, количеству и подбору книгъ, далеко превосходитъ книжные магазины даже такихъ губернскихъ городовъ, какъ Ярославль и Вологда. При этомъ же магазинѣ, кромѣ общественной публичной библіотеки, число подписчиковъ въ которой съ каждымъ мѣсяцемъ, благодаря удешевленной платѣ, все увеличивается и увеличивается, есть еще такъ называемый «кабинетъ для чтенія», который за недорогую плату снабжаетъ своихъ подписчиковъ новыми журналами, газетами и книгами. Количество періодическихъ изданій, выписываемыхъ городомъ и уѣздомъ, далеко превосходитъ сосѣдніе города Кирилловъ и Бѣлозерскъ и ихъ уѣзды, взятые вмѣстѣ. Очевидно запросы умственной жизни г. Череповца и его уѣзда стоятъ сравнительно высоко. На эту тему о Череповскомъ уѣздѣ можно было бы много сказать, но на этотъ разъ цѣль моего письма нѣсколько иная—именно познакомить читателей не только съ тѣмъ, что изъ себя представляетъ Череповскій уѣздъ, но и съ тѣмъ, чего требуетъ жизнь такого интереснаго уѣзда, какъ Череповскій; послѣднее прежде всего видно изъ дѣятельности земства, а потому мы и познакомимъ читателей съ послѣдней сессіей череповецкаго очереднаго земскаго собранія.

Давно уже череповское земство не переживало такихъ выдающихся моментовъ въ своей жизни, какъ сессія 1895 года. Съ утвержденіемъ и вступленіемъ на должность новаго предсѣдателя, Н. Н. Сомова, земство какъ будто проснулось отъ своей продолжительной спячки и, по крайней мѣрѣ, управа стала болѣе чутко

относиться къ нуждамъ населенія уѣзда. Это отразилось на послѣднемъ земскомъ собраніи въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ и дѣльныхъ докладовъ земской управы. Самому мнѣ, не смотря на все мое желаніе, не удалось побывать на собраніи, о чемъ, впрочемъ, теперь не особенно жалѣю, и вотъ почему. По пріѣздѣ въ городъ, послѣ того, какъ земское собраніе кончилось, я, встрѣтивши одного изъ моихъ знакомыхъ, человѣка очень интересующагося земскими дѣлами, прежде всего обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы, конечно, были на земскомъ собраніи?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ тотъ спокойно сверхъ всякаго моего ожиданія.

— Вотъ такъ разъ! Да что же это съ вами такое?—не безъ удивленія спросилъ я знакомаго.

— Очень просто. Потому и не былъ, что не для чего,—съ прежнимъ спокойствіемъ произнесъ онъ, чѣмъ еще болѣе увеличилъ мое удивленіе.

— Да какъ не для чего?! Вѣдь нынѣшнее собраніе составило эпоху не только въ земствѣ, но во всемъ городѣ и уѣздѣ!—чуть не крича, проговорилъ я.

— Все это такъ. Но вы забываете, что всѣ важные вопросы рѣшались въ коммиссіяхъ, гдѣ постороннимъ присутствовать нельзя. Что-то тамъ такое потолкуютъ втихомолку и только, а на общемъ собраніи только и осталось, что предсѣдателю собранія прочитать—прошелъ или нѣтъ тотъ или другой вопросъ. А коммиссіи составляются изъ тѣхъ же гласныхъ, которые засѣдаютъ и на общемъ собраніи. Если ко всему этому прибавить еще малочисленность гласныхъ изъ крестьянъ и давленіе на нихъ гласныхъ изъ дворянъ, въ особенности давленіе гласныхъ-земскихъ начальниковъ на гласныхъ-старшинъ, то въ общемъ и получается то, что на земскомъ собраніи отстаиваются только интересы дворянъ да города, а крестьянскихъ интересовъ такъ и некому отстаивать. Положимъ, и говорятъ, что предсѣдатель управы всѣ средства употребилъ на то, чтобы во всѣхъ случаяхъ соблюсти справедливость, но вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ.

— Но вотъ позвольте,—перебилъ я знакомаго.—Неужели изъ всего собранія только одинъ предсѣдатель управы и отстаивалъ интересы справедливости?

— Только онъ одинъ и больше никто. Дѣло въ томъ, что все собраніе раздѣлилось на двѣ партіи—городскую и дворянскую, и, какъ я уже упомянулъ, каждая изъ этихъ партій отстаивала свои интересы, а интересы крестьянъ такъ и оставались втунѣ. Вѣдь одному человѣку трудно бороться съ цѣлымъ собраніемъ во главѣ съ предсѣдателемъ.

— Но все-таки на нынѣшнемъ собраніи вѣдь было сдѣлано больше, чѣмъ на собраніяхъ предыдущихъ годовъ.

— Кое-что, конечно, сдѣлано, и на этомъ спасибо. Но столько-ли можно было сдѣлать, еслибы все, что было предложено предсѣдателемъ управы собранію, провести вполнѣ. Взять хоть, напримѣръ, всеобщее обученіе. Если докладъ о всеобщемъ обученіи прошелъ не вполнѣ, такъ это только благодаря дворянской партіи да еще тому, что этотъ вопросъ предварительно обсуждался въ коммиссіи. Въ нынѣшнихъ земскихъ собраніяхъ, мнѣ кажется, главное зло заключается въ коммиссіяхъ. Эхъ, не то было 15—20 лѣтъ тому назадъ. Да, ушло то золотое времячко, когда истину и справедливость въ земскомъ собраніи каждый

изъ гласныхъ могъ всегда отстоять, ничѣмъ не рискуя при этомъ,—со вздохомъ заключилъ свою рѣчь знакомый.

Въ его словахъ было много горькой правды, какъ по отношенію ко всѣмъ земскимъ собраніямъ, такъ въ частности и по отношенію къ череповскому.

Чтобы поближе познакомиться съ тѣмъ, что было подготовлено къ земскому собранію и что прошло на немъ, я занялся чтеніемъ докладовъ и журналовъ собранія. При взглядѣ на списокъ докладовъ меня поразило одно обстоятельство, заслуживающее не только вниманія и удивленія, но и искренняго сожалѣнія.

Изъ ряда докладовъ земской управы я остановлюсь подробнѣе только на трехъ.

Изъ доклада по всеобщему обученію видно, что, принимая во вниманіе всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, для введенія всеобщаго обученія въ Череповскомъ уѣздѣ нужно еще открыть 98 школъ, на что потребуется не болѣе 10.000 руб. Докладъ предлагаетъ открывать школы трехъ типовъ: нормальныя, по положенію 25 мая 1874 года, церковно-приходскія и школы упрощеннаго типа съ двумя отдѣленіями, равняющимися по программѣ первымъ двумъ отдѣленіямъ нормальной школы. Въ нормальныя школы, въ которыхъ число учащихся превышаетъ шестьдесятъ, должны назначаться помощники, но при этомъ уже школа принимаетъ слѣдующій видъ. Помощникъ занимается съ первымъ и вторымъ отдѣленіями, а учитель съ третьимъ и четвертымъ. Послѣднее отдѣленіе образуется изъ учениковъ, прошедшихъ трехъ-годичный курсъ школы. Въ немъ преподаются тѣ же предметы, только въ большемъ объемѣ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, въ этомъ отдѣленіи сообщаются прикладныя знанія, какъ-то: пчеловодство, садоводство, огородничество и пр., смотря потому, на что способенъ учитель и какой изъ этихъ предметовъ онъ больше знаетъ.

Содержаніе каждой школы упрощеннаго типа должно обходиться въ 50 руб. Учителями въ нихъ должно поставлять лучшихъ учениковъ, окончившихъ въ двуклассныхъ министерскихъ училищахъ и послѣ этого около года практиковавшихъ подъ руководствомъ опытнаго учителя, а потомъ сдавшихъ экзаменъ на учителя при учительской семинаріи.

Эти школы должны находиться въ вѣдѣніи земства, подъ наблюденіемъ уѣзднаго училищнаго совѣта. Ближайшими наблюдателями въ нихъ должны быть учителя и законоучителя нормальныхъ земскихъ школъ. Всѣ 98 школъ предполагалось открыть въ два года на средства, предоставленныя въ распоряженіе уѣздныхъ земствъ по ст. 3 Высочайше утвержденнаго 7 іюня 1895 года мнѣнія государственнаго совѣта [1]). Эти средства, согласно указанію закона, уѣздныя земства могутъ испрашивать на нужды народнаго образованія. По вопросу о введеніи всеобщаго обученія въ уѣздѣ собраніе постановило: 1) одобрить проектированную въ докладѣ организанію начальной школы; 2) ходатайствовать передъ правительствомъ объ открытіи школъ упрощеннаго типа съ двухлѣтнимъ курсомъ, 3) отклонить ходатайство управы объ отпускѣ изъ губернскаго земства предоставленныхъ въ распоряженіе уѣзднаго земства 9.020 рублей, составляющихъ по

[1]) Средства, оказавшіяся свободными отъ содержанія земскихъ начальниковъ, которые теперь содержатся на государственныя средства.

ст. 3 Высочайше утвержденнаго 7 іюня 1895 г. мнѣн. госуд. сов., особое подраздѣленіе губернскаго сбора, въ виду того, что капиталъ этотъ, будто бы, *имѣетъ спеціальное назначеніе на исправленіе путей сообщенія*; 4) поручить управѣ войти съ ходатайствомъ передъ высшимъ правительствомъ о помощи череповскому земству на открытіе 40 школъ по положенію 25 мая 1874 г. по 300 рублей на каждую и на 60 школъ упрощеннаго типа по 50 руб. на каждую, а на всѣ 100 школъ до15.600 руб. Теперь остается только ждать разрѣшенія открывать школы упрощеннаго типа и удовлетворенія ходатайства объ отпускѣ 15.600 руб.

Къ 1896 году народное образованіе въ Череповскомъ уѣздѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Всѣхъ земскихъ школъ въ уѣздѣ 84 съ 4.090 учащимися. Въ 1895 году выбыло до окончанія курса 12%. Замѣчательно, что большій процентъ выбывшихъ наблюдается въ худшихъ школахъ (31%) и наоборотъ—(2%), что указываетъ на желательное отношеніе къ хорошей школѣ какъ учащихся, такъ и ихъ родителей. Въ прошломъ году далеко не всѣ школы могли вмѣстить желавшихъ учиться; такъ, напримѣръ, приходило 100 человѣкъ, а принималось 50; приходило 80, а принималось 40. Очевидно, ужъ ушло то время, когда земства силой навязывали крестьянамъ школы. Изъ всѣхъ школьныхъ зданій неудовлетворительныхъ только шесть. 35 школьныхъ зданій принадлежатъ земству, а остальныя обществамъ и частнымъ лицамъ. На устройство новыхъ школьныхъ помѣщеній постановлено ежегодно отпускать по 400 рублей на два помѣщенія, по 200 руб. на каждое, съ тѣмъ, чтобы управа выдавала 100 руб., когда зданіе готово вчернѣ, и 100 рублей, когда подведено подъ крышу. Зданія должны строиться по плану, выработанному управой при участіи мѣстныхъ педагоговъ. Согласно докладу управы, нынѣшнее собраніе постановило закрывать тѣ школы, гдѣ зданія плохи или нѣтъ квартиры для учителя, разсчитывая на то, что теперь уже народъ настолько привыкъ къ школѣ, что не захочетъ съ ней разстаться, а найдетъ и удовлетворительное помѣщеніе, дастъ и квартиру для учителя, лишь бы только не была закрыта школа. При теперешней назрѣвшей потребности народа въ школѣ, этотъ разсчетъ, конечно, вполнѣ вѣренъ. При 22 школахъ имѣется земля, но хозяйства ведутся только при 12 школахъ. За то пчеловодство все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ распространяется среди учителей. Теперь уже имѣются пасѣки почти при 30 школахъ. Доходъ отъ нихъ получается очень хорошій. Пасѣка въ 20 ульевъ даетъ чистаго дохода отъ 200 до 400 рублей. Развилось пчеловодство среди учителей исключительно благодаря директору мѣстной учительской семинаріи, г. Исаину. По образовательному цензу учителя раздѣляются: на кончившихъ въ учительскихъ семинаріяхъ 47, въ женскихъ гимназіяхъ 14, въ духовныхъ семинаріяхъ 1, въ епархіальныхъ училищахъ 12. Изъ 84 учителей и учительницъ на низшемъ окладѣ (200 руб., не прослужившіе 5 лѣтъ) находится 33 чел., на среднемъ (240, прослужившіе болѣе 5 лѣтъ) 24 чел. и на высшемъ (300 руб., прослужившіе болѣе 10 лѣтъ) 17 чел. На 1895 г. на учебныя пособія было ассигновано собраніямъ 1.400 рублей, но управа израсходовала 1.789 рублей 89 коп., однако, еще далеко не снабдивши надлежащимъ образомъ учебными пособіями всѣ школы. Принимая это во вниманіе,

нынѣшнее собраніе на учебныя пособія ассигновало 1.800 руб. Всего на народное образованіе на 1896 годъ земское собраніе ассигновало 30.334 руб. да кредитомъ 450 руб. Постановлено открыть 10 новыхъ школъ нормальнаго типа. Новыя школы въ череповецкомъ земствѣ открываются на слѣдующихъ основаніяхъ. Земство даетъ учителя, законоучителя и учебныя пособія, а объ остальномъ, т.-е. о помѣщеніи, классныхъ принадлежностяхъ и пр. должны позаботиться сами крестьяне. Трудно выразить на словахъ положеніе школы, открытой на такихъ основаніяхъ. Помѣщенія, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не удовлетворяютъ гигіеническимъ и педагогическимъ требованіямъ; холодъ и сырость, а за ними постоянныя головныя боли, лихорадки, малокровія и пр.— вотъ постоянные и неизмѣнные спутники школьнаго дѣла въ нашемъ уѣздѣ. Дрова доставляются крайне неаккуратно или и совсѣмъ не доставляются, и учителю или учительницѣ въ этихъ случаяхъ приходится клянчить у какого-нибудь богатаго мужика или батюшки, чтобы онъ снабдилъ школу дровцами и не далъ бы совсѣмъ замерзнуть. Аренда за помѣщенія платится неисправно, потому что родители учениковъ не въ силахъ дѣлать вносовъ за ученье болѣе чѣмъ по 1 руб.; хозяева, не получающіе за свои помѣщенія аренды, устраиваютъ учителямъ скандалы, и т. д., и т. д. При такихъ условіяхъ въ особенности тяжело работать учительницамъ. И дивишься безконечному долготерпѣнію несчастныхъ тружениковъ. Впрочемъ, такое положеніе вещей не замедлило дать свои результаты,— земство уже начинаетъ пожинать достойные плоды. По наблюденіямъ нѣкоторыхъ членовъ училищнаго совѣта, школы въ Череповскомъ уѣздѣ начинаютъ падать; лучшіе учителя бѣгутъ безъ оглядки съ учительскихъ должностей—или въ учительскій институтъ, или на болѣе выгодныя въ матерьяльномъ отношеніи должности, и къ 1-му сентября нынѣшняго года должно было открыться до 20 свободныхъ учительскихъ должностей, замѣстить которыя не легко, такъ какъ кандидатовъ, имѣющихъ спеціальную подготовку, пока имѣется не больше десяти. Въ заключеніе сдѣланныхъ замѣтокъ по народному образованію скажу, что въ истекшемъ учебномъ году умерли двое молодыхъ учителей, только-что въ прошломъ году окончившихъ учительскую семинарію. Одинъ изъ нихъ былъ боленъ еще въ семинаріи, а потому его учительское положеніе, быть можетъ, только ускорило смерть, а другой, можно положительно сказать, умеръ отъ помѣщенія, въ которомъ зимой *внутри дулъ* и которое земство изъ принципа — лучше больше школъ съ плохими помѣщеніями, чѣмъ мало съ хорошими—не поправило.

Народное образованіе въ Череповскомъ уѣздѣ несомнѣнно быстро бы подвинулось впередъ, еслибы проектированное въ 1894 г. «Общество содѣйствія народному образованію въ Череповскомъ уѣздѣ» было утверждено. Проектъ этого общества былъ сочувственно встрѣченъ лицами самаго разнообразнаго положенія и состоянія. Въ самое короткое время въ число членовъ-учредителей записалось болѣе 60 человѣкъ, и изъ пожертвованій составился порядочный капиталъ. Надежды на «Общество» возлагались большія, потому что оно почти во всѣхъ отношеніяхъ было обезпечено, но оно не было утверждено.

Теперь приведу краткое содержаніе доклада управы «о приведеніи въ порядокъ земельнаго инвентаря уѣзда и о пониженіи доходности некультурныхъ

земель уѣзда». Изъ доклада ясно видно, насколько была раззорительна для многихъ землевладѣльцевъ та рутинная система обложенія земель, которая практиковалась въ череповецкомъ земствѣ до 1896 года. По этой системѣ одни землевладѣльцы (большею частью собственники и притомъ богатые) пользовались льготнымъ обложеніемъ, а другіе облагались усиленно. Изъ 1.024 дачъ генеральнаго межеванія уѣзда цѣлымъ 45% дачамъ не было до сихъ поръ сдѣлано правильнаго количественнаго учета. Удобныя земли, числившіяся по планамъ генеральнаго и спеціальнаго межеваній и другимъ офиціальнымъ документамъ за одними владѣльцами—переоблагались, а за другими недооблагались. При обложеніи земель земство руководствовалось ст. 10 врем. прав. по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ и устав. о земск. повин. (т. IV) изд. 1857 г., прилож. къ ст. 55 (прим.) п. 4, гдѣ говорится, что количество подлежащихъ обложенію земель должно быть исчислено на основаніи оффиціальныхъ документовъ: межевыхъ книгъ и плановъ, купчихъ крѣпостей и другихъ актовъ владѣнія. Дальше докладъ говоритъ, что въ отношеніи дѣленія удобныхъ земель по угодьямъ не существовало рѣшительно никакого опредѣленнаго общаго порядка, что видно изъ слѣдующаго.

Земли казны дѣлятся по угодьямъ, согласно свѣдѣніямъ управленія государственныхъ имуществъ, доставленнымъ въ послѣднее время. Земли сельскихъ обществъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, распредѣлены по угодьямъ на основаніи уставныхъ грамотъ и нарѣзочныхъ плановъ, т.-е. на основаніи данныхъ, собранныхъ 30 лѣтъ тому назадъ; земли сельскихъ обществъ, бывшихъ государственныхъ крестьянъ, на основаніи владѣнныхъ записей, т.-е. свѣдѣній, полученныхъ 20 лѣтъ тому назадъ.

Земли частныхъ владѣльцевъ облагаются по угодьямъ у однихъ владѣльцевъ на основаніи плановъ генеральнаго межеванія, у другихъ на основаніи плановъ спеціальнаго межеванія, и т. д. Случаются и такіе курьезы, что владѣльцы оказываются собственниками никогда въ дѣйствительности не существовавшихъ усадебъ, пашенъ, покосовъ и выгоновъ.

Изъ всего этого видно, «насколько обложеніе земель 1) неправильно по количественному исчисленію, 2) неправильно по исчисленію удобныхъ земель и 3) далеко отъ фактическаго состоянія удобныхъ земель».

Поэтому легко себѣ представить, какая ужасная путаница и неурядица была въ обложеніи земель. Замѣчательно и заслуживаетъ удивленія еще одно явленіе въ земельномъ инвентарѣ уѣзда. Въ Череповскомъ уѣздѣ еще до сихъ поръ существуетъ разрядъ земель, совершенно свободныхъ отъ всякаго обложенія. По докладу, этихъ земель числится во всемъ уѣздѣ 9.163,9 десятинъ. Надо себѣ представить состояніе владѣльцевъ этихъ земель. Конечно, тѣ изъ нихъ, которые хорошо освѣдомлены съ существующими относительно этого законами и правилами, помалчивали до поры до времени, но тѣ, которые ничего этого не знали, долгое время находились въ неопредѣленномъ состояніи, въ особенности собственники-крестьяне. Я знаю такихъ мелкихъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, которые уже болѣе 20 лѣтъ положительно ни копѣйки не платили никакихъ налоговъ за свои земли, но этому они ничуть не радовались, а напротивъ, постоянно безпокоились и всегда были готовы заплатить налоги, еслибы съ нихъ потребовали

этого. Одни даже многое множество разъ заявляли, куда слѣдуетъ, чтобы взыскивали съ нихъ налоги, но всѣ просьбы ихъ оставлялись безъ послѣдствій. Въ доказательство этого разскажу слѣдующій случай. Нынѣшней зимой приходитъ ко мнѣ знакомый мужикъ Михайло. Спрашиваю, что ему нужно.

— Да вотъ я слышалъ, что ты въ городъ ѣдешь.

— Ѣду.

— Ради Бога, разузнай ты тамъ, что будетъ съ нашей земелькой.

— Да что съ ней?

— Да, вишь ты, я за нее вотъ ужъ не плачу земству больше двадцати лѣтъ, такъ боюсь, чтобы все это вдругъ не взыскали и съ пеней. Вѣдь тогда я въ конецъ раззорюсь, а то землю съ торговъ продадутъ.

— Да почему же ты не платилъ?

— Не требовали, потому и не платилъ.

— Развѣ и окладныхъ листовъ никогда тебѣ не присылали?

— Вотъ это-то и есть, что окладныхъ-то листовъ не присылаютъ. Ужъ я гдѣ не побывалъ-то, кого и не просилъ-то, все чтобы брали съ меня въ земство-то. Вотъ и нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣзжалъ къ намъ изъ города начальникъ. Ну, я обсказалъ ему все это. Сказалъ, что будутъ высылать окладные листы, а что-то вотъ все еще нѣтъ. Пуще бы за всѣ года это земство съ общества не взыскало. Вѣдь теперь-то никто не знаетъ, что я не плачу, а какъ все это узнаютъ, такъ тутъ столько будетъ грѣха, что и не приведи Господи.

Узнаю въ городѣ. Оказывается, что съ новаго года окладные листы будутъ разосланы всѣмъ, кто раньше не платилъ за землю налоговъ, и что недоимка за прежніе года не будетъ взыскана. Нужно себѣ представить радость мужика, когда я передалъ ему это по пріѣздѣ изъ города.

Изъ доклада видно, что нѣкоторыя угодья исчислены совершенно произвольно. При этомъ всегда «преслѣдовалась исключительно одна цѣль—наказать владѣльца за недоставленныя земству необходимыя свѣдѣнія».

Достойно удивленія, что въ теченіе 30-лѣтняго своего существованія, череповецкое земство до 1896 года поразрядное исчисленіе земель рѣшительно ни въ чемъ не измѣняло. Числилась тридцать лѣтъ тому назадъ земля подъ лѣсомъ, такъ она числится и теперь по инвентарю земства, хотя лѣса на этой землѣ давнымъ-давно нѣтъ, а есть прекрасно раздѣланныя поля, покосы, выгоны и пр., а между тѣмъ эти поля, покосы и пр. продолжаютъ облагаться, какъ лѣса. Отсюда и льготное обложеніе. Въ то же время моховыя болота и боровыя мѣста, которыя совершенно лишены лѣса много лѣтъ тому назадъ и которыя теперь совсѣмъ не приносятъ дохода владѣльцамъ, продолжаютъ облагаться, какъ лѣсныя пространства, отчего и происходитъ усиленное обложеніе. Владѣльцы безчисленное множество разъ заявляли земству о перечисленіи этихъ земель въ низшій разрядъ, но всѣ заявленія оставались безъ послѣдствій. Владѣльцы, сознавая всю несправедливость такого обложенія, налоги платили плохо или даже и совсѣмъ отказывались платить. Въ результатѣ громадныя недоимки съ пеней, описи имѣній, наконецъ, торги, но, въ большинствѣ случаевъ, покупатель, боящійся налоговъ, не являлся, и недоимка, по-прежнему, продолжала увеличиваться.

Для иллюстраціи льготнаго и усиленнаго обложенія изъ тысячи фактовъ возьмемъ на выдержку нѣсколько. Въ имѣніи А. Ф. Румянцева до сихъ поръ облагалось всѣхъ покосовъ 1,4 дес., но, по показанію владѣльца, покосовъ въ имѣніи оказалось 106,6 дес. Въ имѣніи И. Е. Шаргина вся земля—2.872,5 д., за исключеніемъ 85 дес. пашни и 92½ дес. сѣнокоса,—облагалась какъ лѣсъ. По осмотрѣ имѣнія предсѣдателемъ управы и по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ управу владѣльцемъ, оказалось, что въ имѣніи покосовъ 463,7 дес. и пашни 173 дес. Есть и такія имѣнія, въ которыхъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ (а они-то вѣдь и служатъ руководствомъ, по которому облагаются земли), нѣтъ ни усадебной земли, ни покосовъ и пр., хотя и извѣстно, что въ этихъ имѣніяхъ ведутся правильно организованныя хозяйства съ скотоводствомъ. Есть даже имѣнія (напр., наслѣдниковъ врача Остроумова, кр. Яруничева, учителя Базова), облагающіяся исключительно какъ лѣсъ и то во 2-мъ разрядѣ, тогда какъ въ этихъ имѣніяхъ болѣе 10 лѣтъ уже ведутся полевыя хозяйства и пр. Въ дер. Кокунино числилось пашни 2¼ дес.,—оказалось 56½ дес., сѣнокоса числилось 8¼ дес.,—оказалось 162½ дес. Въ дер. Демидовѣ числилось пашни 184 дес., оказалось 396 дес., покоса числилось 321 дес., оказалось 1.029 дес., и т. д., и т. д. Такое явленіе наблюдается во всемъ уѣздѣ. Примѣровъ относительно переобложенія едва-ли нужно приводить, потому что ужъ объ этомъ не одинъ разъ шла рѣчь. Въ виду всего этого, докладъ предлагаетъ обновить поразрядный инвентарь на основаніи новѣйшихъ свѣдѣній, собранныхъ по всѣмъ дачамъ уѣзда одновременно и единообразно.

Еще земское собраніе 1893 г., имѣя въ виду улучшеніе въ земельномъ обложеніи уѣзда, постановило: 1) признать, что земли уѣзда должны дѣлиться на удобныя и неудобныя, а удобныя должны дѣлиться по угодьямъ, по фактическому ихъ состоянію, а не по планамъ генеральнаго и спеціальнаго межеваній, которые въ этомъ отношеніи теперь уже устарѣли, 2) ассигновать 1.000 рублей въ пособіе губернскому земству для производства статистическихъ работъ о состояніи земель уѣзда. Въ теченіе 1894—1895 гг. свѣдѣнія о состояніи земель были собраны и, по повѣркѣ ихъ управой, найдены вѣрными. Въ сессію 1895 г. управа и предложила собранію на 1896 годъ земли уѣзда зачислить на обложеніе по количеству ихъ и качеству, на основаніи собранныхъ данныхъ, а впредь, чтобы не допускать упущеній, разрѣшить управѣ производить исправленія въ новомъ инвентарѣ, соотвѣтственно измѣненію состоянія земель. Собраніе постановило мнѣніе управы признать правильнымъ и утвердило единогласно.

До сихъ поръ рѣчь шла только о приведеніи въ порядокъ земельнаго инвентаря уѣзда. Дальше въ докладѣ говорится о пониженіи доходности некультурныхъ земель уѣзда. Краткое содержаніе этой части доклада слѣдующее.

Всѣ лѣса уѣзда дѣлятся на двѣ группы—лѣсъ по болоту и лѣсъ по суходолу. Какъ та, такъ и другая группа лѣсовъ облагались, конечно, по тѣмъ же оффиціальнымъ даннымъ, по какимъ облагались и прочіе виды земель. Большинство болотъ, а отчасти и суходоловъ (боровыхъ мѣстъ) вырублено уже много лѣтъ тому назадъ. Новый лѣсъ на этихъ земляхъ еще не выросъ, а культурной

эту землю сдѣлать нельзя. Слѣдовательно, владѣльцамъ эти земли не приносятъ никакого дохода, хотя и продолжаютъ облагаться, какъ лѣсныя пространства. При всемъ этомъ еще надо принять во вниманіе и то, что эти некультурныя, не приносящія дохода земли облагаются, сравнительно съ культурными, очень высоко, по сравненію съ другими уѣздами губерніи. Въ Череповскомъ уѣздѣ доходность культурныхъ земель превышаетъ доходность некультурныхъ только въ $3^1/_2$ раза, тогда какъ въ сосѣднемъ Кирилловскомъ уѣздѣ въ 10 разъ, въ Бѣлозерскомъ въ $7^1/_2$ разъ, въ Устюженскомъ въ 12 разъ и т. д. «Доходность земель, числящихся въ инвентарѣ «лѣсъ по болоту», исключительно фиктивная. Въ уѣздѣ есть даже дачи, которыя при правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ, даютъ валовой доходъ съ десятины въ 0,006 коп.!» (?!) «Эти живые и громко говорящіе факты игнорировались земствомъ. Не смотря на массовыя ходатайства о пониженіи доходности, обращавшіяся къ земскимъ собраніямъ отъ частныхъ владѣльцевъ и крестьянскихъ обществъ цѣлыхъ волостей въ теченіе 15 лѣтъ, земство оставалось глухо, отклоняя ихъ подъ разными предлогами чисто формальнаго свойства и продолжая облагать не существующія, уже исчезнувшія цѣнности». И къ настоящему земскому собранію тоже представлено (какъ это видно изъ вѣдомостей, приложенныхъ къ докладу) 23 прошенія отъ крестьянскихъ обществъ и частныхъ землевладѣльцевъ о перечисленіи малодоходныхъ земель въ низшій разрядъ.

Но такъ какъ просьбы о пониженіи доходности некультурныхъ земель, какъ уже объ этомъ и говорилось, земствомъ не удовлетворялись, а налоги платились неисправно или совсѣмъ не платились, то на многихъ имѣніяхъ и наросли громадныя недоимки. Такія имѣнія, въ большинствѣ случаевъ, ни кѣмъ не покупаются при продажѣ, а остаются за земствомъ, что для послѣдняго очень невыгодно. Земство съ этими имѣніями рѣшительно не знаетъ что и дѣлать. Если и находится иногда случайный покупатель, то и тутъ повторяется та же исторія, т.-е. новый владѣлецъ не платитъ налоговъ и имѣніе снова дѣлается собственностью земства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этой сказкѣ про бѣлаго быка, кажется, и конца не предвидится. Напримѣръ, на имѣніи крестьянъ дер. Попадвина, состоящемъ изъ 3.464 дес., образовалась недоимка въ 668 руб. Имѣніе было продано за 49 руб., которые и поступили въ уплату земскаго сбора. Крестьяне вновь пріобрѣли это имѣніе и вновь образовалась недоимка въ 422 руб. 71 коп. «Да и слѣдуетъ-ли платить?» вопрошаетъ докладъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ, что это имѣніе опять можно черезъ подставное лицо купить за нѣсколько рублей, которые и пойдутъ въ уплату недоимки. Крестьяне еще все-таки дорожатъ хотя бы и тощенькимъ лѣскомъ, который растетъ въ болотѣ и который все-таки годенъ на дрова, и эти худенькія имѣньица покупались бы охотно, но покупатели не смѣютъ къ нимъ и приступиться, настолько они боятся налоговъ. Управа постоянно получаетъ заявленія, что и купили бы землю, да налоговъ боятся. Само собой разумѣется, что эта ужасная неурядица сильно раззоряетъ владѣльцевъ и годъ отъ году все болѣе запутываетъ денежныя средства земства.

Для устраненія всего этого, докладъ предложилъ собранію выдѣлить «лѣса по болоту въ особый разрядъ» съ цѣнностью по 1 руб. десятина, «лѣса по сухо-

долу» съ цѣнностью по 3 руб. десятина, отчего произойдетъ пониженіе цѣнностей на 77.140 руб. 46 коп., но это пониженіе болѣе чѣмъ покроется отъ приведенія въ порядокъ земельнаго инвентаря, т. е. отъ перечисленія лѣсныхъ пространствъ въ пашни, покосы и пр., отчего произойдетъ повышеніе цѣнностей на 99.752 руб. 59 коп.

Управа предложила собранію вмѣстѣ съ пониженіемъ доходности некультурныхъ земель поручить ей составить списокъ недоимокъ, подлежащихъ сложенію, такъ какъ только эта мѣра и можетъ спасти многія имѣнія отъ продажи.

Все, что было предложено докладомъ, собраніе утвердило единогласно.

Съ внѣшней стороны докладъ положительно блестящій. Другое дѣло, если вдуматься во внутреннюю сторону доклада, въ его послѣдствія, тогда невольно напрашивается вопросъ—будетъ-ли лучше отъ приведенія въ исполненіе предложенныхъ докладомъ мѣръ? Да, будетъ, но только не крестьянамъ. Что увеличеніе культурныхъ угодій произошло, главнымъ образомъ, у крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ,—это фактъ, достовѣрность котораго едва-ли кто будетъ оспаривать. Слѣдовательно, и увеличеніе цѣнностей, получившихся отъ приведенія въ порядокъ земельнаго инвентаря уѣзда, падетъ, главнымъ образомъ, на крестьянъ, уже и безъ того обремененныхъ непосильнымъ количествомъ всевозможныхъ налоговъ. Крупнымъ землевладѣльцамъ теперь ужъ, конечно, не придется проливать слезъ о тяжести налоговъ, потому что съ нѣкоторыхъ теперь вдругъ спадетъ по 100—200 руб. (а то и болѣе) налоговъ. Главное и серьезное вниманіе земской управѣ слѣдовало бы обратить на слѣдующее явленіе. Лѣсныя пространства, при отсутствіи всякихъ затратъ и трудовъ на нихъ, даютъ изъ года въ годъ прогрессивный доходъ, между тѣмъ какъ доходность культурныхъ земель теперь исключительно фиктивная, да и поднятія ея совсѣмъ не предвидится. Слѣдовательно, теперь, послѣ проведенія этого доклада, обязанность управы ходатайствовать о пониженіи цѣнностей культурныхъ земель уѣзда раза въ 2—3 и о повышеніи цѣнностей лѣсныхъ пространствъ разъ въ 5—6. Это будетъ куда лучше всякаго «приведенія въ порядокъ земельнаго инвентаря и пониженія доходности некультурныхъ земель». Впрочемъ, вѣдь это будетъ совсѣмъ не въ руку крупнымъ лѣсопромышленникамъ, владѣющимъ большими лѣсными пространствами. А таковые на собраніи были и будутъ, значитъ, и провести этого никогда не удастся, не смотря на очевидную справедливость и законность сдѣланнаго замѣчанія о повышеніи цѣнностей лѣсныхъ пространствъ и о пониженіи цѣнностей культурныхъ земель.

Къ числу выдающихся докладовъ также слѣдуетъ отнести и докладъ по вопросамъ, изложеннымъ въ запискѣ г. министра земледѣлія. Читатель уже знаетъ, что министерство земледѣлія, желая узнать истинное экономическое состояніе страны и средства къ поднятію ея экономическаго благосостоянія, разослало всѣмъ земствамъ Россіи слѣдующіе вопросы:

Какія нужды земледѣлія представляются въ губерніи настолько назрѣвшими и неотложными, что требуютъ возможно скорѣйшаго ихъ удовлетворенія? Какія именно мѣры признаются въ настоящее время наиболѣе, по мѣстнымъ условіямъ, цѣлесообразными для удовлетворенія указанныхъ нуждъ? Удовлетвореніе какихъ именно сельскохозяйственныхъ нуждъ представляется, по мѣстнымъ

условіямъ, нынѣ наиболѣе удобоосуществимымъ? Какія, затѣмъ, требованія сельскаго хозяйства, не имѣющія характера неотложности или же встрѣчающіяся съ болѣе или менѣе важными трудностями въ ихъ разрѣшеніи, должны составить задачу будущаго? Какія мѣры на пользу мѣстнаго земледѣлія могутъ быть приведены въ исполненіе самимъ земствомъ и какія изъ нихъ потребуютъ участія или содѣйствія министерства земледѣлія?

Докладъ, прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, бросаетъ бѣглый взглядъ на состояніе хозяйства въ уѣздѣ.

Изъ 675 тысячъ десятинъ удобной земли уѣзда 82 тыс. дес. принадлежитъ казнѣ, 4 тыс. дес. городу, 274 тыс. дес. крестьянскихъ надѣловъ и 315 тыс. дес. частныхъ домовладѣльцевъ. При взглядѣ на это росписаніе земель сразу бросается въ глаза одна печальная ненормальность, главной подавляющей массѣ населенія—крестьянамъ принадлежитъ только около $^1/_3$ всей этой земли, если не считать, что еще 148 тыс. дес. принадлежитъ крестьянамъ-собственникамъ. Но этихъ послѣднихъ нельзя сравнивать съ первыми, потому что большинство изъ нихъ принадлежитъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ, между которыми встрѣчаются владѣльцы громадныхъ пространствъ (одинъ, кажется, владѣлецъ 15 тыс. дес.). Отсюда ясно, что одна изъ главныхъ, обостренныхъ нуждъ здѣшняго крестьянства, это—недостатокъ въ удобной землѣ.

Говоря о непригодности крестьянскихъ хозяйствъ, докладъ указываетъ на отсутствіе главнаго условія хорошаго состоянія этихъ хозяйствъ—на отсутствіе *просвѣщенности крестьянства*. Далѣе привожу подлинныя слова доклада. «Сельскому хозяину» (вѣроятно, крестьянину) приходится не только работать, но онъ долженъ еще создавать условія, наиболѣе благопріятныя для своей дѣятельности, въ зависимости отъ измѣняющихся условій климата, почвы, рынка и т. п., дѣлая такимъ образомъ свою работу болѣе производительною; передъ нимъ стоитъ задача улучшенія техники промысла; онъ долженъ обладать значительной долей энергіи, иниціативы. Все это требуетъ извѣстныхъ знаній и извѣстнаго уровня развитія». «Малое вліяніе частныхъ хозяйствъ на крестьянскія объясняется ихъ косностью (конечно, косностью крестьянъ, а не хозяйствъ), недальновидностью. И тутъ нужна извѣстная доля умственнаго развитія, чтобы воспользоваться результатами, добытыми на глазахъ». Боязнь производить реформы въ своихъ хозяйствахъ опять-таки объясняется «*непросвѣщенностью крестьянства*». Такимъ образомъ просвѣщеніе крестьянства въ широкомъ смыслѣ этого слова, подъемъ его культурнаго уровня, составляетъ основную задачу при разрѣшеніи вопроса о поднятіи сельскаго хозяйства въ уѣздѣ, составляетъ первую, неотложную, требующую скорѣйшаго удовлетворенія, мѣру. Безъ просвѣщенія крестьянства всякія другія мѣры, направляемыя къ поднятію крестьянскаго хозяйства, или вовсе не будутъ достигать цѣли или будутъ достигать въ малой степени.

Указывая на малоземелье крестьянъ, какъ на одну изъ важныхъ причинъ упадка крестьянскихъ хозяйствъ, докладъ видитъ единственное средство, которое можетъ отчасти улучшить положеніе крестьянъ въ этомъ отношеніи—это реформа крестьянскаго банка въ томъ смыслѣ, чтобы онъ выдавалъ долго-

срочный ссуды полностью съ процентами, не превышающими проценты дворянскаго банка, чтобы банкъ самъ производилъ сдѣлки въ покупкѣ земель и раздавалъ ихъ крестьянамъ. При прежнемъ уставѣ банка въ періодъ съ 1885 г. по 1889 г. включительно *при помощи банка* было произведено *5 сдѣлокъ на 293 дес.* Въ этотъ же періодъ *безъ банка* крестьянами было пріобрѣтено *20 тыс. дес.* Но эта земля, большею частью, пріобрѣтена крупными землевладѣльцами, а мелкіе пріобрѣтаютъ очень мало, да вдобавокъ еще при этомъ всегда кредитуются у кулаковъ, что для нихъ положительно тяжело.

Такъ какъ $^1/_6$ часть всѣхъ земель Череповскаго уѣзда находится подъ болотами, то поднятіе скотоводства находится въ зависимости отъ осушки этихъ болотъ.

«Для того, чтобы сельскохозяйственная промышленность стала въ условія нормальныя, необходимо устранить тѣ препятствія, которыя создаются для успѣховъ сельскохозяйственной промышленности оторванностью уѣзда отъ рынковъ, а главнымъ образомъ, отъ С.-Петербурга, какъ главнаго рынка для сбыта молочныхъ продуктовъ, овса и произведеній кустарной промышленности». Отсюда ясно видно, какое громадное значеніе для Череповскаго уѣзда имѣла бы желѣзнодорожная линія С.-Петербургъ-Череповецъ.

Докладъ этотъ собраніе постановило одобрить.

Кстати о желѣзной дорогѣ черезъ Череповецъ. Среди докладовъ управы есть докладъ и относительно этого вопроса.

Череповскій уѣздъ, съ населеніемъ въ 140 тысячъ, населенъ довольно плотно—на 1 кв. версту, не считая болотъ, приходится 23 человѣка. По уѣзду протекаетъ судоходная рѣка Шексна. Условія для земледѣлія и скотоводства въ Череповскомъ уѣздѣ сравнительно благопріятныя — почва удовлетворительная, климатъ ровный, смягчаемый сравнительно большимъ количествомъ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ. Изъ Череповскаго уѣзда въ одинъ С.-Петербургъ вывозится овса около 1 милліона пудовъ, сыру и масла на 1 милліонъ 300 тысячъ рублей [1]). Въ уѣздѣ развиты гвоздяной и бондарный промыслы. Первый теперь уже значительно упалъ (хотя въ послѣднее время какъ будто опять начинаетъ подниматься) — съ 800.000 пуд. гвоздей производство ихъ дошло до 200.000 пудовъ. Этимъ промысломъ занимаются въ 7 волостяхъ до 150 селеній. Еще недавно гвоздяной промыселъ давалъ вѣрный заработокъ цѣлымъ 40 тыс. населенія. Заводская и фабричная промышленность при громадномъ количествѣ рабочихъ рукъ, теперь ничѣмъ не занятыхъ, въ уѣздѣ совершенно

---

[1]) Кстати скажу мимоходомъ нѣсколько словъ о маслодѣліи въ нашемъ уѣздѣ. Оно находится почти исключительно въ рукахъ кулаковъ, которые эксплоатируютъ крестьянъ на всевозможные лады. Крестьяне, попавшіе въ ихъ крѣпкія лапы, почти никакими судьбами не могутъ вырваться изъ нихъ. За свое молоко отъ маслодѣловъ денегъ они почти никогда не получаютъ, а обыкновенно маслодѣлъ нерѣдко насильно всучиваетъ мужику плохой товаръ, конечно, по самой высокой цѣнѣ. Экономическое положеніе крестьянъ отъ маслодѣлія ничуть не улучшается, а здоровье ихъ дѣтей, напротивъ, ухудшается, потому что несчастныя дѣти почти никогда не видятъ настоящаго молока, кромѣ обраты. Почему бы не взяться земству за это дѣло? Отчего бы не устроить ему артельныхъ маслодѣленъ подъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ?

отсутствуетъ. Развитіе земледѣлія останавливается, а переходъ къ другимъ сельскохозяйственнымъ промысламъ невозможенъ. Лѣсной промыселъ, который даетъ теперь возможность заработать кусокъ хлѣба цѣлымъ тысячамъ крестьянъ, съ проведеніемъ Вологодско-Архангельской желѣзной дороги тоже упадетъ. Только что начавшее развиваться въ уѣздѣ пчеловодство уже видитъ всю невозможность въ будущемъ сбыта своихъ продуктовъ. Мясное производство, которое могло-бы развиться въ большихъ размѣрахъ, теперь носитъ исключительно мѣстный характеръ. Отчего все это? Отчего падаютъ промыслы въ уѣздѣ, а новые не прививаются? Отчего бѣднѣетъ край? А если заглянуть въ глаза будущему? На всѣ эти вопросы отвѣтъ одинъ—отъ того все это происходитъ, что нѣтъ общенія съ рынкомъ, т. е. С.-Петербургомъ. Отсюда ясно видно, какое громадное значеніе для Череповца и его уѣзда имѣла бы желѣзнодорожная линія С.-Петербургъ-Череповецъ. Съ проведеніемъ сѣверной желѣзной дороги черезъ Череповецъ быстро поднялось бы экономическое благосостояніе сѣвернаго края и его культурный уровень. Тогда бы открылась возможность не только развиться и процвѣсти существующимъ промысламъ, но и народиться новымъ, вліяніе которыхъ сразу же сказалось бы не только на Сѣверномъ краѣ, но и на С.-Петербургѣ, въ томъ смыслѣ, что многіе продукты, поставщикомъ которыхъ явился бы Сѣверный край, сдѣлались несравненно дешевле.

Не безъинтересенъ также докладъ управы и объ увеличеніи числа гласныхъ.

Еще земское собраніе 1893 г. сознало необходимость увеличенія числа гласныхъ, причемъ мотивы приводились слѣдующіе:

1) Въ первую коммиссію по обсужденію смѣтъ пришлось избрать всѣхъ гласныхъ.

2) Въ теченіе всей сессіи не могла быть образована ревизіонная коммиссія по недостаточному числу гласныхъ.

3) Постоянно встрѣчались затрудненія при выборѣ секретаря коммиссіи, сложныя обязанности котораго отказывались исполнять утомленные гласные.

4) Собранію постоянно грозила опасность оказаться не состоявшимся, вслѣдствіе недостаточнаго законнаго числа гласныхъ (10).

5) Отъ многихъ обширныхъ мѣстностей уѣзда на земскомъ собраніи не было представителей, что ставило собраніе въ затрудненіе, при обсужденіи многихъ хозяйственныхъ вопросовъ, или, какъ сказано въ журналѣ собранія—«могло ввести собраніе въ ошибки».

6) Въ дополненіе ко всему этому, управа указала нынѣшнему собранію на фактъ, случившійся въ собраніи очередной сессіи 1894 г. При выборѣ губернскихъ гласныхъ, вмѣсто трехъ, были выбраны только два, и только послѣ настоятельныхъ и продолжительныхъ просьбъ согласился одинъ изъ гласныхъ.

При бо́льшемъ числѣ гласныхъ, конечно, всѣ эти затрудненія были бы легко избѣгнуты.

Имѣя все это въ виду, собраніе 1893 г. постановило ходатайствовать объ увеличеніи числа гласныхъ. Постановленіе было препровождено въ губернское собраніе, которое его поддержало и, въ свою очередь, препроводило новгородскому губернатору, а послѣдній министру внутреннихъ дѣлъ. Министръ внутреннихъ

дѣлъ, не усматривая изъ означеннаго ходатайства, насколько именно желательно земству увеличить число гласныхъ, черезъ г. губернатора предложилъ этотъ вопросъ вновь передать на обсужденіе череповецкаго уѣзднаго земскаго собранія.

И дѣйствительно, страннымъ кажется, почему положено для Череповскаго уѣзда такое небольшое количество (15) гласныхъ. Изъ росписанія числа гласныхъ для уѣздовъ Новгородской губ. по ст. 14 пол. о земск. учрежд. видно, что въ уѣздахъ Бѣлозерскомъ, Кирилловскомъ и Устюжскомъ съ населеніемъ вдвое меньшимъ, сравнительно съ Череповскимъ, число гласныхъ назначается значительно превышающее число гласныхъ въ Череповскомъ уѣздѣ; такъ, въ Бѣлозерскомъ—30, въ Кирилловскомъ 22, въ Устюжскомъ 30. Въ уѣздахъ, съ пространствомъ меньшимъ Череповскаго уѣзда вдвое, число гласныхъ сравнительно съ Череп. у. значительно выше; такъ, въ Валдайскомъ 30, Демьянскомъ 23.

Докладъ предложилъ собранію число гласныхъ увеличить вдвое, не нарушая пропорціональнаго отношенія, установленнаго для отдѣльныхъ избирательныхъ группъ, т.-е. отъ перваго избирательнаго съѣзда вмѣсто 5 гласныхъ—10, отъ второго избирательнаго съѣзда вмѣсто 4 гласныхъ—8, отъ крестьянскихъ обществъ вмѣсто 6 гласныхъ—12 или вмѣсто 15 гласныхъ—30. Собраніемъ докладъ принятъ.

Собранію былъ представленъ докладъ управы о пособіи городской общественной библіотекѣ въ 150 руб. съ тѣмъ, чтобы библіотека безплатно отпускала книги сельскимъ учителямъ. Но собраніе это ходатайство отклонило, мотивируя тѣмъ, что учителя и безъ того уже *большое жалованье получаютъ*, а эти 150 руб. будутъ новой прибавкой къ жалованью (по 1 рублю на человѣка, вотъ такъ прибавка!). Впрочемъ, собраніе сдѣлало маленькую уступку въ этомъ направленіи: оно разрѣшило управѣ принять на себя безплатно пересылку книгъ для учителей изъ общественной библіотеки. Вотъ благодарность за тотъ непомѣрный трудъ, которымъ заняты учители. Невольно приходишь въ удивленіе—почему предсѣдатель управы, судя по докладамъ, человѣкъ, съ честными убѣжденіями, не могъ провести такого ничтожнаго доклада, какъ объ отпускѣ на безплатное пользованіе книгъ изъ общественной библіотеки.

Впрочемъ, теперь учителя и учительницы пользуются безплатнымъ отпускомъ книгъ изъ общественной библіотеки на средства, полученныя не то отъ любительскаго спектакля, не то отъ концерта. Вотъ въ какое положеніе поставило земство сельскихъ учителей: имъ пришлось принять даже что-то въ родѣ милостыни. Какъ ни тяжело принимать такое даяніе, но многіе изъ учителей, въ силу безвыходнаго положенія, все-таки воспользовались имъ, можетъ быть, и съ затаенной въ душѣ скорбью.

Для земскихъ учителей при управѣ имѣется и своя библіотека, только книгами изъ нея учителя не пользуются уже лѣтъ около 10. Причиной этому послужило то, что въ этой библіотекѣ нѣкоторыя книги найдены неудобными, а потому ихъ и изъяли изъ употребленія. Но чѣмъ же виноваты остальныя-то книги? Такъ эта библіотека и остается безъ употребленія.

К. Левинъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Принцъ, что за слова
Разстройства и смущенія!
«Гамлетъ» Шекспира.

Сознаніе, что развитіе государственной жизни въ томъ лишь случаѣ идетъ правильно, когда не только не игнорируются и не подавляются мѣстные интересы, а напротивъ, дается имъ и мѣстнымъ мнѣніямъ возможно большее мѣсто, заставило насъ обратить особое вниманіе на нашу провинціальную печать. А такъ какъ какая бы то ни была жизнь въ наше время отражается въ печати и до извѣстной степени даже регулируется ею, то весьма понятно, что, при изученіи провинціальной жизни, мы не могли пройти мимо провинціальной печати и не обратить на нее должнаго вниманія. Для провинціальной печати, по нашему, ужъ прошло то время, когда она являлась тепличнымъ растеніемъ, которое холили истинные друзья просвѣщенія и нѣкоторые немногочисленные мецепаты; теперь она является уже живой, самостоятельной силой и имѣетъ большое значеніе въ нашемъ обиходѣ. Для нея мы отвели особую рубрику. Всякій мало-мальски безпристрастный человѣкъ уже въ одномъ этомъ увидитъ, что наше отношеніе къ провинціальной печати серьезно и чуждо какихъ бы то ни было предвзятыхъ взглядовъ, что мы относимся къ ней, какъ къ силѣ, которая имѣетъ значеніе и которую, разумѣется, необходимо изучать.

Имѣя дѣло съ печатью, самой разнообразной, по своему составу и качеству, мы, понятно, не могли дать обѣта, что всегда будемъ приходить отъ нея въ восторгъ. Ужъ по тому одному мы этого сдѣлать не могли, что совершенства, какъ извѣстно, на свѣтѣ нѣтъ, и мы не имѣли рѣшительно никакихъ данныхъ для того, чтобы полагать, что провинціальная печать составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Мы полагали, что и въ ней тоже могутъ оказаться слабыя стороны. Возможно, конечно, что то, что намъ можетъ показаться недостатками, въ извѣстныхъ случаяхъ окажется достоинствомъ; но вѣдь у насъ могутъ быть свои взгляды, понятія, требованія. Если говорятъ все, что угодно, о произведеніяхъ самыхъ лучшихъ писателей и подвергаютъ критикѣ общественныхъ дѣятелей, то отчего того же самаго нельзя дѣлать относительно провинціальной журналистики? Къ сожалѣнію, по мнѣнію нѣкоторыхъ провинціальныхъ органовъ, оказывается, что критикѣ подлежитъ рѣшительно все, за исключеніемъ только одной провинціальной журналистики. Не то, чтобы о провинціальной печати совсѣмъ нельзя было говорить, нѣтъ, говорить о ней можно, но не иначе, какъ всегда въ возвышенномъ тонѣ. Всегда отъ нея нужно приходить въ восторгъ, а всѣ литературные перлы, которые выходятъ изъ подъ пера ея публицистовъ, должны приводить въ восхищеніе. Въ ней нѣтъ бездарностей, пошляковъ, аферистовъ; все, что приходитъ съ нею въ соприкосновеніе, всегда умно, талантливо, удивительно честно и порядочно, и всему этому обязательно нужно курить фиміамъ. Иначе лучше ничего не говорить. Такъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ

«Сибирскій Вѣстникъ» и «Одесскій Листокъ», которые сами о себѣ самаго, конечно, лучшаго мнѣнія. Въ томъ, напр., что въ безстыдной рекламѣ моднаго магазина мы не увидѣли образцоваго литературнаго произведенія, «Одесскій Листокъ» усмотрѣлъ чуть не преступленіе. Такъ, баронъ Иксъ (фельетонистъ «Одесскаго Листка», тотъ самый, который изъ скромности не говоритъ, гдѣ центральнѣйшій центръ, центръ всѣхъ центровъ), который, по его словамъ, можетъ доказать свою литературную правоспособность цѣлыми двумя письмами отъ какихъ-то двухъ петербургскихъ редакцій, до того на насъ обидѣлся за то, что, говоря объ одесской прессѣ, мы его не выдѣлили, не отмѣтили особымъ флагомъ, что счелъ нужнымъ принять относительно насъ самыя строгія и энергическія мѣры. Онъ не только насъ, всѣхъ нашихъ сотрудниковъ, на вѣчныя времена предалъ анаѳемѣ, но и счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ такимъ репрессаліямъ, какъ «ампутированіе» нашего журнала, упустивъ, разумѣется, изъ виду, что не отъ него это зависитъ. Но и это барону Иксу показалось недостаточнымъ для насъ наказаніемъ и онъ выразилъ желаніе: «схватить» автора статьи объ одесской прессѣ «за голову и ткнуть... въ листы одесскихъ газетъ». Вотъ какія энергическія мѣры. Конечно, все это не такъ страшно, какъ объ этомъ думаетъ баронъ Иксъ [1]), и всѣ эти ужасы скорѣе похожи на декреты знаменитаго испанскаго короля Фердинанда VIII, чѣмъ на опроверженіе тѣхъ фактовъ, которые, говоря объ «Одесскомъ Листкѣ», мы приводили, но, тѣмъ не менѣе, это довольно-таки наглядно характеризуетъ взгляды и понятія нѣкоторыхъ провинціальныхъ публицистовъ. Мы ужъ не говоримъ о пріемахъ, потому что у каждаго свои пріемы. Одинъ доказываетъ свои мысли фактами, логическими доводами, а другой площадной руганью, даже кулаками и кляузами,—это зависитъ отъ человѣка, его воспитанія и привычекъ.

И вотъ, для того, чтобы разъ навсегда установить извѣстныя отношенія между нами и нашими провинціальными собратіями, мы считаемъ нужнымъ заявить, что мы всегда съ удовольствіемъ готовы выслушать какое угодно замѣчаніе, какую угодно мысль (хотя бы и непріятную для насъ), и если она будетъ логична и основательна, мы всегда готовы согласиться съ ними, а въ противномъ случаѣ будемъ, конечно, оспаривать ее. Но въ то же время мы положи-

---

[1]) Кстати, этотъ одесскій литературный увеселитель зарапортовался до того, что обвиняетъ «Новое Слово» въ похищеніи у него какой-то мысли, при чемъ, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что въ петербургскихъ редакціяхъ всегда съ нетерпѣніемъ ждутъ его фельетоновъ. Смѣемъ увѣрить барона Икса, что въ петербургскихъ редакціяхъ знаютъ объ его существованіи только по обязанности тѣ лица, которыя завѣдуютъ отдѣломъ провинціальныхъ газетъ. Для другихъ сотрудниковъ, которые не развертываютъ одесскихъ газетъ, ни барона Икса, ни его фельетоновъ не существуетъ. Но разъ баронъ Иксъ завелъ рѣчь о плагіатѣ, то мы посовѣтуемъ ему справиться по числамъ, въ какое число былъ помѣщенъ упомянутый фельетонъ, изъ котораго совершено похищеніе, и какого числа вышла августовская книжка «Новаго Слова» (гдѣ, по словамъ барона, оказалось похищенное), и онъ увидитъ, что похищеніе до появленія въ свѣтъ его фельетона никакъ не могло состояться, даже еслибы и было желаніе посягнуть на его необыкновенныя мысли.

Авт.

тельно отказываемся обращать вниманіе на простую безсмысленную ругань. Мы говоримъ всегда лишь на основаніи фактовъ, и, кому угодно оспаривать насъ, пусть оспариваетъ фактами же; внѣ же фактовъ, логики и здраваго смысла мы полемики не признаемъ.

Теперь считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ тѣмъ одесскимъ публицистамъ, которые не подтверждаютъ своихъ литературныхъ заслугъ письменными доказательствами и которые хотя и признаютъ, что въ нашей статьѣ объ одесской прессѣ есть «много вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній по адресу одесскихъ газетъ», но которые при этомъ находятъ въ ней много «претенціознаго» и, какимъ-то непонятнымъ для насъ образомъ, усматриваютъ въ ней желаніе устранить провинціальную печать отъ обсужденія общихъ вопросовъ. Тѣмъ болѣе, намъ приходится жалѣть объ этомъ невѣрномъ освѣщеніи нашей статьи, что такъ толкуетъ ее та порядочная одесская журналистика, которой приходится служить козломъ отпущенія за чужіе грѣхи. Очень возможно, что въ нашей статьѣ есть много недосказаннаго, детально не выясненнаго; но, во всякомъ случаѣ, *нѣтъ* и *быть не можетъ* того, что вычитываетъ изъ нея одесская пресса.

Желать устранить провинціальную печать отъ обсужденія общихъ вопросовъ мы никакъ не могли, потому что желаемъ обратнаго. Въ государственной и общечеловѣческой жизни частности такъ тѣсно связаны съ общимъ, что почти нѣтъ возможности провести границу между ними. Иногда самый ничтожный фактикъ имѣетъ громадное общественное значеніе; нужно только уловить связь между этимъ фактомъ и общимъ строемъ государственной и общественной жизни. Изъ этого слѣдуетъ, что разъ провинціальная печать существуетъ, т.-е. признана потребность въ ней, то ни коимъ образомъ нельзя отъ нея требовать, чтобы она не касалась общихъ вопросовъ. Какъ можетъ она выяснить, дать надлежащее освѣщеніе фактамъ изъ мѣстной жизни, если она не будетъ руководствоваться общими идеями и началами общечеловѣческой жизни? Какъ можетъ, скажемъ, одесская печать игнорировать общегосударственные вопросы, когда жизнь юга тѣсно и неразрывно связана съ жизнью всего русскаго государства? Гдѣ та сфера, область въ общерусской жизни, гдѣ югъ могъ бы сказать, что это его не касается? Если, напр., въ Петербургѣ будетъ идти рѣчь объ установленіи новаго налога, то развѣ югъ платить его не будетъ? Если Россія будетъ воевать, то развѣ югъ не будетъ давать солдатъ, не будетъ участвовать въ расходахъ этой войны? Какъ же можно говорить, чтобы пресса, пресса въ болѣе или менѣе серьезномъ значеніи этого слова, не касалась тѣхъ или другихъ общихъ вопросовъ, когда страна только тогда и сильна и крѣпка, когда въ ея нуждахъ и задачахъ участвуютъ не одинъ какой-нибудь отдѣльный районъ, не одна какая-нибудь группа населенія, а съ одинаковыми жертвами принимаютъ въ нихъ участіе всѣ мѣстности и все ея населеніе? Ясно, что въ нашей статьѣ мы не могли *ни прямо, ни косвенно* дойти до такого абсурда, какъ желаніе ограничить права провинціальной печати обсуждать общіе вопросы. Все, что мы могли желать (желаемъ и теперь), это—чтобы провинціальная печать, наравнѣ съ общими вопросами, не оставляла безъ вниманія и мѣстныхъ, которые безъ нея не могутъ быть разрѣшены и которые имѣютъ первостатейное значеніе, при раз-

рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Этимъ мы вовсе не хотѣли умалить роль и значеніе провинціальной печати, какъ не хотѣли бы унизить русскую печать вообще, еслибъ сказали, что изъ-за иностранной политики, которая несомнѣнно имѣетъ для насъ важное значеніе, не слѣдуетъ забывать того, что у насъ дѣлается дома. Во всякомъ дѣлѣ требуется извѣстный порядокъ, система и распредѣленіе труда. Если провинціальная печать всецѣло займется разрѣшеніемъ общихъ вопросовъ, а столичная будетъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ провинціи, то очень мало выйдетъ толку у обѣихъ.

Соглашаясь съ нами по существу, что журнальное дѣло въ Одессѣ развивается ненормально, «Одесскія Новости» сваливаютъ всю вину на одесскую публику. «Публика такая»,—говорятъ они: она требуетъ перебранки, скандаловъ, ухарства и площадной ругани, она безъ этого жить не можетъ.

Конечно, возможно, что «Одесскія Новости» правы и что одесская публика, дѣйствительно, такова, что жить не можетъ безъ шума, гама, вѣчной грызни изъ-за театральныхъ афишъ, газетныхъ объявленій и разныхъ другихъ прелестей, которыми всегда переполнены нѣкоторыя одесскія газеты; но нельзя при этомъ не сказать, что у насъ часто злоупотребляютъ этими вѣчными ссылками на «публику». Ужъ очень много валятъ у насъ на бѣдную публику, которая отвѣчаетъ рѣшительно за все. Но допустимъ, что одесская публика, дѣйствительно, такъ ужъ плоха и такъ всесильна, что можетъ заставить ходить головою внизъ, а ногами вверхъ. Посмотримъ, однако, дѣйствительно-ли это такъ? Одесская публика, помимо того, что содержитъ очень много образцовыхъ, общественныхъ и филантропическихъ учрежденій, такихъ, которыя могли бы служить образцами для столицъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи 33 типо-литографіи, 1 типографію, 6 литографій, 1 хромо-литографію, 3 словолитни. Книжныхъ магазиновъ она имѣетъ 43, кн. складъ—1, 16 книжныхъ ларей и будокъ, 11 библіотекъ для чтенія и 3 кабинета для чтенія. Книжныя магазины, библіотеки, типографіи, литографіи, какъ извѣстно, воздухомъ существовать не могутъ. Значитъ, одесская публика не только кое-что читаетъ, но и даетъ кое-что для чтенія другимъ. И дѣйствительно, въ послѣднее время въ Одессѣ стала выходить масса книгъ, брошюръ и спеціально научныхъ изданій. Въ Одессѣ выходятъ 3 большія ежедневныя газеты, которыя въ общемъ имѣютъ больше 30.000 подписчиковъ. Розничную продажу тоже въ Одессѣ нужно считать мало-мало тысячъ въ 10. Объявленій одесская публика даетъ своимъ газетамъ столько, что въ этомъ отношеніи имъ могутъ позавидовать и столичныя газеты. Если при этомъ взять въ разсчетъ народонаселеніе (изъ котораго навѣрно можно исключить 50 тыс. иностранцевъ и грековъ, которые русскихъ книгъ и газетъ не читаютъ), котораго въ Одессѣ считается около 200 тыс. чел., то окажется, что одесская публика не только не изъ худшихъ, но, пожалуй, даже такой публики врядъ-ли отыщешь во всей Россіи. Какъ бы то ни было, но одесская публика, если и не идеальная, то, во всякомъ случаѣ, такая, съ которой жить можно, и валить всю вину на нее нельзя. Она, публика, занята дѣлами, платитъ деньги, хочетъ, чтобъ ей дали почитать, а ужъ что ей даютъ, это не ея дѣло—это дѣло самихъ журналистовъ. При томъ журналистика вовсе не создана для того, чтобы давать только то, что *тре-*

буется, а не то, что *слѣдуетъ*. Журналисты—слуги своей публики, но въ то же время они и руководятъ ею. И поэтому-то журналисты всегда должны знать, куда они идутъ и чего хотятъ, иначе они могутъ зайти съ своей публикой въ такое болото, откуда и не выбраться.

Напрасно подозрѣваютъ насъ одесскіе публицисты и въ томъ, что мы противъ живости и легкости въ литературѣ. Ничуть не бывало. Самую серьезную мысль можно высказать въ самой легкой и даже игривой формѣ, отчего мысль только выиграетъ, но тяжеловѣсная глупость ровно ничего не выиграетъ отъ того, если она будетъ высказана въ самой легкой и игривой формѣ; все зависитъ отъ того, что и какъ высказывается. Безъ всякаго смысла, связи, содержанія, съ одной коротенькой строчки стрекозой перепрыгивать на другую, или ни къ селу, ни къ городу нагромоздить цѣлую кучу безсвязныхъ, громкихъ фразъ, именъ—это еще не значитъ быть легкимъ, живымъ и остроумнымъ, это значитъ просто не умѣть писать. Единственно противъ чего мы дѣйствительно возстаемъ,—это противъ того, когда люди, не умѣющіе писать, думаютъ, что они пишутъ очень легко и остроумно. Для того, чтобы писать легко и остроумно, нужно быть очень серьезнымъ писателемъ, гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ тѣ, которые всегда пишутъ очень серьезно. «Но вѣдь такъ писать учатъ насъ столичные литераторы,—возражаютъ намъ одесскіе публицисты,—за что жъ вы нападаете на насъ?» На это мы можемъ сказать слѣдующее. Какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, въ какой угодно сферѣ, есть люди порядочные, умные, талантливые и преданные своему дѣлу, но, какъ тутъ, такъ и тамъ, вездѣ и повсюду есть, и очень много, никуда негодныхъ людей, которые только портятъ то дѣло, за которое берутся. Литература, какъ и всякое человѣческое дѣло, естественно, не могла избѣгнуть горькой участи, чтобы въ нее не затесались люди, которые имѣютъ съ ней очень мало общаго. Понятно, что въ данномъ случаѣ слово столица еще ровно ничего не опредѣляетъ и ровно ни отъ чего не гарантируетъ. Въ столицѣ есть очень много почтенныхъ, талантливыхъ и безукоризненно-честныхъ писателей, но есть въ ней также не мало и такихъ, которые, безспорно, оказали бы русской литературѣ большую услугу, еслибы никогда ею не занимались. Вопросъ, слѣдовательно, сводится не къ столицѣ, а къ тому—кто и что пишетъ. Несомнѣнно, что провинціальная печать можетъ найти въ Петербургѣ много прекрасныхъ учителей, но безспорно и то, что она можетъ найти и такихъ, которые ее ничему хорошему не научатъ. И горе будетъ провинціальной печати, если она безъ разбора будетъ брать себѣ въ учителя всѣхъ тѣхъ столичныхъ литературныхъ моншеровъ, которыхъ Петербургъ иногда брезгливо выбрасываетъ вонъ. Эти господа, прошедшіе огонь, воду и мѣдныя трубы, могутъ превратить ее въ такую печать, отъ которой обыватель волкомъ завоетъ. Все, значитъ, зависитъ отъ выбора, и, по нашему, ужъ разъ приходится имѣть дѣло съ учителями, то прямой разсчетъ выбирать для этого людей убѣжденныхъ, знающихъ, добросовѣстныхъ, а не какихъ-то загадочныхъ остроумцевъ, могущихъ увеселять одесскую буржуазію.

Опровергая наше обвиненіе, что одесская пресса мало занимается мѣстными вопросами, одесскіе публицисты ставятъ намъ на видъ: конку, водопроводъ, театръ, которыми они постоянно занимаются. На это мы должны сказать, что,

во-первыхъ, слово «мало» еще не значитъ, что они вовсе ими не занимаются, а во-вторыхъ, что конкой, водопроводомъ и театромъ еще далеко не исчерпываются всѣ мѣстные вопросы. Мы очень хорошо понимаемъ, что конка, водопроводъ, театръ имѣютъ извѣстное мѣстное значеніе и что мѣстной прессѣ игнорировать эти вопросы нельзя, но вѣчно заниматься одними и тѣми же вопросами намъ кажется совершенно излишне и безцѣльно. А могутъ-ли одесскія газеты указать время, день, когда эти вопросы сошли бы съ ихъ столбцовъ?—Нѣтъ не могутъ. Притомъ, что такое въ журнальномъ смыслѣ называется мѣстными вопросами и мѣстною жизнью? Это вовсе не то, что какой-нибудь инженеръ совмѣстно съ городскими заправилами обошли городъ и устроили игрушечный водопроводъ; это, такъ сказать, случайное происшествіе въ мѣстной жизни и ничѣмъ, въ сущности, мѣстную жизнь не характеризирующее. Мѣстными вопросами и мѣстною жизнью называется все то, что обусловливаетъ какъ нравственный, такъ и матерьяльный бытъ этой мѣстности. Сюда входитъ и экономическое положеніе этой мѣстности, и этнографическія особенности ея населенія, его нравы, обычаи и степень его культурнаго развитія; сюда же входятъ самыя разнообразныя нужды, задачи, словомъ, мѣстная жизнь и мѣстные вопросы—это такая обширная область и такая серьезная задача, которая далеко не исчерпываются двумя, тремя набившими оскомину вопросами и вѣчными разглагольствованіями о кафе-шантанныхъ пѣвичкахъ. И можетъ-ли одесская пресса, положа руку на сердце, сказать, что она хорошо выполняетъ эту задачу? Повторяемъ—нѣтъ.

Возможно, конечно, что мы предъявляемъ къ провинціальной прессѣ слишкомъ большія требованія, но, во-1-хъ, мы иначе не понимаемъ мѣстной жизни и мѣстныхъ вопросовъ, а во-2-хъ, мы предъявляемъ къ ней такія требованія потому, что, по нашему мнѣнію, она ужъ выросла и созрѣла настолько, что можетъ перестать заниматься пустяками и можетъ заняться настоящей серьезной работой.

Въ заключеніе, мы должны сказать слѣдующее: говоря о провинціальной прессѣ и указывая ей ея недостатки, нами не могутъ руководить никакія другія соображенія и чувства, кромѣ одного только искренняго желанія—видѣть ее на высотѣ своего положенія. И мы были бы очень рады, еслибъ наши провинціальные оппоненты, на этотъ разъ, насъ лучше поняли, поняли, что мы не противъ провинціальной печати, а, напротивъ, за нее и ея развитіе. Мы только противъ того, что вообще не хорошо въ печати, какъ въ провинціальной, такъ и въ столичной, и не одобряемъ лишь то, противъ чего возстаетъ и болѣе порядочная и добросовѣстная провинціальная же журналистика.

П. П—ій.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Одна изъ провинціальныхъ газетъ, характеризуя нашу журналистику, отмѣтила въ «Нов. Словѣ» нѣкоторую особенность въ отношеніи его къ обществу и говоритъ, что мы, обращая больше другихъ вниманія на общество, относимся къ нему по пословицѣ: «кого люблю, того и бью». Мы очень рады, что такое отношеніе, т.-е. вниманіе и дружелюбіе, сказывается въ нашихъ статьяхъ, не смотря на всю горечь правды, какую приходится высказывать по адресу общества, такъ какъ именно этого мы желали и только такое отношеніе считаемъ правильнымъ. Въ послѣдніе годы мы видѣли преимущественно два рода отношеній къ обществу: одно—плевательное, съ высоты канцелярскихъ стульевъ и тѣхъ, къ счастью, немногочисленныхъ журнальныхъ трибунъ, откуда общество представляется чѣмъ-то въ родѣ злого начала, чѣмъ-то въ родѣ «шпанки» и только терпится, и другое, напротивъ, если можно такъ выразиться, комплиментарное, говорившее обществу только комплименты и представлявшее его безъ всякихъ подраздѣленій какою-то бѣдной Лизой, какою-то злополучной и невинной жертвой времени, когда на самомъ дѣлѣ, въ огромномъ числѣ случаевъ, эта жертва прекрасно себя чувствовала и обдѣлывала свои дѣлишки, — и на счетъ мѣстишекъ, и по части утаиванія земельки отъ земскаго обложенія, и на счетъ банковыхъ и всякихъ иныхъ льготъ, и по части приведенія деревни въ надлежащую субординацію, и по части укрощенія вольнодумцевъ въ своей же средѣ, и проч. Тутъ люди распинались за бѣдную Лизу—и несчастная-то она, и угнетенная,—а Лизочка только въ кулакъ себѣ посвистывала и сама же тѣмъ временемъ негодяя - мужика къ рукамъ прибирала. Словомъ, удовлетвориться однимъ такимъ отношеніемъ было нельзя. Наступило время разобраться въ самомъ обществѣ, и мы это начали и будемъ продолжать дѣлать, не оставляя другихъ сторонъ жизни безъ вниманія, но при этомъ не можемъ не сказать, что вышеприведенной пословицей не можетъ исчерпываться наше отношеніе къ обществу. Прежде всего выраженная въ ней сентенція носитъ слишкомъ общій и непріятный экзекуціонный характеръ. Такихъ изреченій въ прежнее время и въ особенности у насъ, на Руси, было придумано очень много: «кого люблю—того и бью», отцу, любящему

сына, совѣтовалось «учащать ему раны», мужу—учить жену плеткой и т. д.; но, во-1-хъ, все это стало уже теперь анахронизмомъ, а во-2-хъ, и примѣнять огульно этихъ совѣтовъ нельзя. Въ примѣненіи къ однѣмъ натурамъ всякая грубость даетъ лишь обратные результаты; другихъ, впавшихъ въ безразличное состояніе (а такихъ не мало), нечего учить, а надо приводить въ чувство, какъ утопленниковъ; третьихъ, упавшихъ и падающихъ духомъ, надо ободрить; четвертыхъ, дѣйствительно придавленныхъ обстоятельствами, защитить и т. п.; это съ одной стороны, а съ другой—есть такія фигуры, которыхъ никакимъ словеснымъ орудіемъ не проймешь и которыхъ совсѣмъ нельзя любить. Ихъ надо только отмѣчать и всегда, при каждомъ общественномъ дѣлѣ и начинаніи, имѣть въ виду, какъ стихію, неизмѣнно противодѣйствующую добру. Литературѣ дѣлать съ ними нечего, ихъ можетъ локализировать, устранить или всосать, при большомъ усиліи, только сама жизнь. Насъ больше интересуютъ не эти опредѣленныя фигуры съ ихъ непроницаемой кожей и наглухо запертымъ сознаніемъ, а тѣ многочисленные переходы къ нимъ отъ остального общества, до либеральныхъ элементовъ включительно,—переходы, иногда едва замѣтные, но, тѣмъ не менѣе, образующіе между ними тѣсную, органическую связь. Тутъ гдѣ-нибудь должна быть граница, для насъ совершенно ясная, для многихъ въ практическомъ отношеніи, можетъ быть, трудная, но необходимость проведенія которой должна же, наконецъ, войти въ общественное сознаніе, потому что иначе мы никогда не выйдемъ изъ все болѣе и болѣе сгущающагося хаоса противорѣчивыхъ понятій, неопредѣленныхъ и взаимноисключающихъ стремленій и полной невозможности отличать зло отъ добра и друзей отъ враговъ. Неопредѣленныя отношенія распространяются все больше, а неопредѣленный человѣкъ становится все болѣе и болѣе героемъ нашего времени, т.-е. того хаоса, той душевной сумятицы, въ которой мы живемъ. Сумятица эта распространилась и на литературу (а можетъ быть, и съ нея началась). Вы сплошь и рядомъ видите въ жизни, что люди, которые должны бы помогать другъ другу, не довѣряютъ и бѣгутъ другъ отъ друга, или даже хуже—неумолимо преслѣдуютъ другъ друга, точно давая исходъ унаслѣдованному отъ далекихъ эпохъ или благопріобрѣтенному чувству злобы, которая, какъ накопленная энергія и раздраженіе, требуетъ выхода и не находитъ болѣе соотвѣтственнаго и благороднаго приложенія. Между тѣмъ разъединенное, разбросанное и безпорядочное добро крайне слабо и нуждается въ поддержкѣ; между тѣмъ въ однихъ и тѣхъ лицахъ добро все чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться съ такими примѣсями, которыя совершенно его измѣняютъ и уничтожаютъ. Справедливость требуетъ сказать, что и зло у насъ недостаточно систематизировано. Оно несомнѣнно систематизировано гораздо больше добра, но систематизировано не столько сознательнымъ процессомъ болѣе или менѣе многочисленныхъ общественныхъ группъ,

сколько единичными умами отдѣльныхъ лицъ, понимающихъ жизнь по-своему, и инстинктивнымъ тяготѣніемъ общества къ спокойствію и привычному положенію, т.-е. обусловлено, какъ говорятъ обыкновенно, общимъ историческимъ ходомъ вещей. Мы знаемъ, что этотъ историческій процессъ порождаетъ вовсе не одно только зло, а накопляетъ и добро, являющееся результатомъ общечеловѣческой цивилизаціи; знаемъ, что какъ бы зло систематически ни дѣйствовало, какъ бы ни ухищрялось и по временамъ ни ожесточалось, оно не въ силахъ все-таки уничтожить добра, не въ силахъ повернуть вспять исторіи и превратить, напр., англичанъ въ прежнихъ англо-саксовъ временъ Вильгельма Завоевателя, нѣмцевъ—въ древнихъ германцевъ, а насъ, русскихъ, въ древлянъ, родимичей и проч. Но, хотя эта увѣренность и можетъ служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ, едва-ли, однако, живущему поколѣнію и тѣмъ болѣе тому большинству его, которое не имѣетъ книжныхъ и идейныхъ утѣшеній, отъ этого легче. Та же исторія можетъ дать намъ не мало примѣровъ, что наступленіе добра можно надолго отсрочивать, что можно долго надъ нимъ измываться—унижать, оскорблять и загонять чуть не въ мышиныя норы подъ землю; можно видѣть умственныя теченія и цѣлыя плеяды культурныхъ людей, которые утрачиваютъ къ нему всякую склонность и уходятъ совсѣмъ въ другія области; можно указать мрачныя полосы длившагося десятки лѣтъ настроенія, когда, повидимому, все общество, не исключая и наиболѣе образованныхъ людей, переставало имъ интересоваться, проникалось индиферентизмомъ, переставало даже его отличать и служило при этомъ, конечно, самою пассивностью своею, а иногда и активно, не ему, а началу противоположному.

Въ этомъ весь и вопросъ. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, ни отмѣченной нами прошлый разъ вѣры въ то, что добро само собою наступитъ черезъ извѣстный (въ сущности, совсѣмъ и никому неизвѣстный) періодъ зла, какъ это думаетъ одна изъ нашихъ новыхъ quasi-философскихъ школъ, не особенно, повидимому, интересующаяся временемъ и положеніемъ ближайшихъ поколѣній, ни тѣмъ паче не имѣемъ вѣры въ тѣ пути, которые рекомендуются для водворенія добра, какъ самые вѣрные, другою школою, рекомендующей насытить и потомъ пристыдить зло слезами и жертвами. Съ такими вѣрами можно бы было прекрасно себя чувствовать: смотрѣть на міръ по Панглосовски, а собственное высшее счастье въ карманѣ носить: когда захочу, тогда и буду счастливъ. Но такъ какъ большинство людей такой вѣры не имѣетъ и не отличается столь сильнымъ воображеніемъ, то мы и полагаемъ, что добру надо дѣятельно помогать, и считаемъ это одною изъ первыхъ гражданскихъ обязанностей человѣка. Всѣмъ способностямъ и всѣмъ силамъ, какъ большимъ, такъ и самымъ маленькимъ, есть мѣсто на этомъ обширномъ поприщѣ, потому что нѣтъ мѣста, гдѣ зло не боролось бы съ добромъ. Такъ ужъ это не нами и

давно заведено. Намъ кажется, что отсутствіе дѣятельной помощи добру и является причиною той сумятицы, какую мы переживаемъ, и тѣхъ поистинѣ трагикомическихъ положеній, когда мы споримъ объ яйцѣ и курицѣ, о черномъ и бѣломъ, о днѣ и ночи. Это не положеніе шекспировской своенравной и Петручіо, который хочетъ заставить ее повѣрить, что день есть ночь, потому что и онъ, и она прекрасно понимаютъ, что это не такъ, а нѣчто худшее, когда обѣ стороны не увѣрены въ томъ, что говорятъ. Почему недавно одинъ несомнѣнно прогрессивный органъ назвалъ *дуракомъ* деревенскаго учителя, довольствующагося своей скромной ролью, когда онъ, можетъ быть, отдается ей со всею страстью и ничего другого дѣлать не можетъ; почему другой, также считающійся прогрессивнымъ органъ, напротивъ, пугается всякаго болѣе или менѣе широкаго горизонта, пугается, какъ летучая мышь солнца, какъ ревматикъ сырости, какъ чахоточный свѣжаго воздуха. Мы не даромъ прошлый разъ заговорили о недѣльной философіи (т.-е. о философіи «Недѣли») или, вѣрнѣе, философіяхъ, такъ какъ ихъ тамъ нѣсколько и объединить ихъ очень трудно: мы имѣемъ тутъ наглядный образчикъ неопредѣленности, о которой говоримъ. Рядомъ съ позитивнымъ міросозерцаніемъ стоитъ метафизика и символизмъ, рядомъ съ свободою духа — тиски и путы, рядомъ съ проповѣдью любви—защита злобы, придирчивость и недружелюбіе. Желаніе хоть нѣсколько разсѣять тѣ туманы, въ которыхъ бродитъ общественная мысль, заставляетъ насъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ. У насъ съ «Недѣлею» всегда были и есть нѣсколько общихъ сотрудниковъ, мы всегда высоко цѣнили ея живой провинціальный отдѣлъ, тотъ бодрый тонъ, который звучалъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ и корреспонденціяхъ, и то ободреніе, которое она вносила въ уѣздную глушь; мы очень цѣнимъ въ этомъ смыслѣ другія статьи и горячія, прекрасныя страницы того же самаго автора, статью котораго цитировали прошлый разъ. Хорошее всегда хорошо; но когда, рядомъ съ этимъ хорошимъ, мы встрѣчаемъ проповѣдь приниженія человѣческой личности и достоинства чисто, старческое уныніе и утѣшеніе міра слезами, указаніе на то, какъ хорошо поступаетъ маленькая собачка, виляя хвостомъ и складывая въ минуту опасности лапки, и въ какой выгодѣ вообще оказались, покорившись насилію, домашнія животныя, когда, какъ бы въ видѣ практическаго примѣненія этой теоріи, встрѣчаемъ реверансы идеямъ и лицамъ реакціоннымъ и, наоборотъ, преслѣдованіе идей и лицъ прогрессивныхъ, то позволительно спросить: сколько же въ этой смѣси меду и дегтя? Точно также, и при взглядѣ на ползущія въ разныя стороны философскія статьи, является недоумѣніе и невольный вопросъ: имѣется-ли желаніе и есть-ли какая-нибудь возможность объединить разные философскіе взгляды, или же передъ вами просто магазинъ философскихъ товаровъ, товаровъ на всякій ростъ и вкусъ, оптомъ и въ розницу?

Все это, какъ сейчасъ увидимъ, не случайно и не со вчерашняго

дня началось. Чтобы не быть голословнымъ по части реверансовъ въ неподлежащую сторону и плевковъ въ сторону прогрессивную, ограничимся наиболѣе удобными, чисто литературными примѣрами. Для этого достаточно будетъ только припомнить, что говорилось за послѣдніе годы на страницахъ «Недѣли» о Салтыковѣ, Шелгуновѣ и о критикахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ.

«Настало время», читали мы, «свести съ пьедесталовъ ложныхъ героевъ, указать истинное значеніе раздутыхъ извѣстностей и возстановить репутацію несправедливо осужденныхъ или незаслуженно забытыхъ». Это говорилось вообще, при чемъ послѣднія строки относились къ Лѣскову (Стебницкому), написавшему, какъ извѣстно, цѣлый рядъ карикатуръ на свое поколѣніе, карикатуръ недоброжелательныхъ, озлобленныхъ, имѣвшихъ цѣлью скомпрометировать стремленія того времени. Его-то репутацію и надо было противопоставить репутаціямъ раздутыхъ извѣстностей, его-то и надо было поставить на пьедесталъ, а ложныхъ героевъ свести оттуда. Прежде всего свели Салтыкова. Таланта у Салтыкова, конечно, совсѣмъ отнять нельзя, а потому за нѣкоторыми его, преимущественно беллетристическими произведеніями («Губернскіе очерки», «Головлевы», «Пошех. Старина») признавались извѣстныя художественныя достоинства, а все остальное цѣнилось—какъ бы это сказать, ну, да не больше пятиалтыннаго, который, пока новъ, блеститъ себѣ и довольно пріятенъ на видъ, а потомъ желтѣетъ, стирается и вообще начинаетъ представлять собою нѣчто неважное и даже нечистоплотное. Лица, которыхъ онъ выводилъ, откликаясь на злобу дня, въ своихъ полубеллетристическихъ полупублицистическихъ произведеніяхъ, сплошь и рядомъ, не смотря на яркость кисти, *ничего не говорятъ мысли*; «ни одно» изъ сатирическихъ его произведеній «не имѣетъ рѣшительно никакого права» не только на вѣчную славу, но даже «на общечеловѣческое значеніе». Это по большей части только осужденія и осмѣяніе событій текущей политической и общественной жизни,—осужденія, въ которыхъ нѣтъ руководящей идеи. «Въ отрицаніи Салтыкова не на что опереться, не изъ чего сдѣлать выводы для будущаго». Онъ только смѣялся, «не внося въ свои памфлеты и сатиры никакой положительной и самостоятельной идеи, которая могла бы лечь въ основаніе какой-нибудь политической программы, могла бы создать какое-нибудь направленіе, повліять какъ-нибудь на политическую жизнь страны». Въ этомъ отношеніи его даже сравнивать нельзя, напр., «съ Аксаковымъ или Катковымъ, политическіе взгляды которыхъ не прошли безслѣдно для Россіи». Словомъ, онъ человѣкъ очень маленькаго роста, куда меньше любого изъ богатырей «Недѣли». Спросите людей, въ родѣ Салтыкова, продолжаетъ газета: «что должно стать на мѣсто упраздняемой ими жизни,—и они ничего не отвѣтятъ, кромѣ общихъ словъ о правдѣ, добрѣ и справедливости. Они просто отрицатели и полны враждою къ настоящей, дѣйствительной жизни. Нерѣдко думаютъ, что въ основаніи ихъ негодо-

ванія, ихъ сатиры лежитъ любовь. «Онъ проповѣдывалъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья», говоритъ Некрасовъ про поэта-обличителя. Но сатира наша, вытекающая изъ недовольства всѣмъ строемъ окружающей жизни, не учитъ любви и не можетъ ей учить. Не любви учитъ и Салтыковъ». Въ заключеніе всѣхъ этихъ указаній на изъяны, говорилось, что поклонники покойнаго сатирика должны быть довольны и тѣмъ, что такіе высокіе цѣнители признали художественное достоинство нѣкоторыхъ его произведеній, потому что «сказать про писателя, что онъ былъ истинный художникъ, значитъ признать за нимъ гораздо большую славу, чѣмъ приписывать ему эфемерную славу журнальнаго бойца и либеральнаго протестанта». Вообще, популярность Салтыкова была раздута.

Наоборотъ, Лѣсковъ былъ не оцѣненъ по достоинству, потому что тогдашніе критики были подъ вліяніемъ такъ называемаго отрицательнаго направленія, которое «не внушало имъ никакой любви къ произведеніямъ художественнаго творчества и ни малѣйшаго желанія изучать ихъ и понять свободно, безпристрастно». Они были сердиты на него за то, что онъ перекочевалъ съ ихъ позиціи на другую и написалъ романъ «Некуда», гдѣ «въ комическихъ фигурахъ» новыхъ людей» ему удалось прекрасно представить тотъ хаосъ понятій, въ которомъ терялись ихъ умъ и совѣсть». Говорили, что, изображая новыхъ людей, Лѣсковъ не пожалѣлъ не только истины, но даже правдоподобія; но молодой авторъ статьи, едва-ли могшій видѣть своими глазами жизнь того времени, убѣжденъ, что Лѣсковъ былъ правъ и стоялъ на высотѣ объективнаго, художественнаго безпристрастія. Онъ говоритъ, что героиня романа Лиза встрѣтила у тогдашнихъ новыхъ людей «непобѣдимую глупость, фразерство, безконечные «вопросы», въ родѣ вопроса о томъ, разумно-ли, чтобы мужчина отворялъ передъ женщиной двери. Подъ флагомъ новыхъ идей здѣсь господствовали самыя извращенныя понятія, подъ видомъ служенія этимъ идеямъ не рѣдко встрѣчался своекорыстный разсчетъ; этими же идеями прикрывалось иногда и мелочное честолюбіе, и разнузданная чувственность, и тунеядство, вмѣстѣ съ нахальнымъ пользованіемъ чужими средствами». Говорили еще, что Лѣсковъ, не жалѣя фантазіи и желчи, присоединялъ къ вымышленнымъ чертамъ и событіямъ дѣйствительныя черты живыхъ людей, такъ что ихъ узнавали потомъ и приписывали имъ небылицы; но авторъ не придаетъ этому обстоятельству особеннаго значенія, такъ какъ говорить это могли враги Лѣскова. Говорили еще, что Лѣсковъ не ограничился однимъ «Некуда», а много лѣтъ продолжалъ сердиться и писать въ томъ же духѣ другія произведенія («Загадочный человѣкъ», «Шерамуръ», «На ножахъ» и др.), изображая тогдашнихъ передовыхъ людей непремѣнно или идіотами, или мерзавцами. Авторъ этого не отрицаетъ, но романъ «На ножахъ» очень ему нравится, нравится, какъ исполненіемъ, такъ и идейнымъ содержа-

ніемъ. Романъ этотъ, говоритъ онъ, является какъ бы продолженіемъ «Некуда»: Лѣсковъ показываетъ въ немъ, «что вышло изъ того осадка, который остался на днѣ нигилистическаго омута». «Прежніе нигилисты были не умны, невѣжественны, самоувѣренны, неприличны, эти, освободившись отъ всякихъ вѣрованій и нравственныхъ цѣлей еще въ первоначальной школѣ отрицанія, дошли скоро и до отрицанія тѣхъ гражданскихъ цѣлей, которымъ хотѣли прежде служить, и явились послѣдовательными, обнаженными эгоистами, жестокими и озлобленными борцами за существованіе, не признающими ничего, кромѣ своего авторитета». Избѣгая всякихъ комментаріевъ, мы желали бы только одно знать: можно-ли такъ относиться къ цѣлому поколѣнію, не нарушая исторической правды, относиться не съ точки зрѣнія Лѣскова, которая болѣе или менѣе понятна, а черезъ добрыхъ 20—30 лѣтъ, когда именно историческая-то правда и дороже всего? Но перлы еще впереди. Вотъ съ какою величественностью и презрѣніемъ газета схватываетъ, точно таракановъ, въ горсть всѣхъ критиковъ 60 и 70 гг. и бросаетъ ихъ въ помойное ведро. Указывая на это время, какъ на время наибольшаго расцвѣта беллетристики и поэзіи, на такія имена, какъ Гончаровъ, Тургеневъ, А. Майковъ, Фетъ, Полонскій, А. и Л. Толстые, Писемскій, Достоевскій, Островскій и проч., газета отмѣчаетъ удивительное явленіе, что именно эти же самые «60-е и 70 годы представляются временемъ полнаго упадка критики». Въ критикѣ того времени, говоритъ она, «ничего сколько-нибудь крупнаго, глубокаго, прочнаго. Въ критикѣ господство минуты, политическаго задора, наивнаго проповѣдничества и круглаго эстетическаго невѣжества». Нужно замѣтить, что критическія статьи тогда писали многіе; но едва-ли при этомъ имѣются въ виду А. Григорьевъ, О. Миллеръ и тѣмъ паче Страховъ (въ видѣ исключенія очень цѣнимый «Недѣлей»), а имѣются, конечно, въ виду Добролюбовъ, Чернышевскій, Антоновичъ, Писаревъ, Скабичевскій, Михайловскій и др. Не слишкомъ-ли, однако, это много для того, чтобы столько несомнѣнно талантливыхъ, образованныхъ и умныхъ людей прикончить однимъ взмахомъ? Точно чувствуя нѣкоторую неловкость, газета дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Было, правда, и тогда нѣсколько критиковъ, не лишенныхъ таланта, но всѣ они, по какой-то странной случайности, умирали въ ранней молодости, не успѣвъ освободиться отъ повальнаго въ то время увлеченія такъ называемымъ отрицательнымъ направленіемъ, которое наполняло ихъ жаждой поскорѣй высказать свои новые взгляды по разнымъ моднымъ вопросамъ»... «Высокохудожественныя, полныя глубокаго и самобытнаго содержанія произведенія названныхъ выше писателей служили для этихъ критиковъ лишь болѣе или менѣе удобнымъ поводомъ для выраженія ихъ собственныхъ, *вообще говоря, мало интересныхъ и незрѣлыхъ мыслей*».

Вотъ что представляли собой наши критики въ эпоху наивысшаго расцвѣта нашей литературы, во время наивысшаго подъема нашей

умственной жизни,—критики, которыхъ мы привыкли считать пульсомъ этой жизни и руководителями общественнаго сознанія. Вообще говоря, такихъ интересныхъ и зрѣлыхъ мыслей намъ не приходилось встрѣчать даже въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Если такія крупныя величины оказались пигмеями передъ недѣльными богатырями, то вы можете себѣ представить, какъ они относятся къ болѣе скромнымъ прогрессивнымъ писателямъ; если для нихъ весь идейный, научный и вообще умственный багажъ этихъ людей оказался лишь незрѣлой пустяковиной, то можете себѣ представить ту смѣлость, съ какою они могутъ рѣшать другіе, менѣе обслѣдованные и рѣшенные вопросы. Посмотрите, какъ учитъ, напр., уму-разуму одинъ изъ этихъ богатырей, какой-то В. Б. (можетъ быть, Василій Буслаевичъ), Шелгунова на счетъ пристрастія покойника къ широкимъ горизонтамъ. Эка, молъ, невидаль какая—летать орломъ по поднебесью (иронически говорилось не летать, а ширять), эка рѣдкость—эти ваши широкія постановки вопросовъ, да мы, ежели захотимъ, сколько угодно ихъ такъ широко наставимъ, что ни вы, да и вообще никто рѣшить ихъ будетъ не въ состояніи. «Напрасно г. Шелгуновъ полагаетъ, что широкая постановка вопросовъ—дѣло... столь трудное, удѣлъ 60 годовъ (?). Она просто оскомину набила». Однако, когда, внявъ, повидимому, совѣтамъ Шелгунова, газета занялась широкой постановкой вопросовъ и предалась философскимъ занятіямъ, то ничего изъ этого, кромѣ крыловскихъ басенъ, не выходитъ. При огульномъ потопленіи критиковъ въ помойномъ ведрѣ, мнѣ вспоминаются слова Шелгунова: «прочь съ дороги,—восьмидесятникъ идетъ!» Это надо было бы нѣсколько измѣнить и сказать: прочь съ дороги,—Ноздревъ идетъ!

Теперь представьте себѣ, что подобныя вещи высказываются и повторяются не годъ и не другой, а добрый десятокъ лѣтъ, и высказываются, какъ новыя, отъ лица молодого поколѣнія, пришедшаго на смѣну старому. Все, что читатель прочиталъ выше, было высказано пять лѣтъ тому назадъ (въ 1890 г.). У меня этотъ годъ сохранился наиболѣе въ памяти по особой интенсивности нападеній на прогрессивное литературное направленіе; но еслибы мы заглянули въ предшествовавшіе и послѣдующіе годы, то и тамъ увидѣли бы вещи, не менѣе удивительныя. И теперь мы часто встрѣчаемъ—то указаніе на несостоятельность поэзіи Некрасова, то порицаніе литературной чернорабочей, «старой нигилистки, княжны М.», за то, что она не хотѣла быть похороненной рядомъ съ Дьяковымъ - Незлобинымъ и описавшимъ ее когда-то Лѣсковымъ («Кн. Недѣли», май 1896 [1]) и т. п. Что же это за воинствующее направленіе, проповѣдую-

[1]) Не могу не сказать, что о такомъ нежеланіи, если оно было высказано, авторъ, вѣроятно, узналъ отъ знакомыхъ княжны М., а, судя по разсказу, можно скорѣе думать, что приписалъ ей ихъ нежеланіе похоронить ее рядомъ съ тѣми, кто ее такъ глубоко оскорблялъ и кого она ничѣмъ не оскорбила. Вотъ этотъ разсказъ: «Мнѣ

щее миръ и елейную любовь и въ то же время ведущее вражду даже съ покойниками, память которыхъ многимъ дорога? Я не хочу защищать вышеуказанныхъ писателей,—они и мертвые сами за себя постоятъ. Я увѣренъ, выражаясь словами Некрасова, что ихъ останки будутъ долго людямъ милы, потому что и укоръ, и поученье въ нихъ...

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.

Меня интересуетъ только психологія этой нелюбви къ нимъ и въ то же время какое-то особенное тяготѣніе къ Лѣсковымъ и Дьяковымъ-Незлобинымъ. Есть-ли это, дѣйствительно, желаніе возстановить репутацію ихъ, какъ людей, когда-то несправедливо осужденныхъ и незаслуженно забытыхъ, или нѣкоторое духовное родство съ ними? Полемизируя съ Шелгуновымъ, г. В. Б. объясняетъ дѣло очень вѣжливо и просто: именно—упомянутой смѣной поколѣній, вѣчно повторяющимся разладомъ между старымъ поколѣніемъ и молодымъ, вѣчнымъ споромъ отцовъ и дѣтей; но на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ просто. Старшимъ дѣтямъ людей 60-хъ годовъ теперь около 40—45 лѣтъ, и они во враждѣ съ отцами не состоятъ; а враждующему поколѣнію около тридцати и за тридцать, такъ что если и оно произошло отъ тѣхъ же отцовъ, то является запоздалымъ плодомъ любви, когда старшіе братья ушли уже въ жизнь. Люди, которымъ около 40, 45 и даже 50 лѣтъ, отцами этого поколѣнія быть не могутъ и не могутъ считать его относительно себя молодымъ поколѣніемъ. Да и вообще, какое же это молодое поколѣніе? Въ 30—35 лѣтъ люди сами имѣютъ уже дѣтей, бываютъ прокуро-

---

разсказывали исторію о скончавшейся недавно въ Петербургѣ старой нигилисткѣ, княжнѣ М., выведенной въ одномъ изъ романовъ Лѣскова. Какая высокая, самоотверженная, чистая жизнь! Вы знаете, она умерла въ такой ужасной нищетѣ, что гробъ ея нельзя было протащить въ коморку, гдѣ она жила, рядомъ съ прачешной. Жила на 6, на 10 р. въ мѣсяцъ, выручая ихъ переводами, а когда кто-то предложилъ ей работу въ „Гражданинѣ»—сочла за оскорбленіе... Слушалъ я и думалъ: дѣйствительно, святая женщина! Но вотъ мнѣ говорятъ дальше:—Вотъ горе: не знаемъ, гдѣ похоронить ее на Волковомъ. Есть два мѣста: одно около могилы Лѣскова, другое—около Незлобина, но она ненавидѣла ихъ... всѣми фибрами души. Бывало, послѣ фельетона Незлобина придетъ и трясется, сжавъ кулаки: «задушить, задушить его, мерзавца, надо!» Какъ я услышалъ эту фразу: «задушить надо», подумалъ: какая же она святая? Жалкій, бѣдный человѣкъ, ничего больше. И за гробомъ, видите-ли, ей нельзя лечь близко къ врагу».

Не могу не сказать, что княжна М. не только никого изъ людей, но даже мухи, вѣроятно, во всю свою жизнь не задушила. Я много лѣтъ и хорошо ее зналъ, какъ человѣка, безконечно гуманнаго, отзывчиваго, высоко нравственнаго и честнаго и ничего нигилистическаго въ ней не замѣчалъ. Это была вѣчная работница: переводчица, компиляторша, гувернантка, не искавшая богатства и личнаго счастья, но вѣчно спѣшившая на помощь всякой нуждѣ и бѣдѣ ближняго. Она была только человѣкомъ прямымъ, не выносившимъ сдѣлокъ съ совѣстью, но, конечно, защитники непротивленія могли бы смѣло у нея поучиться и гуманности, и даже отношенію къ врагамъ. Я назову ея фамилію: это была княжна Е. А. Макулова. Лѣсковъ встрѣтилъ ее пасквилемъ на зарѣ жизни, «Недѣля» проводила пинкомъ въ могилу.

рами, коллежскими и статскими совѣтниками, а иногда даже генералами и сами укрощаютъ молодыя поколѣнія. Лермонтовъ, Добролюбовъ, Писаревъ да и еще многіе къ этому времени давно уже закончили свое литературное поприще и лежали въ землѣ. Сводить вопросъ на споръ поколѣній, конечно, очень выгодно, но, къ сожалѣнію, не всегда возможно; невозможно не по одному только возрасту, а и по внутреннему содержанію идей и стремленій. Люди, выступающіе въ качествѣ молодого поколѣнія, требуютъ не движенія впередъ, а назадъ. Среди нихъ даже настоящіе старички есть изъ заднихъ рядовъ 60-хъ и даже 50-хъ годовъ, которыхъ они всегда усердно цитируютъ и которые служатъ имъ за жолонеровъ, старички, которые и прежде, яко бы во имя высшей объективности, никогда въ одну сторону не смотрѣли, а смотрѣли больше во всѣ стороны, находя вездѣ смыслъ и красоту. Однимъ изъ такихъ ихъ кумировъ былъ и Лѣсковъ. У нихъ нарушена преемственная связь только съ передовымъ поколѣніемъ отцовъ, какъ, вѣроятно, не будетъ ея и съ будущимъ передовымъ поколѣніемъ. Это представляетъ значительный общественный интересъ, такъ какъ это поколѣніе выступило теперь не въ одной только литературѣ, а и въ жизни. Откуда оно взялось, отчего стало такимъ, что оно несетъ съ собою и что дастъ странѣ? Откуда его боязнь широты и простора, граничащая съ агрофобіей, откуда вражда къ извѣстнымъ идеямъ, напоминающая идіосинкразію, откуда это неудержимое умственное стремленіе назадъ, не къ какому-нибудь ближайшему, а очень отдаленному прошлому (напр., къ буддизму), напоминающее переселеніе полевокъ и другіе пережитые инстинкты? Люди, не враждующіе съ передовымъ поколѣніемъ отцовъ, хорошо понимаютъ, что жизнь и мысль на мѣстѣ стоять не могутъ и должны постоянно обновляться, а потому пошли дальше, при чемъ все ненужное въ жизни отцовъ само самою отпало или было просто оставлено, а все живое и цѣнное, напротивъ, глубоко сохранено въ душѣ, съ желаніемъ развивать его преемственно, и предоставляя будущему поколѣнію поступать совершенно такъ же и относительно себя. Кажется, это правильно и ничего худого въ этомъ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ не о какихъ-либо личныхъ земныхъ благахъ, а о работѣ, сопряженной съ непріятностями; но нѣтъ, оказывается—все это надо бросить, какъ нѣчто незрѣлое и не выдерживающее никакой критики, и начинать все съ другого конца: съ преобразованія самого человѣка, его міропониманія, ощущеній, измѣненія недружелюбныхъ отношеній къ злу и насилію въ любовныя и т. д. Но этотъ философскій камень не новъ. Съ этого конца уже не разъ люди начинали и не получали искомыхъ результатовъ. Начинали измѣненіе человѣка съ самаго малаго возраста, съ воспитанія, и не задаваясь при этомъ такими трудными задачами, какъ достиженіе такого состоянія, чтобы человѣкъ съ радостью даже сумасшедшему подставлялъ голову подъ удары, и послѣдствія показывали, что нельзя человѣка

пріучить переносить *съ радостью*, какъ это требуется, даже меньшихъ болевыхъ ощущеній и нравственныхъ обидъ, что насильственно достигнутое смиреніе однихъ дѣлало ихъ жертвами другихъ, что насильственное или добровольное подавленіе чувствъ и страстей заставляло уходить ихъ въ другую, нежелательную сторону, или заставляло неожиданно прорываться съ неудержимою силою бурными вспышками. Подъ покровомъ смиренія часто таится большая гордость и безграничная злоба, точно такъ же, какъ подъ покровомъ цѣломудрія часто встрѣчается самое невѣроятное распутство. Одинъ «Декамеронъ» Боккачіо сколько можетъ дать примѣровъ этому. Теорія непротивленія въ томъ ея послѣднемъ видѣ, какъ мы познакомили съ нею вкратцѣ прошлый разъ читателя, аргументирована очень разносторонне. Я не скажу основательно, такъ какъ едва-ли и можно аргументировать ее основательно, хотя къ этому, очевидно, были приложены значительныя усилія, причемъ не было забыто даже великодушіе животныхъ къ какимъ-то пустынникамъ. Такъ какъ не указано, гдѣ это было и съ какими пустынниками, то не могу, между прочимъ, не привести по этому поводу небольшого нѣсколько обратнаго примѣра изъ напечатаннаго у насъ путешествія въ Владивостокъ барона А. Корфа [1]). Авторъ разсказываетъ о такомъ случаѣ на строящейся Уссурійской жел. дорогѣ:

«На рабочихъ неожиданно выскочилъ изъ чащи тигръ и, схвативъ одного изъ нихъ за колѣно, поволокъ его въ чащу. Все это было такъ неожиданно, что никто не успѣлъ броситься къ товарищу на помощь; онъ же отъ неожиданности нападенія выронилъ свой инструментъ и такимъ образомъ остался совершенно безоружнымъ. Когда прошелъ первый моментъ паническаго страха и онъ увидѣлъ, что помощи ждать не откуда, онъ началъ хватать попадавшіяся на пути палки и сучья и бросать ихъ въ голову тигру. Но это не оказывало на того ни малѣйшаго вліянія. Тогда рабочій, въ отчаяніи, началъ хватать снѣгъ и бросать его въ глаза звѣрю». И вдругъ послѣдовалъ неожиданный эффектъ: «Озадаченный и наполовину ослѣпленный тигръ бросилъ свою добычу и исчезъ въ лѣсу». Затѣмъ, баронъ Корфъ даетъ и слѣдующее интересное объясненіе этому случаю: «Фактъ, что тигръ бросилъ свою жертву отъ такой пустой причины, какъ брошенный ему въ глаза снѣгъ, навелъ людей знающихъ на мысль, что это былъ тигръ, отвѣдавшій уже человѣческаго мяса, но не бѣлаго, а желтаго. Дѣло въ томъ, что у китайцевъ и корейцевъ существуетъ очень оригинальное повѣрье, что душа человѣка, съѣденнаго тигромъ, попадаетъ прямо на небо. Поэтому, какъ только появляется тигръ, китаецъ и кореецъ тотчасъ же бросаются на колѣни, закрываютъ лицо руками и читаютъ отходныя молитвы, представляя для тигра совершенно беззащитную жертву, между тѣмъ какъ бѣлый человѣкъ, хотя и безоружный, всегда защищается. Поэтому тигръ, уже отвѣдавшій желтаго мяса, всегда предпочтетъ его бѣлому». Затѣмъ баронъ Корфъ добавляетъ, что, не смотря на заманчивую «возможность попасть черезъ тигра на небо, китайцы питаютъ къ нему такой страхъ, что хотя на китайскомъ языкѣ и существуетъ слово, означающее тигръ, но они никогда его не употребляютъ, а, говоря о тигрѣ, называютъ его «Ляо-мао-тзу», т.-е. почтенный рябой».

---

[1]) «Неизвѣданный уголокъ Россіи», май 1896 г.

Не соблазняетъ, значитъ, ихъ и такая перспектива, а то состояніе, въ какомъ они встрѣчаютъ тигра, оказывается просто трусостью приводящею ихъ въ состояніе гипноза. Посмотримъ теперь на тѣ соблазны и успокоенія, какіе пускаютъ въ ходъ наши философы. Во-1-хъ, они указываютъ, что противники непротивленія всегда неправильно сводятъ споръ на крайніе его предѣлы, «всегда берутъ случаи свирѣпаго, звѣрскаго насилія, точно это—правило въ жизни, а не рѣдкое исключеніе». Они всегда задаютъ самые *жестокіе* вопросы: «Что вы сдѣлаете, если на васъ нападетъ разбойникъ въ лѣсу? Что вы сдѣлаете, если вашего ребенка на вашихъ глазахъ будутъ жечь на огнѣ? и т. п.», тогда какъ надо имѣть преимущественно въ виду случаи обыкновенные, житейскіе... Затѣмъ, сказавъ, что для человѣка нравственнаго, никого не оскорбляющаго и всѣхъ любящаго, нѣтъ шансовъ быть убитымъ изъ ненависти, мести, зависти, страха и т п. и что остается развѣ только одинъ шансъ быть убитымъ: «правды ради, какъ Христосъ и пророки», авторъ сейчасъ же дѣлаетъ добавленіе, что «въ наше время даже и за правду—если она проповѣдуется безъ насилія—не убиваютъ (за рѣдкими исключеніями)». Словомъ, все обстоитъ довольно благополучно и даже совѣтъ никому не уступать «въ исповѣданіи истины» оказывается безъ труда осуществимымъ. Ну, а при такихъ условіяхъ, т.-е. имѣя, главнымъ образомъ, въ виду случаи обыкновенные и разсчитывая на примѣненіе непротивленія преимущественно къ нимъ, можно и на счетъ крайнихъ предѣловъ что-нибудь сказать, напр., хоть слѣдующее:

«На предѣлѣ всякаго явленія начинается другой принципъ существованія. Окружность круга—предѣлъ многоугольниковъ—не есть многоугольникъ и съ точки зрѣнія многоугольника — нелѣпость; поверхность—предѣлъ тѣла—не есть тѣло, а нѣчто другой природы, составляющее абсурдъ для природы объемовъ; нуль и безконечность — предѣлы величинъ, но сами не величины и потому кажутся невообразимыми, нелѣпыми съ точки зрѣнія величинъ. То же свойство имѣютъ предѣлы и въ нравственномъ сознаніи: они не укладываются въ разумъ тѣхъ идей, которыя ограничиваютъ. Поэтому противники непротивленія и любятъ ставить сторонниковъ этого закона въ парадоксальное положеніе предѣла, близкое къ абсурду».

Но смущаться этимъ нечего, говоритъ авторъ: какъ ни тяжко отвѣчать на вышеприведенные *жестокіе* вопросы о разбойникѣ и мученіи у васъ на глазахъ вашего ребенка, «какъ ни тяжело и ни страшно представить себѣ эти крайніе предѣлы зла, но нужно рѣшить и ихъ для себя безповоротно, чтобы ужъ не мучиться въ сомнѣніяхъ, и если постигнетъ васъ этотъ ужасъ, то чтобы вы встрѣтили его достойно, подобно Богу». А достойно встрѣтить предѣлъ зла «значитъ противупоставить ему предѣлъ добра, на требованіе жизни вашей—отдать ее». На вопросъ противниковъ непротивленія, еслибы они спросили: «не будетъ-ли это значить —отвѣчать безуміемъ на безуміе, жестокостью на же-

стокость?», надо отвѣчать: «Да, но это будетъ безуміе *выше* разума, а не ниже его, — жестокость святая».

«Если бы многоугольникъ во что бы то ни стало захотѣлъ сохранить свою форму, то онъ не могъ бы слиться съ кругомъ, если же кругъ есть дѣйствительно его идеалъ (его богъ), то для достиженія его онъ долженъ пожертвовать своею жизнью многоугольника и перейти въ иную жизнь. Такъ и человѣкъ... Человѣкъ, достигающій идеала, умираетъ, какъ человѣкъ: въ это мгновеніе онъ уже богоподобный духъ». («Кн. Нед.», май 1896 г., стр. 253—4).

Все это очень краснорѣчиво, но мы думаемъ, что человѣкъ, не дорожащій жизнью и готовый ею пожертвовать, всего менѣе думаетъ о ней, какъ о жертвѣ, и не разбираетъ мучительныхъ вопросовъ: какъ и гдѣ онъ будетъ умирать, что будетъ при этомъ чувствовать, и т. д. Впрочемъ, лучше воздержаться отъ обсужденія этихъ спорныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что даже и по теоріи непротивленія предѣлы зла, т.-е. опасности для жизни (а равно и добра), «подобно всѣмъ предѣламъ, по своей необычайной рѣдкости, почти невозможны въ жизни» (ib.).

Всѣ эти разговоры, повторяю, идутъ о простыхъ, обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Но да не подумаетъ читатель, что отъ этого разсматриваемая теорія становится менѣе тягостной? Нѣтъ, именно этою-то своею стороною она особенно и тягостна, потому что крайніе случаи насилій, въ родѣ разбойничьихъ нападеній, дѣйствительно, рѣдки, да и рѣдко кто въ такихъ случаяхъ будетъ справляться съ какими-нибудь теоріями, кромѣ теоріи собственнаго разумѣнія, а тутъ ученіе стремится распространиться на всю жизнь, подавляя личность на всѣхъ пунктахъ ея дѣятельности и сношеній.

Тэнъ замѣтилъ, что у женщинъ нищенскихъ кварталовъ Лондона какъ бы написано на лицѣ: «пожалуйста, не бейте меня, но если вамъ угодно,—вы можете меня бить». Вотъ, вѣроятно, идеальное состояніе, котораго желательно достигнуть.

Не могу не указать еще на нѣкоторые пункты недостаточной аргументаціи теоріи непротивленія, которыми необходимо заняться гг. теоретикамъ. Совсѣмъ, напр., у нихъ не предусмотрѣнъ вопросъ, одинаково существенный, какъ для обыденной жизни, такъ и для предѣльныхъ случаевъ: 1) что будетъ получаться и въ концѣ концовъ произойдетъ отъ примѣненія этой теоріи, если одна часть человѣчества ею вполнѣ проникнется, а другая нѣтъ и поѣдетъ на ней верхомъ, какъ на валаамовой ослицѣ? и 2) что произойдетъ, если не съ людьми, то съ цивилизаціей, если цивилизованное человѣчество проникнется теоріей непротивленія, а дикари, питающіеся человѣческимъ мясомъ, нѣтъ и начнутъ смотрѣть на него, какъ на домашнихъ животныхъ, которыя, по словамъ гг. теоретиковъ, такъ разумно устроили свою жизнь? Въ связи съ этимъ находится и еще одинъ вопросъ: разсматривая въ необыкновенныхъ подробностяхъ разные случаи нападенія, чувства, которыя при этомъ руководятъ нападающими и испытываютъ несчастныя жертвы, всю жестокость и неправду первыхъ и всѣ мученія вторыхъ, ихъ мольбы,

просьбы, снисходительность, великодушіе, самоотверженіе и т. д. и т. д., гг. теоретики непротивленія никогда не введутъ въ этотъ мучительный конфликтъ третье лицо и не скажутъ, что оно должно при этомъ дѣлать? Должно-ли оно сказать или предпринять что-нибудь въ защиту жертвы, должно-ли вмѣстѣ съ нею кланяться и просить у насильника пощады, или, напротивъ, убѣждать самую жертву не противиться и встрѣтить смерть съ теоретическимъ спокойствіемъ? Просить о пощадѣ, по всей вѣроятности, можно, но такъ какъ нападающій можетъ оказаться глухимъ ко всѣмъ просьбамъ или даже, можетъ быть, человѣкомъ сумасшедшимъ и ничего не понимающимъ, то, очевидно, остается только послѣднее, т.-е. успокоивать и просить жертву приблизиться къ идеалу человѣка-духа? Можетъ быть, даже не мѣшаетъ, въ порывѣ высшей любви къ жертвѣ, посодѣйствовять этому приближенію, или, въ порывѣ любви къ злодѣю, чтобы избавить его отъ грѣха и мученій раскаянія, взять всю операцію, къ какой онъ приготовился, на себя? Или, можетъ быть, замѣтивши, что начинается между двумя лицами непріятный конфликтъ, всего цѣлесообразнѣе будетъ, пользуясь тѣмъ, что обстоятельство это теоріей не предусмотрѣно, просто поскорѣе улизнуть отъ непріятности? Словомъ, очень жаль, что вопросъ о третьемъ лицѣ оставленъ безъ отвѣта, потому что третье лицо есть первый шагъ къ защитѣ слабаго и первая буква общечеловѣческаго и гражданскаго долга.

Когда приходится знакомиться съ философскими ученіями, въ родѣ только что видѣннаго, читать критическія статьи, въ родѣ вышеуказанныхъ или статей г. Волынскаго, который еще больше поноситъ нашу прогрессивную литературу, и наслаждаться цѣлыми ворохами декадентской поэзіи и символической беллетристики, въ родѣ той, которую пишутъ г-жа Гиппіусъ, Ѳ. Соллогубъ и др., то невольно является вопросъ, насколько все это имѣетъ мѣсто или встрѣчаетъ благопріятную почву въ жизни? Есть-ли это выраженіе внутренняго содержанія и идей только новаго литературнаго поколѣнія, выросшаго въ эпоху безвременья и увядшаго раньше времени, просто, такъ сказать, шелестъ сухихъ листьевъ подъ геперешнимъ осеннимъ вѣтромъ, котораго жизнь, идущая своимъ практическимъ шагомъ, не слышитъ и не слушаетъ, или, напротивъ, это есть ея отраженіе, отраженіе ея грубости, ея нелюбви къ прогрессивной литературѣ, къ тѣмъ идеаламъ и задачамъ, какіе она ставила, и стремленіе уладить свое существованіе прерафаэлизмами и всякимъ прочимъ декадентствомъ? Пословица говоритъ, что дыма безъ огня не бываетъ. Но объ этомъ ужъ въ другой разъ.

С. К.

ОБО ВСЕМЪ.

«Осень, поздняя осень!.. Надъ хмурой землею
«Неподвижно и низко висятъ облака...»

Лѣто прожито, и переполненные поѣзда несутъ въ столицы всѣхъ имѣвшихъ счастье выбраться на свѣтлый просторъ полей или пріютиться въ фальсификаціи деревни—на дачахъ. Отдохнувшимъ нервамъ грозитъ шумъ и суета столицы, духота тѣсныхъ квартиръ, скука журфиксовъ и прочія услады общественной жизни. Многіе, въ минуты разставанья съ природой, говорятъ: «ахъ, надо бросить городъ, переѣхать въ деревню; здѣсь такъ хорошо, тихо; такъ поэтиченъ лѣсъ въ его осеннемъ уборѣ».

Здѣсь осень чудная: лѣса еще хранятъ
Уже поблекнувшій, но пышный свой нарядъ.

Какъ уныла кажется иному его городская обстановка: мебель покрыта чехлами, все неуютно, спертый воздухъ, тѣснота, и душа, привыкшая къ покою, тоскливо съеживается отъ городскихъ впечатлѣній.

Перебирая новинки французской литературы, мнѣ попалась подъ руки книжка «Въ сумеркахъ столѣтія» («Le crépuscule du siècle» André Mellerio). Она невольно меня заинтересовала. Въ ней описывается именно то, что чувствуетъ человѣкъ, избавившійся на нѣкоторое время отъ сутолоки и погони за смѣною впечатлѣній столичной жизни. Авторъ находитъ, что жизнь въ переживаемую нами эпоху—и неясная, и грустная, и неустойчивая. Чтобы бороться съ нею, надо имѣть большую силу характера, а ея-то у насъ и нѣтъ. Безпокойное и тревожное исканіе новыхъ путей—вотъ пульсъ современной жизни. Но найти эти новые пути чрезвычайно трудно. Усталые, измученные столичные обитатели чувствуютъ, что силы ихъ уходятъ, а создать что-нибудь путное они не могутъ. Взглядъ ихъ обращается въ другую сторону, и они думаютъ найти спасеніе въ деревнѣ. Выводъ этотъ нельзя не назвать правильнымъ, не даромъ сказалъ поэтъ:

... трудись съ землею и страдай съ землею
Общимъ тяжкимъ горемъ братьевъ и людей.

А этого именно можно достигнуть только тамъ, гдѣ жизнь сама наталкиваетъ васъ на готовое дѣло, гдѣ каждое лицо, вновь пришедшее съ желаніемъ принести пользу, находитъ исходъ своей жаждѣ дѣя-

тельности. Дѣло только въ томъ, что не такъ-то легко городскому человѣку привыкнуть къ тѣмъ условіямъ жизни, которыя поставитъ ему перемѣна обычной обстановки.

Въ книжкѣ «Въ сумеркахъ столѣтія» городской житель, парижанинъ, навѣстилъ своего друга, провелъ у него въ деревнѣ нѣсколько недѣль, послѣ чего снова вернулся въ Парижъ. Дни, проведенные въ «тиши полей, въ тѣни лѣсовъ», оставили такое пріятное впечатлѣніе, что онъ боится вновь пуститься въ водоворотъ столичной жизни. Нѣсколько дней онъ томится и мучается, затѣмъ садится и пишетъ письмо своему другу; изъ этого письма я приведу нѣкоторые отрывки; они любопытны въ томъ отношеніи, что хорошо рисуютъ ту психологію, о которой я упоминала выше.

«Въ моей жизни наступилъ критическій моментъ. Объясненіе переживаемому душевному кризису заключается въ великомъ и простомъ законѣ контраста; я пожилъ въ деревнѣ, я узналъ, что такое простая, тихая жизнь подъ открытымъ небомъ, среди спокойной природы. Съ самаго дѣтства я не уѣзжалъ изъ города. Въ моихъ воспоминаніяхъ нашлись только неясныя представленія о каникулахъ, проведенныхъ на берегу моря, въ тиши деревенской жизни. Теперь, сдѣлавшись человѣкомъ, я въ первый разъ сознательно оцѣнилъ все превосходство деревенской тишины передъ суетой города. Я впервые понялъ, сколько неестественнаго въ городской суматохѣ, въ этой толпѣ, которая спѣшитъ, толкаетъ другъ друга и совершенно пьянѣетъ отъ собственнаго круговорота и безконечной смѣны впечатлѣній. Я растерялся, очутившись снова въ потокѣ уличной жизни, и понялъ, что въ моихъ сужденіяхъ произошла важная перемѣна. Прежде я сравнивалъ явленія городской жизни между собой, теперь я сравнилъ ихъ съ совершенно другими условіями, которыя до сихъ поръ еще не умѣлъ оцѣнить.

«Современная жизнь представляетъ, безъ сомнѣнія, много привлекательнаго. Но мысли, возникающія въ мозгу подъ вліяніемъ повышеннаго нервнаго напряженія, не напоминаютъ-ли онѣ стадо, которое гонятъ безъ передышки по пыльной дорогѣ; онѣ сталкиваются и толпятся въ мозгу и ни одна не успѣваетъ вполнѣ развиться, какъ ее уже вытѣсняетъ другая, и такъ безъ конца. Вѣчный шумъ и суета не даютъ ни минуты покоя. Умъ въ постоянномъ напряженіи, его терзаютъ и подхлестываютъ, пока въ головѣ и въ сердцѣ не образуется страшная пустота. Такъ лампочка еще догораетъ и чадитъ передъ тѣмъ, какъ погаснуть за недостаткомъ масла.

«Переутомленіе, истерія вырисовываются на общемъ фонѣ неестественнаго, театральнаго, фосфорическаго блеска и затѣмъ все разсыпается въ прахъ — человѣкъ погибаетъ. Я провелъ нѣсколько времени въ деревнѣ, увидѣлъ другіе горизонты и уразумѣлъ всю ложную призрачность того, что мы называемъ городской жизнью. Знаешь-ли, единственное мое желаніе — достигнуть уравновѣшенія! Тебѣ неизвѣстны терзанія души, которая чувствуетъ постоянныя колебанія, которая мучается среди нескончаемыхъ противорѣчій, которая утопаетъ въ томъ мутномъ потокѣ, который зовется жизнью; она безсильно борется въ своемъ стремленіи сохранить чистоту. Мы дѣлаемся рабами суеты, у насъ нѣтъ времени; я забылъ, что значитъ спокойно прочитать книгу; я не въ состояніи отдѣлить свое «я» отъ толпы, которая кричитъ и шумитъ вокругъ меня. Маска цивилизованнаго человѣка слишкомъ угнетаетъ мою личность. Я рѣшилъ сбросить эту нравственную тяжесть, покинуть навсегда муравейникъ, въ которомъ родился и мучительно влачилъ свое существованіе. Я стремлюсь окон-

чить жизнь спокойнѣе, трезвѣе, дать отдыхъ намученной душѣ. Словомъ сказать, я рѣшилъ поселиться въ деревнѣ и постоянно наслаждаться тѣмъ спокойствіемъ, которое мнѣ удалось вкусить въ продолженіи тѣхъ недѣль, которыя провелъ у тебя.»

Не правда-ли, эти самыя ощущенія какъ разъ подходятъ къ тѣмъ, которыя приходится испытывать нашему интеллигенту, возвращающемуся въ столицу. Сколько разъ приходится слышать сѣтованія на жизнь въ столицѣ, которая не даетъ человѣку возможности придти въ себя. Всѣ рвутся изъ города, чтобы увидѣть клочекъ неба, полюбоваться на далекіе горизонты и отдохнуть подъ тѣнью трепещущей листвы. Отчего же къ осени все снова стремится въ каменныя громады, въ сѣрые туманы и грязь и слякоть сѣверной столицы, отчего электрическій свѣтъ предпочитается солнечному? Душныя квартиры съ своей полной «обстановкой» цѣнятся чуть не на вѣсъ золота, проклятый «квартирный вопросъ» держитъ всѣхъ въ своихъ лапахъ; люди связываютъ себя цѣлымъ кодексомъ квартирныхъ контрактовъ и тѣснятся въ погонѣ за всѣми удобствами, вмѣсто того, чтобы удержать за собою главныя удобства, которыя, по словамъ Рёскина: чистый воздухъ, вода и земля. «Ужасныя гнѣзда, которыя вы называете городами, ничто иное, какъ лабораторіи для всевозможныхъ ядовитыхъ веществъ и міазмовъ, подымающихся вредными испареніями къ небу; даже дождь падаетъ пропитанный этимъ ядомъ. Вмѣсто цвѣтущей зелени, вы окружаете себя пылью, и каждое ваше дыханіе не питаетъ организмъ, а напротивъ, разрушаетъ его. Вотъ что сдѣлалъ человѣкъ изъ великой матери природы» [1]).

Если же стремленіе въ городъ все же существуетъ, то чѣмъ объяснить себѣ это явленіе. Въ отвѣтѣ деревенскаго жителя разочарованному парижанину мы найдемъ нѣсколько объясненій, которыя нельзя не признать правильными.

«Ты пишешь мнѣ настоящую исповѣдь сына вѣка; вѣрю, что много и очень много людей чувствуютъ именно то, что чувствуешь ты. Мнѣ, конечно, трудно разобраться въ психологическихъ тонкостяхъ, но постараюсь отвѣтить тебѣ вполнѣ искренне. Во-первыхъ, ты ошибаешься въ самомъ существенномъ; разставшись съ городомъ, ты полагаешь надѣть на себя чужое счастье, какъ надѣваютъ новое платье; ты снимаешь фасонъ моей одежды и полагаешь, что въ этомъ весь секретъ. Нѣтъ, другъ мой, ты глубоко ошибаешься. Чтобы жить въ деревнѣ, надо имѣть привычку, надо приспособиться, надо изучить эту жизнь съ самой колыбели. Я родился въ деревнѣ, я черпалъ силу и воспитывалъ свою душу среди широкихъ горизонтовъ моей родины; воспоминанія нашей деревенской обстановки играютъ гораздо большую роль въ моемъ воспитаніи, чѣмъ историческія преданія и классическія мудрости учебниковъ. Кончивъ ученіе въ Парижѣ, я возвратился въ свой уголокъ и сразу занялъ въ немъ свое мѣсто. Я женился—жену свою я зналъ съ дѣтства, земли наши лежали рядомъ, и мы соединились, соединивъ наши поля. Въ нашей жизни нѣтъ секретовъ, наши интересы, чувства, даже слабости, мы ихъ хорошо изучили, и жизнь наша составляетъ одно стройное цѣлое.

[1]) Рёскинъ. Fors Clavigera.

«Второе существенное неудобство, которое повліяло бы на тебя очень подавляющимъ образомъ, это то, что въ деревнѣ жизнь каждаго человѣка представляетъ открытую книгу, которую перелистываетъ каждый сосѣдъ довольно безцеремонно. Вы, впечатлительные парижане, любите замкнуться въ свою раковину; меня всегда поражала въ Парижѣ изолированность личности среди толпы, которой нѣтъ дѣла до отдѣльныхъ людей. Здѣсь же вы чувствуете, что живете въ стеклянномъ домѣ: всѣмъ извѣстны не только ваши дѣйствія и слова, но и помышленія. Встрѣтивъ кого-нибудь на дорогѣ, вы сейчасъ же въ своемъ умѣ представляете условія его жизни и жизни его предковъ. Такая прозрачность жизни имѣетъ, конечно, свои неудобства, и надо къ ней примѣниться. Затѣмъ развлеченія—чего, чего не наглядитесь вы въ столицѣ; они тебѣ кажутся ненужными, но, потерявъ ихъ, едва-ли отнесешься къ этому равнодушно. А наше главное удовольствіе—бродить по полямъ; вездѣ и всюду кругомъ поля и поля. Кое-гдѣ красная крыша сосѣдняго фермера вырисовывается яркимъ пятномъ на безконечномъ горизонтѣ неба и земли. Я вдыхаю свѣжій воздухъ и чувствую себя лишь отдѣльнымъ маленькимъ атомомъ окружающей природы.

«Отецъ мой умеръ семидесяти шести лѣтъ; онъ былъ бодрый, здоровый мужчина. Онъ хворалъ лишь три дня и умеръ какъ здоровое дерево подъ ударомъ топора. Я думаю жить также долго, использовать каждую минуту этой жизни, работать и умереть такою же спокойною смертью—слиться съ окружающей природой. Наслѣдіе мое—мои дѣти здоровые и веселые ребята, загорѣлые, шумливые, но послушные одному взгляду своихъ родителей. Я всегда былъ противъ той первенствующей роли, которую отводятъ дѣтямъ въ городѣ; не это-ли дѣлаетъ ихъ эгоистами, нервными, капризными; они повелѣваютъ—когда должны учиться послушанію.

«У меня нѣтъ никакихъ самолюбивыхъ и тщеславныхъ мечтаній. Если я думаю о будущемъ, то передо мною не рисуются какія-нибудь особенныя цѣли, которыхъ бы я желалъ достигнуть: я довольствуюсь тѣмъ, что живу и надѣюсь прожить въ тѣхъ же простыхъ и несложныхъ условіяхъ, изъ которыхъ сложилось мое существованіе. Въ деревнѣ живется серьезнѣе, проще, разумнѣе, и умираютъ такъ же просто, какъ жили. Здѣсь надо работать добросовѣстно, обращать вниманіе на каждую подробность. Это не всегда бываетъ весело. Мнѣ кажется, что ты именно обратилъ вниманіе на красивую сторону жизни, не вникнувъ въ то, что есть въ ней суроваго и непригляднаго. Нравственныя требованія здѣсь очень строги, и городская распущенность не встрѣтитъ здѣсь милостиваго снисхожденія. Для всего, для всякаго событія, какъ похороны, свадьба и т. д., установлены извѣстные обычаи, ими нельзя пренебрегать.

«Вся жизнь протекаетъ монотонно и однообразно, какъ однообразна окружающая насъ природа; ты почувствовалъ душевный отдыхъ, послѣ переутомленія городскою жизнью, и въ тебѣ явилось совершенно понятное желаніе удержать за собою эти пріятныя ощущенія. Но я боюсь, что твои мечты очень скоро разлетятся отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью. Ты задохнешься тамъ, гдѣ я чувствую себя счастливымъ, потому что и я, и мои предки приспособлялись къ этой жизни цѣлыми поколѣніями. Ты же—продуктъ города».

Бѣдный парижанинъ былъ очень ошеломленъ, получивъ это письмо. Мы неохотно прощаемъ тѣмъ, кто открываетъ намъ глаза. Злое чувство является невольно, когда цѣлебное средство, на которое мы надѣялись и думали, что оно уврачуетъ наши недуги, вдругъ отнимаетъ у насъ трезвая дѣйствительность. Онъ понялъ все сѣрое однообразіе жизни въ провинціи, которое такъ ему понравилось; для него стало ясно, что онъ совершенно не могъ бы съ нею помириться. Организмъ

его привыкъ къ лихорадочной жизни, и отсутствіе этой лихорадки убило бы его; впечатлѣнія получились бы иныя, но они были бы не менѣе болѣзненны; тѣ же страданія, та же борьба, только лишенная оживленія, мелкая, узкая, среди людей, мышленіе которыхъ даже не въ состояніи было понять его утонченныхъ мукъ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ ошибся; онъ увидѣлъ передъ собою черную бездну и отшатнулся, въ этой безднѣ отразился кусочекъ голубого неба, которое онъ принялъ за райское видѣніе.

Жизнь очень сложная вещь и измѣнить одни условія на другія, конечно, не легко. Если во Франціи существуетъ такая разница между жизнью въ городѣ и въ деревнѣ, то у насъ, въ Россіи, она еще гораздо рѣзче. Услуги цивилизаціи, въ видѣ хорошихъ дорогъ, изящныхъ построекъ, быстроты почтовыхъ сообщеній, во Франціи къ услугамъ и деревенскаго жителя. У насъ же, живя въ тридцати верстахъ отъ уѣзднаго города, получаются письма изъ мѣстной столицы чуть-ли не черезъ десять дней. Дороги, въ большинствѣ случаевъ, такія, что всякій мостъ внушаетъ истинный ужасъ, въ рытвинахъ рискуешь потерять равновѣсіе, а тамъ, гдѣ дорога исправлена усиліями мѣстной администраціи, рискуешь отъ тряски прикусить языкъ, если не прикусилъ его раньше отъ другой причины. Есть у насъ и еще особенность жизни, неизвѣстная нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Прозрачность жизни, о которой говорилось выше, существуетъ и у насъ, но тутъ примѣшиваются непріятныя случайности для людей, не желающихъ ограничить своей жизни чисто личными интересами.

Важное отличіе деревенской жизни передъ городской составляетъ именно ея серьезность, и оцѣнка ей производится другая. Въ столицѣ можно прослыть очень милымъ человѣкомъ, не ударивъ палецъ о палецъ. Рекомендація разныхъ министерствъ и канцелярій не можетъ служить мѣриломъ оцѣнки человѣка. Сколько бы онъ ни выпустилъ исходящихъ бумагъ и какъ бы ревностно ни протиралъ своей одежды въ канцеляріяхъ, Россіи отъ этого ни тепло, ни холодно. Также и учителя всевозможныхъ гимназій и учебныхъ заведеній,—ихъ единицы и ихъ «отселева доселева» не имѣютъ существеннаго вліянія на развитіе юношества. Не то въ деревнѣ: тамъ человѣкъ оцѣнивается непосредственно по своимъ поступкамъ. Сельскій учитель—величина гораздо большая, чѣмъ педагогъ во фракѣ, успѣвшій зачерствѣть на своихъ латинскихъ склоненіяхъ. Сельскій врачъ, которому приходится разъѣзжать по всевозможнымъ дорогамъ, во вьюгу, слякоть, дождь, не знаетъ удобства городского врача, разъѣзжающаго въ собственномъ экипажѣ. Его больные ютятся въ лачугахъ, ему приходится бороться не столько съ болѣзнями, сколько съ плохими условіями обстановки больного. Онъ и лѣчитъ, и поучаетъ. Онъ, какъ и всякій живущій въ провинціи, кромѣ непосредственнаго исполненія обязанности, является еще и проводникомъ культуры, и въ этомъ отношеніи глубо-

кая разница въ задачахъ, описываемыхъ въ письмѣ французскаго деревенскаго жителя, и нашихъ «культурныхъ одиночекъ». У послѣднихъ задачи шире и стремленія жизненнѣе. Отъ человѣка въ деревнѣ требуется, чтобы онъ творилъ свою культурную миссію, иначе мнѣніе о немъ будетъ очень невысокое. Тутъ нельзя отдѣлаться красивыми фразами, какъ нельзя пустить пыль въ глаза пышными одеждами.

Попадая изъ деревни въ городъ, дивомъ дивишься такимъ костюмамъ, въ которыхъ въ деревнѣ и показаться было бы стыдно. Рукава невозможныхъ размѣровъ, шляпы—но кому неизвѣстны дамскія шляпы съ болтающимися во всѣ стороны перьями и съ такими цвѣтами, передъ которыми стыдливо спрятались бы деревенскія незабудки, васильки и ромашка. Пока сельскій обыватель любуется своей незамысловатой природой, городской житель топчется въ садахъ и смотритъ невѣроятный вздоръ. Пріѣзжему такой садъ кажется сумасшедшимъ домомъ, потому что нельзя же серьезно смотрѣть на такія балаганныя штуки, какъ «Восемьдесятъ дней кругомъ свѣта», слышать пѣніе романсовъ съ аккомпаниментомъ, подражающимъ крику пѣтуха, курицы, мяуканью кошекъ, любоваться на всякія кривлянья и не ужаснуться, что тысячи людей ежедневно стекаются, чтобы смотрѣть на эту ерунду.

Да, жизнь въ деревнѣ требовательнѣе, и человѣку надо больше силы и выносливости, чтобы выдержать монотонную жизнь, въ особенности осенью и зимою.

Въ глуши, что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой...

Давно уже прошли тѣ времена, когда жизнь помѣщиковъ представляла собою вереницу баловъ и развлеченій, когда романтическіе юноши восклицали:

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.

Теперь сѣрая госпожа забота посѣтила и другіе хоромы, находя пріютъ не только подъ соломенной крышей простолюдина. Конечно, «праздность» господствуетъ и теперь въ достаточной степени; собираются и теперь «всѣ жадной скуки сыновья».

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли,
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ—вѣрный нашъ брегетъ.

Люди желудка, поклонники картъ и выпивокъ жили прежде, живутъ и теперь, но не они, конечно, задаютъ тонъ и не ими живетъ провинція. Провинція живетъ болѣе глубокими интересами, и они привле-

кающъ людей, которыхъ не удовлетворяетъ жизнь столицы, легкая и неотвѣтственная. Эта неотвѣтственность служитъ главною приманкою тѣмъ, кому не знакомы высокіе идеалы и которые одинаково переваривающъ и пошлые куплеты, и уличную грязь, и салонные разговоры. Они тамъ сила: ихъ мчатъ извозчики и рысаки, ихъ услаждаютъ Фигнеры и Мазини, но мимо нихъ катится жизнь, не задѣвая ихъ своимъ крыломъ. Жизнь обновленія совершается тамъ, гдѣ человѣкъ способенъ спросить себя:

«Что дашь ты родинѣ, что въ силахъ ты ей дать?
И сердце я спросилъ, и сердцемъ я рѣшилъ,
Услышавъ братскій стонъ, безъ думъ и размышленья,
Идти и помогать насколько хватитъ силъ».

Эти слова выражаютъ настроеніе тѣхъ, которые любятъ родину настоящей любовью, которые не боятся ни унылыхъ равнинъ, ни одиночества, ни скуки.

Если одни пользуются въ городахъ культурой для собственнаго самоуслажденія, то другіе несутъ свои знанія и свои силы туда, въ тѣ уголки и захолустья, куда еще долго не проникнетъ ни электрическій свѣтъ, ни разные другіе плоды цивилизаціи. Но чья судьба завиднѣе, чей голосъ прозвучитъ не даромъ?

Жалуются многіе, что жизнь въ провинціи скучнѣе, что людей затягиваетъ тина пошлости, мелкихъ дрязгъ и низменныхъ интересовъ. Но развѣ нѣтъ средствъ бороться съ этими невзгодами? Развѣ живое дѣло не можетъ служить къ подъему духа? Развѣ высшее душевное удовлетвореніе можно промѣнять на безцѣльное прозябаніе и наслажденіе сплетнями и пошлыми забавами? Развѣ книги не лучшіе друзья? Онѣ не ссорятъ, а объединяютъ людей, доставляютъ имъ минуты неподдѣльнаго наслажденія, помогаютъ бороться со зломъ, расширяютъ умственные горизонты. Все чаще и чаще приходится слышать, что въ провинціи образуются кружки, которые живутъ общими интересами и собираются для живого обмѣна мыслей. Не могу пройти молчаніемъ одного явленія, о которомъ сообщаетъ корреспондеетъ «Орловскаго Вѣстника».

«Въ селѣ Дросковѣ, Малоархангельскаго уѣзда, замѣчается одно изъ симпатичнѣйшихъ явленій въ провинціальной глуши—стремленіе мѣстной интеллигенціи къ знакомству съ литературою путемъ совмѣстнаго чтенія нашихъ и иностранныхъ поэтовъ, писателей и современныхъ лучшихъ журналовъ. Здѣсь выписываются всѣ лучшіе журналы: *Р. Богатство, Р. Мысль, Недѣля, Міръ Божій* и др. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ жителей с. Дроскова есть свои библіотечки. По взаимному соглашенію, книгами и журналами могутъ пользоваться всѣ мѣстные жители. Мѣстная интеллигенція представляетъ изъ себя твердо сплоченный дружескій семейный кружокъ, во главѣ котораго стоитъ сообщившій дросковскому обществу стремленіе къ литературѣ докторъ Софроновъ. Среди членовъ кружка нерѣдко устраиваются семейные вечера, на которыхъ бываетъ вся мѣстная интеллигенція. Эти вечера носятъ совершенно особый характеръ: здѣсь вы не встрѣтите ни картежной игры, ни ухарской попойки; здѣсь не услышите ни суда, ни кумушкиныхъ сплетенъ; здѣсь не увидите ни кисейныхъ

барышень, затянутыхъ въ корсеты,—здѣсь все просто, а вмѣстѣ съ тѣмъ чинно и симпатично. Женщины приходятъ въ простыхъ костюмахъ съ работой въ рукахъ, мужчины со свѣжей, здоровой головой и полнымъ убѣжденіемъ, что это время у нихъ не пропадетъ даромъ. Дамы берутся за свою работу, мужчины садятся поближе къ лектору и начинается чтеніе. Чтенія бываютъ историческія, популярно-научныя и литературныя (беллетристика и критика). По окончаніи чтенія обыкновенно бываютъ совмѣстныя обсужденія прочитаннаго, или же сообща рѣшаютъ какія-либо дѣла и разсматриваютъ какой-либо проектъ. Нельзя не порадоваться, — восклицаетъ газета, — такому рѣдкому въ провинціальной глуши умственному подъему сельской интеллигенціи,—глядишь, это явленіе, какъ утренняя заря, предвѣстница свѣтлаго дня и человѣческаго труда, озаритъ сонное царство, пробудитъ отъ вѣковой спячки нашихъ крѣпколобыхъ обломовцевъ».

«Смоленскій Вѣстникъ», приводя эту корреспонденцію, прибавляетъ отъ себя:

«Таковъ одинъ изъ оазисовъ въ россійской Сахарѣ. Отрадно, конечно, но почему же подобные оазисы такъ рѣдки въ нашей жизни? Рѣдки-ли они потому, что рѣдки иниціаторскія личности въ родѣ доктора Софронова, или зависитъ это и отъ другихъ причинъ? Думаю, что главнымъ образомъ дѣйствуютъ здѣсь именно эти «другія причины». И вотъ, пока условія нашей жизни будутъ не только распложать, а даже содѣйствовать процвѣтанію Расплюевыхъ, всякія культурныя начинанія не приведутъ къ тѣмъ результатамъ, которыхъ можно было бы смѣло отъ нихъ ожидать. Но развѣ же это нормально? Развѣ нѣтъ средствъ укротить Расплюева и доказать ему, что онъ, Расплюевъ, есть только Расплюевъ и ничего болѣе».

Вполнѣ сочувствуя мнѣнію уважаемой газеты, присоединяюсь къ ея пожеланіямъ, чтобы оазисы въ русской жизни встрѣчались чаще, чтобы люди одного мышленія крѣпче протягивали другъ другу руки, чтобы они держались за идеалы правды и добра, и тогда, конечно, и имъ будетъ легче жить и они научатъ жить и другихъ. Надо умѣть

> ... Отозваться душой
> Всѣмъ, кто ищетъ и проситъ участья,
> Всѣмъ, кто гибнетъ въ борьбѣ, кто подавленъ нуждой,
> Кто усталъ отъ грозы и ненастья.

Твердо вѣруя, что такихъ людей много разсѣяно по широкимъ и далекимъ городамъ и весямъ нашей родины, мы пожелаемъ имъ успѣха: и жизнь ихъ, конечно, не пропадетъ даромъ, какъ бы скроменъ ни былъ ихъ удѣлъ.

О. Баранова.

Въ № 12-мъ «Нов. Слова» за прошлый годъ въ «Обозрѣніи внутренней жизни» вкрались слѣдующія опечатки:

Стран.	Строка	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
118	1 св.	*давно* знакомы	*не* знакомы
122	19 сн.	непропенными	непричисленными

Указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Новое Слово».

ГОДЪ I.

1 октября 1895 — 1 октября 1896.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшіе манифесты: 3 ноября 1895 г. по случаю рожденія Великой Княжны Ольги Николаевны (III, дек., 140); 1 января 1896 г., предваряющій о коронаціи (IV, янв.) и 14 мая 1896 г., по случаю состоявшагося коронованія (IX, іюнь, 1).

Ан—скій, С.—Идеализмъ и матерьялизмъ въ исторіи. IV янв. 183.

Аріанъ.—Письмо въ редакцію по поводу доклада г. Оболенскаго въ Общ. для содѣйств. рус. промыш. и торгов. и г. Левитскаго въ Вол.-экон. общ. о земледѣльческихъ артеляхъ. V февр. 244.

А. М.—Непричисленные переселенцы на Алтаѣ. XII сент. 116.

Балахнинъ, Л. А.—Женскіе клубы въ Англіи. II ноябр. 57.

Бартенева, Е.—Картинки парижской жизни. XII сент. 95. Ея же см. псевд. Прокофьева.

Бартеневъ, В. В. — Концентрація торгово-промышленной дѣятельности на крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. VIII май. 1.

Безродная, Ю.—На окраинѣ: «Утопія». Очеркъ. VIII май. 1.

Березинъ, Н.—Фритьофъ Нансенъ. XII сент. 106.

Бинштокъ, В.—Участіе общественнаго элемента въ отправленіи правосудія. I окт. 1.—II ноябрь. 1.

Бирюковичъ, Вл.—Нѣкоторые результаты питейной монополіи. IV янв. 136.—Въ ожиданіи акциза на виноградное вино. IX іюнь. 74.—Меліоративный кредитъ. XI авг. 129.

Боцяновскій, В. Ѳ.—Русскіе вольнодумцы XIV—XV вѣковъ. XII сент. 153.

Брикнеръ, А.—Паденіе Бирона. III дек. 207.—IV янв. 134.—VI мар. 25.—VIII май. 52.

Бунинъ, Ив.—На край свѣта. Очеркъ. I окт. 148.—Тарантелла. Разсказъ. VII апр. 45.

Быстренинъ, В.—Учитель. Разсказъ. II ноябр. 158.

Весткирхъ, А.—Сердце заговорило. Новелла. Перев. О. Н. П. III дек. 169.

В. В.—Артели для подрядныхъ и наемныхъ работъ (Лѣсн. промыселъ. Бурлачество. Лодочники). I окт. 65.—Очерки современныхъ направленій. Экономическій матерьялизмъ на русской почвѣ (Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи мононистическаго взгляда на исторію) II ноябрь 100. III дек. 42.—

Очерки современныхъ направленій. VI мар. 1.—Милостивый критикъ. VII апр. 44.—Характеристика новѣйшихъ теченій нашей умственной жизни. Письмо въ редакцію по поводу выхода 2-го т. «Соціологическихъ этюдовъ» г. Южакова.—X іюль. 272.—Артели для подрядныхъ и наемныхъ работъ. XI авг. 33.—XII сент. 1.

Вагнеръ, В.—Новые и старые пути въ біологіи. XI авг. 90.

В. П.—Замѣтки о педагогической и дѣтской литературѣ. VII апр. 136.—VIII май. 158.

Герценъ, А. И. и Н. А. Захарьина.—Ихъ переписка. IV янв. 108.—V февр. 144.—VII апр. 123.—IX іюнь. 118.—X іюль. 117.

Горькій, М.—Тоска. Разсказъ. IX іюнь. 168.—X іюль. 54.

Дегенъ, Е.—Гергардъ Гауптманъ. III дек. 36.—Новѣйшая французская лирика. IX іюнь. 90.

Диксонъ, Элла Хепвортъ.—Современная женщина. Романъ. Перев. Мосоловой, В. I окт. 1.—II ноябр. 41. IV янв. 73.—V февр. 113.—VI мар. 129.

Додэ, А.—Похороны звѣзды. VIII май. 185.

Е. М.—Нѣкоторыя данныя объ экономическомъ положеніи переселенцевъ Тобольской губерніи. XII сент. 133.

Жюссеранъ, Ж.—Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. I окт. 1—32.—IV янв. 33—48.—IX іюнь. 49—80.—XI авг. 81—112.

Засодимскій, П. В.—Восточный магазинъ. Повѣсть. I окт. 1.—II нояб. 1.—III декаб. 78.—Въ деревенской глуши. X іюль. 192.

Золя, Э.—Римъ. Перев. Н. Шульгиной.—IV янв. 202.—V февр. 161.—VI мар. 151.—VII апр. 185.—VIII май. 150.—IX іюнь. 135.—X іюль. 154.—XI авг. 133.—XII сент. 174.

Ивинъ, Н.—Мировые судьи. V февр. 1.

Ив—чъ.—По поводу отчетовъ государственныхъ учрежденій земельнаго кредита за 1894 г. III дек. 1.

Каблуковъ, Н.—Общеэкономическое значеніе женскихъ кустарныхъ промысловъ и способы содѣйствія имъ. V февр. 55.—Къ вопросу о сельскохозяйственномъ кризисѣ. X іюль. 95.—XI авг. 46.

Калугинъ, Д.—О страхованіи и перестрахованіи отъ огня. VII апр. 25.

Колтановскій, А.—Стихотворенія: Родина.—Въ разлукѣ. I окт. 165, 222.—Изъ сельской школы. IV янв. 197.—*** (съ нѣмецкаго, изъ Зибеля). V февр. 160.—*** IX іюнь. 167.—*** XII сент. 238.

Комиссія Спб. комитета грамотности.—Обзоръ общедоступныхъ книгъ литературнаго и научнаго содержанія. II ноябр. Приложеніе 1—16.—II дек. Приложеніе 17—31.

Корфъ, А. А. бар.—Неизвѣданный уголокъ Россіи. Отъ Владивостока до Хобаровска. VIII май. 129.—IX іюнь. 40.

Котельниковъ, А.—Исполненіе росписи въ 1894 г. IV янв. 145.—Предстоящая перепись населенія Россіи. VI мар. 188.

Кретцеръ, Максъ.—Исторія чернаго сюртука. Разсказъ изъ рабочей жизни. Перев. О. Н. Поповой. II ноябр. 202.

Кривенко.—Артель-община изъ переселенцевъ. VI мар. 232.

К—въ, А.—Государств. роспись на 1896 г. IV янв. 196.—Толки о денежной реформѣ. VII апр. 218.—Наши косвенные налоги. X іюль. 146.

К—о, Н.—Ученое братство (Институтъ Пастера). XII сент. 50.

Лубковъ, К. А.—По вопросу объ экономическомъ матерьялизмѣ. Письмо въ редакцію. XII сент. 226.

Максимовъ, Е.—Статистическіе и финансовые вопросы общественнаго призрѣнія. VI мар. 35.—VII апр. 1.

Максимовъ, Н.—Политическія партіи въ Америкѣ. VII апр. 138.—Президентскіе выборы въ Америкѣ. XI авг. 50.—XII сент. 204.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Безъ особенныхъ правъ. Повѣсть. I окт. 102.—II ноябр. 73.—Tussilago Farfara. Повѣсть. V февр. 119.—VI мар. 127.—VII апр. 164.
Марковичъ, Д. В.—Изъ галицко-украинскихъ писателей. I. Шматокъ. II. Два платочка. Разсказы. Перев. А. К. XI авг. 118.
Мачтетъ, Гр.—Пустыня и люди. XI авг. 1.
Медвѣдевъ, Л.—Стихотвореніе **. V февр. 118.—Надъ Днѣпромъ. Стихотв. VIII май. 208.
Менгеръ, А.—Соціальныя задачи права. X іюль. 40.
Мижуевъ, П. Г.—О вліяніи сокращенія рабочаго дня на производительность труда. IX іюнь. 1.
Немировичъ-Данченко, В.—Волчья сыть. Романъ въ 3 частяхъ.—III дек. 1.—IV янв. 1.—V февр. 2.—VI мар. 46.—VII апр. 1.—VIII май. 79.—IX іюнь. 1.—X іюль. 1.
Николай —онъ.—Чѣмъ объяснить ростъ нашихъ государственныхъ доходовъ. V февр. 65.—Письмо въ редакцію по поводу доклада г. Левитскаго о земледѣльческихъ артеляхъ. Ibid. 256.
Николаева, М.—Поиски спасающаго догмата. «Безъ догмата» и «Семья Поланецкихъ». Ром. Сенкевича. II. ноябрь. 29.
Оболенскій, Л. Е.—Декадентство въ морали. I окт. 166.—Представляетъ-ли англійскій капитализмъ нормальную стадію развитія. V февр. 15.—Письмо въ редакцію. Къ вопросу о капитализмѣ, прогрессѣ, законахъ науки и методахъ. VI мар. 259.
Ольхинъ, А.—Памяти М. Е. Салтыкова. Стихотвореніе. VI мар. 191.
Отецъ.—Параллели въ школьномъ дѣлѣ. XI авг. 79.
Песковскій, М.—Всемірная реформа въ дѣлѣ образованія. VII апр. 94.
Петерсонъ, О.—Скрипка. Разсказъ. X іюль. 133.
Погосская, А.—Двѣ стороны американской жизни. X іюль. 24.
Прокофьева, М.—Картинки парижской жизни. VI мар. 96.
Пружанскій, Н.—Моя тетушка Сара. Разсказъ изъ еврейск. быта. III дек. 181.—Несчастіе помогло. Разсказъ. IX іюнь. 64.
Пчилка, О.—Соловьиная пѣсня. Разсказъ. VI мар. 177.
П. О.—Что намъ дѣлать съ нашимъ санитарнымъ неустройствомъ? IX іюнь. 65.—Отхожіе промыслы. X іюль. 130.
П. Т.—Антисемитическое движеніе въ Австріи. VIII май. 53.—IX іюнь. 31—Положеніе сельскихъ рабочихъ въ Австріи. XII сент. 17.
П. Я.—«Прощаніе». Стихотвор. VII апр. 93.—** Стихотв. VIII май. 184.—Изъ глуши. Стихотвореніе. XI авг. 163.
Рони.—Подмѣнъ. Разсказъ. Переводъ О. П. IX іюнь. 194.
Рубакинъ, Н. А.—Взыскующіе града. Изъ наблюденій надъ русскимъ читателемъ. I окт. 23.—Лицомъ къ лицу. V февр. 86.—Условія распространенія естественно-научныхъ знаній въ Россіи. VII апр. 86.
Р.—Обманутыя надежды. Повѣсть. IV янв. 153. V—февр. 87.
Савихинъ, В.—Филатка. Картинки минувшаго. IV янв. 85.—VI мар. 1.—VIII май. 106.—XI авг. 71.—XII сент. 77.
Семеновъ, М.—Пересолъ. Разсказъ. X іюль. 75.
Серафимовичъ, А.—Подъ праздникъ. III дек. 156.—Аптека ночью (изъ жизни аптекарскихъ учениковъ). XII сент. 70.
Скабичевскій, А. М.—Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ. Критическія письма. Письмо 1. Беллетристическія группы. I окт. 46.—Письмо 2-ое. А. Л. Волынскій. «Русскіе критики. Литературные очерки». VI мар.

94. — Письмо 3-е. Г-жа З. Н. Гиппіусъ. VII апр. 60.—Письмо 4-е. Два сборника (Сборникъ студ. Спб. университета и «Починъ», изд. Общ. любит. россійской словесности). VIII май 165.— Письмо 5-е. Курьезы и абсурды молодой критики. IX іюнь. 176.—Письмо 6-е. Ни павы, ни вороны. X іюль. 108.—П. В. Засодимскій (Вологдинъ). Собран. соч. 2 т. IV янв. 51.—V февр. 123.—М. В. Крестовская. XII сент. 56.

Слобожанинъ, М.—Коренной вопросъ мѣстнаго управленія. X іюль. 1.—XI авг. 1.

Спенсеръ, Гербертъ.—Общественныя профессіи. I окт. 205.

Тарле, Е.—Бегины и бегарды. IV янв. 31.

Тайербокъ, В. — Свѣтъ во мракѣ. Перев. съ англ. В. Т. VII апр. 1.—VIII май. 17.—IX іюнь. 33.—XI авг. 55.—XII сент. 83.

Тверской, П. А. — Шлатеръ и его дѣйствительное значеніе. Письмо изъ Америки. IX іюнь. 198.

Тезяковъ, Н. — Праздники и жертвоприношенія у вотяковъ-язычниковъ. Изъ записной книжки земскаго врача. IV янв. 1.

Темирязевъ, К. Проф.—Луи Пастёръ. II нояб. 171.

Товотъ (Гейнцъ).—Загадка. Разсказъ. Перев. Журавской, З. I окт. 158.

Т—е, Евг.—Проклятые вопросы и ученые отвѣты. VIII май. 23.

Уордъ (Гумфри).—Бесси Кострель. Повѣсть. Перев. I окт. 186.—II ноябрь 136.—III дек. 135.

Успенскій, Д.—Переселенческое движеніе въ Тульской губерніи 1894—1895 гг. VII апр. 189.

Чайченко, В.—Изъ галицко-украинскихъ писателей. Панько. Очеркъ. Перев. А. К. XI авг. 129.

Шелгуновъ, Н. В.—Изъ записокъ 1868. I окт. 130. II нояб. 57.

Шабельская, А. С.—Ткачи. XII сент. 1.

Шубинъ, О.—Con fiocchi. Повѣсть. Перев. З. Журавской. XI авг. 167.—XII сент. 112.

Щепотьева, Е.—Литературно-музыкальные вечера для народа въ Германіи. V февр. 45.

Яроцкій, В.—Односторонняя теорія экономическаго развитія. IV янв. 49.

Энгельгардтъ, Н.—Буковскій интеллигентный поселокъ. Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній. III дек. 17. IV янв. 11.

***—Стасова, Н. В. Некрологъ. I окт. 176.

***—Отчетъ Государственнаго контроля за 1894 годъ. III дек. 214.

***—Идеализмъ и матерьялизмъ въ исторіи. VI мар. 110.

***—Представляетъ-ли собою интеллигенція общественный классъ. VII апр. 106.

***—Стихотвореніе. XI авг. 166.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Политическая роль франц. театра въ связи съ философіей XVIII в. И. Ивановъ.—Культура и цивилизація Зап. Евр. въ эпоху крестовыхъ походовъ. Е. Лависъ и Рамбо.—Моя библіотека. Изд. Ледерле №№ 1—190.—Бѣлорусское полѣсье. Сборникъ этнограф. матерьяловъ; вып. I. Пѣсни пинчуковъ. Довнаръ-Запольскій.—Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. Е. Рагозинъ.—Матерьялы по пересмотру тарифовъ на перевозку кам. угля по желѣз. дор. съ 1894 г. Вып. 1 и 2. Изд. мин. фин.—Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. 2 т. В. Яроцкій. — Основы ботаники. Ванъ-Тигемъ. Перев. Ростовцева.—Мысль и рефлексія. Ф. Шперкъ. I окт. 68.—Китайскія тѣни. Романъ. Н. П. Гнѣдичъ.—Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвор. молодыхъ рус-

скихъ поэтовъ. П. и В. Перцовы. — Письма о поэзіи. П. Перцовъ.—Стихотвор. В. Соловьевъ. Изд. 2. — Женскій ядъ. Романъ-быль. Изд. 3-е. Н. Е. Гейнце. — Кровь растерзаннаго сердца. Декаденты: С. Терзаевъ, В. Красновъ и М. Славянскій. Изд. Семенова.—Очерки и этюды. Каутскій.—Промысловые синдикаты преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Амер. И. Янжулъ.—Древняя исторія народовъ востока. Масперо, Ж. Пер. съ 4 изд. Изд. Солдатенкова. — Самовоспитаніе умственное, физическое и нравственное. Д. С. Блекки. Переводъ В. Д. Вольфсонъ.—Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. А. W. S. Переводъ Ф. Данилова. II ноябр. 76.—Семейство Бронте. О. Петерсонъ.—Всеобщая исторія литературы. Шерръ. Перев. П. Вейнберга. Вып. 1 — 3. — Жизнь и труды М. Погодина. Кн. 9. Н. Барсуковъ.—Гусли звончаты. Н. А. Пановъ. —Настоящее и прошлое земли. В. Агафоновъ.—По Волгѣ и Каспію. Шевченко-Красногорскій.—Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна 1880—1893 г. Ст. Гулишамбаровъ.—Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ Д. П.—Русская школа. Училищевѣдѣніе. Педагогика. Методика. М. Яблочковъ. III дек. 72.—Очеркъ земской дѣятельности въ области обществ. призр. Е. Максимовъ.—Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Зап. Европѣ. Сперанскій, С.—Кустарнопромышленныя артели Пермской губер., организованныя при содѣйствіи банка пермскаго земства. Бернацкій, А.—Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. V. —Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры. Розенбергъ, С.—Эпоха великихъ реформъ. Джаншіевъ, Гр.— Литература XIX в. въ главныхъ теченіяхъ. Французская литература. Брандесъ. Изд. Павленкова.—«Въ добрый часъ». Сборникъ въ пользу общ. вспомощ. нуждающимся ученицамъ коломенской женск. гимназіи.—На тройкахъ. Очерки и разсказы. Телешовъ, Н.—Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Чешихинъ, В.—«Негерои» и «На чужомъ полѣ». Кругловъ, А.—Происхожденіе современной демократіи. Ковалевскій, М.—Борьба за право. Іерингъ, Р. Перев. О. Верта. IV янв. 74.—«Свѣтъ Азіи». Арнольдъ. Э. Пер. въ стихахъ А. М. Федорова.—Тщеславіе и жадность. Повѣсти Лейкина.—На досугѣ. Гр. Мачтетъ.—Варваръ, эллинъ, еврей. В. Дѣдловъ.—«Золоченая богема», «Семья или сцена» и «Кавказскія преданія и легенды». Свѣтловъ, В.—Р. Саадія Гаонъ. Знаменитый еврейскій ученый X вѣка. Г. Генкель. —Разводъ и положеніе женщины. М. И. Кулишеръ.—Преимущественно современные французскіе лирики въ краткихъ біографіяхъ и произведеніяхъ. Е. Зетъ. V февр. 152.—Въ волостныхъ писаряхъ. Астыревъ, Н.—Святочные разсказы. Нефедовъ, Ф. — Не сказки. 2 изд. Линевъ, Д. А.—Сочиненія Шелли. Вып. 4-й.—И. С. Тургеневъ. Ивановъ, И.—Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. Къ вопросу объ экономическомъ матерьялизмѣ. Головинъ, К.—Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія. Издан. Ледерле.—Вешніе всходы: первая книга послѣ азбуки въ школѣ и семьѣ, вторая—для класснаго чтенія и бесѣдъ и третья — руководство для учителей къ первой и второй книгѣ. Тихомировъ, Д. И. —VI мар. 133.—Полное собраніе стихотвореній. Полонскій, Я. П.—Замѣтки по поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей гр. Л. Н. Толстого. Полонскій, Я. П.—Черныя розы. Стихотвор. Коринфскій, А.—Стихи. Сологубъ, Ѳ.—Осенью. Разсказы и сказки. Барановъ, А. — «Любовь», философско-психологическій этюдъ. «Красота» критико-философскій этюдъ. Нотовичъ, О. К.—Библіографическій обзоръ изданій централ. статист. комит. по 1 авг. 1895 г. — Судъ надъ судомъ присяжныхъ. Джаншіевъ, Гр.—Сборникъ въ пользу еврейскихъ школъ.—Начало и конецъ міра. Ришаръ. Перев. Ив. Святскаго. —А. Шопенгауеръ. Куно Фишеръ. Перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. — Обязательный минимумъ образованія. Песковскій, М. Л.—VII апр. 118.—«Житейскія были». Быстренинъ, В.—Стихотворенія. Минскій, Н. М.—Родныя пѣсни. Муриновъ, А. М. —Чарльзъ Дарвинъ. Антоновичъ, М. А.—«Древняя гражданская

ская община». Изслѣдованія о культурѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Фюстель-де-Куланжъ. Перевод. Спиридонова, Н.—Курсъ уголовнаго судопроизводства. Фойницкій, И. Я.—VIII май. 141.—Мгновенье. Гнѣдичъ, П. П. — Говорящая голова. Заринъ, А.—Стихотворенія. Л. Г.—Русская женщина XVIII стол. Михневичъ, В.—Народныя изданія Посредника.—Русскія юридическія древности. Сергѣевичъ, В.—Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губ. Кауфманъ, А.—Круговая порука сельскихъ обществъ. Бржескій, Н.—Сужденія редакціонныхъ коммиссій по составленію положеній 19 февр. 1861 г. и правительственные взгляды за время 1861—95 г. Принудительный курсъ и возстановленіе валюты въ Италіи. Грунвальдъ, М.—IX іюнь. 48.—Изъ литературы и жизни. Утинъ, Е.—Призраки минувшаго. Свѣтловъ, В.—Стихотворенія. Афанасьевъ, Л.—Мечты. Полиновскій, М.—Стихотворенія. Молодовъ, Е.—Послѣдніе дни Лермонтова. Кикинъ, В.—Воспоминанія изъ сибирской жизни 1887—1882 чиновника по крест. дѣламъ. Зининъ, Н.—Великорусскія народныя пѣсни. Соболевскій, А.—Изъ недавняго прошлаго. Биштокъ В.—Духовныя завѣщанія, какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять, представлять къ утвержденію и оспаривать. Изд. Павленкова. Абрамовъ, Я.—Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Пругавинъ, А.—Цѣнность жизни. Дюрингъ, Е. Перев. Антоновскаго, Ю. — Исторія первобытнаго человѣка. Гернесъ, М.—Здоровье и счастье. Д-ръ Зеландъ, Н.—Темпераментъ и характеръ. Фулье, А.—Эмоціи. Д-ръ Ланге.—Счастье. Гильти, К.—Что такое нравственность? Циглеръ, Г.—X іюль. 79.—Божественная комедія. Данте. Перев. Голованова, Н.—«Забытая тетрадь». Гиляревскій, В. — Новыя стихотворенія. Мережковскій, Д.—Жрецы. Театральные очерки. Свѣтловъ, В.—Разсказы. Новосильскій, К. Н.—Вокругъ Россіи. Дѣдловъ, В.—Письма изъ деревни. Ярмонкинъ, В. — С.-Петербургскій арестный домъ въ 1881—1895 гг.—Пропорціональные выборы. Коркуновъ, Н.—Мордва. Смирновъ, И.—Соціальныя основы исторіи. Лакомбъ, П. Перев. Сементковскаго, Р. — Индивидуумъ и общество. Вундтъ, В.—Умственное и нравственное развитіе ребенка. Компере. Перев. С. Исаевой и Л. Манухиной.—За дѣтей. Радецкій, М. XI авг. 105. — Счастливецъ и другіе разсказы. Авиловъ, Л. А.—Безъ якоря. Сергѣенко, П. А.—Грезы и пѣсни. Захарьинъ, И. Н.—На холерѣ. Поссе, В.—Жизнь и труды М П. Погодина. Барсуковъ, Н.—Отчетъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при петерб. судеб. палатѣ за 30-й годъ; съ 1 мар. 1895 г. по 1-ое мар. 1896 г.—Отчетъ коммиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа петерб. суд. палаты за 1895 г.—Промышленная, литературная, художественная и музыкальная собственность. Кобеляцкій, А.—Мѣстное управленіе Англіи. Вотье, М. — Исторія французской революціи. Минье.—Старый порядокъ и революція. Токвиль, подъ редакціей проф. Виноградова.—Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Ковалевскій, М.—Исторія земли. Бертье.—XII сент. 86.

ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ.

Л. О. Фулье о вырожденіи и руссификаціи Франціи и Европы.—Такъ-лимы плохи, что Европа должна бояться руссификаціи.—Причина вырожденія Франціи по Фулье и гр. де-Муи.—Почему оба автора не видятъ истинной причины вырожденія. — «Соціологическая слѣпота».—Обвиненія де-Муи науки и литературы.—Опроверженіе этихъ обвиненій разборомъ этики Ницше. — Народность этой второй этики.—Народный принципъ въ открытіяхъ Пастера по Вогюэ.—Любопытный образецъ соціологической слѣпоты въ статьѣ англійскаго финансиста.—Будущности науки. II ноябр. 94.—Борьба индивидуализма и коллективизма. Ш дек. 91. — Pro domo suo: нѣсколько словъ читателямъ, не желающимъ критики. Наши новѣйшіе схоластики.—Какъ полемизируютъ въ Европѣ.—Каутскій, Давидъ и др.—Европейскія работы, освѣщающія съ разныхъ

точекъ зрѣнія вопросы нашей молодежи и интеллигенціи: статьи проф. Найта, новая книга Тарда «Соціальная логика», статья А. Фулье и брошюра Марсели.—Односторонность теоріи «приспособленія къ средѣ» и ея примѣненіе къ декадентамъ всякихъ сортовъ. VI мар. 77.—Взгляды на прошлое нѣкоторыхъ современныхъ общественныхъ идей. VIII май. 32.—Толпа и ея герои. X іюль. 34.—Новости соціологіи. XII сент. 34.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Н. Э. Астрономія: Новыя данныя о лунѣ. Лунная атмосфера. Вода на лунѣ. Загадочныя пятна.—Химія: аргонъ и геліумъ.—Біологія: вліяніе температуры на географическое распредѣленіе животныхъ и растеній. Физіологическая постоянная. Распредѣленіе біологической зоны по линіи максимальныхъ температуръ. I окт. 123.—Агрономія: Источники азота. Основной и оборотный капиталъ почвы. Превращеніе азота въ почвахъ. Усвоеніе бобовыми атмосфернаго азота. Процессы аммонизаціи и нитрификаціи. Почвенныя бактеріи и нитромонады. Процентное содержаніе азота въ перегнoѣ и кислотность почвъ. Раціональное пользованіе нитрификаціей. Значеніе обработки почвы. Прививки азотоусвояющихъ бактерій почвѣ. III дек. 57.

П. О. Лучи x пр. Рёнтгена. V февр. 140.—Вліяніе свѣтовой энергіи на организмы растительный и животный. Отношенія электричества къ свѣту. VI мар. 118.—Примѣненіе рёнтгеновскихъ лучей въ медицинѣ. Вынужденное бродяжничество какъ патологическое явленіе. VIII. 191.

Н. Э. Біологическія данныя наслѣдственности. X іюль. 63.

ЗЕМСТВО И ГОРОДА.

Абрамовъ, Я. Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ земствахъ орловскомъ, полтавскомъ, вятскомъ, пермскомъ, московскомъ и александровскомъ, Екатеринославской губерніи.—Ходатайство ялтинскаго земства объ открытіи школъ грамоты.—Назначенія полтавскаго земства на народныя чтенія и библіотеки.—Вопросъ объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ народной школы въ елисаветградскомъ собраніи Херсонской губерніи. II ноябр. 165.—Запросъ министер. земледѣлія о выясненіи нуждъ сельскаго хозяйства. — Попытки земствъ къ поднятію цѣнъ на хлѣбъ.—Кредиты на покупку живого инвентаря и на склады земледѣльческихъ орудій. III дек. 141.—Стремленіе къ ограниченію компетентности земскихъ учрежденій.—Права земства ходатайствовать по общимъ вопросамъ.—Вопросъ о розгѣ — вопросъ государственный или мѣстный?—Право земскихъ собраній выбирать постоянныя ревизіонныя коммиссіи и просить разъясненій, какимъ порядкомъ отклонены ходатайства.—Медленность губернской администраціи въ утвержденіи лицъ, поступающихъ на службу земства. IV янв. 124.—Заботы московскаго земства о подъемѣ экономическаго положенія населенія. V февр. 203.—Предложеніе о передачѣ земскихъ школъ въ епархіальное вѣдомство въ земствахъ: брянскомъ и саратовскомъ. VII апр. 174.—Какъ вліяютъ на экономическую жизнь населенія наши городскія управленія? VIII май. 110.—Итоги земской дѣятельности по улучшенію сельскаго хозяйства. X іюль. 150.

ИЗЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ.

Д. Л. Раскольничьи браки. I окт. 150.—Казуистика крестьянскаго земельнаго права.—Давность и ея значеніе.—Примѣняется-ли давность къ крестьянской надѣльной землѣ.—Давность въ сферѣ: 1) мирского владѣнія и 2) подворнаго.—Помѣщичій сервитутъ въ предѣлахъ крестьянской усадебной осѣдлости.—Уничтоженіе послѣдняго остатка временнообязанныхъ отношеній. III дек. 162.—Законодательство о крестьянахъ въ 1895 году. VI мар. 175.

К. Б. Дѣло г. Штевенъ съ юридической точки зрѣнія.—VII апр. 184.

В. Бинштокъ. Къ вопросу о судебной реформѣ въ Сибири. VIII. 88.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Рубакинъ, Н. Факты противленія школѣ.—Наплывъ въ школы какъ въ сельскія, такъ и въ городскія.—Народъ не только ждетъ школы, онъ желаетъ лучшей школы. — Отношеніе населенія къ разнымъ типамъ школы.—Указъ сената, разъясняющій права сходовъ переходить отъ земскихъ къ церковно-приходскимъ школамъ и обратно. II ноябр. 176.—**Штевенъ, А.** Школьный вопросъ на земскихъ собраніяхъ Нижегородской губерніи. III дек. 150.—**Н. Х.** Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ. III дек. 170.—**Абрамовъ, Я.** Народное образованіе на 2 съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.—Рѣшенія и ходатайства съѣзда по вопросамъ: всеобщаго и обязательнаго обученія, о созывѣ всероссійскаго и областныхъ съѣздовъ дѣятелей по народному образованію, о положеніи народнаго учителя, о воскресныхъ школахъ, народныхъ и школьныхъ библіотекахъ, о народныхъ чтеніяхъ и о профессіональныхъ задачахъ, возлагаемыхъ на начальную школу. V февр. 213.—**Засодимскій, П.** Кто на кого нападаетъ. По поводу «цифръ» и «фактовъ» г. Миропольскаго. (церков.-прих. школ.). VI мар. 61.

Ш. Нѣкоторыя данныя по вопросу о всеобщемъ обученіи. VIII. 68.

Уставъ петербургскаго и московскаго обществъ грамотности. XI авг. 145.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Нѣчто въ родѣ предисловія: Засосетъли провинціальная тина.—Что дѣлать въ глуши. Абрамовъ, Я.—Изъ Чернигова: Вопросы народнаго образованія въ сессію губернскаго земскаго собранія 1895 г. — Изъ Кіевской губерніи: Наши сахарозаводчики. Н. Н. I окт. 133.—Изъ с. Кривина, Новгородской губерніи: Читатели сельской библіотеки. Егоровъ, Я.—Изъ Твери: октябрьское уѣздное земское собраніе. Г—нъ, С.—Изъ Кобелякъ, Полтавск. губ: Картинка города и его уѣзда. Новицкая, А.—Съ Сѣвернаго Кавказа: Изъ вольной практики врачей.—Лѣчебница доктора Кирилова. Абрамовъ, Я. II ноябр. 144.—Изъ Кіева: Открытіе народной аудиторіи. Вопросы о возобновленіи высшихъ женскихъ курсовъ. Новая редакція «Кіевскаго Слова». Какъ отражаются низкія хлѣбныя цѣны на положеніи сельскаго населенія.—Изъ Тамбова: Сессія уѣзд. зем. собранія. Объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, объ увеличеніи средствъ на школы за счетъ дорожнаго капитала и отвѣтъ на запросъ мин. земледѣлія о нуждахъ сельскаго хозяйства. Черновъ, В.—Изъ Саратова: Казенная покупка хлѣба при посредствѣ земства. Бур—къ, Я. — Изъ Выборга: Успѣхи «финомановъ». Народные университеты. Финскій языкъ въ сеймѣ. Еженедѣльная газета «Рабочій». Бернштамъ, В. III дек. 177.—Съ Сѣв. Кавказа: Тенета юридической безпомощности. Народныя защитники и совѣтчики. Абрамовъ, Я.—Изъ Грайворона, Курск. губ.: Неудачи воскресной женской школы. А. П—въ.—Изъ Вологодской губер.: Страничка изъ земской жизни. Переходъ отъ земской къ церковно-приходской школѣ и обратно. Сельскія библіотеки. Какъ затерялся вопросъ о всеобщемъ начальномъ образованіи. А. Ш.—Изъ Царицына: Учителя и хозяева школы. Замедленія въ исполненіи сенатскихъ рѣшеній. IV янв. 154.—Съ Алтая: Пробная земледѣльческая артель изъ переселенцевъ. Зиминъ, В. — Изъ Юго-Зап. края: Крестьяне—свекловичные плантаторы. Рева, И.—Изъ Волоколамскаго уѣзда, Моск. губер.: Успѣхъ плуга и травосѣяніе въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Семеновъ, С.—Изъ Тулы: Забвеніе общихъ интересовъ въ отвѣтѣ на запросъ мин. землед. о нуждахъ сельскаго хозяйства. Народныя читальни и библіотеки. Открытіе обществъ: вспомоществованія учащимъ и охраненія народнаго здравія. А—нъ, В. V февр. 224.—Изъ Нарымскаго края: Остяки рыболовы, крестьяне. Ихъ взаимныя отношенія. Курскій, М. — Изъ Чернигова: Очередное засѣданіе губернскаго земскаго собранія 1895 г.—Изъ Тамбова: «Общество по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губерніи». VI мар. 207.—Изъ Но-

восильскаго у., Тульск. губ.: О сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Чудовъ, Н.—Луганскъ: Какъ живутъ рабочіе въ каменноугольныхъ копяхъ. Зинченко, Н.—Гор. Валки, Харьковск. губ.: Межевая неурядица. Ан. Н.—Изъ Ряжскаго у., Рязанской губер.: Деревенская книжная торговля. Семеновъ, Н. VII апр. 198.—Изъ Пензенской губ.: Рознь. Быстренинъ, В.—Изъ Выдропужска, Тверск. губ.: Заботы батюшки о народной читальнѣ. Обыватель.—Изъ Царицына: Пѣвческіе хоры въ деревнѣ. Казанскій, Н.—Изъ Уфы: Сельскохозяйственные курсы для учителей. Васъ-Брусъ.—Изъ Щигровскаго уѣзда: Наши переселенцы. Овсянниковъ, М. VIII май 118.—Изъ Вятки: Итоги губернскаго земскаго собранія.—Изъ Твери: За труждающихся и обремененныхъ. Ч—агій, С. А.—Изъ Пятигорска: Экономическое положеніе пчеловодства: Н. К. IX іюнь. 84.—Изъ Владимірской губ: Къ характеристикѣ современныхъ земствъ. Н. К.—Изъ Вологды: Къ вопросу о введеніи судебныхъ уставовъ въ Вологодской губ. А. Ш.—Съ Сѣверн. Кавказа: Просвѣтительная дѣятельность интеллигентной женщины. Я. А. X іюль. 159.—Изъ Торжка: Администрація и земство. Обыватель.—Изъ Пензы: Генералъ-Банкъ. Быстренинъ, В.—Изъ Одессы: Заслуги Одесскаго славянскаго общества въ области народнаго образованія. М. А. Б.—Изъ Екатеринбурга: Популяризація и распространеніе естественно-научныхъ знаній. С—въ, И. XI авг. 157.—Изъ Тифлиса: Необходимость земскихъ учрежденій на Кавказѣ. Ивановичъ.—Изъ Тамбова: Цензоры-добровольцы.—Изъ Красноярска: Сциллы и Харибды народнаго просвѣщенія. В. К. XII сент. 136.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Ангарскій, А. Сибирская печать. IX іюнь. 129.—**Докторовъ, Н.** Русская пресса въ Прибалтійскомъ краѣ. X іюль. 180.—**Н. П—ій.** Одесская пресса. XI авг. 181.—**К—ій, М.** Губернская пресса. XII сент. 161.

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

В. П. Докладъ въ обществѣ врачей Восточной Сибири «о роли врача въ назначеніи тѣлеснаго наказанія».—Ручная расправа и внѣдреніе нравственныхъ началъ.—Домостроевскій складъ законнаго брака.—Неудачи учителей.—Сборъ пожертвованій на тюрьмы.—Защита воровъ отъ мирныхъ гражданъ.—Заботливость о нуждахъ рабочихъ. IX іюнь. 137.—Мултанское дѣло.—Жертва суевѣрія.—Дѣйствительное средство противъ засухи.—Уходъ за душевнобольными въ деревняхъ.—Дѣтоубійца.—Народное гулянье въ Уманскомъ саду.—Русскій Шлаттеръ.—Торговля живымъ товаромъ. X іюль. 184.—Нижегородская выставка. Отзывы печати объ ея поучительности. Ея международный характеръ. Любимое мѣсто выставки. Говорящій тюлень. Любимое мѣсто ярмарки. Рѣдкая драма. Дань нижегородскому минотавру.—Перлъ гарема.—Маленькое недоразумѣніе.—Всероссійскія чудеса.—«Движимый глобусъ». XI авг. 186.—Нервный тюремный смотритель.—Волость безъ розогъ.—Разбитая жизнь.—Дѣло Калмахидзе.—Смертная казнь.—Роковая судебная ошибка.—Томская злоба дня.—Спаиваніе дѣвочекъ-подростковъ. XII сент. 168.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

В. Т. Римскій и седанскій юбилеи. Интересы дня: Литературный и журнальный конгрессы.—Вопросъ о литературной собственности.—Съѣздъ соціологовъ.—Задача соціологіи.—Вопросы семейный, расовый и сословный.—Рефератъ М. Ковалевскаго о переходѣ общиннаго землевладѣнія въ частное.—Попытки возстановленія земледѣльческихъ общинъ.—Рабочія колоніи въ южной Австраліи.—Причины неудачи утопій на практикѣ.—Новая религіозная община въ Америкѣ.—Смерть Пастера.—Пастеръ какъ благодѣтель человѣчества.—Между журн. и газет.: Попизился-ли умственно конецъ IX в.—Ломброзо по поводу книги Нордау о вырожденіи.—Новѣйшія теченія въ

итальянской беллетристикѣ.—Лондонскія впечатлѣнія А. Додэ.—Вопросъ о заработной платѣ въ Англіи.—Французскіе поселяне черезъ англійскіе очки.—Обязательное страхованіе рабочихъ въ Германіи. I окт. 86.—Интересы дня: Первый международный кооперативный конгрессъ въ Лондонѣ. — Распространеніе потребительныхъ и производительныхъ обществъ въ Европѣ.—Примѣненіе кооперації къ земледѣлію и аграрный кризисъ въ Англіи.—Молочныя общества въ Ирландіи.—Народные банки и сельскохозяйственныя ассосіаціи въ Германіи и Италіи.—Земледѣльческіе синдикаты во Франціи и новая программа сельскихъ реформъ.—Аграрный вопросъ на Систеронскомъ и Бреславскомъ конгрессахъ.—Смерть Бонги. Его дѣятельность относительно народныхъ школъ.—Столѣтіе французскихъ академій.—Среди газетъ и журналовъ: Эволюція войны. — Кейзерсвертъ и орденъ діаконессъ.—Даніель Овенъ, романистъ-портной.—Новый Брюссельскій университетъ и вступительная рѣчь Реклю.—Султанъ и его гаремъ. II ноябрь. 130. Интересы дня: Поселяне художники.—Смерть А. Дюма.—Независимая рабочая партія въ Англіи.—Христіанскіе соціалисты, соціалъ-демократы и фабіанцы.—Богатства С.-Американскихъ Штатовъ и свадьба герц. Мальборо.—Между журналами и газетами: Микробы какъ распространители всеобщаго братства и санитарныя реформы. — Земледѣльческія училища во Франціи и школа-ферма въ Америкѣ.—Народное вѣче въ Швейцаріи.—Журналы и газеты Японіи. Образцовая англійская колонія.—Прудонъ о Наполеонѣ I. III дек. 112.—Старый и новый годъ въ политическомъ мірѣ.—Интересы дня: Успѣхи женскаго движенія.—Современная женщина во Франціи и Румыніи.—Курьезный вопросъ: кто лучшая жена?—Положеніе русскихъ, турецкихъ и германскихъ женщинъ.—Новая женщина въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.—Между журналами и газетами: Взаимная помощь среди современныхъ людей.—Интеллектуальные пролетаріи въ Германіи. — Могутъ-ли рабочіе экономничать?—Новый романъ Золя и мнѣніе о немъ автора. V янв. 106.—Министерство Буржуа во Франціи и реакціонный кабинетъ въ Англіи.—Интересы дня: Юбилей Песталоцци.—Движеніе во Франціи въ пользу народнаго образованія послѣ элементарной школы.—Положеніе рабочаго вопроса во Франціи.—Синдикаты и третейское разбирательство между рабочими и хозяевами.—Стачка въ Кармо.—Стеклянный заводъ для стекольщиковъ.—Между газетами и журналами: Современное положеніе Эльзасъ-Лотарингіи.—Отголоски франко-прусской войны.—Скандалы нѣмецкой колонизаціи. — Національная библіотека въ Парижѣ и читальная зала Британскаго музея въ Лондонѣ. V февр. 169.—Конституціонная борьба во Франціи, революція на Кубѣ и война Италіи съ Абиссиніей.—Интересы дня: Международные третейскіе суды.—Ученыя степени для женщинъ.—Женщины-реформаторы.—Миссъ Ланчестеръ и движеніе противъ современной формы брака въ Англіи.—Дѣятельность граф. Шимельманъ среди низшихъ классовъ.—Пундита Рамабай и ея убѣжище для индустантскихъ вдовъ — Американскій чудотворецъ. VI мар. 148.—Интересы дня: Страстная и свѣтлая недѣли въ Парижѣ. — Мистеріи, актеръ-проповѣдникъ и новая Орлеанская дѣва.—Лекціи, чтенія и представленія въ домѣ народа.—Юбилеи: Либкнехта, Декарта и Хлодвига.—Агитація въ пользу національныхъ праздниковъ во Франціи по примѣру Швейцаріи и Америки.—Конгрессы: женскій въ Парижѣ и рабочіе: въ Утрехтѣ, Винтертурѣ, Прагѣ и Шарлеруа.—Олимпійскія игры въ Аѳинахъ. — Вопросы печати на Западѣ.—Юбилей «Daily News». — Новый законъ въ палатѣ лордовъ объ ограниченіи свободы слова.—Разоблаченіе мнимой находки тибетскаго евангелія.—Руководство о томъ, что можно писать нѣмецкимъ журналамъ.—Газетные процессы во Франціи.—Между газетами и журналами: Прогрессивное братство дервишей въ Турціи.—Практическое примѣненіе христіанскаго соціализма. — Замѣтки Керъ Гарди о Соединенныхъ Штатахъ. — Фабіанское общество въ

Англіи.—Гладстонъ на закатѣ своихъ дней. VII апр. 144.—Интересы дня: Тысячелѣтній юбилей въ Венгріи.—Выставка въ Буда-Пештѣ, Берлинѣ и Женевѣ.—1-е мая.—Открытіе биржи труда въ Парижѣ.—Соціальный музей.—Новый чудотворецъ.—Смерть персидскаго шаха. VIII май. 228.—Интересы дня: Отголоски московскихъ торжествъ въ Европѣ.—Празднованіе въ Буда-Пештѣ двадцати-пятилѣтія коронованія Франца-Іосифа.—Драматическая исторія короны св. Стефана.—Англійская писательница Унда о западныхъ королевскихъ особахъ.—Возрожденіе Италіи.—Рабочая партія.—Народная поэтесса Ада Негрети.—Смерть Жюля Симона и Жана Вольдерса.—Между журналами и газетами: Сенъ-симонцы въ роли колонизаторовъ.—Письма Ренана о событіяхъ 1848 г.—Національный доходъ Соединенныхъ Штатовъ и его распредѣленіе.—Рабочіе союзы въ Америкѣ.—Рабочіе какъ директоры компаній.—Самопомощь въ женскомъ воспитаніи. IX іюнь. 148.—Интересы дня: Конгрессъ журналистовъ въ Буда-Пештѣ.—Юбилей свободы торговли.—Колоссальный фритредерскій пирогъ.—Торжество протекціонизма во Франціи и его послѣдствія.—Ликованія протекціонистовъ въ Америкѣ и республиканскій конгрессъ въ Сенъ-Луи.—Образцовый американскій городъ.—Возрожденіе стараго уголка Эдинбурга.—Рабочій Байронъ.—Смерть Бичеръ-Стоу.—Между газетами и журналами: Взаимная помощь.—Французская буржуазія.—Бродячая Англія.—Уничтоженіе лондонскихъ трущобъ.—Неизданный этюдъ В. Гюго о любви въ тюрьмѣ. X іюль. 206.—Интересы дня: Рабочіе конгрессы въ Лилѣ и Лондонѣ.—Ли-Хунгъ-Чанъ въ Европѣ.—Смерть Гонкура и Грове.—Новая французская академія.—Судья-физикъ.—Конгрессъ женскаго труда въ Берлинѣ, и женское движеніе въ Германіи.—Американскія женскія школы въ Турціи и женскій журналъ въ Константинополѣ.—Между журналами и газетами: Имѣетъ-ли право человѣкъ на самоубійство.—Что дѣлаютъ съ бѣдными дѣтьми въ Англіи и Америкѣ.—Процессы печати во французскомъ судѣ присяжныхъ.—Вильгельмъ Либкнехтъ. XII сент. 180.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

С. К. Вѣрно-ли, что періодическихъ изданій у насъ довольно-предовольно.—Новые органы должны-ли говорить непремѣнно нѣчто новое.—Обязанности печати.—Судьба идей у насъ и какія изъ нихъ не входятъ въ наше сознаніе.—«Забытыя слова». II нояб. 183.—Дурное отношеніе къ человѣческой личности.—За «господами» слѣдуетъ и мелкая сошка.—Вопросы о тѣлесномъ наказаніи въ земскихъ собраніяхъ.—Нелюбовь къ гласности вообще и особенно въ полтавск. губ. собр.—Каждому капельному человѣку хочется повластовать. III дек. 198.—Что замѣчается въ направленіи мысли части общества, ближе стоящей къ литературѣ.—Много-ли насчитывается голосовъ за юридическое положеніе крестьянъ, за отмѣну тѣлесныхъ наказаній.—Тревоги «Гражданина» при упоминаніи о законности.—Нужна-ли намъ законность. IV янв. 176.—Обиліе фактовъ, говорящихъ о необходимости законности.—Строгій выговоръ отъ «Русской Мысли». VIII май. 205.—Одичаніе и наплывъ невѣжества.—Стремленія къ зажиманію рта.—Распространеніе доносовъ.—Что такое доносъ по терминологіи «Рус. Вѣст.».—Неуваженіе къ личности и стремленіе по обезличенію другихъ и себя.—Любитъ-ли русскій человѣкъ самостоятельность.—Погоня за кускомъ. X іюль. 236.—Исходъ дѣла о ходынской катастрофѣ.—Петербургскія забастовки.—Положеніе рабочихъ въ провинціи.—Льготы по выкупнымъ платежамъ.—Измѣненіе порядка обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ.—Новый типъ учрежденій для мелкаго кредита.—3% золотой заемъ.—Увеличеніе жалованья губернаторамъ и вице-губернаторамъ.—Продленіе усиленной охраны.—Обычныя осеннія тревоги въ учебномъ дѣлѣ. XI авг. 195.—Отвѣтъ на письмо въ редакцію «По вопросу объ экономическомъ матерьялизмѣ».—

Свойства коллективной литературной индивидуальности. —Протесты противъ ярлыковъ, предвзятыхъ мнѣній и направленій.—Обиліе философскихъ статей въ журналистикѣ. — Философскія упражненія отечественныхъ философовъ на тему о непротивленіи.—Покорность животныхъ, возведенная въ идеалъ. XII сент. 230.

ОБО ВСЕМЪ.

Сѣдой. Всякая историческая эпоха характеризуется своими удовольствіями. Наше время—время спорта по преимуществу. Скучающее человѣчество желаетъ удовольствія съ примѣсью жестокости. I окт. 162. — **Баранчукъ.** Театральный сезонъ въ Петербургѣ «Ганеле» Гауптмана и «Власть тьмы» гр. Толстого на сценѣ Малаго театра. Сравненіе «Власть тьмы» съ «Ганеле.» Двѣ русскія «Ганеле» дѣйствительности. Материнское чувство и самарскій врачъ Уженинъ. Языческая «Власть тьмы» передъ судомъ въ г. Елабугѣ. Операція литературнаго самоубійства. II ноябрь. 204.—Дама-благотворительница. Накопленіе бѣдности. Успѣхи благотворительности на западѣ Европы. Зачаточное ея состояніе у насъ. Дѣятельность общества вспомоществованія переселенцамъ. Пожертвованіе П. Н. Третьякова. Нужда переселенцевъ. III дек. 217.—Рождественская елка. Типы игрушекъ. Маленькое человѣчество ожесточается. Жертвамъ войны не будетъ конца. Къ прежнимъ военнымъ ужасамъ Эдиссонъ присоединяетъ новыя. IV янв. 199.—**Баранова, О.** Страничка изъ праздничныхъ скитаній. Путевыя впечатлѣнія. Жизнерадостная попечительница школы. Дама съ крайняго востока. Разномысліе на тему о значеніи шестидесятыхъ годовъ. Избіеніе доктора отъ «необразованности». Въ сельской школѣ. V февр. 262.—Репертуаръ литературно-художественнаго кружка. Что онъ даетъ въ разъясненіе положенія женщины у насъ и на Западѣ. Недоразумѣнія по поводу «Чужихъ» Потапенко. Конецъ сезона артистовъ. Феномены - акробаты. VI. мартъ. 251.—О спортѣ вообще, въ частности по поводу маленькой книжки «Этика карточной игры». VII 228.—**Ивановичъ.** Кошмаръ. IX іюнь. 205.—**Баранова, О.** Въ нѣмецкомъ мѣстечкѣ. Жизнь кугеста. Лурдъ патера Крауса. На народномъ праздникѣ. X іюль. 264.—Домашніе порядки. Изъ жизни деревни. Безобразія велосипеднаго спорта. XI авг. 210.

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Аргутинскій-Долгоруковъ, А. Исторія сооруженія и эксплоатаціи Закавказ. жел. дороги за 25 л. ея существованія. 1871—1896 г. Тифлисъ. 1896 г.

Базилевичъ, Д. Причина упадка предварительнаго слѣдствія и мѣры къ его поднятію. Критич. очеркъ. Орелъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Baets, Hermann de. Искусство говорить на судѣ. Перев. съ франц. съ предисл. переводчика, помощн. прис. пов. В. В. Быховскаго. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Бартеневъ, Викт. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Бёрне, Людв. Сочиненія. Перев. Петра Вейнберга. Со статьею о жизни и литерат. дѣятельности автора и его портр. Т. I и II. Изд. 2-ое. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Гельферихъ, Карлъ, д-ръ. Вопросъ о валютѣ (критика биметаллизма). Пер. съ нѣм. А. —ковскій. (Библ. обществ. знан., подъ ред. Л. С. Закса, № 7). Одесса. 1896 г. Ц. 30 к.

Голубевъ, П. Историко-статист. сборникъ свѣдѣній по вопросамъ экономическаго и культурн. развитія Вятскаго края. Изд. Вятск. губ. земства. Вятка. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гроссъ, Г. Экономич. система Карла Маркса съ научной стороны. Перев. и предисл. Н. С. Рашковскаго. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Данилевскій, В. Я. проф. Душа и природа. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Даниловъ, Ф. А. инжен.-технол. Самовозгораніе угля, хлопка, замасленнаго тряпья, сѣна, табака и проч. Сущность явленія, причины его и способы предупрежденія. Съ 6-ю рис. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Д. Г. А. «Виленскій Вѣстникъ», газета литерат. и политич. (Органъ сѣверо-запад. края). Вильна. 1896 г. Ц. 25 к.

Дыдынскій, Ѳедоръ. Императоръ Адріанъ. Историко-юридич. изслѣдованіе. Съ портр. и картою. Варшава. 1896 г.

Жбанковъ, Д. Н. Матерьялы о распространеніи сифилиса и венерическихъ заболѣваній въ Смоленск. губ. (По даннымъ 1893—1895 г.). Изд. Смолен. губ. земства. Смоленскъ. 1896 г.

Келлеръ, К. Жизнь въ морѣ. Пер. Вл. Шацкаго подъ ред. д-ра зоол. А. М. Никольскаго. Ч. I и II. («Полезн. Биб.»). Спб. 1896 г. Ц. кажд. ч. 50 к.

Классенъ, В. Я. Жизнь Ф. Лассаля въ связи съ его научной и общественной дѣятельностью. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Коропчевскій, Д. А. Ручей и его исторія (по Э. Реклю), съ рис. («Библ. Дѣт. Чт.»). М. 1896 г. Ц. 50 к.

Крамштыкъ, Станисл. Начальная физика для низш. учеб. завед. и народ. библ. Пер. съ польск. Д. Воронова и А. Никольскаго. Ч. I. Варшава. 1896 г. Ц. 30 к.

Крживицкій, Л. Антропологія. Пер. съ польск. С. Д. Романовскаго-Романько, подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. («Библ. Р. М.» X). М. 1896 г. Ц. 25 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германск. народа. Перев. съ нѣм. П. Николаева. Т. III. ч. V. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1896 г. Ц. 3 р.

Лаппо, Д. Е. Бѣлорусскіе разсказы. Казань. 1895 г. Ц. 1 р.

Летурно, Шарль, д-ръ. Соціологія по даннымъ этнографіи. Перев. съ послѣд. франц. изд. подъ ред. и съ предисл. проф. А. Трачевскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Физіологія страстей. Пер. съ франц. В. В. Святловскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Ломшаковъ, М. С. Міровая хрестоматія. Ч. II. 2 вып. Спб. 1896 г. Ц. в. I—40 к., в. II—60 к.

Лыкошинъ, Н. С. Мурадбекъ и Фатима. (Хивинское преданіе). Ташкентъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Лятошинскій, Н. Братья Гракхи. Эпизодъ изъ римск. жизни. Житомиръ. 1895 г. Ц. 25 к.

Мантегацца, П., проф. Счастье и трудъ. Пер. съ итал. изд. д-ръ Н. Лейненбергъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Марксъ, Карлъ. Критика нѣкотор. положеній политич. экономіи. Пер. съ нѣм. П. П. Румянцева подъ ред. А. А. Мануилова. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Михельсонъ, М. И. Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ русск. и иностр. цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльн. словъ (иносказаній). 2-е изд. Спб. 1896 г. Ц. 5 р.

М—ровъ, Г. Т. Изъ огня да въ полымя. Драма въ 5-ти акт. и картинахъ. Томскъ. 1896 г.

Мясницкій, И. Гостинодворцы. Пов. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Нефедовъ, Ф. Дѣтство Протасова. Пов. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Новгородцевъ, П. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ послѣдоват. развитіи. М. 1896 г.

Новиковъ, А. Экономическія нужды Вятскаго края (по даннымъ земской статистики). Состав. агрономъ при Вятск. губер. земск. управѣ. Вятка. 1896 г.

Пименова, Э. К. Францискъ Ассизскій, его жизнь и обществен. дѣятельность. Біографич. оч. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Потапенко, И. Н. Драма на дворѣ. Пов. съ рис. Н. Н. Ольшанскаго и В. И. Андреева. («Биб. дѣтск. Чт.»). М. 1896 г. Ц. 60 к.

Принсъ, Адольфъ, проф. Новыя доктрины уголовнаго права. Лекціи въ обществѣ молодыхъ защитниковъ въ Брюсселѣ. Перев. съ франц. Н. Р. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Рукавишниковъ, Ив. Сѣмя, поклеванное птицами. Пов. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Святскій, Ив. Пѣвчія птицы. («Полезн. Библ»). Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Селивановъ, А. Ѳ. Историч. очеркъ развитія пчеловодства въ Россіи. Изд. «Русск. Общ. Пчелов.». Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Сіязовъ, М. Краткій курсъ ботаники. Съ 120 рис. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Сперанскій, Николай. Очерки по исторіи народной школы въ западной Европѣ. Съ прилож. автобіографіи Ѳ. Платтера. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Станли Джевонсъ, В. Краткое руководство политической экономіи. Перев. съ 6-го англ. изд. Л. Гольдмерштейна. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Ціолковскій, К. Желѣзный воздушный корабль на 200 челов., величиною въ большой морской пароходъ. Проектъ.

Шершеневичъ, Г. Ф., проф. Опредѣленіе понятія о правѣ. Казань. 1896 г. Ц. 75 к.

Щербина, В. О кіевской старинѣ. Два чтенія. Изд. 2-е, исправ. и допол. Кіевъ. 1896 г. Ц. 15 к.

Взаимное земское страхованіе въ Вятской губ. за послѣднія 10 лѣтъ (1885—1894 г.). Съ прил. 2 картъ. Изд. Вятскаго губерн. земства. Вятка. 1896 г.

Журналы Вятскаго губернскаго земск. собранія XXIX очередной сессіи и приложенія къ нимъ. Т. I (съ 2-го по 16-е декабря 1895 г.).

То же. Т. II (съ 17-го по 21-е дек. 1895 г.).

Журналы сельскохозяйствен. коммиссіи Тульскаго губернск. земства іюньской сессіи 1896 г. Тула. 1896 г.

Земледѣльческія артели Херсонской губ. (Отт. изъ № 2 Трудовъ Императ. Вольно-Эконом. Общ. за 1896 г.). Спб. 1896 г.

Краткій очеркъ кустарной промышленности въ Вятской губ. Изд. Вятск. губ. земства. Вятка. 1896 г.

Народный театръ. Сборникъ. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, Томск. губ. Отчетъ за 1895 г. Годъ 11-й. Барнаулъ. 1896 г.

О мѣропріятіяхъ Вятскаго губернск. земства по улучшенію кустарной промышленности. Изд. Вятск. губерн. земства. Вятка. 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности Общества попеченія о народн. образованіи въ г. Красноуфимскѣ и его уѣздѣ за 1895 г. Пермь. 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности уральскаго войскового техника рыболовства за 1895 г. Уральскъ. 1895 г.

Очеркъ мѣропріятій Вятск. губернск. земства по снабженію населенія рабочими лошадьми. Вятка. 1896 г.

Памяти К. Д. Ушинскаго. По случаю 25-ти-лѣтія со дня кончины К. Д. Ушинскаго. (21-го дек. 1870 г.—21-го дек. 1895 г.). Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Состояніе чистопольскаго обществ. управленія и г. Чистополя въ 1895 г. Отчетъ городской управы. Чистополь. 1896 г.

С.-Петербургская Товарная Биржа. Годовой обзоръ хода торговли и движенія цѣнъ по главнѣйш· биржев. товарамъ. Изд. С.-Петербурдск. Биржев. Комитета. Спб. 1896 г.

Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губ. 1895 г. Вып. I. Сельское хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1894—1895 сельскохозяйств. году. Спб. 1896 г.

Харьковскій Сборникъ. Литерат.-научное прилож. къ «Харьковскому календарю» на 1896 г. подъ ред. В. В. Иванова. Вып. 10-й. Харьковъ. 1896 г.

НОВАЯ КНИГА.

М. А. Антоновичъ.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ и ЕГО ТЕОРІЯ.

Съ біографіей, обзоромъ его сочиненій и съ портретомъ.

ИЗДАНІЕ **А. К. Томашевскаго.**

Спб. 1896 г. Цѣна **2 р. 50 к.**

Выписывающіе изъ редакціи «Новаго Слова» за пересылку не платятъ.

НОВАЯ КНИГА:

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.

В. Г. Яроцкаго.

Спб. 1895 г. Цѣна за два большіе тома 5 р.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Спасская, 1) или изъ конторы редакціи «Нов. Слова» за пересылку не платятъ.

НОВАЯ КНИГА.

Е. Дюрингъ.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд.

Ю. М. Антоновскаго,

съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга.

Спб. 1896 г. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ конторы «Новаго Слова» за пересылку не платятъ.

ИСКУССТВО И ПРИРОДА.

Новая теорія изящныхъ искусствъ.

Сочиненіе ВИКТОРА ШЕРБЮЛЬЕ, члена Французской Академіи.

Перевелъ съ французскаго М. Калмыковъ.

Изданіе ***Г. А. Куковерова***. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рекомендовано Учен. Комитетомъ М-ва Н. Пр. для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. заведеній.

Выписывающіе изъ конторы «Новаго Слова» за пересылку не платятъ.

XIII годъ издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897-й ГОДЪ.

XIII годъ издания.

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ,

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носитъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	Р.	К.	Съ доставкой и пересылкой:	Р.	К.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
» полгода	2	50	» полгода	3	—
» 3 мѣсяца	1	50	» 3 мѣсяца	1	75

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи «Сѣвернаго Кавказа».

3—1

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть оффиціальная: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы.

2) Часть неоффиціальная: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты, объ ученыхъ командировкахъ и т. п); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Овсянико-Куликовскій.**

3—1

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ.

«Екатерин. Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатериносл. Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ, передовыя по вопросамъ внутренней, государственной и мѣстной губернской жизни, статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и проч., театральныя рецензіи, корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ, обозрѣніе печати, желѣзнодорожныя вѣсти, внутреннія и внѣшнія извѣстія; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ.

на годъ	8 р. — к.	на три мѣсяца	2 р. 60 к.
на полгода.	4 » 40 »	на одинъ мѣсяцъ . . .	1 » — »

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи.

Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начиная съ января.

3—1

1897. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **1897.**

на ежедневно политико-общественную, литературную и торгово-промышленную газету

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

издаваемую въ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ газетъ и по ихъ программѣ, а именно:

1) Передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ вопросовъ края. 2) Статьи и сообщенія, посвященныя изученію и разработкѣ вопросовъ торгово-промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ. 3) Мнѣнія печати по вопросамъ, касающимся края, а также нефтянаго, рыбнаго и соляного промысловъ, судоходства и пр., съ критическою оцѣнкою ихъ. 4) Мѣстная хроника: дѣйствія и распоряженія Правительства, касающіяся края, мѣстныя административныя распоряженія, перемѣны по службѣ, происшествія; отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, ученыхъ обществъ и пр. 5) Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія и сообщенія о торгово-промышленныхъ оборотахъ, цѣнахъ на разные товары, фрахты; въ этотъ отдѣлъ входитъ совершенно самостоятельный отдѣлъ, подъ рубрикою: «РЫБНОЕ ДѢЛО» У НАСЪ И ЗАГРАНИЦЕЙ и въ которомъ читатели найдутъ все ихъ интересующее какъ въ научномъ такъ и практическомъ отношеніяхъ; ярмарочныя свѣдѣнія. 6) Судебный отдѣлъ: отчеты о засѣданіяхъ. 7) Телеграммы агентскія и собственныхъ корреспондентовъ. 8) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ губерніи, приволжскихъ и прикаспійскихъ городовъ. 9) Текущая жизнь: извлеченія изъ газетъ разныхъ выдающихся явленій общественной жизни. 10) Политическій отдѣлъ. 11) Театральная и музыкальная хроника. 12) Фельетонъ; повѣсти и разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные; обозрѣніе журналовъ и критическій разборъ статей въ нихъ помѣщаемыхъ. 13) Смѣсь: факты изъ сферы изслѣдованій, изобрѣтеній, открытій; историческіе и другіе анекдоты и пр. 14) Справочный отдѣлъ: календарныя свѣдѣнія, почтово-телеграфныя, афиша и пр. 15) Объявленія.

Газета выходитъ ежедневно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ СКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Конторѣ Редакціи, въ Астрахани, въ домѣ Усейнова, на Знаменской ул.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою въ Астрахани: за годъ 7 р.. за полгода 4 р.; за три мѣсяца 2 р. 50 к.; съ пересылкой во всѣ города: за годъ 7 р. 50 к., за полгода 5 р. за три мѣсяца 3 р. 25 к.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ новые годовые подписчики, внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету СО ДНЯ ПОДПИСКИ ДО КОНЦА ТЕКУЩАГО ГОДА.

БЕЗПЛАТНО.

Редакторъ Н. А. Длинбергъ.

3—1

Издается съ 1889 года.—Подписной годъ съ 1 Ноября.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

съ приложеніемъ 12-ти книгъ «Полезной Библіотеки».

Журналъ «ПРИРОДА и ЛЮДИ» знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности, сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогресса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Біографіи дѣятелей науки, знаменитыхъ путешественниковъ и изобрѣтателей (съ рисунками). 2) Романы, повѣсти и разсказы, рисующіе въ живописной формѣ бытъ разныхъ народовъ, путешествія, открытія и природу вообще (съ иллюстраціями къ нимъ). 3) Популярные очерки и картины изъ географіи и этнографіи (съ видами мѣстностей, замѣчательныхъ зданій, типами народовъ и рисунками, изображающими сцены изъ ихъ жизни). 4) Очерки современной жизни). 5) Популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія, зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, химіи, астрономіи, геологіи и космографіи (съ рисунками и чертежами). 6) Популярныя статьи по гигіенѣ и медицинѣ. 7) Лѣтопись успѣховъ естественной науки, открытій и изобрѣтеній. 8) Научные фельетоны. 9) Объявленія.

Подписная цѣна на 12 мѣсяцевъ съ дост. и перес. по всей Россіи 6 руб., за границу 8 руб.

Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала «Природа и Люди» Спб. Стремянная, собствен. домъ, №. 12.

Журналъ «Природа и Люди» за 1889, 1890 и 1896 гг. весь разошелся.

За 1891 годъ 4 руб., въ перепл. 5 руб.
» 1892 » 4 » » » 5 »
» 1893 » 4 » » » 5 »
» 1894 » 4 » » » 5 »
» 1895 » 4 » » » 5 »

Пересылка журнала за прежніе года по вѣсу и разстоянію.

Издатель П. Сойкинъ. Редакторъ д-ръ С. Груздевъ.

Желающіе имѣть пробный №, подробное объявленіе и оглавленіе журнала за прежніе года адресуютъ требованія съ приложеніемъ 14 коп. марками въ Главную контору журнала «Природа и Люди» С.-Петербургъ, Стремянная, собств. домъ, № 12.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИЗВѢСТІЯ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
и
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ“
въ 1897 году.

Въ 1897 г. «Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» будутъ выходить е ж е н е д ѣ л ь н о по прежней программѣ: 1. Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. 2. Распоряженія Министра. Измѣненія въ личномъ составѣ и награды по Министерству. 3. Циркулярныя предписанія по Министерству, по его Департаментамъ и Отдѣламъ. 4. Отчеты и донесенія Министерству. 5. Свѣдѣнія о сельскохозяйственной дѣятельности Земствъ, Сельскохозяйственныхъ Обществъ и т. п. 6. Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и сельскаго хозяйства вообще. 7. Таблицы цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій. 8. Метеорологическія свѣдѣнія. 9. Библіографическій Отдѣлъ. 10. Объявленія.

Подписка принимается на годъ и по полугодіямъ съ 1-го Января и съ 1-го Іюля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ пересылкою и доставкою: на годъ—4 р., на 1/2 года—2 р. 50 к.; оставшіеся нераспроданными экземпляры «Извѣстій Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» за 1894, 1895 и 1896 годы можно получать въ Редакціи по 2 руб., за годовой экземпляръ безъ пересылки; за пересылку слѣдуетъ добавлять, смотря по разстоянію, какъ за посылку въ 2 фунта (1894) и въ 7 фунт. (1895 и 1896).

Объявленія принимаются съ платою за одинъ разъ: за цѣлую страницу 25 руб., за 1/2 страницы 14 руб., за 1/4 страницы 8 руб., за 1/8 страницы 5 руб., и за 1/16 страницы 3 руб., за послѣдующіе разы съ этой платы дѣлается скидка въ размѣрѣ отъ 10% до 25%, сообразно числу напечатанныхъ разъ. 3—1.

Вышла ДЕВЯТАЯ (сентябрьская) книга
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
РУССКАЯ МЫСЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Лялька (изъ «Сказокъ дѣйствительности»). Окончаніе. Вас. И. Немировичъ-Данченко. — II. Сергѣй Шумовъ. Повѣсть. Окончаніе. Н. И. Тамковскаго.—III. Полная исповѣдь. Разсказъ. Ф. Филипса. Переводъ съ англ. А. П.—IV. Подвальный этажъ. Повѣсть. И. Н. Потапенко.—V. Докторъ химіи. Разсказъ Стефана Жеромскаго. Перев. съ польск. В. М. Л.—VI. Чудовище, Разсказъ Леона де-Тенсо. Переводъ съ франц. М.—VII. Педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды. Н. А. Феликсова.—VIII. Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ (1796—1824 гг.). А. Брикнера.—IX. Земледѣльческія артели херсонской губерніи. В. Ф. Левитскаго.—X. Нѣсколько цыфръ объ армянахъ на Кавказѣ. А. Н. Сазонова.—XI. Биметалисты въ Англіи. А. А. Исаева.—XII. Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма (открытое письмо къ В. А. Гольцеву). С. Ушакова. — XIII. Столичные комитеты грамотности. Продолженіе. П. М. Шестакова.—XIV. Чувствительный и хладнокровный. Т.—XV. Не въ очередь. В. А. Гольцева. — XVI. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова.—XVII. Огюстъ Контъ. О. А.—XVIII. Иностранное обозрѣніе. В. А. Г.—XIX. Внутреннее обозрѣніе.—XX. Картинки современныхъ нравовъ. К. М. Станюковича.—XXI. Библіографическій отдѣлъ.—XXII. Объявленія.

Для новыхъ подписчиковъ прилагается начало ром. Сенкевича «Камо грядеши», напечатанное въ «Рус. Мысли» въ 1895 г.

Принимается подписка на 1896 г.

(ОСЬМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	На годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р.
За границу.....	14 »	10 » 50 »	7 »	3 » 50 »	— »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр. къ 1 іюля и 1 октября по 3 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ журнала — уголъ Леонтьевскаго пер. и Бол. Никитской, д. № 2—24. Въ С.-Петербургѣ—въ книж. магаз. Н. Фену и К°. Невскій. Въ Кіевѣ—въ книжмаг. Л. Издиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію посторонніе изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЗЕМСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ПСКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВѢ.

ПРОГРАММА ВѢСТНИКА:

1) Законы и распоряженія Правительства, до земскихъ учрежденій относящіяся. 2) Рѣшенія Псковскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія. 3) Земская хроника. 4) Постановленія городскихъ Думъ и хроника городскихъ общественныхъ управленій. 5) Статьи и замѣтки по земскимъ вопросамъ. 6) Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 7) Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Одна книжка постановленій губернскаго земскаго собранія и 8 книжекъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній Псковской губерніи. Сельско-хозяйственный обзоръ Псковской губерніи.

Подписная цѣна: Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи на годъ **1 руб. 50 коп.**

Подписка принимается: Псковъ, Губернская Замская Управа, а также и о всѣхъ уѣздныхъ управахъ Псковской губерніи. 2—1

Открыта подписка на 1897 г.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи;** II) **документы, извѣстія и замѣтки;** III) **критика и библіографія.** Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки,** исполненные фототипіей, и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ.**

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Команина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскоронскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѳ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Сторожснка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, В. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ѳ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Щульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка **«Малороссійскій Словарь»,** который въ полномъ видѣ займетъ **болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца,** редакція «Кіевской Старины» разсчитываетъ **въ теченіе 1897 года** выпустить въ свѣтъ **2-й томъ** этого словаря, объемомъ **до 25 печатныхъ листовъ.** Этотъ томъ составитъ **безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала «Кіевская Старина» въ 1897 году.**

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки	8 » 50 »
За границу	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. М. Гамалѣй.* Редакторъ *В. Ц. Науменко.*

3—1

ГОДЪ ВТОРОЙ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ ГОДЪ ВТОРОЙ.

двухнедѣльнаго журнала, посвященнаго общественнной медицинѣ и гигіенѣ.

ОБЩЕСТВЕННО-САНИТАРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Приступая ко второму году изданія, мы будемъ держаться намѣченной программы и главной задачей ставимъ разработку практическихъ вопросовъ общественной гигіены въ широкомъ значеніи этого слова и будемъ слѣдить за дѣятельностью общественныхъ учрежденій въ этой области и за проявленіями въ ней общественной самодѣятельности, откликаться на запросы жизни въ сферѣ охраненія народнаго здравія, улучшенія санитарной обстановки народной жизни, организаціи врачебной помощи и общественнаго призрѣнія и стараться содѣйствовать правильному разрѣшенію возникающихъ въ этой сферѣ вопросовъ. Программа журнала: 1) правительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ врачебно-санитарному дѣлу. 2) Руководящія статьи по вопросамъ общественной санитаріи и организаціи земской, городской и фабричной медицины. 3) Самостоятельныя и переводныя научныя статьи по общественной гигіенѣ (санитарныя условія жизни населенія, отхожихъ промысловъ, фабрикъ; питаніе населенія; школьная гигіена; общественное призрѣніе; эпидеміологія, эпизоотологія, статистика и т. д.). 4) Корреспонденція, извѣстія и обзоры дѣятельности общественныхъ учрежденій по медицинѣ и гигіенѣ (земская, городская, фабричная медицина); дѣятельность частныхъ обществъ, касающаяся народнаго здравія и общественнаго призрѣнія и т. д. 5) Врачебно-бытовые вопросы. 6) Новости санитарной литературы. 7) Критика и библіографія. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

Въ теченіе 8 мѣсяцевъ 1896 г. въ журналѣ были помѣщены: руководящія статьи о земской санитарной организаціи, о санитарныхъ врачахъ, о безплатности и доступности медицинской помощи, о пересмотрѣ т. XIII, о новомъ положеніи о порядкѣ открытія и содержанія фабрикъ, о борьбѣ съ проказой, о казенной продажѣ вина и пр. отчеты о II профессіональномъ съѣздѣ въ Москвѣ, о VI Пироговскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, о противудифтеритномъ съѣздѣ въ Казани, о съѣздахъ врачей Симбирской и С.-Петербургской губ., о постановленіяхъ Курскаго, Орловскаго, Бессарабскаго, Таврическаго, Петербургскаго и др. земскихъ собраній, о школьногигіенической выставкѣ въ Москвѣ и гигіенической въ Варшавѣ; напечатаны статьи **Щербакова** «опредѣленіе соды въ молокѣ»; **Вреніуса** «тѣлесное воспитаніе въ дошкольномъ періодѣ»; **Уварова** «о земской медицинѣ въ Елизаветградскомъ у.», «о С.-Петербургской городской организаціи»; «значеніе амбулаторіи въ организаціи народной медицины»; **Тезякова** «о медицинской помощи и санитарной организаціи въ городахъ Херсонской губ.»; «объ организаціи лѣчебнопродовольственныхъ пунктовъ для отхожихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ»; **Д. Никольскаго** «о популяризаціи гигіеническихъ свѣдѣній» **Максимова** «общія основанія правильной организаціи общественнаго призрѣнія»; **Корчакъ-Чепурковскаго** «эпидеміологическіе вопросы въ системѣ изслѣдованія санитарнаго состоянія Россіи»; **П. Розанова** «смертность въ Ялтѣ» и «судьба санитарно-медицинской организаціи въ Таврической губ.»; **Касторскаго** «къ вопросу о безплатной врачебной помощи въ земскихъ амбулаторіяхъ»; **Ѣ.** «о пятачковомъ сборѣ»; **А. Герценштейна** «санитарное состояніе г. Тифлиса» и «народное здравіе и врачебная помощь въ Закавказьѣ»; **М. Зиборова** «чертежи и описаніе вентиляціонной печи и подвижнаго выгреба»; **Лялина** «объ огнеупорныхъ постройкахъ»; **Тхоржницкаго** «квартиры рабочихъ въ Варшавѣ»; **В. Н.** «лѣтнія дѣтскія колоніи»; **Додина** «вольная врачебная практика въ деревнѣ»; **Гинкеля** «посемейная запись больныхъ»; **К.** «наброски,—нужна ли номенклатура болѣзней»; **Брусанина** «опредѣленіе спирта»; **К. Шидловскаго** «Кужерская стеклянная фабрика»; **Рашковичъ** «санитарное состояніе мѣстечекъ Бессарабской губ.»; **А. Лозинскаго** «общественная гигіена и медицинская помощь на рыбныхъ промыслахъ»; **У-скаго** «о дѣятельности медицинскаго персонала Донецкаго округа»; **Преображенскаго** «о постановкѣ оспопрививанія»; **Золотавина** «о чахоткѣ въ Осьминскомъ участкѣ»; **Б-лаго** «о медицинской помощи на лѣсныхъ промыслахъ въ Новгородской губ.»; **Потожева** «музей фабричной гигіены»; «дѣйствующій порядокъ изданія обязательныхъ постановленій по фабричной санитаріи» и «о порядкѣ разрѣшенія фабричныхъ заведеній»; **Бѣлсусова** «объ обезвреживаніи городскихъ нечистотъ почвой»; проф. **Сиворцова** «о совмѣстной организаціи взаимной помощи и благотворительности»; **Вырубова** «о санитарной организаціи на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ»; статьи по сифилису **Ефремова, Десятова. Клевезаля**; статьи по дифтериту и лѣченію сывороткой **Тезякова, Віолина, Николаева, Федорова, Гаврилова**; рефераты объ очисткѣ зерна отъ спорыньи, по сифилису и дефтириту, о фильтрахъ, о чистотѣ воды и почвы и т. д.

Ближайшее участіе въ дѣлахъ редакціи принимаютъ Н. П. Брусянинъ, А. М. Левинъ, В. Ф. Нагорскій, Д. П. Никольскій, В. Ю. Скалонъ, К. П. Самецкій, М. С. Уваровъ и А. И. Яроцкій. Статьи и корреспонденціи, за подписью автора и съ его адресомъ, доставляются въ редакцію по адресу: С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5-я линія, д. № 38, кв. № 10.

Цѣна журнала: въ годъ **8** руб., на полгода **4** руб., на 3 мѣсяца **2** руб., подписка принимается въ конторѣ Редакціи при книжномъ складѣ А. М. Калмыковой: Литейный просп., д. № 60.

Редакторъ-Издатель Ив. Дмитріевъ.

3—1

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1897 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ Ѳ. Мищенко.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„ЕНИСЕЙ“
ВЫХОДИТЪ въ Красноярскѣ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) **Телеграммы**, помѣщаемыя въ текстѣ газеты, или отдѣльными бюллетенями. 2) **Отдѣлъ оффиціальный**, важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) **Передовыя статьи**, касающіяся жизни русскихъ областей, совмѣстно съ интересами сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на Востокѣ. 4) **Статьи и очерки по вопросамъ** Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири,—по городскому и земскому хозяйству, статьи по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. 5) **Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи**. Городская хроника. Театръ и музыка. 6) **Политическія извѣстія**, общія и въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ. 7) **Корреспонденціи** изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея, соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи. 8) **Научный отдѣлъ**—открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 9) **Литературное обозрѣніе**,—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. 10) **Фельетонъ**. Романы, повѣсти и разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія. 11) **Судебная хроника**, безъ обсужденія рѣшеній. 12) **Смѣсь**. Отвѣты редакціи. 13) **Справочный отдѣлъ**: судебныя свѣдѣнія, святцы, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. п. 14) **Объявленія** казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «ЕНИСЕЙ», собственный домъ, Воскресенская ул.; **въ Минусинскѣ**: въ отдѣленіи редакціи «ЕНИСЕЙ»; **въ Томскѣ**: въ отдѣленіи редакціи «ЕНИСЕЙ», Почтамтская ул., д. Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; **въ Омскѣ**: въ книжномъ магазинѣ Александрова; **въ Иркутскѣ**: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; **въ Петербургѣ и Москвѣ**: въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

3—1

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1897 году подъ тою же редакціею и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы—Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.). 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„КАСПІЙ"

(XVII годъ изданія).

Въ 1897 году «Каспій» будетъ выходить въ Баку ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, по прежней программѣ газеты литературной, общественной и политической, съ обширнымъ нефтянымъ отдѣломъ.

Подписная цѣна:

Съ доставкой: на 12 мѣс.—7 р., на 11 мѣс.—6 р. 50 коп., на 10 мѣс.—6 р., на 9 мѣс.—5 р. 50 к., на 8 мѣс.—5 р., на 7 мѣс.—4 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 р., на 5 мѣс.—3 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—2 р. и на 1 мѣс.—1 р.

Съ пересылкой: на 12 мѣс.—8 р. 50 к., на 11 мѣс.—7 р. 50 к., на 10 мѣс.—7 р., на 9 мѣс.—6 р. 50 к., на 8 мѣс.—6 р., на 7 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 5 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—3 р., на 2 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

За границу:

На годъ . . . . . 13 руб.
» полгода . . . . . 7 »

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится не менѣе 3 руб. городскими и 4 руб. 50 коп. иногородними подписчиками; затѣмъ 15-го февраля—2 руб. и 15-го марта—2 руб.

Иногородніе адресуютъ свои требованія: въ Баку, въ редакцію газеты „Каспій".

Лица, подписавшіяся (безъ разсрочки) на годовое изданіе «Каспія» 1897 г., въ настоящее время, будутъ безплатно получать газету въ текущемъ году со дня подписки.

Подписка принимается: въ Баку—въ конторѣ газеты, Армянская улица, домъ Красильникова; въ Тифлисѣ—въ «Центральной книжной торговлѣ» и въ отдѣленіи конторы (книжный магазинъ Хиддекеля); въ Кутаисѣ—при книжномъ магазинѣ братьевъ Чиладзе, противъ собора, на Тифлисской ул., собственный домъ; въ Батумѣ—при книжно-газетномъ агентствѣ М. Николадзе; въ Елисаветполѣ—у Г. А. Альтгаузена, при его торговлѣ аптекарскими товарами; въ Москвѣ—въ конторѣ Метцль; въ Н. Новгородѣ—въ Рождественскомъ газетномъ кіоскѣ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи. 3—1

ВЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПЕТЕРБУРГА и МОСКВЫ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ В. В.

Крестьянская община. (Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I).—Ц. 3 р. 50 к.

Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ: Мелкое и крупное хозяйства въ ихъ культурномъ взаимодѣйствіи. Порядки общиннаго землевладѣнія и возвышеніе с.-х. культуры. Активное участіе общины въ процессѣ с.-х. улучшеній. Распространеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ усовершенствованныхъ орудій.—Ц. 1 р. 35 к.

Очерки теоретической экономіи: Роль рынка. Что такое цѣнность. Теорія капиталистической эволюціи промышленности. Русскій марксизмъ.—Ц. 2 р.

Наши направленія: Классовый характеръ исторической интеллигенціи. Характеръ русской интеллигенціи. Оживленіе буржуазной тенденціи среди русской интеллигенціи. Соціально-культурныя силы русскаго общества.—Ц. 1 р. 50 к.

Артельныя начинанія русскаго общества: Артельное сыроваренie. Артельныя начинанія 60-70-хъ гг. Новѣйшія артели. Заводскія артели. Ц. 1 руб.

Артель въ кустарномъ промыслѣ. Ц. 1 руб.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ типографіи Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 37-й.

Авдаковъ, Н. Краткій статистическій обзоръ донецкой каменноугольной промышленности. Харьковъ. 1896 г. Ц. 50 к.

Альманахъ-ежегодникъ П. Яблонскаго, на 1897 г. Ц. 1 р.

Андреевъ, П. Юго-Западныя желѣзныя дороги. Историко-экономическій очеркъ. Приложенія: девять таблицъ и карта Юго-Западныхъ жел. дор. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Андреевъ, К. Основной курсъ аналитической геометріи. Изданіе второе. Харьковъ. 1896 г. Ц. 3 р. 20 к.

Арефа, Н. Положеніе о видахъ на жительство. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

— Положеніе о казенной продажѣ питей. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Базилевскій, М. Эксилархъ Бостинаи. Этюдъ изъ временъ Гаоновъ. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

— Іосифъ-Соломонъ Дельмедиго изъ Кандіи. Его жизнь и научная дѣятельность съ портретомъ Дельмедиго. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Бартеневъ, В. На крайнемъ Сѣверо-Западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Бауме, Р., д-ръ. Руководство по зубнымъ болѣзнямъ. Т. I. М. 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.

Бертранъ, Ж. Теоретическая ариѳметика. Составилъ преимущественно по Бертрану Н. Билибинъ. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. Эмпирическіе законы дѣятельности суда присяжныхъ. Съ атласомъ. М. 1896 г. Ц. 4 р.

Борзаковскій, П. Императрица Екатерина Вторая Великая. (1729—1762—1796). Съ приложеніемъ портрета императрицы и отрывковъ изъ ея сочиненій. Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Брöггеръ, В., и **Рольфсенъ, Н.** Фритьофъ Нансенъ. Съ стихотворнымъ введеніемъ Бьернстьерне-Бьернсона. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Съ мног. рис. Ц. по подпискѣ 2 р. 50 к.

Броуновъ, П., проф. Гроза и явленія, ее сопровождающія. Кіевъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Буловичъ, М. Узаконенія и правительственныя разъясненія о паровыхъ котлахъ и керосиновыхъ двигателяхъ. Острогожскъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Бураковскій, С. Горе отъ ума. Разборъ комедіи для учащихся. Изд. 3-е. Новгородъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Вергъ, Дж. Маленькій разсказъ. Клейменый рыжій. Разсказы. Спб. 1896 г. Ц. 3 к.

Верига, В. Переплетчикъ. Полное практическое руководство къ переплетному дѣлу для желающихъ вполнѣ ознакомиться съ переплетными работами. Съ 85 рис. Изд. 5-е, вновь исправленное и дополн. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Версиловъ, С. Рѣчи Лисія. Вып. II. Спб. 1896 г. Ц. 40 к. Вып. III. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Владиміровъ, П. Введеніе въ исторію русской словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій. Кіевъ. 1896 г. Ц. 2 р. 20 к.

— Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя. Рѣчь. Кіевъ. 1891 г. Ц. 60 к.

— Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Высотскій, П. Досугъ и забава. Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 35 к.

Высочайшіе Всемилостивѣйшіе манифесты 14 ноября 1894 г. и 4 мая 1896 г. Съ разъясненіями правительствующаго сената и д-та гвсударств. казнач. и дополн. распоряж. М. 1896 г. Ц. 60 к.

Вѣстникъ славянства, издаваемый проф. В. Кагаловскимъ. Книга XI. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р. Ц. 50 к.

Гардинеръ, С. I. Пуритане и Стюарты (1603—1660 гг.). II. Эйри, О. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Гельмгольцъ, Г., проф. Популярныя рѣчи. Переводъ подъ ред. О. Хвольсона и С. Терешина. Ч. I. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Георгіевскій, В. Флорищева пустынь. Историко-археологическое описаніе съ рисунк. Въ приложеніи: описаніе рукописей, каталогъ старопечатныхъ книгъ и собраніе грамотъ и актовъ, принадлежащихъ пустыни. Вязники. 1896 г. Ц. 2 р.

Георгіевскій, В. Городъ Владиміръ-на-Клязьмѣ и его достопримѣчательности. Владиміръ. 1896 г. Ц. 70 к.

Гейнце, Н. Первый русскій самодержецъ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Гернесъ, М. Исторія первобытнаго человѣчества. Перев. съ нѣмецк. Съ предислов. и примѣчан. Н. Березина. Съ 45 рис. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Геффдингъ, Г. Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Популярный очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Глуховскій, А. Пропускъ водъ р. Аму-Дарьи по старому ея руслу въ Каспійское море и образованіе непрерывнаго воднаго Аму-Дарьинскаго-Каспійскаго пути отъ границъ Афганистана по Амѣ-Дарьѣ, Каспію, Волгѣ и Маріинской системѣ до Петербурга и Балтійскаго моря. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Живая любовь. Разсказъ о томъ, какъ жилъ, трудился и умеръ Даміанъ де-Вестеръ, другъ прокаженныхъ. Съ тремя портретами и рисунками. М. 1896 г. Ц. 12 к.

— Русскій сельскій календарь. Съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ на 1897 г. Ц. 20 к.

Гребнеръ, В. Практика 4-го департамента и второго общаго собранія правительствующаго сената по торговымъ дѣламъ, 1889 — 1896 годы. Судопроизводство по исковымъ дѣламъ. — Администрація. — Несостоятельность. — Векселя. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Григорова, Е. Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, дополн. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Даниловъ, Ф. Самовозгараніе угля, хлопка, замаслennаго тряпья, сѣна, табака и проч. Съ 5 рис. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Даниловъ. Эпизодъ изъ Сѣверо-Американской войны 1861 — 1865 гг. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Додэ, А. Послѣдній урокъ. Партія на бильярдѣ. На паромѣ. Спб. 1896 г. Ц. 3 к.

Дубновъ, В. Іосифъ Флавій, его жизнь, литературная и общественная дѣятельность. Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Дыдынскій, Ѳ. Латинско-русскій словарь къ источникамъ римскаго права. Второе дополн. изданіе. Варшава. 1896 г. Ц. 4 р.

Дьедонэ, А., д-ръ. Предохранительныя прививки и сывороточное лѣченіе при различныхъ заразныхъ болѣзняхъ. Перев. съ нѣмецк. д-ра Эйгера, съ предисловіемъ проф. М. Аѳанасьева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дьяконовъ, М. Бобыли въ XVI и XVII вѣкахъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Езерскій, О. Собраніе сочиненій. Т. II. Тактъ жизни, разсказы, повѣсти. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Еленевъ, Ѳ. Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 года о воинской повинности. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Житковъ, С. Вывозныя пошлины на хлѣбъ и ихъ первенствующая роль въ сельскомъ хозяйствѣ и хлѣбной торговлѣ въ Россіи. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

«Журналъ юридическаго общества». Сентябрь. 1896 г. Ц. 2 р.

Зандъ, Ж. Великанъ Іеусъ. Сказки. Ц. 5 к.

Зелигсонъ, Э. Произвольное воспроизведеніе потомства опредѣленнаго пола мальчиковъ или дѣвочекъ. М. 1896 г. Ц. 1 р. 30 к.

Земледѣльческія артели Херсонской губерніи. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Зиловъ, П. Курсъ физики. Ч. I. Варшава. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Золя, Э. Какъ умираютъ люди. Разсказъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 к.

Игнатовскій, И. Межевые акты и укрѣпленіе вотчинныхъ правъ на недвижимыя имѣнія. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Іогансонъ, К. Vocabularum latinum. Вып. I. (для 1-го и 2-го класса гимназій). Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Карновичъ, Евг. На высотѣ и на долѣ. (Царевна Софья Алексѣевна). Историческій романъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Келлеръ, К. Жизнь въ морѣ. Перев. Вл. Шацкаго, подъ ред. д-ра зоологіи А. Никольскаго. Часть 2-я. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Кирилловъ, А. Географическо-статистическій словарь Амурской и приморской областей со включеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ сопредѣльныхъ съ ними странъ. Благовѣщенскъ. 1894 г. Ц. 4 р.

Кирѣевъ, А. Краткое изложеніе славянофильскаго ученія. Спб. 1896 г. Ц. 15.

Классенъ, В. Жизнь Ф. Лассаля, въ связи съ его научной и общественной дѣятельностью. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Клаусенъ, Э. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растеній и плодоводства, особенно для юга Россіи. Часть I. Огородничество. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Клинге, А. Лакя и замазки, протравы, краски, политуры, олифы, сиккативъ, цементъ, мастика, жидкій клей, спидетиконъ, сургучъ для печати и смолка для заливанія бутылокъ. Примѣры для приготовленія ихъ. М. 1896 г. Ц. 65 к.

Кнаббе, В. Современное оборудованіе машиностроительныхъ заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. На основаніи личнаго осмотра болѣе ста заграничныхъ заводовъ и мастерскихъ. Съ 217 политипажами и атласомъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 12 р.

Козловскій, В. Краткій курсъ общей и прикладной механики. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Изд. 2-е, просмотрѣнное и исправленное. Харьковъ. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

***Кольцовъ, А. В.** Стихотворенія. Съ портретомъ автора. Изд. 3-е. (Дешевая Библіотека А. С. Суворина, № 239). Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к.

Коронаціонный альбомъ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. 14-го мая 1896 г. Изд. С. Добродѣева. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Коронаціонныя торжества. Альбомъ Священнаго Коронованія. Изд. газеты «Новости Дня». М. 1896 г. Ц. 2 р.

Cosmopolis. Revue international. Septembre. Ц. 1 р. 50 к.

Краузе, Вл. Дневникъ ученика. Тетрадь для записыванія уроковъ. Дневникъ ученицы. Ц. по 35 к.

Криштановичъ, Н. Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи. Т. I. Вып. I (вторая половина). Варшава. 1896 г. Ц. 2 р.

*)**Крыловъ.** Басни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями (3 портрета, виды памятника и могилы Крылова и 27 рисунковъ въ текстѣ). Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 65 к., въ перепл. 1 р.

Кубасовъ, П. О грибкахъ палюдизма. (Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія). Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Кузнецовъ, Н. Въ странѣ льдовъ. Съ 18 рис. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Лазаревскій, Ал. Лубенщина и князья Вишневецкіе (1590—1648 гг.). Кіевъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Лажечниковъ, И. Басурманъ. Съ рис. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лангстротъ, Л. Пчела и улей. Съ 124 рис. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ледневъ, П. Кристаллы духа и отношеніе духа и матеріи. Съ 40 таблицами. М. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Летурно, Ш., д-ръ, Соціологія по даннымъ этнографіи. Перев. съ франц. подъ ред. проф. Трачевскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lefert, P. (prof.). Краткій учебникъ общей терапіи. Перев. съ франц. д-ра В. Пашенко. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ломшаковъ, М. Міровая хрестоматія. Ч. II. Спб. 1896 г Ц. 60 к.

Лопухинъ, А. Библейская исторія Ветхаго Завѣта. Руководство для школы и самообразованія. Изд. 2-е, исправлен. и иллюстрированное. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Ломшаковъ, М. Міровая хрестоматія. Ч. 2. I. 1896 г. Ц. 40 к.—II. 1896 г. Ц. 1 р.

Майнъ-Ридъ, Пропавшая сестра. М. 1896 г. Ц. 35 к.

— Охотники за жирафами. М. 1896 г. Ц. 35 к.

— Прогулка Боэровъ. М. 1896 г. Ц. 35 к.

— Охотники за черепами. М. 1896 г. Ц. 35 к.

— Дочери Скваттера. М. 1896 г. Ц. 35 к.

— Всадникъ безъ головы. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Мантегацца, П. Счастье и трудъ. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Мельшинъ, Л. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Меркеръ, М. Американское сельское хозяйство и сельскохозяйственныя опытныя станціи и учебныя заведенія. Одесса. 1896 г. Ц. 65 к.

Миглинскій, А. Культура сосны. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михневичъ, А. Разсказы маленькимъ дѣтямъ изъ естественной исторіи. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Мольеръ. Сганарель. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Вольный переводъ въ стихахъ А. Ѳедорова-Давыдова. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Надсонъ, С. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и біографич. очеркомъ. Изд. 14-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

На Морскомъ берегу. Разсказъ. Перев. съ англ. Ц. 3 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. На краю гибели. Романъ для юношества въ 3 частяхъ. Съ 75 рис. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Никитинскій, Я. Клещевина. Часть II. Производство и потребленіе клещевиннаго масла. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Новичъ, Н. Съ чужихъ полей. Сборникъ стихотворныхъ переводовъ. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

«Новое Слово». Журналъ научно-литературный и политическій. Августъ 1896 г. Ц. 1 р.

«Образованіе». Педагогическій и научно-популярный журналъ. № 9. Сентябрь. Ц. 60 к.

Огневъ, Д. Военная подсудность. Сравнительный очеркъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Оловениковъ, В. Справочная книжка и календарь для студентовъ на 1896—1897 г. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Орловъ, А. Алфавитный указатель вопросовъ, гражданскаго права и судопроизводства, разрѣшенныхъ гражд. кассаціоннымъ и общ. собран. кассаціонныхъ департамент Правит. Сената 1878—1895 г. Съ прилож. постатейнаго указателя. М. 1896 г. Ц. 2 р. 75 к.

Петровъ и Фадѣевъ. Молодая мать и новорожденное дитя. Полная популярная гигіена беременности и полный домашній дѣтскій лѣчебникъ. Съ рис. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Пеханъ, І. Машины для перемѣщенія грузовъ, помпы, прессы и аккумуляторы. Практ. руководство для техниковъ, чертежниковъ и конструкторовъ машинъ. Съ 122 рис. въ текстѣ и 33 таблицами. Переводъ съ нѣм. Д. Голова. Спб. 1896 г. Ц. 6 р.

Платоновъ. Москва и окрестности. Путеводитель. Съ рис. Изд. 5-е. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Платонъ, Федонъ. Разговоръ. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. Дм. Лебедева. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Побѣдоносцевъ, К. Побѣда, побѣдившая міръ. Изд. 5-е, дополн. М. 1896 г. Ц. 35 к.

Погожевъ, А., д-ръ. Санитарная полиція при народныхъ сборищахъ и торжествахъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Позднѣевъ, А. Монголія и монголы. Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 г. Т. I. Дневникъ и маршруты 1892 г. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.

Позняковъ, Н. Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. Съ рис. Т. Никитина. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Полѣнова, М. Слушать не наслушаться. (Лѣто въ Царскомъ Селѣ). Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Съ 9-ю картинами. Изд. 5-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Попова, Е., и Пѣшехонова, А. Грамотей. Букварь и первые уроки чтенія. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Празднованіе Императорскимъ Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія Н. И. Лобачевскаго. Казань. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Практическія указанія для распространенія

сѣвернаго шелководства. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Прево, М. Женскіе силуэты. Переводъ съ франц. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пэнь, С. Моисей Маймонидъ. Его жизнь и дѣятельность. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Разбитая жизнь. Разсказъ М-ва. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Розановъ, В. Красота въ природѣ и ея смыслъ. М. 1895 г. Ц. 1 р,

Романовичъ, М. Гражданская архитектура. Части зданій. Т. II. Изд. 2-е. Ц. по подпискѣ на 4 т.—20 р.

Рукавишниковъ, Ив. Сѣмя, поклеванное птицами. Повѣсть. М. 1896 г. Ц. 75 к.

«Русская Музыкальная Газета». Сентябрь, 1896 г. Ц. 50 к.

Сборникъ партій петербургскаго матчъ-турнира. Шахматное состязаніе между Ласкеромъ. Стейницемъ, Пильсбери и Чигоринымъ. Съ 4-мя портретами. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Секты и вѣроученія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Селезневъ, В. Изразцы и мозаика. (Монументальная эмалевая живопись). Очеркъ техники и значеніе ихъ въ декоративномъ искусствѣ и зодчествѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

«Сельскій Хозяинъ». № 46. Ц. 20 к.

Сергѣевъ, С. Русскій рубль, его исторія, экономическое значеніе и предстоящая реформа. Одесса. 1896 г. Ц. 40 к.

Сидоровъ, А. Историческій очеркъ русской печати въ Привислянскомъ краѣ. Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.

Силинъ, Я. Дора. Повѣсть. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, относящихся къ крестьянскому общественному управленію и крестьянскимъ учрежденіямъ. Т. I. М. 1896 г. Ц. 2 р. 80 к. Часть II. Ц. 2 р.

Соколовскій, Н. Сборникъ постановленій по воинской повинности. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Соломонъ Бень-Исаакъ, называемый Рами. Его жизнь и литературная дѣятельность. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Станюковичъ, К. Въ море. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

— I. Черноморская сирена. Повѣсть. II. Отъ Бреста до Мадеры. Одесса. 1896 г. Ц. 1 р.

Страховъ, Н. Философское ученіе о познаніи и достовѣрности познаваемаго. Изд. 2-е. Харьковъ. 1896 г. Ц. 50 к.

Стримбанъ, С. Руководство къ разбивкѣ закругленій съ переходными кривыми и безъ оныхъ для желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ, съ пятью таблицами и чертежами. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Сырку, П. Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

«Сѣверный Вѣстникъ». Сентябрь, 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Тардъ, Г. Происхожденіе семьи и собственности. (Перев. съ франц.). Съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго. О происхожденіи семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ матеріалистовъ. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Тихомировъ, Н. Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Смерть Ивана Ильича. Повѣсть. Ц. 5 к.

Трахтенбергъ, М. Лекціи по болѣзнямъ сердца. Часть II. Болѣзни эндокардія. Лѣченіе болѣзней сердца. Харьковъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Полный переводъ Ю. Доппельмейеръ. Съ 226 рис. Т. I. М. 1896 г. Ц. 3 р. 15 к.

Угетти, Г. Лихорадка. Краткій обзоръ современныхъ знаній о лихорадочномъ процессѣ. Съ 32 рис. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изд. А. Морозова. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Уйда. Маленькій графъ. Разсказъ. Ц. 6 к.

Фейгинъ. Краткія наставленія для повивальныхъ бабокъ и кормилицъ, какъ должно кормить грудныхъ дѣтей, чтобѣ они были здоровы. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

— Предохранительныя мѣры противъ зараженія венерическими болѣзнями и для всѣхъ доступные способы ихъ лѣченія. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Филипповъ, М. Элементарная теорія вѣроятностей. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Финдейзенъ, Н. Глинка въ Испаніи и записанные имъ испанскіе напѣвы. (Матеріалы для біографіи М. И. Глинки). Съ приложеніемъ 17 нотныхъ записей и 4 каррикатуръ Н. А. Степанова. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

***Фламмаріонъ, Камиллъ.** Что такое небо? Съ 60-ю иллюстраціями. Изданіе 3-е. («Дешевая Библіотека» А. С. Суворина, № 257). Ц. 30 к., въ папкѣ 38 к., въ перепл. 45 к.

Фонвіелль, В. Южный полюсъ. Переводъ Е. Костко. Съ 7 рис. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

фонъ-Фрейманъ, О. Пажи за 184 года (1711—1895). Біографіи бывшихъ пажей, съ портретами. Вып. 7-й. Фридрихсгамнъ. 1896 г. Ц. 1 р. 90 к.

Харузинъ, Н. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. М. 1896 г. Ц. 1 р.

фонъ-Хейденфельдтъ, Х. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Перев. съ нѣм. В. Мосоловой. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Чертокъ, Я. Рабби Іохананъ-Бенъ-Заккай. Его жизнь и дѣятельность. Одесса. 1895 г. Ц. 15 к.

Шернгорстъ, І. 350 золотыхъ правилъ. Лѣченіе болѣзней и уходъ за здоровьемъ по основаніямъ естественнаго способа лѣченія. Руководство для больныхъ и здоровыхъ. Ревель, 1896 г. Ц. 1 р.

Шеръ, Г. Всеобщая исторія литературы. Вып. XIV. Ц. по подпискѣ на все сочин. 6 р.

Эрлицкій, А. Клиническія лекціи по душевнымъ болѣзнямъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

Дозволено цензурою 30 сентября 1896 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.

но зато узкіе умы становились еще уже и дѣлались, по позднѣйшему выраженію Раблэ: «тупыми, безумными, мечтательными, одурѣлыми». Іоаннъ Сольсбери, блестящій ученикъ парижской alma mater въ XII вѣкѣ, вернувшійся во Францію послѣ многихъ лѣтъ, нашелъ, что его прежніе товарищи были одарены менѣе прежняго, что діалектика все еще господствовала на горѣ св. Женевьевы. «Я нашелъ ихъ,—говоритъ онъ,—въ томъ же положеніи, въ которомъ я оставилъ ихъ; они не сдѣлали ни шага впередъ въ умѣньи разрѣшать наши старые вопросы и не прибавили ничего къ своему знанію. Я тогда понялъ,—и это было легко подозрѣвать, что діалектика, плодотворная, если пользоваться ею, какъ орудіемъ для изученія наукъ, является безплодной и мертвой, если довольствоваться ею одной и не заниматься ничѣмъ, кромѣ нея» [1]).

Между тѣмъ, въ это самое время, на берегахъ Изиса и Кама развивались университеты, достигшіе впослѣдствіи такой славы: Оксфордскій и Кембриджскій; но ихъ извѣстность была преимущественно мѣстная, и они никогда не достигали международнаго значенія Парижа. Школы въ обоихъ этихъ городахъ процвѣтали въ XII вѣкѣ, а въ XIII онѣ образовали университетъ на подобіе парижскаго, получили привиллегіи, и папа, не упускавшій случая для вмѣшательства, подтвердилъ эти привиллегіи [2]).

Внутренняя дисциплина, обученіе и ученыя степени были здѣсь тѣ же, какъ и въ Парижѣ. Буйство преобладало не менѣе, и драки случались очень часто между студентами «сѣвера и юга», «полуночными» и «полуденными», англичанами и ирландцами, ученымъ и обывателями. Въ 1212 г. горожане повѣсили нѣсколькихъ студентовъ, и папскій легатъ тотчасъ даетъ почувствовать силу Рима и мститъ за это преступленіе, совершенное надъ лицами латинскихъ странъ, находящимися подъ его покровительствомъ. Въ силу этого оксфордскіе горожане были обязаны содержать въ своихъ домахъ въ продолженіе десяти лѣтъ студентовъ за половинную цѣну и обязаны платить по 52 шиллинга каждый годъ въ день св. Николая въ пользу бѣдныхъ учениковъ, а также давать ста бѣднымъ ученикамъ обѣдъ, состоящій изъ хлѣба, пива, супа и блюда мяса или рыбы; блюда этого обѣда заранѣе утверждены римской властью. И это навсегда. Кромѣ того, лица, виновныя въ казни студентовъ, должны были явиться съ босыми ногами, безъ шляпъ, поясовъ и плащей на то

[1]) Metalogicus: Opera omnia. Oxford. 1848.

[2]) Иннокентій IV (1254—?) подтвердилъ всѣ права Оксфорда. Muniments Academica, or documents illustrative of academical life and Studies at Oxford. London. 1862. (Rolls). Gladstone: An Academie Sketch. Oxford. 1892.

мѣсто, гдѣ зарыты въ землю тѣла ихъ несчастныхъ жертвъ, и, откопавъ ихъ при всемъ народѣ, похоронить въ указанномъ мѣстѣ, на освященной землѣ.

Въ 1252 г. ирландцы и «сѣверяне» завели драку въ самой церкви св. Маріи, но ихъ заставили выбрать изъ своей среды двѣнадцать делегатовъ, которые и составили мирный трактатъ. Въ 1313 г. запрещено называться по національностямъ, такъ какъ это вело къ постояннымъ ссорамъ. Въ 1334 г. «клерки, сѣверные и южные», послѣ открытаго боя, были засажены въ Оксфордскій замокъ въ такомъ числѣ, что шерифъ заявилъ о неизбѣжности бѣгствъ изъ-подъ ареста. Въ 1354 г. одинъ студентъ, сидя въ тавернѣ, облилъ виномъ трактирщика и разбилъ кружку объ его голову. По несчастью, голова оказалась разбитой, какъ и кружка, и обыватели, вмѣшавшись въ драку, сдѣлали облаву на «клерковъ», убили изъ нихъ около двадцати человѣкъ, бросили ихъ тѣла въ отхожія мѣста («in latrinas») и въ своемъ гнѣвѣ «ударами ножей и сѣкиръ изрубили въ куски студентскія книги» [1]). Въ 1364 г. снова «commissum fuit fellum», т.-е. возникла между горожанами и студентами война, продолжавшаяся четыре дня.

Часто возобновляемые регламенты указываютъ на свойство главныхъ злоупотребленій. Въ силу этихъ правилъ, студенты подвергались отлученію отъ церкви за драки, удаленію изъ университета за допущеніе въ свои жилища «mulierculas» и великому отлученію отъ церкви съ тюремнымъ заключеніемъ за вакханаліи въ церквахъ и появленіе тамъ замаскированными, или увѣнчанными «древесными листками и цвѣтами». Одинъ изъ подобныхъ регламентовъ относится къ 1250 г. Статуты университетской коллегіи (University Hall) (1292) не дозволяютъ общникамъ (fellows) [2]) драться, говорить между собой неприличности, разсказывать другъ другу о любовныхъ приключеніяхъ,—fabulas de amasiis и пѣть скабрезныя пѣсни [3]).

Въ составъ обученія входили: Аристотель, Боецій, Присціанъ (Priscien) и Донатъ; изучали языки латинскій и французскій, а «общники» должны были какъ можно чаще говорить между собою по-латыни. По правиламъ необходимо было учить студентовъ ла-

---

[1]) Робертъ изъ Авессбюри (умеръ въ 1357 г.). Historia Edwardi tertii. Oxford. 1720.

[2]) Имѣя достаточныя суммы, перешедшія къ нимъ по завѣщаніямъ, коллегіи выбирали лучшихъ студентовъ, и они жили, кормились и могли всю жизнь существовать на счетъ коллегіи безъ обязательства преподавать. Они только должны были исполнять всѣ правила, изъ которыхъ главнымъ было безбрачіе. Это правило сохранилось до послѣднихъ лѣтъ, и подобные студенты назывались общниками (fellows).

[3]) О всѣхъ этихъ правилахъ и фактахъ см. Munimenta, t. I.

тинской просодіи и заставлять ихъ писать посланія «въ приличномъ стилѣ, безъ гиперболъ и по возможности со смысломъ» [1]). При чтеніи пропускались скабрезныя мѣста, а «Искусство любви» Овидія и «Любовь» Памфилія были вовсе запрещены.

Съ XIII вѣка въ Оксфордѣ и Кембриджѣ умножились частныя пожертвованія. То завѣщали «кассы», нѣчто въ родѣ ссудныхъ кассъ для студентовъ; то учреждали новыя коллегіи, какъ, напр., университетская, самая древняя, организованная Вильямомъ изъ Дургама, умершимъ въ 1249 г. или новая созданная канцлеромъ Эдуарда III, Вильямомъ Викегамомъ; то оставляли книги, какъ Ричардъ Бьюри, Томасъ Кобгамъ въ 1327 г. и Гумфрій, герцогъ Глочестерскій въ XV столѣтіи [2]). Путешествіе въ Парижъ, по-прежнему, считалось очень полезнымъ, но перестало быть необходимостью.

III.

Имѣя подобныя средства подъ руками и видя передъ собой примѣры Генриха Боклерка и Генриха II, подданные англійскихъ королей въ значительномъ числѣ облатинились и создали на латинскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій, которыя произвели большое впечатлѣніе въ просвѣщенной Европѣ. Они такъ ловко владѣли этимъ языкомъ въ XII вѣкѣ, словно онъ былъ ихъ роднымъ нарѣчіемъ; главнѣйшіе памятники англійской мысли того времени написаны по-латыни. Сказки, хроники, сатиры, проповѣди, ученые и медицинскіе трактаты, беллетристическія произведенія, романы въ прозѣ, эпопеи въ стихахъ—все выливалось въ классической формѣ.

Они изложили въ видѣ поэмы исторію троянской войны и хотя въ ней много слѣдовъ варварства, но какъ своими гекзаметрами, такъ и по содержанію, она напоминаетъ классическіе образцы болѣе всѣхъ подражаній того времени на континентѣ. Даже въ эпоху возрожденія ее приписывали Корнелію Непоту, хотя ея авторъ—Іосифъ Эксетерскій написалъ свою поэму между 1173 и 1183 гг., посвятилъ ее Балдуину, епископу кантербюрійскому, и упоминалъ въ ея текстѣ объ Артурѣ («Flos regum Arturus»), возвращенія котораго ждали британцы (Britonum ridenda fides) [3]). Іосифъ зналъ классиковъ; онъ читалъ Виргилія и слѣдо-

[1]) Эти правила касались такъ называемыхъ грамматическихъ школъ, ученики которыхъ должны были писать стихи и посланія по-латыни, по-англійски и по-французски. Munimenta, I, p. 438. Означенный регламентъ относится, по словамъ Анстея, къ XIII вѣку, но вѣроятнѣе, что онъ принадлежитъ къ XIV.

[2]) Другимъ знаменіемъ времени служатъ посланія епископовъ, разрѣшающія духовнымъ клеркамъ покидать свои епархіи съ цѣлью ученыхъ занятій. Registrum Palatinum Dunelmense. (Rolls). 1873.

[3]) Іосифъ Исканусъ или *Exoniensis* участвовалъ съ Балдуиномъ въ кре-

валъ, насколько могъ, правиламъ Горація; въ отличіе отъ Бенедикта изъ Сентъ-Мора и его современниковъ, онъ изображалъ героевъ не рыцарей, которыхъ послѣ смерти хоронили въ готическихъ соборахъ подъ монашеское пѣніе псалмовъ. Это достоинство, быть можетъ, покажется маловажнымъ, но въ то время одинъ Іосифъ такъ поступалъ въ литературныхъ произведеніяхъ.

Латинскія поэмы болѣе новаго содержанія отличаются лов костью, наблюдательностью, часто умомъ, а еще чаще здравымъ смысломъ; онѣ принадлежали Годфриду Винчестерскому, писавшему эпиграммы въ началѣ XII вѣка, Генриху изъ Гунтингдона, историку, Александру Некгаму, автору поэмы о божественной премудрости, Алену Островитянину и Іоанну изъ Гатевиля, которые оба гораздо ранѣе Іоанна изъ Мёна заставляли говорить неодушевленную природу (de omni rescibili), Готье Вальтеру Англичанину и Егидію изъ Шеритона, сочинявшимъ въ XII и XIII столѣтіяхъ латинскія басни [1]), наконецъ, Нигелю Вирекеру, который написалъ картинный романъ въ стихахъ о Бурнелѣ, ослѣ съ короткимъ хвостомъ.

Олицетвореніе честолюбиваго монаха,—Бурнелій убѣжалъ изъ своей конюшни съ цѣлью проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ. Онъ прежде всего проситъ совѣта у Галіена, который поднимаетъ его на смѣхъ и посылаетъ въ Салерно, гдѣ также надъ нимъ издѣваются и снабжаютъ его элексирами, отъ которыхъ, будто бы, у него выростетъ необыкновенный хвостъ. На возвратномъ пути въ Ліонѣ, онъ вступаетъ въ драку съ собаками злого монаха, по имени Фромонда; среди отчаянной схватки стклянки съ элексирами падаютъ и разбиваются, а собака Гримбо отгрызаетъ ему половину хвоста. Онъ, однако, мститъ за это тѣмъ, что топитъ въ Ронѣ монаха Фромонда и громко славословитъ свою побѣду пѣніемъ псалма. Но что же теперь ему дѣлать? Уже нельзя мечтать о физической красотѣ и онъ рѣшается удивить весь міръ своей ученостью; онъ поступитъ въ Парижскій университетъ, центръ просвѣщенія, возьметъ дипломъ магистра, сдѣлается епископомъ, и всѣ будутъ преклоняться передъ нимъ.

Дѣйствительно, онъ достигаетъ Парижа, записывается въ кор-

стовомъ походѣ (разсказъ о проповѣди этого крестоваго похода Балдуиномъ сохраненъ Жиро Камбрійскимъ) и посвятилъ этой экспедиціи латинскую поэму «Антіохиду», отъ которой осталось лишь нѣсколько стиховъ. Въ своей «Троянской войнѣ» авторъ слѣдовалъ по стопамъ Дареса въ его поэмѣ о Троѣ «Phrygii Daretis Iliados» (Libri); это произведеніе печаталось нѣсколько разъ въ эпоху возрожденія и впослѣдствіи: «Josephi Iscani de Bello Trajano libri auctori restituti... a Samuele Dresemio. Francfort. 1620. Въ латинской рукописи поэмы въ національной библіотекѣ находятся примѣчанія, большею частью неизданныя и относящіяся къ XIII вѣку.

[1]) Anglo-latin satirical poets and epigrammatists of the XIIth century. London. 1872 (Rolls).

порацію «Англійской націи» и начинаетъ учиться; проходитъ годъ: его учили всему, но онъ можетъ только произнести «іа» (semper ya repetit); онъ занимается съ большой энергіей, подвергаетъ себя строгой дисциплинѣ, годами слушаетъ лекціи и все-таки не идетъ далѣе «іа», все-таки остается осломъ. Что же ему дѣлать? Онъ заведетъ образцовую обитель, правила которой совмѣстятъ въ себѣ всѣ удовольствія, допускаемыя различными братствами; такъ, въ его обители будутъ болтать, какъ въ Гранмонѣ, ѣсть скоромную пищу, какъ въ Клюни, тепло одѣваться, какъ премонтранцы, имѣть пріятельницъ, какъ свѣтскіе каноники; это была Телема до Рабелэ. Но неожиданно является поселянинъ Бернаръ, который давно искалъ своего убѣжавшаго осла, и палочными ударами загоняетъ въ стойло животное, которое мнило себя и магистромъ, и епископомъ, и настоятелемъ обители.

Къ практикѣ подданные англійскихъ королей вздумали присоединить и теорію; это было очень смѣло, и они не подозрѣвали, что новыя теоріи устанавливаются только въ эпохи зрѣлаго развитія, а тѣ, которыя формулируются преждевременно, только представляютъ правила дурного вкуса. Однако, въ этомъ отношеніи Годфридъ Винезофъ достигъ въ началѣ XIII вѣка такого успѣха, котораго онъ самъ не могъ ожидать [1]). Онъ вполнѣ увѣренъ въ себѣ, къ правилу пріобщаетъ примѣръ, ловко играетъ словами и высоко витаетъ надъ дюжинными людьми, которые довольствуются однимъ здравымъ смысломъ. Его сочиненіе вполнѣ основательно называли «Новой піитикой» («Nova Poetica»), и дѣйствительно его поэма не имѣла ничего общаго съ поэзій Горація. Онъ посвятилъ ее папѣ, и она начинается съ каламбуровъ относительно имени Иннокентія, а оканчивается слѣдующимъ сравненіемъ папы съ Богомъ: «Ты не Богъ и не человѣкъ, а посредствующее существо, которое Богъ присообщилъ къ Себѣ... Онъ не хотѣлъ оставить всего одному Себѣ и взялъ небо, а тебѣ отдалъ землю; что же Онъ могъ сдѣлать лучшаго?»

Правила и примѣры отличаются тѣмъ же духомъ. Годфридъ учитъ, какъ надо хвалить, осуждать и поднимать на смѣхъ. Онъ приводитъ образцы прозопопей на счастливыя и на несчастныя времена, именно обращеніе къ Англіи подъ благополучнымъ управленіемъ Ричарда Львиное-Сердце (извѣстно, какъ благополучно онъ управлялъ) и обращеніе къ Англіи по случаю убійства этого короля.

«Англія,—восклицаетъ онъ:—ты не умерла его смертью!.. О, несчастная пятница (день смерти короля), о, роковой день Венеры! О, жестокая планета! Этотъ день былъ твоей ночью! Венера отравила

[1]) Godfridi de Vinosalvo Ars Poetica.—Helmstadt. 1724. Онъ былъ авторомъ еще другихъ сочиненій и, быть можетъ, ему принадлежитъ: Itinerarium regis Anglorum Richardi I» (текстъ въ Rerum Anglicorum Scriptor (es). 1848, хотя Горо это отрицаетъ. (Notices et extraits. T. XXIX, p. 321.

тебя! О, горе, о, смерть! О, смерть, отчего ты не умерла!» Затѣмъ идутъ совѣты о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ людьми смѣшными, и нельзя не сознаться, что эти совѣты приходятъ кстати. Подобныя крайности еще рельефнѣе выставляютъ все благоразуміе оксфордскихъ правилъ, предписывающихъ простоту въ выраженіяхъ и воспрещающихъ напыщенность, тѣмъ болѣе, что Годфридъ не говорилъ ничего новаго, а только освѣщалъ установившіеся обычаи. До него люди, отличавшіеся, сравнительно говоря, хорошимъ вкусомъ, доходили до того, что обращались къ ночи, въ которую взята была Троя, съ такими восклицаніями: «Опять злая ночь, ночь истинно вредная, печальная, смутная, подлая, кровожадная и т. д.» [1]).

IV.

Серія латинскихъ прозаиковъ въ Англіи этой эпохи, серьезныхъ и веселыхъ, философовъ, моралистовъ, историковъ, сатириковъ, ученыхъ, романистовъ и расказчиковъ еще замѣчательнѣе поэтовъ. Еслибъ они только понимали важность мѣстнаго языка и отказались бы отъ латыни, то нѣкоторые изъ нихъ заняли бы видное мѣсто въ національной англійской литературѣ.

Представителемъ романа является Годфридъ Монмутскій, который написалъ въ XII вѣкѣ знаменитую Historia Britonum, имѣвшую столь большое вліяніе во Франціи и Англіи. Искусство писать разсказы и сказки стихами очень распространилось въ XIII и XIV столѣтіяхъ набожными писателями, которые, подъ предлогомъ наставлять забавляя, часто оставляютъ въ сторонѣ духовныя наставленія, а наполняютъ свои сборники только легендами, каламбурами и веселыми разсказами. Англія произвела значительное число подобныхъ сборниковъ. Обыкновенно ихъ составители выводятъ мораль изъ своего разсказа, но часто забываютъ это сдѣлать или просто говорятъ: «Выводи самъ, читатель, изъ этого нравственное заключеніе, какъ умѣешь». Въ этихъ ловко сколоченныхъ разсказахъ и въ живой разговорной ихъ формѣ уже чувствуются проблески искусства разсказчика, какъ у Чосера, и даже искусство романиста, которое достигло апогея пятьсотъ лѣтъ спустя. Любознательность кельта, возбужденная нормандцемъ, пустила корни въ Великобританіи; къ разсказамъ и сказкамъ питаютъ страсть. «Существуетъ обычай,—говоритъ одинъ изъ англійскихъ писателей XIII столѣтія,—въ состоятельныхъ семьяхъ проводить зимніе вечера вокругъ огня, разсказывая другъ другу исторіи о прошедшемъ» [2]).

Въ сюжетахъ для этихъ исторій не было недостатка. Послѣд-

[1]) De Bello Trojano, Іосифа Эксетерскаго. VI, 760.

[2]) Gesta Romanorum. Berlin. 1872.

нія научныя изслѣдованія выяснили до очевидности, что громадные и столь популярные въ средніе вѣка «Gesta Romanorum» были составлены въ Англіи въ концѣ XIII вѣка [1]). Сборникъ англійскаго доминиканца Іоанна Бромьярда, жившаго въ слѣдующемъ вѣкѣ, еще больше, о чемъ можно судить по тому, что его печатный экземпляръ въ Національной библіотекѣ вѣситъ четырнадцать фунтовъ [2]).

Въ этихъ сборникахъ можно встрѣтить все, отъ простыхъ замѣтокъ до настоящихъ романовъ: рядомъ разсказываются грубыя новеллы о глупыхъ мужьяхъ, обманутыхъ женами, и граціозныя идилліи о чудесахъ Богородицы. Перелистывая ихъ, вы наткнетесь на басни, впослѣдствія прославившія Ла-Фонтена, на отрывки изъ романа Лисы, на анекдоты изъ римской исторіи, на разсказы, которые, превращаясь постепенно, нашли свое конечное воплощеніе въ драмахъ Шекспира.

Авторы брали свой матерьялъ всюду; ихъ исторіи: французскія, индустанскія, латинскія, англійскія. Но видно, что они писали для англичанъ, потому что наибольшая часть разсказовъ локализирована въ Англіи и часто попадаются вставленныя въ текстъ англійскія цитаты [3]).

На каждой страницѣ вы встрѣтите старыхъ знакомыхъ: волка, лису, кота Тибера, мельника, его сына и осла, женщинъ, имѣющихъ тайну (но дѣло идетъ о яйцахъ, а не о черныхъ воронахъ) и крысъ, старающихся снять бубенчикъ съ шеи кошки. Вы узнаете множество сказокъ, легендъ и разсказовъ, которыя вамъ хорошо извѣстны въ ихъ французской формѣ, напримѣръ: Плачущую собаку, Пѣснь о птичкѣ, [4]) Пѣснь объ Аристотелѣ, гуси монаха Филиппа, Грушевое дерево, Пьяный схимникъ и т. д. Нѣкоторые изъ разсказовъ очень неприличны, но ихъ не исключали поэтому изъ сборниковъ. Также точно художники изображали на поляхъ священныхъ или мнимосвященныхъ сцены далеко не духовнаго

---

[1]) Ibid. Первоначально это собраніе, по словамъ издателя Германа Остерлея, появилось въ Англіи, но оно имѣло большой успѣхъ на континентѣ, гдѣ его часто передѣлывали и увеличивали новыми исторіями. Неправильно прежде приписывали «Gesta» Пьеру Бершеру. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ появились прозаическіе переводы на англійскомъ языкѣ: «The early English versions of the Gesta Romanorum. London. 1879».

[2]) Нюренбергское изд. 1485. Doctissimi viri fratris Johannis de Bromyard. Summa praedicantium.

[3]) Въ собраніи латинскихъ разсказовъ Райта: A Selection of Latin stories from mss. of the XIII and XIV centuries. London. 1842, встрѣчаются среди латинскаго текста англійскіе стихи.

[4]) Этотъ разсказъ въ стихахъ и пополненъ англійскими стихами. Early Mysteries and other Latin poems of the XII and XIII centuries. London. 1838. G. Paris: Lai de l'Oiselet.—Paris. 1884.

содержанія. Такъ, на одномъ экземплярѣ декреталій, снабженномъ иллюстраціями въ Англіи, нарисована цѣлая серія самыхъ скабрезныхъ сценъ [1]).

Мадонна играетъ, по обыкновенію, роль снисходительной покровительницы и разсказчики очень удаляются отъ изображенія Богородицы въ священномъ писаніи. Они представляютъ ее воплощеніемъ милосердія; никакое преступленіе ее не оскорбляетъ, и самое малѣйшее поклоненіе снискиваетъ ея прощеніе. Она превращается такимъ образомъ въ нѣчто среднее между богиней и феей. Сестра-ризничія одного монастыря, повидимому, очень красивая, влюбилась въ какого-то клерка, также, вѣроятно, виднаго, и, не желая жить безъ него, «бросила свои ключи на алтарь и гуляла съ своимъ другомъ пять лѣтъ внѣ предѣловъ обители». Наконецъ, проѣзжая мимо своего монастыря, она изъ любопытства посѣтила его и спросила, какъ поживаетъ бывшая сестра-ризничія. Къ ея величайшему удивленію, она узнаетъ, что сестра-ризничія находится по прежнему на своемъ мѣстѣ и удивляетъ всѣхъ своей набожностью. Въ эту же ночь ей явилась мадонна и сказала: «Вернись скорѣе въ свою обитель, несчастная, я приняла твой образъ и до сихъ поръ исполняла твои обязанности» [2]). Естественно, монахиня обратилась на путь истинный. Извѣстный воръ, совершая кражи и грабежи, постоянно «призывалъ себѣ на помощь мадонну» [3]), а когда его, наконецъ, поймали и повѣсили, то мадонна поддержала его своими святыми руками и не дала ему умереть. Тогда его сняли съ висѣлицы, и онъ пошелъ въ монахи.

Существуетъ еще одинъ разсказъ, очень романтичный и вмѣстѣ съ тѣмъ прелестный, трогательный, нравственный, нелѣпый и скабрезный. «Селестинъ царилъ въ городѣ Римѣ, и была у него хорошенькая дочь [4]). Въ нее влюбился рыцарь, но, будучи очень осторожнымъ, онъ говорилъ себѣ: «Никогда императоръ не отдастъ за меня своей дочери; я не достоинъ ея, но еслибъ мнѣ удалось какъ-нибудь овладѣть ея любовью, то я удовольствовался бы этимъ». Онъ часто ходилъ къ принцессѣ и старался ей понравиться, но она ему всегда говорила: «Ты напрасно теряешь

---

[1]) Ms. 10. P. IV въ Британскомъ музеѣ: рисунки изображаютъ приключенія, разсказанныя въ извѣстныхъ новеллахъ: Пономарь и жена рыцаря и Пьяный монахъ. См. мою книгу. English Wayfaring Life; тамъ приведены нѣкоторые рисунки.

[2]) Wright: Latin Stories. Та же исторія по-французски въ Nouveau Recueil, de Barbazan et Méon.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. Этотъ разсказъ заимствованъ изъ «Gesta Romanorum», составленныхъ въ Англіи.

время; неужели ты думаешь, что я не знаю, къ чему ты стремишься своими прекрасными рѣчами». Онъ тогда предлагаетъ ей денегъ. «Моя цѣна сто марокъ», отвѣчаетъ дочь императора. Но когда наступилъ вечеръ, то рыцарь заснулъ такъ крѣпко, что открылъ глаза только утромъ. Рыцарь раззоряется и платитъ вторично, но снова безъ успѣха У него нѣтъ болѣе денегъ, а онъ влюбленъ болѣе прежняго; поэтому онъ путешествуетъ съ цѣлью найти ростовщика и прибываетъ, наконецъ, въ «городъ, гдѣ было много купцовъ и философовъ, въ томъ числѣ Виргилій». Одинъ лавочникъ, человѣкъ очень странный, соглашается дать ему денегъ взаймы, но не хочетъ брать въ закладъ помѣстій рыцаря, а говоритъ ему: «Ты подпишешь своей кровью обязательство возвратить мнѣ эти деньги, или, въ случаѣ неуплаты денегъ въ назначенный срокъ, предоставить мнѣ право срѣзать острымъ ножемъ все мясо съ твоихъ костей». Рыцарь съ удовольствіемъ подписываетъ все, чего отъ него требуютъ, такъ какъ онъ находится подъ вліяніемъ пламенной страсти, а потомъ идетъ къ Виргилію. «Мой добрый учитель,—говоритъ онъ, выражаясь тѣми же словами, какъ Данте,—дай мнѣ совѣтъ». Виргилій объясняетъ ему, что у дочери императора есть талисманъ, наводящій на всякаго сонъ. Рыцарь поспѣшно возвращается во дворецъ, гдѣ живетъ предметъ его любви, похищаетъ талисманъ и болѣе не засыпаетъ. Послѣ многихъ слезъ, наступаетъ обоюдная любовь, и молодые люди такъ счастливы, что забываютъ о роковомъ срокѣ обязательства. Однако, надо рыцарю ѣхать. «Отправляйся,—говоритъ дочь императора,—и предложи лавочнику вдвое, втрое; я достану тебѣ столько денегъ, сколько онъ потребуетъ». Рыцарь отправляется и предлагаетъ лавочнику покончить дѣло. Но тотъ и слышать не хочетъ ни о чемъ. «Ты напрасно теряешь слова, — произноситъ онъ,—еслибъ ты предложилъ мнѣ всѣ богатства этого города, то и тогда я не согласился бы; я настаиваю на исполненіи подписаннаго тобою обязательства». Они идутъ къ судьѣ; рѣшеніе заранѣе извѣстно.

Но, узнавъ о печальномъ оборотѣ дѣла, молодая дѣвушка «обрѣзаетъ себѣ волоса, надѣваетъ богатую мужскую одежду, садится на коня и отправляется къ судьѣ, котораго проситъ допустить ее до защиты любимаго человѣка. «Тутъ нельзя ничего сдѣлать», отвѣчаетъ судья, но все-таки исполняетъ ея желаніе. Она предлагаетъ лавочнику денегъ, но онъ, по прежнему, отказывается отъ нихъ. «Такъ берите то, что вамъ слѣдуетъ по обязательству,—восклицаетъ она:—но берите только мясо безъ крови, такъ какъ о крови въ обязательствѣ не сказано ни слова». Озадаченный лавочникъ произноситъ: «Ну, хорошо, давайте деньги

и мы будемъ квиты». «Нѣтъ,» произноситъ молодая дѣвушка. Лавочникъ осрамленъ, а рыцарь свободенъ. Молодая дѣвушка быстро надѣваетъ свое женское платье и, поспѣшивъ на встрѣчу къ рыцарю, спрашиваетъ его о результатѣ суда.

— О, любовь моя,—говоритъ онъ: — о, красавица, которую я обожаю болѣе всего на свѣтѣ, я едва сегодня не лишился своей жизни; въ ту самую минуту, какъ судья хотѣлъ произнести рѣшеніе противъ меня, явился рыцарь, краше котораго я никогда не видывалъ».

Тутъ глаза дочери императора такъ заблестѣли, что она едва не выдала себя.

«Онъ спасъ меня своей мудростью, — продолжалъ рыцарь, — и даже мнѣ не надо ничего платить».

Молодая дѣвушка. — И ты не привелъ къ ужину благороднаго рыцаря, который спасъ тебѣ жизнь?

Рыцарь.—Онъ быстро явился и еще быстрѣе исчезъ.

Молодая дѣвушка:—А еслибъ ты его увидѣлъ, то узналъ бы?

Рыцарь.—Конечно.

Молодая дѣвушка снова поспѣшно надѣваетъ мужскую одежду, и можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ рыцарь узналъ въ ней своего спасителя. Заключеніе этого прототипа «Венеціанскаго купца» такъ же наивно, странно и картинно. какъ вся исторія. «Тогда рыцарь тотчасъ женился на молодой дѣвушкѣ и они жили святой жизнью». Но остается тайной, что подумалъ объ этомъ «тотчасъ» императоръ Селестинъ.

Рядомъ съ этими компиляторами, труды которыхъ пользовались извѣстностью, хотя имена ихъ бо́льшею частью оставались невѣдомыми, были и писатели, которые достигли славы своими собственными сочиненіями и среди нихъ первое мѣсто занимали Іоаннъ Салисбюрійскій и Вальтеръ Мапъ.

Іоаннъ Салисбюрійскій [1]), ученикъ Абелара, другъ Св. Бернара, Томаса Бекета и англійскаго папы Адріана IV, посланникъ Генриха II при папскомъ дворѣ, который онъ посѣтилъ десять разъ въ продолженіе десяти лѣтъ, написалъ по латыни: «Policratique» или «De nugis curialum», «Metalogique», «Enhètique» (въ стихахъ) и похвальное слово Бекету [2]). Онъ отлично зналъ

---

[1]) Родился около 1120 г. Ему передалъ англійскій папа Адріанъ IV (Николасъ Брекспиръ) знаменитую буллу: «Laudabiliter», о подчиненіи Генриху II Ирландіи. Адріанъ питалъ къ нему большую дружбу. (Metalogicus Opera Omnia). Іоаннъ Салисбюрійскій умеръ въ 1180 г., будучи епископомъ Шартрскимъ, чего достигъ по милости Божьей и св. Ѳомы: Demimuid: Jean de Salisbury. Прекрасный экземпляръ «Поликратики», находившійся въ библіотекѣ Ричарда Бюри, теперь хранится въ Британскомъ музеѣ.

[2]) Joannis Saresberiensis.. Opera omnia. Oxford. 1848. 5 vol.

классическихъ авторовъ и постоянно приводитъ изъ нихъ цитаты, которыя, однако, свидѣтельствуютъ болѣе о его знаніяхъ, чѣмъ о литературномъ вкусѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умѣлъ наблюдать, и его замѣтки о смѣшной сторонѣ своего времени очень драгоцѣнны. Въ его «Поликратикѣ» мы находимъ сатиру на типъ, снова возникшій послѣ нѣсколькихъ вѣковъ исчезновенія, на curialis, т.-е. царедворца, критику на лицедѣевъ, которые своими неприличными фарсами подготовляли современный театръ, карикатуру модныхъ пѣвцовъ, безчестившихъ религіозныя церемоніи во вновь выстроенныхъ соборахъ «бабьимъ пѣніемъ сиренъ, соловьевъ и попугаевъ» [1]), монаховъ, охотниковъ и хиромантиковъ, до которыхъ самъ Бекетъ имѣлъ слабость. «Въ особенности,—говоритъ Іоаннъ Салисбюрійскій въ видѣ заключенія,—царедворцы не должны унрекать меня за тѣ глупости, которыя приписываю имъ, такъ какъ я описывалъ не ихъ, а себя и своихъ друзей, а конечно, было бы странно, чтобъ мнѣ мѣшали исправлять себя и своихъ друзей» [2]). Въ своей «Металогикѣ» онъ издѣвается надъ пустой діалектикой дураковъ или «корнифиціевъ», какъ онъ ихъ называетъ и какъ ихъ потомъ всѣ называли въ средніе вѣка; преимущественно онъ поднимаетъ на смѣхъ ихъ длинныя фразы, испещренныя такимъ громаднымъ количествомъ отрицаній, что надо было убѣдиться, четное-ли или нечетное ихъ число, для окончательнаго вывода ихъ смысла—да или нѣтъ [3]).

Сочиненія Іоанна Салисбюрійскаго изобилуютъ смѣлыми мыслями; онъ восхвалялъ Брута и для него убійство тирана не только дѣло дозволенное, но почтенное и справедливое. «Non modo licitum est, sed aequum et justum». Какъ бы государство ни казалось цвѣтущимъ, но оно, по его мнѣнію, должно погибнуть, если народъ страдаетъ. «Когда народъ страдаетъ,—говоритъ онъ,—то это все равно, какъ будто у государя подагра» [4]); напрасно тогда государь будетъ считать себя здоровымъ, пусть онъ попробуетъ пройти хоть два шага, и онъ упадетъ».

Тѣми же качествами, но еще бо́льшимъ умомъ отличаются латинскія сочиненія Вальтера Мапа [5]). Этотъ уэлецъ, одаренный живостью кельтовъ, славился при дворѣ Генриха II и во всей

---

[1]) Opera. III, 38.

[2]) Opera. IV, 379. (Монассанъ въ этихъ же самыхъ выраженіяхъ оправдываетъ себя въ томъ, что онъ написалъ Bel-Ami).

[3]) Opera. V, 16.

[4]) Policraticus.—Opera, IV, 52.

[5]) По всей вѣроятности, онъ родился въ графствѣ Герефордѣ; онъ исполнялъ нѣсколько дипломатическихъ миссій и былъ судьей въ 1173 г., каноникомъ св. Павла въ 1176 г., архидіакономъ оксфордскимъ въ 1197 г., провелъ конецъ своей жизни въ Вестбюри на Севернѣ и умеръ около 1210 г.

Англіи своими красными словцами и каламбурами, которые пользовались такой популярностью, что онъ ихъ собралъ [1]). Такимъ образомъ составилась книга очень странная, безъ начала и конца; въ нее занесено не только то, что авторъ самъ сказалъ остроумнаго, но и все, что онъ слышалъ интереснаго. Нѣкоторыя главы его сочиненія «De nugis Curialium», такъ названнаго въ виду популярности книги Іоанна Салисбюрійскаго, представляются настоящими разсказами или новеллами; другія же имѣютъ форму драматическихъ сценъ съ обозначеніемъ дѣйствующихъ лицъ [2]) и восточныхъ анекдотовъ, принесенныхъ издалека крестоносцами и пилигриммами.

Подобно Іоанну Салисбюрійскому, Вальтеръ Мапъ учился въ Парижѣ, ѣздилъ съ порученіями въ Римъ и зналъ Бекета; но онъ не раздѣлялъ симпатій Іоанна къ Франціи, ни его дружбы къ св. Бернарду; напротивъ, въ распрѣ этого святаго съ Абеларомъ онъ принялъ сторону послѣдняго. Хотя онъ принадлежалъ къ церкви, Вальтеръ постоянно преслѣдовалъ монаховъ своими насмѣшками, приписывалъ св. Бернарду неудачныя чудеса [3]) и такъ часто издѣвался надъ духовенствомъ въ латинскихъ стихахъ, что ему приписывали всѣ поэмы, такъ называемыя голіардическія. Эти поэмы носили такое названіе отъ имени главнаго дѣйствующаго въ нихъ лица Голіаса, типа развратнаго и жаднаго прелата [4]). Онъ писалъ также французскія поэмы, но анонимно, и если онъ дѣйствительно авторъ «Лансело» (Lancelot [5]), то заслуживаетъ занять мѣсто среди самыхъ искусныхъ поэтовъ XII столѣтія.

V.

Подданные королей анжуйскихъ приняли также участіе въ научномъ движеніи. Между ними были юристы, ученые, доктора, историки, богословы. Въ числѣ послѣднихъ находилось нѣсколько

---

[1]) Gualteri Mapes, De nugis curialium distinctiones quinque. London. 1840.

[2]) Ibid. De Societate Sadii et Galonis. Діалогъ трехъ женщинъ: Регины, Лаисы и Эро.

[3]) По его словамъ, св. Бернардъ однажды приказалъ мертвому воскреснуть, но тотъ не послушался. Мапъ также относился очень сатирически къ женщинамъ. Онъ авторъ знаменитаго «Dissuasio Valerii ad Rufinum de ducenda uxore» (De nugis), которое въ среднихъ вѣкахъ упорно приписывалось св. Іерониму, не смотря на всѣ завѣренія Мапа, который сердечно жаловался своему другу, что не хотятъ вѣрить въ его авторство.

[4]) The latin poems, commonly atributed to Walter Mapes. London. 1841. Между прочимъ, особенно замѣчательна застольная пѣснь, напоминающая Рабеле. О клеркахъ голіардическихъ. См. Bedier: Les fabliaux. Paris. 1893.

[5]) Мапъ никогда не признавалъ своимъ этого сочиненія, но во многихъ рукописяхъ онъ называется авторомъ «Лансело». Главнымъ образомъ, его современникъ и соотечественникъ, Гюгсъ Роуеландъ указываетъ на то, что онъ сочинялъ эту поэму. Ward: Catalogue of Romances. 1883. London.

изъ самыхъ знаменитыхъ свѣтилъ среднихъ вѣковъ, именно: Александръ изъ Гельса [1]), «докторъ (богословія) неопровержимый»; Дунсъ Скоттъ, «докторъ проницательный»; Адамъ Мориско, другъ и совѣтникъ Симона Монфора, «докторъ славный»; Акгамъ, «докторъ непобѣдимый»; Роджеръ Бэконъ, «докторъ удивительный»; Брадворденъ, «докторъ глубочайшій» и другіе.

Скоттъ возбуждалъ величайшіе вопросы относительно души и матеріи; послѣ цѣлаго ряда противорѣчій и темнотъ, онъ приходитъ къ тому заключенію, что матерія одна. «Сократъ и желѣзная эпоха,—говоритъ онъ,— составляютъ одно по своей природѣ»; онъ почти утверждаетъ, что и живое существо одно [2]). Его слава въ средніе вѣка была громадна, но она умаляется въ періодъ Возрожденія и Рабелэ, составляя списокъ «какихъ-то книгъ» въ библіотекѣ Сенъ-Виктора, упоминаетъ между «Maschefaim des Advocats» и «Ratepenade des Cardinaux», сочиненіе «проницательнаго доктора богословія» подъ заглавіемъ: «Barbouillements Scoti» [3]).

Окгамъ, состоя на жалованьѣ у Филиппа Красиваго, такъ какъ Англія, выписывавшая прежде Ланфрана и Ансельма съ континента, теперь сама поставляетъ богослововъ за границу, велъ борьбу съ Бонифаціемъ VIII и, основываясь на св. Павлѣ и Аристотелѣ, подтачивалъ свѣтскую власть папъ [4]). Роджеръ Бэконъ пытался освѣтить мракъ, царившій въ наукѣ и, предупреждая своего знаменитаго однофамильца, классифицировалъ причины человѣческаго невѣжества [5]). Архіепископъ Брадворденъ, умершій во время чумы 1349 г. [6]), ограничивался однимъ богословіемъ и

---

[1]) Александръ изъ Гельса (въ Глостершірѣ), профессоръ Парижскаго университета, умеръ въ 1245 г. Онъ написалъ по просьбѣ Иннокентія II— «Universal theologia Summa» (Кельнъ, 1622). Многіе вопросы, которыхъ онъ касается, поражаютъ своей смѣлостью. Были также и авторы различныхъ проповѣдей; въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Эльредъ Риваллійскій «Beati Ailredi Rievallis, abbatis Sermones». (Romania, XXIV).

[2]) Ученикъ Оксфордскаго, а потомъ Парижскаго университетовъ, гдѣ онъ читалъ блестящія лекціи, Скоттъ умеръ въ Кельнѣ въ 1208 г. — «Opera Omnia». London. 1639, 12 томовъ. («Histoire littéraire de la France», т. XXIV).

[3]) «Pantagruel» II, 7.

[4]) Сочиненія Окгама (XIV вѣка) не были еще собраны см. «Summa totius logicae», 1675. Compendium errorum Johannis papae. Lyon. 1495.

[5]) Родился въ Сомерсетширѣ, учился въ Оксфордѣ и Парижѣ, умеръ около 1294. Его сочиненія: «Opus majus», «Opus minus». «Opus tertium», См. «Opus majus ad Clementem papam». London. 1733; «Opera Inedita». London. 1859. Въ этомъ послѣднемъ произведеніи упоминается о различныхъ интересныхъ изобрѣтеніяхъ: «водолазномъ колоколѣ, порохѣ, быстроходящихъ безъ веселъ судахъ, экипажѣ, который подвигается съ неимовѣрной скоростью безъ лошадей» и т. д. Въ «Opus majus» можно найти разсужденія о причинахъ человѣческихъ заблужденій: объ авторитетѣ, обычаяхъ и т. д.

[6]) Родился въ Зичестерѣ около 1290 г., былъ профессоромъ въ Оксфордѣ

въ своей книгѣ, очень извѣстной въ средніе вѣка, защищалъ «Дѣло Божье» отъ всѣхъ «еретиковъ, скептиковъ, изувѣровъ и негодяевъ»; онъ упрекалъ даже Аристотеля въ заблужденіяхъ [1]).

Тогда уже не одно Салерно производило знаменитыхъ докторовъ и не одна Болонья создавала славныхъ юристовъ. «Rosa Anglica», написанная Іоанномъ изъ Гадесдена, придворнымъ докторомъ при Эдуардѣ II, имѣла громадный успѣхъ въ ученой Европѣ и учила лѣчить каменную болѣзнь мазью изъ сверчковъ и жуковъ, истолченныхъ вмѣстѣ, но предварительно лишенныхъ головы и крыльевъ [2]). Много рецептовъ въ томъ же родѣ наполняли эту книгу, которая печаталась нѣсколько разъ и пользовалась авторитетомъ въ эпоху Возрожденія.

Другой ученый, съ еще бо̀льшей извѣстностью и болѣе общими знаніями, Бартелеми Англичанинъ [3]), составилъ самую старую изъ существующихъ энциклопедій. Эта книга на латинскомъ языкѣ переведена на многіе языки и ея переводы сохранились въ прекрасныхъ рукописяхъ [4]); въ ней говорится обо всемъ, отъ Бога и ангеловъ до животныхъ. Бартелеми учитъ богословію, философіи, географіи, исторіи, естественнымъ наукамъ, медицинѣ, свѣтскимъ приличіямъ и искусству подавать кушанье на столъ. Для него нѣтъ ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ мелкаго, и главное—ничего неизвѣстнаго; онъ знаетъ природу ангеловъ и блохъ, «которыя передъ дождемъ больнѣе кусаются»; ему извѣстно, что «брилліантъ—камень любви и примиренія», что «человѣческіе сны измѣняются согласно тѣмъ переливамъ дыма, который наполняетъ область фантазіи даннаго субъекта», что «мигрень происходитъ отъ теплыхъ болѣзненныхъ вѣяній», что «луна, силой своей влажности, возбуждаетъ росу» — однимъ словомъ, все [5]).

и капелланомъ Эдуарда III. «De Causa Deicontra Pelagium et de virtute causarum, ad suos Mertonenses. London. 1618.

[1]) Противъ Аристотеля говорится въ заключеніи. I, I.

[2]) Rosa Anglica. Augsbourg. 1595. 2 vol.

[3]) Bartholomeus Anglicus, называемый иногда несправедливо Бартоломеемъ Гланвильскимъ, жилъ, по словамъ Делиля («Histoire littéraire de la France» т. XXX) въ XIII, а не въ XIV вѣкѣ. Но трудно согласиться съ Делилемъ, чтобъ онъ былъ не англичаниномъ и его названье Англичанина можно только объяснить его рожденіемъ въ Англіи, такъ какъ онъ учился и жилъ на континентѣ. Его «De proprietatibus Rerum» переведена на англійскій языкъ Тревизой въ 1398 г., на французскій Жаномъ Корбюшономъ, а также, по совѣту Карла V, на испанскій и голландскій. Сравните съ нимъ Гервасія изъ Тильбюри (въ Эссексѣ), который также писалъ на континентѣ (между 1208 и 1214) «Otia imperialia», гдѣ онъ говорилъ о хаосѣ, о сотвореніи міра, и т. д. До сихъ поръ его сочиненіе не издано, кромѣ отрывковъ. — Stevenson, «Radulphi de Coggeshall Chronicon». 1875. London. (Rolls).

[4]) Рукопись 15 E. II и III въ Британскомъ музеѣ съ миніатюрами.

[5]) Парижское изданіе въ 1556 г.

Юристовъ было много, и при ихъ посредствѣ еще усиливалось вліяніе Рима на Англію; тѣ изъ нихъ, которые даже старались сохранить неизмѣнными мѣстные законы и преданія, были вынуждены каждую минуту ссылаться на античные авторитеты. Римское право было въ ихъ глазахъ основнымъ общимъ сокровищемъ, гдѣ всѣ естественно черпаютъ для пополненія пробѣловъ туземнаго законодательства. Подобно тому, какъ въ богословіи, первые уроки права даны чужестранцами—итальянецъ Вакарій, привезенный кантербюрійскимъ архіепископомъ, Теобальдомъ, читалъ право въ Оксфордѣ въ 1149 г. Потомъ англо-нормандцы и англичане взялись за кодификацію и комментированіе своихъ законовъ; они составляли сборники прецедентовъ и такъ хорошо понимали пользу юридическихъ наукъ, что онѣ доселѣ господствуютъ въ Англіи болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь странѣ. Ранульфъ Гланвиль, верховный судья при Генрихѣ II, написалъ самъ «Трактатъ о законахъ и обычаяхъ Англіи» [1]) или вдохновилъ его автора; Ричардъ, епископъ лондонскій, составилъ «Діалогъ Казначейства» [2]), отличавшійся живостью, благоразуміемъ и даже юморомъ; Генри Брактонъ, самый знаменитый изъ всѣхъ, логикъ, наблюдатель и мыслитель, написалъ въ XIII вѣкѣ обширный трактатъ [3]), который потомъ часто издавался въ сокращенномъ видѣ для удобства судей [4]) и на который ссылаются до сихъ поръ.

Въ монастыряхъ главное литературное занятіе заключалось въ составленіи хроникъ. Историки на латинскомъ языкѣ кишѣли въ средневѣковой Англіи; почти каждая обитель имѣла своего историка. Была заведена книга, въ которую записывались карандашемъ (cum plumbo) всѣ событія дня. По истеченіи года, указанный лѣтописецъ (non quicumque voluerit, sed cui injunctum fuerit) сводилъ эти замѣтки въ плавный разсказъ, прибавляя оцѣнки, комментаріи и тексты оффиціальныхъ документовъ, полученныхъ, по тогдашнему обычаю, на храненіе въ обители [5]). Та-

---

[1]) Tractatus de Legibus et Consuetudinibus Angliae, оконченный около 1187. Можетъ быть, это сочиненіе его племянника Губерта Вальтера, которому онъ далъ идеи.

[2]) Dialogus de Scaccario; относится къ эпохѣ Генриха II; текстъ у Стубса: Select Charters. Oxford. 1876.

[3]) Henrici de Bracton de Legibus et Consuetudinibus Angliae, Libri V. London, 1878. 6 том. Брактонъ присвоиваетъ себѣ нѣкоторыя изъ самыхъ извѣстныхъ формулъ римскаго права, напримѣръ: «Filius haeres legitimus est quando nuptiae demonstrant». См. C. Güterbock: «Bracton and his relation to the roman law». Philadephia. 1866.

[4]) Подобныя сокращенія сдѣланы Гильбертомъ изъ Торнтона въ 1292 г. и авторомъ «Fletâ» около того же времени.

[5]) Luard: «Annales Monastici». London (Rolls) 1864. На счетъ «Scriptorium» (монастырскихъ) и преимущественно Сентъ-Альбанскихъ см. Hardy: «Descrip-

кимъ образомъ возникла цѣлая, почти безпрерывная серія англійскихъ лѣтописей по-латыни, отъ нормандскаго завоеванія до эпохи Возрожденія. Наиболѣе замѣчательны хроники большой обители Сентъ-Альбанъ, которую основалъ Оффа, современникъ Карла Великаго, а перестроилъ Павелъ, монахъ изъ Каена, бывшій ея настоятелемъ въ 1077 г.

Большая часть этихъ лѣтописей отличается удивительнымъ безпристрастіемъ: авторы свободно судятъ французовъ и англичанъ, королей, папъ и народъ, Гарольда и Вильгельма. Они принадлежали къ тому латинскому и религіозному міру, который не имѣлъ предѣловъ. Самые искусные изъ нихъ отличались знаніемъ древнихъ авторовъ, возвышеннымъ понятіемъ объ историческомъ искусствѣ и той тщательностью, съ которой они описывали обычаи и нравы, рисовали портреты и сохраняли любопытные анекдоты. Въ XII вѣкѣ особенно блестѣли: Ордерикъ Виталь, авторъ «Церковной исторіи Англіи», Эдмеръ, біографъ св. Ансельма, Гиральдій камбрійскій, отличавшійся фанфаронствомъ и живостью гасконца [1]), Вильгельмъ Мальмсбюрійскій [2]), Генрихъ изъ Гунтингдона [3]) и др.

---

tive Catalogue». 1871. (Rolls) London, т. III. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ лѣтопись писалась какимъ-нибудь монахомъ, который скучалъ въ обители, вѣвалъ во время церковныхъ службъ и хотѣлъ трудомъ изгнать изъ своей головы дурныя мысли, но и онъ писалъ по высшему приказанію.—Eulogium historiarum ab orbe condito usque ad A. D. 1366. (Это сочиненіе одного мальмсбюрійскаго монаха). London. 1858. 2 том.

[1]) Orderici Vitalis angligenae, Historiae ecclesisticae; libri XIII. Парижъ, 1838—1855. 5 том. Виталь родился въ Англіи, но жилъ и писалъ въ одномъ изъ монастырей Нормандіи, куда его отправили «словно въ ссылку» и гдѣ онъ, какъ Іосифъ въ Египтѣ, «слышалъ вокругъ себя чуждый ему языкъ», Eadmeri Historia novarum in Anglia. London. (Rolls) 1884.—Giraldi Cambrensis opera. London. (Rolls) 1861—1891. 8 том. Гиральдій родился въ замкѣ Манорбиръ (существующемъ донынѣ въ развалинахъ), въ Пемброкѣ; онъ былъ сынъ Вильгельма Бари и принадлежалъ къ воинственной семьѣ, которая играла впослѣдствіи большую роль при завоеваніи Ирландіи; мать его была Ангарета, внучка Риса-Теодора, князя Уэльскаго. Онъ учился въ Парижѣ, былъ капелланомъ Генриха II, жилъ въ Ирландіи, проповѣдывалъ крестовый походъ въ Уэльсѣ съ архіепископомъ Балдуиномъ, дѣлалъ всевозможныя усилія, но неуспѣшно, чтобъ добиться архіепископства св. Давида и умеръ тамъ мирно около 1216 г.; его гробница, но очень разворенная, существуетъ до сихъ поръ. Его главныя произведенія всѣ на латинскомъ языкѣ: De rebus a se gestis; Gemma ecclesiastica; De Invectionibus libri IV; Speculum Ecclesiae; Topographia Hibernica; Expugnatio Hibernico; Itinerarium Kambriae; Descriptio Kambriae; De Principis Instructione.

[2]) De Gestis Pontificum Anglorum. London. (Rolls) 1870; De Gestis regum Anglorum... Historiae novellae. London. 1887. Вильгельмъ Мальмсбюрійскій писалъ между 1114 и 1123.

[3]) Henrici archidiachoni Huntendunensis, Historia Anglorum... from A. C. 55 to A. D. 1154. London. (Rolls) 1879. Генрихъ писалъ болѣе какъ дилеттантъ

Два послѣдніе лѣтописца питали страсть къ своему искусству и пламенный культъ къ античнымъ образцамъ. Въ особенности Вильгельмъ достоинъ памяти и уваженія. Прежде чѣмъ писать, онъ собралъ коллекцію книгъ и различныхъ свидѣтельствъ современниковъ, а покончивъ свой трудъ, онъ постоянно его перечитывалъ, никогда не считая его совершеннымъ. Онъ интересовался мѣстными обычаями и указывалъ на тѣ черты общественной жизни, которыя доказывали прогрессъ цивилизаціи; онъ произносилъ разумныя и строго мотивированныя сужденія; онъ собиралъ массу анекдотовъ и приводилъ ихъ для развлеченія читателя. Нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ имѣютъ объемъ новеллъ, и ровно за семьсотъ лѣтъ до Меримэ, онъ, по-своему, разсказывалъ исторію Венеры съ острова [1]). Онъ не достигъ вершинъ искусства, но онъ вышелъ на истинный путь; онъ не умѣетъ соединять красокъ съ искусствомъ современныхъ артистовъ, но все-таки онъ уже колоритенъ. Для забавы читателей, онъ наивно и неожиданно говоритъ: «Я разскажу вамъ исторію: однажды жилъ, былъ...» Но если онъ не практиковалъ новаго метода, то уже и то заслуга, что онъ его открылъ и понялъ его цѣну.

Въ XIII вѣкѣ славился болѣе всѣхъ лѣтописцевъ Матвѣй Парижскій, англійскій монахъ сентъ-альбанской обители; онъ походилъ, по своей искренности, добросовѣстности и страсти къ историческому искусству, на Вильгельма Мальмсбюрійскаго [2]). Онъ также пытался заинтересовать читателей; ловкій рисовальщикъ, онъ самъ иллюстрировалъ свои рукописи, изображая сцены религіозной жизни, средневѣковыя процессіи съ мощами, къ которымъ прикладываются больные, архитектора, получающаго приказанія короля и потомъ возводящаго зданія, драгоцѣнное сокровище Сентъ-Албана, которымъ монахи снабжали женщинъ для счастливыхъ родовъ, и удивительнаго, малоизвѣстнаго въ

чѣмъ Вильгельмъ; онъ, повидимому, писалъ для собственной забавы; искусный поэтъ, онъ по временамъ вставлялъ въ текстъ лѣточиси латинскія поэмы своего сочиненія; его хронологія очень смутная и полна ошибокъ.

[1]) De annulo statuae commendato, t. I, (De Gestis Regum).

[2]) Matthaei Parisiensis Chronica Majora. London. (Rolls). 1872. 7 vol. Historia Anglorum sive ut vulgo dicitur, Historia Minor. London. 1866. 3 vol. Онъ былъ англичанинъ, а его называли Парижскимъ, вѣроятно, потому, что онъ учился въ Парижѣ; но, можетъ быть, онъ и принадлежалъ къ семьѣ Пари (Paris), которая существовала въ тѣ времена въ Англіи (Jessopp, Studies by a Recluse). London. 1893. Онъ поступилъ въ сентъ-албанскую обитель въ 1217 г. и ѣздилъ съ порученіемъ въ Норвегію къ королю Гакону въ 1248—1249 г. Генрихъ III, плохой король, но хорошій художникъ, очень его цѣнилъ; онъ умеръ въ 1259 г. Древняя часть его лѣтописи основана на сочиненіи Роджера изъ Вендовера, (другого монаха сентъ-албанской обители, умершаго въ 1236 г.).

Англіи звѣря, «нѣкоего слона» [1]), присланнаго изъ Египта и подареннаго Генриху III французскимъ королемъ, Людовикомъ IX. Матвѣй Парижскій записываетъ черты нравовъ, обращаетъ вниманіе на внѣшнія событія и собираетъ анекдоты, напримѣръ, о вѣчномъ жидѣ, который еще жилъ въ его время, какъ его удостовѣрялъ одинъ армянскій архіепископъ, посѣтившій Сентъ-Албанъ въ 1228 г. Согласно разсказанной имъ легендѣ, привратникъ ударилъ Іисуса Христа, а при входѣ его къ Пилату сказалъ: «Иди же скорѣй, чего ты медлишь?» А Іисусъ, обернувшись къ нему, отвѣчалъ строго: «Я пойду, и ты останешься до моего второго пришествія». И съ тѣхъ поръ Картафилій живетъ, превращаясь каждое столѣтіе снова въ юношу. Пользуясь присутствіемъ армянскаго прелата, любознательный Матвѣй наводитъ у него справку на счетъ ковчега и записываетъ его показаніе, что ковчегъ еще существуетъ въ его родинѣ [2]).

Въ XIV вѣкѣ самыми знаменитыми лѣтописцами были Ранульфъ Гигденъ, написавшій Всеобщую Исторію, которая считалась классическимъ произведеніемъ, переведена на англійскій языкъ, напечатана въ эпоху Возрожденія, постоянно переписывалась [3]) и вѣчно служила предметомъ ссылокъ; Вальтеръ изъ Гемингборга, Робертъ изъ Авесбюри и Томасъ Вольсингамъ, не говоря уже о многихъ анонимныхъ авторахъ. Нѣкоторые изъ нихъ и въ особенности Вольсингамъ заняли бы первенствующее мѣсто въ старинной англійской литературѣ по драматической живости изображаемыхъ ими сценъ, еслибъ они не писали по-латынѣ [4]).

---

[1]) Свидѣтельство Вальсингама—см. Madden: Historia Anglorum (Матвѣя Парижскаго). Rolls. London, t. III.—Рукопись Nero. I въ Британскомъ музеѣ. Принадлежность этихъ рисунковъ Матвѣю Парижскому оспаривалась, но, по всей вѣроятности, онъ рисовалъ ихъ. См. рукопись Royal, 14, C. VII, въ которой изображена Богородица, сидящая на престолѣ, и у ея ногъ стоитъ монахъ съ надписью «Fret, Mathias Parisiensis.—Относительно слона см. Abreviatio Chronicorum въ Historia Anglorum... sive Historia Minor. (Rolls) London.

[2]) Chronica Majora, t. III. Анекдотъ о Картафилiи уже былъ разсказанъ Роджеромъ изъ Вендавера, который находился въ обители при посѣщеніи ея прелатомъ, но свѣдѣнія о ковчегѣ принадлежатъ лично Матвѣю.

[3]) Polychronicon Ranulphi Higden... with the English translation of John Trevisa. London. (Rolls). 1865. 8 vol.

[4]) Многіе другіе англичане писали исторію по-латыни, именно: Флоренцъ изъ Ворстера, Симеонъ изъ Дургама, Фитцстефенъ, псевдо-Бенедиктъ изъ Питерборо, В. Ньюбергъ, Роджеръ изъ Говедена (въ XII вѣкѣ), Гервезій изъ Кантербюри, Радульфъ изъ Дицето, Роджеръ изъ Вандовера, Радульфъ изъ Коггешала, Іоаннъ изъ Оксенеда, Бартелеми изъ Котона (въ XIII вѣкѣ); Вильямъ Ришангаръ, Іоаннъ изъ Трокело, Никола Триветъ, Ричардъ изъ Чиренчестера и др. въ XIV вѣкѣ. Еще бо́льшее число лѣтописцевъ были безъименными авторами. Значительная часть этихъ исторій напечатаны англій-

Изъ всего сказаннаго видно, какъ велико было превращеніе, совершившееся въ Англіи, какъ могущественны были узы, связывавшія ее съ Римомъ и Парижемъ, наконецъ, какъ обитатели этой страны разнились теперь отъ тѣхъ англо-саксовъ, которыхъ побѣдители подъ Гэстингсомъ нашли «agrestes et pene illiteratos» по свидѣтельству Ордерика Виталя. Времена перемѣнились: «Несравненная Минерва посѣщала постепенно всѣ человѣческія націи... Она покинула Аѳины и Римъ, она удалилась изъ Парижа и теперь посѣтила Британію, самый незначительный островъ въ свѣтѣ, что я говорю, островъ, служащій изображеніемъ всего свѣта въ миніатюрѣ» [1]). Такъ выражался о своемъ отечествѣ въ половинѣ XIV вѣка, когда результаты нормандскаго завоеванія уже совершенно выяснились, епископъ дургамскій, Ричардъ Бюри, ученикъ Парижскаго университета и великій поклонникъ французской столицы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Англійская словесность.

I.

Однако англичанинъ пережилъ свое униженіе, но онъ также измѣнился благодаря нормандскому завоеванію. Послѣ Гэстингской катастрофы наступилъ для туземцевъ періодъ безмолвія и столбняка, что, въ сущности, принесло пользу, такъ какъ побѣдители утвердили необходимую дисциплину, безъ которой ученикъ не можетъ ничему научиться у наставника. Сто лѣтъ длилась эта безмятежная тишина.

Только клерки составляли исключеніе. Люди, говорившіе туземнымъ языкомъ, безмолвствовали. По временамъ они лишь списы-

---

скимъ историческимъ обществомъ, обществомъ антикваріевъ, а главное, хранителемъ государственныхъ документовъ (Rolls) въ знаменитой коллекціи: «The chronicles and memorials of Great Britain and Ireland... published under the direction of the Master of the Rolls. London. 1857 (изданіе продолжается до сихъ поръ). См. также—Descriptive Catalogue of Materials, relating to the history of Great Britain and Ireland, to the end of the Reign of Henry VII. London. (Rolls) 1862—1866. 3 vol.

[1]) Контрастъ между тѣмъ, что писалъ Ричардъ въ юности и что онъ говорилъ впослѣдствіи, объясняется происшедшими перемѣнами въ свѣтѣ, и послѣ наступленія столѣтней войны, онъ имѣлъ право упоминать объ упадкѣ Парижа.—Philobiblon. hap. IX. Графъ Коминжъ, посланникъ въ Лондонѣ напротивъ, увѣдомлялъ Людовика XIV, «что наука и искусства часто переходятъ изъ одной страны въ другую, а въ настоящее время онѣ перешли во Францію, и если здѣсь остались кое-какіе слѣды...» 2-го апрѣля 1663 г.—A French Ambassador at the Court of Charles II. 1892.

вали рукописи своихъ старыхъ авторовъ, циклъ которыхъ былъ закрытъ; они прислушивались, не понимая ничего, къ пѣснямъ, которыя были введены въ моду чужестранцами въ ихъ родной странѣ; по формѣ и по содержанію эти произведенія имъ были чужды, а потому они хранили упорное молчаніе среди общаго веселаго, вызывающаго тона, которымъ отличалась литература побѣдителей. Необходимость вложила имъ перо въ руки; послѣ завоеванія, такъ же какъ и до него, главнымъ предметомъ жизни была забота о пріобрѣтеніи царства небеснаго, и объясненіе этой истины на латинскомъ языкѣ простому народу было бы потерей времени. Французскій языкъ господствовалъ въ средѣ побѣдителей и ихъ преданныхъ сторонниковъ, а латинскій преобладалъ между клерками, но масса «простыхъ людей», составлявшихъ большинство, обязательно говорила по-англійски. «Всѣ не знаютъ по-французски»,—замѣтилъ въ XIV вѣкѣ англійскій переводчикъ «Замка любви» [1]) для оправданія своего труда. Первыя произведенія, написанныя на англійскомъ языкѣ послѣ Нормандскаго завоеванія, были проповѣди и набожные трактаты, частью заимствованные у Бедія, Эльфрика и другихъ саксонскихъ писателей, а частью переведенные съ французскихъ подлинниковъ. Нельзя найти тутъ и слѣда оригинальности, или изобрѣтенія. Это эпоха униженія и уныніе; побѣдитель поетъ, а побѣжденный молится.

Двѣнадцатый вѣкъ, столь обильный на латинскія и французскія сочиненія, можетъ выставить на англійскомъ языкѣ только набожныя книги въ прозѣ и стихахъ. Стихи отличаются смѣшанной формой. Полузабытыя старинныя правила стихосложенія соединялись съ новыми, полупонятыми; многіе поэты въ одно и то же время употребляютъ алитерацію и риѳму, погрѣшая и въ томъ, и въ другомъ [2]). Типъ проповѣдей былъ добродушный, фамильярный;

---

[1]) Castel of Love; въ Hartman and Furnival: Minopoems of the Vernon Ms. 1892.

[2]) An old English Miscellany. 1872. London: — переводъ въ англійской прозѣ XIII столѣтія нѣсколькихъ проповѣдей Мориса Сюлли.—Old English-homelies and homelitic treatises of the XII and XIII centuries. London. 1867. Бо́льшая часть изъ этихъ наставленій просто копія англо-саксонскихъ документовъ, относящихся до временъ, предшествовавшихъ нормандскому завоеванію. «Нравственная Ода» XII столѣтія (396 стиховъ: Anglia). — The Ormulum. — Oxford. 1878. 2 vol.—Компиляція въ стихахъ, отъ которой осталась только часть, составленная монахомъ Орминомъ въ XIII вѣкѣ и заключающаяся въ перефразировкахъ евангелія на данный день и соотвѣтствующихъ проповѣдей. Napier: Notes on... Ormulum—въ History of the Holy Rood tree. London. 1894.—Hali Meidenhad.—1862 (въ прозѣ XII вѣка). — English metrical Homilies. Edimbourgh. 1862: Духовныя наставленія и набожные примѣры, составленные въ 1330 г.—Religious pieces in prose and verse. London. 1867.

онѣ обращаются къ людямъ бѣднымъ, несчастнымъ, а потому необходимо относятся къ нимъ мягко, успокоительно; ихъ интересуютъ исторіями чудесъ, ихъ пугаютъ описаніями ада, ихъ утѣшаютъ примѣрами небеснаго милосердія. Какъ древнія церкви, всѣ сборники проповѣдей переполнялись картинами адскихъ мученій, горящихъ безднъ и «океана въ семь валовъ, огненныхъ, ледяныхъ и кровавыхъ». Это грубое воспроизведеніе старинныхъ легендъ повторяется у Данте въ его поэмѣ и у Джіотто въ его фрескѣ [1]). Въ особенности Джіотто возстаетъ въ памяти, благодаря смѣлости и ошибкамъ его кисти; въ одно и то же время онъ кажется намъ столь отдаленнымъ и столь современнымъ съ его дѣтскими вѣрованіями, съ его чертями, жарящими на вертелахъ грѣшниковъ, съ его усиліями изобразить невидимое и непостижимое, съ его почти болѣзненнымъ стремленіемъ къ невозможному, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ античнымъ благоразуміемъ и первый зародышъ возвышеннаго безумія новаго міра. Недалеко отъ Падуи, близь Венеціи, въ византійской мозаикѣ Торчелло, можно видѣть послѣдній свѣтъ античной уравновѣшенности: тамъ сцена послѣдняго суда всего болѣе поражаетъ своимъ величіемъ, и это величіе именно заключаетъ въ себѣ угрожающій характеръ. Смотря на нее, выносишь впечатлѣніе рокового неизбѣжнаго приговора. Какъ въ театрѣ древнихъ, злой рокъ господствуетъ въ этой драмѣ. Напротивъ, въ англійскихъ проповѣдяхъ того времени чувствуется не искусство Торчелло, а кисть Джіотто. Отъ времени до времени, среди грубыхъ, неловкихъ выраженій проповѣдника, еще неумѣло владѣющаго языкомъ,и добродушныхъ мягкосердечныхъ совѣтовъ—вдругъ попадается фраза, которая дышетъ могучей силой и истиннымъ вдохновеніемъ. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ говоритъ: «тотъ, кто подаетъ милостыню деньгами, грѣшно нажитыми, походитъ на человѣка, убившаго твоего сына и приносящаго тебѣ въ подарокъ его голову» [2]).

Псалмы, нѣкоторыя части библіи [3]) и жизнь святыхъ пере-

---

[1]) Вмѣсто Данте, провожаемаго Виргиліемъ, англійскій авторъ низводитъ въ адъ, по примѣру континентальныхъ образцовъ, св. Павла, сопутствуемаго св. Михаиломъ. Св. Павелъ постепенно проходитъ чрезъ различные круги и, пораженный видѣнными страданіями, онъ плачетъ и Господь, по его просьбѣ, разрѣшаетъ освободить грѣшниковъ отъ страданій по воскресеньямъ. Проповѣдь, сочиненная въ 1200 г. въ Old English Homilies (проповѣдь на воскресенье, заимствованная съ французскаго).

[2]) Old English Homilies, t. I.

[3]) The Story of Genesis and Exodus, an early English song (около 1250 г.) London. 1865. (Библія была вполнѣ переведена французской прозой до 1250). Псалмы переведены англійскими стихами въ половинѣ XIII вѣка, потомъ прозой въ 1327 г. анонимнымъ авторомъ, котораго долго принимали за Вильяма

кладывались въ стихи, при чемъ наиболѣе почетное мѣсто отводилось англійскимъ святымъ: Ѳомѣ Бекету и др., Святой Свитинъ Исповѣдникъ былъ англичанинъ. Св. Вульфстанъ жилъ въ Англіи и, будучи еще ребенкомъ, велъ святую жизнь, напримѣръ, ходилъ въ церковь, когда другія дѣти играли. Св. Кутбертъ родился въ Англіи. Св. Дунстанъ былъ англійскаго происхожденія [1]); о послѣднемъ ходитъ много легендъ: будучи, какъ св. Алоизій, кузнецомъ, онъ схватилъ раскаленными щипцами за носъ чорта, когда тотъ хотѣлъ соблазнить его, прикинувшись женщиною: «и по всей окрестной странѣ раздались вопли чорта, которому лучше было бы оставаться у себя дома въ аду» [2]). О святомъ Брандан̀ѣ разсказывались прелестныя легенды, переведенныя съ французскаго въ концѣ XIII вѣка, и, по словамъ ихъ, этотъ ирландскій монахъ отправился по морямъ, въ кожаномъ челнокѣ, искать рая и между прочимъ посѣтилъ чудесные острова, гдѣ овечки управлялись сами собой и въ птицахъ олицетворялись ангелы. Оптимистическіе идеалы кельтовъ воскресли въ этой поэмѣ, заимствованной у нихъ: «все на этихъ островахъ было хорошо, невинно, цѣломудренно; никогда никто не смотрѣлъ злобно на міръ, никто не выражалъ злой мысли, никто не обнаруживалъ ни малѣйшей слабости и никому ни въ чемъ не было раскаиваться» [3]).

Веселая исторія святого Дунстана и наивная исторія святого Брандана служатъ рѣдкими примѣрами этой литературы. Обыкновенно въ ней съ перваго взгляда можно отличить подъ легкими узорами, заимствованными у кельтовъ и нормандцевъ, мрачный фонъ мечта-

---

изъ Шорегама, монаха изъ Лидской обители: The earliest English prose Psalter, together with eleven canticles. London. 1891; еще существуетъ переводъ въ прозѣ съ комментаріями Ричарда Ролле изъ Гамполя (Изданіе Брамлея, Оксфордъ, 1884). Покаянные псалмы переведены въ стихахъ Ричардомъ изъ Медстона во 2-й половинѣ XIV стол. Minor poems of the Vernon Ms.

[1]) Много жизнеописаній святыхъ составлено въ стихахъ отъ 1250 по 1350; они наполняютъ громадные рукописные фоліанты; нѣкоторые изъ нихъ совмѣщаютъ въ себѣ житія святыхъ на каждый день года. Среди этихъ святыхъ, конечно, самый популярный Ѳома Бекетъ: Materials for the History of Thomas Becket. London. (Rolls) 1875. 7 vol. The Early South—English legendary Lives of Saints. London. 1887. Furnivall: Early English Poems and Lives of Saints. Berlin. 1862. Многія житія святыхъ изданы обществомъ первоначальныхъ англійскихъ текстовъ (Early english text Society).

[2]) Жизнь св. Дунстана приписывается Роберту изъ Глостера; она входитъ съ нѣкоторыми житіями въ составъ той рукописи, гдѣ находится «Лѣтопись»; языкъ одинаковый. Написана она около 1300 г. Furnival: Early English poems. Berlin. 1862.

[3]) Renan: Essais de morale et de critique. 1868. Paris. Французскій текстъ путешествія: Les Voyages merveilleux de St. Brandan à la recherche du Paradis terrestre, lègende en vers du XII siècle. Paris. 1878, а на англійскомъ языкѣ: Saint-Brandon, a medieval legend of the sea. London. 1844.

тельной души саксонца. Адъ съ его муками, укоры совѣсти, предчувствія несчастной будущности, страхъ суда Божія и скоротечность жизни составляли, какъ и до нормандскаго завоеванія, любимые предметы національныхъ набожныхъ поэтовъ. Къ чему привязываться къ сей тлѣнной жизни? Куда дѣлись Парисъ, Елена, Тристанъ, Гекторъ, Цезарь? [1]).

Съ XIII вѣка появляются въ изобиліи религіозные трактаты и поэмы: всѣ они примѣнены къ жизни и вкусу англичанъ, но заимствованы у французовъ. Быть можетъ, единственное исключеніе составляютъ: «Правила для женщинъ-затворницъ» (въ прозѣ) [2]), въ такомъ случаѣ это первое изъ оригинальныхъ англійскихъ сочиненій послѣ нормандскаго завоеванія. «Правила» составляютъ цѣлое руководство духовной жизни для женщинъ, которыя хотятъ посвятить себя Богу, и отличаются такимъ же мягкимъ тономъ, какъ сочиненія Франциска-де-Саля, хотя правила жизни гораздо строже. Авторъ спеціально обращается къ тремъ молодымъ женщинамъ знатнаго происхожденія, которыя рѣшили жить внѣ міра, хотя не произносили обѣта. Онъ совѣтуетъ имъ отрѣшиться отъ всего, что дѣлаетъ жизнь пріятной, и не пользоваться тѣмъ, что доставляетъ удовольствіе зрѣнію, слуху и проч. Онъ регулируетъ во всѣхъ подробностяхъ ихъ жизнь, пищу, одежду, положивъ въ основѣ всего самоотреченіе; но онъ преподаетъ все это такимъ добрымъ, дружескимъ тономъ, что жизнь, которую онъ совѣтуетъ вести кающимся женщинамъ, не кажется очень трудной; голосъ его такъ мягокъ и нѣженъ, что его правила кажутся пріятными. И однако все, что служитъ развлеченіемъ, должно быть отвергнуто, и на каждую мелочь слѣдуетъ обращать вниманіе, такъ какъ отъ мелочи могутъ произойти важныя послѣдствія.

Не слѣдуетъ обращать глазъ на внѣшній міръ, и молодыя затворницы должны отказаться отъ удовольствія даже смотрѣть въ окна своей обители. Имъ надлежитъ помнить примѣръ Евы. «Еслибы кто-нибудь сказалъ Евѣ, когда она посмотрѣла на яблоко:—«Ахъ, Ева, отвернись, то, на что ты смотришь, грозитъ

---

[1]) Old English. Miscell. London. 1872. (Поэма Томаса изъ Гельса).

[2]) The Ancren Riwle. London. 1853. Существуютъ четыре рукописныя копіи этого сочиненія XIII ст. на англійскомъ языкѣ и одна по-латыни (переводъ съ англійскаго). Одна французская рукописная копія подъ заглавіемъ: La Reule des Femmes religieuses et recluses, сгорѣла при пожарѣ Котонской библіотеки. Сестры, для которыхъ было написано это сочиненіе, жили въ Тарантъ-Кенсѣ, въ графствѣ Дорсетъ, въ мѣстности, гдѣ основанъ былъ мужской монастырь Ральфомъ изъ Кенса, сыномъ одного изъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя. Быть можетъ, первоначальный текстъ былъ французскій, такъ какъ его отрывки входятъ въ составъ англійской копіи. Anglia, t. XV. Regula Inclusarum d'Aelred de Rievaulx Romania. XXIV.

тебѣ смертью»,—какъ вы думаете, чтобы она отвѣчала?—«Любезный наставникъ, ты ошибаешься: мнѣ запретили ѣсть яблоко, но не смотрѣть на него».—Вотъ, что Ева непремѣнно сказала бы, и многія изъ васъ, добрыя сестры, отвѣтятъ мнѣ, по примѣру вашей матери Евы:—«Неужели ты думаешь, что если я посмотрю на мужчину, то непремѣнно брошусь ему на шею?»—На это я отвѣчу:—почемъ знать; и бо́льшія чудеса случались. Ваша мать Ева, взглянувъ на яблоко, вкусила его и погубила себя, перейдя изъ рая на землю, а съ земли въ адъ, гдѣ и оставалась со своимъ мужемъ болѣе 4.000 лѣтъ, и указала всему своему потомству путь къ смерти. А причиной всѣхъ этихъ безконечныхъ бѣдствій былъ одинъ ничтожный взглядъ — вотъ такъ-то отъ мелочи происходятъ важныя послѣдствія».

Большинство подобныхъ духовныхъ трактатовъ, дошедшихъ до насъ, принадлежитъ къ первой половинѣ XIV столѣтія. Въ XIII многіе англичане считали, какъ мы уже видѣли, что французскій языкъ вмѣстѣ съ латинскимъ былъ литературнымъ нарѣчіемъ страны, а потому старались овладѣть имъ, но не всегда успѣшно. Робертъ Гростестъ, совѣтовавшій духовенству проповѣдывать по-англійски, сочинилъ на французскомъ языкѣ аллегорическую поэму «Замокъ Любви», нѣчто въ родѣ духовнаго романа «Розъ»; въ ней всѣ мѣстности и дѣйствующія лица играютъ роль символовъ. Вильямъ Вадингтонъ написалъ, также по-французски, «Руководство для грѣшниковъ», не подозрѣвая, что его грамматика и просодія могутъ возбудить только смѣхъ.

Въ XIV вѣкѣ подобныя попытки становятся рѣже, но за то англійскіе переводы умножаются. Напримѣръ, въ началѣ этого столѣтія мы встрѣчаемъ переводы на англійскій языкъ въ стихахъ «Замка» и «Руководства» [1]) въ прозѣ знаменитой «Суммы добродѣтелей и грѣховъ», которую сочинилъ монахъ Лоренцъ для французскаго короля Филиппа III и одинъ экземпляръ которой, прикованный къ церкви святого Иннокентія, былъ доступенъ для

---

[1]) Французскій текстъ «Château» въ Carmina Anglo-Normannica. London. 1852; англійскіе тексты (ихъ нѣсколько) въ Minor poems of the Vernon ms, London. 1892.—Weymouth Castell off Love... an early english translation of an old French poem by Robert Grosseteste. London. 1884. «Manuel des Pechiez» и вольный его переводъ на англійскомъ языкѣ, сдѣланный въ стихахъ въ 1303 г. Робертомъ Манингомъ изъ Брюна (въ Линкольширѣ), напечатаны Фурнивалемъ: Handlyng synne. London. 1862 (сборникъ нравоучительныхъ исторій и примѣровъ). Тотъ же Манингъ (1260?—1340?) написалъ въ стихахъ, основываясь на Весѣ и Петрѣ изъ Лантофта (англичанинѣ, писавшемъ по-французски), хронику отъ Ноя до Эдуарда I: The Story of England. London. 1887 (Roles). 2 vol. Онъ, можетъ быть, еще авторъ размышленій о тайной вечерѣ, заимствованныхъ у св. Бонавентуры: «Miditacyunss on the soper of our Lord». London. 1875 (въ стихахъ).

чтенія всѣмъ вѣрующимъ, а также многихъ другихъ набожныхъ сочиненій, въ томъ числѣ «Вѣстника Міра», заключавшаго въ себѣ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта [1]). Въ этомъ Вѣстникѣ помѣщено много легендъ: между прочимъ, находится легенда о Животворящемъ Крестѣ, который, будто бы, состоялъ изъ трехъ деревъ: кипариса, кедра и сосны, во изображеніе св. Троицы. Эти три дерева возникли отъ трехъ сѣмянъ, которыхъ ангелъ, хранитель рая, далъ Сиѳу и положилъ подъ языкъ Адама послѣ его смерти; онѣ чудеснымъ образомъ сохранились на горной вершинѣ и играли важную роль въ еврейской исторіи, во времена Моисея, Соломона и т. д. Подобныя легенды придавали интересъ этого рода сборникамъ, которые не читались бы, еслибы чтеніе ихъ не было пріятнымъ; поэтому стихами услаждали слухъ, а романическими исторіями забавляли умъ. По словамъ Роберта Маннинга, который перевелъ «Руководство для грѣшниковъ», «многіе такъ созданы, что любятъ слушать сказки и стихи во время игръ и праздниковъ, а также за кружкою пива».

Рядомъ съ этими переводчиками и подражателями надо упомянуть о писателѣ, болѣе оригинальномъ, о Ричардѣ Роллэ, гампольскомъ схимникѣ, который замѣчателенъ своими англійскими и латинскими сочиненіями въ прозѣ и стихахъ [2]), а еще болѣе своимъ характеромъ. Онъ былъ первымъ въ томъ длинномъ рядѣ свѣтскихъ проповѣдниковъ, которые были такъ многочисленны въ Англіи и которые сами, обратившись къ Господу, ходили по всей странѣ, проповѣдуя и обращая на путь истины добрыхъ людей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждая смѣхъ злыхъ. Первые видѣли въ нихъ святыхъ, а послѣдніе—сумасшедшихъ. Такова была исторія Ричарда Роллэ, Джорджа Фокса, Буніана и Вес-

---

[1]) The Ayenbite of Inwyt or Remorse of Conscience by Michel of Nortghate. 1866. London (составлено въ 1340 г. (См. Legends of the holy Rood, symbols of the Passion and Cross poems in old English of the XI, XIV and XV centuries. 1871. London. — An old english Miscellany, containing a Bestiary, Kentish sermons, proverbs of Alfred and religeous poems of the XIII century. London. 1872. The religeous poems of Wiliam de Shoreham. 1849. London (о святыхъ тайнахъ, заповѣдяхъ, смертныхъ грѣхахъ и пр.—въ первой половинѣ XIV столѣтія). Cursor Mundi, the cursor of the World. London. 1874—1893. (7 частей, изданныхъ около 1300 г.) — составленъ по церковной исторіи Петра Коместора, «Празднику Благовѣщенія» Веса, «Замку Любви», Гростеста и пр. (Haenish. Inquiry into the Sources of the Cursor mundi. Ibid. VII). Это сочиненіе неправильно приписывалось Іоанну изъ Линдберга. Napier: History of the Holy Rood tree. London.

[2]) English prose treatises of Richard Rolle of Hampole. 1866. The Psalter by R. Rolle of Hampole (въ прозѣ съ комментаріями) Oxford 1884. Horstman: Jorkshire writers. 1895. Главное его сочиненіе по латыни: Stimulus Conscientiae переведена на англійскій языкъ, быть можетъ, имъ самимъ: The Pricke of Conscience. London. 1863.

лея; одинъ и тотъ же человѣкъ, только въ иной формѣ, повторялся изъ вѣка въ вѣкъ, и человѣчество встрѣчало его съ одной стороны благословеніями, а съ другой—насмѣшками.

Ричардъ былъ сыномъ своего вѣка и не вступилъ въ ряды духовенства. Онъ учился въ Оксфордѣ и, покинувъ родительскій домъ, посвятилъ себя созерцательной жизни. Онъ умерщвлялъ свою плоть, постился, молился и побѣждалъ соблазны. Однажды дьяволъ явился къ нему въ образѣ прекрасной молодой дѣвушки, которая нѣжно его полюбила. По временамъ онъ впадалъ въ изступленіе и оглашалъ воздухъ громкими стонами. Всѣ, кто посѣщали его, постоянно заставали схимника съ перомъ въ рукахъ, и если онъ отвѣчалъ на предложенные ему вопросы, то все-таки продолжалъ писать. Потомъ онъ покинулъ свое уединенное жилище и сталъ ходить взадъ и впередъ по странѣ, проповѣдуя самоотреченіе во имя Христа. Наконецъ, онъ поселился въ Гамполѣ, гдѣ написалъ главнѣйшія свои сочиненія, и умеръ въ 1349 году. Монахини сосѣдней обители были такъ увѣрены въ томъ, что его возведутъ въ санъ святого, хотя этого до сихъ поръ не произошло, что составили заранѣе церковную службу въ его честь, и такимъ образомъ его житіе дошло до насъ [1]).

Его стиль и развиваемыя имъ мысли вполнѣ соотвѣтствуютъ его жизни; въ основѣ его идей лежитъ мрачная печаль, а его сочиненія дышатъ страхомъ смерти и ада. Тонъ его произведеній также смѣшанъ, какъ была смѣшана его жизнь; за спокойными страницами, на которыхъ разсказываются душеспасительныя исторіи, слѣдуютъ восторженные, страстные взрывы, и его фразы становятся отрывистыми, нервными: «Іисусъ, Твое имя о, Имя чудесное! о, Имя достославное! Имя—выше всѣхъ именъ! Я ходилъ къ жаждущимъ богатства и не находилъ тамъ Іисуса, я искалъ Его среди всяческихъ суетъ, и Его тамъ не было. Я посѣтилъ общества свѣтскаго веселія и не видѣлъ тамъ Іисуса. Тогда я пошелъ въ страну бѣдности и тамъ увидалъ Его, возвратившагося на землю и лежавшаго въ ясляхъ» [2]).

Если мы оставимъ въ сторонѣ сомнительный вопросъ объ Ancren Riwle, то, безспорно, Ролле изъ Гамполя былъ первымъ, послѣ нормандскаго завоеванія, прозаикомъ, котораго можно назвать оригинальнымъ писателемъ; но для того, чтобы встрѣтиться съ нимъ, надо пройти всю первую половину XIV столѣтія. Когда онъ умеръ, въ 1349 году, то Чосеру было уже десять лѣтъ, а Виклифу—тридцать.

---

[1]) Officium de Sancto Ricardo heremita (вставлены стихи въ честь святого) English prose treatises.

[2]) Ibid. Rihardi Pampolitani... opuscula: Bibliotheca Veterum Patrum. Lyon. t. XXVI—1677. Nominis Iesu Encomion.

II.

Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ эпохи нормандскаго завоеванія и чѣмъ болѣе закрываются раны, нанесенныя этимъ завоеваніемъ побѣжденному народу, тѣмъ замѣтнѣе образуется среди туземцевъ Англіи кругъ читателей для разныхъ литературныхъ произведеній, кромѣ проповѣдей.

Большинство англійскихъ дворянъ быстро подчинилось побѣдителямъ и сохранило за собой, или выкупило секвестрованные свои земли. Присоединясь къ нормандской партіи, они старались во всемъ подражать ей; они завели, по примѣру чужестранцевъ, замки и трубадуровъ, а также переняли у нихъ литературныя произведенія, именно романы. Они научились французскому языку, но англійскій остался ихъ естественнымъ національнымъ нарѣчіемъ; съ теченіемъ времени явилась и собственная литература, англійская—по языку и французская—по идеѣ и формѣ. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія начались переводы французскихъ романовъ: дебютировали съ военныхъ разсказовъ, а потомъ слѣдовали новеллы любви.

Такимъ образомъ въ 1205 году Лайамонъ написалъ первый романъ въ стихахъ, послѣ Беовульфа, въ англійской литературѣ. Въ этой поэмѣ, носящей названіе «Brut», всѣ слова англосаксонскія, за исключеніемъ какихъ-нибудь пятидесяти, которыя явно французскія, но на каждой страницѣ, почти въ каждой фразѣ обнаруживаются рыцарскіе идеи и вкусы, занесенные французами. Ихъ постоянныя стремленія соединить свои идеи съ туземными преданіями принесли плодъ. Для Лайамона слава бретонцевъ—слава англійская, и онъ радостно повѣствуетъ объ ихъ побѣдахъ надъ своими соотечественниками саксонцами. Англосаксонецъ Бедій и нормандецъ Весъ для него одинаковые авторитеты, заслуживающіе равнаго уваженія. По его словамъ, «онъ поставилъ передъ собою ихъ сочиненія и смотрѣлъ на нихъ съ любовью, а потомъ взялъ перо и сталъ писать на пергаментѣ, заимствуя слова какъ у одного, такъ и у другого». Преимущественно онъ вдохновлялся Весомъ, но перефразировалъ его; этотъ пересказъ гораздо длиннѣе подлинника и онъ приводитъ такія легенды и такія разсужденія, о которыхъ не имѣлъ и понятія Весъ. Его разсужденія обыкновенно имѣютъ характеръ вызывающій. Прежде чѣмъ убивать, воины вызываютъ другъ друга на бой; положивъ на землю своего врага, побѣдитель доставляетъ себѣ удовольствіе издѣваться надъ нимъ и говорить: «ты хотѣлъ побѣдить Британію? Вотъ она теперь подъ твоей рукой», или: «ты хотѣлъ въ своей гордости забраться на небо, ну, такъ отправляйся въ адъ и кланяйся отъ меня Генгисту, Горзѣ и дру-

гимъ» [1]). У Веса нельзя встрѣтить ничего подобнаго злобнымъ насмѣшкамъ Лайамона, которыя напоминаютъ жестокій тонъ первобытныхъ греческихъ и скандинавскихъ эпопей:. Такъ говорилъ Патроклъ о Кебріонѣ, который упалъ въ его колесницу головой впередъ: «онъ казался пловцомъ, который ныряетъ въ воду въ поискахъ за устрицами».

Послѣ Лайамона переводы и переложенія сильно умножаются. Для туземцевъ пишутся хроники въ стихахъ по примѣру норманд-цевъ, а также рыцарскіе романы [2]). Вкусъ къ приключеніямъ и къ разсказамъ о нихъ мало-по-малу распространился среди островитянъ, которыхъ побѣдители водили за собою по всему свѣту. Странствующіе поэты на англійскомъ языкѣ стали появляться въ значительномъ числѣ. Ни одинъ праздникъ не обходился безъ ихъ присутствія и безъ ихъ пѣсенъ. Они пользовались любезнымъ пріемомъ въ замкахъ, проникали въ монастыри и, останавливаясь на площадяхъ, разсказывали народной толпѣ о приключеніяхъ Карла Великаго и Ролана [3]). Въ XIII и XIV вѣкахъ почти всѣ исторіи героевъ: троянскихъ, римскихъ, французскихъ и бретан-скихъ были переложены на англійскіе стихи, для тѣхъ, которые не знали и никогда не слыхали французскаго языка. «Здѣсь лю-бятъ [4]),—писалъ около 1300 года авторъ «Вѣстника Міра»:—слушать и читать разсказы объ Александрѣ Великомъ, Юліѣ Це-зарѣ, страшныхъ войнахъ Греціи и Трои, «гдѣ столько людей по-платилось жизнью», о Брутѣ, «храбромъ баронѣ—первомъ за-воевателѣ Англіи», о королѣ Артурѣ, о Карлѣ и Роланѣ, кото-рые боролись съ сарацинами, никогда не попадая въ плѣнъ, о любви Тристана и Изольды, о королѣ Іоаннѣ и объ Изумбрасѣ, Идоинѣ и Амадисѣ; вообще разсказы о всякаго рода предме-тахъ, о князьяхъ, прелатахъ и государяхъ, во всякой формѣ и въ

[1]) Layamon's Brut, or Chronicle of Britain, a poetical semi-Saxon paraphrase of the Brut of Wace. London. 1847, 3 vol. См. насчетъ хроникъ съ тѣмъ же заглавіемъ: P. Meyer: De quelques chroniques anglonormandes, qui ont porté le nom de Brut. Paris. 1878. Лайамонъ, сынъ Леовената, жилъ въ Ернлеѣ, теперь Нижній Эрли, на Севернѣ, близъ Уэльса. Его романъ въ изданіи Маддена имѣетъ 32.241 стихъ, а сочиненіе Веса (1155)—15.300. См. Le Roux de Lincy: Roman de Brut. Rouen. 1836. 2 vol. Стихи Лайомона то съ аллитераціей, то съ рифмой. Рукопись Британскаго музея подъ Otho, C. XIII заключаетъ въ себѣ позднѣйшій варіантъ (начало XIV стол.). Brut. См. Ward Catalogue of Romances. 1883. cf. Anglia I—II.

[2]) Объ источникахъ Роберта см. Anglia, X.

[3]) Насчетъ странствующихъ пѣвцовъ, ихъ пѣсней, образа жизни, музы-кальныхъ инструментовъ, распространенія ими идей реформаціи и т. д. см. мое сочиненіе: Les Anglais aux Moyennâge. La vie nomade et les Routes d'An-gleterre, par J. Jusserand. Paris. 11, I.

[4]) Romance of Wiliam of Palerne. 1868, переведено съ французскаго около 1350 г. по приказанію Гумфрея Богуна.

самыхъ разнообразныхъ стихахъ: по-французски, по-англійски, полатыни» [1]).

Французскіе поэты усвоили себѣ очень много германскихъ, или скандинавскихъ преданій, какъ, напримѣръ, исторію датчанина Гавелока, который кончилъ тѣмъ, что царствовалъ въ Англіи, и Горна съ его невѣстой Рименгильдой; но англійскіе ихъ собратья переняли эти поэмы, оставивъ своимъ собственнымъ древнимъ героямъ французскую оболочку. Гольдборо, или Аржентилія, героиня романа о Гавелокѣ, была первоначально валькиріей и во французской маскѣ она почти неузнаваема, но англичане очень любили ее въ этомъ видѣ [2]).

Въ этомъ поэтическомъ пантеонѣ находятъ мѣсто и англійскіе герои позднѣйшей эпохи, но, благодаря французамъ, которые ввели ихъ въ моду. Такъ были написаны сначала по-французски, а потомъ по-англійски исторія Вальтеофа и удивительныя приключенія сэра Гая Варвика, который женился на прелестной Фелиціи, ходилъ съ крестоносцами въ Палестину, убилъ на возвратномъ пути великана Кольбрана и набожно умеръ въ скитѣ. Точно также разсказаны подвиги знаменитаго разбойника Фолька Фицъ-Ворена, прототипа Робина Гуда, который жилъ въ лѣсахъ съ прекрасной Магильдой, подобно тому, какъ Робинъ Гудъ съ своей прекрасной Марьяной [3]). Многіе изъ этихъ героевъ, въ особен-

---

[1]) Cursor Mundi, V. На счетъ варіантовъ англійскихъ средневѣковыхъ романовъ см. изданія обществъ первоначальныхъ англійскихъ текстовъ, Камденскаго, Перси, Рокебургскаго клуба, Банатинскаго клуба и Alt-englische Bibliothek Кельбинга (Heilbronn); Metrical romances of the XIII, XIV and XV centuries by H. Weber. Edinburgh. 1810. 3 vol. Catalogue of ms. Romances in the British Museum. Въ изданіяхъ Early English text Society напечатаны романы: Ferumbras, Otuel, Huon of Burdeux, Charles the grete, Four sons of Aymon, Sis Bevis of Hamton, King Horn, Havelok the Dane, Guy of Warwick, William of Palerme и пр.

[2]) Другой чертой, доказывающей скандинавское происхожденіе романа, служитъ огонь, выходящій ночью изо рта героя и подтверждающій, что онъ королевскаго рода. Дѣйствіе происходитъ въ Даніи, Линкольнѣ, Глостерѣ и т. д. Гербъ этого послѣдняго города, сдѣланный въ XIII вѣкѣ, представляетъ Гавелока, Аржентилію и Грима, основателя города, усыновившаго Гавелока. Французскій текстъ написанъ Гаймаромъ (напечатанъ въ Lestorie des Engles 1888), а англійскій варіантъ (Havelock the Dane. 1868) составленъ въ 1296—1300. См. письмо Гельса въ Atheneum. 23 февр. 1889 г. Французскій текстъ «Горна» (написанъ Томасомъ въ 1170 г.). Die Anglonomanische Lied von Wackern Ritter Horn. Marburg. 1883. Англійскій текстъ: King Horn with fragments of Floriz and Blancheflur. London. 1886. (по рукописи, XIII, находящейся въ Кембриджѣ) Ward: Catalogue of Romances. I.; Anglia IV; Romania XV.

[3]) Часть приключеній Фулька исторически вѣрна; именно его возстаніе въ 1201 г. Его жизнь разсказана въ одной французской поэмѣ, написанной въ 1314 г., которая сохранилась въ прозаическомъ пересказѣ 1320 г.; англій-

ности Гай Варвикъ, пользовались такой популярностью, что она едва-ли исчезла въ настоящее время; ихъ исторіи были перепечатаны въ эпоху возрожденія, онѣ читались при Елизаветѣ и передѣлывались въ драму, а когда Дефо, Ричардсонъ и Фильдингъ ввели въ моду романы иного рода, то онѣ продолжали свое существованіе если не въ гостиныхъ, то въ низшихъ аудиторіяхъ. Онѣ служили сюжетомъ тѣхъ маленькихъ, дешевыхъ, народныхъ книжечекъ [1]), которыя перепечатывались до настоящаго столѣтія и которыя писались авторами, по ихъ собственнымъ словамъ, «изъ любви къ англійскому народу, къ народу веселой Англіи» [2]).

Веселая Англія знала всѣ формы французской веселости; она подражала французскимъ пѣснямъ и заимствовала французскія новеллы. Эти новеллы были очень далеки отъ англосаксонскаго духа, но онѣ проникли въ Англію вмѣстѣ съ другими произведеніями французскаго ума и исполнили роль искуссой прививки; на литературномъ деревѣ, привитомъ подобнымъ образомъ, явились плоды, которые никогда не достигли бы зрѣлости безъ нормандскаго завоеванія: мы разумѣемъ сочиненія Чосера, Свифта и Стерна. На англійскіе стихи были переложены самыя комическія и скабрезныя французскія новеллы отъ XIII до XV столѣтія. Въ этой англійской формѣ мы находимъ исторіи плачущей собаки [3]), пѣснь о рогѣ [4]), сказку о кошелькѣ, полномъ разу-

---

ская поэма того же содержанія пропала (Ward: Catalague of Romances, I»). Текстъ помѣщенъ у Стивенсона въ концѣ его Радульфа изъ Когешиля (Rolls) и въ Moland et d'Héricault: Nouvelles en prose du XIV siécle. Paris. 1858. См. также жизнь разбойника Гереварда (по-латыни, въ XII ст.); de gestis Herewardi Saxonis въ Chroniques Anglo-normandes de F. Michel. Rouen. 1836—1840. t. II. Очень возможно, что Робинъ Гудъ дѣйствительно жилъ во времена Эдуарда II, но почти всѣ разсказываемыя о немъ исторіи прежде разсказывались о другихъ разбойникахъ, именно о Геревардѣ и Фулькѣ Фитцъ-Вернѣ. Ward: Catalogue of Romances. Онъ былъ очень популяренъ, какъ герой, въ XIV вѣкѣ, но большинство дошедшихъ до насъ пѣсенъ о немъ принадлежитъ къ XVI столѣтію.

[1]) О превращеніяхъ Гая Варвика и о рисункахъ дешевыхъ книжечекъ см. мое сочиненіе: English novel in the time of Shakespeare, I и VII (facsimile рисунковъ).

[2]) Cursor Mundi.

[3]) Dame Siriz въ Th. Wright: Anecdota Literaria. London. 1844. и въ Goldbeck und Mätzner: Altenglische Sprachproben. Berlin. 1867. Французскій текстъ въ Castoiement d'un père à son fils, Fabliaux, t. II. Англійскій текстъ относится къ XIII столѣтію; эта исторія локализирована въ Англіи, и въ ней говорится о Ботольфстонѣ, т.-е. св. Ботольфѣ или Бостонѣ.

[4]) Исторія рога, изъ котораго обманутые женами мужья не могли пить вина, не расплескавъ его. Артуръ предлагаетъ своимъ рыцарямъ попытать счастья, и очень удивленъ, когда этотъ опытъ обращается противъ него. Французскій текстъ (Flouet: Le Lai du Cor. Lond. 1888) составленъ Робертомъ Бике въ XII столѣтіи, и его единственная рукописная копія списана была въ Англіи. Англійскій текстъ: The Cokwolds Daunce (по рукописи XV

ма [1]) и объ источникѣ [2]), хвалебное слово Коканьской странѣ и т. д. «Хотя въ раю было весело и радостно, но Коканьская страна красивѣе на взглядъ: въ раю виднѣлись только газонъ, цвѣты и зеленыя вѣтви, тамъ пили только одну воду и жили только два человѣка—Илья и Енохъ, такъ что жизнь съ ними, вѣроятно, было очень мрачна» [3]). Напротивъ, въ Коканьской странѣ «всѣ ѣдятъ мясо и пьютъ безъ конца... день не прекращается и нѣтъ ночи... не существуетъ ни злыхъ людей, ни змѣй, ни волковъ, ни лисицъ, ни мухъ, ни блохъ», а только изобилуетъ тамъ вино, молоко, рыба и сладкіе пирожки; общество же такое веселое, что его, конечно, ни замѣнить Ильѣ и Еноху.

Конечно, подобныя поэмы не имѣли ничего общаго съ саксонскимъ духомъ, въ особенности полусвятотатственный ихъ характеръ, который былъ бы полнымъ святотатствомъ, еслибы авторъ придавалъ серьезный тонъ своимъ словамъ. Такъ, напримѣръ, Окасенъ не хотѣлъ идти въ рай, говоря: «что мнѣ тамъ дѣлать? Я вовсе не забочусь о раѣ, а желалъ бы только сохранить при себѣ мою любимую Николетту» [4]). Но не надо вѣрить буквально Окасену, такъ какъ на французскомъ винѣ всегда есть пѣна.

Другія англійскія поэмы поднимали на смѣхъ рыцарскіе обычаи [5]), или служили перифразировкой знаменитаго романа о Лисѣ. Но французскій духъ такъ усвоился въ Англіи, что часто подражаніе было лучше подлинника. «Лиса пошла въ лѣсъ, обуреваемая злобой и голодомъ; никогда она не была такъ голодна, но она удалялась отъ тропинокъ, чтобы не встрѣтиться съ человѣческимъ существомъ, и ей было бы пріятнѣе встрѣтить цыпленка, чѣмъ полсотни людей» [6]); однако ей не попалось ни одного куренка, и

вѣка) въ Hazlitt: Remains of the early popular poetry of England. London. 1864. t. I; Le Mantel mautaillé въ Montaiglion et Raynand; t. III. См. La Coupe enchantée, Лафонтена.

[1]) How a Marchande dyd hys wife betray (XIV стол.) въ Haslitt: Remains. t. I. Французскій текстъ: De pleine bourse de sens, par Jean le Galois въ Montaiglon et Raynaud: Recueil général. t. III.

[2]) The tale of the Basyn—въ C. Hartschorne: Ancient metrical tales. London (по рукописи XV стол.). 1829.

[3]) Goldbeck und Mätzner: Altenglische Sprachproben. Berlin. 1867. t. I. Land of Cokaygne (конецъ XIV или начало XV стол.); французскій текстъ въ Barbason et Méon: Fabliaux, t. III.

[4]) Aucassin et Nicolette—въ Moland et d'Héricault. Nouvelles françaises en prose du XIII siècle. Paris. 1856.

[5]) The Tuurnament of Totenham (XV вѣка) въ Hazlitt. Remains.

[6]) The Vox and Wolf—принадлежитъ къ эпохѣ Эдуарда I: Mätzner: Alt englische Sprachproben. I. Wright: Latin stories. 1842. London. Это приключеніе въ колодцѣ разсказано въ IV части французскаго текста: Roman de Renart. Strasbourg. 1882, t. I.

полумертвая отъ голода, она рѣшается утолить хоть жажду. Остановившись передъ колодцемъ съ двумя ведрами на цѣпи, лиса садится въ одно изъ ведеръ и опускается внизъ, но уже не можетъ подняться на верхъ и плачетъ отъ злобы. Естественно проходитъ мимо волкъ, и между ними начинается разговоръ. Лиса, болѣе голодная, чѣмъ когда-либо, такъ ловко обходитъ волка, что онъ занимаетъ ея мѣсто, при этомъ она говоритъ такъ остроумно, что въ англійскихъ стихахъ слышенъ умъ Фигаро и Скапена, а волкъ отвѣчаетъ на языкѣ Оргона. Лиса позволяетъ волку опуститься въ рай, гдѣ она находится, только послѣ покаянной исповѣди и торжественнаго заявленія, что онъ прощаетъ всѣмъ своимъ врагамъ, въ томъ числѣ и ей. Исполнивъ всѣ эти требованія, волкъ опускается въ колодезь, а лиса поднимается наверхъ. Встрѣтившись съ волкомъ на половинѣ колодца, лиса злобно говоритъ:—«Прощай, я очень рада, что ты будешь вести святую жизнь послѣ своего покаянія; я отслужу обѣдню за упокой твоей души». Но, вмѣсто того, лиса объявляетъ сосѣднимъ монахамъ, что въ колодцѣ сидитъ дьяволъ, и они, вытащивъ волка съ большимъ трудомъ, бьютъ его палками и травятъ собаками.

Нѣсколько граціозныхъ разсказовъ о любви, очень популярныхъ во Франціи, были переведены и пользовались большой славой среди англичанъ, которымъ стали нравиться подобныя произведенія; въ числѣ этихъ разсказовъ первое мѣсто занимали Амисъ и Амилія, Флорій и Бѣлянка и т. д. [1]). Что касается до пѣсенъ, то англичане, подобно французамъ, слагали пѣсни майскія, спорныя и т.д. [2]),

---

[1]) Французскій текстъ «Floire» находится въ Edelstan du Meril: Poèmes du XIII-e siècle. Paris. 1856; англійскій текстъ въ Floris and Blauncheflur, mittelenglisches Gedicht aus dem 13 Jahrhundert. Berlin. 1855. Популярность «Флорія» въ Англіи доказывается тѣмъ, что существуетъ четыре или пять различныхъ варіантовъ этой исторіи. Французскій текстъ «Amis» въ прозѣ помѣщенъ въ Moland et Hericault; Nouvelles du XIII siècle. 1856; французскій и англійскій текстъ въ стихахъ: Amis and Amiloun. Heilbrun. 1884. Нѣсколько пѣсенъ Маріи Французской также переведено на англійскій языкъ, напримѣръ: «Sir Launfal», Томасомъ Честромъ въ XV вѣкѣ. Ritson: Metrical Romances, 1802; «Le Lay le Freine» помѣщенъ въ Anglia, III.

[2]) Нѣсколько пѣсенъ весны и любви находятся въ Specimens of lyric poetry composed in England in the reign of Edward I. London. 1842. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ значительное число пѣсенъ, сложенныхъ въ Англіи на англійскомъ и французскомъ языкахъ, а нѣкоторые состоятъ изъ смѣшенія стиховъ англійскихъ, французскихъ и латинскихъ. Что касается до «спорныхъ пѣсенъ» (disputoisons), то можно указать на The thrush and the Nightingale (споръ о достоинствѣ женщинъ, относящійся къ XIV стол.).— Hazlitt: Remains of the early popular poetry of England. London. 1864. 4 vol. и въ томъ же сборникѣ на The debate of the Carpenter's tools (споръ между инструментами столяра). The Owl land the Nightingale (Сова и Соловей) напечатанъ Стивенсеномъ въ изданіи Роксбургскаго клуба и составляетъ споръ

Открыта подписка на новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ:

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ.

ЭДУАРДА Б. ТЭЙЛОРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ,

исправленное и дополненное по послѣднему англійскому изданію,

подъ редакціей Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО

въ 2-хъ томахъ.

Томъ I вышелъ изъ печати и разсылается подписчикамъ.

Содержаніе: Наука о культурѣ.—Развитіе культуры.—Переживаніе въ культурѣ.—Эмоціональный и подражательный языкъ.—Искусство счисленія.—Миѳологія.

Томъ II выйдетъ въ декабрѣ.

По выходѣ II тома цѣна будетъ повышена.

Цѣна за оба тома по подпискѣ **2** р. **50** к., съ пересылкой **3** р. *).

При требованіи наложеннымъ платежомъ къ суммѣ **3** р. (2 р. 50 к. стоимость сочиненія и 50 к.—перес.) прибавляется **10** коп. за наложенный платежъ.

Подписка принимается въ конторѣ изданій **О. Н. Поповой** (Спб., Невскій, 54, библіотека Черкесова) и ея отдѣленіяхъ (Спб., Спасская, 15, контора журнала „НОВОЕ СЛОВО“) и **Москва**, книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, д. Спиридонова.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору изданій.

Вышелъ новый Каталогъ изданій О. Н. Поповой; по требованію высылается безплатно.

*) Пересылку изданій по подпискѣ контора ни въ какомъ случаѣ на свой счетъ не принимаетъ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

РЕКЛЮ, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ посл. франц. изд., подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Спб. 1895 г. (Осталось небольшое число полныхъ экз., въ переплетѣ по 2 т. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 8 р. 50 к.).

Вып. I. Ч. I. Земля какъ планета.—Ч. II. Суша. Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 карт. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 10 к. (Вып. I *распроданъ*).—Вып. II. Ч. III. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Съ 52 рис. и 4 карт. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к.—Вып. III. Ч. IV. Подземныя силы. Съ 61 рис. и 4 карт. Ц. 1 р. 10 к., съ пер. 1 р. 30 к.—Вып. IV. Ч. V. Океанъ. Съ 73 рис. и 3 карт. Ц. 1 р. 10 к., съ пер. 1 р. 30 к. Вып. V. Ч. VI. Атмосфера и воздушныя явленія. Съ 66 рис. и 5 карт. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.—Вып. VI. Ч. VII. Жизнь. Съ 81 рис. и 3 карт. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к.

МИХАЙЛОВСКІЙ, Н. К. Критическіе опыты. Т. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Складъ въ конторѣ журнала «Русск. Богатство» (Бассейная, 10).

КАРѢЕВЪ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895 г., 300 стр. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КАРѢЕВЪ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Грецiя и Римъ). Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

КРИВЕНКО, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 45 к.

РУБАКИНЪ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СТАНЮКОВИЧЪ, К. Морскіе силуэты. Нянька.—Матроска.—Генералъ-арестантъ. Спб. 96 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

СТАНЮКОВИЧЪ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЛЕББОКЪ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Спб. 95 г. 80 к., съ перес. 1 р.

ШЕЛГУНОВЪ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Второе доп. изд. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 70 к.

ШЕЛГУНОВЪ, Н. В. Очерки русской жизни. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

ГИББИНСЪ, Г. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

КОРЕЛИНЪ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

ГОЛЬЦЕВЪ, В. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 45 к.

ОСТРОГОРСКІЙ, ВИКТОРЪ. Изъ исторіи моего учительства.—Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1895 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

ЛЕТУРНО, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 96 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

ДИТЯТИНЪ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 96 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 80 коп.

РУБАКИНЪ, Н. А. Приключенія двухъ кораблей. (Изд. для народа). Спб. 1896 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

РУБАКИНЪ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ. Съ рисунками: Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 18 к., съ перес. 23 к.

МИНЬЕ. Исторія французской революціи. Пер. подъ ред. и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го рус. изданія, допущ. въ библіотеки средне-уч. заведеній. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ЮНАСЪ-ЛИ. Ніобея. Романъ. Цѣна 60 к., съ пер. 75 коп.

ДОБРОЛЮБОВЪ, Н. А. Собраніе сочиненій. 4 т. Спб. 1896 г. Цѣна безъ пересылки 7 р. Пересылка по разстоянію за 9 фунтовъ.

ДАРВИНЪ, Ч. Сочиненія. 2 т. Цѣна безъ пересылки 4 р. 50 к.

МАРМЕРИ, Д. В. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Пер. съ англ. съ прилож. библіографич. указателя научныхъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 1896 г. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

БУАСЬЕ, ГАСТОНЪ. Картины древне-римской жизни. Очерки обществ. на строенія временъ цезарей. (Opposition sous les césars). Пер. съ франц. Е. В Дегена. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

ИНГРЭМЪ. Исторія рабства. Пер. З. Журавской, съ дополненіями. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГАРДИНЕРЪ, С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603—1660—г. **ЭЙРИ, О.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово, Спб. Спасская ул., д. № 15, или изъ конторы изданій *О. Н. Поповой* (Спб. Невскій, 54, библіотека Черкесова), за пересылку не платятъ, исключая **сочиненій Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.**

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Добролюбовъ, Н. А. СОЧИНЕНІЯ. Изд, 5-е, въ 4 томахъ, съ портретомъ, факсимиле и изображеніемъ памятника Н. А. Добролюбова и его біографіей, составленнной *А. М. Скабичевскимъ*. Ц. 7 р., за перес. по разстоянію за 9 фунт.

Дарвинъ, Чарльзъ. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ двухъ томахъ. Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Цѣна 4 р. 50 к.

Томъ I. Вступительная статья проф. *К. Тимирязева.*—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. *К. Тимирязева.*—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ „Бигль». Пер. *Е. Бекетовой,* подъ ред. проф. *А. Бекетова.*—Происхожденіе видовъ. Нов. пер. проф. *К. Тимирязева.*—**Томъ II.** Происхожденіе человѣка и половой подборъ Пер. проф. *И. Сѣченова.*—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Пер. академ. *А. О. Ковалевскаго.*

Элизе Реклю. ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ. *Всемірная географія.* Вып. I. **ШВЕЦІЯ и НОРВЕГІЯ.** Полный перев. съ франц. *П. Н. Краснова.* Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистич. таблицъ и библіографич. указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. *Съ 75 рисунками.* Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Дж. В. Мармери. ПРОГРЕССЪ НАУКИ, *его происхожденіе, развитіе, причины и результатъ.* Пер. съ англ. съ приложеніемъ библіографич. указателя русскихъ переводовъ классическихъ и научныхъ трудовъ, а также и другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Буасье, Гастонъ. КАРТИНЫ ДРЕВНЕРИМСКОЙ ЖИЗНИ. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Пер. съ франц. *Е. В. Дегена.* Ц. 1 р. 25 к.

Ингремъ, Дж. К. ИСТОРІЯ РАБСТВА *отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ.* Пер. съ англ. З. Журавской. Съ дополненіями изъ трудовъ Валлона, Турманя, Рамбо и Лависса, въ перев. Н. П. Новоборской. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Гардинеръ, С. Р. ПУРИТАНЕ и СТЮАРТЫ.—Эйри, Ф. РЕСТАВРАЦІЯ СТЮАРТОВЪ и ЛЮДОВИКЪ XIV. (Культурно-историч. библ.) Пер. съ англ. А. В. Каменскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. ВОЛЧІЯ СЫТЫ. Ром. въ 3 частяхъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. ПОПОВОЙ** изъ конторы журнала „НОВОЕ СЛОВО“ (Спб., Спасская ул., д. № 15) или изъ конторы изданій *О. Н. Поповой* (Спб., Невскій, 54, библіотека Черкесова) за пересылку не платятъ, исключая **сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.**

Каталогъ изданій высылается безплатно.

ная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ. 1896 г.—Землевладѣніе и сельское хозяйство.—Промышленность. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. Москва. 1896 г.—Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. VI. Спб. 1896 г.—Альфонсъ Дюнанъ. Народное законодательство въ Швейцаріи. Спб. 1896 г.—**Педагогія. Книги для народа.** М. И. Демковъ. Исторія русской педагогіи Ревель, 1896 г. — Эдмондъ Дэмоленъ. Какъ воспитывать нашихъ дѣтей Переводъ съ французскаго. Изданіе Б. Н. Лебедева. — Кон. Вентцель. Основныя задачи нравственнаго воспитанія. М. 1896 г.—Изданія Спб. Комитета Грам. 1896 г.—Народный театръ. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. М. 1896 г. — **Философія, психологія и этика.** Генри Друммондъ. Прогрессъ и эволюція человѣка. М. 1896 г.—М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Вып. I и II. Спб.—Генри Джоржъ. Прогрессъ и бѣдность. Пер. А. Г. Сахаровой подъ ред. А. К. Шеллера. Спб. 1896 г. . . . . 103—124

15. ДМИТРІЙ НАРКИСОВИЧЪ МАМИНЪ. А. Скабичевскаго. . . 125—142

16. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. Интересы дня. Скромныя европейскія торжества. — Открытіе статуи Борнса въ Пэвли.—Постановка гранитной доски на домѣ, гдѣ родился Ренанъ.—Столѣтній юбилей старѣйшаго въ свѣтѣ журнала.—Устройство народнаго театра въ Бюссанѣ.—Смерть творца шведской конституціи, отца норвежскаго языка и англійскаго поэта-соціалиста.—Конгрессы.—Защита уголовной антропологіи ея главами, Ломброзо и Ферри.—Допущеніе Россіи и Турціи въ международную парламентскую конференцію мира. . . . . 143—159

II. Между журналами и газетами. В. Т. . . . . 160—167

17. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

КЪ ВОПРОСУ О ПЕРЕОЦѢНКѢ НЕДВИЖИМЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ А. Ш. . . . . 168—172

ВОЛОСТНОЙ БЮДЖЕТЪ ВЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ. Кл. В—ва. 172—176

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Донской области. (Экономическое положеніе донского казачества). **С. Харитонова.**—Изъ Воронежа. (Пробужденіе воронежскаго губернскаго земства). **И. Николаевскаго.**—Изъ Череповца. (Что представляетъ изъ себя Череповскій уѣздъ и что ему нужно?) **К. Левина.** . . . . . 176—200

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Н. П—аго. . . . . 201—206

18. ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. С. К. . . . . 207—220

19. ОБО ВСЕМЪ. О. Барановой. . . . . 221—228

20. УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ «НОВОЕ СЛОВО» за 1-й годъ изданія. . . . . 229—240

21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

22. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана** . . . . . 113—144

Новые подписчики, подписавшіеся на журналъ до 1 января 1897 г., при одной изъ книжекъ послѣ 1 января получатъ вышедшіе 7 листовъ сочиненія Жюссерана «Исторія англійскаго народа въ его литературѣ». (Прилож. къ «Новому Слову» 1895—1896 года).

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1 октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, **«НОВОЕ СЛОВО»** поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на **запросы и нужды провинціи,** съ которою желательна **живая связь.** Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни.** Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще **«письма изъ провинціи».**

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, редакція желаетъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко,* проф. *И. В. Лучицкій, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Д. Л. Михаловскій, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, П. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. Пружанскій, Н. А. Рубакинъ, В. И. Савихинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ,* проф. *К. А. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.),* проф. *В. Г. Ярошкій, А. И. Эртель* и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается **съ осени,** мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западноевропейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ.** Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

СЪ 1-го ОКТЯБРЯ 1896 г. ПО 1-е ОКТЯБРЯ 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » » » на полгода . . .	5 » — »
» » » » на три мѣсяца. . .	2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ	9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ	12 » — »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой,** исключая **сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.**

Адресъ **конторы редакціи:** Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, **«Библіотека Черкесова».**

Москва: отдѣленіе конторы журнала **«НОВОЕ СЛОВО»,** книжный магазинъ **«Трудъ»,** Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., **за пересылку не платятъ,** исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова,** за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій по подпискѣ. **Каталогъ изданій** по требованію высылается **безплатно.**

Редакція проситъ авторовъ, не желающихъ печатать свои статьи съ редакціонными сокращеніями и измѣненіями, оговаривать это на рукописяхъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала просятъ присылать въ редакцію не позже мѣсячнаго срока съ обозначеніемъ № адреса.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р., изъ иногородныхъ въ городскіе 50 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Редакторъ **А. Н. Поповъ.** Издательница **О. Н. Попова.**

Угрорусъ — отпечатокъ законовъ, кот. слѣдовалъ
бывшихъ [illegible] и 2) имѣли обязательный
[illegible] торгово-[illegible]
прим. [illegible]